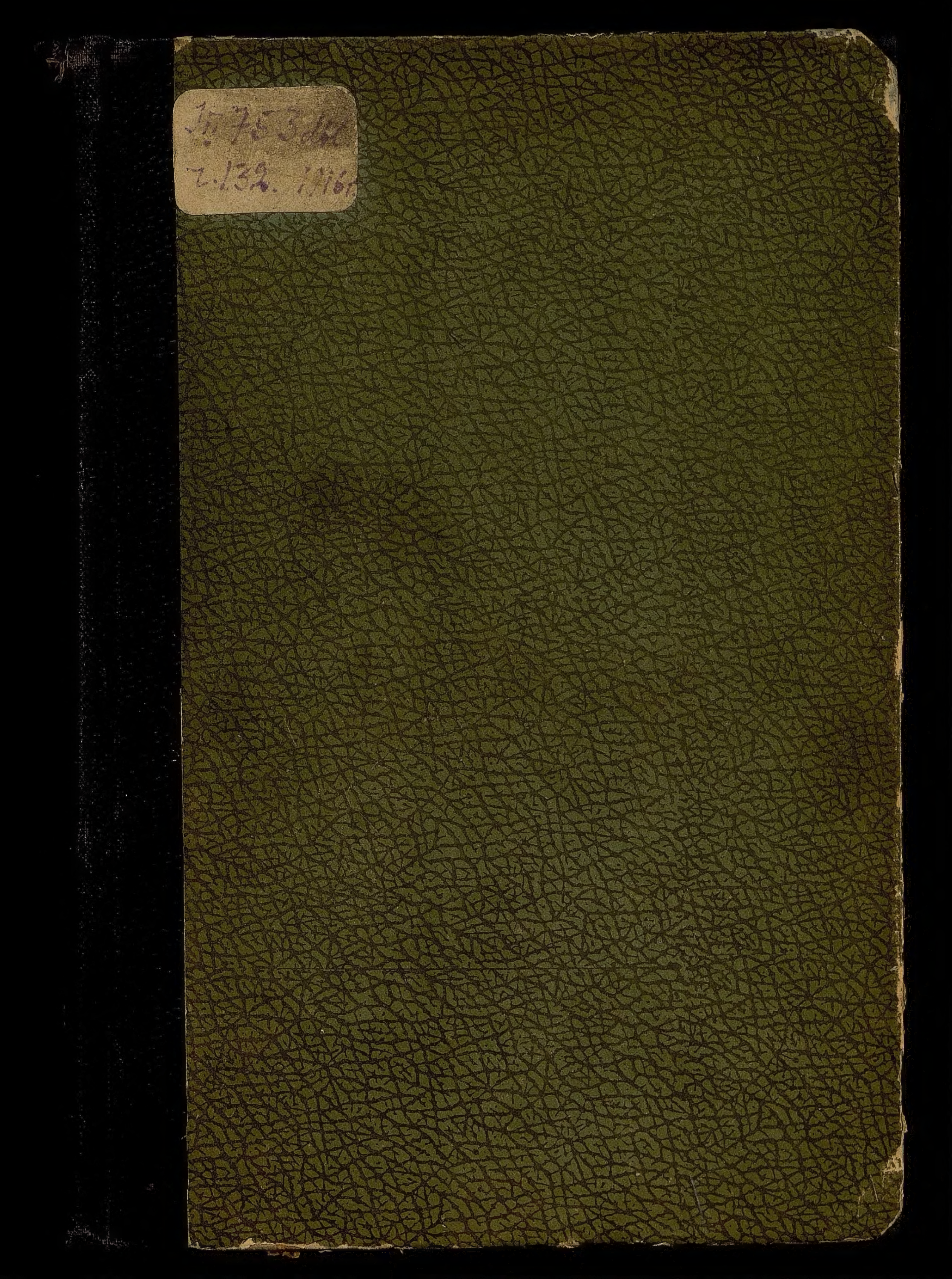
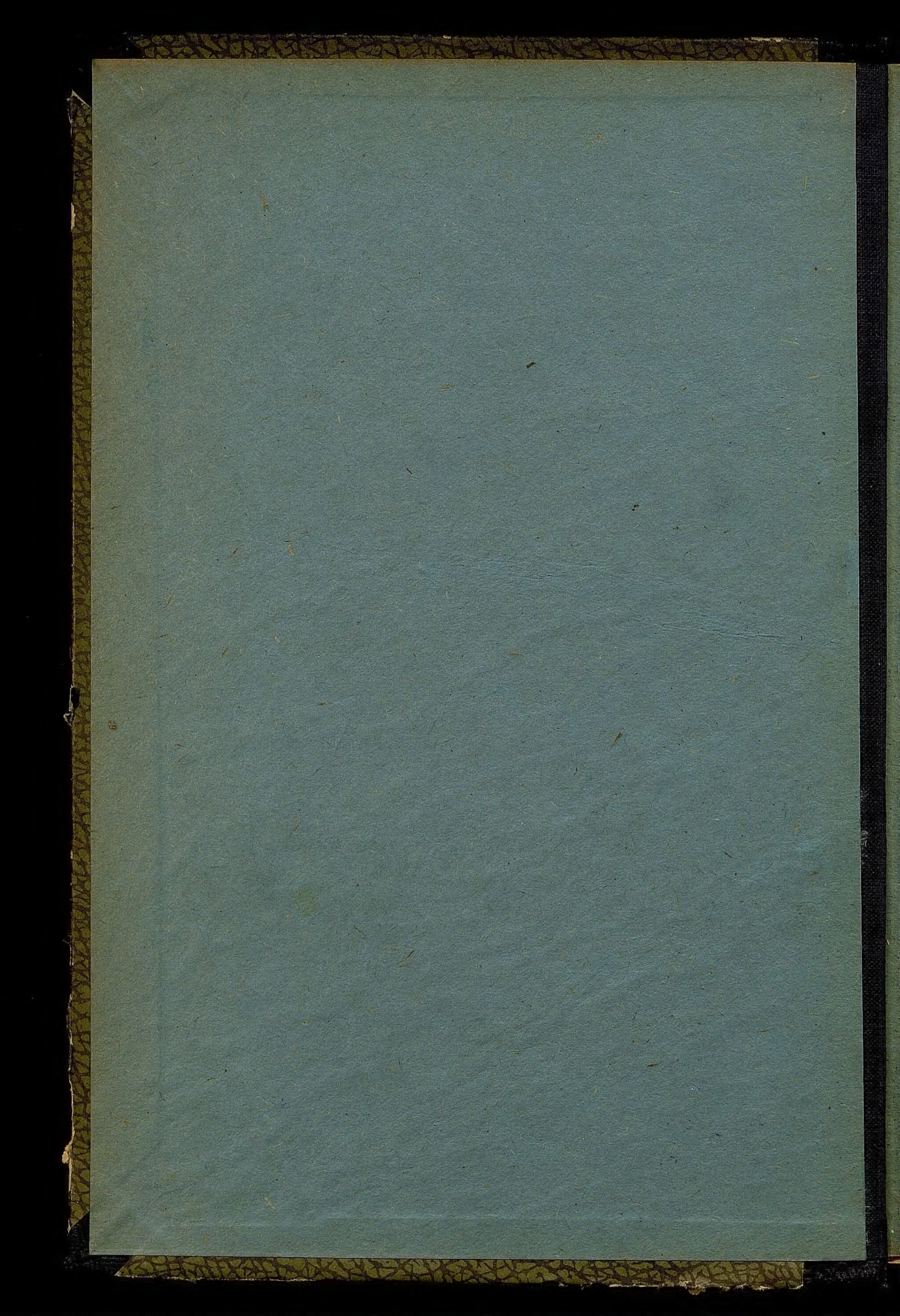
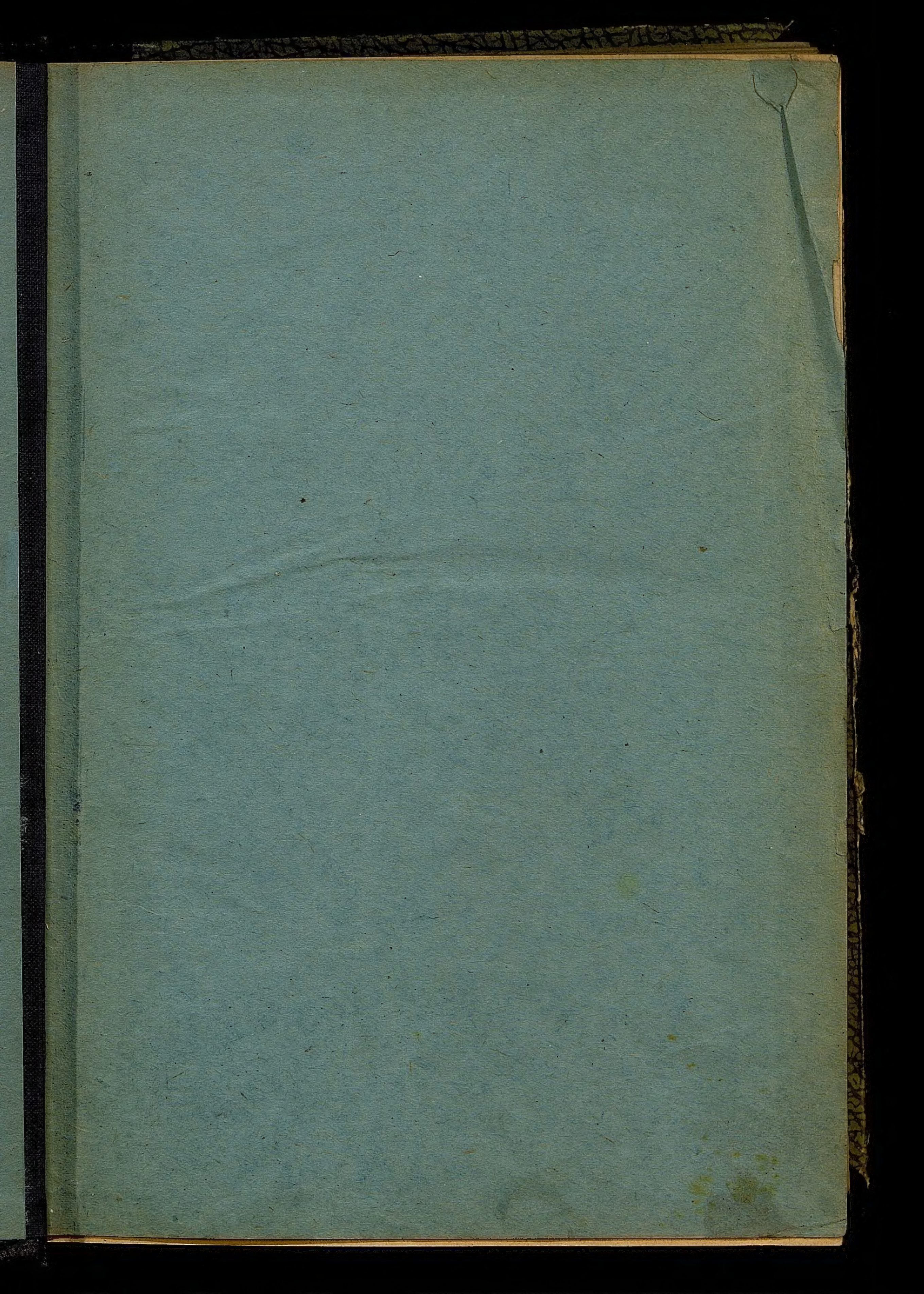
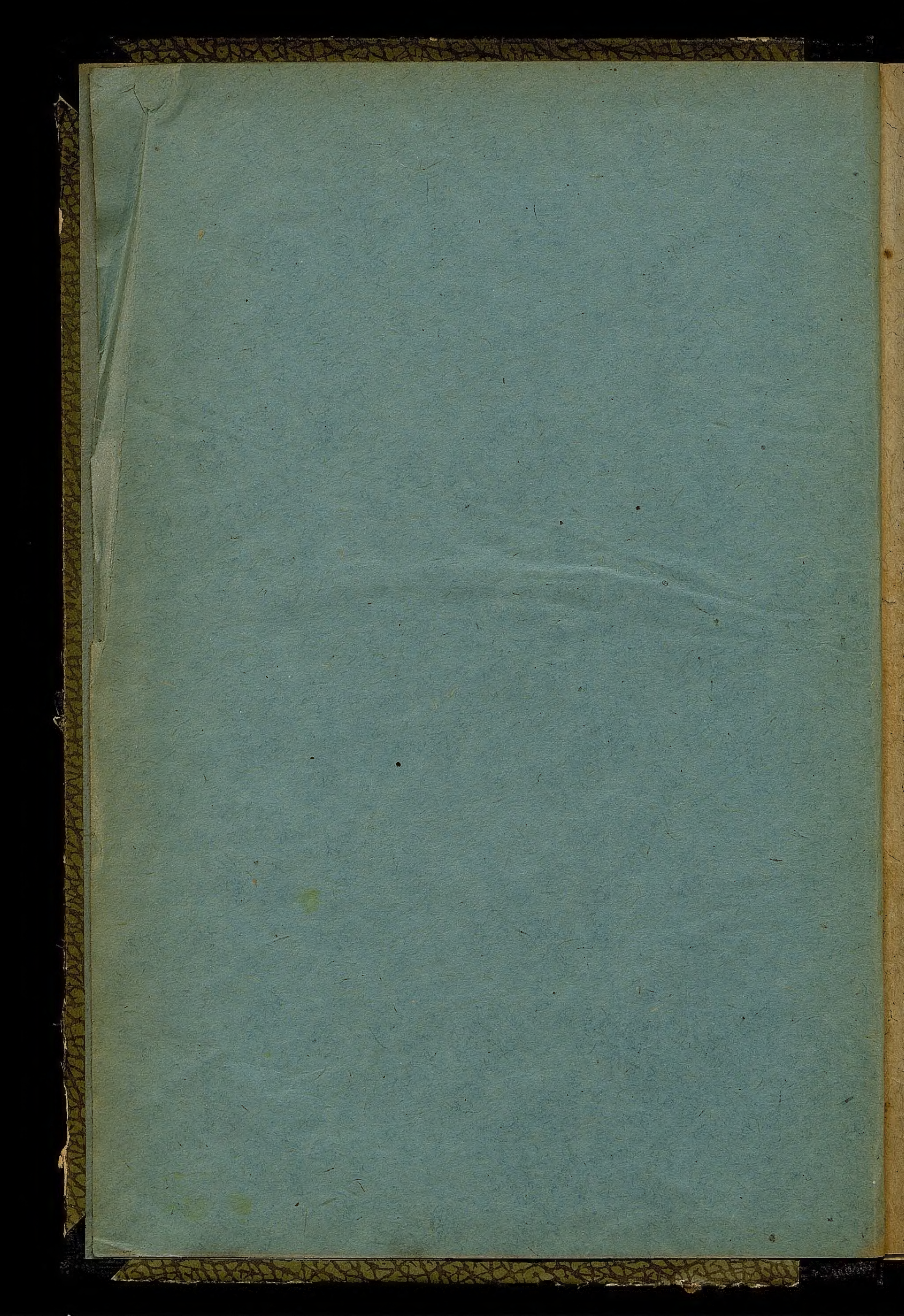

ЗАПИСКИ

Историко-филологическаго факультета

ИМПЕРАТОРСКАГО

ПЕТРОГРАДСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ CXXXII.

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1916.

Записки Историко-Филологическаго Факультета ИМПЕРАТОРСКАГО Петроградскаго Университета.

I. Прокопія Кесарійскаго. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами, Вандалами и Готѳами. Пер. съ греч. Сп. Дестуниса, комментарій Г. Дестуниса. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами. Кн. I-я. 1876. II. 1. Ioannis Boccacii ad Maghinardum de Cavalcantibus epistolae tres. Изд. А. Веселовскій. — 2. Индѣйскія сказки и легенды, собранныя въ Камаонѣ въ 1875 г. И. Минаевымъ. 1876. III. О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV в. М. Бережкова. 1879. IV. Изъ древней исторіи Болгаръ. Матвѣя Соколова. 1879. V. 1. Аѳонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ И. И. Севастьянова. Тимофея Флоринскаго. — 2. Antiphontis orationes. Edidit Victor Jernstedt. 1880. VI. Прокопія Кесарійскаго. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами, Вандалами и Готѳами. Пер. съ греч. Сп. Дестуниса, комментарій Г. Дестуниса. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами. Книга 2-я. 1880. Приложеніе: О покореніи и плѣненіи, произведенномъ Персами въ Аттической Аѳинѣ. Греческое стихотвореніе эпохи Турецкаго погрома. Изд., пер. и объясн. Г. Дестунисъ. 1881. VII. Психологія. Изслѣдованія основныхъ явленій душевной жизни. М. Владиславлева. Томы I и II. 1881 г. VIII. Крестьяне въ царствованіе Импер. Екатерины II. В. Семевскаго. 1881. IX. Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка. К. Грота. 1881. X. А. С. Пушкинъ въ его поэзіи (1799—1826). А. Незеленова. 1882. XI. Къ исторіи аѳинскихъ драматическихъ состязаній. П. Никитина. 1882. XII. Secrets d'état de Vénise. Documents et études servants à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV et au XVI siecle, par V. Lamanski. 1884. XIII. Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи. Е. Замысловскаго. 1884. Матеріалы для ист. геогр. атл. Россіи XV в. XIV. Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ. Г. Форстена. 1884. XV. Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы А. Барбашева. 1885. XVI. Буддизмъ. Изслѣдованія и матеріалы. И. Минаева. Томъ I. 1887. XVII. Серапіонъ Владимірскій, проповѣдникъ XIII в. Е. Пѣтухова. 1888. XVIII. Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи. А. Введенскаго. Часть первая. 1888. XIX. Исторія нравственныхъ идей XIX вѣка. Н. Ланге. Часть первая. 1888. XX. Сборникъ писемъ Герберта, какъ истор. источникъ. Н. Бубнова. 1890. XXI. Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Г. Форстена. Выпускъ 1-й. 1889. XXII. Города Московскаго государства въ XVI в. Н. Чечулина. 1889. XXIII. Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со времени смуты до эпохи преобразованій. А. Лаппо-Данилевскаго. 1890. XXIV. Св. Дмитрій Ростовскій и его время. И. Шляпкина. 1891. XXV. Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в. П. Сырку. 1891. XXVI. Порфиріевскіе отрывки изъ аттической комедіи. В. Ернштедта. 1891. XXVII. Сочиненіе Джильса Флетчера „On the Russe Common Wealth", какъ историческій источникъ. С. Середонина. 1891. XXVIII. Прокопія Кесарійскаго. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами, Вандалами и Готѳами. Пер. съ греч. Сп. Дестуниса, комментарій Г. Дестуниса. Исторія войнъ Римлянъ съ Вандалами. Книга первая. 1891. XXIX. Житіе иже во святыхъ отца нашего Ѳеодора, архіепископа Едесскаго. Издалъ И. Помяловскій. 1892. XXX. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Н. Карѣева. 1892. XXXI. Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Г. Форстена. Выпускъ 2-й. Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. А. Прѣснякова. 1893. XXXII. Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ. Часть I. С. Булича. 1893. XXXIII. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 1544—1648. Т. I. Борьба изъ-за Ливоніи. Г. Форстена. 1893. XXXIV. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 1544—1648. Т. II. Борьба Швеціи съ Польшей и съ Габсбургскимъ домомъ. Г. Форстена. 1894. XXXV. Житіе Св. Аѳанасія Аѳонскаго. Изд. И. Помяловскій. 1895. — Житіе Св. Григорія Синаита. Изд.

Проф. М. В. КЛОЧКОВЪ.

ОЧЕРКИ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ВРЕМЕНИ ПАВЛА I.

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1916.

Печатано по постановленію Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго Петроградскаго Университета.

Деканъ *Ө. Браунъ.*

28 апрѣля 1916 года.

Другу-женѣ

посвящаю

этотъ трудъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1908 году, занимаясь просмотромъ дѣлъ въ Сенатскомъ Архивѣ, я натолкнулся на матеріалы, относящіеся ко времени императора Павла I. Мое представленіе объ этомъ царствованіи было обычнымъ, основанныхъ на господствующей въ исторической литературѣ точкѣ зрѣнія, которая получила наиболѣе отчетливое и характерное выраженіе въ книгахъ Н. К. Шильдера, А. Г. Брикнера, Е. С. Шумигорскаго и др. Однако, читая подлинныя дѣла о событіяхъ этого царствованія, Высочайшіе указы, резолюціи Павла, административную переписку, я невольно замѣтилъ несоотвѣтствіе между моимъ представленіемъ о времени Павла и тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производитъ, хотя бы бѣглый, просмотръ подлинныхъ бумагъ Павловскаго царствованія. Дальнѣйшее систематическое изученіе матеріаловъ привело меня къ тому несомнѣнному (для меня) выводу, что въ исторической литературѣ время Павла освѣщено односторонне. Въ основу этого освѣщенія положены по преимуществу мемуары, матеріалъ противорѣчивый и пристрастный, къ которому при пользованіи слѣдуетъ относиться съ большой осторожностью. Къ тому же историками и писателями затронуты были лишь нѣкоторыя стороны этой эпохи: военныя преобразованія Павла, внѣшняя политика, придворныя событія, личная жизнь Павла и его семьи въ связи съ трагедіей 11 марта 1801 года, тогда какъ внутренняя правительственная дѣятельность, какъ таковая, или не затрагивалась вовсе или же разсматривалась попутно и въ бѣглыхъ чертахъ.

Это обстоятельство было причиной того, что я рѣшилъ заняться изученіемъ правительственной дѣятельности времени Павла I, положивъ въ основу своей работы новые архивные матеріалы въ видѣ Высочайшихъ указовъ и повелѣній, докладовъ и дѣлъ сената, переписки генералъ-прокурора и другихъ дѣлъ, взятыхъ по преимуществу изъ Архивовъ: Сенатскаго и Государственнаго. Мнѣ казалось, что этотъ именно матеріалъ, какъ наиболѣе вѣрно рисующій правительственную дѣятельность конца XVIII вѣка, и долженъ служить главнѣйшимъ основаніемъ при изученіи этой дѣятельности. Конечно, я пользовался и другими матеріалами, напр., письмами современниковъ и мемуарами, но эти послѣдніе имѣли для меня лишь второстепенное значеніе. Въ результатѣ длительной работы появилась предлагаемая здѣсь книга.

Конструкція моей книги такова: а) первая — какъ бы вводная часть книги, въ которой охарактеризованы мемуаристы и историки въ ихъ отзывахъ о Павлѣ I и правительственной дѣятельности того времени, состояніе Россіи въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, какъ общій фонъ для послѣдующаго, и Павелъ I, какъ правитель; б) вторая — главная и самая обширная часть книги, распадающаяся на три отдѣла: въ первомъ изложены преобразованія, произведенныя Павломъ въ области центральныхъ учрежденій, во второмъ—въ области мѣстнаго управленія, третій посвященъ соціальной политикѣ, которая, однако, раскрыта лишь примѣнительно къ двумъ противоположнымъ группамъ—дворянству и крестьянству, и в) наконецъ, заключеніе, въ которомъ, кромѣ общихъ замѣчаній и выводовъ, затронутъ вопросъ объ отношеніи общества къ Павлу и его правительственной дѣятельности.

Въ своей характеристикѣ Павла, какъ можно видѣть изъ текста книги, я разошелся съ общепринятой точкой зрѣнія. Въ его мѣропріятіяхъ я замѣтилъ извѣстнаго рода систему, которая имъ, при участіи многихъ видныхъ сановниковъ, проводилась въ жизнь болѣе или менѣе плано-

мѣрно, несмотря на нѣкоторыя вспышки гнѣва и измѣнчивость настроенія Павла, отражавшихся на судьбѣ отдѣльныхъ лицъ, но не мѣнявшихъ общаго теченія дѣлъ и порядка. Хотя мое вниманіе въ книгѣ занято было и личностью Павла, какъ правителя, однако, не онъ, а правительственный механизмъ того времени, измѣненія въ этомъ механизмѣ и мѣропріятія въ области сословій являлись для меня предметами, требовавшими наиболѣе внимательнаго и подробнаго разсмотрѣнія. Въ этихъ областяхъ, многообразныхъ и сложныхъ, мнѣ пришлось впервые затронуть рядъ темъ, которыхъ не касались прежніе изслѣдователи. Таковы, напр., судебная дѣятельность сената и жалобы на сенатъ, новая организація коммерцъ-коллегіи 1800 года, мѣропріятія Павла, связанныя съ мѣстнымъ управленіемъ, и проч. Однако, всего того, что я намѣтилъ первоначально, въ выпускаемой книгѣ разсмотрѣть въ подробностяхъ я не могъ; напр., не затронулъ ревизіи губерній, произведенной сенаторами въ 1800 году, и суда надъ дворянами, хотя по тому и другому вопросу мной собранъ довольно значительный архивный матеріалъ (краткое указаніе на него см. въ приложеніи). Но, думается, и того, что мной разсмотрѣно, вполнѣ достаточно, чтобы освѣтить нѣсколько новыхъ сторонъ Павловскаго царствованія. Оставляя за собой право вернуться въ другомъ мѣстѣ къ нѣкоторымъ темамъ, которыя имѣютъ соприкосновеніе съ предметами, затронутыми въ моей книгѣ, я, тѣмъ не менѣе, рѣшилъ выпустить работу въ свѣтъ въ настоящемъ ея видѣ, такъ какъ по основнымъ вопросамъ я пришелъ къ опредѣленнымъ выводамъ, которыми и хотѣлъ бы подѣлиться съ спеціалистами и лицами, интересующимися исторической наукой.

Работа моя въ основныхъ чертахъ была закончена еще лѣтомъ 1914 года; осенью того-же года я предполагалъ приступить къ ея печатанію, но наступившая война заставила меня печатаніе отложить; лишь въ маѣ 1915 года, когда выяснился затяжной характеръ войны, я отдалъ рукопись въ наборъ, а черезъ годъ книга выходитъ въ свѣтъ. Послѣднимъ я обязанъ Историко - Филологическому Факультету

Петроградскаго Университета, который принялъ мою работу къ печатанію въ своихъ „Запискахъ", и Историко-Филологическому же Факультету Харьковскаго Университета, который тоже пришелъ мнѣ на помощь при печатаніи книги. Тому и другому Факультету приношу мою глубокую благодарность. Считаю также своимъ долгомъ выразить искреннюю признательность за помощь и содѣйствіе проф. С. Ѳ. Платонову, проф. И. А. Ивановскому и архивистамъ Государственнаго Архива и Сенатскаго: С. А. Князькову, Я. Л. Барскову, И. А. Блинову и Н. А. Мурзанову.

М. К.

14 апрѣля 1916 г.
Харьковъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Мемуаристы въ ихъ отзывахъ о Павлѣ I и его правительственной дѣятельности.

Своеобразная личность императора Павла, краткій, но характерный періодъ его царствованія нашли себѣ живое и яркое отраженіе въ дневникахъ и запискахъ современниковъ. Число подобныхъ произведеній о Павлѣ и его времени весьма велико: въ настоящее время опубликовано свыше сотни мемуаровъ и разнаго рода сочиненій современниковъ Павла, въ которыхъ авторы вспоминаютъ о трагически погибшемъ Императорѣ и характеризуютъ придворную и общественную среду той эпохи [1]. Въ созвѣздіи именъ мемуаристовъ, которые длинной цѣпью раскинулись вокругъ Павла, найдемъ людей довольно разныхъ общественныхъ положеній: здѣсь встрѣтимъ лицъ придворнаго круга, каковыми были, напр., кн. Адамъ Чарторыйскій, бар. Гейкингъ и генералъ Котлубицкій, найдемъ лицъ, вышедшихъ изъ гвардейской офицерской среды, каковы Саблуковъ и Тургеневъ; увидимъ представителей высшаго и средняго чиновничества, напр., сена-

[1]) Мемуарная литература времени Павла I подробно указана въ слѣдующихъ изданіяхъ:

1—въ книгѣ Н. К. Шильдера, Императоръ Павелъ I, П. 1901 (въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ);

2—въ Рус. Біогр. Словарѣ, въ біографіи Павла I, написанной Е. С. Шумигорскимъ, П., 1902, стр. $63_{,2}$—$64_{,2}$;

3—Валишевскій К., Сынъ Великой Екатерины, Имп. Павелъ I, П., 1914 г. (на франц. яз.—въ 1909), 653—662;

4—Минцловъ С. Р., Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, вып. I, Новгородъ, 1911, стр. 151—159.

торовъ Державина, И. В. Лопухина и чиновника провіантскаго вѣдомства Мертваго, а также представителей провинціальнаго дворянства, къ числу котораго относятся Лунинъ, Болотовъ и другіе.

При большомъ числѣ мемуаристовъ и при разнообразіи ихъ положенія нельзя, конечно, ожидать того, чтобы они давали одинаковое освѣщеніе изображаемому ими времени. Внимательное ознакомленіе съ мемуаристами вполнѣ оправдываетъ такое предположеніе; даже при бѣгломъ чтеніи нѣсколькихъ разнородныхъ мемуаровъ бросается въ глаза то, что, хотя въ нихъ встрѣчаются повторенія и однообразныя показанія, но наряду съ этимъ выступаетъ явное разнорѣчіе, порой доходящее до полной противоположности сужденій, выводовъ и характеристикъ. На этомъ основаніи дать общій обзоръ всѣхъ мемуаровъ невозможно, приходится разбить ихъ на группы, сообразно тому отношенію къ Павлу, какое лежитъ въ основѣ изображенія, даваемаго тѣмъ или другимъ мемуаристомъ.

Къ одной группѣ относятся тѣ мемуаристы — а такихъ большинство — которые отрицательно смотрятъ на Павла и его правительственную дѣятельность и съ большимъ вниманіемъ останавливаются на темныхъ сторонахъ его характера и его правленія, какъ бы не замѣчая свѣтлыхъ сторонъ или удѣляя имъ слишкомъ незначительное мѣсто въ своихъ разсказахъ и характеристикахъ. Ко второй—тѣ, правда, весьма немногіе мемуаристы, которые предпочитали отмѣчать положительныя качества императора и благодѣтельность предпринимаемыхъ имъ мѣръ; и наконецъ, къ третьей—тѣ, кто отмѣчалъ какъ положительныя, такъ и отрицательныя стороны и личныхъ свойствъ Павла и его правительственной дѣятельности. Чтобы конкретнѣе представить каждую группу, я приведу мнѣніе одного — двухъ мемуаристовъ изъ каждой группы и разберу сообщенія и характеристики, даваемыя мемуаристами, въ цѣляхъ установленія степени ихъ достовѣрности.

Едва ли не самымъ яркимъ и крайнимъ изъ мемуаристовъ намѣченной мною первой группы—былъ Александръ

Михайловичъ Тургеневъ [1]). Сынъ богатаго помѣщика—дворянина изъ хорошей фамиліи, гвардейскій офицеръ, который, по совѣту добрыхъ и просвѣщенныхъ людей, нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Германіи, посѣщая университетъ въ Геттингенѣ, одно время губернаторъ, а затѣмъ постоянный житель Москвы, безъ оффиціальнаго положенія въ ней, любитель науки и искусства, другъ Жуковскаго, Канкрина и Сперанскаго, какъ сообщается въ его біографіи, А. М. Тургеневъ былъ незаурядной личностью, и, казалось, могъ бы дать въ своихъ обширныхъ „Запискахъ" глубокую и содержательную картину эпохи, свидѣтелемъ и дѣятелемъ которой онъ былъ. Благодаря своей исключительно долгой жизни (умеръ на 92 году), онъ былъ очевидцемъ пяти царствованій: молодость его протекала при Екатеринѣ II и Павлѣ I (Тургеневъ родился въ 1772 г.), средніе года—при Александрѣ I, а старость—черезъ эпоху Николая докатилась до перваго десятилѣтія царствованія Александра II.

Счастливая юность Александра Михайловича сплелась въ его воспоминаніяхъ съ послѣдними десятилѣтіями царствованія Екатерины II. Онъ восхваляетъ то время, когда на престолѣ возсѣдала „мудрая, добродѣтельнѣйшая, всегда милостивѣйшая, всегда справедливѣйшая повелительница сѣвера", „великая", „безсмертная" Екатерина. Ея правленіе, по словамъ А. М. Тургенева, „пріучило всѣ умы къ постоянному плавному ходу общественной жизни: не было скачковъ, переломовъ, перемѣнъ и отмѣнъ; всѣ и каждый зналъ свое дѣло и былъ совершенно увѣренъ и спокоенъ, что дѣлаетъ неошибочно, не страшась подысковъ, дѣйствовалъ рѣшительно и безбоязненно всякой отвѣтственности". Въ управленіи, въ судахъ господствовали законность и порядокъ. „Никто безъ предварительнаго суда или разсмотрѣнія обстоятельствъ не былъ наказанъ. Въ крѣпостной казематъ, въ тюрьму, даже умалишенныхъ въ домъ призрѣнія не отправляли". „Счастливая, беззаботная, увѣренная жизнь распространялась тогда

---

[1]) Записки А. М. Тургенева напечатаны въ Рус. Стар., 1885 г., т. 47 и 48; 1886 г., т. 49 и 52; 1887 г., т. 53; 1889 г., т. 61 и 62; 1895 г., т. 83 и 84; 1897 г., т. 89.

(70-е и 80-е годы XVIII столѣтія) во всѣхъ разрядахъ общества; всѣ и каждый были несомнѣнно увѣрены, что рука сильнаго не задавитъ его по произволу, по прихоти". „Народъ былъ трудолюбивъ, сытъ, въ полномъ довольствѣ своего быта, крѣпокъ, силенъ и вѣренъ" [1]).

Въ такихъ краскахъ изображаетъ Тургеневъ время императрицы Екатерины II, лучезарная слава которой совпала съ его молодостью, „прокатившейся, по его словамъ, счастливо и пріятно".

Совершенно въ другомъ тонѣ и иными чертами описываетъ тотъ же мемуаристъ время Павла I, когда для него началась тяжелая военная служба. На царствованіе Павла онъ смотритъ, какъ на „краткій, но жестокостью незабвенный періодъ", какъ на „ужаснѣйшій ураганъ, все ниспровергшій и обратившій все дномъ вверхъ". Перемѣна, о которой пишетъ Тургеневъ, произошла, по его наблюденію, внезапно и чрезвычайно быстро.

Едва только скончалась Императрица, разомъ какъ по волшебству все перемѣнилось. „Впродолженіи (первыхъ) 8 часовъ царствованія (Павла), вступившаго на всероссійскій самодержавный тронъ, весь устроенный въ государствѣ порядокъ правленія, судопроизводства,—однимъ словомъ, всѣ пружины государственной машины были вывернуты, столкнуты изъ своихъ мѣстъ, все опрокинуто вверхъ дномъ и все остановлено, и оставалась въ семъ исковерканномъ положеніи четыре года! Однимъ почеркомъ пера уничтожено 230 городовъ! Мѣста государственныхъ сановниковъ ввѣрены людямъ безграмотнымъ, не получившимъ никакого образованія, не имѣвшимъ даже случая видѣть что-либо полезное и поучительное" [2]). Въ Павловское царствованіе „пышный великолѣпный дворъ Екатерины преобразованъ въ огромную кордегардію"; вахтъ-парады пріобрѣли значеніе важнѣйшаго государственнаго дѣла; въ дѣлахъ гражданскаго управленія воцарился „вѣкъ бюрократіи", развилось бумажное произ-

[1]) О времени Екатерины II въ Запискахъ А. М. Тургенева—см. Рус. Стар., 1885 г., т. 47, стр. 374, 376—377, 388; 1886 г., янв., стр. 42, 58—62 и др.
[2]) Рус. Стар., 1885 г., т. 47, стр. 380.

водство. Начались чрезмѣрные строгости, ссылки и наказанія безъ суда и слѣдствія, вѣра въ нелѣпые и глупые доносы, по полученію которыхъ „фельдъегеря скакали по указанію, брали, вязали и везли, такъ сказать, прямо на лобное мѣсто". Время Павла было безпросвѣтнымъ „4-лѣтнимъ страданіемъ отечества".

На общемъ фонѣ такого изображенія Тургеневъ, вспоминая, безъ особой связи и послѣдовательности, разсказываетъ о многочисленныхъ случаяхъ и событіяхъ Павловскаго царствованія, которыхъ онъ былъ очевидцемъ или свѣдѣнія о которыхъ онъ получилъ отъ достовѣрныхъ лицъ. Тутъ-то и начинается безконечное число анекдотовъ и остротъ по адресу Павла и сановниковъ того времени. Тургеневъ разсказываетъ, напр., какъ Павелъ, узнавъ о томъ, что мать его скончалась, въ ту же минуту повернулся кругомъ, надѣлъ шляпу и хриплымъ голосомъ закричалъ: попа сюда! какъ, по его приказу, на другой же день (8 ноября) толпа полицейскихъ „объявила войну" круглымъ шляпамъ, фракамъ и проч., и уничтожала ихъ на каждомъ встрѣчномъ, а другая толпа раздѣлывала въ шахматный цвѣтъ заборы, двери и окна домовъ, фонари и столбы на улицахъ; разсказываетъ о коронаціи и маневрахъ въ Москвѣ, о путешествіи Павла, во время котораго Императоръ будто бы приказалъ разстрѣлять „предводителя" за то, что тотъ осмѣлился, вопреки Высочайшему повелѣнію, построить новый мостъ черезъ рѣку, и только вмѣшательство хитраго Безбородки спасло жизнь несчастному. Сообщивъ о торгѣ, который происходилъ между Лопухиной и посланнымъ къ ней гр. Кутайсовымъ изъ-за падчерицы, Тургеневъ ниже разсказываетъ, какъ Лопухина, уже будучи въ С.-Петербургѣ, вздумала отравиться по той причинѣ, что ея возлюбленный Уваровъ, не получивши Анны 1 степени, разгнѣвался на нее и нѣсколько дней не пріѣзжалъ. По словамъ Тургенева, узналъ объ этомъ Павелъ, послалъ къ женѣ своего генералъ-прокурора и мачехѣ Анны Петровны, въ которую онъ самъ былъ безумно влюбленъ, лейбъ-медика и сказалъ ему внушительно: „Исцѣли княгиню, не исцѣлишь—велю повѣсить". Княгиню спасли, и бѣдный лейбъ-медикъ,

которому, по изображенію мемуариста, уже мерещилась веревка на шеѣ, освободился отъ грозившей ему опасности [1]); Уваровъ же получилъ желаемый орденъ.

Такъ длинной чередой идутъ у Тургенева разсказы о ссылкахъ, жестокихъ экзекуціяхъ, притѣсненіяхъ и произволахъ, наступившихъ въ Россіи съ момента воцаренія Павла. Военныя преобразованія, новое обмундированіе войска ему кажутся „смѣшными", распоряженія о постоянныхъ квартирахъ, о маршѣ полковъ—безпорядочными и нелѣпыми, вся внутренняя политика „кутерьмой", которая долго существовать не можетъ [2]). Лица, окружавшія Павла, его ближайшіе помощники по управленію,—казались Тургеневу людьми невѣжественными, которые не имѣли ни малѣйшаго понятія въ дѣлахъ государственныхъ. Ихъ характеристикѣ и забавнымъ анекдотамъ о нихъ нашъ мемуаристъ отводитъ не мало страницъ. Напр., разсказываетъ, какъ генералъ-прокуроръ Куракинъ не умѣлъ дать отвѣта объ одномъ дѣлѣ, и какъ онъ былъ наказанъ палкой собственноручно самимъ Императоромъ въ его кабинетѣ, но безъ свидѣтелей.

При опредѣленіи цѣнности мемуаровъ Тургенева, какъ историческаго источника, необходимо имѣть въ виду, что А. М. Тургеневъ началъ писать свои записки въ почтенной старости. По указанію редакціи Русской Старины, что согласуется и съ первой главой его мемуаровъ, Тургеневъ написалъ ихъ въ 1848 году [3]), значитъ на восьмомъ десяткѣ своей жизни. Но изъ содержанія „Записокъ" видно, что составилъ ихъ онъ не сразу, а писалъ по частямъ въ теченіе примѣрно 20 лѣтъ [4]). Однако, и это обстоятельство указываетъ, что А. М. Тургеневъ писалъ свои мемуары не вскорѣ за событіями, а значительно позднѣе, мѣстами по прошествіи

---

[1]) Рус. Стар. 1885 г., т. 48, стр. 250—256. „О предводителѣ"—1895, кн. VII, 87—88.

[2]) Слова, сказанныя будто бы за нѣсколько недѣль до убійства Павла фельдмаршаломъ Салтыковымъ, съ которыми Тургеневъ, видимо, былъ вполнѣ согласенъ.

[3]) Рус. Стар., 1885 г., т. 47, стр. 365.

[4]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ записокъ при словѣ „нынѣ" въ скобкахъ показаны 1827—1831, 1827—1834, 1831, 1834, 1835 годы (Рус. Стар., 1886 г., т. 52, стр. 45, 54, 59, 76, 105, 260).

50—60 лѣтъ послѣ нихъ, что не могло не отразиться на точности передачи и воспроизведеніи давно минувшаго.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить ту хронологическую путаницу, которая бросается въ глаза при чтеніи мемуаровъ. Днемъ коронованія Павла оно называетъ 1-е апрѣля 1797 г., а въ дѣйствительности оно было 5 апрѣля, второе путешествіе Павла въ Москву состоялось въ 1798 году, а не въ 1799, какъ сообщаетъ Тургеневъ; отсюда всѣ событія, связанныя съ именемъ Анны Петровны Лопухиной, должны быть переставлены на другое мѣсто и распредѣлены въ другомъ порядкѣ. Въ должности генералъ-прокурора за княземъ А. Б. Куракинымъ, минуя Лопухина, Беклешева и Обольянинова, у Тургенева прямо слѣдуетъ Г. Р. Державинъ, который при Павлѣ, какъ извѣстно, въ этой должности и не состоялъ. Подобныя хронологическія неточности и ошибки создали то, что, въ изложеніи А. М. Тургенева часто отсутствуетъ историческая перспектива и событія, тянувшіеся нѣсколько лѣтъ, слиты въ одно и пріурочены къ начальному моменту: такъ губернская реформа Павла, начавшаяся въ 1796 году, продолжавшаяся въ слѣдующемъ 1797, а частично растянувшаяся и на 1798 годъ, въ памяти Тургенева пріурочивается къ первымъ днямъ царствованія Павла, когда, по его словамъ, „однимъ почеркомъ пера уничтожено 230 городовъ“.

Въ передачѣ событій Тургеневъ намѣренъ говорить только правду, передавать только то, чему онъ былъ очевидцемъ или что слышалъ отъ лицъ, которымъ можно вполнѣ довѣрять. Въ одномъ мѣстѣ, описывая наказаніе „безвѣстныхъ“, Тургеневъ прибавляетъ: „въ моемъ разсказѣ нѣтъ ни на волосъ поэзіи, ни одной черты пристрастія — что я видѣлъ, какъ понималъ, такъ и передаю“ [1]. Въ подтвержденіе своего разсказа онъ иногда прибавлялъ, что это онъ самъ лично видѣлъ или слышалъ, объ этомъ ему разсказывали; нерѣдко онъ приводитъ разговоръ, подлинныя слова. Но прежде всего позволительно сомнѣваться, чтобы Тургеневъ, вспоминая о

---

[1]) Рус. Стар., 1885, декабрь, 479.

событіи черезъ 40—50 примѣрно лѣтъ, правильно могъ передать подобные разговоры. Такъ онъ, приводя разсказъ гр. Платова объ индійскомъ походѣ 1801 года, слышанный имъ въ 1812 году, желаетъ въ своихъ запискахъ 1848 года дословно возстановить его: „буду говорить его (гр. Платова) нарѣчіемъ“, заявляетъ Тургеневъ. Въ другихъ случаяхъ онъ передаетъ цѣлую сцену въ лицахъ, съ значительными разговорами Павла, кн. Куракина, сенатскаго оберъ-прокурора, повытчика и жалобщика на самого Государя—крѣпостного Майкова. Трудно допустить, чтобы Тургеневъ удержалъ въ памяти довольно точно подобные разговоры, которые онъ черезъ добрую полсотню лѣтъ вноситъ въ свои „Записки“; скорѣе можно признать, что эти разговоры составлялись нашимъ мемуаристомъ ради живости разсказа и имъ давалась та форма, какая казалась ему болѣе подходящей къ сообщаемому факту.

Не смотря на то, что Тургеневъ о томъ или другомъ событіи заявляетъ, что онъ это лично видѣлъ или слышалъ, такому заявленію не всегда приходится вѣрить. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности другими сторонними сообщеніями провѣрить многіе изъ передаваемыхъ Тургеневымъ фактовъ, но иногда такая провѣрка оказывается вполнѣ возможной и она говоритъ не въ пользу нашего мемуариста. Напр., онъ разсказываетъ, какъ 8 числа ноября 1796 года, на другой день по вступленіи Павла на престолъ, человѣкъ 200 полицейскихъ солдатъ и драгунъ бѣгали по улицамъ, объявивъ по Высочайшему повелѣнію „жестокую безпощадную войну злѣйшимъ врагамъ государства русскаго—круглымъ шляпамъ, фракамъ и жилетамъ“, какъ одновременно съ этимъ „двери, ставни оконъ и все, что деревянное въ строеніи выходило на улицу, было въ одни сутки раскрашено въ шахматы“; какъ онъ лично видѣлъ и расправу съ фраками и жилетами („оборванныя части“) и мазку дверей, фонарей и прочаго и приводитъ подлинныя слова „начальника когорты“ полицейскихъ, которыя онъ, Тургеневъ, будучи въ частномъ дому у пріятеля, слышалъ, сойдя внизъ по внутренней лѣстницѣ дома и „приложивъ уши къ двери“: „Мазать двери повелѣлъ

Государь, и намъ приказано до вечера всѣ двери, ставни, квасни, фонарные столбы, непремѣнно вымазать въ шахматы по данному образцу, а кто не вымажетъ назначенной лепорціи (пропорціи), тому посулено... 500 палокъ въ спину“ [1]).

Картина борьбы полицейскихъ съ толпой обывателей, нарисованная Тургеневымъ, очевидно, наполовину, если не больше, преувеличена. Тургеневъ изображаетъ, какъ на толпу, одѣтую въ запрещенные фраки и жилеты, набросились полицейскіе и стали растерзывать костюмы. Но дѣло въ томъ, что, во первыхъ, такая расправа могла коснуться только круглыхъ шляпъ, но едва ли фраковъ и жилетовъ. Сцена происходила 8 ноября, когда въ Петербургѣ обычно бываетъ холодно, а въ своихъ запискахъ Саблуковъ, гдѣ говоритъ о первомъ вахтъ-парадѣ, сообщаетъ о ненастной дождливой погодѣ [2]): никто изъ жителей столицы въ такое время не выходитъ изъ дому въ одномъ фракѣ, а надѣваетъ плащъ или какое либо верхнее платье, подъ которымъ былъ бы спрятанъ запрещенный фракъ и жилетъ, а то, что не бросается въ глаза и не видно снаружи, то не приковываетъ къ себѣ вниманія полицейскихъ чиновъ. Во вторыхъ, распоряженія о покраскѣ дверей и ставень частныхъ домовъ въ это время издано не было, оно было объявлено въ концѣ марта 1797 года или началѣ апрѣля, во время поѣздки Павла въ Москву на коронацію, благодаря собственной иниціативѣ генералъ-губернатора Архарова [3]), за что онъ, въ связи съ другими обстоятельствами, и былъ уволенъ; вслѣдствіе этого Тургеневъ ни сцены съ покраской видѣть не могъ 8 ноября, ни слышать подобнаго разговора „начальника когорты“, такъ какъ эта рѣчь не могла имѣть мѣста въ ноябрѣ; а если бы она была произнесена весной, то опять таки Тургеневу не пришлось ее слышать, онъ былъ на коронаціи въ Москвѣ. Видимо,

---

[1]) Рус. Стар., 1885 г. дек., 383.

[2]) По Саблукову, 7-го „въ теченіе ночи выпалъ глубокій снѣгъ, а къ утру (8-го) настала оттепель и пошелъ мелкій дождикъ“ (Записки, 18 стр.).

[3]) „Дни имп. Павла. Записки Курляндскаго дворянина (бар. К. Гейкинга) П., 1907, стр. 19. Шумигорскій Е. С., 1) Е. И. Нелидова, П., 1902, стр. 91; 2) Имп. Павелъ I, П., 1907, стр. 126.

живая фантазія мемуариста создала то, чего въ дѣйствительности не происходило.

У Тургенева можно отмѣтить общее тяготѣніе къ преувеличеніямъ и крайностямъ; приведу нѣсколько примѣровъ. Если онъ вспоминаетъ время Екатерины, то прославляетъ ее по всякому поводу и утверждаетъ, что тогда всѣ были довольны своею жизнью. О придворныхъ онъ увѣренно заявляетъ, что „при всѣхъ дворахъ, всюду на одну умную голову въ XVIII вѣкѣ считали сотни по три пустыхъ глупыхъ головъ“ [1]), хотя самъ онъ ни съ однимъ дворомъ не былъ близко знакомъ, а о Екатерининскомъ дворѣ зналъ только по наслышкѣ. По его словамъ, „сапожникъ показалъ, что (нѣкій) Гарновскій ему состоитъ должнымъ за сапоги 80 тысячъ рублей“; и ему будто бы было уплочено изъ имѣнія Гарновскаго, по приказанію Павла, „безъ всякихъ письменныхъ доказательствъ“, по одному „словесному показанію“ [2]). Говоря о паденіи нравовъ въ послѣдующія послѣ Екатерины II царствованія, Тургеневъ договорился до такой невѣроятной фразы: „развратъ, писалъ онъ, дошелъ до такой степени“, что „немногіе могутъ выкинуть камень въ окно, не подвергаясь смертному грѣху—отцеубійства“ [3]). Видимо, для нашего мемуариста никакихъ границъ не существуетъ.

Такимъ же общимъ свойствомъ примѣнительно ко всѣмъ запискамъ Тургенева является его страсть къ анекдотамъ; въ этой области Тургеневъ чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ, и разсказываетъ, нисколько не смущаясь, самыя невѣроятныя вещи. Отъ него узнаемъ, какъ Алексѣй Орловъ, великанъ ростомъ, во время попойки поссорился съ своимъ собутыльникомъ поручикомъ Швановичемъ, человѣкомъ маленькаго роста, и бросился на него, а тотъ далъ тягу; Орловъ за нимъ, но попалъ въ канаву и увязъ въ ней, а Швановичъ обернулся, набросился на барахтавшагося великана, отрубилъ ему „конецъ носа и разрубилъ щеку“, и только цирульникъ выручилъ изъ бѣды, онъ „пришилъ носъ будущему

[1]) Рус. Стар., 1887 г., т. 53, стр. 83.
[2]) Тамъ же, 1886 г., т. 52, 271.
[3]) Тамъ же, 1886 г., янв., 59.

побѣдителю при Чесмѣ" [1]). Среди многихъ приключеній изъ Павловскаго времени Тургеневъ разсказываетъ о томъ, какъ дворовый человѣкъ Майковъ добрался до Государя, упалъ на колѣни во время парада и сообщилъ о томъ, что дѣло о духовномъ завѣщаніи Бекетова сенатомъ и самимъ Государемъ рѣшено неправильно и какъ Павелъ прямо съ парада взялъ Майкова къ себѣ въ кабинетъ и тутъ же рѣшилъ дѣло въ пользу его господъ [2]).

Но не только подробности сцены, описанной Тургеневымъ, но и самый фактъ, сообщаемый мемуаристомъ, едва-ли имѣлъ мѣсто. Дѣло о завѣщаніи Бекетова началось въ 1794 году и рѣшалось не сенатомъ, а совѣстнымъ судомъ, лишь при участіи сенаторовъ, какъ посредниковъ; при Павлѣ это дѣло никакого движенія не получило, и лишь въ началѣ царствованія Александра I, когда Державинъ былъ назначенъ министромъ юстиціи, къ нему „безъ памяти прискакалъ изъ Москвы" одинъ изъ претендентовъ на наслѣдство Всеволожскій и просилъ помирить его съ Дмитріевымъ (вторымъ претендентомъ), на томъ самомъ основаніи, какое предлагалъ Державинъ прежде въ совѣстномъ судѣ, что Державинымъ и было исполнено [3]). Такимъ образомъ вся сцена, разсказанная Тургеневымъ, представляетъ собой чистый вымыселъ, не имѣющій никакого фактическаго основанія.

Страсть къ анекдоту у Тургенева настолько велика, что онъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ готовъ разсказывать анекдоты, а разсказываетъ ихъ онъ мастерски, картинно, живо, увлекательно, благодаря этому анекдоты являются его родной стихіей, и его мемуары мѣстами превращаются въ сплошной анекдотъ. Даже передавая какой либо достовѣрный фактъ, Тургеневъ разукрашиваетъ его невѣроятными подробностями. При докладѣ, напр., Нелединскаго-Мелецкаго Павлу объ уголовныхъ дѣлахъ начинаетъ жужжать муха, Павелъ приходитъ въ ярость и даетъ суровыя резолюціи. Въ другомъ случаѣ генералъ-губернатору Арха-

---

[1]) Рус. Стар., 1885 г., т. 48, стр. 72—73.
[2]) Тамъ же, 1895 г., кн. V, стр. 45—49.
[3]) Записки Державина (Сочиненія, VI, стр. 644—648).

рову Павелъ, потрепывая его при докладѣ по животу, говорилъ: „Николай Петровичъ, вы, сударь, у меня барабаньте правду, какъ я теперь барабаню у васъ на пузѣ“ [1]). Когда самъ Тургеневъ подошелъ по зову Императора близко къ нему, то Павелъ „началъ, по словамъ нашего мемуариста, меня щипать“, и говорилъ: „Скажите въ полку, а тамъ скажутъ далѣе, что я изъ васъ Потемкинскій духъ вышибу; я васъ туда зашлю, куда воронъ костей не занесетъ“, а затѣмъ Его В—во, „повторивъ Высочайшее повѣленіе пять или шесть разовъ, продолжая щипаніе, изволилъ мнѣ сказать: „Извольте сударь, отправиться въ полкъ“ [2]). Павелъ, по Тургеневу, часто употребляетъ слова: оселъ, ракалія, скотина. Нужно ли говорить о томъ, что этотъ жаргонъ, эти манеры и жесты совершенно не соотвѣтствуютъ обычной манерѣ Императора, который внѣшне былъ корректенъ и даже въ минуты раздраженія, за рѣдкими исключеніями, не позволялъ себѣ говорить рѣзкости и не допускалъ оскорбительныхъ выраженій [3]).

Анекдотическая сторона настолько заполняетъ вниманіе мемуариста, что онъ готовъ описывать явныя несообразности. По его словамъ, сенаторъ, меланхоликъ Остерманъ, во время засѣданій „часто сидящему подлѣ него чесалъ за ухомъ вмѣсто своего уха“. Избиваемый оберъ-полицмейстеромъ нѣмецъ-аптекарь кричитъ своему мучителю: Г-нъ оберъ-полицеймейстеръ, „не пей меня то смерть, пей меня то полофинъ—смерть, пуду сказать правда“.

Остроумничанье, погоня за краснымъ словцомъ, страсть къ преувеличеніямъ и анекдотическимъ подробностямъ приводили Тургенева къ безвыходнымъ и многочисленнымъ противорѣчіямъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ онъ пишетъ: въ царствованіе Екатерины II „никто безъ предварительнаго суда или разсмотрѣнія обстоятельствъ не былъ на

---

[1]) Рус. Стар., 1895 г., кн. V, 51; объ Архаровѣ, кн. VII, 85.

[2]) Тамъ же, 1886 г., т. 48, стр. 70—71.

[3]) См. упомянутыя ниже записки Саблукова, Гейкинга (20, 29); Шумигорскій Е. С., Е. И. Нелидова, стр. 128 (гдѣ говорится о «природной любезности» Павла).

казанъ" и даже арестованъ. Но въ другихъ мѣстахъ сообщаетъ: а) какъ сама Екатерина безъ суда и разсмотрѣнія дѣла приказала „арестовать и заключить въ крѣпость" полковника Гарновскаго; б) какъ, по приказанію оберъ-полицеймейстера Рылѣева, нѣкій французъ, безъ всякаго повода съ его стороны и безъ разсмотрѣнія обстоятельствъ, былъ схваченъ и наказанъ розгами; в) о городскихъ полицеймейстерахъ С.-Петербурга и Москвы разсказываетъ, что они „сѣкали на улицахъ изъ обывателей, какъ говорится, и встрѣчнаго и поперечнаго, какъ имъ заблагоразсудится", и г) наконецъ, С. Шачковскій, со словъ Тургенева, „пыталъ, мучилъ и тиранилъ" обывателей „не менѣе прежняго [1])".

О Павлѣ Тургеневъ замѣчаетъ, что онъ, при представленіи губернаторовъ и генераловъ, „разговора ни съ кѣмъ не велъ"; а затѣмъ дѣлаетъ общее указаніе: „относительно дѣлъ не токмо съ государемъ да и съ министрами съ 1797 по 1800 годъ разговора не существовало". Можно подумать, что въ Россіи въ то время воцарилось золотое молчаніе. Но въ другихъ мѣстахъ „Записокъ" нашъ мемуаристъ приводитъ неоднократные разговоры Павла съ кн. Куракинымъ, генералъ-губернаторами Архаровымъ и Философовымъ, съ гр. Платовымъ объ индійскомъ походѣ и др. [2]).

Не только при общихъ указаніяхъ, но и въ частностяхъ Тургеневъ нерѣдко даетъ противорѣчивыя сообщенія. Чтобы иллюстрировать жалкую и безпорядочную, по его изображенію, постановку маневровъ, Тургеневъ разсказываетъ, въ какомъ странномъ положеніи былъ онъ самъ, когда на него была возложена обязанность бригадъ-майора. „Восемь дней продолжались маневры, пишетъ онъ, я накакой должности не исправлялъ, Государь ничего повелѣть или поручать мнѣ не соизволялъ, рапортовъ суточныхъ о состояніи войска я не имѣлъ счастія подносить Его В-ву, потому, что мнѣ никто во все время никакого свѣдѣнія о войскѣ не доставлялъ" и, по прошествіи 50 лѣтъ, „до сего часа, не вѣдаю, въ чемъ

---

[1]) Рус. Стар., 1886, т. 49, стр. 62; 1887 г., т. 53, стр. 57, 58, 89; 269.
[2]) Тамъ же, 1886 г., т. 52, 276 и др.

состоятъ обязанности бригадъ-майора". Отсюда можно вывести, что Тургеневъ остался безучастнымъ къ маневрамъ, никакихъ обязанностей не несъ, такъ и остался въ невѣдѣніи, зачѣмъ онъ былъ назначенъ бригадъ-майоромъ. Но вотъ тремя страницами ниже тотъ же мемуаристъ пишетъ: „Моя должность состояла въ томъ—передавать повелѣнія Государя, сообщать приказанія фельдмаршала командирамъ полковъ. Я скакалъ на конѣ во всѣхъ направленіяхъ ежеминутно" [1]. Оказывается, Тургеневъ зналъ, въ чемъ состояли его обязанности, и онъ ежеминутно скакалъ, сообщая полковымъ командирамъ повелѣнія Государя и приказанія фельдмаршала.

Въ другомъ случаѣ Тургеневъ разсказываетъ анекдотъ о нѣкой богатой вдовѣ, у которой была, видимо, незаконнорожденная, единственная дочь, и сообщаетъ, какъ эта вдова, по требованію оберъ-секретаря синода И. А. Пукалова, выдала за него свою 13-лѣтнюю дочь, чтобы такимъ путемъ выиграть процессъ съ родственниками о наслѣдствѣ; „въ то время, замѣчаетъ авторъ по поводу неловкости своего сообщенія о бракѣ 13-лѣтней дѣвочки, не существовало рѣшительно положительнаго узаконенія о годности дѣвицъ къ сочетанію бракомъ". Но одной страницей ниже, когда Тургеневъ, въ противовѣсъ первому случаю, по которому незаконная дочь была признана законной, желаетъ разсказать другой, по которому законный сынъ былъ признанъ незаконнымъ, у этой же вдовы оказалась еще другая дочь, взрослая, выданная ею за милліонера Баташева, у котораго отъ этой жены родился сынъ, оставшійся послѣ смерти отца единственнымъ наслѣдникомъ. Тотъ же оберъ-секретарь Пукаловъ за большой „бакшишъ" пытается устранить его отъ наслѣдства, признавъ его незаконнымъ сыномъ Баташевой [2]. И нашъ мемуаристъ не замѣчаетъ ни появленія новой дочери у вдовы, ни того, что онъ заставляетъ дядю итти противъ своего племянника, золовки и тещи. Такое невѣроятное происшествіе не останавливаетъ мемуариста, и онъ противорѣчій не замѣчаетъ.

---

[1]) Рус. Стар., 1885 г., т. 48, ст. 76 и 80.
[2]) Тамъ же, 1885 г., ноябрь, 260—264.

Я полагаю, приведенныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться, что языкъ А. М. Тургенева—врагъ его, который заводитъ нашего мемуариста туда, куда онъ не зашелъ-бы, если бы имѣлъ возможность и силу сдержаться, не предаваясь чрезмѣрно старческой болтливости.

При такихъ качествахъ А. М. Тургенева, какъ мемуариста, говорить объ объективности его и достовѣрности сообщаемыхъ имъ фактовъ не приходится. Всѣ событія, о которыхъ онъ разсказываетъ, пріобрѣтаютъ въ его „Запискахъ" такой видъ и характеръ, что трудно повѣрить всему тому, о чемъ онъ повѣствуетъ, а тамъ, гдѣ можно провѣрить его разсказъ документами и сторонними сообщеніями, оказывается, что сообщаемые Тургеневымъ факты или придуманы или же искажены имъ въ существенныхъ чертахъ.

Но кромѣ фактовъ въ мемуарахъ важно освѣщеніе ихъ и отношеніе самого мемуариста къ нимъ. Для правильной оцѣнки мемуаровъ съ этой стороны, слѣдуетъ помнить, что счастливое юношество Тургенева протекло въ царствованіе Екатерины II, а въ годы правленія Павла I началась тяжелая военная служба. Въ связи съ общимъ настроеніемъ того круга, къ которому по рожденію и воспитанію принадлежалъ Тургеневъ, это обстоятельство наложило печать на всю его картину Павловскаго царствованія, которое онъ изображаетъ, какъ полный контрастъ свѣтлой Екатерининской эпохѣ. При Екатеринѣ, по представленію Тургенева, все было прекрасно: Императрица—добрая и мудрая, правительство—просвѣщенное, учрежденія—вполнѣ благоустроенныя, отсюда проистекало общее благополучіе и благоденствіе; для Тургенева не существуетъ ни военныхъ и податныхъ тягостей, ни Пугачевщины, ни моровой язвы, ни другихъ бѣдствій и темныхъ сторонъ Екатерининскаго царствованія; все покрывается общимъ благоговѣйнымъ прекраснодушнымъ отношеніемъ къ личности самой Императрицы; то же чувство распространяется и на всѣ государственные и общественные порядки.

Совершенно обратнымъ рисуется царствованіе Павла; въ своемъ увлеченіи оттѣнить контрастъ Тургеневъ не жалѣетъ темныхъ красокъ, которыя онъ накладываетъ густыми маз-

ками. По изображенію нашего мемуариста, Павелъ „питаетъ злобу къ своей матери“, и къ порядкамъ, созданнымъ ею; онъ строгъ и жестокъ, неспособенъ къ государственной дѣятельности; его помощники—глупы и необразованы; всѣ учрежденія, весь порядокъ—нарушенъ, началась общая суматоха, безсмысленная и безцѣльная; все общество,—терроризированное, подавленное, въ теченіе 4 лѣтъ находилось въ крайнемъ угнетеніи и недовольствѣ; ничего положительнаго, за рѣдкимъ и случайнымъ указаніемъ, въ дѣйствіяхъ Павловскаго правительства Тургеневъ не видѣлъ, это было сплошное „одуреніе“, „ужасное время“, „ураганъ, все ниспровергшій и обратившій все вверхъ дномъ“.

Разумѣется, при желаніи мемуариста—изобразить контрастъ, при его склонности къ крайностямъ, такое изображеніе нельзя понимать буквально и придавать ему серьезное значеніе; на него слѣдуетъ смотрѣть, какъ на своего рода литературное упражненіе, которое мемуаристъ выполнилъ съ большимъ искусствомъ, но при малой фактической обоснованности. Контрастъ же и отрицательное отношеніе Тургенева ко времени Павла имѣли своимъ основаніемъ, какъ мной указано, и личныя чувства самого мемуариста, а также и общее отраженіе настроеній дворянской и военной среды. Но только это отрицательное отношеніе дошло у Тургенева до самыхъ крайнихъ предѣловъ, а потому его изображеніе Павловскаго времени не можетъ быть признано объективнымъ и лишено въ значительной мѣрѣ своего историческаго значенія.

Изъ предыдущаго изложенія видно, что А. М. Тургеневъ—занимательный и яркій мемуаристъ, но сообщаемые имъ факты—въ массѣ или вымышлены, или искажены и разукрашены такими анекдотическими подробностями, которыя подрываютъ довѣріе какъ къ самимъ фактамъ, такъ и къ той обстановкѣ, среди которой они, по изображенію Тургенева, происходили; не можетъ быть признано правильнымъ и то общее освѣщеніе фактовъ и всего Павловскаго царствованія, которое даетъ Тургеневъ: оно—характерно прежде всего для самаго мемуариста, а не для событій и лицъ, имъ изображенныхъ. Тургенева слѣдуетъ признать мало достовѣрнымъ

мемуаристомъ, пользоваться „Записками“ котораго нужно съ чрезвычайной осторожностью, послѣ самаго тщательнаго внутренняго анализа и возможной провѣрки его сообщеній сторонними извѣстіями. Можно только пожалѣть, что этимъ мутнымъ источникомъ широко пользовались прежніе историки Павловскаго царствованія, которые безъ особаго разбора выписывали цѣлыя тирады изъ „Записокъ“ Тургенева.

Въ своемъ изображеніи Павловскаго времени А. М. Тургеневъ, какъ я указалъ, далеко не одинокъ: большинство мемуаристовъ въ большей или меньшей степини походятъ на него, какъ своими сообщеніями о фактахъ, такъ и своимъ общимъ отношеніемъ къ царствованію Павла I. Изъ числа мемуаристовъ этой группы назову Массона [1]), де-Санглена [2]), Мертваго [3]), Шишкова [4]), Г. Р. Державина [5]) и Лунина. Приведу характерный отзывъ о Павлѣ послѣдняго.

А. Лунинъ въ своихъ неизданныхъ запискахъ характеризуетъ время Павла кратко, но опредѣленно отрицательно. „Въ семъ мѣсяцѣ, пишетъ онъ въ мартѣ 1801 года, скончался Государь Павелъ Петровичъ. Царствованіе его было жестокое и надолго останется чувствительнымъ въ памяти. Дай Богъ ему царство небесное!“

Лунинъ, генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ, при Павлѣ живалъ въ Москвѣ и въ своей деревнѣ с. Богородскомъ. Павла видѣлъ только во время коронаціи; 15 марта 1897 г., напр., онъ, по его словамъ, „имѣлъ счастье въ числѣ 3 классовъ обоего пола Особъ Ихъ Величества встрѣчать въ Петровскомъ дворцѣ и быть у руки“; вѣроятно, бывалъ онъ и при другихъ церемоніяхъ коронаціи, но Павла близко онъ не зналъ, въ его государственную дѣятельность не вникалъ, былъ отъ нея очень далекъ и судилъ или по наслышкѣ или по тѣмъ отдѣльнымъ случаямъ, съ которыми онъ сталкивался. А какъ разъ судьба

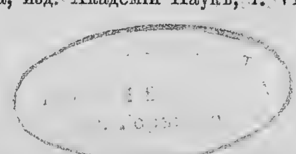
[1]) Masson, Mémoires secrets sur la Russie, par Barrière, Paris, 1859.

[2]) Записки де-Санглена—Рус. Стар., 1882, т. 36, 475—497.

[3]) Рус. Арх., 1867, приложеніе, 1—336. См. тамъ же „Изъ записокъ гр. Е. Ѳ. Комаровскаго“ (Рус. Арх. 1867 г., стр. 219—248, 521—575).

[4]) Записки адмирала Шишкова, т. I и II. Берлинъ, 1870.

[5]) Сочиненія Г. Р. Державина, изд. Академіи Наукъ, т. VI.

къ Лунину въ это время не благоволила. Его малолѣтній сынъ, записанный на службу въ гвардію, вмѣстѣ съ другими былъ изъ нея исключенъ, что его, какъ отца, „чувствительнѣйше опечалило“ [1]). Видя, какъ щедроты изливаются на многихъ во время коронаціи, онъ не утерпѣлъ и „дерзнулъ“ для себя „испрашивать помощи не по заслугамъ, а изъ милосердія“, помощи въ видѣ имѣнія съ крестьянами въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, но просьба встрѣтила у Павла отказъ [2]). Купилъ Лунинъ у кн. Куракиныхъ лужокъ изъ земель, пожалованныхъ имъ Государемъ, но и тутъ неудача: сенатъ указомъ повелѣлъ лужокъ отобрать и отдать казеннымъ крестьянамъ, а Куракинымъ взамѣнъ нарѣзать землю въ другомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ общая молва о строгости Павла сочеталась съ личными неудачами Лунина, и царствованіе Павла для него стало „жестокимъ“ и надолго „чувствительнымъ въ памяти“.

Въ совершенно противоположномъ духѣ, сравнительно съ А. М. Тургеневымъ и другими, пишетъ о времени Павла I извѣстный мемуаристъ Андрей Тимофеевичъ Болотовъ въ своихъ запискахъ, подъ заглавіемъ: „Любопытныя и досто-

---

[1]) Справедливость этой мѣры Лунинъ понималъ, но все же огорчался. Получивъ первыя распоряженія относительно малолѣтнихъ, онъ въ своемъ дневникѣ писалъ: „Несомнѣнно надлежало ожидать положенію ихъ перемѣны, къ которой и приготовляюсь по разсужденію, что числящихся въ службѣ и неслужащихъ, равно нетрудное въ полки гвардіи опредѣленіе и производство прекратится“. Когда же до него дошло извѣстіе „объ исключеніи всѣхъ вообще, кои не есть на лицо отправляющіе дѣйствительное служеніе“, то онъ разсуждалъ такъ: между исключенными малолѣтними, какъ извѣстно, есть не мало и такихъ, которые точно недостойно состоятъ въ гвардію принятые; но исключеніе послѣдовало безъ различія, каковое рѣшеніе справедливо вытекаетъ изъ основанія порядка, но однакожъ, отцамъ, заботящимся о растущей отрасли, естественно, а потому также справедливо, чтобъ извѣстіе сіе принять съ прискорбностью, которое меня въ первомъ движеніи чувствительнѣйше и опечалило“.

Записки Лунина хранятся въ Румянцевскомъ музеѣ. Здѣсь цитируются по копіи, снятой, повидимому, въ срединѣ XIX вѣка.

[2]) Свою просьбу Государю Лунинъ подкрѣпилъ письмомъ на имя „родственника своего и пріятеля“ Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, который въ тотъ же день (14 апр. 1797 г.) прислалъ такой отвѣтъ: „Докладывано и... отказано; иной причины не вижу, кромѣ неблагопріятности нынѣшняго времени. Впрочемъ мнѣ показалось, что вы знаемы съ хорошей стороны, почему я и думаю, что въ другое время, т. е. гораздо пообождавши и какъ забудутъ великія нынѣшнія раздачи,— въ другое, говорю, время вы успѣхъ имѣть надѣяться можете“.

памятныя дѣянія и анекдоты Государя Императора Павла Перваго“ [1]).

Бывшій офицеръ, провинціальный дворянинъ—помѣщикъ, пристрастившійся къ сельскому хозяйству и проведшій долгіе годы въ деревнѣ—въ с. Богородицкомъ близъ Москвы, Болотовъ часы досуга посвящалъ чтенію и литературной работѣ, благодаря которой завязалъ хорошія отношенія и связи съ Москвой и Петербургомъ. Читая тогдашніе журналы и газеты, переписываясь со своими пріятелями, часто наѣзжая въ Москву, онъ былъ въ курсѣ тогдашнихъ придворныхъ, политическихъ и общественныхъ событій. Будучи монархистомъ, Болотовъ интересовался и личностью Государя, окружающей его средой и всѣми тѣми распоряженіями, которыя исходили отъ монарха.

Болотовъ съ чувствомъ удовлетворенія, въ виду носившейся молвы о томъ, что императрица Екатерина II намѣрена была передать престолъ внуку, отмѣчаетъ, что на престолъ вступилъ „законный наслѣдникъ“, „безъ всякого помѣшательства и оспариванія“; „вступленіе сіе, сообщаетъ Болотовъ, было столь мирно, спокойно и для всѣхъ, а паче всего для всего народа, радостно, что отъ самого того и печаль и сокрушеніе о потеряніи только великой императрицы для всѣхъ вообще менѣе были поразительны и чувствительны“.

Павла I нашъ мемуаристъ рисуетъ человѣкомъ добрымъ и сердечнымъ, „любящимъ сыномъ“, Государемъ милостивымъ и щедрымъ къ своимъ подданнымъ, оказывающимъ заслуженнымъ престарѣлымъ военачальникамъ „особливую милость“ и „отмѣнное уваженіе“, доставляющимъ народу „радость“ своими заботами о немъ. Со словъ другихъ—о Павлѣ Болотовъ говоритъ, что онъ „всегда отмѣнно жаловалъ и любилъ, если кто ему въ чемъ чистосердечно признавался, напротивъ того не могъ терпѣть лукавства и запиратель-

[1]) Болотовъ А. Т., Памятникъ протекшихъ временъ или краткія историческія записки о бывшихъ произшествіяхъ и о носившихся въ народѣ слухахъ. М., 1875 г., часть вторая, стр. 1—122.

ства"; „по вступленіи своемъ на престолъ, восхотѣлъ при одномъ случаѣ публично доказать, что ему чистосердечныя признанія отмѣнно милы и угодны".

Съ чувствомъ удовлетворенія Болотовъ описываетъ времяпровожденіе Государя, какъ онъ вставалъ въ 5 часовъ утра и, совершивъ молитву, принимался за дѣла, посвящая имъ почти весь день до 8 час. вечера; какъ онъ былъ скроменъ въ своей домашней обстановкѣ. Изображая правительственныя распоряженія, Болотовъ по всякому поводу расточаетъ похвалы Павлу и рисуетъ его съ самой лучшей стороны: онъ дѣлаетъ только одно хорошее и волнующія Павла чувства—самыя возвышенныя, самыя благородныя. Если онъ иногда и гнѣвается, то на людей нерадивыхъ и преступныхъ; если приходитъ въ негодованіе, то по поводу проявленной черной неблагодарности. Такъ Болотовъ разсказываетъ случай, какъ кн. Зубовъ, при извѣстіи о кончинѣ Екатерины II, упалъ въ обморокъ, а одинъ изъ придворныхъ, облагодѣтельствованный фаворитомъ, выказалъ при этомъ „хладнокровность", неуваженіе и нѣкоторое презрѣніе къ Зубову, Павелъ же снисходительно отнесся къ фавориту, подалъ ему стаканъ воды, а тому придворному будто бы сказалъ: „Ахъ неблагодарный! Ты ли не взысканъ былъ симъ человѣкомъ? И ты ли не обязанъ къ нему всею благодарностью? Къ чему можешь ты быть годенъ? Поди и удались отъ моихъ взоровъ".

По отношенію къ правительственной дѣятельности времени Павла I Болотовъ также благодушенъ и оптимистически настроенъ. Онъ не даетъ общей характеристики ея, а лишь излагаетъ отдѣльныя мѣропріятія Павла за ноябрь и декабрь мѣсяцы 1796 года, причемъ почти всякій разъ отмѣчаетъ полезность и благодѣтельность изданныхъ мѣропріятій. По разсказу Болотова, императоръ Павелъ, восходя „на прародительскій престолъ", по предложенію гр. Безбородки, какъ гласила молва, принесъ торжественную присягу „въ любленіи своего отечества, въ храненіи закона праотцевъ своихъ, въ защищеніи своихъ подданныхъ, въ доставленіи имъ всякаго правосудія и поспѣшествованіи всѣми силами своими благосостоянію государства и блаженству своихъ подданныхъ", и

текстъ присяги въ запечатанномъ конвертѣ отдалъ на храненіе въ „государственную архиву“.

Въ чемъ же выразилась правительственная дѣятельность Павла, по изображенію А. Т. Болотова? „Первѣйшимъ почти дѣяніемъ Государя, по вступленіи его на престолъ, было то, что онъ, въ противность всѣхъ прежнихъ обыкновеній, сдѣлалъ тотчасъ обоихъ сыновей своихъ соучастниками въ трудахъ своихъ и властно, какъ помощниками“. Затѣмъ „онъ тотчасъ (же) окружилъ себя людьми умными, проворными, имѣющими великія дарованія и ему довольно извѣстными“ [1]; „адъютантами при себѣ сдѣлалъ онъ многихъ, хотя молодыхъ, но ему коротко знакомыхъ и одаренныхъ великими способностями людей“; также „перемѣнилъ людей и при другихъ важнѣйшихъ должностяхъ и окружилъ себя людьми достойными“.

Окруживъ себя даровитыми и преданными людьми, Павелъ, по изображенію Болотова, энергично принялся за исправленіе многочисленныхъ погрѣшностей, вкравшихся въ государственную жизнь въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II. Такъ, онъ возстановляетъ коллегіи на томъ основаніи, что „горныя дѣла, мануфактуры и коммерція составляли и составляютъ всегда наиважнѣйшія части государственной экономіи“ и могутъ приносить лучшую пользу тогда, когда, не будучи раздроблены по губерніямъ, вѣдаются центральнымъ правительствомъ въ коллегіяхъ; „а дабы попеченіе о сихъ важныхъ частяхъ государственной экономіи могло быть колико можно лучше“, то опредѣлилъ президентами людей „знающихъ“, „довольно испытанныхъ и способныхъ“.

Предприняты были мѣры къ устройству и упорядоченію дѣлъ въ сенатѣ, гдѣ до того царствовало, по словамъ Болотова, „зло, на небо вопіющее“; благодаря взяточничеству и волокитѣ, при бездарности сенаторовъ, въ должности кото-

---

[1]) Изъ числа ихъ нашъ мемуаристъ называетъ кн. (Александра) Куракина (смѣшивая его съ Алексѣемъ), Васильева, Храповицкаго, Безбородку, Трощинскаго, гр. (Н. П.) Шереметева, гр. (И. А.) Тизенгаузена, кн. С. С. Гагарина (стр. 7—9).

рыхъ по „странному обыкновенію“ опредѣляли „не лучшихъ, искуснѣйшихъ и рачительнѣйшихъ людей, а самыхъ худшихъ и такихъ генераловъ, которые ни къ какимъ инымъ должностямъ уже не годились, и съ коими не знали, куда дѣваться“.

Павелъ предпринимаетъ мѣры къ уменьшенію злоупотребленій: а) онъ посадилъ въ сенатъ „нѣсколько человѣкъ наилучшихъ и такихъ вельможъ, которыхъ о вѣрности и искусствѣ, прилежности и рачительности онъ былъ удостовѣренъ“; б) перемѣнилъ генералъ-прокурора, опредѣливши въ эту должность „лучшаго и способнѣйшаго“; в) „отлучилъ отъ сената неспособныхъ и лихоимствующихъ“; г) установилъ новый порядокъ, ускорившій дѣлопроизводство; д) сдѣлалъ предписаніе, чтобы „всѣ господа сенаторы не лѣнились и съѣзжались бы ранѣе и сидѣли долѣе“. Подобными предписаніями онъ „оживотворилъ“ сенатъ и „произвелъ то, что дѣла возымѣли невѣроятно скорое теченіе“. „Всѣ благомыслящіе подданные, писалъ Болотовъ, слыша все сіе, не могли довольно нарадоваться и желали отъ всего сердца, чтобы Всемогущій помогъ Государю въ такихъ полезныхъ предначинаніяхъ“ (117—119).

Въ первые же дни своего царствованія императоръ Павелъ, по разсказу Болотова о купцѣ и генералъ-губернаторѣ Архаровѣ, оказываетъ „важный опытъ своего правосудія“; а затѣмъ вскорѣ же „установилъ то неслыханное и необыкновенное у насъ дѣло, чтобы каждый имѣлъ свободу и могъ подавать самому ему (Государю) свои прошенія и просьбы, и назначилъ къ тому по два дня въ недѣлю“. А когда Государя спросили, кто же можетъ пользоваться такою милостью, то онъ отвѣчалъ: „Всѣ и всѣ: всѣ суть мои подданные; всѣ они мнѣ равны, и всѣмъ равно я—Государь; такъ хочу, чтобы и никому не было въ томъ и возбраняемо“ (13, 35).

Но если кто подавалъ „недѣльныя просьбы“, какъ, напр., дворовые на своихъ господъ, то Государь приказывалъ ихъ наказывать. „Симъ единымъ разомъ, сообщаетъ Болотовъ, разомъ погасилъ онъ искру, которая могла бы развести страшный пожаръ“, „поступкомъ же симъ пріобрѣлъ себѣ всеобщую похвалу и благодарность отъ всего дворянства“.

Въ новомъ правительствѣ Болотовъ отмѣчаетъ „любовь къ порядку", по которому каждый долженъ знать свое мѣсто и свои обязанности; онъ одобряетъ и такія распоряженія, которыми были устроены заставы около Петербурга, предписано ношеніе военными мундировъ, установленъ распорядокъ дня, благодаря чему, по выраженію мемуариста, „перемѣнился въ Петербургѣ совсѣмъ весь родъ жизни, и день сдѣлался опять днемъ, а ночь—ночью" (39). Гоненіе на модные фраки, жилеты и прочее Болотовъ привѣтствуетъ, какъ попытку уменьшить роскошь. Гвардейскому офицеру, по словамъ нашего мемуариста, для содержанія себя въ Петербургѣ „требовалось очень многое": именно отъ 4 до 6 лошадей, карета, нѣсколько мундировъ; нельзя было обойтись „безъ нѣсколькихъ помодныхъ и дорогихъ фраковъ, безъ множества дорогихъ жилетовъ, безъ хорошихъ сюртуковъ, дорогихъ плащей и великой цѣны стоящихъ шубъ, безъ множества исподняго платья, шелковыхъ чулокъ, башмаковъ, сапоговъ, шляпъ и прочаго" (24). Благодаря подобнымъ тратамъ гвардейскіе офицеры входили въ многочисленные, а иногда и неоплатные долги, и разорялись. Государь „уничтожилъ все разомъ", установилъ недорогой мундиръ и запретилъ носить фраки, жилеты, шубы и дорогія муфты. „Все сіе и тому подобное, замѣчаетъ Болотовъ, а особливо и нѣкоторыя строгости, употребленныя съ непослушными кстати, и произвели все желаемое Государемъ дѣйствіе, къ великой и существенной пользѣ всего государства".

Въ связи съ этими распоряженіями Болотовъ разсказываетъ о случаѣ, „достовѣрность котораго, по его словамъ, подвержена была еще сомнѣнію". Разъѣзжая по городу, Павелъ увидѣлъ офицера, идущаго по улицѣ безъ шпаги, а сзади него солдата (деньщика), который несъ шубу и шпагу. Тогда Государь, раздосадованный такой небрежностью офицера, подошелъ незамѣтно къ солдату и спросилъ его, чью шубу и шпагу онъ несетъ, а когда тотъ отвѣтилъ: „офицера моего, что идетъ впереди", то Павелъ съ удивленіемъ замѣтилъ: „Офицера! такъ поэтому ему стало слишкомъ трудно носить свою шпагу и ему она видно наскучила; надѣнь-ка

ты ее на себя, а ему отдай съ портупеей штыкъ свой: онъ ему будетъ покойнѣе!" Такъ Государь произвелъ солдата въ офицеры, а офицера разжаловалъ въ рядовые, и „примѣръ сей, заключаетъ Болотовъ, сдѣлавъ ужасное впечатлѣніе во всемъ войскѣ, произвелъ великое дѣйствіе: всѣмъ солдатамъ было сіе крайне пріятно, а офицеры перестали нѣжиться, а стали лучше помнить свой санъ и уважать свое достоинство". А Государь, проучивши офицера, скоро его простилъ.

Большое вниманіе Болотовъ удѣляетъ мѣропріятіямъ Павла по отношенію къ арміи, въ частности гвардіи. По его выраженію „Государь оживотворяетъ военную дисциплину и доводитъ ее до совершенства" (9); въ гвардіи „во всемъ произвелъ превеликія перемѣны, „единымъ разомъ разрушилъ всѣ бывшія въ ней злоупотребленія", „всѣхъ гвардейцевъ не только спознакомилъ съ настоящею службою, но заставилъ нести и самую строгую и тяжкую и, позабывъ всѣ прежнія свои шалости и дури, привыкать къ трудолюбію, порядку, добропорядочному поведенію, повиновенію командѣ и почтенію себя старѣйшимъ и къ несенію прямой службы" (62—66). Болотовъ съ одобреніемъ разсказываетъ о Высочайшемъ повелѣніи, по которому всѣ чины гвардіи, которые находились въ отпуску и отлучкахъ, обязаны были явиться къ своимъ полкамъ; сообщая о „великомъ движеніи во всемъ государствѣ", о сѣтованіяхъ, слезахъ и неудовольствіи весьма многихъ, онъ укоризненно замѣчаетъ: „симъ же образомъ наказано было наше дворянство за безсовѣстное и безстыдное употребленіе во зло милости прежней милосердной Монархини, чрезъ записку сущихъ младенцевъ въ гвардію и за обманы ихъ непростительные" (66—68).

Приводитъ Болотовъ и рядъ другихъ распоряженій новаго правительства и всякій разъ находитъ въ нихъ особый смыслъ, считаетъ ихъ вполнѣ цѣлесообразными и восхваляетъ Государя, именемъ котораго издаются такія распоряженія. Въ дѣйствіяхъ правительства онъ отмѣчаетъ проведеніе „новой системы" и, не давая общей характеристики ея, тѣмъ не менѣе по поводу одной частной мѣры говоритъ: „сдѣлано сіе не просто и не безъ мысли, но дѣло сіе было давно уже и

здраво обдумано и составляло звено въ цѣпи новой системы во всемъ правленіи государствомъ“ (25).

Новые распорядки и царскія милости съ первыхъ же дней приковали къ себѣ вниманіе общества. „Не проходило ни единаго дня, пишетъ Болотовъ, въ который не пожалованы были многіе какъ въ знатные и великіе чины и достоинства, такъ средственные и нижніе... и не было ни единаго дня, въ который бы не сдѣлано было имъ какихъ либо новыхъ распоряженій и реформъ какъ по войску, такъ и по другимъ служеніямъ. Всякій день производилъ онъ многимъ радости; а того множайшихъ приводилъ бдительностью, трудолюбіемъ и расторопностью своею въ удивленіе и въ живность. Благоразумными своими поступками удалось ему въ немногіе дни внедрить въ сердца всѣхъ почти подданыхъ къ себѣ любовь и усердіе къ повиновенію и угожденію. Нѣкоторыя строгости, употребляемыя имъ по необходимости, были очень кстати и производили удивительное дѣйствіе и во всѣхъ быструю перемѣну: всѣ почти оживотворились, и всѣ забыли почти себя и метались всюду и всюду, желая угодить Государю“ (52).

Въ такихъ чертахъ изображаетъ А. Т. Болотовъ Павла и его правительственную дѣятельность. Павелъ—по нашему мемуаристу—Государь добрый, справедливый, весьма дѣятельный, заботящійся о благѣ всѣхъ подданныхъ, великодушный и, несмотря на нѣкоторую необходимую строгость, кроткій и милостивый; его правительственная дѣятельность изгоняла вкравшіяся злоупотребленія, вводила всюду законность, порядокъ и экономію и вносила улучшенія во всѣ стороны государственной жизни. Болотовъ никакихъ недостатковъ не видитъ ни въ личныхъ качествахъ Императора, ни въ его дѣйствіяхъ; неизмѣнное благодушіе, постоянное сочувствіе мемуариста мѣропріятіямъ Павла сопровождаютъ изложеніе правительственныхъ распоряженій, благодаря чему „Любопытныя и достопамятныя дѣянія“ превращаются въ похвальное слово императору Павлу.

При оцѣнкѣ записокъ А. Т. Болотова нужно имѣть въ виду, что онѣ обнимаютъ очень короткій періодъ времени, всего первые неполные два мѣсяца царствованія Павла I;

авторъ записокъ самъ лично Павла не зналъ, писалъ о немъ по наслышкѣ, но и то, о чемъ слышалъ, не все вносилъ въ свои мемуары, а повидимому лишь то, что служило къ прославленію этого монарха. Болотовъ узнавалъ многое другое, но о томъ молчитъ, не вѣря въ разсказы. Въ одномъ мѣстѣ „Любопытныхъ и достопамятныхъ дѣяній" онъ прямо заявлялъ: „въ сіи первыя времена правленія государева разглашаемы были многіе и совсѣмъ ложные слухи, и разсказываемы дѣла и происшествія, которыхъ никогда не бывало и не происходило". Но что это за слухи и происшествія—объ этомъ Болотовъ умолчалъ. Значитъ предъ нами не лѣтописецъ, воспроизводившій событія безстрастно и безъ всякой предвзятой цѣли, а мемуаристъ, подбирающій факты болѣе или менѣе одного тона и освѣщающій ихъ съ опредѣленной точки зрѣнія. Указанныя обстоятельства въ значительной мѣрѣ подрываютъ вѣру въ точность передаваемыхъ фактовъ и въ правильность и вѣрность даваемаго мемуаристомъ освѣщенія событій.

Ни у одного изъ другихъ мемуаристовъ [1]) нельзя найти такого безусловнаго преклоненія передъ Павломъ, какъ у Болотова. Но все же можно назвать еще двухъ мемуаристовъ, у которыхъ, несмотря на указаніе на нѣкоторыя отрицательныя черты въ характерѣ Павла и его правительственной дѣятельности, тѣмъ не менѣе замѣтно чувство симпатіи къ этому Государю и признаніе положительныхъ сторонъ его дѣятельности; эти мемуаристы—Н. А. Саблуковъ и сенаторъ И. В. Лопухинъ. Такъ какъ они принадлежатъ къ малочисленной

---

[1]) Къ числу мемуаристовъ типа Болотова могутъ быть отнесены также слѣдующіе:

1—Кряжевъ, В., Жизнь Павла I (собственно переводчикъ, авторъ же—анонимный „офицеръ русской службы", выпустившій книгу на нѣм. яз.), М., 1805;

2—Тыртовъ Е., Анекдоты объ имп. Павлѣ I, М., 1807;

3—Кн. П. П. Лопухинъ — см. его разсказы о старинѣ, записанные кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ въ 1869 г. (напечатаны въ кн. Шильдера, Имп. Павелъ I, 580—583);

4—Башиловъ, А. А., Записки о временахъ Екатерины II и Павла I („Молодость А. А. Башилова"—Заря, 1871, № 12, 192—223);

5—Разсказы П. Х. Обольянинова (въ Рус. Стар., 1874, XI, 159—164) и др.

группѣ, такъ сказать, защитниковъ Павла, то я позволю себѣ привести вкратцѣ мнѣніе того и другого.

Н. А. Саблуковъ—сынъ сенатора и президента мануфактуръ-коллегіи, служилъ въ царствованіе Павла въ блестящемъ, аристократическомъ конно-гвардейскомъ полку, близко стоялъ ко двору и былъ лично извѣстенъ Императору, который относился къ нему вполнѣ благосклонно. Будучи человѣкомъ съ высоко развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства, Саблуковъ отличался возможной правдивостью и объективностью и въ своихъ запискахъ [1]) преимущественно излагалъ только то, чему онъ былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ; даже тогда, когда его отецъ понесъ кару отъ разгнѣваннаго Императора или когда его полкъ подвергся немилости, Саблуковъ старается быть спокойнымъ и излагаетъ обстоятельства дѣла, не обнаруживая чувства раздраженія къ императору Павлу I.

По словамъ Саблукова, Павелъ былъ „человѣкомъ, въ душѣ вполнѣ доброжелательнымъ, великодушнымъ, готовымъ прощать обиды и повиниться въ своихъ ошибкахъ; онъ высоко цѣнилъ правду, ненавидѣлъ ложь и обманъ, заботился о правосудіи и безпощадно преслѣдовалъ всякія злоупотребленія, въ особенности же лихоимство и взяточничество". „Въ основѣ характера императора Павла, читаемъ въ другомъ мѣстѣ, лежало истинное великодушіе и благородство, и, несмотря на то, что онъ былъ ревнивъ ко власти, онъ презиралъ тѣхъ, кто раболѣпно подчинялись его волѣ въ ущербъ правдѣ и справедливости и, наоборотъ, уважалъ людей, которые безстрашно противились вспышкамъ его гнѣва, чтобы защитить невиннаго"; у Императора былъ истинно „рыцарскій характеръ и врожденное благородство".

На ряду съ такими добрыми свойствами характера Павла Саблуковъ отмѣчаетъ и обратную сторону. Къ несчастью, заявляетъ онъ, всѣ эти похвальныя и добрыя качества стано-

---

[1]) Записки Саблукова частично напечатаны были первоначально въ англійскомъ журналѣ «Fraser's Magazine», 1865 годъ (авг. и сент.); затѣмъ онѣ въ переводѣ помѣщены были въ Рус. Арх. (1869 г.), а недавно вновь переведены К. А. Военскимъ, вошли въ сборникъ „Цареубійство 11-го марта", изд. А. С. Суворина (П., 1907 г., 1—107), а также изданы были отдѣльно (П., 1911 г.).

вились совершенно безполезными какъ для него (Императора) лично, такъ и для государства „благодаря его несдержанности, чрезвычайной раздражительности, неразумной и нетерпѣливой требовательности безпрекословнаго повиновенія“ [1]).

Въ отношеніи правительственной дѣятельности Саблуковъ отмѣчаетъ „нѣкоторыя похвальныя мѣры, принятыя для благоденствія народа“, строгую расправу съ виновниками „вопіющихъ несправедливостей“, несмотря на принадлежность ихъ къ знати и „высшему чиновничеству“, установленіе суда, справедливаго и нелицепріятнаго, внимательность и строгость „относительно всего, что касалось государственной экономіи“, стремленіе „облегчить тягости, лежащія на народѣ“, а также щедрость, „истинно-царскую милость“ при раздачѣ пенсій и наградъ за заслуги.

Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же мемуаристъ указываетъ и на „предосудительную и смѣшную стороны тогдашней правительственной системы“, на рядъ мелочныхъ полицейскихъ распоряженій о костюмѣ, экипажѣ и проч., благодаря чему, по его словамъ, Петербургъ сразу „пересталъ быть похожимъ на современную столицу, принявъ скучный видъ маленькаго нѣмецкаго города XVII столѣтія“. „Къ несчастью, продолжаетъ онъ, перемѣна эта не ограничилась одною внѣшнею стороною города: не только экипажи, платья, шляпы, сапоги и прически подчинены были регламенту, самый духъ жителей былъ подверженъ угнетенію. Это проявленіе деспотизма, выразившееся въ самыхъ повседневныхъ, банальныхъ обстоятельствахъ сдѣлалось особенно тягостнымъ въ виду того, что оно явилось продолженіемъ эпохи, ознаменованной сравнительно широкой личной свободой“. Указываетъ Саблуковъ и на „странность“ способа дѣйствій Павла по отношенію къ высшимъ сановникамъ и офицерамъ, выразившуюся въ частыхъ и безпричинныхъ отставкахъ и строгихъ карахъ.

Однако, несмотря на всѣ такія „странности“ и на „смѣшную сторону“ правительственной системы и на многія отрицательныя черты характера самого Павла, Саблуковъ, описавъ

[1]) Записки Н. А. Саблукова, П., 1911, 30, 41, 45.

подробно трагическія событія ночи 11-го марта 1801 года, съ грустью и сожалѣніемъ вспоминаетъ Павла, какъ жертву звѣрскаго убійства: такъ умеръ, пишетъ онъ, „одинъ изъ Государей, о которомъ исторія говоритъ, какъ о монархѣ, преисполненномъ многихъ добродѣтелей, отличавшемся неутомимой дѣятельностью, любившемъ порядокъ и справедливость и искренно набожномъ;... Земледѣліе, промышленность, торговля, искусства и наука имѣли въ немъ надежнаго покровителя“ [1]).

И. В. Лопухинъ, масонъ, человѣкъ въ общемъ прямой и искренній, лишь въ малой степени склонный къ преувеличеніямъ, одно время близко стоявшій къ императору Павлу, такъ характеризуетъ его въ своихъ запискахъ.

„Въ Государѣ семъ, можно сказать, безпримѣрно соединились всѣ противныя одно другому свойства до возможной крайности; только острота ума, чудная дѣятельность и щедрость безпредѣльная являлись въ немъ при всѣхъ случаяхъ неизмѣнно“. Лопухинъ, хотя и называетъ Павла „грознымъ императоромъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаетъ, что онъ имѣлъ необыкновенный „даръ приласкать“. „Пылкость гнѣва его, по словамъ Лопухина, никогда не имѣла послѣдствій невозвратныхъ. Къ строгости побуждался онъ точно стремленіемъ любви, правды и порядка, коего разстройство увеличивалось иногда въ глазахъ его предубѣжденіемъ. Сильное впечатлѣніе въ нравѣ его дѣлало, конечно, то, что отъ самого дѣтства напоенъ онъ былъ, такъ сказать, причинами къ страхамъ и подозрѣніямъ, и что безмѣрная дѣятельность его стѣснялась невольнымъ бездѣйствіемъ до тѣхъ немолодыхъ уже лѣтъ, въ которыхъ вступилъ онъ на престолъ. Я увѣренъ, что при рѣдкомъ государѣ больше, какъ при Павлѣ I, можно было бы сдѣлать добра для государства, если бъ окружавшіе его руководствовались усердіемъ къ отечеству, а не видами собственной корысти“ [2]).

О государственной дѣятельности времени Павла И. В.

---

[1]) Тамъ же, 66.

[2]) И. В. Лопухинъ. Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы. М., 1860, стр. 59—60.

Лопухинъ сообщаетъ мало свѣдѣній: говоритъ объ освобожденіи всѣхъ заключенныхъ по тайной экпедиціи, о своей службѣ въ качествѣ статсъ-секретаря и позднѣе, сенатора, когда онъ пытался въ судѣ облегчить участь преступниковъ и разбить „несчастное предубѣжденіе, коимъ исполнены были его товарищи (по сенату), что Государю будто угоденъ судъ самый строгой“, тогда какъ ему, Лопухину, было хорошо извѣстно, что Государь „желаетъ только правосудія“ и „ему пріятно даже всякое возможное, съ законами только соображенное, облегченіе участи судимыхъ“. Сообщаетъ нашъ мемуаристъ о сенаторской ревизіи 1799 года, въ которой онъ самъ участвовалъ, ревизуя между прочимъ и Вятскую губернію, въ которой, по его докладу о злоупотребленіяхъ, всѣ чиновники, кромѣ губернатора, Павломъ „въ первомъ движеніи гнѣва“ были уволены отъ своихъ должностей.

Несмотря на то, что И. В. Лопухинъ, благодаря своему прямолинейному и грубовато откровенному характеру, не могъ „держаться при дворѣ“, „спорилъ съ Государемъ“ и былъ настолько неудобнымъ, что заставилъ Павла отъ него „закашляться“, тѣмъ не менѣе Иванъ Владимировичъ вспоминаетъ о Павлѣ и его дворѣ и о государственной дѣятельности того времени безъ всякаго раздраженія и неудовольствія, никакихъ особенно рѣзкихъ отрицательныхъ сторонъ ни въ самомъ Государѣ, ни въ тогдашнемъ правленіи не указываетъ. Его фразы „о многихъ, столь быстро, ежедневно дѣлаемыхъ перемѣнахъ“, „о крайностяхъ“ свойствъ характера Павла, объ „отставкѣ многихъ сенаторовъ, сверхъ всякаго ихъ чаянія“, да восхваленіе императрицы Екатерины II, и отчасти Александра I, заставляютъ думать, что Павловскимъ порядкамъ онъ вполнѣ сочувствовать не могъ, но онъ и не былъ рѣшительнымъ противникомъ ихъ и не выступалъ, какъ другіе съ уничтожающей критикой всего того, что было создано въ Павловское царствованіе.

Записки и Саблукова и Лопухина, хотя и любопытны и даютъ нѣкоторыя характерныя детали для обрисовки Павла и его правительственной дѣятельности, тѣмъ не менѣе, для изображенія времени Павла I очень важной роли не играютъ:

а) авторъ первыхъ записокъ (Саблуковъ) былъ тогда еще молодъ, и многое оставалось внѣ поля его наблюденій, второй (Лопухинъ) слишкомъ недолго оставался вблизи Императора;

б) интересъ перваго сосредоточенъ преимущественно на разсказѣ о трагедіи, разыгравшейся въ Михайловскомъ замкѣ въ ночь 11 марта, интересъ второго—на личныхъ отношеніяхъ самого мемуариста къ Императору;

в) ни тотъ, ни другой не даютъ достаточно полной характеристики Павла, а также мало затронута ими правительственная дѣятельность того времени, они лишь сообщаютъ, какъ указано выше, о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отрывочныхъ распоряженіяхъ Павла.

Третья группа мемуаристовъ, занимающихъ среднее положеніе между А. М. Тургеневымъ и А. Т. Болотовымъ, пытается въ нѣкоторомъ смыслѣ равномѣрно распредѣлить свѣтъ и тѣни въ оцѣнкѣ Павла и отмѣтить какъ положительныя, такъ и отрицательныя стороны его царствованія. Къ числу такихъ мемуаристовъ можно отнести кн. Адама Чарторыйскаго, бар. Гейкинга и другихъ [1]).

Кн. А. Чарторыйскій въ своихъ мемуарахъ [2]) говоритъ о „мрачномъ характерѣ" Павла, его „фанатическомъ нравѣ", самовластіи и „неумолимой жестокости"; указываетъ на быструю смѣну порядковъ при дворѣ, на многія „странности", вводимыя Павломъ, первое время царствованія котораго, по словамъ Чарторыйскаго, „отличалось неустройствомъ и безпорядочностью": „должностныя лица, генералы смѣнялись съ изумительной быстротой"; „производства по арміи происходили безъ всякой системы", издавались мелочныя распоряженія о костюмѣ, ѣздѣ въ экипажахъ и проч. „Ужасъ, имъ внушаемый, заставлялъ всѣхъ съ трепетомъ и покорно опущенной головой подчиняться всѣмъ его прика-

[1]) См. Ханенко А. И., а) Разсказы ген. Котлубицкаго—Рус. Арх., 1866, стр. 1301 и сл.; б) Разсказы о старинѣ—тамъ же, 1868, стр. 1070—1080; Лубяновскій Ѳ. П., Воспоминанія—Рус. Арх., 1872, стр. 98 и сл., а также отдѣльно.

[2]) Мемуары кн. Адама Чарторыйскаго, подъ ред. А. А. Кизеветтера, изд. К. Ф. Некрасова, т. I, М., 1912 г. Французскій текстъ—Mémoires et correspondance du prince A. Czartoryski, Paris, 1887 г., т. I и II.

заніямъ, самымъ неожиданнымъ и страннымъ". Къ концу царствованія странности, произволъ и жестокости, по словамъ мемуариста, усилились до крайности; но свидѣтелемъ этого онъ не былъ, такъ какъ уѣхалъ въ Италію, а когда вернулся послѣ смерти Павла, то по разсказамъ другихъ составилъ себѣ представленіе о происшедшемъ и былъ увѣренъ, что „Россія сильно страдала, находясь подъ управленіемъ своего рода маніака" (211).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Чарторыйскій счелъ нужнымъ отмѣтить и то положительное и полезное, что заключалось въ царствованіи Павла. Онъ писалъ: „Павелъ въ долгіе годы своего уединенія и ожиданія обдумалъ все, что былъ намѣренъ сдѣлать, какъ только власть окажется въ его рукахъ. Поэтому перемѣны и новости слѣдовали одна за другой съ невѣроятной быстротой". „Во всемъ томъ странномъ и даже смѣшномъ, что примѣшивалось къ этимъ первымъ актамъ новаго царствованія, въ сущности все же была и сторона серьезная и полезная".

„Императоръ хотѣлъ быть справедливымъ. Въ душѣ его, наряду съ капризами и безпорядочными вспышками, жило глубокое чувство справедливости, часто внушавшее ему поступки, достойные похвалы. Случалось не разъ, что, подвергнувъ кого-либо все усиливающимся жестокимъ гоненіямъ, онъ вновь призывалъ къ себѣ такого человѣка, обнималъ его, почти просилъ у него прощенія, сознавался ему, что ошибся, что подозрѣвалъ его несправедливо, и осыпалъ его новыми щедротами, чтобы загладить свою вину".

„Въ провинціяхъ губернаторы, генералъ-губернаторы и всѣ военные, боясь, чтобы злоупотребленія, которыя они позволяли себѣ, не дошли до свѣдѣнія Императора... стали болѣе обращать вниманіе на свои обязанности, измѣнили тонъ въ обращеніи съ подчиненными, избѣгали позволять себѣ слишкомъ вопіющія злоупотребленія. Въ особенности, могли замѣтить эту перемѣну жители польскихъ провинцій" (119—120).

Отмѣчаетъ Чарторыйскій нѣсколько частныхъ случаевъ, въ которыхъ выразились „великодушныя чувства" Павла: освобожденіе Костюшки и польскихъ узниковъ, щедрыя милости къ нимъ Императора и пріемъ польскаго короля Ста-

нислава-Августа (Понятовскаго) въ Петербургѣ. А затѣмъ даетъ и общее указаніе: „Въ концѣ 1797 г. порывистость и странность Императора Павла, волновавшихъ жизнь дворца и всего двора, смѣнились какъ будто большимъ спокойствіемъ, которое, казалось, обѣщало продержаться нѣкоторое время". Близко около Павла стояли Марія Ѳеодоровна и Нелидова. „Результатомъ этого было уменьшеніе неожиданныхъ перемѣнъ и безпорядка въ поведеніи и въ поступкахъ Императора, большая осмотрительность при выборѣ имъ лицъ, большее благоразуміе, послѣдовательность и устойчивость въ политикѣ, чего онъ раньше не проявлялъ" (147). Но, къ несчастью, продолжаетъ нашъ мемуаристъ, зима 1798—1799 года внесла новыя тревоги. Интригами Кутайсова, Ростопчина и другихъ Павелъ былъ устраненъ отъ вліянія Императрицы и Нелидовой, и подпалъ подъ вліяніе своихъ новыхъ совѣтчиковъ. „Началась жизнь, полная страха". „Наступило нѣчто въ родѣ эпохи террора" (160).

Такими чертами описываетъ Павловское царствованіе кн. А. Чарторыйскій. Хотя его окончательный приговоръ складывается не въ пользу Павла (212), тѣмъ не менѣе, онъ считалъ необходимымъ показать не только обратную, но и лицевую сторону времени Павла I, и его изображеніе тѣмъ болѣе замѣчательно, что Чарторыйскій, какъ полякъ-націоналистъ, не любилъ Россіи и русскихъ и съ удовольствіемъ чаще подчеркивалъ недочеты и темныя стороны, чѣмъ достоинства и положительныя стороны русскаго двора, русскаго общества и государственныхъ порядковъ.

Баронъ Гейкингъ—президентъ-юстицъ-коллегіи и сенаторъ, одно время близко стоялъ ко двору и пользовался милостивымъ вниманіемъ Императора, такъ какъ барону покровительствовала Марія Ѳеодоровна. Въ своихъ запискахъ Гейкингъ болѣе всего останавливается на личности Павла и на борьбѣ придворныхъ партій.

Въ характерѣ Павла онъ подчеркиваетъ доброту, великодушіе, „стремленіе къ справедливости" и порядку, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ такой отзывъ. „Говоря вообще, писалъ Гейкингъ, ни одинъ смертный не проявлялъ въ себѣ

такихъ контрастовъ свѣта и тѣни, какъ Павелъ. Его умъ и страсти, воспріимчивость и жестокость, добродѣтели и пороки, энтузіазмъ въ дружбѣ, переходившей потомъ въ ненависть, его признательность за все, что, по его мнѣнію, дѣлалось для него отъ всего сердца, и его ярость при малѣйшей оплошности, которую онъ замѣчалъ относительно себя, все это проявлялось въ немъ въ высшей степени" [1]).

Несмотря на такія противоположныя свойства, Павелъ, по изображенію Гейкинга, въ первые два года, когда около него стояла группа сановниковъ-приверженцевъ Маріи Өеодоровны (въ числѣ которыхъ—и онъ, Гейкингъ)—былъ хорошимъ правителемъ и многое сдѣлалъ для пользы государства: „стремился водворить законность", приказалъ выработать гражданскій и уголовный кодексъ, путемъ отдѣльныхъ мѣропріятій вводилъ многочисленныя исправленія въ государственныхъ порядкахъ.

Но вотъ со времени второй поѣздки въ Москву (въ 1798 г.) и встрѣчи съ А. П. Лопухиной, въ Павлѣ, по Гейкингу, произошелъ рѣзкій переломъ: „его перемѣнчивое и капризное настроеніе давало себя чувствовать все больше и больше". Онъ отстранилъ отъ себя Императрицу, Нелидову и весь кружокъ сановниковъ и придворныхъ, сгруппировавшійся вокругъ нихъ. Съ той поры „Императоръ, всецѣло попавшій подъ власть своихъ страстей, не чувствуя никакой узды, которая могла бы помѣшать или по крайней мѣрѣ ослабить ихъ взрывы, предался излишествамъ, до сихъ поръ неслыханнымъ". Около Императора быстро образовалась „шайка" „интригановъ", „людей злыхъ", „низкихъ" и корыстныхъ: среди нихъ главенствовали Кутайсовъ, кн. Безбородко, гр. Паленъ и Ростопчинъ, которые потакали слабостямъ Павла и умѣли играть на его настроеніи (34—37).

---

[1]) Дни императора Павла. Записки Курляндскаго дворянина (барона Гейкинга). Изданіе Ө. И. Булгакова. П., 1907 г., стр. 19.

Первоначально—„Aus den Tagen Kaiser Pauls" (Heyking), Bienemann, Leipzig, 1886; затѣмъ записки Гейкинга были переведены на рус. яз. и напечатаны, за исключеніемъ V главы, въ Рус. Стар. за 1887 г., т. 56; а позднѣе въ сборникахъ: „Цареубійство 11 марта", П., 1907; „Время Павла и его смерть", изд. „Русской Были", М., 1908 г.

Съ того времени все „управленіе получило совершенно другой характеръ“ (34), а позднѣе — „все пошло вверхъ дномъ“ (39). Павелъ перемѣнилъ всѣхъ чиновниковъ придворнаго вѣдомства и департамента иностранныхъ дѣлъ, постоянно увольнялъ изъ арміи генераловъ и другихъ высшихъ чиновъ — „все это казалось ему проявленіемъ силы, которое должно было убѣдить всю Европу, что для него важны только строгіе принципы порядка, справедливости и аккуратности“ (42).

Въ послѣдній годъ жизни Павелъ „день ото дня становился все болѣе недовѣрчивымъ и раздражительнымъ“, издавалъ суровыя распоряженія и многихъ несправедливо наказывалъ. Чтобы объяснить „непонятное поведеніе бѣднаго Императора за послѣдніе мѣсяцы“, когда „добро и зло слѣдовали у него одно за другимъ“, Гейкингъ предлагаетъ читателямъ такую „гипотезу“: „по моему мнѣнію, пишетъ онъ, каждый актъ доброты шелъ отъ теплаго чувства, а все то, что носило отпечатокъ жестокости, было результатомъ косвеннаго внушенія, зависти, ненависти, желанія показать самую вѣрную преданность его особѣ и, воспользовавшись положеніемъ, ускорить кризисъ, который становился положительно необходимъ; благодаря своему вѣроломству и хитрости, интриганы не видѣли другого средства обезопасить себя, какъ совершить преступленіе“ (61). Такъ бар. Гейкингъ приходитъ къ мысли о томъ, что причина жестокостей послѣднихъ двухъ лѣтъ царствованія и трагической смерти Павла I лежитъ не столько въ личности самого Императора, сколько въ злонамѣренности и преступности лицъ, его окружавшихъ.

Записки Гейкинга, какъ я указалъ выше, любопытны въ томъ отношеніи, что онѣ характеризуютъ придворную среду и вскрываютъ тотъ антагонизмъ, который существовалъ между двумя главными группами или „партіями“ при дворѣ: а) Маріи Ѳеодоровны и Нелидовой, съ одной стороны, и б) Кутайсова, Палена и Ростопчина, съ другой. Но, конечно, принадлежность бар. Гейкинга къ одной изъ боровшихся группъ не даетъ ему возможности вполнѣ безпристрастно освѣтить событія; отсюда у него восхваленіе Павла и его дѣятельности за первые два года царствованія, когда и Гейкингъ близко

стоялъ къ Императору, и неодобреніе второй половины царствованія, когда его постигла, вмѣстѣ съ другими членами кружка, опала.

Воспроизводя въ памяти отзывы мемуаристовъ о времени Павла I, читатель можетъ видѣть, насколько различны, порой противорѣчивы характеристики современниковъ, даваемыя ими какъ Императору, такъ и его правительственной дѣятельности. Въ то время какъ Тургеневъ и де-Сангленъ рѣшительно утверждаютъ, что у Павла было „временное жалкое разстройство ума", онъ впалъ въ „родъ временнаго сумасшествія" или безумія, другіе мемуаристы, какъ, напр., И. В. Лопухинъ, отмѣчаютъ „остроту ума" Павла, а Гейкингъ писалъ, что Императоръ въ разговорѣ съ нимъ „говорилъ умно, съ знаніемъ жизни и справедливо".

Одни видятъ въ Павлѣ человѣка злопамятнаго, грубаго и жестокаго (Тургеневъ, де-Сангленъ, Комаровскій), другіе рисуютъ его человѣкомъ сердечнымъ, добрымъ, мягкимъ, чувствительнымъ, обладающимъ замѣчательнымъ „даромъ приласкать" (Саблуковъ, Болотовъ, Лопухинъ).

Тургеневъ изображаетъ Павла настойчивымъ, обладающимъ „желѣзной волей", Мертваго говоритъ о „перемѣнчивомъ нравѣ Государя", а Гейкингъ изображаетъ Павла человѣкомъ внутренно слабымъ, легко поддающимся вліянію другихъ и являющимся, такъ сказать, игрушкой въ рукахъ другихъ.

По Тургеневу, Павелъ „питалъ злобу къ своей матери" и къ порядкамъ, созданнымъ ею, по словамъ записокъ Ханенки, „Императоръ самъ всегда былъ почтительнымъ сыномъ". По мнѣнію однихъ (Тургеневъ, де-Сангленъ, гр. Комаровскій) основными мотивами дѣятельности Павла были ненависть къ прежнимъ Екатерининскимъ учрежденіямъ, желаніе разрушить порядокъ, освященный временемъ; по мнѣнію другихъ (Болотовъ, отчасти А. Чарторыйскій), такими мотивами было желаніе искоренить прежнія злоупотребленія и установить законность и порядокъ во имя блага своихъ подданныхъ. Тургеневъ утверждаетъ, что мѣропріятія Павла были безцѣльны и вредны, Державинъ также приводитъ нѣкоторыя

„не сообразныя съ здравымъ разсудкомъ повелѣнія“, Болотовъ, Гейкингъ и Лубяновскій указываютъ на рядъ полезныхъ и благодѣтельныхъ мѣропріятій, проведенныхъ въ царствованіе Павла I.

Большинству мемуаристовъ кажется, что съ воцареніемъ Павла настало „бурливое время“, пронесся „ужасный ураганъ, все ниспровергшій“, произошелъ „переворотъ“, съ первыхъ дней царствованія, который перевернулъ „все вверхъ дномъ“, при Павлѣ водворился „хаосъ“ (Мертваго, Гейкингъ, де-Санглёнъ, Тургеневъ), тогда какъ нѣкоторые мемуаристы (Саблуковъ, Болотовъ) замѣчаютъ въ дѣйствіяхъ правительства новую правительственную „систему“, при чемъ одинъ изъ нихъ говоритъ даже о спокойномъ теченіи государственной жизни первыхъ мѣсяцевъ царствованія.

По словамъ Тургенева, дѣятелями Павловскаго времени были люди невѣжественные, грубые, не имѣющіе правильнаго понятія о государственныхъ дѣлахъ, по Болотову—сановниками новаго царствованія были назначены люди достойные, даровитые. Таковы—противорѣчивые отзывы мемуаристовъ о Павлѣ и его времени.

Отсюда видно, что довѣриться отзыву того или другого мемуариста безъ предварительной провѣрки и анализа самихъ мемуаровъ—невозможно; также нельзя принимать за чистую монету и сообщенія о фактахъ. Насколько различно мемуаристы передаютъ фактическія свѣдѣнія и какъ изобрѣтательны они въ сообщеніи анекдотическихъ подробностей, покажетъ слѣдующій примѣръ.

Ѳ. П. Лубяновскій, со словъ очевидцевъ, разсказываетъ объ одномъ „незабавномъ случаѣ“, который, однако, „окончился смѣхомъ по милости таракана“. Передъ поѣздкой по Россіи Государь издалъ распоряженіе о томъ, чтобы дороги и мосты не исправлялись. Проѣзжая по Смоленской губерніи, онъ въ одномъ мѣстѣ „по неубраннымъ щепамъ замѣтилъ свѣжія подѣлки“ и узнавъ, что мостъ былъ починенъ по приказанію „предводителя“, велѣлъ князю Безбородко написать о томъ „что-то весьма нелегкое“. Когда же Безбородко началъ писать указъ въ избѣ, то ему на руку вскочилъ тараканъ,

Безбородко же, какъ огня, боялся тараканов; „выскочилъ изъ избы и, какъ шальной, съ перомъ въ рукѣ и безъ шляпы, побѣжалъ по селу, а народъ толпою за нимъ". Доложили объ этомъ смѣшномъ случаѣ Павлу, онъ издалъ короткій приказъ: „Въ погоню за нимъ и сюда привести", а когда появился Безбородко, то Павелъ сказалъ: „Что кн. Александръ Андреевичъ, струсили? Бросьте!" [1]).

Тотъ же случай передаетъ Тургеневъ, но съ другими существенными варіантами. А. М. Тургеневъ разсказываетъ: во время путешествія въ 1798 г. „на послѣдней станціи отъ Москвы къ Смоленску крестьяне, при проѣздѣ Государя, упали на колѣни и жаловались на притѣсненія, выразившіяся преимущественно въ томъ, что крестьянъ разорили постройкой дороги къ пріѣзду Государя. Павелъ спросилъ: Кто же виноватъ въ этомъ? Крестьяне отвѣчали—предводитель. Въ гнѣвѣ Павелъ закричалъ: „Палача сюда, палача"! Палача въ данную минуту не было, предводителя „заковали въ желѣза и отправили въ Смоленскъ, куда поѣхалъ и самъ Императоръ. При входѣ въ соборъ, генералъ Философовъ заградилъ ему дорогу и сказалъ: Ты, Государь, въ гнѣвѣ.... нельзя въ такомъ состояніи входить въ храмъ. Павелъ тотчасъ же смягчился, простилъ виновнаго и въ добромъ расположеніи духа вошелъ въ храмъ [2]).

Разсказъ съ такими варіантами извѣстенъ былъ и Лубяновскому, но онъ его опровергаетъ въ той части, которая касается генерала Философова; по его словамъ, сцены у собора въ г. Смоленскѣ не могло быть: а) въ моментъ пріѣзда Павла въ Смоленскъ Философова тамъ не было, онъ нахо-

---

[1]) Рус. Арх., 1872 г., IV, стр. 159—160.

Камеръ-пажъ А. А. Башиловъ, сопровождавшій Павла во время путешествія, сообщаетъ только о нѣкоторомъ неудовольствіи Павла въ моментъ пріѣзда въ Пневу по поводу худой дороги, но о случаѣ съ предводителемъ не упоминаетъ. О тараканахъ у него—такой разсказъ. Въ Пневѣ вошли въ избу, увидѣли цѣлую „армію прусаковъ, но безъ Фридриха"; сѣли за столъ, подали кушать, отъ свѣта и пара (отъ кушаній) поползли прусаки по потолку, стали падать въ супы и соусы. Государь былъ „терпѣливъ: упадетъ прусакъ въ тарелку, онъ его выкинетъ, и кушаетъ". Когда же увидѣлъ, что нѣкоторые сановники не ѣли, то спросилъ: Что же вы не кушаете?; тѣ, морщась, стали ѣсть (Заря, 1871, № 12, стр. 206).

[2]) Рус. Стар., 1895, кн. VII, 87—88.

дился въ Минскѣ; б) „самый мостъ, предметъ драмы, былъ гораздо за Смоленскомъ къ Бѣлоруссіи“ [1]).

Не буду пока разбирать, насколько правъ въ своемъ опроверженіи Лубяновскій, такъ какъ, кромѣ этихъ двухъ разсказовъ, существуетъ третій, тоже передаваемый со словъ очевидцевъ, съ новыми весьма любопытными подробностями. Авторъ этого третьяго разсказа—Ханенко; онъ сообщаетъ слѣдующее [2]).

При проѣздѣ черезъ Смоленскую губернію, Государь замѣтилъ, что множество крестьянъ чинило дорогу; при разспросахъ они сказали, что высланы для исправленія пути, по случаю царскаго проѣзда, помѣщикомъ Храповицкимъ, и при этомъ стали жаловаться на притѣсненія своего владѣльца. „Взволнованный“ Императоръ, по прибытіи на станцію, въ присутствіи придворныхъ и наслѣдника, „сталъ громко выражать свое негодованіе за ослушаніе его повелѣній“. „Какъ вы думаете, сказалъ Государь, Храповицкаго надо наказать въ примѣръ другимъ? Всѣ безмолствовали. Тогда онъ, обратясь къ наслѣднику престола, сказалъ:—Ваше Высочество, напишите указъ, чтобы Храповицкаго разстрѣлять, и напишите, чтобы народъ зналъ, что вы дышите однимъ со мною духомъ“. Благодушный Александръ, продолжаетъ Ханенко, въ смущеніи вышелъ въ другую комнату; въ это время подъѣхала отставшая карета Безбородки. Великій князь бросился къ нему, разсказалъ происшедшее и просилъ успокоить Государя. Безбородко вошелъ въ комнату Павла, который, объяснивъ ему дѣло, спросилъ: „Какъ вы думаете, хорошо ли я сдѣлалъ, что приказалъ разстрѣлять Храповицкаго?—Достодолжно и достохвально, Государь, отвѣчалъ кн. Безбородко“. Великій князь и всѣ были поражены такимъ его отвѣтомъ. „Вотъ видите, воскликнулъ Государь, что говоритъ умный человѣкъ; а вы чего всѣ испугались? Подождавъ немного, Безбородко продолжалъ: только, Государь, Храповицкаго надо казнить по суду, чтобы всѣ знали, что ослушника повелѣній

---

[1]) Рус. Арх., 1872, стр. 159.
[2]) Рус. Арх., 1868 г., стр. 1079—„Разсказы генерала Котлубицкаго“.

Государя караетъ законъ; слѣдовательно, нужно послать указъ смоленской уголовной палатѣ, чтобы она немедленно пріѣхала въ полномъ своемъ составѣ на мѣсто и поставила свое опредѣленіе. Государь на это согласился, и сей же часъ о томъ былъ посланъ съ фельдъегеремъ указъ палатѣ, а Государь отправился въ путь. Безбородко же съ намѣреніемъ отсталъ. Замѣтивши вдали нѣсколько скачущихъ троекъ съ чиновниками въ мундирахъ и съ зерцаломъ, вышелъ изъ экипажа, пошелъ впередъ и, какъ бы гуляя, встрѣтилъ необыкновенный поѣздъ, остановилъ его, отвелъ въ сторону предсѣдателя и сказалъ ему, чтобы палата дѣйствовала въ предстоящемъ дѣлѣ какъ можно осторожнѣе и сообразно съ законами, иначе она можетъ подпасть подъ справедливый гнѣвъ Государя. По суду Храповицкій, выславшій крестьянъ для исправленія дороги не по случаю проѣзда Государя, а въ виду дождей, испортившихъ путь, былъ оправданъ [1]).

Прежде, чѣмъ рѣшать вопросъ, какой разсказъ болѣе всего близокъ къ истинѣ, я отмѣчу, что въ двухъ изъ нихъ приводится подробность, совершенно не согласная со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о Павлѣ. Въ одномъ случаѣ Павелъ зоветъ палача, въ другомъ онъ приказываетъ разстрѣлять Храповицкаго. Какъ извѣстно, Павелъ былъ рѣшительнымъ противникомъ смертной казни, а потому онъ и не могъ, хотя бы въ пылу гнѣва, издавать подобнаго распоряженія. Къ счастью для насъ, сохранилось нѣсколько оффиціальныхъ документовъ, на основаніи которыхъ можно составить болѣе правильное представленіе о происшествіяхъ, связанныхъ съ Пневскимъ мостомъ.

Передъ своимъ путешествіемъ весной 1797 года Павелъ, не желая отвлекать крестьянъ и сельскихъ обывателей отъ полевыхъ работъ, запретилъ производить какія либо приготовленія къ его пріѣзду, сборы съ крестьянъ и наряды. Когда же, въ началѣ мая, онъ выѣхалъ изъ Москвы, то, не доѣзжая до Смоленска, въ Пневой слободѣ увидѣлъ новый

[1]) Рус. Арх., 1868 г., столб. 1079—1080; разсказъ изложенъ мной словами мемуариста, весьма близко къ тексту Ханенки.

мость, „сдѣланный безъ всякой надобности“ слободскими и окольнихъ деревень ямщиками, которые находились на этой работѣ три недѣли, „упустя чрезъ то столь удобное время къ хлѣбопашеству“ и потративъ большую сумму на матеріалы. Разспросивъ объ этомъ, Государь выразилъ свое „крайнее неудовольствіе“ по этому случаю и тутъ же приказалъ: а) ямщикамъ выдать изъ своей казны 2500 руб., б) генералу Философову, какъ смоленскому военному губернатору, выяснить и донести Государю, по пріѣздѣ въ Смоленскъ, кто именно приказалъ производить эту работу, а по выясненіи, предать виновныхъ суду, взыскавъ съ нихъ все то, что ямщиками было издержано.

Указы объ этомъ написаны были, по наблюденію (надъ почеркомъ) автора книги о кн. Безбородкѣ, Н. Григоровича, рукою Д. П. Трощинскаго [1]). Въ Смоленскѣ генералъ М. М. Философовъ доложилъ Государю, что виновники постройки моста поступили такъ „по невѣдѣнію“ о волѣ Государя. Павелъ смягчился и простилъ ихъ, освободивъ отъ денежнаго взысканія и преданія суду [2]).

Отсюда видно, что всѣ приведенные выше разсказы—о тараканѣ, о палачѣ, о сценѣ вблизи собора въ Смоленскѣ, о бесѣдѣ Павла съ придворными, Александромъ Павловичемъ и кн. Безбородко, о скачущихъ тройкахъ съ чиновниками палаты и о прогулкѣ среди полей кн. Безбородко—являются плодомъ досужей фантазіи мемуаристовъ; даже опроверженія Ѳ. П. Лубяновскаго, вѣрныя по цѣли, тѣмъ не менѣе ошибочны по фактическимъ свѣдѣніямъ: а) мостъ былъ передъ Смоленскомъ, а не за нимъ, б) М. М. Философовъ въ моментъ проѣзда Государя находился не въ Минскѣ, а въ Смоленскѣ.

Приведу еще одинъ—два примѣра, чтобы установить, можно ли безъ какихъ либо ограниченій и разсужденій довѣрять разсказамъ мемуаристовъ. Большой извѣстностью пользуются разсказы о томъ, 1) какъ Павелъ прямо съ ученья

---

[1]) Григоровичъ Н., Канцлеръ кн. А. А. Безбородко (Сборникъ И. Рус. Ист. Общ., т. 29, стр. 380). П., 1881.

[2]) Сен. Арх., т. I, 221, 427.

сослалъ въ Сибирь цѣлый полкъ, и 2) какъ по его приказу велѣно было обывателямъ столицы извѣщать полицію за три дня объ имѣющемъ быть у нихъ пожарѣ. Нужно ли въ настоящее время доказывать то, что эти разсказы, столь часто повторявшіеся и въ книгахъ и въ устной бесѣдѣ, представляютъ собой простую выдумку [1]). Какъ будто больше основательности въ сообщеніи сановника и поэта Г. Р. Державина, который разсказываетъ о томъ, что въ концѣ царствованія Павелъ допускалъ явныя несообразности, такъ, напр., онъ надъ тремя разнорѣчивыми мнѣніями о внутреннемъ судоходствѣ и постройкѣ судовъ подписалъ „быть по сему", благодаря чему въ сенатѣ недоумѣвали, какое же мнѣніе получило Высочайшую конфирмацію, вопроса не рѣшили, такъ и опубликовали въ этомъ видѣ [2]).

Это извѣстіе подхвачено было историками и писателями и переходило отъ одного къ другому, какъ примѣръ въ лучшемъ смыслѣ невниманія Павла къ докладамъ, въ худшемъ— полнаго непониманія имъ дѣлъ, неспособности разбираться въ нихъ, свидѣтельствующей, по словамъ нѣкоторыхъ, о „безуміи" Павла [3]).

По счастью, можно точно провѣрить сообщеніе Г. Р. Державина. Докладъ, конфирмованный Павломъ, сохранился въ копіи, а текстъ его напечатанъ въ Полномъ Собраніи Законовъ [4]). Онъ представляетъ собой: 1) изложеніе мнѣнія купечества, 2) замѣчанія гр. Кушелева и 3) мнѣніе коммерцъ-коллегіи, отъ имени которой подносился докладъ. Въ

---

[1]) О ссылкѣ въ Сибирь полка—см. Шильдеръ Н. К., Имп. Павелъ I, 583; Валишевскій К., Сынъ Вел. Екатерины, 143.

Приказъ о пожарахъ приводитъ А. М. Тургеневъ (Рус. Ст. 1887, т. 53, 100), какъ свидѣтельство глупости С.-Петербургскаго губернатора Рылѣева и относитъ его къ 1796 г. Но историки предположили, что этотъ приказъ изданъ, конечно, на основаніи распоряженія Павла (См. В. И. Семевскій, статья въ книгѣ Брикнера, Смерть Павла I, стр. XI). Однако, подобнаго Павловскаго распоряженія нигдѣ нѣтъ, существовалъ лишь приказъ—немедленно докладывать Императору о всякомъ пожарѣ, начавшемся въ столицѣ.

[2]) Сочиненія, 2-ое изд., VI, 695.

[3]) Дмитріевъ Ѳ., Сперанскій (Рус. Арх., 1868 г., стр. 1582); Шумигорскій, Павелъ I, 165; Семевскій В. И. — въ кн. Брикнера; Нольде (въ Ист. сената, II, 746); Валишевскій, 144.

[4]) Высоч. конфирм. докладъ 1-го ноября 1800 г.—П. С. З., № 19624.

нѣкоторыхъ частяхъ купечество, Кушелевъ и коллегія въ своихъ мнѣніхъ сходятся, въ другихъ же излагаютъ каждый свое особое мнѣніе. Но докладъ былъ поднесенъ отъ имени коммерцъ-коллегіи, а потому конфирмація касается не трехъ разнорѣчивыхъ мнѣній, а одного, именно мнѣнія коммерцъ-коллегіи, отъ имени которой былъ поднесенъ докладъ [1]). Такъ понялъ конфирмацію и Державинъ, какъ это видно изъ послѣдующаго коллежскаго доношенія сенату, за подписью самого Державина [2]).

Эти примѣры наглядно иллюстрируютъ ту мысль, что совершенно невозможно пользоваться мемуарными свѣдѣніями безъ какой либо критики. Близкое изученіе мемуаровъ, сопоставленіе ихъ между собою, провѣрка сообщаемаго стороннимъ оффиціальнымъ или другимъ какимъ-нибудь матеріаломъ приводятъ къ выводу, что мемуарныя свѣдѣнія весьма далеки отъ объективной истины, и часто искажаютъ дѣйствительность настолько, что она становится едва узнаваемой, и только самая тщательная критика мемуаровъ, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя [3]), даетъ нѣкоторую возможность пользоваться этимъ матеріаломъ, какъ вспомогательнымъ средствомъ при освѣщеніи эпохи или отдѣльнаго событія.

Предъ читателемъ прошелъ рядъ мемуаристовъ, людей разнаго возраста, разнаго общественнаго положенія. Они

[1]) Аналогичнымъ примѣромъ можетъ быть конфирмація доклада по уголовному дѣлу, гдѣ тремя инстанціями положены 3 разныхъ степени наказанія, и тѣмъ не менѣе конфирмація касается приговора не всѣхъ трехъ, а той только инстанціи, отъ имени которой поднесенъ Государю докладъ.

[2]) *Сен. Арх.*, *Книги копій*, № 267, л. 124—134. Въ доношеніи читаемъ: „Коммерцъ-коллегія... представляетъ съ Высоч. конфирмованнаго мнѣнія оной коллегіи" копію (л. 135).

Я предполагаю, что внѣшнимъ поводомъ къ мысли о „несообразности" резолюціи Павла могло быть то, что она, если судить по копіи, была написана поверхъ доклада растянуто, захвативъ такимъ путемъ три мнѣнія. Но ближайшее разсмотрѣніе дѣла не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что конфирмовано мнѣніе коммерцъ-коллегіи, которая поднесла докладъ, и эта внѣшняя форма отвѣчаетъ существу дѣла, такъ какъ мнѣніе коллегіи въ нѣкоторыхъ частяхъ основывается на мнѣніи купечества и замѣчаніяхъ Кушелева.

[3]) О мемуарахъ, способѣ пользованія ими и значеніи ихъ, какъ историческаго источника, см. слѣдующія работы: а) Иконниковъ В. С., Опытъ русской историографіи, Кіевъ, 1891, т. I, кн. I, 46, 58—63 и др.; б) Чечулинъ Н. Д., Мемуары, ихъ значеніе и мѣсто въ ряду историческихъ источниковъ, П., 1891; в) Wolf Gustav, Einführung in das Studium der neueren Geschichte, Berlin, 1910, 334 — 346 и др.; г) Лаппо-Данилевскій А. С., Методологія исторіи, П., 1913, т. II, стр. 351 и др.

далеко расходятся въ своихъ взглядахъ на Павла и его правительственную дѣятельность, но большинство изъ нихъ опредѣленно отрицательно настроены къ Павлу, какъ къ правителю. Это обстоятельство заставляетъ искать общихъ чертъ, присущихъ подавляющему большинству мемуаристовъ, съ цѣлью отысканія возможной причины подобнаго согласія.

При поискахъ, вспоминая Тургенева, Лунина, гр. Комаровскаго, Саблукова, Лопухина, бар. Гейкинга и другихъ, нельзя не замѣтить того, что мемуаристы въ массѣ вышли изъ одной общественной среды, именно изъ правящихъ дворянскихъ круговъ; только немногіе, какъ Августъ Коцебу или пасторъ Зейдеръ, не принадлежали къ нимъ. Естественно было то, что мемуаристы, разсказывая о томъ, что они видѣли или слышали, изливая свои чувства по поводу этого, отражали настроеніе той среды, къ которой они принадлежали по рожденію, воспитанію, службѣ и связямъ.

Какъ вышедшіе изъ одной среды, они, несмотря на нѣкоторое различіе во взглядахъ, тѣмъ не менѣе по основнымъ вопросамъ, соціально-политическимъ, держатся приблизительно одинаковыхъ воззрѣній. Самодержавный порядокъ правленія они признаютъ и готовы поддерживать его при сохраненіи сословныхъ дворянскихъ правъ и преимуществъ. Подобная чисто дворянская идеологія опредѣляюще налагала печать на отношеніе ихъ къ Павлу и его правительственной дѣятельности. Наиболѣе ясно и типично, по моему мнѣнію, это отношеніе сказалось у мемуариста де-Санглена, который, хотя въ царствованіе Павла и былъ молодымъ человѣкомъ, но, составляя записки позднѣе, на склонѣ дней, и давая общую оцѣнку царствованія Павла, выражалъ ходячее мнѣніе дворянской среды. Императоръ „хотѣлъ, читаемъ у де-Санглена, сильнѣе укоренить самодержавіе, но поступками своими подкапывался подъ оное. Отправляя въ первомъ гнѣвѣ въ одной и той же кибиткѣ генерала, купца, унтеръ-офицера и фельдъегеря, научилъ насъ и народъ слишкомъ рано, что различіе сословій ничтожно. Это былъ чистый подкопъ, ибо безъ этого различія самодержавіе удержаться не можетъ. Онъ намъ данъ былъ или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно. Если бы онъ

наслѣдовалъ престолъ послѣ Ивана Васильевича Грознаго, мы благословляли бы его царствованіе. Но онъ явился послѣ Екатерины, послѣ вѣка снисходительности, милосердія, счастья, и получилъ титулъ тирана" [1]).

Нельзя не обратить вниманія также и на то обстоятельство, что лица, ближе стоявшія къ Павлу и посвященныя въ смыслъ его преобразованій, даже, не сочувствуя ему, относились къ Павлу мягче, а тѣ, кто былъ отъ него далекъ, правительственныя мѣропріятія воспринималъ внѣшне, не вникая въ ихъ государственное значеніе, и кто отражалъ въ своихъ мемуарахъ не одно только свое личное мнѣніе, но и воззрѣніе окружающей среды, тотъ тѣмъ рѣзче, тѣмъ безпощаднѣе былъ въ отзывахъ о Павлѣ. Какъ разъ большинство мемуаристовъ знали Павла мало и были далеки отъ него. Ни Нелидова или Куракинъ, ни Репнинъ, ни Обольяниновъ, ни другія лица, близкія къ Павлу, не оставили своихъ мемуаровъ или дневниковъ, а тѣ, кто писалъ о немъ, видѣли Павла мимолетно, въ главной правительственной работѣ не участвовали, писали о времени Павла или по случайнымъ и чисто внѣшнимъ впечатлѣніямъ или же по разсказамъ другихъ и по наслышкѣ.

Къ такимъ мемуаристамъ, въ особенности къ тѣмъ, которые, не зная близко Павла, тѣмъ не менѣе, даютъ ему рѣзко отрицательную характеристику, слѣдуетъ относиться чрезвычайно осторожно, не довѣряя какъ разсказываемымъ фактамъ, такъ и оцѣнкѣ фактовъ, считая такую оцѣнку выраженіемъ личного мнѣнія мемуариста или выраженіемъ мнѣній той дворянски-бюрократической среды, изъ которой вышелъ авторъ.

Въ конечномъ результатѣ я, послѣ изученія мемуаровъ времени Павла I, пришелъ къ выводу, что мемуары, какъ источникъ противорѣчивый и мало достовѣрный, не могутъ служить основнымъ матеріаломъ при изученіи и попыткахъ исторически-объективнаго освѣщенія времени Павла I. Такимъ матеріаломъ являются правительственныя распоряженія

[1]) Рус. Старина, 1882 г., т. XXXVI, стр. 496—497.

въ видѣ указовъ, Высочайше утвержденныхъ докладовъ сената и повелѣній разнаго рода, судебная практика, административная переписка и прочіе документы оффиціальнаго происхожденія. Мемуары же могутъ быть только второстепеннымъ матеріаломъ, при пользованіи которымъ необходимо соблюдать чрезвычайную осторожность, тщательно провѣряя всякую строчку мемуариста, и приводить свѣдѣнія мемуарныя лишь какъ дополненіе къ тому, что болѣе или менѣе установлено документальнымъ путемъ.

2. Взгляды историковъ на императора Павла и его правительственную дѣятельность.

Въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ мемуаристами историки далеко не одинаково смотрятъ на время Павла. Въ то время какъ одни, напр., Брикнеръ, Шильдеръ, Валишевскій въ большей или меньшей степени отрицательно относятся и къ императору Павлу и къ его правительственной дѣятельности, другіе — Милютинъ, М. И. Семевскій и Буцинскій — подчеркиваютъ положительныя свойства характера Павла и находятъ важныя, цѣлесообразныя и полезныя стороны въ его дѣятельности; третьи, наконецъ, каковыми являются Григоровичъ, Панчулидзевъ, Шумигорскій и другіе, занимаютъ среднее примирительное положеніе: они отмѣчаютъ какъ отрицательныя стороны, такъ и положительныя.

Не задаваясь цѣлью составленія полнаго библіографическаго обзора [1]) о царствованіи Павла I, я вкратцѣ попытаюсь намѣтить и охарактеризовать мнѣнія главныхъ представителей тѣхъ трехъ теченій исторической мысли, которыя только что мной указаны выше.

Въ одной изъ давнихъ работъ, вышедшей въ свѣтъ въ 1859 году и посвященной исторіи Александра I, И. Головинъ въ началѣ книгѣ даетъ краткую характеристику

---

[1]) Подробную библіографію см. въ указанной выше біографіи Павла I—Е. С. Шумигорскаго, помѣщенной въ Рус. Біогр. Словарѣ, а также въ книгѣ К. Валишевскаго, Сынъ Великой Екатерины—Имп. Павелъ I. П. 1914, 653—662.

Павла, въ которой онъ со словъ генерала, близко знавшаго этого Императора, заявлялъ, что Павелъ — былъ чисто помѣшанный (purement un aliéné) и то благодушіе, въ которомъ онъ иногда находился, являлось лишь временнымъ перерывомъ его безумія (l'interruption de sa folie). Его дѣятельность была вредной для государства, и насильственная смерть была необходимымъ выходомъ изъ труднаго положенія [1]).

Въ этой работѣ сильно сказалось вліяніе мемуарной традиціи. Головинъ пишетъ со словъ современника Павла, передавшаго ему изъ устъ въ уста о своихъ впечатлѣніяхъ отъ непосредственнаго общенія съ Павломъ, но кто этотъ генералъ, разсказывавшій автору о Павлѣ, Головинъ не называетъ; онъ пытается объяснить и до нѣкоторой степени оправдать „катастрофу" 11-го марта, и смерти Павла отводитъ небольшую главу въ своей книжкѣ.

Книга Головина вышла за-границей, въ Россіи же по цензурнымъ условіямъ долгое время невозможно было касаться вопросовъ, связанныхъ со смертью Павла I. Главнымъ образомъ по этой причинѣ въ Россіи въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій не было спеціальныхъ работъ, посвященныхъ царствованію Павла во всей его совокупности; обычно же историки касались только нѣкоторыхъ сторонъ, напр., военной исторіи (Милютинъ, Лебедевъ) или біографіи Павла до его вступленія на престолъ (Кобеко); или же только попутно, при разработкѣ другихъ вопросовъ и спеціальныхъ темъ, вскользь затрагивалось и время императора Павла (Бліохъ, В. И. Семевскій и др.), при чемъ ему давалось иногда и общая бѣглая характеристика (А. Н. Пыпинъ, кн. Васильчиковъ, Петрушевскій). Остановлюсь прежде всего на сочиненіяхъ послѣдняго рода.

А. Н. Пыпинъ въ своей извѣстной книгѣ „Общественное движеніе при императорѣ Александрѣ I", вышедшей первымъ изданіемъ въ 1871 году, въ первыхъ главахъ пытался въ немногихъ словахъ охарактеризовать время

[1]) Golovin Ivan, Histoire d'Alexandre I-er, P., 1859, стр. 5 — 9, 16 — 19.

Павла, какъ эпоху тяжелую для какой-либо общественной работы.

Царствованіе Павла, писалъ А. Н. Пыпинъ, было „временемъ произвола, наводнившаго страхъ и трепетъ“, эпохой „произвола и насилія“. „Правда, по отзывамъ людей, хорошо знавшихъ характеръ Павла, въ этомъ характерѣ были черты, внушавшія уваженіе, были инстинкты безпристрастія, рыцарской честности, великодушія, справедливости, но надъ всѣмъ этимъ до такой степени господствовалъ безпредѣльный личный произволъ, минутная раздражительность, готовая вспыхнуть при самомъ ничтожномъ поводѣ, что самыя лучшія качества могли проявляться только чисто случайно; при томъ и они проявлялись почти всегда въ самыхъ своеобразныхъ формахъ, внушавшихъ одинъ страхъ“. Въ дѣла государственныя Павломъ привнесена была „личная раздражительная мелочность“. „Гатчинскіе привычки перенесены были на управленіе имперіей“. „Милитаризмъ сталъ господствовать и здѣсь“, при чемъ въ управленіи „замѣтно было желаніе подорвать или уничтожить учрежденія Екатерины“.

Была ли у Павла своя система или какіе либо отчетливые взгляды на существо его власти и на задачи правительственной дѣятельности? На это Пыпинъ отвѣчалъ такъ.

У императора Павла было „особенное, нѣсколько фантастическое представленіе о достоинствѣ его власти: онъ понималъ ее, какъ нѣчто въ родѣ власти Гарунъ-аль-Рашида, хотѣлъ все знать, все видѣть, вездѣ водворить добродѣтель и преслѣдовать порокъ,—онъ дѣйствительно попадалъ на отдѣльные случаи и строго каралъ ихъ, но онъ былъ безсиленъ противъ общихъ явленій“. „Изъ-за мелочныхъ фрунтовыхъ и подобныхъ формальностей, которымъ была придана величайшая важность, должны были ускользать отъ вниманія, и дѣйствительно ускользали самые крупные интересы государства и общества“, но какіе именно—А. Н. Пыпинъ не пояснилъ. „Для подданныхъ, читаемъ дальше, Павелъ хотѣлъ быть недостижимымъ божествомъ, требовалъ самаго униженнаго поклоненія“. „По идеѣ о своемъ всемогуществѣ, онъ требовалъ вообще моментальнаго исполненія своихъ

приказовъ, и очень часто требовалъ совершенно невозможнаго. Милость его всегда была на волоскѣ; она каждую минуту могла превратиться въ необузданный гнѣвъ,—удаленіе изъ службы, арестъ, ссылка были вещи самыя обыкновенныя".

„Во всемъ поражало отсутствіе принципа и послѣдовательности". „Собственные взгляды (Павла) выражались такими отрывочными, противорѣчивыми и ничѣмъ необъяснимыми распоряженіями, что въ нихъ нельзя было указать даже никакой, хотя бы ложной, но обудуманной системы". „Единственное, что было ясно, это—господство фрунтовой субординаціи, принципъ, который былъ распространенъ на самыя сложныя государственныя дѣла, и преслѣдованіе якобинства". „Павелъ желалъ истребить всѣ якобинскія наклонности (русскаго образованнаго общества) и успѣлъ, въ короткое время, навести такой страхъ, что общество стало совершенно безгласно". „Въ результатѣ такихъ пріемовъ правленія былъ всеобщій страхъ". Павелъ „не въ состояніи былъ привязать къ себѣ даже ретроградныхъ элементовъ общества". Благодаря этому „положеніе вещей было натянутое до послѣдней степени". „Характеръ правленія императора Павла наводилъ уже тогда значительный кругъ людей на мысль, что слѣдуетъ иначе смотрѣть на традиціонный характеръ власти", что „для нея необходимы извѣстныя границы" [1]).

Въ такихъ чертахъ изобразилъ А. Н. Пыпинъ правленіе Павла I, при чемъ онъ свою характеристику, кромѣ нѣсколькихъ ссылокъ на немногіе мемуары и пособія, не подкрѣпилъ никакими болѣе или менѣе обстоятельными фактическими указаніями.

Нѣсколькими годами поздѣе вышла на нѣмецкомъ языкѣ книга Бернгарди, посвященная исторіи Россіи [2]); въ ней авторъ отвелъ значительное мѣсто времени Павла I, при чемъ его вниманіе сосредоточилось преимущественно на внѣшнихъ обстоятельствахъ и событіяхъ царствованія: на

[1]) Пыпинъ А. Н., Общественное движеніе при Александрѣ I. 1-е изд. П., 1871 г., 48—57; ср. 15 и др.

[2]) Theodor von Bernhardi, Geschichte Russlands und der europäischen Politik in den Jharen 1814 bis 1831. Leipzig, 1875, II, 2, стр. 367—438.

обстановкѣ, среди которой вступилъ на престолъ Павелъ, на біографіи и характеристикѣ любимцевъ Павла (Кутайсова, Аракчеева, Ростопчина), на внѣшней политикѣ, на отношеніяхъ къ Франціи, Англіи и къ Мальтійскому ордену въ особенности, а также къ іезуитамъ; но болѣе всего у Т. Бернгарди интересъ проявился къ событію 11-го марта 1801 года. Здѣсь онъ воспользовался рукописными мемуарами генерала Бенигсена и другихъ непосредственныхъ участниковъ этого событія и подробно разсказалъ о трагедіи Михайловскаго замка, которую назвалъ дворцовымъ переворотомъ (Palast-Revolution) въ полномъ смыслѣ этого слова [1]).

О характерѣ Павла Бернгарди говоритъ, что Павелъ былъ способенъ къ благороднымъ, рыцарскимъ побужденіямъ, но они никогда не выступали иначе, какъ съ нѣкоторыми болѣзненными изгибами. Онъ былъ собственно добродушенъ, хотѣлъ добра, но мимолетныя дѣйствія могли вызвать въ немъ припадокъ безмѣрной злобы, во время которой Императоръ терялъ всякое самообладаніе и становился невѣроятно грубъ и жестокъ. Благодаря такому характеру важнѣйшія стороны внѣшней и внутренней политики часто зависѣли отъ минутнаго расположенія духа, отъ каприза, а не отъ продуманнаго плана или какой либо системы. Неизмѣримо высокое представленіе о своемъ достоинствѣ, какъ императорѣ, враждебное чувство противъ памяти и дѣлъ своей матери, боязнь вліянія идей французской революціи, пристрастіе къ военному дѣлу, увлеченіе Мальтійскимъ орденомъ—руководили Павломъ въ его дѣятельности, въ которой, однако, никакой системы не было, такъ какъ непостоянное настроеніе Императора и крайности его характера вносили въ дѣла только безпорядокъ. Всѣ дѣйствія Императора вызывали у старыхъ

---

[1]) Бернгарди еще раньше въ журналѣ, издаваемомъ Зибелемъ (Sybel, Historische Zeitschrift, 1860, III), помѣстилъ статью (безъ подписи) на основаніи тѣхъ же матеріаловъ—объ умерщвленіи Павла, а затѣмъ ее воспроизвелъ въ своей „Исторіи Россіи". Павломъ, его внѣшней политикой и обстоятельствами смерти интересовались и другіе западные историки. См., напр., Thiers, Histoire du consulat et de l'empir, т. III; Schnitzler, Kaiser Paul vor und nach seiner Thronbesteigung (Raumer: Histor. Tachenbuch, 4-te Folge, 8-er Jahrgang, Leipzig, 1867). Held und Corvin, Weltgeschichte, IV, Leipzig, 1864, стр. 363—366; здѣсь помѣщена небольшая гравюра, съ надписью: „Ermordung Paul's I".

сановниковъ только недоумѣніе; на увлеченіе Мальтійскимъ орденомъ, напр., они смотрѣли, какъ на „глупую шутку" (thörichte Possen).

„Полусумасшествіе" (Halbwahnsinn) Императора (421), его прихотливая раздражительность, припадки необузданнаго гнѣва, которые становились все чаще, дѣлали для многихъ совершенно непереносимымъ то состояніе, въ которомъ приходилось жить. Отъ „тираніи" и „произвола" Павла страдало общество, въ особенности придворные и высшее чиновничество. Положеніе вещей опредѣлило характеръ заговора, который направлялся лично противъ императора Павла и не носилъ политическаго характера (keine politische). Цѣль заговора—устранить отъ управленія страной „помѣшаннаго" императора (irrsinnigen Kaiser—423).

Объ отзывахъ Бернгарди можно сказать только одно: онъ слишкомъ прислушивался къ тому, что разсказывали о Павлѣ его враги—заговорщики, какъ Бенигсенъ и другіе, и въ своей книгѣ воспроизвелъ ихъ мысли и отзывы. Заговорщики же, конечно, старались себя оправдать въ совершенномъ преступленіи.

А. А. Васильчиковъ въ работѣ, посвященной исторіи „семейства Разумовскихъ" [1]) о времени Павла I писалъ слѣдующее. „Вообще въ то время въ Петербургѣ не столько имѣлись въ виду насущныя потребности Россіи, сколько желаніе громко заявить, что новое царствованіе будетъ прямымъ отрицаніемъ прошлаго. Самая память Екатерины публично предавалась поруганію и всѣ принятыя ею въ послѣдніе годы распоряженія остановлены и измѣнены. Война съ Персіей была прекращена; начатыя укрѣпленія на персидской границѣ повелѣно было бросить; войска были вызваны изъ-Закавказья; рекрутскій наборъ отмѣненъ и, наконецъ, принятыя Екатериною мѣры къ обрусенію Прибалтійскаго края, Выборгской губерніи и новопріобрѣтенныхъ отъ Польши областей, окончательно уничтожены возстановленіемъ

[1]) А. А. Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, П., т. I — IV 1880—1887.

прежнихъ, противныхъ единству Россіи, мѣстныхъ учрежденій. Цѣлая масса новыхъ законовъ и постановленій, наскоро составленныхъ въ первые четыре мѣсяца царствованія Павла I, безъ всякой серьезной подготовки и безъ яснаго сознанія народныхъ потребностей, внесла полную неурядицу во внутренній строй государства. Важный, утонченный тонъ Екатерининскаго двора мгновенно измѣнился. Сподвижники великой царицы, за исключеніемъ весьма немногихъ, были удалены. Ихъ мѣсто заняли грубые и неотесанные любимцы новаго Государя, умѣвшіе только говорить про вахтъ-парады и шагистику. Они забрали въ свои руки армію и стали учить новому строю солдатъ, которыхъ такъ часто водили къ побѣдѣ Румянцовъ и Суворовъ. Все, что въ послѣднее время было сдѣлано для улучшенія быта нашихъ воиновъ, слѣпо уничтожалось по ненависти Павла Петровича къ памяти князя Потемкина" [1]).

Изъ этого изложенія видно, какъ близокъ авторъ книги къ мемуаристамъ первой группы; онъ является прямымъ отголоскомъ мемуаристовъ типа А. М. Тургенева.

Изъ историковъ послѣднихъ десятилѣтій любопытенъ взглядъ В. О. Ключевскаго, развитый имъ въ его литографированномъ курсѣ начала 80-хъ годовъ.

Отмѣтивъ личныя качества Павла, его доброту и великодушіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ нетерпѣливость и „крайнюю раздражительность", В. О. Ключевскій полагалъ, что Павелъ былъ „несомнѣнно" „дитя Екатерины и Екатерининскаго времени, не знавшаго мѣры и цѣлей, жившаго интересами и впечатлѣніями минуты". Въ противовѣсъ Екатеринѣ онъ былъ „первый противо-дворянскій царь"; „чувство порядка, дисциплины, равенства были руководящимъ побужденіемъ дѣятельности Императора, борьба съ сословными привиллегіями его главной цѣлью".

Но „дѣятельность (Павла), продолжаетъ В. О. Ключевскій, въ избранномъ направленіи лишена была цѣльности и послѣдовательности; это происходило оттого, что Павелъ бла-

[1]) Тамъ-же, III, стр. 230. П., 1882 г.

годаря обстоятельствамъ, въ какихъ онъ развивался, принесъ на престолъ не обдуманную программу, не точное знаніе дѣлъ и людей, а только значительный запасъ накипѣвшаго чувства; его политика выходила не столько изъ сознанія несправедливости и негодности существующаго порядка, сколько изъ антипатіи къ лицамъ, къ матери и ея сотрудникамъ". „Участіе чувства, нервовъ въ государственной дѣятельности сообщило ей характеръ не столько политическій, сколько патологическій; въ ней больше минутныхъ инстинктивныхъ порывовъ, чѣмъ сознательныхъ идей; борьба съ существующимъ порядкомъ превратилась въ безцѣльное гоненіе лицъ, вражда къ сословнымъ привилегіямъ получила характеръ стѣсненія самыхъ простыхъ человѣческихъ правъ. Вся демократическая программа разбивалась на безсвязныя и капризныя мелочи, переродилась въ припадки жестокаго или великодушнаго каприза, въ простой анекдотъ, и больше анекдота мы ничего не знаемъ объ этомъ царствованіи" [1]).

Въ такихъ немногихъ, но яркихъ строкахъ характеризуетъ Павловское царствованіе нашъ знаменитый историкъ. На мой взлядъ въ этой характеристикѣ больше остроумія, чѣмъ основательности:

а) невѣрно то, что Павелъ I „принесъ на престолъ не обдуманную программу", а „только значительный запасъ накипѣвшаго чувства", у Павла, какъ показано будетъ ниже, была опредѣленная и въ извѣстномъ смыслѣ стройная программа, которую онъ обдумалъ еще въ бытность цесаревичемъ, во время Гатчинскаго „бездѣлья";

б) нельзя признать правильнымъ и то, будто руководящимъ чувствомъ Павла была „антипатія къ лицамъ, къ матери и ея сотрудникамъ": къ матери Павелъ относился холодно, но вполнѣ корректно, нѣкоторыхъ ея сотрудниковъ не терпѣлъ, но общаго нерасположенія ко всѣмъ не питалъ; если же онъ позднѣе видоизмѣнялъ Екатерининскіе порядки, то не по антипатіи къ Екатеринѣ, а главнымъ образомъ потому,

[1]) В. О. Ключевскій, Новая русская исторія (литограф. курсъ лекцій, читанныхъ въ 1883 — 1884 учебн. году), стр. 116 — 118.

что эти порядки не согласовались съ тѣмъ представленіемъ о правильномъ государственномъ устройствѣ, которое сложилось у него;

в) характеризовать государственную дѣятельность времени Павла „патологической“ невозможно уже по одному тому, что многія мѣропріятія разработаны были высшими государственными учрежденіями и такими сановниками, какъ Безбородко, кн. А. Б. Куракинъ, гр. Паленъ, которыхъ никто не причислитъ къ разряду душевно-больныхъ;

г) наконецъ, заявленіе о томъ, что вся демократическая программа Павла разбилась „на безсвязныя и капризныя мелочи“, слѣдуетъ признать прямымъ преувеличеніемъ: всѣ отдѣльныя мѣропріятія Павла, даже мелочныя имѣли свою связь и опредѣленную цѣль, и смыслъ отдѣльныхъ мѣропріятій сталъ усматриваться историками тотчасъ, какъ только они внимательнѣе принялись за изученіе Павловскаго царствованія.

Бѣгло схваченная и афористически изображенная, вся трагедія Павла и его времени для В. О. Ключевскаго превращалась въ „анекдотъ“. Но такому изображенію благодаря таланту и популярности автора посчастливилось: послѣдующіе историки и писатели въ своихъ характеристикахъ и построеніяхъ несомнѣнно выходили изъ указаній и оцѣнки Павловскаго царствованія, данныхъ В. О. Ключевскимъ.

Къ тому же времени относится книга о Суворовѣ, въ которой авторъ ея А. Петрушевскій, хотя и указываетъ на „возвышенный образъ мыслей“, на „чувствительное сердце“ Павла, но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаетъ, что эти качества „рѣзко выступали на темномъ фонѣ другихъ его сторонъ“, такъ что „доброе и благое въ дѣятельности Павла I сверкало лишь въ видѣ бликовъ на фонѣ мрачной картины его преобразовательной дѣятельности“. Къ тому же къ концу царствованія характеръ Государя развился въ короткій срокъ „до проявленій психически-болѣзненныхъ“, для выясненій которыхъ „требуется изслѣдованіе не столько историческое, сколько патологическое“. Это отразилось на всѣхъ дѣлахъ; „каждое движеніе больной души Павла Петровича тотчасъ

же переходило въ дѣло", происходили постоянныя перемѣны, при чемъ „завтра не было логическимъ послѣдствіемъ настоящаго дня; бѣду нельзя было предвидѣть, и она налетала внезапно, безъ предваряющихъ симптомовъ", одна опала слѣдовала за другой, послѣ вчерашней благосклонности [1]).

Въ 1897 году появилась книга извѣстнаго историка А. Г. Брикнера [2]), переведенная позднѣе на русскій языкъ, о смерти Павла I. Хотя авторъ писалъ въ ней главнымъ образомъ о событіяхъ и лицахъ, связанныхъ съ трагической гибелью Павла, но тѣмъ не менѣе онъ пытался объяснить самую катастрофу и дать характеристику всему правленію этой эпохи.

По указанію Брикнера, характеръ Павла представляетъ собой „странную смѣсь противоположныхъ качествъ", при чемъ непостоянство, подозрительность, раздражительность и суровость до жестокости—были господствующими качествами. Съ воцареніемъ Павла настали „времена всеобщаго угнетенія, смятенія и крайней опасности". „Злоупотребленія монархическою властью со стороны Павла, повидимому, совершенно отмѣняло господствовавшія правила законности".

---

[1]) Петрушевскій А., Генералиссимусъ кн. Суворовъ (1-ое изд. въ 1884 г.), 2-ое изд. П., 1900. стр. 434—455; 739 и сл.

[2]) Первоначально работа Брикнера вышла на нѣмецкомъ языкѣ, безъ фамиліи автора, въ такомъ видѣ: «R. R., Kaiser Pauls Ende. 1801». Stuttgart, 1897 г.

Затѣмъ она была переведена, и вышла подъ заглавіемъ: „А. Г. Брикнеръ, Смерть Павла I"; со статьей В. И. Семевскаго, пер. М. Чепинской. П., 1907, 49 + 161 стр.

Въ связи съ этимъ отмѣчу: западные историки, какъ я указалъ выше, давно интересовались временемъ Павла, преимущественно моментомъ его смерти. Въ книжкѣ Брикнера указаны нѣкоторыя работы французскихъ и нѣмецкихъ историковъ, которые писали о Павлѣ. Позднѣе тѣмъ-же вопросомъ интересовался и другой нѣмецкій историкъ, извѣстный Теодоръ Шиманъ (Schiemann), перу котораго принадлежатъ двѣ работы, въ которыхъ онъ касается Павловскаго времени:

а) Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I, т. I, стр. 20—55, гдѣ авторъ болѣе всего интересуется смертью Павла (глава II — стр. 25 — 55 цѣликомъ посвящены этому и носятъ заголовокъ: «Pauls Untergang»);

б) Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nikolaus I — Neue Materialien; рус. подзаголовокъ: „Убіеніе Павла I и восшествіе на престолъ Николая I; новые матеріалы издалъ Ѳ. Ѳ. Шиманъ". Berlin, 1902.

Здѣсь такъ-же, какъ и въ предыдущей книгѣ, вниманіе историка на смерти Павла; особый интересъ представляютъ опубликованные имъ впервые нѣкоторые новые матеріалы о Павлѣ: письма Павла къ Маріи Ѳеодоровнѣ и Александру I, записки кн. Д. Ливенъ и др.

Ссылаясь на сообщенія современниковъ, Брикнеръ отмѣчаетъ, что безуміе Павла съ годами усиливалось; складывалось убѣжденіе, что приходится имѣть дѣло съ „душевно-больнымъ“; „неограниченная власть подобнаго больного безпредѣльно увеличивала опасность, угрожавшую всѣмъ. Нельзя было знать, до чего могутъ дойти патологическія выходки деспота“. „Приходилось имѣть дѣло съ темной стихійной силой, и необходимо было обезопасить себя отъ нея, сдѣлавъ больного безвреднымъ“. Отсюда заговоръ и катастрофа 11-го марта, которая была „спасительной“ для Россіи.

Брикнеръ для своей брошюры широко воспользовался отзывами о Павлѣ участниковъ переворота, опальныхъ вельможъ и другихъ лицъ, которыя въ той или иной мѣрѣ потерпѣли отъ Павла. Вся книга этого автора почти сплошь наполнена подобными выписками. Разумѣется, словамъ заговорщиковъ, которые хотѣли себя оправдать, вполнѣ довѣрять нельзя, а потому и характеристику Павла, данную Брикнеромъ на основаніи подобныхъ пристрастныхъ отзывовъ, нельзя признать правильной, тѣмъ болѣе, что, кромѣ общихъ фразъ, онъ никакими фактическими свѣдѣніями не подтвердилъ своего изложенія.

Отрицательное отношеніе къ Павловскому царствованію нашло себѣ едва ли не самое яркое выраженіе въ книгѣ Н. К. Шильдера: „Императоръ Павелъ Первый“ [1]).

Хотя названный историкъ въ своемъ краткомъ предисловіи заявляетъ, что жизнь императора Павла I „отличалась такими трагическими и, можно сказать, Гамлетовскими чертами, подобныхъ которымъ не встрѣчается въ жизни ни одного изъ вѣнценосцевъ, не только въ русской, но и во всемірной исторіи“, тѣмъ не менѣе въ самой книгѣ ничего Гамлетовскаго, ничего вызывающаго сочувствіе читателя къ личности Павла, въ годы его царствованія, найти нельзя. Н. К. Шильдеръ время Павла изображаетъ, какъ періодъ „слѣпой

---

[1]) Шильдеръ Н. К., Императоръ Павелъ Первый. Историко-біографическій очеркъ. П., изданіе А. С. Суворина, 1901 г. 1—606 стр. (съ приложеніями и указателемъ).

Ср. Его же, Императоръ Александръ I, П., 1900 г., т. I.

прихоти и насилія", „бреда и хаоса", какъ періодъ „краткій, но незабвенный по жестокости" (499, 284).

По мнѣнію Шильдера, „основнымъ мотивомъ новаго царствованія" было „возмездіе за 1762 годъ". Ничего не было забыто, и съ каждымъ днемъ тяжелыя воспоминанія давно забытыхъ темныхъ дѣлъ умышленно выводились на свѣтъ Божій, при чемъ сынъ являлся какъ бы судьей отношеній, существовавшихъ между его отцомъ и матерью.

Павелъ Петровичъ, еще будучи цесаревичемъ, усвоилъ себѣ иные взгляды на управленіе и привыкъ критически относиться къ реформамъ своей матери; подобное отношеніе съ годами усиливалось. „Вступивъ на престолъ съ предубѣжденіемъ противъ всѣхъ Екатерининскихъ порядковъ", читаемъ у названнаго историка, онъ „съ поразительной поспѣшностью принялся за подвигъ „исцѣленія" Россіи: Гатчинское управленіе должно было послужить образцомъ для управленія Россійскою имперіею. Немедленно всѣ пружины государственнаго строя были вывернуты, столкнуты со всѣхъ мѣстъ, и Россія вскорѣ приведена въ хаотическое состояніе" (295).

Къ первымъ распоряженіямъ Павла I Шильдеръ относится иронически: „Прежде всего, пишетъ онъ, была объявлена безпощадная война круглымъ шляпамъ, отложнымъ воротникамъ, фракамъ, жилетамъ, сапогамъ съ отворотами, панталонамъ. Всѣмъ предписывалось употребленіе пудры для волосъ, косичекъ, башмаковъ; волосы слѣдовало зачесывать назадъ, а отнюдь не на лобъ; ѣдущимъ и пѣшеходамъ велѣно было останавливаться на улицахъ при встрѣчѣ съ императорскою фамиліею; сидящіе въ экипажахъ должны были выходить для поклона"; а далѣе онъ разсказываетъ, со словъ очевидцевъ, о траги-комическихъ сценахъ, которыми сопровождалось введеніе въ дѣйствіе этихъ правилъ въ столицѣ.

Подобнымъ же образомъ Н. К. Шильдеръ характеризуетъ новые военные порядки, введенные Павломъ I. По его словамъ, „уродливая и неудобная форма" была настоящимъ „бичемъ" для русскаго воинства; съ новымъ царствованіемъ появилась „строгая, но вмѣстѣ съ тѣмъ нелѣпая дисциплина,

постоянное ученье, нескончаемыя взысканія и наказанія, переходившія всякіе предѣлы" (303); начался вахтъ-парадъ, который „пріобрѣлъ значеніе важнаго государственнаго дѣла и сдѣлался на многіе годы непремѣннымъ ежедневнымъ занятіемъ русскихъ самодержцевъ" (288); вообще, обращено было главнѣйшее вниманіе на внѣшность, на мелочи военной жизни, а существо военнаго дѣла было въ пренебреженіи.

„Павловскія преобразованія не сопровождались однимъ стѣсненіемъ въ одеждѣ и даже въ домашней жизни бѣдныхъ россіянъ, но они коснулись въ корнѣ и самыхъ существенныхъ сторонъ государственной жизни имперіи. Возстановленъ былъ литовскій статутъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, введенъ снова въ употребленіе польскій языкъ въ сношеніяхъ съ этими губерніями; возстановлены въ Прибалтійскомъ краѣ и въ Выборгской губерніи старинные уставы"...

Въ дальнѣйшемъ авторъ, на протяженіи болѣе 200 страницъ, излагаетъ въ хронологической послѣдовательности, попутно съ главнѣйшими событіями изъ жизни императора Павла многія мѣропріятія, которыя были предприняты правительствомъ въ четырехлѣтній промежутокъ времени, и многократно указываетъ, что обычно въ правительственной дѣятельности сказывались на каждомъ шагу неправильно понятыя государственныя соображенія и „утонченное проявленіе злобы противъ установившагося въ 1762 году порядка", отрицательное отношеніе къ Екатерининскому царствованію, полная „непослѣдовательность" и „опрометчивость", „дурныя импрессіи", благодаря которымъ Павловское царствованіе приняло жестокій характеръ, „чистѣйшая романтика" въ дѣлахъ международныхъ, въ силу которой произошло „полное искаженіе русской политики и вступленіе ея на невѣдомые пути", „безпрерывныя колебанія", „страстные порывы" и неограниченный „произволъ, окончательно водворившійся и надъ людьми, и въ дѣловыхъ рѣшеніяхъ".

Н. К. Шильдеръ порой старается быть нѣсколько объективнымъ и, наряду съ отрицательными и „странными" чертами Павловскаго царствованія, онъ отмѣчаетъ какъ бы и

положительныя. Однако, отдѣльные факты этого рода тонутъ въ общей массѣ событій мрачнаго свойства. „Начиная съ 6-го ноября 1796 года, читаемъ въ его книгѣ, по странной прихоти судьбы, на придворной и на политической сценахъ происходитъ небывалое представленіе: примирительныя вѣянія, великодушные порывы идутъ рука объ руку съ бичеваніемъ намѣченныхъ заранѣе жертвъ какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ учрежденій. Благодаря подобному стеченію изумительныхъ противоположностей, новая эра является предъ нами въ видѣ сплошного, тяжелаго кашмара, напоминающаго порою, по выраженію современника, зады Іоанна Грознаго“ (314).

Казалось, что со смертью Павла должно было исчезнуть все то, что было создано безумнымъ самовластіемъ и своевольнымъ капризомъ этого страннаго монарха, тѣмъ болѣе, что его преемникъ въ манифестѣ 12-го марта 1801 года торжественно обѣщалъ управлять по закону и по сердцу бабки своей Екатерины II. Но историкъ Александра I отлично знаетъ, что и съ воцареніемъ Александра, несмотря „на новизну провозглашенныхъ правительственныхъ началъ“, „преемственность Павловскихъ преданій во многомъ уцѣлѣла“ (504), поэтому онъ, съ нѣкоторымъ логическимъ несоотвѣтствіемъ общей своей характеристикѣ „этой безотрадной эпохи“, дѣлаетъ такое заключеніе.

„Всѣ преобразованія (Павла) или, лучше сказать, ломка установившагося разумнаго Екатерининскаго государственнаго строя оставили глубокій слѣдъ въ послѣдовавшей жизни Россіи; они вызвали въ будущемъ немало печальныхъ явленій, которыя никогда бы не имѣли мѣста, если бы послѣ Екатерины не явился на престолѣ недоброжелатель ея 34-лѣтняго правленія, стремившійся къ тому же явить себя преобразователемъ. Въ всякомъ случаѣ, Россія вовсе не нуждалась въ исцѣленіи ея государственной организаціи мѣропріятіями въ духѣ Павловскихъ нововведеній“ (304).

Въ такомъ родѣ Н. К. Шильдеръ изобразилъ время Павла. Въ его книгѣ, наспѣхъ написанной къ столѣтней годовщинѣ трагической смерти императора Павла, написанной пре-

имущественно по мемуарамъ, письмамъ и запискамъ современниковъ, изъ которыхъ авторомъ щедрою рукою брались всякаго рода свѣдѣнія, даже анекдоты, разумѣется, нельзя найти ни достаточно полной, фактической и объективной біографіи Павла, ни правильной оцѣнки Павла, какъ императора, а еще менѣе характеристики правительственной дѣятельности того времени. Остановлюсь на разборѣ книги Н. К. Шильдера нѣсколько подробнѣе.

Времени Павла I, съ момента смерти Екатерины II до 11-го марта, Н. К. Шильдеръ посвящаетъ всего добрыхъ 230 страницъ. Въ этой части книга его почти цѣликомъ, какъ я уже указалъ, соткана изъ мемуаровъ и писемъ современниковъ. По моему подсчету, онъ цитируетъ свыше 40 мемуаристовъ [1]), выдержками изъ записокъ которыхъ онъ заполняетъ одну страницу за другой.

Затѣмъ важно установить, какъ пользовался мемуарами авторъ. Никакой критики мемуарныхъ сообщеній въ книгѣ нѣтъ, авторъ просто выписываетъ одно свѣдѣніе за другимъ, одну фразу, а иногда цѣлую страницу изъ мемуаровъ за другой. Впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что въ подборѣ выписокъ замѣтенъ одинъ опредѣленный тонъ. Мемуаристы, какъ я показалъ выше, довольно различно разсказываютъ объ одномъ и томъ же фактѣ и нерѣдко даютъ совершенно противоположное освѣщеніе событіямъ. Вотъ такого диссонанса въ книгѣ Н. К. Шильдера, за рѣдкимъ исключеніемъ, нѣтъ. Онъ довольно аккуратно и съ большой ловкостью выписываетъ изъ мемуаровъ только то, что рисуетъ Павла съ отрицательной стороны и указываетъ на странности, безразсудства и жестокость его дѣйствій. Н. К. Шильдеръ очень широко вос-

---

[1]) Таковыми являются (Шильдеръ, 274—504): Ростопчинъ, Болотовъ, Головина, А. М. Тургеневъ, Шишковъ, Саблуковъ, Массонъ, Волконскій кн., гр. Комаровскій, Энгельгардтъ, Ермоловъ, Державинъ, Голицынъ, Порошинъ, Лубяновскій, Дмитріевъ, Пишчевичъ, Грязевъ, Вигель, Котлубицкій, Лопухинъ, Гейкингъ, Хвостовъ, Чарторыйскій, кн. Оболенскій-Нелединскій-Мелецкій (Хроника недавней старины), Жоржель, Мертваго, Эренстремъ, де-Бре (Bray), Ланжеронъ, Полетика, Нессельроде, Бутеневъ, Коцебу, Долгоруковъ, Муханова Марія, Мирковичъ, кн. Ливенъ, кн. Оболенскій, Полторацкій, де-Сангленъ, Гречъ и старый пажъ („Разсказы стараго пажа“).

пользовался пристрастными записками Массона [1]); не разъ съ удовольствіемъ цитируетъ анекдотиста А. М. Тургенева, а иногда беретъ отъ него хлесткую фразу, не указывая даже источника [2]), и это въ то самое время, когда игнорируетъ все хорошее, сказанное о Павлѣ, напр., А. Т. Болотовымъ. Шильдеръ знаетъ и этого мемуариста, пользуется имъ, но какъ?—онъ выкапываетъ въ двухъ мѣстахъ свѣдѣнія, которыя могутъ быть повернуты не въ пользу Павла. Такъ, онъ выписываетъ въ примѣчаніи сообщеніе Болотова о томъ, что Екатерина II хотѣла устранить Павла отъ престола; а въ другомъ мѣстѣ цитируетъ разсказъ Болотова о томъ, какъ Павелъ приказалъ дворовыхъ людей, которые жаловались ему на помѣщиковъ, вывести на рынокъ и публично наказать нещадно плетьми [3]). Вотъ въ какомъ видѣ представленъ Болотовъ въ книгѣ Н. К. Шильдера!

Благодаря матеріалу и такому способу пользованія имъ, котораго держался Н. К. Шильдеръ, въ его книгѣ: 1) цѣлый рядъ фактическихъ неточностей и ошибокъ и 2) дано совершенно одностороннее, а потому и невѣрное освѣщеніе какъ личности императора Павла, такъ и его правительственной дѣятельности. Въ виду того, что въ дальнѣйшемъ изложеніи книги я попытаюсь дать возможно объективную характеристику Павла, какъ правителя, и изложу подробно нѣкоторыя стороны правительственной дѣятельности, отчего станутъ ясны недочеты книги Н. К. Шильдера, то здѣсь я лишь нѣсколькими примѣрами укажу на преувеличенія и фактическія искаженія, допущенныя Н. К. Шильдеромъ.

Н. К. Шильдеръ, пользуясь выраженіемъ письма Александра Павловича къ Лагарпу, о дѣятельности наслѣдника сообщаетъ: съ воцареніемъ Павла бабушкинъ баловень „не имѣлъ почти минуты покоя"; „но, къ несчастью, дѣла были

---

[1]) На „mémoires secrets" Masson'а въ книгѣ Шильдера сдѣланы ссылки на стр. 283, 284, 287, 293, 300, 303, 308, 312, 324.

[2]) Тургеневъ цитируется на стр. 279, 296—297, 349; безъ обозначенія имени автора мемуаровъ—см. стр. 284 („наступилъ краткій, но незабвенный....), 385 (о „негоціаціяхъ" съ мачихой Лопухиной), 386 (объ отъѣздѣ Павла, о маневрахъ), 483 (кутерьма) и др.

[3]) Шильдеръ, 275, 330.

такого рода, что Александру приходилось терять все время на исполненіе обязанностей унтеръ-офицера“ (287). Это выраженіе понятно въ письмѣ такого притворщика и „прельстителя“, какимъ былъ Александръ, но оно не понятно въ устахъ историка. Дѣло въ томъ, что, съ воцареніемъ Павла, для Александра началось тяжелая, но весьма полезная школа: онъ практически знакомился съ разносторонней государственной дѣятельностью и не долженъ былъ брезгать даже мелочами военной службы, но не унтеръ-офицерскія обязанности заполняли его время. Александръ при Павлѣ былъ первымъ генералъ-губернаторомъ столицы, полковникомъ л.-гв. семеновскаго полка, предсѣдателемъ военнаго департамента, сенаторомъ, членомъ совѣта (Е. В-ва) и проч., такъ сказать, правой рукой императора въ дѣлахъ управленія; наряду съ мелочами, важнѣйшія государственныя дѣла проходили черезъ него. Это все знаетъ Н. К. Шильдеръ, ниже на стр. 371 перечисляетъ всѣ должности, которыя занималъ Александръ, и тѣмъ не менѣе говоритъ о томъ, что „наслѣдникъ терялъ все время“ на исполненіе обязанностей унтеръ-офицера.

О гатчинцахъ Н. К. Шильдеръ приводитъ, безъ какой-либо оговорки, отзывъ Н. А. Саблукова, что офицеры-гатчинцы „всѣ были малороссы“ (291). Это невѣрно: въ спискахъ гатчинцевъ, правда, много малороссійскихъ фамилій, но также были фамиліи великороссійскія и нѣмецкія [1].

Со словъ Тургенева, Н. К. Шильдеръ разсказываетъ о „жестокой, безпощадной“ войнѣ, объявленной круглымъ шляпамъ, фракамъ и жилетамъ утромъ 8-го ноября, и ему въ голову не приходитъ мысль, вѣренъ ли этотъ фантастическій разсказъ (295 и сл.), тогда какъ разсказъ оказывается почти цѣликомъ вымышленнымъ. По его словамъ, „немедленно (по воцареніи Павла) всѣ пружины государственнаго строя были вывернуты, столкнуты со всѣхъ мѣстъ и Россія вскорѣ приведена въ хаотическое состояніе“ (295). Но какія именно пружины?—Шильдеръ дальше костюмовъ и внѣшняго строя жизни нейдетъ; да и сомнительно, даже невозможно, чтобы

[1]) Ср. Рус. Арх., 1868, стр. 1424; Рус. Стар., 1876, V, 191; *Сен. Арх., Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 3470.

„немедленно“ по воцареніи—„всѣ пружины“ государственныя испытали на себѣ сразу же вліяніе и силу Императора и были „вывернуты“ [1]).

Передавая о случаѣ съ офицеромъ Милюковымъ (стр. 435—436) со словъ другихъ лицъ, Н. К. Шильдеръ самъ замѣчаетъ нѣкоторыя шороховатости и несоотвѣтствія фактамъ, напр., то, что Константинъ Павловичъ уже получилъ награду за Итальянскую кампанію въ видѣ титула Цесаревича, а по этому разсказу проситъ лишь наградить его тѣмъ, чтобы простить Милюкова и обратно принять его на службу, но тѣмъ не менѣе, такія несообразности его не смущаютъ, и онъ разсказываетъ объ этомъ, какъ о дѣйствительномъ фактѣ, свидѣтельствующемъ о томъ, что „надъ каждымъ изъ участниковъ въ экзерциціяхъ висѣлъ въ полномъ значеніи слова Дамокловъ мечъ“. Подобныхъ примѣровъ можно привести изъ книги Н. К. Шильдера множество; вообще, вся его книга проникнута тенденціозностью.

Укажу еще на одного историка этой же группы В. И. Семевскаго, извѣстнаго изслѣдователя крестьянскаго вопроса въ Россіи. В. И. Семевскій смотритъ на Павла I и его царствованіе совершенно отрицательно.

Онъ указываетъ, что Павелъ былъ „слѣпымъ поклонникомъ Фридриха II и прусскаго военнаго строя“, и какъ человѣкъ больной, подверженный галлюцинаціямъ и маніи преслѣдованія, а подъ конецъ жизни положительно впавшій въ „безуміе“, конечно, не имѣлъ и не могъ имѣть въ качествѣ правителя никакой опредѣленной политической программы. „Крайняя неустойчивость Павла при рѣшеніи очень важныхъ государственныхъ дѣлъ“, „безумная раздача населенныхъ имѣній“ „крайняя требовательность и взбалмошность“ по отношенію къ солдатамъ, „жестокія преслѣдованія“ раскольниковъ и сектантовъ, „цензурныя свирѣпства“,

[1]) Такого же рода заявленія Н. К. Шильдера о томъ, что при Павлѣ „высшія государственныя должности, начиная съ генералъ-прокурора, почти всѣ заняты были людьми самыми ничтожными и необразованными, однимъ словомъ, цвѣтомъ гатчинскаго капральства“ (467): а) характеристика гатчинцевъ—невѣрна, б) авторъ забываетъ А. А. Безбородку, гр. Салтыковыхъ, Соймоновыхъ, бар. Васильева, Державина и цѣлый рядъ другихъ лицъ Павловскаго царствованія.

„массовое увольненіе лицъ, состоящихъ на службѣ, съ высылкою ихъ, заточеніемъ и даже тѣлеснымъ наказаніемъ, лишеніе дворянства правъ, предоставленныхъ ему въ предшествовавшее царствованіе" полный „произволъ" дѣлали правленіе Павла „деспотическимъ и жестокимъ".

Почтенный историкъ не сомнѣвается въ душевной болѣзни Павла, и указывая на рядъ свидѣтельствъ и сообщеній о „сумасшестіи" Павла, о его „сумасбродныхъ выходкахъ" и „нелѣпыхъ" распоряженіяхъ, говоритъ, что только „существованіе болѣзни позволяетъ снисходительнѣе относиться къ Павлу и не ставить его на одну доску съ такими злодѣями, какимъ былъ, напр. Аракчеевъ, его помощникъ по управленію военными поселеніями Клейнмихель и нѣкоторые другіе" [1]).

Наконецъ, сообщу въ немногихъ словахъ о мнѣніи послѣдняго историка того же направленія, работа котораго вышла нѣсколько лѣтъ тому назадъ сначала на французскомъ языкѣ, а потомъ и на русскомъ; я имѣю въ виду книгу Валишевскаго [2]). Въ этой книгѣ авторъ далъ подробное изложеніе біографіи Павла, его внѣшней политики, охарактеризовалъ отношеніе его къ Мальтійскому ордену и тогдашнему русскому обществу, выяснилъ и разсказалъ обстоятельства, при которыхъ произошла катастрофа 11 марта. Въ освѣщеніи личности Павла онъ въ общемъ слѣдуетъ взглядамъ предыдущихъ историковъ, внутренней политикой интересовался мало, и съ этой стороны его работа не даетъ ничего существеннаго. Валишевскій—блестящій, интересный расказчикъ, но въ построеніяхъ онъ не является сильнымъ и оригинальнымъ.

На этомъ я и останавливаюсь въ изложеніи взглядовъ историковъ, которые въ большей или меньшей степени от-

---

[1]) Предисловіе къ книгѣ А. Г. Брикнера, Смерть Павла I, изд. М. В. Пирожкова, 1907 г., стр. I—XLIX.

Слѣдуетъ отмѣтить, что раньше В. И. Семевскій мягче относился къ Павлу и не говорилъ о его безуміи и жестокомъ правленіи (см. „Крестьянскій вопросъ въ Россіи", т. I, П., 1888 г., стр. 231—235).

[2]) K Waliszewski, Le fils de la Grande Catherine—Paul 1-er (1754—1801), Paris, 1912 г., 698 стр. Въ рус. переводѣ: „Сынъ Великой Екатерины. Императоръ Павелъ I, его жизнь, царствованіе и смерть. П., 1914, 662 стр. Критическій отзывъ о книгѣ Валишевскаго см. Ист. Вѣст., 1914, VI, 1122—1126.

рицательно относились къ Павлу и его правительственной дѣятельности. Отмѣчу лишь, что подобное отношеніе стало господствующимъ потокомъ въ русской исторіографіи. Изъ другихъ ученыхъ, раздѣляющихъ такое освѣщеніе Павловскаго времени, назову М. В. Довнаръ-Запольскаго [1]), Н. Д. Чечулина [2]), А. А. Кизеветтера [3]), Покровскаго [4]), М. К. Любавскаго и Корнилова [6]), а изъ западныхъ историковъ, кромѣ упомянутыхъ выше Бернгарди и Шимана, еще Сореля [7]).

---

[1]) Довнаръ-Запольскій изображаетъ время Павла такими чертами. По вступленіи Павла на престолъ, „началось торопливое и суетливое царствованіе", „быстрая смѣна людей, предписаній, законовъ"; „личная воля Государя замѣнила законъ"; „если кто-нибудь имѣлъ неосторожность сослаться на существующій законъ, Императоръ приходилъ въ негодованіе". „Кипучая дѣятельность Императора обратилась на мелочи повседневной жизни". „Первой мыслью Павла, со вступленіемъ на престолъ, было покрыть позоромъ память своей матери". „Вся жизнь обывателя была связана предписаніями, издававшимися ежечасно по самымъ разнообразнымъ предметамъ". Настала „вакханалія деспотизма". Авторъ разсказываетъ безъ смущенія самые невѣроятные анекдоты (о ссылкѣ въ Сибирь Измайловскаго полка, о желаніи Павла „отслужить обѣдню" въ Казани, о словахъ Павла превратить 400 человѣкъ изъ караула въ фельдмаршаловъ). Указываетъ авторъ и на нѣкоторыя „хорошія побужденія" Императора, который былъ „мечтателемъ, то витавшимъ своимъ воображеніемъ въ отдаленномъ средневѣковьѣ, то мечтавшимъ о коренныхъ улучшеніяхъ государственнаго строя; мечтательность эта иногда превращалась въ галлюцинаціи" (Обзоръ новѣйшей русской исторіи, т. I, изд. 2-ое, Кіевъ 1914 г., 15—24).

[2]) Чечулинъ Н. Д., статья о воинскихъ уставахъ Павла въ „Сборникѣ статей въ честь Д. Ѳ. Кобеко", — П., 1913, 12—25; а также статья: „Имп. Павелъ I Петровичъ" въ изданіи т-ва Сытина—„Государи изъ Дома Романовыхъ", М., 1913, т. II, 123—155.

[3]) Кизеветтеръ А. А., Историческіе очерки, М., 1912 г. стр. 71 и др.

[4]) Покровскій М. Н. касается времени Павла въ двухъ работахъ: 1) въ „Исторіи Россіи въ XIX в.", изд. т-ва бр. Гранатъ, ч. I, 22—24; 2) Русск. Ист. съ древнѣйшихъ временъ, изд. т-ва Міръ, М., 1912, т. IV, кн. VIII, стр. 168—179, 227—240. Въ первой работѣ авторъ пытался объяснить особенности Павловскаго режима ненормальностью Павла, во второй же, хотя и считаетъ его „явно ненормальнымъ психически", тѣмъ не менѣе высказываетъ увѣренность въ томъ, что можно выяснить основныя линіи политики Павла, „не прибѣгая къ психопатологіи"; по мнѣнію автора, Павелъ продолжалъ „потемкинско-зубовскій режимъ", осно- ванный на деспотизмѣ. Павла М. Н. Покровскій называетъ, сверхъ обычныхъ эпитетовъ, „бравымъ полицмейстеромъ" и „брандмейстеромъ".

[5]) См. статью „Царствованіе Павла I", напечатанную въ изданіи „Три вѣка", М., 1913, V, 77—79; ср. тамъ же болѣе благопріятную характеристику Павла, данную К. В. Сивковымъ (стр. 70—76).

[6]) Корниловъ А. А., Курсъ исторіи Россіи XIX в., ч. I, лекція III стр. 58—72 М., 1912 г.

[7]) А. Сорель въ своемъ извѣстномъ трудѣ „l'Europe et la Révolution française" даетъ краткую характеристику Павла, преимущественно на основаніи переписки гр. Воронцова, корреспонденціи Ростопчина и мемуаровъ, напр.,

Благодаря такому положенію въ историческихъ работахъ, даже при случайномъ упоминаніи о времени Павла, обычно указывалось, что правленіе это отличалось „безсистемностью“, вспышками каприза, „произволомъ“, что то было время—„тяжелой реакціи“, при которой не было ничего добраго, полезнаго и свѣтлаго; а иногда историки просто обходили молчаніемъ этотъ періодъ; для нихъ время Павла представлялось какъ бы пустымъ мѣстомъ. Такъ С. М. Середонинъ въ книгѣ „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, неоднократно говоря, напр., о мѣстномъ управленіи и генералъ-губернаторахъ, о положеніи дворянъ или крестьянъ при Александрѣ I, всякій разъ вспоминаетъ законодательство и порядки Екатерины II, но обходитъ полнымъ молчаніемъ время императора Павла [1]). Добавлю еще одну черточку. Характеризуя Александра I, какъ государя, С. М. Середонинъ отмѣчалъ, что онъ унаслѣдовалъ отъ Екатерины II „нелюбовь къ мелочамъ“, „способность создавать широкіе планы и достигать осуществленія ихъ“; противопоставляя Александра I кому-то, кто „руководствовался правилами маленькихъ хозяйствъ“, авторъ подразумѣвалъ, но не назвалъ по имени Павла I-го [2]).

Всѣми тѣми данными, которыя выдвинуты были историками указанной мной группы, попытались воспользоваться и психіатры П. И. Ковалевскій и В. Ѳ. Чижъ.

П. И. Ковалевскій въ спеціальномъ эскизѣ [3]) даетъ

А. Чарторыйскаго, а также работъ историковъ Rambaud (ср. Histoire de la Russie, 4 изд., P., 1893 г., 511—527), Бернгарди, Шильдера, Ѳ. Шимана и др. Она написана въ духѣ общепринятой точки зрѣнія и самостоятельнаго значенія не имѣетъ, а потому я ее излагать не буду (Paris, 1903 г., т. VI, 352—359; ср. 43: „Paul passait—1795—1796—pour maniaque, presque dément“; VII, 53, 71, 109, 113, 118—121 — „Paul périt, comme Robespierre, par où il gouvernait, la terreur: l'impatience d'une tyrannie minutieuse, qui s'etendait jusque sur le costume, poursuivait les hommes jusqu'á leur foyer; l'horreur d'un regime, qui ne laissait de repos ni de jour, ni de nuit; où ni la vie, ni les biens ne trouvaient plus de sécurité; où la justice sévissait, tombant comme par caprice; où le knout, l'exil, la prison l'echafaud, la confiscation succedaient brusquement aux présents et aux grâces“)...

[1]) Историч. обзоръ дѣятельности комитета министровъ, П., 1912 г., т. I, 93—94; ср. 97; 256—257; 368—369.

[2]) Тамъ же, 23.

[3]) Ковалевскій П. И., Императоръ Петръ III, Императоръ Павелъ I. Психіатрическіе эскизы изъ исторіи, томикъ I, изд. 6-ое. П., 1909 г., 61—172.

бѣглый біографическій очеркъ Павла и приводитъ цѣлый рядъ анекдотическихъ разсказовъ о дѣятельности Павла въ качествѣ императора. Здѣсь фигурируютъ сообщенія о ссылкѣ въ Сибирь цѣлаго полка съ парада, о тайной цѣли похода на Индію—„уничтожить все Донское казачество“, о пьяномъ офицерѣ, которому за находчивость Павелъ далъ во время одной прогулки послѣдовательно 3 чина, о будто бы состоявшемся приказаніи Павла—сообщать о пожарѣ за 3 дня впередъ, о галлюцинаціяхъ Павла, о желаніи быть не только царемъ, но и первосвященникомъ, о томъ, какъ Павелъ щипалъ А. М. Тургенева и т. д. На основаніи такихъ свѣдѣній авторъ пришелъ къ несомнѣнному выводу о болѣзненности Павла и вырожденіи, сильнѣйшимъ образомъ сказавшемся на немъ.

„Вырожденіе Павла—пишетъ Ковалевскій—сказалось во всемъ. Онъ, сынъ Екатерины, былъ маленькаго роста и проявлялъ во всемъ этомъ рѣзко выраженную преждевременную старческую слабость и истощеніе“. „Умственныя способности Павла были не изъ блестящихъ. Они стояли даже ниже средняго уровня“. Умственная жизнь Павла отличалась „отсутствіемъ... вниманія и настойчивости, неожиданностью, нелогичностью, непослѣдовательностью... Она лишена остроты, сообразительности и пониманія“. Въ немъ была „очень развита фантазія и царило воображеніе, онъ склоненъ былъ къ мистицизму, предчувствію и проч.“. „Страсть и чувствованія царили надъ всѣмъ“. Павелъ былъ „безпричинно золъ, безсмысленно золъ, вспыльчивъ, раздражителенъ, суровъ, мелоченъ, гордъ, самомнителенъ, высокомѣренъ и гнѣвливъ, особенно по утрамъ“. „Подозрительность Павла въ годы царствованія вылилась рѣзко въ бредъ преслѣдованія“. „Его властолюбіе не знало границъ“. Но у Павла иногда были и добрыя чувства, онъ былъ недурнымъ семьяниномъ, былъ „религіозенъ, любилъ церковную обрядность“.

На основаніи такихъ свойствъ авторъ причисляетъ Павла „къ дегенератамъ высшимъ, второй степени, съ наклонностями къ переходу въ душевную болѣзнь въ формѣ бреда преслѣдованія“; чтобы усугубить болѣзненность Павла, Кова-

левскій напоминаетъ то, что „Павелъ былъ эпилептикъ и въ дѣтствѣ проявлялъ судорожные припадки"; „въ немъ можно усмотрѣть черты эпилептическаго характера" (160—172). Итакъ, по П. И. Ковалевскому, Павелъ—дегенератъ второй степени, съ чертами эпилептическаго характера.

Совсѣмъ иначе на Павла I смотритъ другой психіатръ—проф. В. Ѳ. Чижъ, который отнесся къ своей задачѣ серьезно, онъ просмотрѣлъ цѣлый рядъ мемуаровъ и внимательно проштудировалъ работы о Павлѣ, преимущественно книги „лучшаго историка" эпохи Н. К. Шильдера, Е. С. Шумигорскаго и „прекрасную" книгу Валишевскаго. Вниманіе автора остановилось на подробномъ психологическомъ анализѣ душевныхъ свойствъ Павла, съ цѣлью выясненія психическаго здоровья Императора, а также въ связи съ этимъ на характеристикѣ правительственной дѣятельности Павла, такъ какъ, по мнѣнію В. Ѳ. Чижа, „исторія управляется законами психологіи" [1]).

„Павелъ по своему характеру, говоритъ авторъ, рѣзко отличался отъ другихъ лицъ, ни на кого не походилъ, и потому для сужденія о немъ мало пригодны выработанные масштабы". „Такіе странные характеры, какимъ былъ надѣленъ Павелъ I, встрѣчаются крайне рѣдко, и обычно возбуждаютъ недоумѣніе и разногласіе". Пользуясь классификаціей, предложенной французскимъ ученымъ Malapert, В. Ѳ. Чижъ относитъ Павла къ рѣдко встрѣчающемуся и мало изученному классу людей „впечатлительно-раздражительныхъ или порывистыхъ" [2]). „Всѣ психическіе, а также и физическіе процессы у Павла I протекали быстро"; „сочетаніе идей со-

[1]) Чижъ В. Ѳ., Императоръ Павелъ I (Вопросы философіи и психологіи, 1907 г., кн. 88, 221—290; 89, 391—468; 90, 585—678).

[2]) По словамъ В. Ф. Чижа, Malapert такъ описываетъ характеры этого класса. „Эти лица всегда возбуждены, одно волненіе (emotion) быстро переходитъ въ другое; они очень безпокойны, боязливы; ихъ симпатіи и антипатіи очень живы и измѣнчивы; увлеченія разнообразны, но быстро мѣняются; возбужденіе скоро смѣняется истощеніемъ; эти лица раздражительны, часто мѣняютъ свои планы, агрессивны, даже злы, легко гнѣваются; гнѣвъ иногда влечетъ къ насиліямъ; крайняя веселость смѣняется мрачной печалью. Въ умственной дѣятельности этихъ лицъ замѣчается отсутствіе равновѣсія, системы и глубины; они увлекаются новыми идеями, любятъ парадоксы, неразсудительны и нетактичны" (290).

вершалось въ его мозгу очень скоро, вообще, онъ былъ крайне подвижной человѣкъ"; ему необходима была смѣна впечатлѣній, общество, суета, тогда онъ былъ веселъ, остроуменъ и любезенъ. Но при быстротѣ Павелъ былъ „надѣленъ интенсивными эгоистическими чувствами": пока его желанія удовлетворялись — онъ веселъ и доволенъ, но какъ только появлялось какое либо препятствіе, то настроеніе быстро мѣнялось, появлялось раздраженіе, гнѣвъ, а затѣмъ— снова благодушіе. У Павла „рѣзко преобладали катаболическіе процессы: всѣ психическія состоянія его быстро возникали, скоро протекали и быстро исчезали". Отсюда—въ извѣстномъ смыслѣ „калейдоскопичность (его) психическихъ состояній, сочетаніе самыхъ разнообразныхъ желаній и мыслей" (275—277). „Главная особенность умственной дѣятельности Павла I—это относительное преобладаніе сочетанія представленій по контрасту"; „самыя противоположныя представленія и идеи мирно уживались въ умѣ этого Государя" (396); отсюда получалось то, что „въ одномъ лицѣ" просто и легко „уживался и рыцарь и капралъ", „желаніе быть справедливымъ" сочеталось „съ ежедневнымъ поруганіемъ самой элементарной справедливости" (277).

Въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи В. Ѳ. Чижъ даетъ тщательный, подробный и систематическій анализъ умственной дѣятельности Павла, его чувствованій, воли, его привязанностей и вкусовъ, при чемъ, хотя и подчеркиваетъ отрицательныя стороны характера Павла, тѣмъ не менѣе отмѣчаетъ, что со стороны ума Павелъ стоялъ „не ниже" средняго уровня, чувствованія у него преобладали надъ умомъ, волю имѣлъ онъ слабую и легко подчинялся чужому вліянію. Затѣмъ авторъ приступаетъ къ рѣшенію основного вопроса для него, какъ психіатра, былъ ли Павелъ сумасшедшимъ или душевнобольнымъ, какъ заявляли заговорщики и многіе современники. По наблюденію В. Ѳ. Чижа, „до восшествія на престолъ, Павелъ Петровичъ держалъ себя такъ осторожно, былъ настолько сдержанъ, что всѣ, нежелавшіе его воцаренія... не имѣли достовѣрныхъ доказательствъ его безумія". Екатерина II не считала своего сына сумасшедшимъ.

„Несомѣнно, что Павелъ I не страдалъ эпилепсіей“. Пересматривая мнѣнія современниковъ (Сардинскаго посланника Балбо, Витворта, гр. Воронцова, Н. П. Панина и др.) и заговорщиковъ о сумасшествіи Павла, авторъ заявляетъ: у нихъ „не было никакихъ доказательствъ“, „они не могли указать ни на одинъ признакъ душевной болѣзни, ни на одинъ фактъ, доказывающій помѣшательство“ Павла (649—667). Единственное указаніе на душевную болѣзнь Павла I мы имѣемъ въ разсказѣ Павла Петровича о его видѣніи (своего прадѣда Петра Великаго), со словъ г-жи Оберкирхъ. По мнѣнію В. Ѳ. Чижа, „весь разсказъ Павла Петровича для психіатра представляется плохой выдумкой“: 1) сложная галлюцинація (а такой является по разсказу видѣніе) никогда не бываетъ единственной въ жизни; 2) „такія красивыя и вѣщія видѣнія, какое сочинилъ Павелъ, именно указываютъ на ихъ выдуманность; въ жизни такихъ поэтическихъ видѣній не бываетъ“; 3) въ разсказѣ есть детали, ясно указывающія на полную недостовѣрность разсказа (672—674). Послѣ своихъ изысканій, авторъ приходитъ къ несомнѣнному для него выводу, что „Павла нельзя считать маньякомъ“, онъ „не страдалъ душевной болѣзнью“ и былъ „психически здоровымъ“ человѣкомъ.

Все несчастіе Павла и страны, продолжаетъ В. Ѳ. Чижъ, состояло въ томъ, что Павелъ былъ „вполнѣ неспособенъ царствовать“. Его характеръ, при полной безотвѣтственности и отсутствіи внутренней и внѣшней сдержки, привелъ его къ крайнему деспотизму. Авторъ занялся разборомъ правительственной дѣятельности Павла и его выводъ слѣдующій. „Это царствованіе было такъ ужасно и кончилось такъ трагически потому, что оно прошло въ борьбѣ между страной и властелиномъ, убѣжденнымъ, что онъ имѣетъ право обращаться съ людьми, какъ съ собаками, презиравшимъ sa nation, а себя считавшимъ надѣленнымъ великой душой. Такое страшное заблужденіе должно было привести или страну къ катастрофѣ, или властелина къ трагической гибели; таковы законы этики и психологіи“.

По поводу послѣдней части интересной монографіи В. Ѳ.

Чижа нужно сказать слѣдующее. Жаль, что авторъ не ограничился однимъ психологическимъ анализомъ характера Павла, что ему, какъ специалисту, психологу и психіатру, болѣе всего свойственно. Его выводы и въ психологической части нѣсколько односторонни, такъ какъ основаны на неполномъ и не вполнѣ достовѣрномъ матеріалѣ (преимущественно на мемуарахъ); тѣмъ меньше основательности къ его характеристикѣ дѣятельности Павла, какъ правителя. Здѣсь В. Ѳ. Чижъ, какъ не специалистъ, принужденъ повторять, съ небольшими варіаціями, факты и объясненія, данныя, по его словамъ, въ „лучшихъ“, „прекрасныхъ“ работахъ Н. К. Шильдера и К. Валишевскаго.

За психіатрами пошелъ и французскій историкъ П. Моранъ[1]), который, опираясь на работы французскаго же психіатра Маньяна (Magnan) о дегенератахъ, даетъ характеристику дегенератовъ высшаго порядка, которые не лишены ума, но страдаютъ непослѣдовательностью мысли, лишены способности доводить свою мысль и желанія до конца, страдаютъ навязчивыми идеями и легко могутъ впасть въ болѣе тяжелую душевную болѣзнь[2]). Къ такимъ дегенератамъ г. Моранъ относитъ и Павла. Разсказывая о дѣтствѣ, юно-

[1]) П. Моранъ, Павелъ I до восшествія на престолъ, М., пер. 1912 г., 370—375.

[2]) О дегенератахъ г. Моранъ пишетъ слѣдующее. „Кромѣ идіотовъ, слабоумныхъ и сумасшедшихъ психіатры признаютъ объектами своего изученія“ и дегенератовъ высшаго типа (dégénérés supérieurs). „Поколѣніе, отъ котораго они произошли, передало имъ зачатки нервныхъ болѣзней. Подъ вліяніемъ наслѣдственности, нервная система ихъ представляетъ такіе дефекты, которые разрушаютъ въ ней гармоническое проявленіе способностей. Они не умѣютъ, не могутъ ни довести свои мысли до надлежащаго конца, ни съ успѣхомъ использовать свое нерѣдко блестящее дарованіе. Богато одаренные отъ природы, они отличаются при этомъ временной неспособностью дисциплинировать свой мозгъ... Ихъ мысли лишены послѣдовательности и связи“; „Ихъ характеръ—то буйный, то кроткій, то упорный, то слабый, то нерѣшительный, то упрямый,—лишенъ постоянства“. „Чувства ихъ также неуровновѣшенны: повышенная чувствительность, странныя влеченія, безпорядочная смѣна настроеній, безпричинная восторженность“. Природный недостатокъ у нѣкоторыхъ „выражается въ видѣ отдѣльныхъ характерныхъ „эпизодовъ“, каковы: галлюцинаціи, мономаніи, нервные страхи, маніи сомнѣній, ненормальности осязанія, боязнь пространства, непреодолимое влеченіе повторять слышанныя слова... половыя извращенія всякаго рода, навязчивыя идеи или стремленія“. „Положеніе дегенератовъ полно опасности“, „имъ очень тяжело дотянуть до конца, избѣжать краха; для менѣе устойчивыхъ достаточно малѣйшаго толчка, чтобы вызвать отчаяніе, упадокъ силъ, душевную болѣзнь“ (370—371).

сти и возмужалости Павла, онъ неоднократно отмѣчаетъ болѣзненныя проявленія умственнаго и волевого разстройства, которыя сказывались въ различныхъ поступкахъ и настроеніяхъ Павла; по словамъ автора книги, это было только почвой болѣзни Павла, которая въ окончательной формѣ опредѣлилась въ годы царствованія. Но, къ сожалѣнію, этого періода жизни Павла авторъ въ своей книгѣ совсѣмъ не коснулся.

Итакъ, приложеніе психіатріи и патологіи пока не привело ни къ какимъ болѣе или менѣе прочнымъ выводамъ въ смыслѣ установленія душевной болѣзни Павла; кѣмъ же слѣдуетъ считать Павла —эпилептикомъ, душевно-больнымъ, „дегенератомъ высшаго типа“ или дегенератомъ второй степени?—неизвѣстно, а главное такія построенія мало убѣдительны. Гораздо больше внушаетъ довѣріе тотъ выводъ проф. В. Ѳ. Чижа, что Павелъ не страдалъ никакой душевной болѣзнью.

Если главное теченіе русской исторической мысли складывалось неблагопріятно для времени Павла, то этимъ не исключалась возможность появленія работъ иного характера. Съ давнихъ поръ одна за другой выходятъ въ свѣтъ книги такихъ авторовъ, мнѣнія которыхъ, чередуясь и переплетаясь съ мнѣніями указанной выше группы историковъ, вполнѣ благопріятны Павлу, такъ какъ характеризуетъ и его лично и правительственную дѣятельностью того времени съ самой положительной стороны. Изъ числа такихъ историковъ прежде всего назову извѣстнаго военнаго писателя, фельдмаршала и государственнаго дѣятеля, сподвижника Александра II, Д. А. Милютина, въ книгѣ котораго, посвященной исторіи войны 1799 года между Россіей и Франціей, дано вполнѣ благопріятное освѣщеніе правительственной дѣятельности Павла I.

Говоря о Павлѣ, въ бытность его цесаревичемъ, Д. Милютинъ отмѣчаетъ, что великій князь, „удаляясь отъ роскоши двора, ведя жизнь скромную, однообразную, окруженный немногими только преданными ему лицами и, повидимому, погруженный въ однѣ мелочи строевой службы, глядѣлъ

однакоже гораздо дальше, чѣмъ тогда полагали, и въ тишинѣ своего уединенія готовилъ себя къ будущему высокому призванію: онъ слѣдилъ внимательно за общимъ ходомъ дѣлъ, размышлялъ о важнѣйшихъ вопросахъ государственныхъ, обдумывалъ улучшенія и перемѣны, которыхъ требовало тогдашнее положеніе Россіи". По словамъ того же автора, Павелъ Петровичъ „задолго до воцаренія своего уже составилъ себѣ, такъ сказать, программу для будущей своей царственной дѣятельности".

Милютинъ Павловской программы дѣятельности не зналъ, но онъ по мѣропріятіямъ Павла замѣтилъ, что такая программа должна быть выработана еще во время Гатчинскаго уединенія. Указавъ на тѣневыя стороны государственной жизни послѣднихъ лѣтъ царствованія императрицы Екатерины II, нашъ историкъ продолжаетъ въ такомъ родѣ: „Павелъ вступилъ на престолъ съ твердымъ намѣреніемъ исправить во всѣхъ отрасляхъ управленія вкравшіеся злоупотребленія и недостатки. Онъ хотѣлъ дать государству своему, такъ сказать, отдохнуть, успокоиться и возстановить силы послѣ продолжительныхъ и разорительныхъ войнъ". „Отказываясь отъ славы побѣдъ и завоеваній, Павелъ I вознамѣрился предаться вполнѣ дѣламъ внутренняго управленія: и, дѣйствительно, онъ предался этому многотрудному дѣлу съ настойчивостью необыкновенною. Привыкнувъ съ юныхъ лѣтъ къ жизни уединенной и дѣятельной, Павелъ I любилъ трудиться и вникалъ въ дѣла внимательно и терпѣливо; можно сказать вполнѣ, что онъ самъ несъ всю тяжесть правительственныхъ заботъ. Съ перваго же дня его царствованія начался рядъ преобразованій, новыхъ уставовъ и положеній; на все предписывались новыя, точныя правила, все подчинялось строгой повѣркѣ и отчетности. Если пересмотрѣть узаконенія, изданныя хотя въ первые только четыре мѣсяца царствованія Павла I,—то нельзя не подивиться этой законодательной дѣятельности".

Не перечисляя важнѣйшихъ мѣръ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, Милютинъ выдвигаетъ на первое мѣсто преобразованія императора Павла въ арміи и

флотѣ и непосредственное руководство имъ всей иностранной политикой Россіи; относительно устройства арміи онъ кратко перечисляетъ мѣропріятія Павла, клонившіяся къ улучшенію и установленію порядка въ войскахъ, а относительно международной политики Милютинъ отмѣчаетъ, что Павелъ, руководясь „правилами чести и правды", дѣйствовалъ всегда „чистосердечно, открыто, презирая обычныя дипломатическія ухищренія" [1]).

Таковъ былъ Павелъ, по изообраненію Д. Милютина, въ своей государственной дѣятельности. Этому образу въ смыслѣ жизненности не хватало красокъ и тѣней, а также полноты обрисовки. Но любопытной стороной характеристики Павла, данной Милютинымъ, являются тѣ положительныя черты, которыми обрисованъ онъ, и то благожелательное и симпатичное отношеніе, которое проявляетъ авторъ къ Павлу.

Кромѣ этихъ строкъ на протяженіи своего обширнаго труда Д. Милютинъ не разъ указываетъ на „благороднѣйшій, истинно рыцарскій характеръ" Павла, на „изумительные примѣры (его) снисходительности и великодушія", на „глубокое чувство справедливости", которымъ былъ проникнутъ этотъ монархъ [2]).

Въ 1867 г. М. И. Семевскій, опубликовывая рядъ интереснѣйшихъ документовъ: три завѣщательныхъ письма Павла къ Маріи Ѳеодоровнѣ и особый наказъ о порядкѣ управленія Россіей, въ краткомъ предисловіи и послѣсловіи къ матеріаламъ пытался охарактеризовать Павла и его правительственную дѣятельность [3]).

„Личность Павла — писалъ Семевскій — до сихъ поръ остается во многихъ отношеніяхъ загадочной". До насъ дошло „немало анекдотовъ о своеобразной жизни великаго князя и оригинальномъ его препровожденіи времени въ уединенномъ Павловскѣ или въ мѣстѣ его доброволольнаго заточенія—

---

[1]) Милютинъ Д. Исторія войны 1799 года между Россіей и Франціей въ царствованіе имп. Павла I. 2-ое изданіе (въ 1-мъ изданіи, 1852 г., въ которомъ часть 1-я перваго тома была написана А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ, характеристики Павла нѣтъ), т. I, стр. 11—18. П., 1857 г.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 49, 160, 163; ср. 51, 155 и др. Ср. т. III, 217, 218.

[3]) См. Вѣстникъ Европы, 1867 г., кн. I, стр. 297—330.

въ ничтожномъ тогда сельцѣ Гатчинѣ". Но наряду съ анекдотами дошли и матеріалы, которые привели М. И. Семевскаго къ такому выводу.

Павелъ, будучи человѣкомъ „хорошо образованнымъ", „со страстью къ кипучей дѣятельности", въ бытность наслѣдникомъ престола, „въ тиши своей уединенной жизни, вдали отъ двора, пытливымъ окомъ слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось какъ въ средѣ внутренняго управленія, такъ и въ области внѣшнихъ отношеній Россіи къ другимъ государствамъ; онъ самостоятельно изучалъ разныя отрасли управленія, видѣлъ ихъ недостатки, замѣчалъ больныя мѣста государственнаго организма и, задолго до самаго восшествія на престолъ, выработалъ себѣ программу управленія Россіей и ясно опредѣлилъ цѣль этого управленія".

О программѣ и завѣщаніяхъ, составленныхъ Павломъ въ 1788 г., передъ отправленіемъ на войну со Швеціей, тотъ же авторъ сначала дѣлаетъ общее замѣчаніе, что Павелъ „не отступился отъ взглядовъ, выраженныхъ въ нихъ въ 1788 г.; и по восшествіи на престолъ, Павелъ I весьма горячо, хотя и крайне своебразно, принялся за осуществленіе ихъ на дѣлѣ" [1]). А затѣмъ М. И. Семевскій, указавъ на важность напечатанныхъ имъ актовъ, „какъ для характеристики Павла I, такъ еще болѣе уясненія многихъ законоположеній, обнародованныхъ этимъ государемъ", болѣе подробно перечисляетъ тѣ указы и узаконенія Павловскаго времени, которые, по наблюденію Семевскаго, „представляли прямое развитіе мыслей, высказанныхъ имъ (Павломъ) въ 1788 году".

Предоставляя будущимъ изслѣдователямъ заняться разработкой этого вопроса, нашъ историкъ лишь готовъ на нѣсколькихъ примѣрахъ „показать ту связь, какая существуетъ между идеями, положенными въ основаніе этихъ указовъ, и тѣми мыслями, какія высказывалъ Павелъ въ то время, когда въ своемъ уединеніи, будучи еще наслѣдникомъ престола, онъ подготовлялъ себя къ тяжкому труду управленія государствомъ" [2]).

---

[1]) Тамъ же, 298—301.
[2]) Тамъ же, 322 и 329.

На этомъ собственно остановилась работа М. И. Семевскаго. Она не даетъ намъ ни отчетливой характеристики Павла, какъ правителя, ни обзора его правительственной дѣятельности, но въ ней есть нѣсколько вѣрныхъ и важныхъ идей и правильно указанъ путь дальнѣйшаго изученія времени Павла. Самая важная сторона его наблюденій та, что въ правительныхъ мѣропріятіяхъ Павла онъ замѣтилъ свой особый внутренній смыслъ и подчеркнулъ связь между идеями Павла 80-хъ годовъ и его практической дѣятельностью времени царствованія. Путь же, предложенный имъ для составленія исторіи царствованія императора Павла, таковъ: „надлежащее и всестороннее обсужденіе“ напечатанныхъ имъ документовъ и разработка времени Павла I „на основаніи обстоятельно и возможно полно собранныхъ матеріаловъ, какъ печатныхъ, такъ (и это гораздо важнѣе) до сихъ поръ не изданныхъ“. Къ сожалѣнію, этотъ путь долгіе годы оставался заброшеннымъ; писатели и историки продолжали изображать Павла и его время на основаніи тѣхъ отрывочныхъ и анекдотическихъ извѣстій, которыя щедро разсыпались по историческимъ журналамъ и изданіямъ послѣдней трети XIX вѣка.

Съ большой симпатіей къ Павлу Петровичу отнесся Д. Ѳ. Кобеко въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи, вышедшемъ впервые въ 1882 году [1]). Эпиграфомъ къ своей книгѣ авторъ взялъ выдержку изъ письма цесаревича Павла къ К. И. Сакену, относящагося къ 1777 году; въ ней читаемъ: „Для меня, писалъ Павелъ, не существуетъ ни партій, ни интересовъ, кромѣ интересовъ государства, а при моемъ характерѣ, мнѣ тяжело видѣть, что дѣла идутъ вкривь и вкось, и что причиною тому небрежность и личные виды. Я желаю лучше быть ненавидимымъ за правое дѣло, чѣмъ любимымъ за дѣло неправое“.

Д. Ѳ. Кобеко прослѣдилъ жизнь цесаревича Павла Петровича отъ рожденія до момента вступленія на престолъ, показалъ, подъ какимъ вліяніемъ складывался характеръ Павла, который во всей силѣ проявился въ періодѣ его цар-

---

[1]) Д. Ѳ. Кобеко, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, 2-ое изд. П., 1883 г.

ствованія. Рисуя Павла человѣкомъ сложнымъ по внутренней конструкціи, съ противоположными чертами и странностями въ характерѣ (422—424), авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтилъ, что Павелъ Петровичъ обладалъ „разносторонними познаніями“, много читалъ и много думалъ; помимо занятій хозяйствомъ и военнымъ дѣломъ, „въ тишинѣ своей жизни въ Павловскѣ и въ Гатчинѣ цесаревичъ, по словамъ Д. Ѳ. Кобеко, не переставалъ вдумываться въ положеніе Россіи и обсуживалъ мѣры къ ея благоустройству“ (313); къ мыслямъ о правильномъ государственомъ управленіи онъ „пришелъ лишь послѣ долгихъ и глубокихъ размышленій“, а впослѣдствіи, по вступленіи на престолъ, „привелъ (ихъ) частью въ исполненіе“; въ Павлѣ Петровичѣ, человѣкѣ добромъ и справедливомъ, выросло и окрѣпло „чувство законности“ и „страстность, съ которою онъ относился ко всему, въ чемъ видѣлъ неправду и неисполненіе закона“ (317).

Авторъ отмѣчаетъ и то, что съ теченіемъ времени характеръ Павла, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ „измѣнился и, къ сожалѣнію, измѣнился не къ лучшему“ (424), но и это онъ готовъ объяснить ослабленіемъ благотворнаго умиротворяющаго вліянія императрицы Маріи Ѳеодоровны и торжествомъ интриги, опутавшей Павла.

Трудъ Д. Ѳ. Кобеко, по его словамъ, имѣлъ цѣлью служить лишь введеніемъ къ исторіи царствованія Павла, но къ сожалѣнію, продолженія этой книги не появлялось, благодаря этому общей характеристики Павла, обзора его жизни и дѣятельности у Д. Ѳ. Кобеко найти нельзя [1]).

Проф. П. Н. Буцинскій [2]) въ небольшой работѣ, скорѣе брошюрѣ, о Павлѣ I, написанной по поводу столѣтія со дня трагической кончины Павла, весьма высоко ставитъ погибшаго Императора и какъ человѣка и какъ государственнаго дѣятеля.

По его словамъ, Павелъ Петровичъ былъ „рыцаремъ безъ

[1]) Тому же періоду посвящена новая упомянутая выше книга П. Морана, въ которой много свѣжаго матеріала, взятаго частью изъ иностранныхъ архивовъ.

[2]) Буцинскій П. Н., Отзывы о Павлѣ I его современниковъ, Харьковъ, 1901 г., стр. 1—41.

страха и упрека“, „царемъ - демократомъ“, „человѣкомъ рѣдкимъ въ нравственномъ отношеніи, глубоко-религіознымъ, прекраснымъ семьяниномъ, съ недюжиннымъ умомъ, феноменальной памятью, высоко образованнымъ, энергичнымъ и трудолюбивымъ, и наконецъ, мудрымъ правителемъ государства, какъ въ дѣлахъ внѣшней политики, такъ и внутренней“.

Почему же произошло то, что многіе современники „не поняли“ Павла, и его царствованіе окончилось „кровавой драмой“. По объясненію проф. Буцинскаго, „несчастіе Павла Петровича заключалось, во первыхъ, въ томъ, что, желая все видѣть, знать и все дѣлать самъ, онъ забылъ поговорку: одинъ въ полѣ не воинъ; во вторыхъ, начертавъ демократическую программу своей государственной дѣятельности, онъ приводилъ ее въ исполненіе при сотрудничествѣ тѣхъ лицъ, которыя не могли сочувствовать такой программѣ.“

Что это за „демократическая программа“, которую проводилъ въ свой государственной дѣятельности „царь-демократъ“, г. Буцинскій въ своей книжкѣ не раскрываетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ одномъ отношеніи его указаніе опредѣленно: онъ отмѣчаетъ, что политика Павла I была антидворянская, Павелъ „стремился осуществить въ жизни идеалъ одинаково для всѣхъ добраго монарха, а не для господствующаго только сословія“. Отсюда началось „недовольство дворянъ“, которое, однако, не принимало рѣзкихъ формъ. „Отъ недовольства до заговора (было) еще далеко! По нашему мнѣнію, заявляетъ г. Буцинскій, не внутренняя дѣятельность Павла привела къ катастрофѣ въ ночь съ 11 на 12 марта, а перемѣна имъ внѣшней политики, и толчекъ къ заговору данъ былъ извнѣ“; „подъ вліяніемъ англійскаго золота составилось общество интригановъ“, которое, въ угоду личныхъ интересовъ и въ угоду Англіи, устранило Павла.

Въ такомъ же духѣ, какъ и Буцинскій, писалъ о Павлѣ авторъ предисловія въ книгѣ „Цареубійство 11-го марта 1801 года“ [1]). Его статья, являясь предисловіемъ къ сбор-

---

[1]) Цареубійство 11 марта 1801 года. Записки участниковъ и современниковъ, изд. 2-ое, П., 1908; см. предисловіе и послѣсловіе безъ имени автора—XLVIII+424—458.

нику матеріаловъ, говорящихъ о событіи 11-го марта, оспариваетъ ходячія представленія о царствованіи Павла, якобы „умалишеннаго тирана“ [1]) и даетъ такое освѣщеніе и личности Императора и его правительственной дѣятельности.

„Изученіе военнаго и гражданскаго управленія Россіи при Павлѣ, пишетъ указанный авторъ, заставляетъ признать, что этотъ Государь имѣлъ трезвый и практическій умъ и способность къ системѣ; что мѣропріятія его направлены были противъ глубокихъ язвъ и злоупотребленій и въ значительной мѣрѣ ему удалось исцѣлить отъ нихъ имперію, внеся большій порядокъ въ гвардію и армію, сокративъ роскошь и безпутство, облегчивъ тягости народа, упорядочивъ финансы, улучшивъ правосудіе. Несомнѣнно, что всѣ мѣропріятія Павла источникомъ имѣли благороднѣйшія побужденія, и что если онъ и возбуждалъ неудовольство и ненависть, то главнымъ образомъ въ худшихъ элементахъ гвардіи и дворянства, развращенныхъ долгимъ женскимъ правленіемъ“ (XXIV).

Говоря о событіи 11-го марта, авторъ въ заключеніе пишетъ: „Императоръ Павелъ I—разительный примѣръ монарха, который, будучи отъ природы надѣленъ многими высокими качествами духа, исполненъ честнаго и благороднаго стремленія къ благу своего народа, тѣмъ не менѣе на цѣлое столѣтіе въ сознаніи всѣхъ остается пугающимъ образомъ тирана и безумца. Императоръ Павелъ—примѣръ самодержца, который, будучи неограниченнымъ властелиномъ милліоновъ подданныхъ и обширнѣйшей имперіи, обладая такимъ могуществомъ, что рѣшенія его могли мѣнять судьбы народовъ и карту Европы, не могъ защитить себя отъ шайки цареубійцъ и придворной камарильи . . . . и погибъ ужасно и жалко, не вызвавъ къ своей участи никакого сожалѣнія въ европейскомъ обществѣ. Солдаты и крестьяне были признательны Павлу за многія облегченія—и не защитили его“. „Такъ Импе-

[1]) „Въ конечномъ выводѣ, читаемъ въ послѣсловіи, должно признать, что ходячее, полемическое, каррикатурное представленіе о личности императора Павла Перваго, какъ о невѣжественномъ, грубомъ, безумномъ, свирѣпомъ деспотѣ— ложно“.

раторъ Павелъ является показателемъ того, что постигаетъ верховную власть, когда она не опирается на свободный и сознательный народъ“ (XLVII стр.).

Какъ историкъ литературы и романистъ, авторъ, конечно не могъ, хотя и пытался, дать „научное, объективное“ освѣщеніе затронутыхъ вопросовъ, такъ какъ онъ, выдвигая благопріятныя извѣстія для Павла, вращался въ кругѣ тѣхъ же матеріаловъ и записокъ современниковъ, которыми пользовались и другіе, а также и потому, что его изображенію и освѣщенію не хватаетъ болѣе точной фактичности и обстоятельности, которыми бы подкрѣплялась его точка зрѣнія на время Павла. Къ тому же убѣдительности изложенія автора вредитъ мистика и публицистика [1]).

Таково другое теченіе исторической мысли. Оно является значительно меньшимъ сравнительно съ первымъ, уступая ему и количествомъ работъ, и тѣмъ вліяніемъ, которое оно имѣетъ на умы нашихъ современниковъ; тѣмъ не менѣе, и это теченіе, кромѣ указанныхъ изслѣдователей и писателей, раздѣляется нѣкоторыми и другими [2]).

Но этими двумя, въ нѣкоторомъ смыслѣ крайними теченіями не исчерпывается вся библіографія о временахъ Павла. Наряду съ отрицательнымъ или хвалебнымъ тономъ книгъ появляются съ давняго времени работы примирительнаго направленія, въ которыхъ дѣлаются попытки указать какъ на темныя, такъ и на свѣтлыя стороны характера Павла и разсмотрѣть правительственныя мѣропріятія того времени по возможности съ двухъ сторонъ. Одну изъ первыхъ такихъ попытокъ, и не совсѣмъ удачную, представляетъ книга о. Морошкина.

М о р о ш к и н ъ въ книгѣ „Іезутиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II и до нашего времени“ не даетъ ни характеристики Павла I, ни общаго обзора правительственной

---

[1]) „Злочастная судьба (Павла) есть роковой и логическій выводъ Петровской реформы“; „Цареубійство 11 марта 1801 г. есть прямое слѣдствіе сыноубійства 26 іюня 1718 года“. Въ концѣ предисловія сквозитъ мысль о желательности созыва „освященнаго (!) земскаго собора излюбленныхъ людей“.

[2]) Напр., военными писателями: Старымъ—Ратчемъ (см. В. Р а т ч ъ, Свѣдѣнія объ артиллеріи гатчинскихъ войскъ, П., 1851) и современнымъ — Н. А. Д а н и л о в ы м ъ (о немъ см. ниже).

дѣятельности, тѣмъ не менѣе, онъ во многихъ мѣстахъ бросаетъ замѣчанія, изъ которыхъ видно, что онъ былъ ни поклонникомъ, ни порицателемъ этого времени; хотя онъ и отмѣчаетъ „многіе недостатки въ характерѣ Павла“, „измѣнчивость“ въ его мысляхъ и чувствованіяхъ, „крайнюю подозрительность“ и необычайную строгость, указываетъ и на „курьезныя стороны администраціи Павла“, однако наряду съ этимъ о. Морошкинъ подчеркиваетъ то, что у Павла были „благородные порывы и возвышенныя стремленія“, „благодушно-рыцарское сердце“ и „необыкновенная впечатлительность“, а также онъ упоминаетъ о „неутомимой, живой и бодрой (правительственной) дѣятельности“ императора Павла [1]).

Такого же рода попытку представляютъ работы военнаго историка П. С. Лебедева о Паниныхъ [2]) и о военныхъ преобразованіяхъ Павловскаго царствованія [3]). Въ нихъ авторъ даетъ краткую характеристику Павла и произведенной имъ военной реформы, при чемъ онъ отдѣляетъ личность Императора отъ той реформы, которая была произведена въ его время въ арміи, считая эту реформу дѣломъ не только Павла, но также дѣломъ лицъ, окружавшихъ Императора.

„По уму и сердцу Павелъ, читаемъ у Лебедева, былъ замѣчательнѣйшимъ человѣкомъ: рыцарь чести и поклонникъ всего великаго и доблестнаго, онъ удивлялся своему народу и своей арміи, любилъ ихъ по-своему, искалъ истины и добра и, когда могъ, увлекался истиною и разсѣвалъ добро всюду; былъ нѣжный и образцовый семьянинъ, старался неисчислимыми благодѣяніями вознаградить за свои порывы и увлеченія, и между тѣмъ всѣ подданные трепетали при одномъ имени Павла I. Это происходило отъ его раздражительнаго характера, подозрительности и недовѣрія къ людямъ, что все навѣяно было людьми, окружавшими его дѣтство, а

---

[1]) Морошкинъ М., Іезуиты въ Россіи, П., 1867—1870 г.г., ч. I, 272, 330, 339, 340; ч. II, 3, 9, 19 и др.

[2]) Лебедевъ П. С., Опытъ разработки новѣйшей русской исторіи по неизданнымъ источникамъ. Графы Никита и Петръ Панины. П., 1863 г.

[3]) Преобразователи рус. арміи въ царствованіе императора Павла Петровича. 1796—1801 г. (Рус. Стар., 1877 г., февр., 227—260; апр., 577—608).

потомъ гатчинцами и ихъ пособниками, мстившими екатерининцамъ за время своего прошедшаго униженія" [1]). Всю строгость и всѣ жестокости Павловскаго царствованія авторъ относитъ всецѣло на счетъ „людей мрака и злобы", окружавшихъ Государя.

Относительно преобразованій П. С. Лебедевъ былъ того мнѣнія, что „благоговѣніе (Павла) къ мудрой внутренней политикѣ Екатерины спасало наши общественныя и гражданскія учрежденія отъ измѣненій и сохранило ихъ неприкосновенными"; но „за то военная часть сосредоточила на себѣ все вниманіе Павла, и ей отдался онъ со всею пылкостію своей души и со всею необузданностію такъ долго сдерживаемаго ожиданія". Военную реформу Павла, произведенную по прусскимъ образцамъ временъ Фридриха II, при содѣйствіи гатчинцевъ, изъ которыхъ авторъ останавливается на болѣе видныхъ дѣятеляхъ, и изображаетъ Лебедевъ въ своей второй работѣ и подробно отмѣчаетъ всѣ тѣ отрицательныя стороны, которыя имѣла, по его мнѣнію, военная реформа Павла. Однако, такая критика смягчается указаніемъ на то, что „первымъ послѣдствіемъ побѣдъ Фридриха Великаго было повсемѣстное введеніе прусской тактики" (231), „прусскій способъ образованія солдата въ цѣлой Европѣ считали безукоризненнымъ и единственнымъ всѣ тогдашніе военные люди".

Такимъ образомъ, нашъ историкъ не замѣтилъ реформъ въ общественномъ строѣ и въ учрежденіяхъ, а пристально разсмотрѣлъ лишь одни военныя преобразованія, и, считая ихъ въ цѣломъ неудачными и нецѣлесообразными, всю вину за то возлагалъ не на Павла, въ которомъ онъ видѣлъ рыцаря, государя вспыльчиваго, но добраго и благожелательнаго, а на окружавшихъ Павла карьеристовъ, льстецовъ и интригановъ. Заканчивая книгу, Лебедевъ привелъ французскіе стихи, которые распространялись по всему Петербургу послѣ кончины Павла и своимъ содержаніемъ характеризовали его съ симпатичной стороны, а по поводу взгляда Карамзина на Павла нашъ историкъ заявлялъ, что взглядъ его „ошибоченъ и пристрастенъ".

---

[1]) Лебедевъ П. С., Преобразователи русской арміи въ царствованіе имп. Павла Петровича—Рус. Старина, 1877 г., апрѣль, 604.

Н. Григоровичъ въ своей работѣ о канцлерѣ А. А. Безбородко касается времени Павла. Онъ указывалъ на „крутой нравъ“ Государя, на горячность и непостоянство его характера, на недовѣрчивость къ людямъ, на рѣзкое измѣненіе порядковъ Екатерины II, благодаря чему настала тяжелая и тревожная жизнь, доходившая въ столицѣ „до мучительной нестерпимости“, но вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же авторъ писалъ о „человѣколюбіи“, „рыцарской честности“ и о „жаждѣ къ работѣ“ вступившаго на престолъ Павла, объ успѣхахъ иностранной политики, руководимой А. А. Безбородкой, о военныхъ, финансовыхъ мѣрахъ и о прочемъ. Любопытна одна сторона дѣятельности Павла, на которой останавливается авторъ, а именно: по вопросу о порядкѣ сношеній верховной власти съ различными государственными учрежденіями, Н. Григоровичъ замѣтилъ, что эти сношенія, сравнительно съ царствованіемъ Екатерины II, „получили весьма незначительную перемѣну“. „Важнѣйшіе сенатскіе доклады, особенно по уголовнымъ дѣламъ, по наблюденію автора, императоръ Павелъ, за время (секретарства) Безбородки, т. е. въ первые два съ половиною года, читалъ самъ, и самъ же, собственною своею рукою, писалъ на нихъ резолюціи“. „Такія чтенія вызывали со стороны энергичнаго и впечатлительнаго монарха усиленное вниманіе и приводили его въ самое близкое соприкосновеніе съ ходомъ дѣлъ въ различныхъ государственныхъ учрежденіяхъ. При этомъ Императоръ неизбѣжно долженъ былъ усматривать и замѣчать недостатки въ разныхъ частяхъ управленія обширнѣйшей страны и сознать необходимость въ устраненіи ихъ и въ приведеніи государственнаго управленія въ стройную систему“. Подобной заботой авторъ объясняетъ появленіе „Записки о потребностяхъ Имперіи Россійской“, составленной А. А. Безбородкой, видимо, по порученію Павла. „Записка эта, заключаетъ авторъ, по ея содержанію, ставитъ императора Павла I и кн. Безбородку въ связь съ императоромъ Александромъ I и гр. Сперанскимъ; съ императорами Николаемъ I и Александромъ II“ [1]).

---

[1]) Сборн. И. Рус. Ист. Общ., т. 29, стр. 356—447. П., 1881 и отдѣльно.

Укажу еще на одного изслѣдователя, который готовъ сказать и въ пользу Павла и противъ него, именно на экономиста Бліоха. И. С. Блiохъ въ своей книгѣ „Финансы Россіи XIX столѣтія“ небольшую главу [1]) отводитъ вопросу о положеніи финансовъ при императорѣ Павлѣ I. „По финансовой части, пишетъ авторъ, нельзя не упомянуть добромъ императора Павла I за его честныя стремленія къ улучшенію народнаго быта“. Отмѣтивъ въ хронологическомъ порядкѣ финансовыя мѣры за 1796—1801 г., на сколько это можно сдѣлать по Полному Собранію Законовъ, Бліохъ заключаетъ: „Сухія и безцвѣтныя оффиціальныя реляціи, конечно, не могутъ возстановить предъ нами сказанную эпоху; не могутъ обрисовать и охарактеризовать дѣйствительное положеніе тогдашняго финансоваго хозяйства и не даютъ никакого отвѣта относительно современнаго общаго экономическаго состоянія страны“. Не смотря на такое положеніе матеріала, авторъ тѣмъ не менѣе рѣшился сдѣлать нѣкоторый общій выводъ. „Хотя у насъ нѣтъ, читаемъ у него, подъ рукой достаточныхъ данныхъ, но изъ общаго характера распоряженій можно вывести лишь одно заключеніе—въ царствованіе Павла I собственно экономическія соображенія принимались весьма мало, или совсѣмъ не принимались во вниманіе, а всѣ распоряженія по финансовой части производились исключительно подъ вліяніемъ непосредственнаго влеченія—или къ измѣненію, лучше сказать, къ совершенному разрушенію, всего того, что создано было, не безъ усилій, при Екатеринѣ II—или по моментальному настроенію и положенію внѣшней политики“; ниже вскользь говорится о „финансовыхъ безурядицахъ“ времени Павла.

Но и этотъ выводъ ослабляется замѣчаніемъ автора о томъ, что „эпоха Павла I и даже замѣчательная во многихъ отношеніяхъ личность самого Государя—по настоящее время еще весьма мало изслѣдованы и уже давно ждутъ своего историка“.

Бліохъ отъ финансовъ переходитъ къ общей оцѣнкѣ

---

[1]) Бліохъ И. С., Финансы Россіи XIX ст., т. I. П., 1882 г., стр. 53—61.

царствованія Павла и высказываетъ любопытное наблюденіе. „Если охарактеризовать какимъ-либо общимъ именемъ эпоху царствованія императора Павла I, пишетъ онъ, то ея нельзя не назвать эпохою ужаса, но не для народа собственно, а для высшаго привилегированнаго сословія“. „Собственно, для большинства народонаселенія императоръ Павелъ вовсе не былъ страшнымъ: онъ всѣми мѣрами старался облегчить участь крѣпостного населенія“; эти мѣры „положили начало ограниченію помѣщичьей власти и облегченію крестьянскихъ тяготъ“. Такое направленіе правительственной политики было одной изъ главныхъ причинъ неудовольствія вельможъ и сановниковъ, повлекшаго за собою катастрофу 11-го марта.

Перечисленныя выше работы были лишь первыми и не совсѣмъ удачными попытками освѣтить время Павла, болѣе или менѣе равномѣрно распредѣляя свѣтъ и тѣни. Такое же примирительное теченіе сильно сказалось и въ работахъ Е. С. Шумигорскаго, „историка Павловскаго времени“, какъ онъ себя именуетъ. Въ его книгахъ о Павлѣ I, Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и о Е. И. Нелидовой [1]) дана попытка новаго освѣщенія Павловскаго царствованія и въ разныхъ мѣстахъ книгъ разбросано множество вѣрныхъ и любопытныхъ наблюденій и обобщеній.

По изображенію Шумигорскаго, императоръ Павелъ I былъ умнымъ и просвѣщеннымъ государемъ, широко образованнымъ, вступившимъ на престолъ съ выработанной программой для своей государственной дѣятельности. Въ чемъ состояла „программа“ или „правительственная система“ Павла I? На этотъ вопросъ точнаго отвѣта у г. Шумигорскаго мы не найдемъ, но въ общемъ можно изъ нѣсколькихъ мѣстъ его книгъ составить себѣ такое представленіе.

Павелъ I имѣлъ „высокое понятіе о правахъ и обязанностяхъ государя“, цѣнилъ самодержавную власть, стремился къ „централизаціи власти“, „самъ входилъ во всѣ подроб-

---

[1]) Е. С. Шумигорскій: а) Императоръ Павелъ I. П., 1907; б) Импер. Марія Ѳеодоровна, т. I. П., 1892; в) Екатерина Ивановна Нелидова, П., 1898.

ности“ управленія, „желая все знать и всему давать направленіе“ (Павелъ I, 42, 166). При Павлѣ „сенатъ и совѣтъ при Высочайшемъ дворѣ утратили почти всякое законодательное значеніе: Государь хотѣлъ самъ все видѣть, все рѣшать и всѣмъ лично управлять“.

Возстановляя центральныя учрежденія, Павелъ сталъ придавать имъ министерскій характеръ. „Императоръ хотѣлъ говорить не съ учрежденіями, а съ лицами, бывшими непосредственными исполнителями его повелѣній“; „въ его царствованіе тихо, незамѣтно совершился переходъ отъ коллегіальнаго начала къ единоличному министерскому—въ высшемъ управленіи, отъ сословнаго къ бюрократическому—въ низшемъ“ (163). Эта послѣдняя замѣна г. Шумигорскимъ объясняется тѣмъ, что „около Государя не было развитыхъ общественныхъ элементовъ, на которые онъ могъ бы опереться въ своей дѣятельности“ — отсюда возникло стремленіе Павла Петровича въ цѣломъ рядѣ его распоряженій создать новое орудіе правительственной власти—чиновничество, которое должно было стоять внѣ круга сословныхъ интересовъ и быть точнымъ исполнителемъ воли монарха“ (120).

Цѣлью государственной дѣятельности Павла было „созданіе фундаментальныхъ законовъ, отсутствіе которыхъ возводили Россію на степень азіатской державы“. Основныя же начала, которыми проникнута была правительственная система Павла, заключались „въ ослабленія значенія дворянскаго сословія, въ уничтоженіи его привилегій, сословныхъ и экономическихъ, въ облегченіи тягостей крестьянства и въ водвореніи порядка и законности въ Россіи“ (45—46; Нелидова, 88).

По словамъ г. Шумигорскаго, этой либеральной и благодѣтельной для государства программѣ Павелъ „въ сущности остался вѣренъ до конца своей жизни“, лишь подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ „эта первоначальная программа постепенно видоизмѣнялась къ худшему, одновременно съ измѣненіемъ тоже къ худшему любезнаго, благороднаго характера ея царственнаго автора“.

Что же помѣшало Павлу выполнить хотя бы частично его программу? Здѣсь прежде всего виною были обстоятельства того времени, а также и характеръ самого Императора.

„Павелъ Петровичъ, читаемъ у Шумигорскаго, подобно многимъ другимъ людямъ того времени, не сознавая ясно ни историческихъ задачъ Россіи, ни направленія предлежащаго ей пути, всю жизнь провелъ въ борьбѣ между осаждавшими его западноевропейскими вліяніями культурнаго и некультурнаго свойства, съ одной стороны, и любовью къ своему народу во всемъ его цѣломъ и смутной вѣрой въ его великія силы—съ другой". Эта двойная борьба, въ связи со многими другими условіями, въ концѣ концовъ должна была тяжело отозваться на духовныхъ силахъ Императора, на его болѣзненной, нервной организаціи: характеръ и міросозерцаніе его развились при самой неблагопріятной обстановкѣ" (5—6).

Но еще въ большей степени, чѣмъ эта борьба, Павлу въ государственной дѣятельности мѣшали его „личныя свойства": „его запальчивость, неосторожная прямолинейность"; „въ своихъ стремленіяхъ къ правдѣ, къ возвеличенію попранной справедливости, Павелъ мало думалъ о способахъ къ достиженію намѣченной цѣли и вовсе не заботился о впечатлѣніи, какое производили эти способы". „Въ своемъ увлеченіи Императоръ не видѣлъ даже, что способы эти могли производить зло гораздо большее, чѣмъ то, которое они имѣли цѣлью уничтожить".

Способы же борьбы были нецѣлесообразны, главнымъ образомъ, потому, что „Павелъ, по словамъ г. Шумигорскаго, не умѣлъ управлять собой, не владѣлъ своими чувствами"; „въ горячкѣ пробудившихся страстей, утрачивалось чувство мѣры, спокойное пониманіе окружавшей обстановки и, что важнѣе всего, на первый планъ въ борьбѣ выступали мелочи, затемнявшія сущность самаго дѣла, а иногда и вовсе его упразднявшія" (85).

Какъ на примѣръ такого рода, г. Шумигорскій указываетъ на то, что императоръ Павелъ, „увлекаясь военными упражненіями, забывалъ свое достоинство самодержца и лично училъ войска, превращаясь въ самаго зауряднаго экзерцирмейстера":

„на вахтпарадѣ, который превратился въ какой-то торжественный обрядъ и былъ настоящимъ театромъ, русскій Государь разыгрывалъ роль мелочнаго и деспотическаго педанта“ (128).

Къ этому нужно прибавить, что съ самаго начала правительственной дѣятельности Павла I „въ его умѣ прочно укоренилась мысль о необходимости суровыми и сильными мѣрами пресѣчь распущенность въ службѣ и въ нравахъ“. Вводя строгіе порядки, онъ требовалъ отъ всѣхъ безпрекословнаго исполненія своихъ предписаній и обрушивался на всякаго, кто нарушалъ его приказаніе. „При малѣйшемъ упущеніи не спасали виновнаго никакія заслуги: желаніе быть справедливымъ, не взирая на лица, увлекало Павла Петровича въ противоположную крайность, и онъ совершалъ величайшія несправедливости, если не сказать болѣе“ (189).

„Аристократія, офицеры гвардіи, всѣ люди мыслящіе,— никто не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, и всѣ чувствовали озлобленіе противъ Государя, попиравшаго ихъ насущные интересы и стѣснявшаго даже частную жизнь“. „Деспотъ желалъ имѣть возлѣ себя однихъ лишь рабовъ—и въ этомъ заключался главный источникъ его гибели“ (201).

Таковъ взглядъ г. Шумигорскаго на Павла I и его царствованіе. Въ этой характеристикѣ, интересной и новой по общему тону и многимъ отдѣльнымъ частностямъ, нельзя, однако, найти ни цѣльности, ни продуманности до конца. Павелъ и его правительственная система выступаютъ двумя рѣзко несогласованными сторонами: Павелъ характеризуется то, какъ государь, стремящійся къ „правдѣ и справедливости“, то какъ неумолимый тиранъ, вызывающій общее озлобленіе; его система управленія, возвеличенная въ началѣ, въ концѣ признается „ошибочной“.

Затѣмъ непонятно противоположеніе „законодательнаго значенія“ сената и совѣта личному „управленію“ дѣлами со стороны Павла; такого же рода—объясненіе того, что будто бы созданіе (?!) чиновничества явилось послѣдствіемъ отсутствія „около Государя развитыхъ общественныхъ элементовъ“.

Самою же главною особенностью работъ г. Шумигорскаго о Павлѣ I является то, что авторъ вращается преимущественно въ кругу придворныхъ отношеній, подробно и искусно разбираетъ тонкія сѣти дворцовыхъ интригъ, закулисныхъ вліяній, внимательно останавливается на личной біографіи Павла I и нѣкоторыхъ близкихъ къ нему лицъ— и въ этомъ самая сильная сторона работъ г. Шумигорскаго. Но что касается „системы управленія", „правительственной дѣятельности" того времени, то здѣсь въ его книгѣ дается лишь рядъ отрывочныхъ, въ большинствѣ случаевъ несогласованныхъ между собой замѣчаній и обобщеній, которыя, правда, иногда иллюстрируются фактами изъ тогдашней правительственной практики, но эти факты—весьма немногочисленны, взяты большею частью изъ указовъ и распоряженій, напечатанныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, а также изъ писемъ и сообщеній мемуаристовъ, которые доставляли г. Шумигорскому основной матеріалъ для его книгъ. Вся же текущая правительственная дѣятельность, сохранившаяся въ дѣлопроизводствахъ и перепискѣ статсъ-секретарей, генералъ-прокурора, сената и другихъ высшихъ учрежденій, осталась скрытой для г. Шумигорскаго и въ его книгахъ не разъясненной и не освѣщенной.

Къ работамъ историковъ средняго примирительнаго направленія, можно отнести работу Панчулидзева о кавалергардахъ [1]), а также краткій обзоръ царствованія, данной проф. С. Ѳ. Платоновымъ [2]).

Изъ предыдущаго обзора видно, что историки такъ же, какъ и мемуаристы, совершенно различно смотрятъ на личность Павла, какъ правителя, и на его правительственную дѣятельность. Въ то время какъ одни видятъ въ немъ душевно-больного, „помѣшаннаго", жестокаго, одержимаго „безумнымъ самовластіемъ и своевольнымъ капризомъ", охваченнаго „дурными импрессіями" и „страстными порывами", благодаря которымъ его дѣятельность разбивалась на рядъ безцѣльныхъ

[1]) Панчулидзевъ С. А., Исторія кавалергардовъ, т. II, П., 1901.
[2]) Платоновъ С. Ѳ., Лекціи по русской исторіи, 9-ое изд., П., 1915, 645—652.

и безсвязныхъ поступковъ (Головинъ, Ключевскій, Шильдеръ и В. И. Семевскій), другіе видятъ въ Павлѣ человѣка умнаго и просвѣщеннаго, „рыцаря безъ страха и упрека", хотя и раздражительнаго и строгаго, но добраго и великодушнаго, „мудраго правителя", у котораго задолго до воцаренія была обдумана и выработана цѣлая программа его будущей государственной дѣятельности (Милютинъ, М. И. Семевскій, Д. Ѳ. Кобеко, П. Н. Буцинскій).

Въ оцѣнкѣ государственной дѣятельности историки также рѣзко расходятся и характеризуютъ ее прямо противоположными чертами. Однимъ казалось, что дѣятельность эта носила „характеръ не столько политической, сколько патологической", и вся программа „разбилась на безсвязныя и капризныя мелочи" (Ключевскій), мѣропріятія правительства были случайны, безцѣльны и вредны для истинно-государственныхъ интересовъ Россіи, благодаря чему Павловское царствованіе превратилось въ періодъ „слѣпой прихоти и насилія", „бреда и хаоса" (Н. К. Шильдеръ, В. И. Семевскій). Другимъ, наоборотъ, представлялось время Павла, какъ періодъ „преобразованій, новыхъ уставовъ и положеній", которыми вводился порядокъ въ управленіе (Милютинъ), какъ періодъ, во время котораго энергично проводилась „демократическая программа" (Буцинскій) и водворялась законность въ Россіи (Шумигорскій), благодаря этому на правительственную дѣятельность времени Павла можно смотрѣть, какъ на осуществленіе систематически продуманной программы управленія Россіей (М. И. Семевскій).

Кто изъ указанныхъ историковъ правъ, какая характеристика правительственной дѣятельности Павла наиболѣе отвѣчаетъ дѣйствительности—сказать, руководясь только ихъ работами, трудно, потому что, во 1-хъ, историки больше интересовались личностью императора Павла, чѣмъ его правительственной дѣятельностью, во 2-хъ, ни одинъ изъ нихъ не изучалъ всесторонне послѣдней, ограничиваясь изученіемъ одной какой либо стороны, преимущественно военной, дипломатической, или же давая самый бѣглый обзоръ всей правительственной дѣятельности, въ 3-хъ, историки въ своихъ

построеніяхъ руководились прежде всего мемуарной литературой и далеко неполно вводили въ ученый оборотъ узаконенія и правительственныя распоряженія, не говоря уже о томъ, что они почти совсѣмъ не касались богатаго архивнаго фонда, сохранившагося преимущественно въ Сенатскомъ Архивѣ и Архивѣ Государственномъ; тогда какъ я уже, полагаю, въ достаточной мѣрѣ показалъ, насколько ненадеженъ мемуарный матеріалъ для изученія событій Павловскаго времени, благодаря чему онъ и не можетъ давать правильнаго представленія о мѣропріятіяхъ правительства въ теченіе этого царствованія.

Такое состояніе исторической литературы обратило мое вниманіе, и я рѣшилъ заняться документальнымъ изученіемъ Павловскаго времени и дать обзоръ правительственной дѣятельности въ ея главнѣшихъ направленіяхъ. Въ основу своего изслѣдованія я положилъ правительственныя распоряженія, дошедшія до насъ въ видѣ Высочайшихъ указовъ, рескриптовъ, словесныхъ повелѣній, Высочайше утвержденныхъ докладовъ сената и прочаго; подобнаго рода распоряженій дошло до насъ около 12.000 [1]). Къ этому я присоединилъ доклады и переписку статсъ-секретарей Его Величества, черезъ которыхъ, въ отвѣтъ на прошенія и доклады, Государь отдавалъ приказанія и сообщалъ свои резолюціи [2]), а также обширную переписку канцеляріи генералъ-прокурора [3]) (свыше 3000 дѣлъ, изъ которыхъ многія дѣла на десяткахъ и даже на сотняхъ листовъ). Такъ какъ генералъ-прокуроръ уже въ Екатерининское время становился сосредоточіемъ

---

[1]) Высочайшіе указы и прочее находятся на храненіи въ Сенатскомъ Архивѣ и представляютъ собой: а) 52 книги подлинныхъ указовъ („книги именныя", № 184—235), въ которыхъ помѣщено по моему подсчету 8769 отдѣльныхъ номеровъ; б) 19 книгъ копій Высоч. указовъ („книги копій"—№ 249, 251—268); въ нихъ отдѣльныхъ номеровъ при подсчетѣ оказалось—3136, а всего въ 71 книгѣ находится 11905 номеровъ.

[2]) Переписка статсъ-секретарей въ видѣ черновиковъ хранится въ Государственномъ Архивѣ, составляя нѣсколько обширныхъ папокъ (см. разрядъ X, ч. XIII и др.).

[3]) О дѣлахъ канцеляріи ген.-прокурора, съ характеристикой ихъ содержанія—см. а) Опись докум. и дѣлъ Сенат. Арх., отд. III, т. I и II. П., 1910 и 1911; б) Памятная книжка Сенат. Архива, П., 1913, стр. 212—214; по подсчету дѣлъ канцеляріи ген.-прокурора, за годы съ 1797 по 1801—3164.

всего управленія, а въ Павловское время значеніе генералъ-прокурора еще болѣе возросло, то канцелярія генералъ-прокурора являлась центральнымъ мѣстомъ, откуда въ разныя стороны шли нити, связывающія губернскія и многія центральныя учрежденія съ этой канцеляріей, благодаря этому дѣла канцеляріи генералъ-прокурора даютъ богатый матеріалъ для характеристики дѣятельности какъ многихъ центральныхъ учрежденій, такъ и областныхъ.

Весь указанный выше матеріалъ мной изученъ, и я считалъ себя въ правѣ, пользуясь этимъ основнымъ матеріаломъ и прибѣгая иногда къ мемуарамъ, какъ второстепенному вспомогательному средству, дать обзоръ правительственной дѣятельности Павловскаго царствованія, обзоръ, основанный не на однихъ разсказахъ современниковъ, а на чисто фактическомъ ознакомленіи со всѣмъ тѣмъ, что было сдѣлано правительствомъ за это время.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1. Состоянiе Россiи въ послѣднiе годы царствованiя Екатерины II.

Вѣкъ Екатерины II, мудрой правительницы, продолжательницы славныхъ традицiй Петра Великаго, въ обычномъ изображенiи поражаетъ своимъ блескомъ, широтой замысловъ и „величавостью". Этотъ вѣкъ, по изображенiю современныхъ мемуаристовъ, въ памяти потомства воскресалъ, какъ эпоха наибольшаго развитiя могущества Россiи, какъ пора всесторонняго усовершенствованiя и расцвѣта, какъ время серьезной, но и веселой, трудовой, но также шумно-беззаботной, полной мягкой грацiи и особой прелести, жизни. Старые вельможи начала XIX вѣка безъ слезъ умиленiя и благодарности не могли произнести имени „божественной" Екатерины и вспомнить ея славнаго, чудеснаго царствованiя [1]). Благодаря этому образъ Екатерины и ея времени задернутъ былъ таинственной дымкой прiятнаго очарованiя и чаще трогалъ чувство и воображенiе, чѣмъ говорилъ уму.

Но безпристрастное историческое изслѣдованiе приводило къ выводу, что созданный мемуаристами и поэтами образъ исторически не совсѣмъ вѣренъ, и наряду со свѣтлыми въ немъ должны находиться рѣзкiя тѣневыя черты. Уже само время, какъ первый вѣкъ европеизацiи Россiи и какъ эпоха расцвѣта крѣпостного права, заставляло осторожнѣе относиться къ дифирамбамъ въ честь Екатерины и ея царство-

---

[1]) Крайнее выраженiе такихъ восторговъ можно видѣть въ „Историческомъ похвальномъ словѣ" имп. Екатеринѣ II—Н. М. Карамзина. М., 1802, 13—14 и др.

ванія. Затѣмъ личность самой Императрицы, весьма склонной къ внѣшнимъ эффектамъ, къ славѣ [1]) и саморекламѣ толкала мысль къ критической оцѣнкѣ всего того, что связано съ Екатериной II. Наконецъ, 34-лѣтній періодъ царствованія— столь почтенный по своей продолжительности періодъ, что невольно прокрадывается сомнѣніе въ томъ, являлись ли всѣ эти 34 года одинаково удачными и благополучными для Россіи и не было ли времени естественнаго упадка и нѣкотораго застоя, въ особенности въ послѣднее десятилѣтіе царствованія.

Въ возможности подобнаго упадка не было ничего удивительнаго. Хотя Екатерина II по натурѣ своей была энергичной и дѣятельной, но, вступивъ на престолъ 33-хъ лѣтъ, она къ концу царствованія, состарѣвшись, должна была утомиться. Годы сказались на ея работоспособности и продуктивности. Къ началу и срединѣ ея царствованія относятся собственноручно написанные ею Наказъ, учрежденіе о губерніяхъ, уставъ о благочиніи и весьма многочисленные указы, рескрипты, резолюціи и проекты законоположеній. Въ концѣ царствованія Екатерина II сама сравнительно рѣдко пишетъ,

---

[1]) Лопухинъ И. В. восхваляетъ „Екатерину Великую", считая ее „истинной благодѣтельницей" отечества, но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаетъ въ ней кое-какія слабости: „нѣкоторыя жертвы славолюбію („любовь къ славѣ была ея страсть"), особливо въ войнахъ, коихъ не всегда предметомъ была одна истинная польза и безопасность имперіи", „нѣкое попущеніе роскоши, которое почитала она даже долженствующимъ содѣйствовать къ блеску процвѣтанія монархическаго, хотя роскошь, замѣчаетъ Лопухинъ, кажется, есть самая опасная зараза для тѣла всякаго народа" (Записки, стр. 56).

Тщеславіе Екатерины II бросилось въ глаза итальянскому поэту Касти, который въ своей „Татарской поэмѣ" (Il Poema Tartaro) такъ описываетъ свою героиню-Каттуну (Екатерину II): „Безмѣрная, страстная жажда славы дѣлаетъ то, что иногда она кажется дѣйствительно великой въ своихъ дѣяніяхъ. Слава и только слава порождаетъ въ ней и идеи и даетъ силу ея уму. Въ сердцѣ татарской царицы постоянно кипитъ амбиціозное желаніе изумить міръ, добиться имени великой героини" (И. Гливенко, Россія временъ Екатерины II въ Il Poema Tartaro G. Casti—Чтенія въ Истор. Общ. Нестора-Лѣтописца, 1898, кн. XII, 14).

Изъ историковъ не одинъ говоритъ о славолюбіи и тщеславіи Екатерины II. Ключевскій В. О., напр., писалъ: „Тщеславіе доводило Екатерину, отъ природы умную женщину, до умопомраченія, дѣлавшаго ее игрушкой въ рукахъ ловкихъ и даже глупыхъ льстецовъ, умѣвшихъ пользоваться ея слабостями, и она не приказывала выталкивать изъ своего кабинета министра, въ глаза говорившаго ей, что она премудрѣе самаго Господа Бога" (Очерки и рѣчи, М., 1913, 315; ср. 326).

резолюціи на докладахъ обычно накладываются рукою статсъ-секретарей, Императрица только ихъ подписываетъ [1]). Дѣлъ нерѣдко она не читаетъ и не рѣшаетъ сама, а приказываетъ отнести внизъ, т. е. къ Зубову, который, ознакомившись съ ними, и докладываетъ Государынѣ [2]).

Если въ прежнее время Екатерина черезъ нѣсколько дней рѣшала дѣла и давала резолюціи на доклады, напр., сената, то въ 90-хъ годахъ нерѣдко были случаи, когда доклады Сената лежали въ кабинетѣ Императрицы, безъ всякаго движенія, по мѣсяцамъ, по году и больше [3]).

Состарѣвшаяся Императрица не любила, чтобы ей докучали какими-либо просьбами и жалобами, на злоупотребленія смотрѣла сквозь пальцы, чтобы не разстраиваться, и сердилась, когда ей осмѣливались дѣлать какія-либо указанія и предлагали какія-либо реформы [4]). Казалось, она ради своего покоя сама себя ублажала и убѣждала въ томъ, что въ Россіи лучше всего живется людямъ.

Одинъ за другимъ сходили со сцены „Екатерининскіе орлы", виднѣйшіе дѣятели ея царствованія. Не стало Григорія Орлова, хотя онъ еще при жизни лишился вліянія на дѣла; почти въ то же время удалился отъ двора и отъ государственной дѣятельности его братъ Алексѣй, который до того времени игралъ въ придворныхъ и военныхъ кругахъ довольно значительную роль. Умеръ виднѣйшій дипломатъ второй половины XVIII вѣка Никита Панинъ, которому Екатерина,

---

[1]) *Сен. Арх., Книги имен. указовъ*, № 170 (1790 года), л. 21, 116, 157, 179, 185, 315 и др.; № 175 (1793 г.), л. 132, 286, 294, 347, 355; № 180 (янв. 1796), л. 130, 163, 408, 420, 447, 456, 466, 470, 484; кн. № 181, л. 195, 403, 481 и др.

[2]) Храповицкій, А. В., Дневникъ, изд. Н. Барсукова, П., 1874, о статсъ-секретаряхъ и докладахъ—стр. 294, 295, 301, 303, 305, 309, 311, 318, 320, 345, 348, 349, 353, 359, 375, 383; общее замѣчаніе—«Секретари Ея Величества докладываютъ по входящимъ бумагамъ и подаютъ указы къ подписанію»—378.

О П. Зубовѣ—355, 378, 381, 385, 389, 394, 397, 402, 410 и др.

[3]) См. ниже въ главѣ, гдѣ говорится о судѣ надъ дворянами.

[4]) Личной заинтересованностью и чувствомъ мести къ человѣку, который осмѣлился затронуть благодушіе Императрицы, „успокаивавшей себя мыслью, что (она) сдѣлала все, что могла, и все, что было нужно", Н. П. Павловъ-Сильванскій объяснялъ суровый приговоръ Екатерины по отношенію къ А. Н. Радищеву, извѣстному автору „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" (П., 1905 г., изд. Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева, стр. XXXVI и др.).

несмотря даже на нѣкоторыя размолвки съ нимъ, до послѣднихъ лѣтъ его жизни довѣряла самыя важныя иностранныя дѣла, полагаясь на его умъ, опытность и неподкупность. Вскорѣ за нимъ сошелъ въ могилу и второй братъ, покоритель Бендеръ, усмиритель Пугачевскаго бунта, боевой генералъ Петръ Ивановичъ Панинъ.

Въ 1791 году Екатерина II оплакивала свѣтлѣйшаго князя Потемкина [1]), котораго настигла смерть вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ потерялъ свое исключительное вліяніе при дворѣ. Въ началѣ 90-хъ же годовъ умеръ отъ паралича болѣвшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вѣрный „ученикъ" Императрицы, прямой, честный и трудолюбивый кн. Вяземскій, который почти 30 лѣтъ непрерывно несъ на себѣ бремя генералъ-прокурорскихъ обязанностей.

Кромѣ названныхъ лицъ, звѣздъ первой величины, цѣлый рядъ другихъ дѣльцовъ сошелъ со сцены. Таковы: И. И. Неплюевъ, И. И. Бецкій, кн. Щербатовъ, гр. З. Г. Чернышевъ, кн. М. Н. Волконскій, А. П. Мельгуновъ, А. И. Бибиковъ и др.

Мѣсто перваго сановника, генералъ-прокурора, занялъ безличный гр. А. Н. Самойловъ [2]), а близко у кормила правленія всталъ придворный кружокъ, сгруппировавшійся вокругъ послѣдняго фаворита Императрицы, сначала гвардейскаго офицера, а затѣмъ свѣтлѣйшаго князя, генералъ-фельдцейхмейстера, несмотря на свои 20 съ небольшимъ лѣтъ, Платона Зубова [3]).

Этотъ кружокъ, не задаваясь никакими государственными цѣлями, не предпринимая никакихъ широкихъ мѣръ, стре-

---

[1]) Вотъ какъ, съ обычнымъ преувеличеньемъ рисуетъ намъ положеніе Екатерины II послѣ смерти Потемкина извѣстный мемуаристъ А. М. Тургеневъ. „Со смертью Потемкина, писалъ онъ, Екатерина перестала быть самовластной, самодержавной повелительницею Россіи. Одинъ придворный блескъ, ее окружавшій, какъ тѣнь самодержавнаго величества, остался ей въ удѣлъ. Вельможи дѣлали, что хотѣли, не страшась отвѣтственности и возмездія, будучи увѣренными, что не кому исполнять велѣнія Государыни. Потемкина уже не существовало" (Рус. Стар., 1886 г., т. 52, 261).

[2]) О немъ см. въ Рус. Арх., 1867 г., 368—371; Ивановъ, Опытъ біографій ген.-прокуроровъ, П., 1864; а также см. ниже въ главѣ о генералъ-прокурорахъ.

[3]) Біографическій очеркъ Платона Зубова и свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ царствованія императрицы Екатерины II см. въ Рус. Ст., 1876 г., т. XVI. 591—606; XVII, 39—52, 437—462, 691—723.

мился лишь къ тому, чтобы ублажать Императрицу [1]), владѣть черезъ Зубова ея сердцемъ и волей и вести дѣла въ угоду личнымъ своекорыстнымъ цѣлямъ. Впрочемъ, надежды Н. И. Салтыкова и другихъ оттѣснить Потемкина и самимъ черезъ Зубова дѣйствовать не совсѣмъ оправдались. Зубовъ, окруженный своими родичами и секретарями—„дѣльцами": Грибовскимъ, Рибасомъ и Альтести, сумѣлъ самъ захватить власть и затмилъ всѣхъ настолько, что даже самые родовитые сановники, какъ Голицыны, Долгорукіе, польскіе паны Чарторыйскіе, Віельгорскіе и другіе заискивали передъ нимъ. Безмѣрное возвышеніе фаворита, молодого, неопытнаго, не лишеннаго извѣстной доли ума, но небрежнаго и сибаритствующаго, при состарѣвшейся Императрицѣ,—составляло главное зло послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины II. Начавшаяся со временъ Потемкина вакханалія самовластія и пресмыкательства въ эти годы достигла своего апогея.

Радищевъ въ своей знаменитой книгѣ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", изображая „нѣчто, сѣдящее во власти на престолѣ" не только выходилъ изъ теоретическихъ представленій объ отрицательныхъ сторонахъ „самодержавства", но описывалъ, хотя и преувеличенно, современныя ему, извѣстныя впрочемъ больше по наслышкѣ, картины.

Не могли не замѣтить перемѣны, происшедшей съ Императрицей, ея давніе друзья и совѣтники. Такъ гр. Завадовскій писалъ Воронцову въ 1792 году: „Перемѣна людей перемѣняетъ образъ мыслей и теченія дѣлъ, а главное, что солнце на закатѣ не тотъ свѣтъ имѣетъ, которымъ дѣйствуетъ при востокѣ и во время полдня... Зубовъ безъ изъятья управляетъ всѣми внутренними и внѣшними дѣлами... Ни одинъ изъ прежнихъ фаворитовъ, даже и самъ всемогущій князь Потемкинъ, не имѣлъ столько обширной сферы; ибо владычество простиралось токмо на одинъ департаментъ,

[1]) Екатерина въ послѣдніе годы была окружена молодежью, и съ увлеченіемъ, несвойственнымъ ея возрасту и положенію, она, подъ вліяніемъ своихъ молодыхъ друзей и поклонниковъ, предавалась дѣтскимъ развлеченіямъ и забавамъ. Ср. Воспоминанія Башилова (Памятники новой рус. исторіи, изд. Кашпирова, II., 1871, т. III, 4—6, первоначально въ журн. Заря, 1871, № 12); Записки Г. Р. Державина (Сочиненія, VI, 653).

а къ настоящему всѣ придвинуты. Молодой человѣкъ изъ всѣхъ силъ мучитъ себя надъ бумагами, не имѣвъ ни бѣглаго ума, ни пространныхъ способностей, коими одними двигать бы можно широкое бремя. Душа въ немъ добра, но боязлива защищать правду или вещи полезныя, а непріятныя. Прилеженъ довольно и понятенъ, но безъ опытности посредственныя дарованія меньше успѣха, чѣмъ медленіе въ разсужденіи дѣлъ приносятъ, чему однако никакъ не внемлетъ“ [1]).

Не было ничего удивительнаго въ томъ, что послѣ крупныхъ преобразованій въ системѣ учрежденій благодаря губернской реформѣ 1775 года и опубликованія Устава благочинія въ 1782 году, послѣ важныхъ мѣропріятій въ сословномъ строѣ (жалованныхъ грамотъ 1785 года дворянству и городамъ) и Устава народныхъ училищъ въ 1786, въ послѣдующіе годы ничего важнаго, равнаго по значенію этимъ мѣропріятіямъ, во внутренней политикѣ не происходило. Во внѣшней политикѣ Россія по инерціи и подъ давленіемъ международныхъ отношеній должна была проявлять извѣстную дѣятельность: она ведетъ войну съ Турціей и Швеціей, усмиряетъ возстанія въ Польшѣ и, пользуясь ослабленіемъ Франціи въ виду революціи, участвуетъ въ двухъ послѣднихъ раздѣлахъ Рѣчи Посполитой, этого разлагавшагося государства; ведетъ войну съ Персіей и готовится къ борьбѣ съ революціонной Франціей.

Но если отъ внѣшней политики обратиться къ внутреннимъ дѣламъ, то окажется, что въ этой области правительство Екатерины II за послѣднія 10 лѣтъ [2]) не проявляло никакой особой дѣятельности, и внутренняя политика стояла на второмъ планѣ.

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, т. XII, 75.

[2]) Поворотнымъ моментомъ въ жизни государства при Екатеринѣ В. О. Ключевскій считалъ 1787 годъ, когда говорилъ: „Почти повсемѣстнымъ голодомъ 1787 г. открылся второй приступъ тревогъ, не прекращавшійся до смерти Екатерины“ (Очерки и рѣчи, 319).

Но для внутренней политики Екатерины болѣе важную роль сыгралъ 1789 годъ, годъ начала французской революціи, которая въ сильнѣйшей мѣрѣ взволновала и обезпокоила ученицу Вольтера. Къ тому же этотъ годъ близокъ къ появленію на придворномъ небосклонѣ счастливой звѣзды Зубова. Посчи-

По инерціи продолжается работа по переустройству учрежденій. Центральныя учрежденія одни закрываются, другія открываются, безъ всякаго плана, а болѣе или менѣе случайно, въ виду какой-либо конкретной потребности; появляются разныя экспедиціи, конторы, канцеляріи и комиссіи, не объединенныя никакой системой. Губернская реформа 1775 года, затянувшаяся своимъ осуществленіемъ на цѣлыхъ 20 лѣтъ, продолжаетъ занимать вниманіе правительства и требуетъ ряда отдѣльныхъ мѣропріятій по открытію и преобразованію учрежденій во вновь образованныхъ губерніяхъ, но это движеніе—поверхностное и въ извѣстномъ смыслѣ техническое и механическое, которое ничего творческаго въ себѣ не заключало, такъ какъ лишь осуществляло начала реформы 1775 года.

Сословныя мѣропріятія остановились на дарованіи жалованныхъ грамотъ двумъ привилегированнымъ сословіямъ, дворянству и городскому торгово-промышленному сословію, жалованная грамота крестьянству [1]), о чемъ не разъ думала Екатерина, пытавшаяся провести нѣкоторыя мѣры по улучшенію быта крестьянъ и стремившаяся по ея первоначальному плану объединить и систематически изложить права и обязанности всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и крестьянскаго, такъ и осталась въ видѣ черновыхъ набросковъ среди бумагъ Императрицы. Несмотря на настоятельную потребность, частыя волненія среди крестьянъ, идейное движеніе среди публицистики и журналистики того времени въ пользу крестьянъ, правительство послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины совсѣмъ не заботилось о какомъ-либо улучшеніи крестьянской жизни и не предпринимало никакихъ серьезныхъ мѣръ къ улучшенію жизни крестьянъ, не только помѣщичьихъ, но и государственныхъ, а въ частности фабрично-заводскихъ, казенныхъ и поссессіонныхъ, положеніе которыхъ было наиболѣе тяжелымъ, улучшить которое было

таемъ вмѣстѣ съ В. О. Ключевскимъ моментомъ перелома 1787 годъ, когда начавшіяся тревоги по внѣшнему поводу потомъ осложнились и усилились по внутреннимъ мотивамъ и привели Екатерину, если не къ ликвидаціи, то къ почти полной остановкѣ ея преобразовательныхъ начинаній.

[1]) См. проектъ въ Сборн. И. Рус. Ист. Общ., т. XX, стр. 447—498.

обязано правительство въ виду того, что эти крестьяне были государственными и заботы объ ихъ благосостояніи лежали на правительствѣ. Результатомъ сословной политики Екатерининскаго царствованія было крайнее недовольство народныхъ массъ своимъ положеніемъ. Это недовольство вскрылось еще во время Пугачевскаго бунта, оно тлѣло и послѣ подавленія возстанія, сказываясь время отъ времени въ частичныхъ волненіяхъ, но вновь съ силой проявилось вслѣдъ за смертью Екатерины, въ первые же мѣсяцы Павловскаго царствованія. Оно не было побѣждено ни слухами о Павлѣ, какъ о защитникѣ крестьянъ, ни отдѣльными частичными, благопріятными для крестьянъ, мѣропріятіями Павла, которыя предприняты были имъ съ момента вступленія его на престолъ.

Экономическая жизнь времени Екатерины II вообще не была блестящей: по словамъ изслѣдователя финансовой политики Екатерининскаго царствованія, Н. Д. Чечулина, за треть вѣка страна экономически развивалась очень медленно; производительныя силы страны были предоставлены сами себѣ, никакихъ новыхъ отраслей хозяйства, никакихъ новыхъ улучшенныхъ способовъ промышленной техники нельзя замѣтить въ это время.

Государственные доходы, если имѣть въ виду только абсолютныя цифровыя данныя, какъ будто значительно возрасли, бюджетъ съ 30 милліоновъ рублей поднялся къ концу царствованія до 70 съ лишнимъ. Но тотъ же изслѣдователь этотъ подъемъ объясняетъ не обогощеніемъ государства и повышеніемъ благосостоянія массъ населенія, а, съ одной стороны, простымъ увеличеніемъ количества плательщиковъ, благодаря присоединенію къ Россіи новыхъ территорій и благодаря естественному росту населенія, съ другой, простымъ увеличеніемъ налоговаго бремени путемъ повышенія подушной подати и другихъ сборовъ.

Кромѣ того, темной стороной Екатерининскаго царствованія были хроническіе дефициты. Для покрытія ихъ впервые стали прибѣгать къ систематическимъ займамъ какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ. Въ результатѣ появился до-

вольно солидный долгъ, больше, чѣмъ въ 200 милліоновъ рублей, почти равный тремъ годичнымъ бюджетамъ. Такимъ путемъ на плечи послѣдующихъ поколѣній взвалена была тяжесть, которая требовала, кромѣ погашеній долга, еще уплаты процентовъ. Но хуже всего въ Екатерининскомъ бюджетѣ было то, что займы постоянно растрачивались, а дефициты оставались; расходы превышали доходы, требуя все новыхъ и новыхъ займовъ и повышенія налоговъ. Екатерина II такъ и умерла, не умѣя свести концы съ концами, оставивъ въ наслѣдство своему преемнику и долги и постоянный дефицитъ въ бюджетѣ [1]).

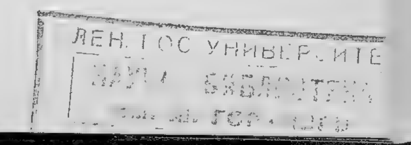
Но если не происходитъ значительныхъ реформъ, то въ иныхъ случаяхъ такое положеніе является естественнымъ и ничего отрицательнаго въ себѣ не заключаетъ: послѣ времени крупныхъ событій и важныхъ реформъ обычно въ государственной жизни настаетъ пара затишья, время приложенія реформъ и усвоенія новыхъ порядковъ. Въ такомъ случаѣ на первое мѣсто выдвигается текущая административная дѣятельность, задачей которой является поддержаніе внутренняго порядка и благосостоянія общества на уровнѣ и въ духѣ тѣхъ новыхъ идей и учрежденій, которыя только что были выработаны и получили свое приложеніе въ реформахъ.

---

[1]) Н. Д. Чечулинъ, Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II. П., 1906, 374 — 380.

Такъ-же отрицательно съ этой же финансовой стороны относится къ царствованію Екатерины II и болѣе ранній изслѣдователь, финансистъ Бліохъ; въ его книгѣ „Исторія финансовъ въ Россіи", томъ I читаемъ: „Вообще, прославленное царствованіе Екатерины II для народа слѣдуетъ считать, въ финансовомъ отношеніи, чрезвычайно тягостнымъ. Богатства государственныя и рессурсы страны принадлежали преимущественно красавцамъ, фаворитамъ; подъ наружнымъ блескомъ скрывались внутреннія неустройства и страшныя злоупотребленія алчныхъ и корыстолюбивыхъ временщиковъ — заправителей. Особенно въ послѣдней эпохѣ царствованія Екатерины II положеніе финансовъ было самое плачевное и главныя заботы правительства постоянно направлялись къ изысканію мѣръ для покрытія чрезвычайныхъ потребностей государственнаго казначейства. Дефициты съ каждымъ годомъ возрастали все болѣе и болѣе и влекли за собой постоянныя затрудненія по исполненію государственныхъ расходовъ" (47).

Ниже прибавлено: „Разсматривая цифры (доходовъ и расходовъ за годы царствованія Екатерины II), нельзя не придти къ тому выводу, что преимущественно въ послѣдніе годы царствованія Екатерины дефициты стали всѣ болѣе и болѣе усиливаться" (52).

Обращаясь съ этой точки зрѣнія къ административной практикѣ конца Екатерининскаго царствованія, необходимо отмѣтить, что она заключала въ себѣ рядъ существенныхъ недостатковъ. Прежде всего на административной организаціи Екатерининскаго времени необычайно сильно сказалось увлеченіе бюрократизмомъ, а съ этимъ связано усиленіе числа чиновниковъ, въ особенности въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Нагляднымъ показателемъ можетъ служить, напр., то обстоятельство, что въ канцеляріи сената въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II было около 100 чиновъ, а въ концѣ царствованія почти 300 человѣкъ [1]). Въ губерніи Елисаветинской администрація состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ разныхъ положеній и наименованій, а Екатерининская губернія требовала нѣсколько сотъ лицъ.

Несмотря на увеличившееся количество чиновниковъ, дѣла по прежнему рѣшались медленно, число нерѣшенныхъ и запущенныхъ дѣлъ съ годами возрастало. О томъ, какъ велика была волокита въ процессахъ, особенно земельныхъ, даетъ нѣкоторое представленіе слѣдующій рѣдкій, но не исключительный случай. Въ 1700 году послѣ смерти помѣщика Өедора Поповкина изъ земель его было дано „на прожитокъ“ вдовѣ его Аннѣ около 100 четвертей, да дочери Елизаветѣ около 50. Но затѣмъ и та и другая вышли замужъ и земли ихъ были „справлены“ за ихъ мужьями: Чубаровымъ и Пересвѣтовымъ. Чубаровъ землю продалъ помѣщикамъ Ратецовымъ, но на эту же землю, по смерти матери, заявила притязаніе и дочь Елизавета (по мужу Пересвѣтова); она добилась того, что земля была „справлена“ за нею мѣстными властями, а

---

[1]) При Елисаветѣ Петровнѣ въ 1743 г. въ канцеляріи сената числилось всего 70 чел., при чемъ недостовало 6 канцелярскихъ служителей; затѣмъ въ канцелярской работѣ принимали участіе 10—12 коллегіи юнкеровъ. Къ концу царствованія, по словамъ А. Е. Прѣснякова, изучавшаго сенатъ въ Елисаветинское время, „штатъ этотъ увеличился лишь въ самой незначительной степени“ (Исторія прав. сената, II, 160).

Въ началѣ царствованія Екатерины II штаты всѣхъ учрежденій были пересмотрѣны. По штату 1763 г. общій составъ канцеляріи департаментовъ, включая и Московскіе, составлялъ—193 чел., а къ концу царствованія — 274 (Н. Д. Чечулинъ — въ Ист. прав. сената, II, 395—396. Ср. книгу штатовъ, XLIV, ч. II, 59—60; Сен. Арх., П., 1909, т. XIII, 512—519).

затѣмъ ею продана Воропановымъ. Такъ, на одну и ту же землю заявили свои права и Ратецовы и Воропановы.

Въ 1755 году началась между ними тяжба, которая, въ царствованіе Екатерины II перенесена была изъ губернской канцеляріи въ юстицъ-коллегію; отсюда въ 1777 году — въ сенатъ, а въ немъ оставалось почти безъ движенія около 20 лѣтъ, и только въ Павловское время было рѣшено 2-мъ департаментомъ сената. Но и на этомъ оно еще не закончилось: одинъ изъ тяжущихся принесъ жалобу на рѣшеніе департамента, дѣло было передано въ общее собраніе, которое и сдѣлало окончательное постановленіе въ 1801 году [1]). Характерно: тяжба началась до воцаренія Екатерины, тянулась въ теченіе почти полстолѣтія, а своими корнями восходила къ факту, имѣвшему мѣсто сто лѣтъ тому назадъ, и нужны были энергичныя мѣры Павловскаго времени, чтобы покончить съ этой волокитой.

Что число затянувшихся, нерѣшенныхъ дѣлъ въ послѣдніе годы Екатерининскаго царствованія увеличивалось, это ясно видно изъ слѣдующихъ немногихъ цифръ. Къ 1-му января 1790 года по департаментамъ сената и общему собранію числилось нерѣшенныхъ дѣлъ — 8283, нѣсколько меньше, чѣмъ обычно рѣшалось въ одинъ годъ (9—10 тысячъ дѣлъ); по 42 намѣстничествамъ къ тому же времени оставалось—42.021 дѣло [2]). Въ концѣ 1796 года—по сенату, вмѣстѣ съ герольдіей, нерѣшенныхъ дѣлъ было—14.233

---

[1]) Опись докум. и дѣлъ, отд. II, т. II, № 117. Любопытно отмѣтить, что это дѣло въ нѣкоторой части рѣшено было на основаніи уже давнымъ давно отмѣненнаго закона 1714 г. о единонаслѣдіи.

Въ другомъ случаѣ дворяне Рязанской губ., Антонъ Тарасовъ и Григорій Коневъ были схвачены и посажены подъ арестъ (въ 1757 г.) по обвиненію въ грабежѣ. Дѣло о нихъ шло по разнымъ инстанціямъ и въ 1782 г. было представлено въ сенатѣ, а въ слѣдующемъ году Императрицѣ съ приговоромъ о лишеніи ихъ дворянства и ссылкѣ на поселеніе, а вопросъ объ облегченіи участи преступниковъ предоставлялся усмотрѣнію Императрицы. Екатерина такъ до своей кончины и не разсмотѣла доклада, и онъ оставался среди бумагъ въ ея кабинетѣ. Когда Павлу было доложено о томъ, онъ спросилъ, живы ли преступники; оказалось, они 40 лѣтъ находились подъ стражей, ожидая рѣшенія своей участи. Резолюціей 13 августа 1797 г. Павелъ приказалъ ихъ освободить, вмѣнивъ долговременное содержаніе подъ стражей въ наказаніе *(Сен. Арх., Книги имен.,* № 195, л. 119—124).

[2]) *Гос. Архивъ, XVI разрядъ,* № 386, л. 1—16.

(больше годового поступленія), по 41 губерніи, уже Павловскаго административнаго дѣленія,—63.672 дѣла [1]).

Помимо нерадѣнія и лѣности, чиновничество славилось своимъ произволомъ и взяточничествомъ. Усмотрѣніе, прихоть и своеволіе, начиная сверху, отъ фаворитовъ и высшихъ сановниковъ перекидывалось къ среднимъ и мелкимъ чинамъ, которые, опираясь на милость Зубовыхъ, Самойлова, Безбородки, Храповицкаго и прочихъ, цѣплявшихся за этихъ высокихъ лицъ и ихъ присныхъ, въ своемъ маломъ міркѣ чувствовали себя полными господами и не боялись никакой отвѣтственности.

Безпорядку во внутреннемъ управленіи соотвѣтствовали безпорядки и казнокрадство въ арміи. Для гвардіи и генералитета служба была номинальной; тогдашній офицеръ въ столицѣ больше походилъ на салоннаго кавалера и петиметра, чѣмъ на воина. Въ арміи былъ постоянный некомплектъ: по выраженію А. Безбородки, „людей растаскивали" кто и сколько хотѣлъ ради своихъ партикулярныхъ услугъ. Полковые командиры, завѣдуя хозяйствомъ полка, распоряжались имъ почти безконтрольно, наживали большія состоянія или же вели широкій образъ жизни, поглощавшій большія полковыя суммы. Ланжеронъ [2]), хорошо знавшій русскую армію, въ своихъ запискахъ далъ, хотя и преувеличенную и слишкомъ рѣзкую, но въ основномъ вѣрную картину порядковъ Екатерининской арміи конца царствованія.

Разложеніе, паденіе добрыхъ нравовъ сильно сказывалось при дворѣ и въ высшемъ обществѣ. Стародумъ кн. М. М. Щербатовъ, на склонѣ дней написавшій (въ концѣ 80-хъ годовъ) политическій памфлетъ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи", въ томъ бѣгѣ къ поврежденію нравовъ, который онъ описывалъ, видное мѣсто отводилъ царствованію Екатерины II, въ особенности „поздымъ лѣтамъ" ея, когда она сама подавала примѣръ „любострастія", „роскоши", „славолюбія", „самовластія" и любви къ „лести" безпредѣльной. Заканчивая свой памфлетъ, кн. Щербатовъ писалъ: „Такими

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 360, л. 1—5 и сл.

[2]) Рус. Стар., 1895, III, 117—146; IV, 145—177; V, 185—202. Ср. статью А. Брикнера—Рус. Мысль, 1896 г., № 9, 29—41; № 11, 1—16.

степенями, — а самой крайней онъ считалъ время Екатерины — достигла Россія до разрушенія всѣхъ добрыхъ нравовъ". „Плачевное состояніе, о коемъ токмо должно просить Бога, чтобы лучшимъ царствованіемъ сіе зло истреблено было" [1]).

А. Т. Болотовъ, писавшій свои записки въ 90-хъ годахъ, хотя и указывалъ на „рѣдкія и чрезвычайныя дарованія, качества и свойства" Императрицы, „на ея великія дѣла и безсмертную славу, какую пріобрѣла она во всемъ свѣтѣ", вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ о роскоши двора, о „злоупотребленіяхъ" и „мошенничествѣ" въ подрядахъ, поставкахъ и расходахъ; по его свѣдѣніямъ, „однихъ сливокъ во дворцѣ расходовалось на 250 тысячъ рублей".

Тотъ же мемуаристъ писалъ о „безпорядкахъ" въ гвардіи, такъ какъ „гвардейская служба составляла сущую кукольную комедію", и о „злоупотребленіяхъ" администраціи при наборѣ рекрутовъ и сборѣ провіанта; а также о „распутной жизни, которая весьма уже и до самаго высокаго градуса у насъ усилилась" [2]).

Генералъ-лейтенантъ А. М. Лунинъ, бывшій Екатерининскій генералъ-губернаторъ, оплакивая кончину Императрицы и вспоминая ея высокія качества, тѣмъ не менѣе въ глубинѣ души сознавалъ, что государственные порядки при ней, надо

---

[1]) Сочиненія кн. М. М. Щербатова, подъ редакціей И. П. Хрущова и А. Г. Воронова, П., 1898 г. т. II, 133—246.

Состояніе нравовъ въ его время Щербатовъ описывалъ такими чертами. „Вѣра и божественный законъ въ сердцахъ нашихъ истребились"; „гражданскія узаконенія презираемы стали; судіи во всякихъ дѣлахъ не толь стали стараться, объясняя дѣло, учинить свои заключеніи на основаніи узаконеній, какъ о томъ, чтобы, лихоимственно продавая правосудіе, получить себѣ прибытокъ, или, угождая какому вельможѣ, стараются проникать, какое есть его хотѣніе"; нѣтъ ни почтенія отъ чадъ родителямъ, ни родительской любви къ чадамъ; нѣтъ ни искренней любви между супругами, ни родственныхъ связей, ни дружбы. „Несть вѣрности къ государю, ибо главное стремленіе почти всѣхъ обманывать своего государя, дабы отъ него получать чины и прибыточные награжденіи".

„Несть любви къ отечеству, ибо почти всѣ служатъ болѣе для пользы своей, нежели для пользы отечества; и наконецъ, несть твердости духа, дабы, не токмо истину предъ монархомъ сказать, но ниже временщику въ беззаконномъ и злновредномъ его намѣреніи попротивиться" (стр. 133—135).

[2]) Памятникъ протекшихъ временъ, М., 1875 г., I, стр. 2, 6, 26, 52, 63, 164; II, 51, 60, 64.

думать, въ послѣдніе годы правленія, пошатнулись, они будутъ, по его мысли, возстановлены Павломъ.

„Потеря сія (смерть Екатерины II), писалъ въ своемъ дневникѣ-запискахъ Лунинъ, кажется и награждается надеждою, что Его И. В-ство (Павелъ I) несомнѣнно надъ державою своею благоденствіе своихъ вѣрноподданныхъ приведетъ еще болѣе, и что сила законнаго порядка, который, говоря съ собою, скажу, что во многихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, отъ своевольства и безстрашія есть въ такомъ положеніи, что необходимо требуетъ возстановленія и укрощенія злоупотребленій, наипаче пристрастія въ судебныхъ мѣстахъ, заразу роскоши, до крайности разоряющей и развращающей умы, совѣсть и всю нравственность, а сіе и введетъ каждаго въ свою сферу и заставитъ ближе, лучше чувствовать страхъ Закона Божія и государскаго, и быть въ правдѣ тверже, не опасаясь своенравія царедворскихъ временщиковъ, кои тогда не будутъ уже по прихотямъ своимъ тѣснить ни дѣло, ни человѣка, чрезъ что служеніе всякаго званія потечетъ путемъ единодушія, радости и исправности, что и можно назвать кореннымъ основаніемъ государственнаго благосостоянія вообще и частно“ [1]).

До насъ дошли самыя разностороннія свидѣтельства [2]) о томъ, что современники Екатерины II, несмотря на общіе

---

[1]) Записки А. М. Лунина хранятся въ Румянцовскомъ Музеѣ; здѣсь они цитируются по копіи, снятой, повидимому, въ 30—40-хъ годахъ XIX в.

Кн. Щербатовъ, видимо, имѣлъ въ виду живой примѣръ Павла Петровича и съ него списывалъ, съ нѣкоторыми прикрасами, образъ будущаго Государя, который можетъ „зло истребить“ и поднять нравы въ тогдашнемъ обществѣ. На престолѣ Щербатовъ хотѣлъ видѣть „Государя, искренно привязаннаго къ Закону Божію, строгаго наблюдателя правосудія, начавши съ себя—умѣреннаго въ пышности царскаго престола, награждающаго добродѣтель и ненавидящаго пороки, показующаго примѣръ трудолюбія и снисхожденія на совѣты умныхъ людей, тверда въ предпріятіяхъ, но безъ упрямства, мягкосерда и постоянна въ дружбѣ, показующаго примѣръ собою своимъ домашнимъ согласіемъ съ своею супругою и гонящаго любострастіе—щедра безъ расточительности для своихъ подданныхъ и искавшаго награждать добродѣтели, качества и заслуги безъ всякаго пристрастія, умѣющаго раздѣлить труды, что принадлежатъ какимъ учрежденнымъ правительствамъ и что Государю на себя взять—и наконецъ, могущаго имѣть довольно великодушія и любви къ отечеству, чтобы составить и передать основательныя права государству, и довольно тверда, чтобы ихъ исполнять“ (Сочиненія, II, 243—244).

[2]) См., напр., „Записки“ Адама Чарторыйскаго; записки Г. Р.

восторги отъ Императрицы и ея правленія, замѣчали и чувствовали, что конецъ ея царствованія не соотвѣтствовалъ началу и рединѣ, что во многихъ сторонахъ государственной жизни замѣтны существенные недостатки, и что необходимы значительныя преобразованія почти во всей внутренней жизни.

Историки, которымъ приходилось говорить о послѣднихъ годахъ царствованія Екатерины II, приходятъ къ общему выводу о томъ, что тѣневыя стороны этого царствованія съ особенной рельефностью выступаютъ именно въ это время. Такъ, очень мѣтко было сказано В. О. Ключевскимъ о концѣ Екатерининскаго царствованія слѣдующее. „Имперія послѣднихъ лѣтъ царствованія (Екатерины II) представляла по закону, по общему впечатлѣнію, стройное и величественное зданіе, а вблизи въ подробностяхъ—хаосъ, неурядицу, картину съ размашистыми и небрежными мазками, расчитанную на дальняго зрителя“ [1]).

Петрушевскій [2]) наряду съ достоинствами указываетъ и на „недостатки“ императрицы Екатерины II, на ея „тщеславіе и самолюбіе, похожее на самообожаніе“. Екатерина, по его словамъ, была „часто несправедлива и пристрастна, любила разорительную пышность, щедрость къ ея фаворитамъ переходила въ мотовство, которое разстраивало государственное хозяйство и дурно отражалось на внѣшней политикѣ“. „Внутренняя жизнь двора представляла зрѣлище крайней распущенности; самыя низкія эгоистическія побужденія прикрывались маскою лицемѣрія и выражались подобострастіемъ и беззастѣнчивою лестью, на которую Екатерина ловилась легко. Годы не укрощали ея страстей, а усиливали; слабость ея въ этомъ отношеніи доходила до болѣзненныхъ проявленій“.

Главную причину паденія порядка и дисциплины Петрушевскій видѣлъ въ „системѣ временщичества и фаворитизма,

---

Державина — Сочиненія, VI, 605, 627, 632—Екатерина II „управляла государствомъ и самимъ правосудіемъ болѣе по политикѣ или своимъ видамъ, нежели по святой правдѣ“.

[1]) Очерки и рѣчи, 385.

[2]) Въ книгѣ „Генералиссимусъ кн. Суворовъ“, 2-ое изданіе. П. 1900, 438, 442 и др.

которая обыкновенно, по его выраженію, развиваетъ общественные пороки и понижаетъ уровень общественной нравственности". „Господство Потемкина было именно временемъ развитія всякихъ злоупотребленій; его самовластіе, лѣность, безпечность служили другимъ и примѣромъ, и ширмою, и щитомъ.... покровительство силы парализовало законъ и власть"; „сибаритство, распущенность, развратъ широкой волной лились отъ Потемкина". „Во время (же) всемогущества Зубова безпорядокъ еще увеличился, ибо Потемкинъ обладалъ умомъ, дарованіями и по годамъ проживалъ на мѣстахъ, которыми управлялъ, а Зубовъ, при своей неспособности, забравъ въ руки еще больше Потемкина, изъ Петербурга не отлучался".

Тѣневыя стороны Екатерининскаго царствованія, особенно въ концѣ его, были указаны въ работахъ Д. Милютина [1]), Н. Д. Чечулина [2]) и др.

Нельзя конечно отрицать „великихъ достоинствъ" императрицы Екатерины II: ея ума, подвижного и гибкаго, ея довольно широкой образованности, извѣстной твердости воли, практичности въ постановкѣ и достиженіи цѣлей, ея необычайной способности — умѣть жить и ладить съ людьми [3]); нельзя отрицать и важныхъ результатовъ ея удачной внѣшней политики, благодаря которой Россія какъ пріобрѣла огромныя пространства новыхъ земель, съ многомилліоннымъ населеніемъ, такъ и вознесена была на степень вліятельной міровой державы, пожинающей „всесвѣтную славу", а также нельзя обойти молчаніемъ крупныхъ преобразованій во внутренней государственной жизни [4]). Успѣхи политическіе и гра-

---

[1]) Исторія войны 1799 г., т. I, 12—13. П., 1857.

[2]) Очерки по исторіи рус. финансовъ. П., 1908; см. также „Государи изъ Дома Романовыхъ" т. II, гдѣ V-ая глава очерка Н. Д. Чечулина посвящена послѣднему десятилѣтію царствованія Екатерины II (85—105).

[3]) Очень мѣтко, перефразируя 520 статью Наказа, Державинъ опредѣлилъ отношеніе Екатерины II къ управляемому ею обществу: Императрица, писалъ онъ (въ 1785 г.), „первая показала собою" „неслыханный примѣръ снисхожденія, что должны монархи угождать подданнымъ, а не подданные раболѣпствовать своенравію монарховъ" (Сочиненія, VII, 109).

[4]) См. статью С. Ѳ. Платонова, Столѣтіе кончины имп. Екатерины II (Сочиненія, т. I,—П., 1912, 234—248).

жданскіе наполнили современниковъ „чувствомъ національнаго достоинства и патріотической гордости“, и эти чувства сопровождались горячей благодарностью къ той, которая вела Россію къ такимъ успѣхамъ. Современники—дворъ и высшіе дворянскіе и чиновные круги—питали нѣжную благодарность къ Императрицѣ, которая сумѣла щедрыми милостями облагодѣтельствовать всѣхъ, кто близко стоялъ къ трону. Благодарность эта была настолько велика, что сподвижники Екатерины и современники готовы были закрывать глаза на слабости Императрицы и недостатки ея управленія: ей все прощали, какъ матери, возродившей ихъ къ новой жизни, новому самочувствію и повышенному самодовольному настроенію.

Но также слѣдуетъ помнить и то, что Екатерина была счастливой преемницей Петра В. и Елисаветы и пожала то, что было посажено и возращено тѣми; она наряду съ достоинствами, имѣла великія слабости, которыя въ старости съ годами обозначались все болѣе и болѣе рѣзко; въ 80-хъ годахъ происходитъ переломъ въ ея внутренней политикѣ, обнажившій въ управленіи всѣ тѣ недостатки, которые шумомъ побѣдъ и реформъ заглушались и скрашивались въ предыдущее время. Безпорядки и злоупотребленія еще болѣе увеличились въ годы фавора П. Зубова. Въ средѣ многихъ тогдашнихъ дѣятелей и мыслителей возникла и укрѣплялась мысль о необходимости реформъ въ государствѣ, и взоры ихъ невольно обращались къ наслѣднику цесаревичу Павлу Петровичу, отъ котораго ждали исправленія безпорядковъ и общаго преобразованія внутренней жизни.

2. Павелъ I, какъ правитель.

Павелъ I вступилъ на престолъ 42 лѣтъ вполнѣ сложившимся человѣкомъ, съ установившимися взглядами и привычками, съ готовой программой дѣятельности.

Какъ сынъ знаменитой матери и воспитанникъ Панина, Павелъ Петровичъ съ дѣтскихъ лѣтъ былъ пріобщенъ къ тогдашнему источнику живой воды, французской

просвѣтительной литературѣ. Будучи взрослымъ, онъ получилъ отъ матери большой списокъ авторовъ [1]), съ которыми ему слѣдовало близко познакомиться: въ этомъ спискѣ блистаютъ имена: Вольтера, Монтескье, Корнеля, Блекстона, Юма и другихъ менѣе знаменитыхъ французскихъ и англійскихъ писателей. Цесаревичъ не только читалъ, но изучалъ весьма тщательно просвѣтительную литературу, о чемъ краснорѣчиво говорятъ его многочисленныя выписки и замѣтки, сохранившіяся въ Павловскомъ дворцѣ.

Павелъ изучалъ книгу Монтескье „Духъ законовъ", онъ конспектировалъ рѣчи извѣстнаго въ то время военнаго и политическаго писателя Монтекукули, прочелъ 4 тома любопытныхъ, мѣстами парадоксальныхъ, мемуаровъ кардинала Ретца, познакомился съ разсужденіями виднѣйшаго государственнаго дѣятеля при Генрихѣ IV—Сюлли, читалъ „Опыты" Монтэня и множество другихъ книгъ [2]).

Будучи на уровнѣ тогдашней европейской мысли, Павелъ Петровичъ, путешествуя за-границей, пріятно удивлялъ своихъ собесѣдниковъ начитанностью, знаніемъ европейскихъ вкусовъ и порядковъ при дворахъ. Парижане говорили, что Цесаревичъ ведетъ себя въ Версалѣ такъ, какъ будто онъ родился и воспитывался во Франціи.

Но французское вліяніе, властно охватывавшее почти все тогдашнее русское общество, въ Цесаревичѣ встрѣтило значительный противовѣсъ въ видѣ его любви ко всему нѣмецкому, въ частности прусскому. Эта любовь своимъ основаніемъ отчасти имѣла то обстоятельство, что Павелъ Петровичъ, будучи удаленъ отъ матери, рисовалъ себѣ въ привлекательныхъ чертахъ отца и начиналъ питать симпатію къ тому, передъ чѣмъ преклонялся его отецъ. Къ этому присоединилось и то, что въ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ XVIII

---

[1]) Рус. Стар., 1874, янв., 46. Письмо помѣчено неправильно 1795 г., оно, по моему мнѣнію, относится къ 1784 году, когда Павелъ усиленно занимался чтеніемъ книгъ (14 апрѣля, воскресенье было въ 1779, 1784, 1790 и 1796).

[2]) Выписки Павла частично были напечатаны въ Рус. Стар., подъ заглавіемъ: „Письма и документы, хранящіеся въ архивѣ дворца г. Павловска" (1874, апр., VIII, 735—742; т. IX, 678 и др.; т. X, 309—320; 549—560).

Чтобы судить о библіотекѣ Павла — см. сохранившійся каталогъ въ библіотекѣ Эрмитажа.

вѣка прусскій король Фридрихъ II былъ въ зенитѣ своей славы и своей личностью, своимъ искусствомъ управленія вызывалъ восторгъ и поклоненіе со стороны Павла Петровича. Еще въ 1774 году Павелъ въ письмѣ къ Фридриху II выражалъ горячія чувства уваженія и преданности престарѣлому королю [1]). Когда же Цесаревичъ былъ обласканъ (въ 1776 г.) пріемомъ въ Берлинѣ и бесѣдами, которыя велъ Фридрихъ съ нимъ, то онъ съ тѣхъ поръ сдѣлался самымъ горячимъ поклонникомъ короля и ревностнымъ послѣдователемъ его военной и админстративной системы. Павелъ готовъ былъ заимствовать изъ Пруссіи и насаждать на русской почвѣ не только военные порядки, дисциплину, воинскій и цеховой уставы, но также постройки, обстановку и даже покрой платья. Потокъ нѣмецкихъ симпатій, отвѣчавшій естественной склонности самого Павла, съ годами все увеличивался благодаря воздѣйствію со стороны его второй супруги, принцесы Виртембергской, Маріи Θеодоровны, благодарной ставленницы Фридриха Великаго.

Этими двумя главными вліяніями, французскимъ и прусскимъ, однимъ теоретическимъ, другимъ скорѣе всего практическимъ, опредѣлялись основныя черты взглядовъ Павла, какъ главы государства и правителя. Каковы эти взгляды, ясно видно изъ „наказа“, составленнаго Павломъ въ 1788 году [2]), его собственноручныхъ записокъ и замѣтокъ, а также изъ указовъ и всякаго рода распоряженій.

Предметомъ сообщества и государства Павелъ, согласно выработанному и распространенному въ XVIII вѣкѣ лозунгу, считалъ „блаженство каждаго и всѣхъ“. Изъ формъ правленія признавалъ лучшей—монархію; хотя и зналъ, что эта форма „связана съ неудобствами человѣчества“, т. е. со слабостями и несовершенствами природы человѣка, однако власть самодержавную признавалъ „лучшимъ образомъ“ праленія на томъ основаніи, что она „соединяетъ въ себѣ

---

[1]) Письмо Павла заканчивалось словами; „lorsque le coeur parle, on oublie les cérémonies“ (Politishe Correspondenz Friedrich's des Grossen, Weimar, 1912 г., т. XXXV, 122).

[2]) Вѣст. Европы, 1867 г., кн. I, 316—322 Ср. Рус. Стар. 1882 г., т. 33.

силу законовъ и скорость власти одного", она безпристрастна и активна.

Республика вызывала въ Павлѣ чувство отвращенія, въ особенности со времени французской революціи; ея принципы онъ считалъ заблужденіемъ ума человѣческаго, а дѣйствія—„неистовствомъ", позоромъ и надругательствомъ надъ людьми, надъ честью и совѣстью.

Но также Павелъ отрицательно относился и къ деспотическому образу правленія, считая его гибельнымъ для монарха и для общества. Нелюбовь къ деспотіи ярко сказалась въ Павлѣ еще въ началѣ 70-хъ годовъ. Когда онъ читалъ и конспектировалъ „Духъ законовъ" Монтескье, то онъ раздѣлилъ страницу на двѣ части: на правой сторонѣ писалъ то, что соотвѣтствовало его взглядамъ и симпатіямъ, на лѣвой то, къ чему онъ относился неодобрительно. И вотъ въ этой тетради всякій разъ, какъ только рѣчь шла о тираніи и деспотіи, Павелъ писалъ эти фразы на лѣвой сторонѣ, и даже въ безобидныхъ фразахъ, при перечисленіи, напр., формъ правленія, онъ слова и выраженія: „la despotie", „le gouvernement despotique" выносилъ налѣво.

Отрицательно относясь къ вырожденію монархіи, Павелъ тѣмъ выше ставилъ самодержавную власть, чѣмъ недоступнѣе она ему казалась. Томительно ожидая скипетра въ теченіе долгихъ лѣтъ и будучи преднамѣренно отстраняемъ отъ управленія властолюбивой матерью, онъ привыкъ смотрѣть на тронъ, какъ на священный алтарь, предметъ всеобщаго благоговѣнія. Когда же ему самому пришлось взять скипетръ и взойти на тронъ, то Павелъ настолько проникся мыслью о высотѣ и святости своего сана, что, кажется, самъ лично готовъ былъ преклоняться передъ принципомъ самодержавія и служить ему.

Не будучи человѣкомъ гордымъ и надменнымъ [1]), а въ ми-

---

[1]) В. Ѳ. Чижъ, который при дачѣ характеристики Павла въ общемъ отрицательно отнесся къ нему, тѣмъ не менѣе пишетъ: „Намъ неизвѣстно ни одного факта, доказывающаго, что Павелъ I имѣлъ преувеличенное мнѣніе о своихъ умственныхъ способностяхъ, о своихъ познаніяхъ; онъ не приписывалъ себѣ какихъ-либо талантовъ и вообще не переоцѣнивалъ личнаго своего достоинства" (Вопросы философіи и психологіи, 1907, кн. 89, 431).

нуты откровенности сознавая свои слабости и недостатки [1]), хорошо зная свой небольшой ростъ и некрасивую наружность, Павелъ тѣмъ не менѣе на людяхъ пытался придать своему виду величіе и торжественность, ходилъ съ высокоподнятой головой, яко бы орлинымъ взглядомъ окидывалъ присутствующихъ, соблюдалъ всѣ тонкости придворнаго этикета, любилъ показываться на празднествахъ, окруженный большой свитой. Онъ и отъ всѣхъ подданныхъ требовалъ выраженія самой почтительной преданности его сану, негодуя при всякомъ случаѣ неучтивости и невниманія.

Поставивъ себя, какъ монарха на недосягаемую высоту, Павелъ добивался того, чтобы быть вмѣстѣ съ тѣмъ центромъ всего управленія, чтобы въ его рукахъ сосредоточена была вся дѣйствительная власть. Его плѣняла мысль быть не только императоромъ, но и правителемъ, не только царствовать, но и управлять. По его взгляду, всякое начинаніе должно исходить отъ государя и къ нему возвращаться.

Высшія учрежденія и сановники должны лишь помогать монарху въ его дѣлахъ. По словамъ Павла, „государь, будучи человѣкъ, за всѣмъ усмотрѣть не можетъ, хотя бы и не имѣлъ страстей, то для того... надобны правительства (учрежденія); таковъ сенатъ, судебныя мѣста и проч.“ Кромѣ того „въ облегченіе не только ума его, но и совѣсти, имѣть ему (государю) совѣтъ, составленный изъ особъ, которымъ поручено смотрѣть за разными частями и родами дѣлъ государства“.

Но говоря объ учрежденіяхъ, Павелъ любилъ подчеркивать ту мысль, что учрежденія, какъ установленія вспомогательныя, должны имѣть строгія границы своей власти и всецѣло зависѣть отъ воли монарха. Въ своей собственноручной запискѣ объ устройствѣ разныхъ частей государственнаго управленія [2]) относительно совѣта Павелъ писалъ: „совѣтъ— мѣсто не законодательное, а единственно для въ помощь и

[1]) Павелъ однажды говорилъ: „Я самъ знаю, что государь такой же человѣкъ, какъ и всѣ; что и онъ можетъ имѣть и слабость и пороки“ (Дмитріевъ, Взглядъ на мою жизнь, 126; ср. Тыртовъ, Анекдоты, 46). А. А. Беклешову Павелъ писалъ 21 янв. 1798 г. „Ожидаю отъ васъ увѣдомленія и даже скажу—руководства“ (Рус. Арх., 1870, 287).

[2]) Сборн. И. Рус. Ист. Общ., т. 90, стр. 2

сношеніе, какъ государю, такъ и министрамъ. Совѣту себѣ дѣлъ не присвоять, а разсматривать представленныя министромъ того департамента, какого рода дѣло, но съ повелѣнія государя". Относительно сената въ другой запискѣ Павла говорится: сенату „должно имѣть границы", и докладывать „самому государю", „какъ скоро казусъ рѣшеніемъ своимъ выходитъ изъ власти того мѣста"; „при общихъ собраніяхъ (сената) надлежитъ опять положить границу власти сената, которая, окончаніе получа, прибѣгаетъ къ власти государевой".

Въ приведенныхъ словахъ сквозитъ явное стремленіе Павла поставить высшія государственныя учрежденія въ строгія рамки и подчинить ихъ постоянному и непремѣнному руководству со стороны его, какъ монарха, что имъ систематически и проводилось въ жизнь. Въ учрежденномъ совѣтѣ Его Величества разсматривались лишь тѣ дѣла, которыя были направлены въ него Высочайшей властью; сенатъ, значеніе котораго въ Павловское время нѣсколько стушевывалось, былъ подъ бдительнымъ надзоромъ „ока государева", генералъ-прокурора, и безъ воли государя не могъ предпринять ничего важнаго.

Ограничивая учрежденія и стремясь возможно шире и полнѣе соередоточить въ своихъ рукахъ управленіе государствомъ, Павелъ, цѣня „скорость власти одного", предпочиталъ лица учрежденіямъ. Довольно холодно относясь къ коллегіальному началу, онъ обычно выдвигалъ начало единоличнаго управленія, министерскаго, какъ болѣе гибкое и удобное для обращенія. При Павлѣ естественно было ожидать, прежде всего, возвышенія генералъ-прокурора, какъ ближайшаго сотрудника и помощника Государя въ дѣлахъ внутренняго управленія. Передаютъ характерныя слова, сказанныя Павломъ вновь назначенному генералъ-прокурору А. А. Беклешову: „Ты да я, я да ты: мы одни будемъ дѣла дѣлать" [1]). Монархъ и его первый министръ, генералъ-прокуроръ, два

[1]) Приведено въ книгѣ бар. Корфа, Жизнь гр. Сперанскаго, т. II, 49, гдѣ въ примѣчаніи пояснено, что передается со словъ самого А. А. Беклешова. Другимъ авторомъ эти слова неправильно отнесены къ кн. Куракину (см. бар. С. А. Корфъ, Административная юстиція въ Р., П. 1910, I, стр. 90).

лица фактически, хотя въ идеѣ одной волей Государя, должны были направлять движеніе государственнаго корабля.

Во главѣ центральныхъ учрежденій, по мысли Павла, должны находиться министры. Въ оставленной имъ запискѣ о главномъ управленіи въ краткомъ изложеніи спроектировано 7 министерствъ или „главныхъ департаментовъ": министерства юстиціи, финансовъ, военное, морское, иностранныхъ дѣлъ, коммерціи и казначейство [1]). Преобразовать коллегіи по этому плану Павелъ не успѣлъ, но нѣкоторые и весьма значительные шаги въ этомъ отношеніи имъ были сдѣланы; появились должности съ явно министерскимъ характеромъ: кромѣ генералъ-прокурора, какъ министра внутреннихъ дѣлъ и юстиціи по преимуществу, явились министръ коммерціи, министръ удѣловъ, государственный казначей и канцлеръ, сосредоточившій въ своихъ рукахъ дѣла по иностранной политикѣ, а самъ Павелъ, по пристрастію къ военному дѣлу, какъ бы отправлялъ обязанности военнаго министра. Во главѣ коллегій были поставлены надъ президентами директоры, съ правомъ личнаго доклада Государю по ввѣренному имъ управленію. Однимъ словомъ, въ короткій четырехлѣтній промежутокъ времени въ центральномъ управленіи произошелъ, благодаря мѣропріятіямъ Павла, быстрый переходъ отъ коллегіальнаго управленія къ единоличному, министерскому, и не доставало еще одного шага, чтобы завершить это зданіе и на развалинахъ старыхъ рухнувшихъ коллегій закончить по выработанному плану постройку новыхъ, болѣе современныхъ и удобныхъ учрежденій, министерствъ.

Въ области мѣстнаго управленія Павелъ былъ поклонникомъ идей централизаціи: онъ хотѣлъ руководить всей провинціальной жизнью при помощи центральныхъ учрежденій и мѣстныхъ полновластныхъ губернаторовъ, и безъ особаго одобренія относился къ выборнымъ представителямъ общества, стараясь по возможности замѣнять ихъ исполнительными чиновниками.

Ради подобнаго руководства Павелъ хотѣлъ знать рѣшительно все то, что важнаго происходило въ губерніяхъ.

---

[1]) Сборн. И. Рус. Ист. Об-ва, т. 90, стр. 1 и сл.

Случится ли пожаръ, ограбленіе почты, кража вещей изъ казеннаго склада, пройдетъ ли ураганъ или выпадетъ градъ, появится ли какой иностранецъ, произойдетъ ли при ссорѣ тяжкое увѣчье или смертоубійство, прибудетъ ли опальный вельможа, о всѣхъ подобныхъ „происшествіяхъ" мѣстныя власти должны были сообщать генералъ-прокурору для доклада Государю, а иногда непосредственно самому Его Величеству. Казалось, что Павелъ хотѣлъ быть въ курсѣ всѣхъ важныхъ событій обширной имперіи, чтобы, пользуясь свѣдѣніями, руководить, награждать, предупреждать и наказывать.

Павелъ I былъ глубоко проникнутъ идеей законности. Еще въ отроческіе годы наставникъ его гр. Н. И. Панинъ внушалъ ему мысль о необходимости установленія „коренныхъ законовъ" и разжигалъ въ немъ критическое отношеніе къ порядкамъ правленія своей матери, при которыхъ, по словамъ записки Павла Петровича о военныхъ нуждахъ, „ничего непоколебимаго" не было, личная воля разныхъ приближенныхъ Императрицы была закономъ, и злоупотребленія были всеобщи; тогда какъ законъ, по словамъ Монтескье, раздѣляемымъ Павломъ, въ монархическомъ правленіи долженъ быть непоколебимымъ основаніемъ, иначе монархія превратится въ ненавистную деспотію; также и по выраженію Павловскаго наказа, общественное благо можетъ быть достигнуто лишь „утвержденіемъ законовъ" [1]).

Относительно законовъ Павелъ полагалъ, что ихъ въ Россіи достаточно, не хватаетъ лишь одного важнѣйшаго узаконенія о престолонаслѣдіи, но этотъ пробѣлъ имъ въ первый же годъ своего царствованія былъ восполненъ. Законы же, по мысли Павла, необходимо было въ „порядокъ привести въ ихъ смыслѣ", не издавая новыхъ, лишь „со-

---

[1]) Въ „размышленіяхъ" о „принципахъ правительства", собственноручно написанныхъ Павломъ, вѣроятно, около 1772 года или нѣсколько позднѣе, читаемъ: „Законы—основа всему, ибо безъ нашей свободной воли, они показываютъ, что должно избѣгать, а слѣдовательно, и то, что мы еще должны дѣлать". „Основа этихъ законовъ въ ихъ примѣненіи къ странѣ или государству служитъ руководствомъ правительственной власти и ее называютъ принципомъ правительства" (Рус. Стар., 1874, апр., т. IX, 678—679).

Изъ мемуаровъ Сюлли (Sully) Павелъ выписалъ: „Первый законъ для государя—соблюденіе всѣхъ законовъ. Выше его самого два повелителя: Богъ и законъ" (Тамъ же, 1874, VIII т., 740).

образить старые съ государственнымъ внутреннимъ положеніемъ“. Ради этого 16 декабря 1796 года Павелъ приказалъ въ уложенной комиссіи, изъ всѣхъ прежнихъ узаконеній, хранящихся какъ въ той комиссіи, такъ и во всѣхъ архивахъ, составить „3 книги законовъ Россійской имперіи: уголовныхъ, гражданскихъ и казенныхъ дѣлъ“.

Эти 3 книги должны были, очевидно, составить сводъ дѣйствующихъ законовъ. Распоряженія же по текущимъ дѣламъ Павелъ отличалъ отъ постоянныхъ законовъ, и полагалъ, что „указы (слѣдуетъ) почитать просто учрежденіями, а не законами“. Однако, какъ законы, такъ и указы, подлежатъ непремѣнному исполненію. Какъ самодержавный монархъ, Павелъ считалъ, что всякое проявленіе его воли, выраженное въ извѣстной формѣ, служитъ нормой, исполненіе которой является обязанностью каждаго подданнаго [1]). Въ указѣ бѣлорусскому губернатору, въ губерніи котораго, по случаю проѣзда Государя, расчищались дороги, тогда какъ Павелъ напередъ запретилъ всякіе наряды и приготовленія, въ виду рабочей поры, Павелъ наставительно говорилъ: „Я иной выслуги ни отъ кого не требую, какъ только непремѣннаго исполненія повелѣній моихъ“ [2]).

Съ момента вступленія на престолъ Павла, законность и порядокъ стали лозунгомъ новаго царствованія. Строгаго исполненія законовъ, регламентовъ и предписаній Павелъ требовалъ и отъ учрежденій и отъ всѣхъ должностныхъ лицъ, не взирая на санъ, не обнаруживая ни къ кому пристрастія и не указывая изъятія. Отъ солдата до фельдмаршала и отъ простого обывателя до перваго сановника государства всѣ должны строго придерживаться закона и предписаній, подъ страхомъ неминуемаго наказанія.

---

[1]) Изъ упомянутыхъ выше мемуаровъ Сюлли Павелъ выписалъ: „Что касается до подданныхъ, первый законъ, полагаемый на нихъ, какъ религіею, такъ природою и разсудкомъ, есть безспорно послушаніе. Они должны уважать, бояться, чтить своихъ государей, будто изображающихъ Всевышняго“, какъ бы пожелавшаго въ ихъ лицѣ явиться на землѣ, подобно тому, какъ на небесахъ онъ проявляется въ совершеннѣйшихъ свѣтилахъ“, даже жестокаго царя подданнымъ слѣдуетъ „укрощать покорностью“ (Рус. Стар., 1874, т. VIII, 742).

[2]) Сен. Арх., т. I, 222.

Злоупотребленія находили въ Павлѣ безпощаднаго карателя. Когда князь Сибирскій и генералъ Турчаниновъ оказались виновными въ недосмотрѣ, попустительствѣ, а можетъ быть, и во взяточничествѣ, то послѣдовалъ скорый судъ и преступники, несмотря на связи въ высшемъ обществѣ, были сосланы въ Сибирь на каторгу [1]). Помѣщица Ржевская за тяжкіе побои и худое содержаніе своихъ дворовыхъ людей была отправлена въ монастырь подъ надзоръ до исправленія. Павелъ наказывалъ за правонарушеніе и неправильные поступки даже тѣхъ, къ кому онъ былъ расположенъ: личныя симпатіи приносились въ жертву долгу. Такъ любимый гатчинецъ Аракчеевъ за ложное донесеніе и недосмотръ былъ дважды уволенъ отъ службы. Своему старому другу, „воспитателю его собственныхъ дѣтей", „важному вельможѣ", президенту военной коллегіи Н. И. Салтыкову, Павелъ, разсказываютъ, сдѣлалъ строгій выговоръ, когда не засталъ его въ назначенное по закону время на мѣстѣ службы [2]).

Въ отвѣтъ на частныя просьбы къ Императору, наиболѣе стереотипные отвѣты Павла были таковы: дать дѣлу законный ходъ, просителю оказать „законное удовлетвореніе", съ виновными поступить „по закону", поступить по всей строгости законовъ [3]).

Павелъ хотѣлъ, чтобы законы исполнялись всюду, а для того необходимъ былъ самый строгій надзоръ за выполненіемъ закона. „За неблюденіемъ (законовъ) должно смотрѣть", писалъ онъ, самому государю прежде всего, потомъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ. Надзоръ, по мысли Павла, должно быть постоянный, дѣятельный и живой, которымъ-бы преступленія предупреждались въ самомъ зародышѣ, а разъ совершенныя, немедленно наказывались безъ излишней мягкости и снисходительности.

Надзоръ шелъ сверху до низу и связывалъ круговой порукой высшаго начальника съ самымъ низшимъ представи-

---

[1]) *Сен. Арх., Книги именныя*, № 225, л. 298; ср. дѣла ген.-прок., № 2201.

[2]) Болотовъ А. Т., Памятникъ протекшихъ временъ, ч. II, 110. Ср. Рус Арх., 1864, 496.

[3]) *Гос. Арх.*, Переписка статсъ-секретарей (разр. X, ч. XIII).

телемъ власти, такъ какъ, въ случаѣ преступленій и нарушенія порядковъ, Павелъ, хотя и доискивался виновныхъ, но свои кары прежде всего направлялъ на высшихъ начальниковъ. Никакой чинъ, никакое положеніе и заслуги не принимались въ расчетъ, разъ Павломъ усмотрѣны были гдѣ-либо слабый надзоръ, нерадѣніе къ службѣ и даже простая безпечность, результатомъ которыхъ были преступленія и безпорядки.

Никогда раньше и никогда позднѣе не было стольких случаевъ увольненій со службы и наказаній высшихъ сановниковъ: отставлялисъ фельдмаршалы, генералы, сенаторы, президенты коллегій, губернаторы. Каждый начальникъ опасался, что онъ всякую минуту можетъ быть уволенъ, если только, благодаря его невниманію и неосмотрительности, а иногда и случаю, произойдетъ какое-либо преступленіе или безпорядокъ въ дѣлахъ, ввѣренныхъ его управленію.

Кромѣ обычныхъ средствъ надзора, Павелъ придумалъ свой оригинальный способъ: онъ приказалъ у воротъ дворца повѣсить желтый ящикъ, въ который каждый могъ бросить прошеніе на Высочайшее имя, съ ходатайствомъ о какой-либо милости или съ донесеніемъ о какомъ либо беззаконіи и несправедливости; подобныя донесенія принимались и на почтѣ. И вотъ, узнавъ изъ доноса о незаконномъ дѣйствіи, Павелъ предписывалъ произвести немедленное разслѣдованіе и донести ему объ истинномъ положеніи дѣла. Въ пріемѣ челобитной сказалось давнее стремленіе верховной власти спуститься съ недосягаемой высоты къ народу.

Явные и тайные доносы—были грозой для казнокрадовъ, взяточниковъ и лицепріятныхъ судей. Но Павелъ не долго могъ пользоваться своимъ знаменитымъ ящикомъ: скоро въ немъ стали находить, вмѣстѣ съ прошеніями, пасквили, каррикатуры на самого Павла и сочиненія нескромнаго и непристойнаго свойства; розыскать виновниковъ этого было невозможно, предупреждать появленіе такихъ вещей тоже нельзя, пришлось снять ящикъ.

Но только доносъ справедливый влекъ за собой взысканіе и наказаніе обвиняемаго, при ложномъ доносѣ кары обрушивались на самого доносчика. Такъ житель г. Митавы

Тромповскій донесъ Государю, что квартировавшій въ его домѣ полковникъ Долгоруковъ требовалъ у него лучшую комнату, когда же онъ ему въ томъ отказалъ, то полковникъ призвалъ въ свою комнату барабанщиковъ и заставилъ ихъ бить въ барабаны въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; отъ неистоваго боя всѣ въ дому перепугались, дочь его, Тромповскаго, оглохла, а жена, будучи больна, отъ испуга умерла. Павелъ приказалъ полковника Долгорукова немедленно отставить отъ службы, а о происшедшемъ произвести разслѣдованіе. Когда же по разслѣдованію оказалось, что Тромповскій почти все выдумалъ, дочь и жена—здоровы, то онъ за ложный доносъ былъ посаженъ въ тюрьму на три года [1]).

Вообще Павелъ какъ не терпѣлъ злоупотребленій, также не выносилъ и ложныхъ сообщеній о нихъ. Юнкеръ кирасирскаго полка Шикулинъ за ложный доносъ на своихъ начальниковъ былъ лишенъ чиновъ и дворянскаго достоинства и написанъ въ рядовые. А частный приставъ г. Твери Гордѣевъ за такой же поступокъ противъ тверского губернатора Тейльса былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе [2]).

Кромѣ законности, второй важной чертой Павловскаго управленія былъ его военный характеръ, перенесенный Павломъ изъ арміи въ сферу гражданскихъ порядковъ. Эта черта, можетъ быть, обусловленная вкусами и темпераментомъ Павла, имѣла въ его глазахъ прицшіальную обоснованность. Онъ былъ убѣжденъ въ необходимости „суровыми и сильными мѣрами" пресѣчь „распущенность въ службѣ и въ нравахъ" и, подъ вліяніемъ французскаго эмигранта Эстергази, считалъ правильной систему—„править желѣзной лозой" [3]).

Нелидова дружески пыталась было поколебать его въ этихъ взглядахъ и говорила и писала Павлу о томъ, что

---

[1]) *Дѣла канелярiи генералъ-прокурора*, № 2162, л. 1—6.

[2]) *Тамъ же*, № 2201. Высоч. повелѣніе 21 сент. 1797 г. объ отдачѣ подъ судъ за ложный доносъ свящ. Насѣдкина—см. Рус. Арх., 1869, стр. 1634.

[3]) Читая записки Ретца въ 1778—1779 году, Павелъ выписалъ слѣдующія фразы. „Сильныя средства иногда необходимы для обузданія народнаго непостоянства". „Въ смутныхъ обстоятельствахъ удержать людей въ повиновеніи возможно посредствомъ страха, внушаемаго имъ исключительно тѣмъ, чему они сами бываютъ причиною. Этотъ страхъ обыкновенно самое дѣйствительное и вмѣстѣ съ тѣмъ наименѣе гнусное средство". (Рус. Стар., 1874, т. X, 555).

„государи еще болѣе всѣхъ прочихъ людей, должны упражняться въ терпѣніи и умѣренности“. Павелъ не склонялся на убѣжденія друга и писалъ ей: „Все это правда, но правда также и то, что съ теченіемъ времени, со дня на день, сдѣлаешься, пожалуй, слабѣе и снисходительнѣе. Вспомните Людовика XVI: онъ началъ снисходить и былъ приведенъ къ тому, что долженъ былъ уступить совершенно. Всего было слишкомъ мало и, между тѣмъ, достаточно для того, чтобы въ концѣ концовъ его повели на эшафотъ“ [1]).

Умомъ Павла владѣли призраки революціи и пугали его. Чтобы оградить себя отъ опасности, сохранить самодержавіе и установившійся порядокъ, необходима была, по его убѣжденію, строгость во всемъ. Отсюда былъ введенъ военный режимъ въ управленіе государствомъ.

Поэтому Павелъ старался ввести и въ гражданскомъ управленіи тѣ же порядки, что были присущи военному: строгую соподчиненность учрежденій и лицъ, безпрекословную исполнительность и автоматичность. Онъ требовалъ быстраго выполненія всякаго своего распоряженія, а на совѣты и представленія о невозможности выполнить какія-либо мѣры готовъ былъ смотрѣть, какъ на ослушаніе, и перемѣнялъ свое приказаніе сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ, когда на дѣлѣ убѣждался въ его непрактичности или неосуществимости.

Будучи самъ человѣкомъ быстраго темпа, Павелъ и въ другихъ цѣнилъ быстроту дѣйствій, въ особенности, если она согласовалась съ его волей. Когда Павелъ приказалъ Державину окончить тяжебное дѣло гр. Самойлова съ Маркловскимъ путемъ третейскаго разбирательства, и Державинъ окончилъ его въ тотъ же день, то „Государь, по словамъ Державина, былъ очень доволенъ, что повелѣніе его въ толь короткое время исполнено“ [2]). Вообще, „скорость власти одного“ ставилась Павломъ очень высоко.

Если Павелъ цѣнилъ быстроту въ выполненіи, то понятно, что онъ не терпѣлъ медлительности, а тѣмъ болѣе не-

---

[1]) XVIII вѣкъ, изд. П. Бартенева, М., 1869, кн. III, 439; Шумигорскій, Е. И. Нелидова, 106.

[2]) Сочиненія Г. Р. Державина, VI, 686; ср. 692.

выполненія своего приказа: на виновныхъ сыпались строгія кары. Благодаря указаннымъ взглядамъ Павла, въ Россіи, съ его воцареніемъ, водворилась, такъ сказать, военная диктатура.

Въ общественныхъ вопросахъ Павелъ считался прежде всего съ тѣмъ соціальнымъ порядкомъ, который создался до него и утвержденъ былъ закономъ; общество онъ дѣлилъ на 4 главнѣйшихъ „состоянія“ или сословія: дворянство, духовенство, городское сословіе и крестьянство; эта схема подсказывалась французскими писателями, она была близка и къ выработаннымъ русскимъ офиціальнымъ названіямъ.

Однако, въ сложившемся сословномъ строѣ Павелъ считалъ необходимымъ произвести нѣкоторыя перемѣны: считая вмѣстѣ съ Монтескье дворянство „подпорой государства и государя“, и пытаясь въ него „лишнихъ членовъ или недостойныхъ“ „не допускать“, Павелъ признавалъ необходимымъ дворянъ „обращать на службу“; дворянская вольность въ смыслѣ свободы отъ всякой обязательной службы, дарованная шляхетству въ 1862 г., ему казалась простымъ тунеядствомъ.

Не возстановляя обязательной службы, Павелъ, однако, отъ тѣхъ дворянъ, которые служили въ войскахъ, потребовалъ дѣйствительной и трудной службы, изгоняя тѣмъ всѣхъ, кто раньше только числился въ полковыхъ спискахъ; трудной стала и гражданская служба; на дворянъ же, которые нигдѣ не служили, онъ смотрѣлъ неодобрительно и поощрялъ губернаторовъ, которые, рыская по уѣздамъ, отыскивали недорослей и понуждали ихъ поступать на государеву службу. Не отмѣняя жалованной грамоты цѣликомъ, Павелъ тѣмъ не менѣе въ разныхъ статьяхъ многократно нарушалъ ее своими отдѣльными указами и распоряженіями.

Павелъ считалъ „достойнымъ уваженія“ и „особливаго вниманія“ духовенство „за святость должностей“, но готовъ былъ требовать, чтобы оно было „просвѣщеннымъ“ и „учило понятію о Богѣ въ прямой силѣ, а не суевѣрію“. По выраженію одного указа, „попеченіе о благоустройствѣ церкви и

призрѣніе къ служащимъ ей“ Государь „почиталъ одной изъ главнѣйшихъ обязанностей“ своего царствованія“ [1]).

„Среднее состояніе“, горожане, по мысли Павла, необходимы для общества, такъ какъ ими содержатся „промыслы, торговля и рукодѣліе“; это сословіе требуетъ правильной организаціи, чтобы „промыслы свободно текли“ и „чтобы общество ни въ чемъ недостатка не имѣло“. Распространеніе торговли, какъ „первѣйшаго источника всеобщаго изобилія“ [2]), какъ способа къ усиленію дружескихъ симпатій между отдѣльными народами, содѣйствующаго смягченію нравовъ и открывающаго „новыя стези смыслу человѣческому и способамъ государственнымъ“, развитіе мануфактуръ, фабрикъ и ремеслъ, дающихъ силу и крѣпость обществу, правильное устройсто городского управленія—вотъ главнѣйшія цѣли, которыя ставилъ себѣ Павелъ въ разныхъ мѣропріятіяхъ, касавшихся „средняго состоянія“ людей.

Но среди всѣхъ сословій „особаго уваженія достойно“ крестьянство, которое „содержитъ собою и своими трудами всѣ прочія части“. По мысли Павла, положеніе крестьянъ въ предшествовавшее царствованіе было шаткимъ, „подвержено перемѣнамъ“, поэтому нуждалось въ особомъ „утвержденіи состоянія“ „изъ благодарности отечества“. Онъ, какъ государь, въ особенности долженъ позаботиться о судьбѣ государственныхъ крестьянъ, „оглегчая ихъ судьбу“; также „надлежитъ уважить состояніе приписныхъ (къ заводамъ) крестьянъ, ихъ судьбу перемѣнить и разрѣшить“.

Вообще, Павелъ съ большой симпатіей относился къ простому народу, оказывалъ ему разныя милости и не скрывалъ своей радости въ тѣхъ случаяхъ, когда видѣлъ со стороны крестьянъ выраженіе искренней преданности и любви къ нему.

Подраздѣляя своихъ подданныхъ на группы, Павелъ тѣмъ не менѣе держался того взгляда, что для него, какъ монарха, всѣ сословія одинаковы. Онъ полагалъ, что государь настолько возвышается надъ всѣми подданными, что они, под-

[1]) П. С. З., № 18273.
[2]) П. С. З., № 18275.

раздѣляясь между собою на разныя группы: дворянъ, духовныхъ, горожанъ и крестьянъ, для него сливаются въ одну общую массу, которую онъ по своей обязанности долженъ вести къ одному общему благу. Передаютъ характерныя слова, сказанныя Павломъ французскому посланнику: „Знатенъ только тотъ, съ кѣмъ я говорю, и до тѣхъ поръ, пока я съ нимъ говорю“.

Павелъ вообще, не питалъ пристрастія къ одному какому-либо классу общества; онъ не былъ царемъ дворянъ—помѣщиковъ по преимуществу, а считалъ себя государемъ всего народа, и только въ этомъ смыслѣ, какъ это не совсѣмъ точно дѣлаютъ нѣкоторые историки, его можно назвать „царемъ—демократомъ“.

Павелъ, какъ представитель вѣка просвѣщенія, былъ убѣжденъ въ необходимости широкаго распространенія образованія; по его мнѣнію, только при помощи „воспитанія“, при посредствѣ „школъ и училищъ“ „каждое состояніе и каждый онаго членъ“ узнаетъ „пространство своихъ должностей“; отъ воспитанія пріобрѣтаютъ „понятіе прямое закона, самого себя и вещей“, отсюда улучшаются нравы, и общество съ большей легкостью достигаетъ своей цѣли—„блаженства“.

Руководясь такимъ взглядомъ, Павелъ учреждаетъ въ Дерптѣ университетъ, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ медико-хирургическія академіи и другія училища, открываетъ множество школъ и щедрою рукою содѣйствуетъ широкой просвѣтительной и благотворительной дѣятельности императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Образованіе, по взглядамъ Павла, должно носить государственный характеръ. Не задаваясь слишкомъ высокой цѣлью—„создать новую породу людей“, Павелъ хотѣлъ, чтобы, школы и училища были „основаны на правилахъ правленія, дабы воспитаніемъ влагалось понятіе вещей“, т. е. онъ хотѣлъ, чтобы школа была строго согласована съ общимъ духомъ государственнаго правленія, научала понимать окружающее и уясняла положеніе каждаго члена въ обществѣ, обязаннаго, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать общей пользѣ „исполненіемъ должностей“. Такимъ образомъ, надо понимать, что Павелъ готовъ былъ добиваться того, чтобы просвѣщеніе было не только государственнымъ, но и носило практически-полезный характеръ.

Но не всякое просвѣщеніе полезно само по себѣ. Съ того времени какъ на Западѣ распространились революціонныя идеи „развратной“ и „преступной“ Франціи, европейскіе университеты и школы взяты были Павломъ подъ сомнѣніе, и онъ, опасаясь того, чтобы его подданные не восприняли „мятежный духъ“, запретилъ отпускать молодыхъ людей за границу для науки, а кто былъ тамъ, приказалъ вернуть ихъ обратно на родину въ кратчайшій срокъ.

Почти безъ какихъ-либо существенныхъ ограниченій восприняты были Павломъ идеи вѣротерпимости. Будучи по природѣ религіознымъ, цѣня и „охраняя всѣми мѣрами святую греко-россійскую православную вѣру“, Павелъ тѣмъ не менѣе съ полнымъ уваженіемъ относился и къ католичеству и даже, воодушевляемый рыцарскими идеями, принялъ на себя званіе великаго магистра католическаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. Онъ былъ близокъ къ масонамъ [1]) и понималъ ихъ высокіе идеалы. Отсюда понятны его религіозная терпимость и желаніе дать всѣмъ свободу вѣроисповѣданія. Въ манифестѣ 18 марта 1797 года Павелъ объявлялъ, что онъ, съ момента вступленія на престолъ, считалъ своимъ „священнымъ долгомъ“ — „обезпечить каждому свободу исповѣданія вѣры, имъ содержимой“ [2]).

Кромѣ теоретическихъ соображеній на путь широкой вѣротерпимости Павла толкали правильно понятыя государственныя соображенія. „Свобода вѣры и оставленіе каждому исповѣданія оной по собственному убѣжденію совѣсти, писалъ Павелъ въ указѣ литовскому губернатору, есть наилучшее средство сохранить между обитателями различнаго закона тишину и спокойствіе“; поэтому онъ предписывалъ губернатору „наблюдать наипаче, дабы различіе закона не служило никому поводомъ притѣснять другъ друга, но каждый бы, оставаясь при исповѣданіи того, къ коему совѣсть его прилѣпляетъ, былъ добрымъ и мирнымъ гражданиномъ“ [3]).

---

[1]) Рус. Стар., 1874, т. XI, 158—сообщеніе о томъ, что будто Павелъ былъ масономъ; Цареубійство 11 марта 1801 г., 2-ое изд., 425 и сл. Барсковъ. Я. Л., Переписка Московскихъ масоновъ XVIII в., П., 1915, предисловіе, 13—51.

[2]) П. С. З., № 17.879.

[3]) П. С. З., указъ 3 апр. 1797 г.—№ 17.904. Ср. Рус. Арх., 1864, 2-ое изд., 128—140.

Руководясь такими принципами и соображеніями, Павелъ охотно допускалъ, чтобы каждый вѣрилъ въ то, во что хотѣлъ, и молился Богу по-своему; онъ не мѣшалъ тому, чтобы не только православные, но и раскольники совершали богослуженіе въ своихъ храмахъ и часовняхъ, чтобы магометане свободно шли въ свои мечети, а евреи—въ синагоги и даже инородцы язычники возносили молитвы и приносили жертвы на холмахъ и въ рощахъ.

Но не заглядывая постороннимъ взоромъ въ совѣсть и душу каждаго, государь, по мысли Павла, долженъ установить надзоръ за внѣшнимъ поведеніемъ человѣка. При правильномъ государственномъ порядкѣ, по его выраженію, „не можетъ не произойти моральнаго и физическаго равновѣсія, доводящаго до общей доброй вѣры во всѣхъ частяхъ"; но эта „общая добрая вѣра", какъ „основаніе тишины и блаженства каждаго и всѣхъ" не можетъ быть сразу достигнута сама собой; для того государственная власть должна „постановить правила общей безопасности" и, наблюдая надъ обществомъ, требовать выполненія этихъ правилъ, какъ необходимаго условія и основанія общаго блага; вотъ для этой цѣли и „учредить земскую и городовую полицію". Итакъ, высокой задачей полицейскихъ властей является поддержаніе внѣшняго порядка и общей безопасности въ интересахъ „моральнаго и физическаго равновѣсія", благодаря которому можно достичь общаго „блаженства".

Практически Павелъ расширилъ область внѣшняго порядка. Онъ хотѣлъ, чтобы не только повсюду была тишина и спокойствіе, но чтобы все, доступное взгляду, носило приличный и благопристойный видъ, какъ это ему самому представлялось. Онъ готовъ былъ требовать, чтобы тогдашній обыватель, по волѣ начальства, по приказу полиціи, строилъ себѣ домъ, въ указанномъ порядкѣ, окрашивалъ въ опредѣленный цвѣтъ части построекъ, ѣздилъ въ каретѣ и шелъ пѣшкомъ по опредѣленнымъ правиламъ, одѣвался и причесывался такъ, какъ приказано, и даже въ извѣстныхъ случаяхъ употреблялъ опредѣленные жесты. Иногда это требованіе имѣло нѣкоторую воспитательную цѣль. Напр., проходя мимо

караульнаго помѣщенія, Павелъ однажды увидѣлъ, какъ офицеры сидѣли за столомъ въ шляпахъ во время обѣда; результатомъ былъ указъ, чтобы офицеры за столомъ вели себя прилично и въ шляпахъ не сидѣли [1]). Отъ такой требовательности въ области внѣшняго порядка рождались полицейскія притѣсненія и злоупотребленія, которыя только иногда доходили до свѣдѣнія Павла.

Въ области финансовъ Павелъ держался того взгляда, что доходы государствнные принадлежатъ государству, а не государю лично, и, „составляя богатство его, составляютъ... способъ благополучія земли"; они собираются, главнымъ образомъ, съ земли и съ промысловъ; первые должны быть „соразмѣрны", вторые, какъ основанные на трудахъ и прилежаніи, требуютъ особой заботы и предполагаютъ „поощреніе" промышленности; и земля и промыслы даютъ средства торговлѣ, которая обогащаетъ государство.

Пользуясь доходами, нужно установить расходы. Павелъ готовъ былъ строго придерживаться основного правила государственной экономіи, чтобы расходы не превышали доходовъ. Не одобряя расточительности своей матери, при которой, не задумываясь и легко смотря въ будущее, обычно тратили гораздо больше, чѣмъ получали,—привыкнувъ въ своемъ гатчинскомъ уединеніи къ строгой экономіи и хозяйственности, Павелъ писалъ въ своемъ наказѣ: „Расходы—размѣрять по приходамъ и согласовать съ надобностями государственными, и для того вѣрно однажды расписать такъ, чтобы никакъ не отягчать земли, но помнить, что можетъ быть случай, гдѣ нужда заставитъ большій расходъ дѣлать, итакъ, не въ плоть и обрѣзъ класть, и при томъ нѣкоторое количество имѣть въ казнѣ, но небольшое, дабы не отвращать онаго отъ нужнаго теченія".

Жить по средствамъ, беречь каждую копейку, изъ государственныхъ суммъ удовлетворять лишь „неминуемыя издержки"—стало основнымъ правиломъ Павловскихъ финансовыхъ мѣропріятій. Въ этомъ смыслѣ любопытенъ манифестъ

[1]) П. С. З., приказъ 25 сент. 1799 г., № 19131.

18 декабря 1797 года, въ которомъ Павелъ объявлялъ слѣдующее: „По вступленіи нашемъ на всероссійскій императорскій престолъ... увидѣли мы, что хозяйство государственное, не взирая на учиненныя въ разныя времена умноженія доходовъ, отъ продолженія чрезъ многіе годы безпрерывной войны и отъ другихъ обстоятельствъ, о которыхъ, яко о прошедшихъ, излишнимъ почитаемъ распространяться, подвержено было крайнимъ неудобностямъ. Расходы превышали доходъ. Недостатокъ годъ отъ года возрасталъ, умножая долги внутренніе и внѣшніе: къ пополненію же части таковового недостатка заимствованы были средства, большій вредъ и разстройство за собой влекущія. Въ трудномъ семъ положеніи, предпочли мы, однако-жъ, искать сперва поправленія подобныхъ вредныхъ средствъ и преграды имъ на будущее время, а потомъ уже положить лучшее и достойнѣйшее основаніе государственному хозяйству“ [1]).

Долги какъ государственные, такъ и партикулярные Павелъ считалъ зломъ, которое слѣдовало „истреблять“; даже частную расточительность онъ признавалъ вредной для общества; „долги партикулярные, по его словамъ, происходятъ отъ роскоши и порчи нравовъ“, „разоряютъ частныхъ людей“, а это, очевидно, не можетъ не отразиться на интересахъ государственныхъ. Сжигая ассигнаціи, погашая частично государственные долги, Павелъ устройствомъ заемнаго банка и другими мѣрами пытался остановить ростъ задолженности многихъ родовъ и вырвать ихъ изъ рукъ „алчныхъ корыстолюбцевъ и ростовщиковъ“ [2]).

Не будучи финансистомъ, Павелъ тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству кн. Безбородки, „имѣлъ довольно чистое понятіе о вещахъ, до финансовъ касающихся, кромѣ предубѣжденій нѣкоторыхъ“; во всемъ этомъ Безбородко увѣрился въ то время, когда ему вмѣстѣ съ барономъ Васильевымъ пришлось, въ присутствіи Императора и Императрицы, вести нарочно устроенное состязаніе („преніе“) съ нѣкіемъ Вутомъ,

---

[1]) П. С. З., № 18278.
[2]) Тамъ же, № 18274.

банкиромъ и развязнымъ прожектеромъ, которому покровительствовала Марія Θеодоровна [1]).

Не гражданское управленіе и сословія и не финансы, однако, владѣли болѣе всего умомъ и сердцемъ Павла, его любимымъ дѣтищемъ была армія. Русская армія, по мысли Павла, должна соотвѣтствовать могуществу самого государства и представлять собой „большую оборонительную силу, а тѣмъ паче и наступательную". Ее слѣдуетъ привести „въ непоколебимое сильное состояніе пропорціональнымъ количествомъ и дисциплиною"; чтобы быть всегда готовымъ къ дѣйствіямъ, необходимо армію содержать въ комплектѣ, „ибо отъ некомплекта земля большой уронъ терпитъ, или ложнымъ счетомъ обороны или безвременнымъ, скорымъ и сильнымъ наборомъ"; затѣмъ, полки слѣдуетъ держать „достаточно всѣмъ нужнымъ снабженными". Какъ сухопутная армія, столь же необходимъ для обороны и флотъ. Армія и флотъ нуждаются въ постоянномъ обученіи, за всѣмъ приходится „смотрѣть государю", какъ верховному вождю всѣхъ военныхъ силъ имперіи. Итакъ, создать сильную армію, вполнѣ обученную, всѣмъ необходимымъ снабженную, дисциплинированную, готовую во всякую минуту къ дѣйствіямъ—вотъ что было задачей Павла съ перваго года царствованія.

Къ военному дѣлу Павелъ имѣлъ пристрастіе съ дѣтскихъ лѣтъ. Совѣты боевого генерала Петра Ивановича Панина, примѣръ Фридриха Великаго увлекли его на военный путь, а гатчинское бездѣлье завершило кругъ. Устраненный отъ дѣлъ, Павелъ долгіе часы досуга заполнилъ командованіемъ и обученіемъ гатчинскихъ батальоновъ. Здѣсь, именно въ Гатчинѣ у Павла сформировался, выросъ и окрѣпъ тотъ „капральскій духъ", который онъ позднѣе старался привить всей арміи.

Павелъ одѣлъ армію въ прусскій Фридриховскій мундиръ, ввелъ лишь съ нѣкоторыми видоизмѣненіями прусскій военный уставъ 1760 года, требовалъ строжайшей дисциплины, желая видѣть въ солдатѣ послушное орудіе въ

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XIII, 384.

рукахъ начальника, увлекался вахтъ-парадами, воинскими упражненіями и маневрами. За все царствованіе онъ не пропустилъ ни одного вахтъ-парада, на которомъ нерѣдко самъ командовалъ и обучалъ солдатъ. Имъ былъ произведенъ въ арміи крутой и рѣзкій переломъ.

Душою арміи Павелъ считалъ дисциплину и отъ каждаго изъ служащихъ, отъ рядового до генерала, требовалъ безпрекословнаго выполненія закона и всѣхъ правилъ воинской службы; путемъ дисциплины онъ хотѣлъ приготовить, какъ говорили, живыхъ автоматовъ, послушныхъ волѣ начальника. Въ требованіяхъ дисциплины онъ былъ строгъ, даже неумолимъ, въ особенности къ офицерскому составу. Въ отношеніи послѣдняго онъ добивался, чтобы офицерскій корпусъ, говоря словами одного военнаго историка, отличался „безусловной честностью, благородствомъ поведенія и примѣрной исполнительностью". Однако, такія благія, но теоретическія соображенія, примѣненныя къ тогдашней Россіи, были, по мнѣнію того же историка, „чрезмѣрны и несвоевременны" [1]).

Достаточно было произойти какой-либо нисправности въ полку или на вахтъ-парадѣ, какъ Павелъ немедленно строго наказывалъ виновныхъ командировъ выговоромъ, отставкой, исключеніемъ изъ службы [2]), а иногда и отдачей подъ судъ. Наказанія были довольно часты, благодаря чему Павелъ прослылъ грозой для всего команднаго состава арміи, и почти всякій офицеръ, которому приходилось предстать предъ Императоромъ, по разсказамъ, трепеталъ за свою судьбу, тѣмъ болѣе, что въ короткій срокъ армія не могла перейти изъ своего прежняго безпорядочнаго состоянія въ новый натянутый строй.

Конечно, не менѣе часты были и милости, награды и поощренія по службѣ; нерѣдко они касались всѣхъ полковъ, которые были вблизи Императора. Марія Ѳедоровна въ письмѣ къ Нелидовой по поводу ложной тревоги, происшедшей въ Павловскѣ 2-го и 4 мая 1797 года, писала: „Императоръ держалъ себя чудесно, хваля войска, ихъ вѣрность и предан-

[1]) Панчулидзевъ, Исторія кавалергардовъ, II, 237–238.
[2]) О числѣ уволенныхъ отъ службы офицеровъ см. Рус. Стар., 1877, № 2, 247.

ность“ [1]). Когда же осенью около Гатчины прошли блистательно грандіозные маневры, то Павелъ былъ весьма доволенъ и веселъ, говорилъ, что „Богъ дозволилъ ему исполнить то, что предначерталъ онъ экзерциціями“, ради чего, въ первые 10 мѣсяцевъ своего царствованія, преобразовалъ Екатерининскую армію цѣною всевозможныхъ усилій и жертвъ. А затѣмъ онъ собралъ всѣхъ генераловъ и полковыхъ командировъ, выразилъ свое благоволеніе и удовольствіе всѣмъ войскамъ, которыя участвовали въ маневрахъ, и прибавилъ: „Я зналъ, господа, что образованіе войскъ по уставу было не совсѣмъ пріятно; ожидалъ осени, чтобы сами увидѣли, къ чему все клонилось. Вы теперь видѣли плоды общихъ трудовъ въ честь и славу оружія россійскаго“ [2]).

Кромѣ общихъ похвалъ, чины, награды и пожалованья сыпались Павломъ щедрою рукою всякому, въ комъ онъ видѣлъ усердіе къ службѣ и успѣхъ въ ней.

Павелъ оберегалъ офицерскій корпусъ, считая, что только лица дворянскаго происхожденія могутъ съ честью носить офицерскій мундиръ, а потому поставилъ преграды къ производству въ офицеры лицъ другихъ состояній. Въ цѣляхъ охраны офицерскаго круга отъ постороннихъ вторженій, онъ приказалъ (26 января 1800 года), чтобы офицеры предварительно испрашивали Высочайшее разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ, „донося именно, на комъ (кто) жениться желаетъ“ [3]). Но съ другой стороны, всякій офицеръ, совершившій позорный или неблаговидный поступокъ, исключался Павломъ изъ воинскаго званія. Такъ, когда генералъ кн. Щербатовъ, посланный на югъ произвести смотръ войскамъ, по дорогѣ прибилъ почтоваго смотрителя, то былъ тотчасъ же исключенъ изъ службы, „за поступокъ, несовмѣстный съ воинскимъ званіемъ“. За воровство, обманъ и ложь—исключеніе дворянъ изъ службы было обычнымъ показаніемъ.

Павелъ также былъ строгъ и къ простымъ солдатамъ тамъ, гдѣ дѣло касалось службы. „Фрунтъ“, безконечныя

---

[1]) Шумигорскій, Е. И. Нелидова, 98.
[2]) Онъ же, Имп. Павелъ I, 131. Ср. Рус. Стар., 1874, XII, 187, 589, 784—788.
[3]) П. С. З., № 19254.

экзерциціи, военная муштровка при Павлѣ достигли своего апогея. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ противъ жестокаго обращенія съ солдатами и не одинъ офицеръ поплатился за неистовство и жестокость къ нимъ. Павелъ добивался того, чтобы нижніе чины не терпѣли недостатка въ пищѣ и одеждѣ, и чтобы въ арміи не было казнокрадства. Указъ 12 января 1798 г. предписывалъ: „по приводѣ рекрутовъ въ полки, спрашивать у нихъ, не имѣли ли какихъ притѣсненій отъ офицера, ведущаго ихъ; и если они объявятъ жалобу, то таковыхъ офицеровъ и оныхъ рядовыхъ отдавать подъ военный судъ для разсмотрѣнія и поступленія по закону" [1]). Также, по приказу Павла, при войсковыхъ смотрахъ инспекторъ спрашивалъ у солдатъ, довольны ли они и нѣтъ ли какихъ жалобъ. По словамъ одного современника, при Павлѣ солдатъ былъ сытъ, хорошо одѣтъ и до него доходила всякая копѣйка, назначенная на его содержаніе, не застревая въ карманѣ подрядчиковъ или командировъ [2]).

О международномъ положеніи Павелъ разсуждалъ такъ: „оно должно быть сообразно съ положеніемъ физическимъ и моральнымъ всякаго государства". Россія достаточно сильна и самостоятельна: „намъ, писалъ онъ, большой нужды нѣтъ въ чьей либо помощи; мы довольно сильны сами собою, если захотимъ пользоваться своею силою".

Но Россія изолированной быть не должна, слѣдуетъ устраивать связи и обязательства, „которыя, однако, вѣчны быть не могутъ, а по обстоятельствамъ государственнымъ перемѣняются". Но при заключеніи союзовъ не слѣдуетъ руководствоваться родствомъ, которое обыкновенно приводитъ къ частнымъ или личнымъ выгодамъ: родство „никогда не должно заставлять забывать прямого государственнаго интереса". „Изъ сего, заключаетъ Павелъ, видно, что первый политическій предметъ требуетъ, чтобы не давать никому надъ собой воли и не входить ни въ чьи интересы и виды слѣпо, желая, чтобы сосѣди наши были въ равновѣсіи, дабы никто

---

[1]) П. С. З., № 18. 319.

[2]) Ср. Арх. кн. Воронцова, XXIX, стр. 465 (изъ „Записки" гр. А. Р. Воронцова, поданной Александру I въ 1801 году).

не могъ угрожать вольности другого, а соблюдать безпристрастіемъ и поведеніемъ, основаннымъ на правосудіи, благоразуміи и твердости, уваженіе и довѣренность къ государству".

Симпатіями Павла пользовался еще не забытый „сѣверный аккордъ" гр. Панина; при немъ онъ считалъ возможнымъ для Россіи быть сильной, но мирной, и „не входить нигдѣ въ дѣло прежде времени и за другихъ".

Въ эти взгляды Цесаревича, сложившіеся къ 90-мъ годамъ, французская революція, а затѣмъ соперничество и міровая борьба Франціи и Англіи, внесли существенное дополненіе и опредѣлили международную политику Россіи не только въ царствованіе самого Павла, но и его ближайшаго преемника.

Вмѣстѣ со многими монархистами и консерваторами въ революціи Павелъ видѣлъ „буйственное воспаленіе разсудка, поправшее законъ Божій и повиновеніе установленнымъ властямъ", принципы республиканскіе считалъ ложными и „зловредными", правила поведенія—„развратными". Цѣль революціи рисовалась Павлу въ самой ужасной формѣ; благодаря революціи, какъ онъ полагалъ, люди безчестные и своекорыстные добивались того, чтобы „разрушить гражданское спокойствіе, исторгнуть себя изъ подъ законнаго повиновенія, приступя къ буйству и своеволію, и подъ видомъ вольности опрокинуть всякій установленный порядокъ" [1]).

Павелъ сталъ смотрѣть на себя, какъ на защитника религіи и принциповъ монархіи, какъ на возстановителя потрясенныхъ троновъ и законнаго порядка въ Европѣ. Онъ объявилъ себя врагомъ революціи, „врагомъ модныхъ философическихъ системъ". Принимая на себя званіе великаго магистра Мальтійскаго ордена, Павелъ мечталъ о томъ, чтобы соединить вокругъ себя аристократію происхожденія и духа, дворянъ, ученыхъ, художниковъ и всѣхъ выдающихся людей, при условіи, чтобы каждый изъ нихъ объявилъ себя другомъ

[1]) П. С. З., №№ 18564, 18522, 18248. См. Милютинъ Д., Исторія войны 1799 г., т. I, приложенія.

монархіи и врагомъ революціи [1]), и во главѣ съ этимъ воинствомъ готовъ былъ идти какъ бы крестовымъ походомъ противъ революціонной гидры.

Эти чувства были основнымъ мотивомъ его участія въ европейской коалиціи противъ Франціи. Но когда онъ увидѣлъ своекорыстіе союзниковъ, понялъ, что справедливость не на ихъ сторонѣ, то, узнавши, что во Франціи явился Наполеонъ, въ лицѣ котораго онъ видѣлъ будущаго монарха, то онъ рѣшилъ сблизиться съ Франціей, чтобы бороться съ Англіей, и въ концѣ 1800 года собственноручно писалъ первому консулу Бонапарту: „Я не говорю и не хочу пререкаться ни о правахъ человѣка, ни о принципахъ различныхъ правительствъ, установленныхъ въ каждой странѣ. Постараемся возвратить міру спокойствіе и тишину, въ которыхъ онъ такъ нуждается“ [2]), а затѣмъ объявилъ войну Англіи.

Этотъ крутой и рѣзкій поворотъ во внѣшней политикѣ, продиктованный тогдашнимъ международнымъ положеніемъ, говоритъ о томъ, что въ дипломатіи Павелъ готовъ былъ слѣдовать опредѣленнымъ принципамъ, такъ что этимъ онъ вызвалъ у Наполеона „особое уваженіе и почтеніе къ священной особѣ монарха и къ его возвышенному и справедливому характеру“.

Несмотря на сближеніе съ Франціей въ послѣдній годъ своего царствованія, Павелъ по прежнему былъ горячимъ противникомъ революціонныхъ началъ. Онъ былъ такъ сильно проникнутъ ненавистью къ революціи, что достаточно было одного какого-либо слова, напоминающаго о ней, чтобы придти ему въ дурное расположеніе духа. Однажды во время путешествія Павла въ Казань статсъ-секретарь Нелединскій-Мелецкій, проѣзжая чрезъ какіе-то обширные лѣса въ одной каретѣ съ Императоромъ, сказалъ Государю: „Вотъ первые представители лѣсовъ, которые далеко простираются за Уралъ“.— „Очень поэтически сказано, отвѣтилъ съ неудовольствіемъ Павелъ, но совершенно неумѣстно: извольте сейчасъ выйти

---

[1]) Морошкинъ, Іезуиты въ Россіи, I, 328. Ср. Шумигорскій, Павелъ I, 106.

[2]) Сборн. И. Р. И. О., т. 70, 27.

изъ коляски" [1]). Въ Россіи, по мысли Павла, никакихъ представителей быть не должно.

Боясь, какъ бы „зловредныя умствованія" не проникли въ Россію и „не развратили спокойныхъ обывателей" россійскихъ, Павелъ рѣшилъ всѣми мѣрами бороться противъ занесенія „революціонной заразы": онъ запретилъ ввозъ иностранныхъ книгъ, газетъ, журналовъ, даже музыкальныхъ произведеній; не позволилъ русскимъ ѣздить за-границу, установилъ строгую цензуру, запрещалъ учреждать общества, приказывалъ вскрывать частныя письма; словомъ, готовъ былъ установить надзоръ за всякимъ проявленіемъ общественной мысли, чтобы, при первой опасности, парализовать всякое зарожденіе революціонныхъ идей.

Таковы были основные взгляды Павла, какъ правителя; въ существѣ дѣла онъ ихъ и проводилъ въ своей государственной дѣятельности. Эти взгляды рисуютъ намъ Павла человѣкомъ вполнѣ умнымъ, съ высокими и разумно обоснованными принципами. Но его умъ, живой, яркій, иронизирующій, имѣлъ одну характерную черту—большую склонность къ парадоксальности. Павла не удовлетворяли ординарныя мысли, обычныя выраженія, онъ любилъ щегольнуть фразой, повернуть предметъ къ свѣту одной стороной, довести какую-либо мысль до ея логической крайности; сочетанія мыслей по контрасту для него были обычными. Это свойство ума Павла бросалось въ глаза современниковъ, его отмѣчаютъ и иностранцы, съ которыми Павлу приходилось вести салонные разговоры. Извѣстенъ случай, когда Павелъ на сообщеніе о томъ, что „Россія потеряла Безбородку", отозвался: „У меня всѣ Безбородки" [2]) желая показать, что Россія богата талантами и смерть такого вельможи, какъ Безбородко, хотя и является печальнымъ событіемъ, но еще не составляетъ безысходнаго несчастія для Россіи. Въ другомъ случаѣ, разсказываютъ, когда при Павлѣ спросили одного польскаго графа, который чрезмѣрно хвастался своими путешествіями, между тѣмъ какъ дальше Варшавы и Петербурга нигдѣ не бывалъ,—

[1]) Шумигорскій, Павелъ I, 161.
[2]) Григоровичъ, Канцлеръ А. А. Безбородко, II, 434.

что онъ, видимо, хорошо знакомъ съ географіей, то на это Павелъ живо отвѣтилъ вмѣсто графа: „Да я могу ручаться, что графъ такъ же хорошо знакомъ съ географіей, какъ Петербургъ съ Меккой“ [1]).

При такомъ складѣ ума Павелъ довольно часто придумывалъ то, что обыкновенному среднему человѣку въ лучшемъ случаѣ казалось забавнымъ и оригинальнымъ, въ худшемъ—непонятнымъ, страннымъ, сумасброднымъ. Подобныхъ поступковъ можно привести десятки, но укажу нѣсколько. Дѣтей духовенства, „праздно живущихъ при отцахъ своихъ“ Павелъ приказалъ опредѣлить въ военную службу, „по примѣру древнихъ левитовъ, которые на защиту отечества вооружались“. Когда Брестскій городничій Пирхъ сдѣлалъ ложный доносъ на полковника Жукова и тотъ былъ отданъ подъ судъ, но по невиновности былъ совершенно оправданъ, то Павелъ приказалъ заставить городничаго Пирха, во время развода, встать на колѣни и просить прощенія у невинно оскорбленнаго имъ полковника Жукова [2]). Павелъ, когда узналъ, что отставной офицеръ Быковъ носилъ незаконно мундиръ, приказалъ мундиръ публично сжечь на сенатской площади, а виновнику происшествія сшить за его счетъ статское платье [3]).

Но въ большей степени вредилъ Павлу его темпераментъ. Павелъ былъ человѣкомъ минуты и настроенія, натуры огневой и нрава своевольнаго. Будучи отъ природы „горячъ и развлекателенъ“, Павелъ сознавалъ свой недостатокъ, но не могъ воздерживаться; въ иные моменты его рѣзкость легко переходила въ запальчивость, гнѣвъ доходилъ до бѣшенства и онъ казался внѣ себя отъ изступленія. Горе тому, кто попадался Павлу подъ такую руку.

Въ такіе моменты, выражаясь словами современника, въ головѣ Павла порывалась нитка и помѣщенная въ ней машинка начинала безпорядочно вертѣться и жужжать. Нечего говорить,

---

[1]) Тыртовъ Е., Анекдоты о имп. Павлѣ. М., 1807, стр. 67.

[2]) П. С. З., № 18.606. Ср. *Сен. Арх., Книги копій*, № 258, л. 75—77.

[3]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 1321. Ротмистру Анненкову, который прислалъ прошеніе въ стихахъ, Павелъ приказалъ отвѣтить, чтобы тотъ адресовался прямо въ банкъ (вспомогательный для дворянъ) „не стихами, а прозою и по формѣ, на то изданной“ (*Гос. Арх.*, X, ч. XIIIб, л. 694).

что въ этомъ случаѣ Павелъ подъ видомъ справедливости могъ совершать величайшія несправедливости и за незначительные поступки сурово наказывать. На бѣду, такія минуты не были рѣдки, Павелъ легко раздражался; къ тому же нѣкоторые приближенные, въ угоду своихъ личныхъ низкихъ цѣлей и интересовъ, старались поддерживать въ Павлѣ раздраженное состояніе, чтобы, пользуясь имъ, сгубить своихъ противниковъ.

Иногда Павелъ намѣренно отстранялъ отъ себя то, что могло-бы его разстроить. Такъ онъ приказалъ, чтобы доклады Державина шли черезъ генералъ-прокурора Обольянинова, а свое распоряженіе пояснилъ такъ: „Онъ горячъ, да я—(тоже); то мы опять поссоримся“ [1]).

Но это рѣдкій случай такого самоограниченія, обычно же Павелъ считалъ себя правымъ и въ раздраженіи набрасывался на всякаго, не слѣдя за своими словами и жестами. Онъ могъ послать „дурака“ по адресу генерала, явившагося ко двору не въ формѣ; онъ „фыркалъ“ въ сторону того сановника, который чѣмъ либо ему не угодилъ; былъ случай, когда онъ съ гнѣвнымъ лицомъ и поднятой тростью бросился на офицера Тутолмина, который, гарцуя на конѣ и думая лихо подкатить къ Императору съ рапортомъ и остановиться у самыхъ ногъ, вмѣсто того забрызгалъ Павла грязью съ ногъ до головы. Быстрота и импульсивность, съ какой Павелъ во внѣ выражалъ свои чувства, не давали ему возможности обдумать свои поступки, благодаря чему его дѣйствія были, хотя искренни и чистосердечны, но тягостны, а иногда оскорбительны для многихъ.

Впрочемъ, вспышки и крайности Павла какъ быстро появлялись, также быстро исчезали; Павелъ былъ скоръ на гнѣвъ, но и милостивъ и самъ раскаивался въ своихъ рѣзкихъ и необдуманныхъ поступкахъ. Здѣсь Павлу на помощь приходила его природная доброта, искренность и откровенность. Къ жертвѣ своего гнѣва онъ не питалъ раздраженія, и имѣлъ мужество съ легкимъ сердцемъ сознаваться въ своей опро-

---

[1]) Сочиненія Г. Р. Державина, VI, 696. Маріи Ѳеодоровнѣ, еще невѣстѣ, Павелъ рекомендовалъ „вооружиться терпѣніемъ и кротостью, чтобы сносить его горячность и измѣнчивое расположеніе духа, а равно нетерпѣливость“ (Рус. Ст., 1898, т. 93, 247).

метчивости и несправедливости. Прощеніе и милостивая награда были обычными для того, кто незаслуженно потерпѣлъ наказаніе. Саблуковъ за свой неосторожный рапортъ въ порывѣ гнѣва былъ уволенъ Павломъ отъ должности и высланъ изъ С.-Петербурга; когда же черезъ нѣсколько дней Государю разъяснили, что Саблуковъ ни въ чемъ не виноватъ, то онъ вернулъ ему прежнее мѣсто, а затѣмъ, при представленіи, обнималъ старика и просилъ прощенія. Офицера Тутолмина, который бѣгствомъ спасся отъ гнѣва Павла, бросившагося на него съ тростью, Павелъ на слѣдующій день встрѣтилъ очень милостиво и благодарилъ [1]).

Нелединскій, статсъ-секретарь Павла, любилъ разсказывать слѣдующій случай. Однажды Павелъ былъ въ раздраженномъ состояніи, и на доклады его, какъ статсъ-секретаря, давалъ отрывочныя резолюціи, которыя были „не въ мѣру строгаго содержанія“. Нелединскій незамѣтно собралъ бумаги и откланялся и никакого исполненія по даннымъ резолюціямъ не дѣлалъ, а затѣмъ, черезъ мѣсяцъ или болѣе, снова сталъ докладывать тѣ же дѣла, чередуя ихъ съ вновь поступившими; три или четыре прошли благополучно; на 4 или 5-мъ Павелъ прервалъ докладчика и сказалъ: „Это дѣло вы, сударь, уже докладывали“. Нелединскій обомлѣлъ, полагая, что быть бѣдѣ. Государь посмотрѣлъ на него въ упоръ нѣсколько секундъ, а затѣмъ милостиво добавилъ: „Я васъ, сударь, понялъ и не осуждаю—продолжайте!“ Такимъ образомъ, спасено было нѣсколько несчастныхъ, добавлялъ Нелединскій [2]).

Вообще, въ минуты доброты и хорошаго расположенія духа, Павелъ производилъ чарующее впечатлѣніе. Разговорчивый, остроумный, сердечный и простой онъ очаровывалъ своего собесѣдника [3]). По словамъ Д. В. Васильчикова, при дворѣ пользо-

---

[1]) Саблуковъ, Записки; о Тутолминѣ—разсказъ кн. П. П. Лопухина—въ приложеніи къ книгѣ Н. К. Шильдера, Имп. Павелъ I. По словамъ А. Вейдемейера, Павелъ „неукоснительно старался загладить (свою) невольную ошибку“ „безпримѣрной щедростью“ (Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII ст., П., 1846, ч. II, 213; ср. 119 и др.).

[2]) Хроника недавней старины, 40. Ср. Рус. Стар., 1874, XI, 579 и сл.

[3]) Коцебу, потерпѣвшій отъ Павла, возвращенный изъ ссылки и обласканный имъ, позднѣе писалъ о Павлѣ. Всякій, кто былъ близокъ къ нему, „подтвердитъ, что онъ умѣлъ чрезвычайно плѣнять, и трудно, да и почти невозможно

вались всякимъ такимъ случаемъ: „всѣ пользовались минутой, всѣ жили настоящимъ, а потому веселились до упаду и повѣсничали на славу" [1]).

Въ такія минуты Павелъ былъ способенъ на великодушные и прекрасные поступки. Въ Смоленскѣ ждали Павла во время его путешествія изъ Москвы въ западныя губерніи. Старикъ генералъ Философовъ приготовился встрѣчать Государя съ рапортомъ въ рукахъ, но подавая его, разсказываютъ, такъ растерялся, что уронилъ бумагу на землю и пытался было ее поднять; тогда Павелъ быстро нагнулся, поднялъ рапортъ и сконфуженному генералу, трогая его за плечо, ласково сказалъ: „Постой, старикъ, я помоложе тебя" [2]).

Если бы умѣло пользоваться добрыми чувствами Павла и направлять ихъ безкорыстною рукой, то, выражаясь словами Лопухина, „при рѣдкомъ государѣ больше, какъ при Павлѣ, можно было бы сдѣлать столько добра для государства, если бы окружавшіе его руководились усердіемъ къ отечеству, а не видами собственной корысти". Къ несчастью для Россіи и для Павла, такого совѣтника при немъ не было. Не владѣя самостоятельно своей волей, Павелъ, какъ всѣ слабохарактерные и самолюбивые люди, подчиняясь другимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не выносилъ, чтобы кто-либо открыто командовалъ имъ. Въ письмѣ къ Нелидовой онъ писалъ: „Вы лучше, чѣмъ кто-либо, знаете, какъ я чувствителенъ и щекотливъ по отношенію къ нѣкоторымъ пунктамъ, злоупотребленія которыми, вы это знаете, я не въ силахъ выносить... Я очень мало подчиняюсь вліянію того или другого человѣка, вы это знаете". Тогда какъ Нелидова отлично знала обратное, именно, что Павелъ весьма сильно подчиняется вліянію другого, только нужно было умѣть къ нему подойти.

было не быть къ нему приверженнымъ" (Достопамятный годъ жизни Августа Коцебу, пер. съ нѣм. В. Кряжевъ, М., 1816, ч. II, 216).

[1]) Рус. Стар., 1871, VI, 786; Ср. „Мелочи изъ прошлаго" Юрія Толстого — Рус. Арх., 2-ое изд., 1865, стр. 1376.

[2]) Записки Грязева — Рус. Вѣст., 1890, кн. 3, стр. 210. Ср. Разсказъ Державина, Сочиненія VI, 713. Указанія на доброту души Павла см. Рус. Арх., 2-ое изд., 1864, стр. 781; 1869, стр. 1952; на „благородство, искренность" и „хорошія качества"—1865 г., стр. 1021.

Павелъ хотѣлъ все рѣшать самъ и ни къ кому не обращаться за совѣтами. Въ основѣ этого была одна видимость, такъ какъ въ сложныхъ и техническихъ вопросахъ дѣла передавались на обсужденіе и соображеніе учрежденій или же поручались какому-либо сановнику, это былъ обычный способъ дѣйствій Павла, подсказываемый существомъ дѣла, а въ текущей повседневной дѣятельности волей Павла и его поступками, подъ видомъ дружбы, покорности, а иногда и раболѣпства, руководили окружающіе. Изъ-за вліянія на Павла среди придворныхъ шла постоянная глухая борьба, жертвой которой оказался въ концѣ концовъ самъ Павелъ. Онъ оплетенъ былъ цѣлой сѣтью интригъ, гдѣ ловкими и счастливыми дѣльцами были Кутайсовъ, гр. Паленъ, Ростопчинъ и другіе. Самъ, не замѣчая того, Павелъ, не довѣряя многимъ, даже самымъ близкимъ людямъ, переживъ тяжелую семейную драму, легко и простосердечно довѣрился интриганамъ, не разгадавъ ихъ тайныхъ, враждебныхъ ему, помысловъ.

Павелъ по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ представляетъ натуру сложную и тонкую, къ нему нельзя подходить съ обыкновенной мѣркой средняго человѣка, человѣка съ трафаретными взглядами и убѣжденіями и ординарными поступками. Чтобы его понять, нужно помнить, что онъ долгіе годы находился подъ перекрестными вліяніями: старыя прекрасныя легенды, возвышенныя средневѣковыя рыцарскія традиціи, вызывавшія откликъ и сочувствіе въ душѣ Павла, сталкивались съ суровой грубостью нравовъ Россіи XVIII вѣка; смѣлыя и чисто парадоксальныя идеи просвѣтительной литературы преломлялись событіями французской революціи, въ вихрѣ которой рушился старый міръ, но едва намѣчался новый; наконецъ, самъ Павелъ, помимо своей воли, былъ вѣчной помѣхой и угрозой для Императрицы, его матери, нежелавшей никому уступать власти, и, являясь наслѣдникомъ и цесаревичемъ, принужденъ былъ проводить долгіе годы вдали отъ двора, не участвовать въ дѣлахъ управленія, переносить холодъ, пренебреженіе матери, а еще невыносимѣе, чувствовать такое же отношеніе со стороны фаворитовъ и сановниковъ, усвоившихъ себѣ, по примѣру своей повелительницы, ту же манеру обращенія.

Неудивительно, что всѣ эти событія въ большей или меньшей степени отразились на взглядахъ и чувствахъ Павла и образовали собой его сложную и нервную организацію. Павелъ былъ уменъ, образованъ, его система управленія была стройна въ своемъ логическомъ остовѣ, но его умъ былъ склоненъ къ парадоксальности, образованіе было теоретично, системѣ не хватало полной продуманности и устойчивости. Онъ былъ добраго сердца, прямой, чистосердечный, искренній, но доброта сердечная затемнялась частыми гнѣвными вспышками.

Павелъ былъ горячаго нрава и боевого темперамента; это имѣло ту хорошую сторону, что, если онъ брался за дѣло, то съ необычайной энергіей, если съ чѣмъ боролся, то до конца, не останавливаясь передъ препятствіями; въ своей государственной дѣятельности Павелъ проявилъ необычайную энергію; но горячность увлекала его на путь невоздержанности и гнѣва, и тогда начинались излишества и крайности, вредившія дѣлу.

Онъ хотѣлъ быть въ полномъ смыслѣ самодержцемъ и требовалъ безпрекословнаго выполненія своей воли, идейно стремясь къ общему благу [1]), но своей твердой воли онъ не имѣлъ и часто слѣдовалъ постороннимъ внушеніямъ, которыя клонились къ частной выгодѣ.

Какъ правитель, Павелъ поставилъ для себя идеалъ — создать государство на началахъ, близкихъ къ идеямъ просвѣщеннаго абсолютизма Фридриха Великаго, но не имѣя точнаго плана дѣйствій, началъ съ разныхъ частичныхъ преобразованій, смыслъ которыхъ не всегда былъ понятенъ Екатерининскому обществу. Какъ послѣдователь законности и порядка, Павелъ объявилъ безпощадную войну злоупотребленіямъ, и не останавливался передъ самыми суровыми наказаніями по адресу не только мелкихъ чиновъ, но и выс-

---

[1]) Эта мысль отчетливо видна изъ Павловскаго наказа 1788 г. То же онъ высказывалъ неоднократно и въ своихъ указахъ и повелѣніяхъ. Приведу одинъ любопытный для даннаго вопроса случай. Кн. Тюфякинъ просилъ Государя вознаградить его за мельницу, упраздненную на р. Яузѣ. Павелъ, отклонивъ ходатайство, приказалъ написать (19 февр. 1798) Тюфякину: „Общественная польза всегда и во всѣхъ случаяхъ преимущественной предъ частною почитается“ (*Гос. Арх.*, X, ч. XIIIб, л. 786).

шихъ сановниковъ. Отстранившись отъ дворянъ и не балуя ихъ привилегіями, введя строгости въ управленіе, которыя показались особенно тягостными для распущеннаго Екатерининскаго общества, Павелъ хотѣлъ внѣшними мѣрами заставить тогдашнее общество итти за нимъ къ „блаженству всѣхъ и каждаго“, итти именно по тому пути, который онъ намѣтилъ, тогда какъ придворное и сановное общество добивалось, чтобы онъ прислушивался къ ихъ голосу и потакалъ ихъ слабостямъ.

Павелъ былъ слишкомъ живымъ и яркимъ представителемъ самодержавной власти. Онъ былъ постоянно на глазахъ, почти во все вмѣшивался, приказывалъ, распоряжался, самъ обучалъ солдатъ, принималъ прошенія, два раза въ день появлялся на улицахъ Петербурга, требовалъ поклоновъ, замѣчалъ всякую неисправность, и уже этой доступностью, по взглядамъ нѣкоторыхъ, ронялъ престижъ монарха. А его подвижность, рѣзкость, несдержанность и строгость волновали и раздражали многихъ, привыкшихъ къ веселой, спокойной и уравновѣшенной жизни при императрицѣ Екатеринѣ II. Еще въ большей степени, вызывало недовольство, а порой и негодованіе то, что Павелъ какъ бы не хотѣлъ совсѣмъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ.

Среди придворной знати Павла не любили, но его боялись и молчали. Не понимая харакера и политики Павла, втайнѣ раздражаясь многими отдѣльными мѣропріятіями, въ Павлѣ стали видѣть правителя „жестокаго“, „тирана“ своихъ подданныхъ, даже „сумасшедшаго“. Съ такими эпитетами современниковъ Павелъ перешелъ и въ исторію. Но безпристрастное изученіе принциповъ и дѣйствій этого монарха, приводитъ къ выводу, что современники въ характеристикѣ императора Павла были неправы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Высшія правительственныя учрежденія: совѣтъ Его Величества и правительствующій сенатъ.

Еще А. Градовскій въ немногихъ словахъ опредѣлилъ смыслъ и значеніе мѣропріятій Павла по отношенію къ высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ. По его словамъ, императоръ Павелъ, хотя и любилъ отмѣнять нововведенія своей предшественницы, однако въ нѣкоторыхъ частяхъ управленія „доводилъ ея мысль до послѣднихъ предѣловъ". „Она оставила ему сенатъ, съ судебнымъ характеромъ и безъ правительственнаго значенія; сенатъ, оставленный имъ своему преемнику, не имѣлъ даже этого значенія". Павелъ возобновилъ коллегіи, но „коллегіальныя учрежденія при Павлѣ I получили оригинальное устройство: члены ихъ были разбросаны по разнымъ присутствіямъ въ губерніяхъ, президентъ же у нихъ былъ общій въ С.-Петербургѣ, онъ и стоялъ во главѣ всего вѣдомства". „Павелъ не говоритъ уже болѣе съ учрежденіями, его окружаютъ довѣренныя лица, и съ ними раздѣляетъ онъ управленіе". Появляются министры, директоры коллегій. „Между всѣми этими министрами, пріобрѣтающими все болѣе и болѣе независимое положеніе, возвышается единственное объединяющее начало въ администраціи—генералъ-прокуроръ". Еще небольшое усиліе, и восторжествуетъ единоличное министерское начало надъ коллегіальными порядками Петра Великаго.

„Такимъ образомъ", заключалъ Градовскій, „въ короткое время своего царствованія, императоръ Павелъ успѣлъ осуществить и довести до конца всѣ почти предположенія Ека-

терины II относительно центральныхъ учрежденій и, кромѣ того, положить прочное основаніе тому порядку вещей, который характеризовалъ русскую администрацію до 1855 г. Общее очертаніе будущихъ министерствъ было готово" [1]).

Въ этомъ бѣгломъ обзорѣ Градовскаго нѣкоторыя фразы вызываютъ недоумѣніе; напр., не совсѣмъ правильно указаніе на то, что Екатерина II имѣла какія-то „предположенія" (относительно центральныхъ учрежденій), которыя Павелъ подхватилъ и „успѣлъ довести до конца"; неясно, почему авторъ думаетъ, что сенатъ Павловскаго времени лишенъ былъ самостоятельнаго значенія въ судебныхъ дѣлахъ; вызываютъ недоумѣніе и коллегіи, члены которыхъ, по образному выраженію Градовскаго, „разбросаны" были по губерніямъ, одинъ лишь президентъ засѣдалъ въ столицѣ. Самая основная мысль книги о борьбѣ коллегіальнаго начала съ единоличнымъ, министерскимъ въ ея развитіи—страдаетъ нѣкоторой отвлеченностью, схематизмомъ; не достаетъ идеѣ Градовскаго болѣе конкретнаго и фактическаго изложенія, подкрѣпляющаго его общій выводъ.

Несмотря на указанные недочеты, общая схема и основная мысль Градовскаго примѣнительно къ Павловскому времени чрезвычайно любопытна: онъ указалъ на тѣсную связь мѣропріятій Павла въ отношеніи центральныхъ учрежденій съ общимъ исканіемъ и попытками реформъ Екатерининскаго царствованія, отмѣтилъ нѣкоторые важные успѣхи въ созданіи министерствъ и связалъ дальнѣйшую судьбу центральныхъ учрежденій съ тѣми преобразованіями, которыя были сдѣланы въ послѣднихъ годахъ XVIII вѣка.

Почти одновременно тотъ же вопросъ о высшемъ управленіи въ концѣ XVIII вѣка былъ затронутъ въ работѣ другого виднаго юриста Ѳ. Дмитріева, который приходилъ къ такимъ выводамъ [2]). Послѣ введенія въ дѣйствіе губернскихъ учрежденій, центральное управленіе, основанное на

---

[1]) А. Градовскій, Высшая администрація XVIII ст. и генералъ-прокуроры. П., 1866 г., 255—262, 275.

[2]) Рус. Арх., 1868, стр. 1572—1582 (въ ст. „Сперанскій и его государственная дѣятельность", перепечатано въ 2-мъ томѣ „Сочиненій" Ѳ. М. Дмитріева, М., 1900 г., стр. 335—447).

коллегіальныхъ началахъ, стало падать. Несмотря на составленный проектъ новаго устройства сената, которымъ предполагалось сенатъ „согласовать“ съ губернскимъ управленіемъ, „практика, по наблюденію автора, постепенно привела Императрицу къ совершенно другой системѣ управленія“. Усилилась власть и значеніе генералъ-прокурора. Послѣ нѣкоторыхъ перемѣнъ высшее управленіе въ концѣ царствованія Екатерины II „представляло немного слѣдовъ коллегіальнаго порядка“. „Оно находилось въ рукахъ слѣдующихъ лицъ: 1) президентовъ иностранной, военной и адмиралтействъ-коллегій, 2) генералъ-прокурора и 3) генералъ-почтъ-директора“, при чемъ послѣдніе двое были „настоящими министрами“. Значитъ, при Екатеринѣ II „личное управленіе уже существовало, но ему недоставало контроля и правильной организаціи. Между различными частями еще не довольно было единства“.

По вступленіи на престолъ Павла, „первою его мыслью“ было—вернуться къ прежнему управленію; „коллегіи были открыты, но совсѣмъ не на прежнемъ основаніи“; надъ президентами были поставлены главные директоры, съ правомъ личнаго доклада Императору; но затѣмъ три возстановленныя коллегіи подчиняются экспедиціи государственнаго хозяйства, съ генералъ-прокуроромъ во главѣ. Такъ „внутреннее управленіе болѣе прежняго сосредоточивалось въ рукахъ генералъ-прокурора“, хотя „вся финансовая часть отъ него отходила“. Появился государственный казначей, главный директоръ водяныхъ коммуникацій, наконецъ, министерства. О послѣднихъ Ѳ. Дмитріеву представляется труднымъ сказать, „чѣмъ новое управленіе должно было отличаться отъ стараго“. Въ министерствѣ коммерціи „предполагалось соединить коллегіальный порядокъ съ бюрократическимъ, и первому дать назначеніе, всего менѣе свойственное ему, т. е. возложить на коллегію исполнительную роль, а министру предоставить направленіе и руководство администраціи“. Отношенія министра и коллегіи опредѣлены были „сбивчиво“. „Главнымъ недостаткомъ новаго управленія, постепенно сложившагося при Екатеринѣ и Павлѣ, было полное отсутствіе единства

и правильнаго контроля надъ нимъ. Сильная личная дѣятельность Екатерины долго скрывала этотъ недостатокъ, но когда безпрерывная ея работа прекратилась, онъ не замедлилъ обнаружиться во всей своей силѣ". При Павлѣ „надъ министрами и главными директорами не только не было никакого надзора, но даже такого учрежденія, которое бы соглашало ихъ планы и наблюдало за единствомъ направленія. Отъ сената они почти вовсе не зависѣли, а государственный совѣтъ едва существовалъ по имени". „Столкновенія различныхъ вѣдомствъ иногда кончались довольно странно"; здѣсь авторъ приводитъ примѣръ, со словъ Державина, какъ Императоръ будто утвердилъ три разныхъ мнѣнія по вопросу о внутреннемъ судоходствѣ. „Въ такомъ положеніи, восклицаетъ Ѳ. Дмитріевъ (надо полагать—неустроенномъ, безпорядочномъ), находилось высшее управленіе въ началѣ нынѣшняго вѣка".

Сравнительно съ Градовскимъ Ѳ. Дмитріевъ, какъ видно, въ дѣлѣ подготовки министерствъ большее значеніе придавалъ Екатерининской эпохѣ. Павловское же время считалъ въ нѣкоторомъ отношеніи шагомъ назадъ и готовъ былъ видѣть въ немъ періодъ странностей и безпорядка.

Мысли А. Градовскаго и Ѳ. Дмитріева неоднократно повторялись въ работахъ болѣе позднихъ авторовъ, впрочемъ, съ нѣкоторыми, иногда существенными варіантами. Такъ, проф. В. Г. Щегловъ по вопросу о высшемъ управленіи въ Россіи XVIII столѣтія писалъ [1]): „Въ исторіи высшаго управленія при Павлѣ I замѣтенъ дальнѣйшій шагъ впередъ въ подраздѣльніи функцій управленія между учрежденіями, въ которыхъ главныя его задачи составляли предметъ спеціальной дѣятельности въ предшествовавшее царствованіе. Процессъ этого дальнѣйшаго развитія тѣхъ же основаній въ устройствѣ высшаго управленія при Екатеринѣ II совершается, несмотря на явное стремленіе ея преемника къ отмѣнѣ разныхъ учрежденій его матери и сильное развитіе личнаго начала въ упра-

---

[1]) В. Г. Щегловъ, Государственный совѣтъ въ царствованіе императора Александра I. Ярославль, 1885, 143—149.

вленіи, которое привело къ созданію первыхъ министерствъ въ Россіи“. При Павлѣ дѣйствуетъ „Высочайшій совѣтъ“; „болѣе ясно и точно опредѣлилось значеніе сената, какъ высшаго судебнаго учрежденія... хотя ему иногда поручались законодательныя, а также и административныя дѣла“; вновь образованы были министерства, появились главные директоры коллегій—въ чемъ „воплотилось личное начало въ управленіи—съ тою только особенностью, что во всей администраціи ощущался полный недостатокъ единства и общаго направленія“.

„Такимъ образомъ“—писалъ Щегловъ, „можно констатировать, что во всѣхъ высшихъ учрежденіяхъ при Павлѣ I еще продолжается и даже еще болѣе, нежели при Екатеринѣ II, смѣшеніе всѣхъ функцій управленія, производившее большую путаницу въ ходѣ всѣхъ дѣлъ. Но въ то же время въ каждомъ изъ нихъ опредѣленно выдѣляется изъ среды всѣхъ дѣлъ его вѣдомства одинъ особый ихъ родъ, родъ, сообразно положенію каждаго изъ высшихъ учрежденій въ центральномъ управленіи, какъ оно обозначилось въ теченіи XVIII в. и особенно предшествовшаго царствованія. Такъ, въ совѣтѣ сосредоточиваются преимущественно законодательныя дѣла, и онъ сохраняетъ законосовѣщательный характеръ, приданный совѣту при Екатеринѣ II. Сенатъ дѣлается высшимъ судебнымъ учрежденіемъ. Всѣ же дѣла собственно внутренняго управленія, администрація подраздѣляется между генералъ-прокуромъ и извѣстнымъ числомъ отдѣльныхъ лицъ, съ правомъ самостоятельнаго завѣдыванія отдѣльными отраслями управленія“. „Можно, слѣдовательно, утверждать, что въ концѣ XVIII столѣтія уже былъ подготовленъ, намѣченъ путь, и опредѣлилось то направленіе, въ которомъ должны были совершиться и дѣйствительно совершились послѣдующія реформы въ высшемъ управленіи въ царствованіи Александра I“.

Въ изображеніи В. Г. Щеглова, въ нѣкоторомъ несоотвѣтствіи съ Градовскимъ, но согласно съ Дмитріевымъ, подчеркиваются заслуги Екатерининскаго царствованія въ созданіи высшаго управленія, нѣсколько иная трактовка сената, указываются „смѣшеніе“ функцій управленія, производящее „пу-

тапицу", и „полный недостатокъ единства", который замѣтно ощущался во всей администраціи при Павлѣ I. Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ слѣдуетъ основной мысли Градовскаго, когда говоритъ о „сильномъ развитіи личнаго начала въ управленіи" конца XVIII вѣка, мѣропріятія Павла связываетъ съ общимъ вѣковымъ процессомъ исканія формъ высшаго управленія и время Павла считаетъ „дальнѣйшимъ шагомъ впередъ" по пути созданія министерствъ [1]).

Основныя мысли Градовскаго повторялись неоднократно и въ послѣдующее время, напр., С. А. Адріановымъ въ очеркѣ, посвященномъ исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ [1]), Н. А. Даниловымъ въ другомъ юбилейномъ очеркѣ, относящемся къ исторіи военнаго министерства [2]), и М. В. Довнаръ-Запольскимъ въ его статьѣ о министерствахъ [3]). Предпослѣдній авторъ, впрочемъ, не касаясь

---

[1]) Нѣсколько ниже тотъ же авторъ, когда пытался отмѣтить большіе успѣхи Александровскаго царствованія, то, въ интересахъ контраста, поддаваясь мемуарнымъ извѣстіямъ и докладнымъ запискамъ того времени, значительно отступилъ отъ занятой имъ (во введеніи) позиціи и сталъ уже писать о „безпорядочномъ состояніи администраціи" при Павлѣ, „личномъ произволѣ" и безъ всякихъ оговорокъ цитируетъ слова Александра изъ письма къ Кочубею, что при жизни его отца въ дѣлахъ „господствовалъ неимовѣрный безпорядокъ", „всѣ части управлялись дурно" (159—163)! Это обычная дань изслѣдователей—мемуаристамъ и современникамъ, а можетъ быть, и повтореніе сказаннаго Ѳ. Дмитріевымъ.

[1]) Министерство внутреннихъ дѣлъ. Историческій очеркъ. П., 1902 г., 8—10. Здѣсь читаемъ: „Царствованіе имп. Павла I подтвердило, что время коллегій прошло, и что сила вещей вела къ полному торжеству личнаго начала въ управленіи. Императоръ хотѣлъ вернуться къ прежнему порядку и возобновить коллегіи, упраздненныя его матерью. Онѣ и были открыты, но не совсѣмъ на прежнемъ основаніи: надъ каждой изъ нихъ былъ поставленъ главный директоръ". „Въ учрежденіи главныхъ директоровъ нельзя не видѣть новой побѣды личнаго начала надъ коллегіальнымъ"... „Старанія создать центральное управленіе, потребность въ которомъ ощущалась весьма настойчиво уже въ концѣ XVIII в., приводила къ учрежденіямъ, построеннымъ на принципѣ бюрократическомъ. На томъ же бюрократическомъ началѣ были построены при Павлѣ департаментъ или экспедиція водяныхъ коммуникацій и департаментъ удѣловъ. Послѣдній по всему своему строю вполнѣ соотвѣтствовалъ современнымъ министерствомъ, и начальникъ его прямо именовался министромъ. Тотъ же титулъ получило и лицо, состоявшее въ главѣ коммерцъ-коллегіи". Сохранился и проектъ Павла; въ немъ въ основѣ „та же идея, которая выразилась въ учрежденіи министерствъ 1802 года".

[2]) Столѣтіе военнаго министерства, П., 1912, 40—48.

[3]) „Зарожденіе министерствъ въ Россіи и указъ о правахъ сената 8 ст. 1802 г." (Всемірный Вѣстникъ, 1904 г., № 2, 1—23; № 3, 29—42; № 8, 28—52; о Павловскомъ времени см. № 3).

общей системы центральнаго управленія, на примѣрѣ военной коллегіи показалъ, что Павелъ I былъ прямымъ „продолжателемъ работы“ „талантливаго князя Тавриды“ по объединенію военнаго управленія и сосредоточію его вокругъ военной коллегіи; въ этомъ отношеніи Павелъ „довершилъ“ работу Потемкина и близко подошелъ къ учрежденію военнаго министерства.

Наряду съ указанными взглядами появлялись мнѣнія изслѣдователей, въ которыхъ Павловскому времени не придавалось особаго значенія въ дѣлѣ созданія высшаго центральнаго управленія и даже усиливалось то, что раньше сказано было Ѳ. Дмитріевымъ. Такъ, проф. А. Н. Филипповъ въ „Историческомъ очеркѣ образованія министерствъ въ Россіи“ далъ лишь общую характеристику всему XVIII вѣку, не выдвигая времени Павла. Онъ указалъ, что „наименованіе высшихъ агентовъ верховной части министрами появляется въ официальныхъ актахъ уже съ Петра В. и удерживается во весь XVIII вѣкъ“; министры иногда „складывались въ единое министерство, въ кабинетъ“—въ видѣ совѣтовъ при монархѣ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ же изслѣдователь отмѣтилъ, что въ XVIII столѣтіи „министры безъ министерствъ являлись случайными агентами власти, и ихъ отношенія къ коллегіямъ не были, да и не могли быть юридически урегулированы по многимъ причинамъ и прежде всего потому, что коллегіальный и единоличный принципъ смѣшивались въ учрежденіяхъ, разныхъ по типу“ [1]).

Такимъ путемъ проф. А. Н. Филипповъ, изслѣдовавшій вопросъ объ образованіи министерствъ въ Россіи, въ своей краткой характеристикѣ высшаго управленія за XVIII вѣкъ, не останавливается на концѣ вѣка и не придаетъ времени Павла I никакого особаго значенія въ дѣлѣ созданія министерствъ. Гораздо дальше пошли другіе изслѣдователи и писатели. Такъ, Н. К. Шильдеръ, К. Валишевскій и отчасти Е. С. Шумигорскій сообщали о томъ, что высшее управленіе при Павлѣ пришло въ безпорядокъ, „въ хаотическое“ состояніе и оказалось въ видѣ ряда нагроможденныхъ одно на

[1]) Ж. М. Ю., 1902 г., ноябрь, № 9, 43—48.

другое и плохо согласованныхъ между собою учрежденій [1]). Подобная точка зрѣнія нашла отраженіе въ работѣ государствовѣда проф. Э. Н. Берендтса.

„Краткое царствованіе Павла,—говоритъ проф. Э. Н. Берендтсъ,—рѣшившаго мѣрами безпощадной строгости искоренить давнишніе недостатки русской государственной жизни, о которые разбилась желѣзная воля Петра I: волокиту, взяточничество, неправосудіе, непотизмъ,—произвело только безпорядокъ. Административный и судебный строй расшатались окончательно. О законности и послѣдовательности, двухъ главнѣйшихъ потребностяхъ русскаго народа, столь мало удовлетворенныхъ въ теченіе всего XVIII столѣтія, не было рѣчи, да и не могло быть рѣчи въ такое время, въ теченіе котораго государство управлялось приказами на вахтъ-парадахъ и случайными, единичными указами, отмѣнявшими сегодня то, что вчера было предписано. Извѣстно, что Павелъ занялся ломкою учрежденій Екатерины II, думалъ возстановить коллегіи, не приводя возстановленныя, отчасти, коллегіи въ какую-либо связь съ губернскими установленіями, ихъ замѣнившими. Но возстановляя коллегіи, онъ парализовалъ коллегіальное начало, подчинивъ коллегіи единоличной власти главныхъ директоровъ. Возстановленіе коллегій было какъ бы данью уваженія памяти Великаго Прадѣда, но въ то же время это преклоненіе передъ излюбленнымъ Петромъ коллежскимъ порядкомъ не мѣшало созданію двухъ министерствъ, предположенію полнаго преобразованія центральнаго управленія на началѣ единоличномъ, министерскомъ, и сохраненію широкой власти генералъ-прокурора“. „Сенатъ долженъ былъ быть мѣстомъ исключительно судебнымъ“. „Современники вынесли впечатлѣніе, что сенатъ именно въ это царствованіе пережилъ эпоху глубочайшаго униженія“ [2]).

---

[1]) См., напр., К. Валишевскій, Сынъ Великой Екатерины, стр. 220.

[2]) Исторія правительствующаго сената за двѣсти лѣтъ (1711—1911). П., 1911 г., т. III, 5. Приведенный въ текстѣ отрывокъ представляетъ собой въ сущности повтореніе сказаннаго тѣмъ же авторомъ раньше, съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями и дополненіями (см. Опытъ системы административнаго права, т. I, вып. I, стр. 159—161—Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, Ярославль, 1900 г., кн. 79 и отдѣльно).

Такими чертами, въ согласіи съ Шильдеромъ и Валишевскимъ, писалъ о высшемъ управленіи самаго конца XVIII вѣка проф. Берендтсъ. Онъ не замѣчаетъ голословности своей характеристики, не чувствуетъ внутренней несогласованности начальныхъ фразъ о безпорядкѣ и расшатанности строя учрежденій и ихъ ломкѣ съ послѣдующими фразами о возстановленіи однихъ и „созданій“ другихъ учрежденій, близкихъ къ позднѣйшимъ министерствамъ. Это несоотвѣтствіе выступаетъ еще болѣе одной страницей ниже, когда авторъ говоритъ о временахъ Екатерины II и заключаетъ общей фразой: „Русское государственное управленіе къ концу XVIII столѣтія переживало тотъ же самый процессъ, который замѣчался во всѣхъ государствахъ, когда-то послужившихъ для Петра образцами при реформѣ государственнаго административнаго строя... Коллегіи отступали на задній планъ. Министерская система отвоевывала себѣ то мѣсто, котораго требовала энергія управленія въ рукахъ просвѣщенной абсолютной монархіи“. Повторяя Градовскаго о побѣдѣ министерскаго начала надъ коллегіальнымъ, авторъ опускаетъ мысль того же изслѣдователя, что во время Павла сдѣланъ былъ новый шагъ въ смыслѣ подготовки министерствъ, и даже забываетъ то, что онъ самъ сказалъ о власти генералъ-прокурора, главныхъ директоровъ и министровъ, созданныхъ въ царствованіе Павла.

Затронутъ былъ вопросъ о высшемъ управленіи въ Россіи С. П. Покровскимъ въ его книгѣ „Министерская власть въ Россіи“ [1]). С. П. Покровскій пользуется трудами предшествующихъ ученыхъ, преимущественно Градовскаго и Дмитріева, и пытается какъ примирить ихъ между собою, такъ и связать вопросъ объ учрежденіяхъ съ общепринятой точкой зрѣнія на время и дѣятельность Павла I. Авторъ отмѣчаетъ, что уже Екатерина II „придавала большое значеніе личному началу“, „стѣсняла полномочія сената“ и „обходила его участіе во всѣхъ нововведеніяхъ“. Ему кажется „справедливымъ“ „то мнѣніе, что фактически царствованіе Екатерины, наравнѣ съ царствова-

---

[1]) Министерская власть въ Р., Ярославль. 1906, введеніе, 72—87.

ваніемъ Петра Великаго и Николая I, было верхомъ централизаціи, было личнымъ управленіемъ въ полномъ смыслѣ".

„Вступленіе на престолъ преемника Екатерины Павла I, по словамъ автора, сопровождалось крупными переворотами во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія". Павелъ принялся „за отмѣну учрежденій своей матери", и своими привычками и мѣрами строгости „ввелъ только безпорядки и произволъ въ управленіе". Отсюда, казалось, можно было сдѣлать выводъ объ упраздненіи учрежденій и о безпорядочномъ состояніи всего высшаго управленія при Павлѣ. Но авторъ продолжаетъ совсѣмъ въ другомъ духѣ. „Отмѣняя учрежденія Екатерины, Павелъ одного не могъ уничтожить въ нихъ—это личнаго начала, которое глубоко пустило корни во всей системѣ управленія". Это начало, „благодаря личной дѣятельности Павла, должно было взять верхъ". „Сила вещей была уже такова, что вела къ полному торжеству личнаго начала въ управленіи. Министерская почва, слѣдуя Градовскому, говоритъ авторъ, была уже готова, и краткое, но энергическое царствованіе Павла продолжало дѣло Екатерины, не смотря на желаніе произвести ломку во всей системѣ управленія, созданной Екатериной". А дальше авторъ уже по Дмитріеву пишетъ о мѣропріятіяхъ Павла по отношенію къ высшимъ учрежденіямъ, говоритъ объ отсутствіи „ясности и отчетливости" въ организаціи, о запутанности отношеній внутри Павловскихъ министерствъ, такъ и во внѣ, благодаря чему „столкновенія (учрежденій и властей) кончались довольно странно", и приходитъ къ выводу, что „неограниченный произволъ попиралъ всѣ права", „во главѣ управленія стоялъ Императоръ, дѣйствовавшій подъ вліяніемъ увлеченія минуты или упрямства, когда, благодаря этому, государственныя учрежденія должны были обратиться въ послушныя орудія этой воли, не отвѣтственныя ни передъ кѣмъ, кромѣ больной воли Императора, быстро мѣняющей свои рѣшенія". „Дальше идти, заключаетъ авторъ, было некуда, и такой безпорядокъ не могъ продолжаться".

Отсюда видно, что г. Покровскій синтеза не нашелъ и въ своихъ объясненіяхъ порядковъ и состоянія высшаго упра-

вленія при Павлѣ прибѣгнулъ къ обычному пріему,—указанію на болѣзнь Императора.

Вотъ почти все главное, что писалось о высшемъ управленіи конца XVIII вѣка [1]). Изъ приведеннаго мной обзора можно видѣть, что въ литературѣ существуютъ два разныхъ мнѣнія по вопросу о высшемъ управленіи царствованія Павла I: въ то время, какъ одни изслѣдователи выдвигаютъ Павловское время впередъ и считаютъ его періодомъ подготовки министерствъ, другіе, наоборотъ, полагаютъ, что оно, благодаря личной дѣятельности и вмѣшательству въ управленіе самого Императора, внесло лишь безпорядокъ, „хаосъ" въ управленіе и было шагомъ назадъ сравнительно съ временемъ Екатерины II. Къ этому слѣдуетъ прибавить: ни тѣ, ни другіе изслѣдователи не изучали мѣропріятій Павла въ подробностяхъ и дальше самыхъ общихъ указаній въ своихъ построеніяхъ не шли. Это обстоятельство заставляетъ меня изучить высшее управленіе при Павлѣ детально, чтобы потомъ, на основаніи фактическаго матеріала, сдѣлать выводъ о мѣропріятіяхъ времени Павла въ области высшаго управленія. Къ изложенію вопроса по существу я и перехожу.

Предъ умственнымъ взоромъ императрицы Екатерины II въ качествѣ идеала государственнаго устройства носился образъ самодержавной монархіи, сословно-бюрократической, съ сильно развитымъ правительственнымъ механизмомъ. Въ своемъ Наказѣ Императрица для монархіи создала стройную теорію „среднихъ властей", устанавливающихъ прямыя отношенія между верховной властью и управляемымъ обществомъ. По ея мысли, необходимо образовать учрежденія, съ служебной цѣлью—быть „малыми протоками, сирѣчь правительствами, черезъ которые изливается власть государя" [2]), и эти учрежденія, ниспадая и разбѣгаясь въ разныя стороны, должны, очевидно, образовать извѣстную лѣстницу правительственныхъ

[1]) См. также работы: Коркуновъ Н. М., Рус. государ. право, изд. 5-ое, П., 1905, т. II, 178, 232 и др.; Ивановскій В. В., Рус. государ. право, т. I, вып. I, 302—303 (ср. статью „Коллегіальное начало въ министерской организаціи"—Журн. Юр. Общ., 1895, VII, 14—15); бар. Корфъ С. А., Административная юстиція въ Р., П., 1910, т. I, 87 и сл.

[2]) См. Наказъ имп. Екатерины II, ст. 18, 20 и др.

установленій. Вдохновляясь примѣромъ Петра Великаго и отмѣчая, что онъ „премудро“ „учредилъ сенатъ, коллегіи и нижнія правительства“, Екатерина II тотчасъ же добавляетъ съ своей стороны рѣшительно: „итакъ надлежитъ быть правительствамъ“ [1]).

Отсюда можно усмотрѣть, что Императрица рисовала себѣ такое государственное устройство, при которомъ судъ и управленіе „именемъ государя и по закону“ вѣдаютъ „среднія власти“, т. е. учрежденія, но эти среднія власти поздраздѣляются на высшія правительства, какъ сенатъ и коллегіи, и „нижнія правительства“, какъ имъ подчиненныя учрежденія, преимущественно областныя. Значитъ въ существѣ дѣла она признавала необходимыми высшее, добавлю, центральное управленіе и низшее областное.

Въ своей дальнѣйшей дѣятельности императрица Екатерина II реформируетъ и создаетъ не представительныя учрежденія въ видѣ законодательной комиссіи 1767 года, которая по существу была лишь красивымъ жестомъ Екатерины, случайнымъ эпизодомъ ея царствованія, только внѣшно связаннымъ съ общимъ планомъ государственнаго устройства и правительственной программой, а создаетъ губернскія учрежденія, раскинувшіяся широкой сѣтью по имперіи, и, несмотря на присутствіе въ нихъ многочисленныхъ представителей провинціальнаго общества, таившія въ себѣ торжество бюрократическаго начала [2]). Но производя реформу 1775 года, Императрица, съ точки зрѣнія своего идеала государственнаго устройства, осуществляла лишь часть общей программы, такъ какъ, создавая областныя учрежденія, она оставила въ забвеніи высшія центральныя учрежденія.

Не создавая новыхъ высшихъ учрежденій, не приводя въ систему прежнихъ, Екатерина II перемѣщеніемъ многихъ дѣлъ изъ центра на мѣста привела высшее управленіе къ тому,

---

[1]) Статья 99 и 100 Наказа.

[2]) „Отъ политической доктрины Наказа, какъ въ значительной мѣрѣ вѣрно замѣтилъ проф. Ѳ. В. Тарановскій, прямой путь велъ не къ законодательнымъ комиссіямъ съ представительнымъ составомъ..., но къ бюрократическому учрежденію о губерніяхъ“ (см. Сборникъ статей, посвящ. М. Ф. Владимірскому-Буданову. Кіевъ, 1904 г., 85 и др.).

что оно стало ветшать и падать [1]). Совѣтъ Ея В-ва выступалъ только въ качествѣ случайнаго совѣщанія сановниковъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Сенатъ уменьшался въ своемъ значеніи. Коллегіи послѣ реформы 1775 года одна за другой закрываются, такъ что къ концу царствованія императрицы Екатерины II изъ Петровскихъ коллегій налицо оказалось только три: военная, адмиралтейская и иностранныхъ дѣлъ; сохранилась тѣнь вотчинной коллегіи да вновь появились и продолжали оставаться двѣ: медицинская и юстицъ-коллегія лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ. Но такъ какъ, послѣ упраздненія коллегій, остро почувствовалась необходимость въ объединяющихъ опредѣленную область управленія органахъ, то текущая потребность стала удовлетворяться вновь создаваемыми по всякому поводу экспедиціями, канцеляріями, конторами и учрежденіями подъ другими наименованіями, которыя то возникали въ центрѣ, то открывались на мѣстахъ, стягивая къ себѣ опредѣленный родъ дѣлъ.

Такъ, въ 1779—1780 годахъ учреждаются четыре экспедиціи для финансовой части: 1) экспедиція о государственныхъ доходахъ, 2) о государственныхъ расходахъ, 3) для свидѣтельства счетовъ и 4) для взысканія по начетамъ и недоимкамъ [2]). Въ 1780 году—С.-Петербургское и Московское казначейства для остаточныхъ суммъ [3]). Въ 1782 году и позднѣе учреждаются особыя экспедиціи при казенныхъ палатахъ по губерніямъ для свидѣтельства счетовъ, а также экспедиціи для винныхъ и соляныхъ дѣлъ, въ нѣкоторыхъ же губерніяхъ и экспедиціи горныхъ дѣлъ [4]). Въ 1783 году открывается особый комитетъ для управленія театральными зрѣлищами [5]). Въ 1786 году—комиссія о государственныхъ дорогахъ [6]). Въ 1790 году учреждается при государственномъ ассигнаціонномъ банкѣ экспедиція для завѣдыванія гор-

---

[1]) Ср. Градовскаго А. Д., Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры (Собраніе сочиненій, т. I, П., 1899 г., стр. 254, 255 и др.).
[2]) П, С. З., № 15076; ср. 14957, 15040, 15120.
[3]) Тамъ же, № 15039, 15075; ср. 15111.
[4]) П. С. З., № 15318, 15363, 16017, 16285 и др.
[5]) Тамъ же, № 15783.
[6]) Тамъ же, № 16346.

ными заводами [1]). Въ 1795 году—экспедиція для хлѣбныхъ дѣлъ при экспедиціи для свидѣтельства государственныхъ счетовъ [2]). Въ 1796 году комитетъ (8-го мая) для погашенія долговъ и утвержденія государственнаго кредита, со счетной экспедиціей при ней [3]). Кромѣ того, въ тѣ же годы частью учреждены были и открыты, частью расширены рядъ другихъ, то крупныхъ, то мелкихъ экспедицій, комиссій, канцелярій и конторъ.

Все это, однако, въ результатѣ представляло собой частичныя поправки, нѣкоторыя новыя пристройки, производимыя безъ системы, безъ какого-либо заранѣе установленнаго плана. Такое положеніе дало основаніе историку Екатерининскаго времени, Н. Д. Чечулину, сказать, что Императрица по отношенію къ центральному управленію „не только ничего не сдѣлала, но и не подготовила къ нему ничего обширнаго и стройнаго". Въ своихъ указахъ, въ которыхъ она обыкновенно оповѣщала общество о смыслѣ предпринимаемыхъ реформъ и высказывала общіе политическіе и государственные взгляды, Екатерина не сдѣлала никакого указанія на необходимость реформы центральнаго управленія послѣ уничтоженія коллегій, не объявила, конечно, потому, что „самая эта необходимость не представлялась ей ясною, ни тѣмъ болѣе настоятельною" [4]).

Въ конечномъ итогѣ, послѣ реформъ и многихъ измѣненій, Екатерининскія учрежденія напоминаютъ большой домъ, въ которомъ много искусства и вниманія отдано изящнымъ и стильнымъ постройкамъ перваго и второго двора, но передній фасадъ котораго представляетъ собой полуразрушенную безформенную массу разныхъ построекъ, подпорокъ и надстроекъ. Эта картина учрежденій совершенно обратна показной выставочной сторонѣ Екатерининскаго царствованія, съ его порывами къ наружному блеску, къ созданію и украшенію внѣшнихъ формъ придворной жизни.

---

[1]) П. С. З., № 17005.
[2]) П. С. З., № 17412.
[3]) Тамъ же, № 17455, 17457.
[4]) Исторія прав. сената, т. II. 381.

Если въ царствованіе Екатерины II замѣтно стремленіе создать сложный правительственный механизмъ, при которомъ верховной власти приходилось бы на долю лишь общее и отдаленное руководство дѣлами, то въ царствованіе Павла, хотя замѣчается тоже основное стремленіе къ созданію и завершенію системы учрежденій, однако, государю отводится столь обширное поле дѣйствія, что онъ оказывается живымъ и непосредственнымъ центромъ всего законодательства, управленія и суда. Естественнымъ было, въ противовѣсъ времени Екатерины II, сокращеніе и ослабленіе мѣстныхъ учрежденій и развитіе высшихъ центральныхъ, что приводило правительственную машину къ извѣстному равновѣсію и устойчивости.

Судя по Павловскому „наказу" или предначертаніямъ о порядкѣ управленія Россіей, а также по нѣкоторымъ запискамъ Павла объ управленіи вообще, Павелъ, еще будучи цесаревичемъ, составилъ себѣ такое представленіе объ идеальномъ государственномъ устройствѣ для Россіи. Во главѣ всего стоитъ самодержавный Государь, который сосредоточиваетъ въ своей особѣ всю силу верховной власти. При немъ—государевъ совѣтъ, ради „дѣлъ, до государственнаго правленія касающихся", съ совѣщательнымъ значеніемъ, объединяющій дѣла „по всѣмъ частямъ" управленія; а для завѣдыванія отдѣльными вѣтвями управленія, проектировалось учредить семь министерствъ и сенатъ, какъ чисто судебное присутственное мѣсто. Таковы центральныя учрежденія, а ниже ихъ должны стоять областныя учрежденія, „правительства" и „прочія судебныя мѣста".

Когда же Павелъ вступилъ на престолъ, то онъ прежде всего столкнулся съ тѣми многообразными учрежденіями, которыя сложились къ концу царствованія его матери. Необходимо было фактически считаться съ ними. Что касается центральныхъ учрежденій, то въ этой области мѣропріятія Павловскаго царствованія сводятся къ слѣдующимъ главнѣйшимъ путямъ: 1—упраздняются тѣ учрежденія, которыя по своей организаціи или цѣли кажутся неудобными или же излишними; 2—остаются, иногда съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, учрежденія, которыя считаются необходимыми для текущихъ дѣлъ; 3-а) возстановляются прежнія, при чемъ они въ боль-

шей или меньшей степени водоизмѣняются и приспособливаются къ общему теченію внутренней политики, и б) наконецъ, вновь учреждаются мѣста и должности для завѣдыванія какой-либо особой отраслью дѣлъ.

Упразднено было въ Павловское царствованіе 34 учрежденія, въ числѣ которыхъ были какъ большія, такъ и незначительныя [1]).

---

[1]) Вотъ списокъ упраздненныхъ „мѣстъ", составленный на основаніи указовъ П. С. З.; упразднены были:

1—департаментъ генеральнаго штаба (при военной коллегіи)—13 ноября **1796** г. (№ 17549);

2—горная экспедиція при правленіи ассигнаціоннаго банка, въ виду учрежденія бергъ коллегіи, къ которой должны отойти всѣ горныя дѣла—4 декабря (17607);

3—комитетъ, учрежденный при дворѣ 8 мая 1796 г., со всѣми мѣстами, къ нему относящимися, кромѣ счетной экспедиціи для разбора и расчета государственныхъ долговъ, которая поручается въ вѣдомство *А.* Васильева—10 декабря (17627);

4—6—комиссія о строеніи С.-Петербурга, Москвы и другихъ городовъ, учрежденная въ 1762 г.; комиссія о коммерціи, учрежденная въ 1763 г., и комиссія о дорогахъ въ государствѣ (1786 г.), а вмѣстѣ съ нею и особыя дорожныя экспедиціи при казенныхъ палатахъ—21 декабря (17670);

7—комиссія строенія южныхъ крѣпостей и Одесскаго порта, находившаяся въ б. Вознесенской губ.—26 декабря (17686);

8—контора Исаакіевской церкви—26 декабря (17687);

9—контора Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря (уничтожена, какъ самостоятельное учрежденіе, и подчинена совѣту Общества благородныхъ дѣвицъ)—31 декабря (17701);

10—22—контора Спб. провіантскаго запасного магазина; контора главнаго кригсъ-комиссаріата въ С.-Петербургѣ; контора военная въ Москвѣ; комиссія о расхищенныхъ въ главномъ кригсъ-комиссаріатѣ деньгахъ; контора артиллерійская и фортификаціонная въ Москвѣ; контора провіантская въ Москвѣ; контора Кронштадскаго Петра I Великаго канала; духовная комиссія въ С.-Петербургѣ; комиссія свидѣтельства счетовъ по бытности директоромъ академіи (наукъ, съ 1775 по 1782) Домашнева; комиссія о разобраніи въ Спб. крѣпости дѣлъ; комиссія строенія Рижской гавани; комиссія Кронштадской каменной гавани; контора строенія адмиралтейства—21 января **1797** г. (17750);

23—25—экспедиціи по винной и соляной частямъ, находящіяся при экспедиціи о государственныхъ доходахъ (въ виду возстановленія камеръ-коллегіи и главной соляной конторы); камеръ-коллежскій деп—тъ въ Москвѣ для рѣшенія старыхъ дѣлъ (дѣла направить въ возстановленную камеръ-коллегію)—23 февраля (17826);

26—монетная экспедиція въ Москвѣ, вѣдавшая дѣла о расчетахъ по денежнымъ мѣднымъ передѣламъ (дѣла возложить на возстановленную бергъ-контору)—23 марта (17887);

27—контора учрежденной при Днѣпрѣ въ Кичкасахъ верфи (дѣла и чиновъ передать въ распоряженіе адмиралтействъ—коллегіи)—28 іюля (18056);

Остаются въ прежнемъ положеніи, хотя и приспособляются къ общему направленію Павловскаго царствованія, совѣтъ, сенатъ, коллегіи и нѣкоторыя другія учрежденія; изъ высшихъ должностныхъ лицъ—генералъ—прокуроръ. Возстанавливаются упраздненныя Екатериной II бергъ, мануфактуръ, камеръ и коммерцъ-коллегіи, главная соляная контора и другія; наконецъ, вновь учреждаются: министерство удѣловъ, департаментъ водяныхъ коммуникацій, римско-католическій департаментъ, экспедиція государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства и рядъ другихъ болѣе мелкихъ учрежденій, частью самостоятельныхъ, частью поставленныхъ въ зависимость отъ существующихъ установленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, появляются должности, которымъ вручается завѣдыванье какой-либо отраслью дѣлъ; напр., государственный казначей, которому поручены были финансовыя дѣла.

Чтобы отчетливѣе представить себѣ всю систему центральныхъ учрежденій въ Павловское время и дѣятельность ихъ, я останавлюсь на каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, прослѣжу тѣ измѣненія, которыя произошли съ тѣмъ и дру-

---

28—Аннинскій монетный дворъ (предложеніе бергъ коллегіи, чиновъ и мастеровыхъ перевести большею частью въ Екатеринбургскій монетный дворъ)—5 января 1798 г. (18307);

29—комиссія въ Токаѣ для закупки и доставленія ко двору винъ (комиссія состояла изъ кап. Горева и при немъ трехъ солдатъ)—23 января (18337);

30—комиссія, учрежденная ген.-фельдмаршаломъ гр. Эльмпомъ; отсюда общее распоряженіе: всѣ комиссіи въ государствѣ, учрежденныя безъ Высоч. повелѣнія, упраздняются и запрещается впредь таковыя учреждать—29 января (18354);

31—камеръ-контора лифл., эстлянд. и финл. дѣлъ въ СПбургѣ (за ненужностью, т. к. дѣла переданы въ казенныя палаты, а счеты ревизуются экспедиціей госуд. счетовъ, благодаря чему К.-К. „съ давняго времени занимается только остаткомъ необривизованныхъ старыхъ счетовъ и описью архивы“, тогда какъ по штату 1763 г. на ея содержаніе отпускается 7940 р. въ годъ)—25 февраля (18397);

32—комиссія для свидѣтельства счетовъ и разсмотрѣнія претензій по большей Средиземной флотиліи (за окончаніемъ свидѣтельства)—27 марта (18459);

33—экспедиція для разбора внутреннихъ государственныхъ долговъ (въ виду окончанія порученнаго разбора, за исключеніемъ небольшого числа дѣлъ)—19 февраля 1799 (18864);

34—контора бывшаго Московскаго банка для дворянства, оставленная указомъ 1786 г. для счета похищенныхъ въ ней денегъ—5 ноября 1800 г. (19632; ср. Сен. Арх., I, 669; Опись докум. и дѣлъ, отд. III, т. III, № 2449).

гимъ учрежденіямъ въ самомъ устройствѣ или компетенціи его и вкратцѣ охарактеризую въ конкретномъ изложеніи тотъ кругъ дѣлъ, который принадлежалъ каждому учрежденію. Только такой обзоръ, по моему мнѣнію, и можетъ дать надежный матеріалъ для общаго заключенія о состояніи высшаго управленія въ концѣ XVIII вѣка и о значеніи Павловскаго царствованія для послѣдующей судьбы центральныхъ учрежденій. Въ этомъ обзорѣ будутъ затронуты: 1) совѣтъ Его Величества; 2) сенатъ и генералъ-прокуроръ; 3) синодъ, коллегіи и другія высшія учрежденія, имѣвшія общегосударственное значеніе.

1. Совѣтъ Его Величества.

Документальныя данныя о совѣтѣ Его Величества впервые были опубликованы въ 1888 году, въ изданіи подъ названіемъ: „Архивъ государственнаго совѣта", гдѣ во II томѣ напечатаны какъ протоколы совѣта, такъ и документы, относившіеся къ предмету сужденій совѣта, за 1796—1801 годы, за время Павловскаго царствованія [1]). Тексту матеріаловъ предпосланъ былъ краткій очеркъ (въ 8 страницъ) о совѣтѣ, въ немъ затронуты личный составъ, канцелярія, порядокъ засѣданій, дѣлопроизводство и предметы занятій совѣта. Въ теченіе всего царствованія Павла Петровича, читаемъ въ этомъ обзорѣ, совѣтъ „продолжалъ существовать, какъ установленіе постоянное, съ внѣшней стороны въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ образованъ наказомъ 17 ноября 1769 г. императрицею Екатериною II, но прежнее его значеніе, ближайшей къ государю совѣщательной коллегіи, сохранилось за нимъ недолго". Хотя императоръ Павелъ изъявилъ намѣреніе расширить кругъ вѣдомства совѣта порученіемъ ему разсматривать важнѣйшія государственныя дѣла и въ 1796—1797 г. „занятія совѣта, по множеству и разнообразію обсуждавшихся въ немъ предметовъ, были довольно обширны, но затѣмъ

[1]) Архивъ государ. совѣта, т. II. Совѣтъ въ царствованіе императора Павла I (1796—1801 г.г.). П., 1888 г.

число поступившихъ въ него дѣлъ стало постепенно сокращаться, а къ концу царствованія совѣтъ собирался почти исключительно для цензуры [1]) иностранныхъ книгъ и рукописей на отечественномъ языкѣ". „Въ итогѣ, съ новымъ царствованіемъ, совѣтъ не получилъ предполагавшагося развитія".

Такая характеристика Павловскаго совѣта оказала сильнѣйшее вліяніе на послѣдующую литературу; изслѣдователи, рѣдко заглядывая въ протоколы совѣта, съ разными варьяціями повторяли то, что было сказано въ предисловіи II тома „Архива государственнаго совѣта". Такъ, проф. В. Е. Щегловъ въ изслѣдованіи о государственномъ совѣтѣ писалъ: „Положеніе совѣта въ управленіи было неодинаково въ первое и послѣднее время царствованія Павла: сначала въ совѣтѣ рѣшались многія важныя государственныя дѣла, но къ концу царствованія дѣятельность совѣта ограничивалась, главнымъ образомъ, цензурой иностранныхъ и русскихъ книгъ" [2]).

В. А. Гагенъ въ очеркѣ объ отношеніи сената къ высшимъ государственнымъ установленіямъ такъ говоритъ о „совѣтѣ при Высочайшемъ дворѣ" за Павловское время: совѣтъ „сперва игралъ видную роль при императорѣ Павлѣ I въ сферѣ законодательства, но къ концу его царствованія занимался главнымъ образомъ цензурою иностранныхъ и русскихъ книгъ" [3]).

Въ томъ же коллективномъ изданіи („Исторія прав. сената"), гдѣ напечатано изслѣдованіе В. А. Гагена, другой авторъ, бар. А. Э. Нольде оказался болѣе рѣшительнымъ въ своемъ сужденіи о совѣтѣ [4]). Совѣтъ, писалъ онъ, „существовалъ и при Павлѣ исключительно, какъ совѣщательная коллегія при

---

[1]) Насколько вѣрно такое указаніе, нѣкоторый отвѣтъ даетъ „роспись бумагамъ совѣтскимъ" 1801 г., гдѣ кромѣ нѣсколькихъ писемъ и бумагъ, относящихся къ цензурѣ, помѣщены: а) письмо генералъ-прокурора, отъ 24 февр. съ выпискою и счетами, относящимися къ суммамъ, ввѣреннымъ кн. Г. А. Потемкину; б) тоже, отъ 26 февр. съ докладомъ коммерцъ-коллегіи и др. бумагами по предположенной перемѣнѣ нѣкоторыхъ статей тарифа; в) то же, отъ 8 марта, съ докладомъ бергъ-коллегіи о грузинскихъ горныхъ заводахъ, и г) записка Державина, съ повѣркой отчета бар. А. Васильева (*Арх. государ. совѣта*, протоколы совѣта, № 20, л. 280—281).

[2]) В. Г. Щегловъ, Государственный совѣтъ въ царствованіе Императора Александра I; т. II, вып. I, Ярославль, 1895 г., стр. 144 и сл.

[3]) „Исторія прав. сената", т. III, стр. 195.

[4]) Тамъ же, т. II, стр. 705.

государѣ, къ тому же не имѣвшая почти никакого вліянія на дѣла"; а въ примѣчаніи добавилъ: „цензура книгъ составляла довольно значительную отрасль" „дѣятельности совѣта".

Еще дальше пошелъ въ томъ же направленіи офиціальный очеркъ о государственномъ совѣтѣ, составленный чинами государственной канцеляріи въ 1901 году. Въ этомъ очеркѣ совсѣмъ нѣтъ упоминанія о совѣтѣ за Павловское время, и совѣтъ царствованія Александра I прямо приводится въ связь съ совѣтомъ Екатерининскаго времени, минуя промежуточное царствованіе Павла [1]).

При такомъ положеніи спеціальной литературы неудивительно, что въ общихъ курсахъ по исторіи права о Павловскомъ совѣтѣ или повторяется то, что было когда-то сказано въ предисловіи ко II тому „Архива государственнаго совѣта" или же онъ совсѣмъ опускается при изложеніи. Такъ В. Н. Латкинъ, съ нѣкоторой оговоркой въ примѣчаніи, въ своемъ учебникѣ о совѣтѣ говоритъ: „Послѣдній продолжалъ свое существованіе и въ царствованіе Павла, хотя значеніе его было крайне умалено, во-первыхъ, потому, что за нимъ осталась только одна функція, а именно цензура, всѣ же остальныя не входили болѣе въ составъ его компетенціи, вовторыхъ, потому, что государь почти не присутствовалъ на его засѣданіяхъ", и, втретьихъ, потому, что онъ созывался крайне рѣдко" [2]). А. Н. Филипповъ же въ своемъ учебномъ руководствѣ совсѣмъ не написалъ ни строчки о совѣтѣ Павловскаго времени [3]).

---

[1]) Въ „введеніи" къ очерку читаемъ: Екатерина II „въ ноябрѣ 1868 г. въ виду предстоящей войны съ Турціей, учредила при своемъ дворѣ и подъ своимъ предсѣдательствомъ совѣтъ, временный и негласный, подобный Елисаветинской конференціи, для обсужденія всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ, возбуждаемыхъ начавшейся войной. Этотъ совѣтъ дѣйствовалъ до начала царствованія императора Александра I... Его существованіе не было упрочено учредительнымъ актомъ, такъ что онъ, просуществовавъ 32 года, всегда оставался временнымъ; его компетенція не была установлена опредѣленнымъ законоположеніемъ. Онъ служилъ личнымъ вспомогательнымъ средствомъ законодательной дѣятельности Императрицы. Потому императоръ Александръ I въ указѣ объ упраздненіи этого совѣта сказалъ о немъ, что онъ носилъ одно имя государственнаго учрежденія" (Государственный совѣтъ 1801—1901 гг.; составлено государственной канцеляріей. П., 1902 г., III—IV стр.).

[2]) В. Н. Латкинъ, Учебникъ исторіи русскаго права; 2-ое изданіе. П., 1909 г., 332—333.

[3]) А. Н. Филипповъ, Исторія русскаго права, 5-ое изд., Юрьевъ, 1914 г.

Все это говоритъ какъ будто въ пользу того, что въ устройствѣ совѣта за Павловское время не произошло никакихъ измѣненій сравнительно съ предыдущимъ, значеніе его столь ничтожно, что и говорить о немъ не приходится. Такое положеніе литературы заставляетъ меня нѣсколько подробнѣе остановиться на совѣтѣ Его Величества, на его устройствѣ и дѣятельности за время съ 1796 по 1801 годъ.

По проекту Павла объ устройствѣ государственнаго управленія при особѣ государя долженъ находиться совѣтъ. Въ составъ его входятъ министры 7 департаментовъ (или министерствъ), а такъ-же вице-канцлеры. Совѣтъ — учрежденіе строго законосовѣщательное, въ которомъ лишь обсуждаются дѣла, вносимыя министрами. „Совѣтъ, по словамъ Павла, мѣсто не законодательное, а единственно для въ помощь и сношеніе какъ государю, такъ и министрамъ". Ни своей инищіативы, ни строго опредѣленной компетенціи совѣтъ, по мысли Павла, не долженъ имѣть, очевидно, чтобы никакимъ образомъ не умалять власти самого государя. „Совѣту себѣ дѣлъ не присвоять, а разсматривать представленныя министромъ того департамента, какого рода дѣла". Однако, и въ самомъ моментѣ внесенія дѣлъ въ совѣтъ инициатива министровъ стѣснена: они должны вносить дѣла лишь „съ повелѣнія государя" [1]).

Таковымъ долженъ быть совѣтъ по проекту Павла, именно учрежденіемъ строго законовѣщательнымъ, поставленнымъ въ полную зависимость отъ воли государя.

Обращаясь къ личному составу совѣта, видимъ, что Павелъ унаслѣдовалъ совѣтъ отъ своей матери съ составомъ изъ 7 лицъ; то были: гр. Н. И. Салтыковъ, гр. И. А. Остерманъ, гр. А. А. Безбородко, гр. А. Н. Самойловъ, гр. В. П. Мусинъ-Пушкинъ, гр. П. В. Завадовскій и С. Ѳ. Стрекаловъ.

Въ теченіе своего царствованія императоръ Павелъ вновь назначилъ въ члены совѣта наслѣдника цесарича Александра Павловича и 16 новыхъ лицъ; то были: генералъ-фельдмар-

---

[1]) Сборн. И. Рус. Ист. Общ., т. 90, стр. 2—3.

шалъ кн. Н. В. Репнинъ, вице-канцлеръ кн. Александръ Куракинъ, государственный казначей А. И. Васильевъ, генералъ-прокуроръ кн. Алексѣй Куракинъ, президентъ-бергъ-коллегіи М. Ѳ. Соймоновъ, управляющій водными сообщеніями гр. Яковъ Сиверсъ, генералъ-прокуроръ П. В. Лопухинъ, (Московскій военный губернаторъ) генералъ-отъ-инфантеріи кн. Долгоруковъ, генералъ-прокуроръ А. А. Беклешевъ, президентъ коммерцъ-коллегіи кн. Г. П. Гагаринъ, генералъ-прокуроръ П. Обольяниновъ, вице-президентъ адмиралтейской коллегіи адмиралъ гр. Кушелевъ, главно-управляющій коллегіей ин. дѣлъ гр. Ростопчинъ, членъ коллегіи ин. дѣлъ С. П. гр. Румянцевъ, государственный казначей Г. Р. Державинъ и С.-Петербургскій военный губернаторъ гр. фонъ-деръ-Паленъ.

Изъ этихъ 16 лицъ четверо (Репнинъ, Сиверсъ, Долгоруковъ и Паленъ), а строго говоря, только двое (Репнинъ и Долгоруковъ) не принадлежали къ лицамъ, занимающимъ министерское положеніе, остальные же 14 занимали главныя мѣста въ сенатѣ (генералъ-прокуроръ), въ коллегіяхъ, въ казначействѣ и подходили подъ ту категорію „министровъ", которыми Павелъ въ своемъ проектѣ предполагалъ заполнить совѣтъ. Итакъ, по своему составу, „Высочайшій совѣтъ" времени Павла, за нѣкоторымъ исключеніемъ, отвѣчалъ тому предначертанію, которое набросалъ для этого учрежденія императоръ Павелъ. Разница была, однако, та, что не всѣ „министры" и „вице-канцлеры" ex officio занимали мѣста въ совѣтѣ, они лишь представляли собой тотъ кругъ лицъ, изъ которыхъ Павелъ вербовалъ свой совѣтъ путемъ отдѣльныхъ назначеній; любопытно также отмѣтить, что то лицо, которое въ данный моментъ занимало должность генералъ-прокурора, перваго „министра" въ имперіи, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ главныя нити управленія, всякій разъ получало назначеніе и въ совѣтъ.

Кромѣ лицъ, постоянно засѣдавшихъ въ совѣтѣ, въ отдѣльныхъ случаяхъ въ него приглашали и другихъ лицъ ради полученія отъ нихъ какихъ-либо свѣдѣній и выслушиванія ихъ мнѣній. Въ такой роли выступали, напр., тайн. сов.

А. Саблуковъ, статсъ-секретарь Неплюевъ, С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ Архаровъ и президентъ коммерцъ-коллегіи кн. Гагаринъ до своего назначенія въ совѣтъ [1]); можно указать, наконецъ, исключительный случай, когда, по особому Высочайшему повелѣнію, на засѣданіе совѣта явилось „по выбору С.-Петербургскаго городского общества" нѣсколько человѣкъ купцовъ, „знающихъ состояніе россійской торговли" [2]).

Въ отношеніи компетенціи положеніе совѣта было неопредѣленное: въ него поступали только тѣ дѣла, которыя направлялись въ него соизволеніемъ Государя. Всякій разъ необходимо было особое Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы такое-то или другое дѣло было разсмотрѣно въ совѣтѣ. Высочайшія повелѣнія объявлялись совѣту вице-канцлеромъ, генералъ-прокуроромъ или членами совѣта, каждымъ по предмету своего вѣдомства, а иногда статсъ-секретаремъ [3]). Такъ президентъ коммерцъ-коллегіи кн. Гагаринъ объявилъ Высочайшее повелѣніе 15 окт. 1799 г.—разсмотрѣть въ совѣтѣ его проектъ о заселеніи мѣстности между Байкаломъ и Кяхтой отставными солдатами, крѣпостными крестьянами и прочими въ интересахъ развитія хозяйства, промышленности и торговли [4]). Адмиралъ гр. Г. Г. Кушелевъ, вице-президентъ адмиралтейской коллегіи, объявилъ 22 января 1800 г. генералъ-прокурору, а тотъ совѣту Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы совѣтъ разсмотрѣлъ въ ближайшемъ засѣданіи положеніе, выработанное въ лѣсномъ департаментѣ, о сборѣ съ барокъ и рѣчныхъ судовъ, построенныхъ изъ казеннаго лѣса, особаго налога вмѣсто попенныхъ денегъ [5]).

---

[1]) Архивъ Государств. Совѣта, т. II, 143, 233, 243 и 551.

[2]) А именно: именитые граждане: с.-петербургскій Иванъ Кусовъ, вологодскій Иванъ Большой Лаптевъ и купцы 1-ой гильдіи: Николай Меньщиковъ, Ефимъ Галибинъ, Николай Бахъ и Яковъ Мольво. Они были призваны, дабы „могли представить свои замѣчанія касательно пошлины, коею и цѣновые товары обложить предполагается, для приведенія вступающаго съ нихъ въ казну сбора по таможнѣ въ вящшую ясность" (Тамъ же, 133).

[3]) Неплюевымъ, напр.—Архивъ государ. совѣта, т. II, стр 223.

[4]) Тамъ же, 571.

[5]) Тамъ же, 301 и сл.; ср. *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 2501, л. 1—письмо гр. Кушелева отъ 22 янв., съ изложеніемъ Высочайшаго повелѣнія.

Подобныя черты совѣта какъ возстановляютъ прежній обликъ совѣта Екатерининскаго времени, такъ и вполнѣ отвѣчаютъ мысли Павла о томъ, чтобы дѣла вносились въ совѣтъ министрами по принадлежности и не иначе, какъ съ повелѣнія государя.

Итакъ, совѣтъ, не имѣя своей особой компетенціи, разсматривалъ только тѣ дѣла, которыя болѣе или менѣе случайно вносились въ него по ходатайству министровъ и по Высочайшимъ повелѣніямъ. Каковъ былъ порядокъ внесенія дѣлъ и обсужденія ихъ въ совѣтѣ, покажетъ слѣдующій примѣръ. Главный директоръ бергъ-коллегіи Соймоновъ выработалъ нѣсколько проектовъ относительно устройства горныхъ дѣлъ и заводовъ и представилъ ихъ на Высочайшее усмотрѣніе. Павелъ, въ виду сложности дѣла и новизны нѣкоторыхъ предложеній Соймонова, приказалъ (2-го ноября 1800 г.) передать вопросъ на обсужденіе совѣта. Генералъ-прокуроръ Обольяниновъ запросилъ вел. князя Александра Павловича, когда онъ, какъ предсѣдательствующій въ совѣтѣ, назначитъ собраніе [1]). Засѣданія, посвященныя обсужденію горныхъ дѣлъ, состоялись 5-го и 9-го ноября, а затѣмъ мнѣнія совѣта были доложены, повидимому, генералъ-прокуроромъ Государю, получили Высочайшее утвержденіе и были опубликованы въ видѣ именного указа сенату [2]).

Посредниками между Государемъ и совѣтомъ были: первоначально (до августа 1798 г.) вице-канцлеръ Александръ Куракинъ, а потомъ генералъ-прокуроры: они объявляли Высочайшія повелѣнія совѣту, подносили Государю журналы засѣданія и объявляли резолюціи по нимъ. Но докладывали Государю о постановленіяхъ совѣта и другія лица: канцлеръ А. А.

---

[1]) На реестрѣ поступившихъ въ совѣтъ бумагъ, касающихся горной части, рукою Обольянинова написано: „Высочайше повелѣно быть собранію совѣта, о томъ донесть Наслѣднику, когда назначитъ присутствіе"; ноября 2-го дня 1800 г. (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 2255, л. 5).

[2]) Архивъ госуд. совѣта, т. II, 415—420; ср. подобный же порядокъ при обсужденіи въ совѣтѣ вопроса о вывозѣ хлѣба за-границу—581—588.

См. указъ 9-го ноября 1800 г.—объ укомплектованіи горныхъ заводовъ непремѣнными работниками и о прочемъ—П. С. З., № 19641.

Безбородко, статсъ-секретарь Неплюевъ, президентъ коммерцъ-коллегіи кн. Гагаринъ [1]).

Если разсмотрѣть дѣятельность совѣта на основаніи сохранившагося дѣлопроизводства за все время царствованія Павла I, то окажется, что эта дѣятельность была довольно разносторонней. Всѣ тѣ дѣла, которыя проходили черезъ совѣтъ, можно подраздѣлить на 4 слѣдующія группы: дѣла международныя, финансовыя, дѣла по управленію и судебныя.

Изъ дѣлъ, относящихся къ внѣшней политикѣ, слѣдуетъ упомянуть „министерскія донесенія" заграничныхъ пословъ, съ сообщеніемъ о событіяхъ и политикѣ иностранныхъ государствъ. Эти донесенія выслушивались членами совѣта въ 1796—1799 годахъ въ теченіе 55 засѣданій, однако, никакого постановленія по нимъ не дѣлалось, они были выслушиваемы лишь „во извѣстіе", такъ что роль совѣта въ этомъ отношеніи была совершенно пассивной; цѣль подобныхъ чтеній, видимо, только освѣдомительная. Можно попутно отмѣтить, что, когда читался, напр., союзный трактатъ 1799 года между Россіей и Портой Оттоманской, то онъ былъ прочитанъ цѣликомъ съ „принадлежащими къ нему сепаратными и секретными артикулами" [2]). Въ совѣтѣ въ 1800 году разсматривался вопросъ о присоединеніи Грузіи. Совѣтъ высказался за присоединеніе въ интересахъ внутренняго спокойствія самой Грузіи и безопасности предѣловъ россійскихъ [3]).

Къ дѣламъ же внѣшнимъ, но касающимся преимущественно финансовой стороны, относятся слѣдующія дѣла, которыя довольно внимательно разсматривались въ совѣтѣ: а) претензіи по флотиліи, бывшей въ Средиземномъ морѣ во 2-ую Турецкую войну при императрицѣ Екатеринѣ II (Архипелагская экспедиція); б) объ усиленіи торговыхъ сношеній съ Хивою, Персіей и Китаемъ [4]). Таковы немногія дѣла, кото-

---

[1]) Архивъ госуд. совѣта, II, 125, 135, 223.

[2]) Тамъ же, II, 591—599.

[3]) Архивъ государственнаго совѣта, II, 881 — 882; ср. П. С. З., № 19721 19770.

[4]) Тамъ-же, 599 — 880; ср. П. С. З., № 18447. 18792, 19327 и 19328.

рыя, будучи связаны съ иностранной политикой Россіи, находившейся въ вѣдѣніи коллегіи иностранныхъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе поступали на разсмотрѣніе совѣта Его И. Величества.

Дѣла военныя совсѣмъ не обсуждались въ совѣтѣ, лишь однажды (10 ноября 1796 года) на засѣданіи прочитанъ былъ указъ объ отмѣнѣ рекрутскаго набора „для свѣдѣнія“ [1]). Почти такимъ же было отношеніе совѣта и къ судебнымъ дѣламъ; всего одинъ разъ, правда, въ теченіе трехъ засѣданій, онъ входилъ въ обсужденіе спора объ имуществѣ между полковникомъ Ланскимъ и его сестрами, спора, находившагося до того на разсмотрѣніи третейскаго суда [2]). Главную же основу дѣятельности совѣта составляли дѣла финансовыя и дѣла по управленію.

Изъ дѣлъ финансовыхъ въ совѣтѣ былъ обсуждаемъ вопросъ о фабрикахъ и заводахъ, при чемъ о фабрикахъ, въ особенности о суконныхъ, совѣтъ, согласно Высочайшей волѣ, собиралъ свѣдѣнія черезъ генералъ-прокурора, дабы выработать мѣры къ умноженію и усовершенствованію издѣлій фабричной промышленности [3]). Въ одномъ частномъ случаѣ, когда ситцевые фабриканты Фрезе и вдова Лиманъ ходатайствовали о полномъ запрещеніи ввоза въ имперію ситцевыхъ товаровъ, совѣтъ высказался противъ подобной мѣры, такъ какъ эта мѣра могла бы повести къ уменьшенію таможеннаго дохода и къ повышенію цѣнъ на товаръ къ невыгодѣ „публики“ и къ „единственному обогащенію“ фабрикантовъ (131).

Въ отношеніи заводовъ въ апрѣлѣ и маѣ 1800 года въ совѣтѣ разсматривался вопросъ о сдачѣ на откупъ казенныхъ заводовъ частнымъ лицамъ, и совѣтъ послѣ разносторонняго обсужденія этого вопроса пришелъ къ компромис-

---

[1]) Тамъ-же, 61. Впрочемъ, нѣкоторое отношеніе къ снабженію арміи хлѣбомъ имѣлъ вопросъ объ отмѣнѣ хлѣбной подати (61) и договоръ казны съ купцомъ Тередасовымъ по доставкѣ для войскъ провіанта (525).

[2]) Архивъ государ. совѣта, II, 569 — 571; засѣданія 17 и 31 янв. 1799 г. и 25 янв. 1800 г. Ср. Опись, отд. III, т. III, № 1836.

[3]) Тамъ-же, 419 и сл. Ср. Опись докум. и дѣлъ, отд. III, т. I, № 204.

сному рѣшенію его [1]). А нѣсколько мѣсяцевъ спустя черезъ совѣтъ прошелъ договоръ объ отдачѣ купцу Кнауфу Лугининскихъ горныхъ заводовъ въ вѣчное содержаніе [2]). Вообще говоря, горное дѣло было предметомъ особаго вниманія совѣта: въ 1797 году въ немъ обсуждался проектъ о мѣрахъ къ умноженію прінсковъ горныхъ рудъ, и рѣшено было немедленно отправить нѣсколько партій горныхъ офицеровъ, преимущественно на Уралъ [3]); въ томъ же году и позднѣе обсуждаются и утверждаются мѣры къ разработкѣ каменнаго угля въ Боровичахъ [4]); затѣмъ совѣтъ, по обсужденіи записки государственнаго казначея о новыхъ ассигнованіяхъ на расширеніе производства выдѣлки металловъ на казенныхъ Пермскихъ и Вятскихъ заводахъ, призналъ такое ассигнованіе „нужнымъ", о чемъ и было доведено до свѣдѣнія Государя (347 — 350); въ 1800 году черезъ совѣтъ проходятъ представленія, выработанныя бергъ-коллегіей, относительно самой коллегіи и горныхъ начальствъ, а также заводовъ, въ томъ числѣ Луганскаго литейнаго завода, который, какъ и другіе подобные, постановлено укомплектовать, вмѣсто приписки крестьянъ, постоянными мастеровыми [5]), и наконецъ, совѣтъ присоединился къ докладу кабинета и бергъ-коллегіи о мѣрахъ къ поддержанію завода и рудника вдовъ Сибиряковыхъ и о выдачѣ имъ „на пропитаніе" денегъ „въ уваженіе бѣднаго ихъ состоянія" и „въ надеждѣ возврата серебромъ изъ рудъ ихъ" (417 — 420).

О соляномъ промыслѣ въ совѣтъ внесена была записка относительно Саратовскихъ и Камышенскихъ соляныхъ возщиковъ, которыхъ предположено было приписать къ Эльтонскому озеру, избавить отъ рекрутскихъ наборовъ и государственныхъ повинностей и надѣлить землей; совѣтъ, присоединившись къ запискѣ, отмѣтилъ, что „толико полезное устрое-

---

[1]) См. объ этомъ ниже, въ главѣ, гдѣ говорится о бергъ-коллегіи.

[2]) Архивъ государ. совѣта, II, 401 и сл. П. С. З., № 19583. См. такъ-же Опись докум. и дѣлъ, отд. III, т. II, № 1711 и 1781; т. III, № 2500.

[3]) Архивъ государ. совѣта, II, 316 — 330; ср. П. С. З., № 18903.

[4]) Архивъ государ. совѣта, II, 330 — 346, 350 — 359; ср. П. С. З., № 18148 и 18639.

[5]) Архивъ государ. совѣта, II, 415 — 418; П. С. З., № 19641.

ніе соляной возки хозяйственнымъ образомъ учинено усердіемъ“ д. с. с. Нелидова и надв. сов. Огарева, и поручалъ ихъ Высочайшей милости, результатомъ чего была награда тому и другому [1]).

По отношенію къ лѣсамъ 24 ноября 1796 года совѣту было объявлено Высочайшее повелѣніе — представить свое „мнѣніе о сбереженіи всѣхъ лѣсовъ въ Россіи лучше прежняго и на установленныхъ о томъ правилахъ“; вскорѣ совѣтомъ были собраны свѣдѣнія о законодательствѣ по поводу лѣсовъ и о состояніи ихъ ко времени царствованія Павла I, а также читана записка адмирала Пущина о сбереженіи лѣсовъ и пеньки (278 — 302). Но, повидимому, совѣтъ никакого постановленія по этому поводу не сдѣлалъ, и вопросъ о лѣсахъ былъ переданъ на разсмотрѣніе адмиралтейской коллегіи и лѣсного департамента. Въ 1800 году въ совѣтѣ разсматривалось положеніе, выработанное лѣснымъ департаментомъ, о сборѣ съ барокъ и прочихъ рѣчныхъ судовъ, выстроенныхъ изъ казеннаго лѣса, вмѣсто собираемыхъ съ нихъ попенныхъ денегъ (302 — 311). На этомъ основаніи былъ составленъ и изданъ по запискѣ адмиралтействъ—коллегіи указъ 20 февр. 1800 года [2]).

Къ вопросу о винокуреніи и питейной продажѣ относится Высочайшее повелѣніе 27 ноября 1796 года о томъ, чтобы совѣтъ „вошелъ въ разсмотрѣніе той пропорціи, какая должна быть между виномъ и хлѣбомъ по единственной надобности количества вина для продовольствія народнаго и съ обращеніемъ того остатка хлѣба въ свою хлѣбную дистанцію и о расположеніи на другія вещи въ замѣну убыли въ винномъ доходѣ по возможности въ томъ“. Совѣтъ, по собраніи свѣдѣній о количествѣ распроданнаго вина и уродившагося хлѣба въ 1795 году и по обсужденіи, находилъ, что установившееся отношеніе между количествомъ хлѣба, изъ котораго выкуривается вино (около 3-хъ милліоновъ четвертей хлѣба), и общимъ количествомъ урожая (около 140 мил-

---

[1]) Арх. госуд. совѣта, II, 421 — 424.

[2]) См. П. С. З., № 19285.

ліоновъ четвертей), складывается вполнѣ благопріятно, такъ что хлѣба хватитъ на пропитаніе, на посѣвъ и даже на вывозъ за границу (73 — 95), а значитъ и нѣтъ необходимости принимать какія либо ограничительныя мѣры по отношенію къ винокуренію.

Изъ дѣлъ, относящихся къ торговлѣ, совѣтъ разсматривалъ нѣсколько вопросовъ, связанныхъ съ тарифомъ; совѣтъ пересмотрѣлъ весь тарифъ, изданный 16-го сент. 1796 года, внесъ въ него нѣкоторыя небольшія измѣненія, въ особенности въ отношеніи англійскихъ товаровъ, о чемъ хлопоталъ англійскій посолъ Витвортъ, и подалъ Государю проектъ къ утвержденію. За небольшимъ исключеніемъ, мнѣніе совѣта было апробовано; исключеніе касалось французскихъ суконъ, о которыхъ Павлу было угодно — ввозъ ихъ „вообще запретить, окромѣ особаго о томъ разрѣшенія“ [1]). Въ 1797 и 1799 году черезъ совѣтъ прошло учрежденіе, въ цѣляхъ расширенія торговли, Россійско-Американской компаніи (514—526), а также вопросы о развитіи торговли, какъ мной указано выше, съ Китаемъ, Хивой и Персіей.

Не разъ совѣтъ обсуждалъ вопросъ о вывозѣ хлѣба за границу; онъ стоялъ на той принципіальной точкѣ зрѣнія, что вывозъ хлѣба для Россіи выгоденъ и не слѣдуетъ безъ крайней необходимости запрещать вывозъ какъ изъ портовъ С.-Петербургскаго и Архангельскаго (123), такъ и черезъ сухопутную границу (581 — 583) на западъ.

По монетному дѣлу совѣтъ въ 1796 году обсуждаетъ планъ передѣла мѣдной монеты и высказывается за упраздненіе особаго комитета, учрежденнаго 8 мая 1796 года для разсмотрѣнія проекта улучшенія финансоваго положенія государства путемъ передѣла монеты; въ совѣтѣ слушаются и утверждаются проекты двухъ указовъ по этому поводу [2]). По указанію совѣта, Павломъ приказано сжечь передъ дворцомъ ассигнацій на сумму болѣе 5 милліоновъ рублей [3]). Въ 1800 году, по представленію золотыхъ дѣлъ мастера Куста о вы-

---

[1]) Архивъ государ. совѣта, II, 95 — 130; ср. П. С. З., № 18207.
[2]) Архивъ государ. совѣта, II, 19 — 37; ср. П. С. З., № 17627.
[3]) Точнѣе — 5.316.665 руб. (39).

годахъ уравненія цѣною вѣса мѣдной монеты съ продажной мѣдью, совѣтъ снова обсуждалъ вопросъ о мѣдной монетѣ и призналъ, согласно съ мнѣніемъ главнаго директора бергъ-коллегіи Соймонова, проектъ Куста неудобнымъ и его отклонилъ, что и удостоилось Высочайшей апробаціи (52 — 53).

Въ 1796 года совѣтъ обсуждаетъ мѣры къ поднятію курса серебряной монеты, къ обмѣну монетъ прежней чеканки на ассигнаціи. Онъ (въ декабрѣ 1796 года и январѣ 1797) вырабатываетъ постановленіе о взиманіи пошлины съ провозимыхъ товаровъ иностранной золотой и серебряной монетою [1]); а затѣмъ обсуждаетъ и одобряетъ „табель иностраннымъ золотымъ и серебрянымъ монетамъ", по какой цѣнѣ принимать ихъ въ пошлинный сборъ, взимаемый въ таможняхъ (47 — 52).

Изъ податныхъ сборовъ совѣтъ разсматривалъ хлѣбную подать, нашелъ ее отяготительной для народа и предложилъ замѣнить хлѣбный сборъ небольшой денежной прибавкой къ подушному окладу, о чемъ и заготовилъ проектъ указа, удостоившійся Высочайшей апробаціи [2]). Любопытно отмѣтить, что первоначально совѣтъ колебался, какъ поступить съ собраннымъ хлѣбомъ и предполагалъ или на мѣстахъ продать или раздать взаимообразно обывателямъ; при докладѣ мнѣнія совѣта, Павелъ одобрилъ послѣднее, указавъ, чтобы тамъ, гдѣ хлѣбъ собранъ, онъ былъ розданъ обывателямъ „возвратно", а гдѣ не собранъ еще, то тамъ подобнаго сбора не производить. Какъ только это повелѣніе состоялось, то выяснилось неудобство въ его примѣненіи: а) провіантскій департаментъ встрѣтилъ бы затрудненія при обслуживаніи арміи; б) затрудненія произошли бы при возвращеніи хлѣба въ однихъ мѣстахъ, въ пріостановкѣ сбора въ другихъ; тогда гр. Безбородко рѣшился доложить объ этомъ Павлу, и Его Величество, „уваживъ сіи причины", указалъ, чтобы отмѣна хлѣбной подати и переводъ ея на деньги введена была въ дѣйствіе съ слѣдующаго 1797 года (стр. 70).

---

[1]) Архивъ государ. совѣта, II, 40 — 48; П. С. З., № 17739.
[2]) Архивъ государ. совѣта, II, 62 — 73; П. С. З., № 17622.

Въ цѣляхъ увеличенія доходовъ казны московскій купецъ Золотаревъ представилъ генералъ-прокурору 4 проекта объ отдачѣ на откупъ: а) торговли водками, которыя дѣлались въ Россіи изъ виноградныхъ винъ на манеръ французской, б) табаку, в) всѣхъ торговыхъ бань въ Москвѣ и г) четырехъ герберговъ (трактировъ) въ столицахъ, при чемъ обѣщалъ казнѣ „знатный доходъ“ отъ этого откупа, въ размѣрѣ 240.000 рублей ежегодно. Представляя объ этомъ Государю, генералъ-прокуроръ Обольяниновъ испрашивалъ позволенія передать эти проекты на разсмотрѣніе сената или совѣта, на что 2-го августа 1800 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе—дѣло „разсмотрѣть въ сенатѣ и учинить положеніе, послѣ въ совѣтѣ, отъ котораго и доложить“. Такъ, совѣту предстояло обсужденіе вопроса объ отдачѣ на откупъ нѣкоторыхъ статей, согласно проекту Золотарева [1]).

Не только отдѣльныя финансовыя мѣропріятія, но и весь годовой бюджетъ иногда проходилъ черезъ совѣтъ. Такъ въ 1796 году совѣтомъ были заслушаны „генеральная вѣдомость о государственныхъ расходахъ“, составленная по предположеніямъ Павла, и вѣдомость дѣйствительныхъ расходовъ государственныхъ (142 и сл.). Въ сентябрѣ 1800 года состоялось Высочайшее повелѣніе, чтобы государственный казначей по всѣмъ дѣламъ, касающимся государственныхъ доходовъ и расходовъ, относился прямо въ совѣтъ. Казначей тогда же внесъ особую записку о доходахъ и расходахъ на 1801 годъ. На основаніи этой записки совѣтъ составилъ проектъ росписи на новый бюджетный годъ; въ декабрѣ мѣсяцѣ совѣтъ снова просматривалъ роспись, нашелъ ее „во всѣхъ частяхъ достаточною“ и, видимо, представилъ на Высочайшее утвержденіе (237—242).

Въ связи съ прохожденіемъ перваго бюджета разсмотрѣна была совѣтомъ „вѣдомость [2]) о сверхштатныхъ суммахъ на

---

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 3442, л. 3 и 4. Обсуждался ли этотъ проектъ въ совѣтѣ или нѣтъ, свѣдѣній въ дѣлѣ не имѣется.

[2]) Архивъ госуд. совѣта, II, 173 и сл. Добавлю: 12-го февр. 1797 г. на засѣданіи совѣта былъ прочитанъ „проектъ указа, заготовленный вслѣдствіе расписанія сверхштатнымъ суммамъ“... „совѣтъ проектъ сей апробовалъ“ (196)—См. П. С. З., № 17803.

1797 годъ", а также планъ или расчисленіе уплаты внѣшнихъ долговъ на сумму около 41 милліона рублей, составленное гр. И. А. Остерманомъ и А. И. Васильевымъ. Совѣтъ нашелъ планъ „весьма удобнымъ", что и получило Высочайшее утвержденіе (196).

Въ связи съ бюджетомъ 1801 года стоитъ повѣрка всѣхъ счетовъ гр. А. И. Васильева, произведенная Г. Р. Державинымъ, о чемъ было доложено послѣднимъ совѣту въ присутствіи Александра Павловича, утромъ „11-го марта, т. е. наканунѣ кончины императора Павла" [1]). Впрочемъ, окончаніе этого дѣла и оцѣнка дѣйствій государственнаго казначея гр. А. И. Васильева уже относится къ началу царствованія Александра I (протоколъ 15 апрѣля 1801 г.).

Изъ дѣлъ по управленію (относящихся къ полиціи безопасности и благосостоянія) упомяну прежде всего то, которое относилось къ освобожденію изъ-подъ стражи гр. Потоцкаго. Игнатій Потоцкій далъ обязательство вести себя лойяльно, за него ручалось нѣсколько представителей изъ вліятельныхъ польскихъ фамилій. Совѣту было указано разсмотрѣть, достаточно ли этого обязательства о благоповеденіи, подкрѣпленнаго указанными ручательствами, или нѣтъ; при этомъ на засѣданіи совѣта было отмѣчено, что гр. Потоцкому пожаловано Государемъ 1000 душъ крестьянъ внутри Россіи. Совѣтъ, которому было извѣстно, что „Потоцкій, яко человѣкъ весьма хитрый и не полагающій предѣловъ тщеславнымъ замысламъ своимъ, былъ главнѣйшимъ заводчикомъ безпокойствъ" (въ Польшѣ), находилъ (18 ноября 1796 г.), что сверхъ того слѣдовало бы отъ Потоцкаго потребовать новаго обязательства, чтобы онъ, по освобожденіи, не выѣзжалъ изъ предѣловъ русскаго государства и не въѣзжалъ въ земли, присоединенныя къ Россіи отъ Польши (135—137). Надо полагать, что это пожеланіе было выполнено.

---

[1]) Протокола совѣтскаго засѣданія 11-го не имѣется, но оно описано Г. Р. Державинымъ и съ такими подробностями, которыя почти устраняютъ сомнѣніе въ самомъ фактѣ этого засѣданія (ср. выше стр. 161, примѣчаніе 1-ое); можно лишь колебаться относительно даты, было ли это 11-го марта или 10, а можетъ быть и нѣсколькими днями раньше (см. записки Г. Р. Державина—Сочиненія, т. VII, стр. 704—705 и примѣчанія).

Болѣе общее значеніе имѣетъ дѣло о бѣглыхъ поселянахъ на югѣ Россіи; совѣтъ разсмотрѣлъ и одобрилъ заготовленный ранѣе проектъ указа [1]). Но самое главное вниманіе совѣта изъ дѣлъ по управленію занимали дѣла цензурныя.

Высочайшимъ повелѣніемъ 25 іюня 1797 г. велѣно было всѣ книги, признанныя цензурою недозволенными, вносить на разсмотрѣніе совѣта [2]), а потомъ сюда же стали поступать и книги „сомнительныя". Разсмотрѣніе книгъ и происходило на засѣданіяхъ совѣта съ 25 іюня 1797 года до 19 апрѣля 1800 г., когда объявленъ былъ указъ „запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ", „безъ изъятія", „равномѣрно и музыку". Мотивами къ цензурнымъ стѣсненіямъ вначалѣ, а позднѣе и къ полному запрещенію ввоза книгъ было то, что „чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія". Цензурныя дѣла совѣтъ слушалъ довольно часто: въ 1797 году—на 22 засѣданіяхъ (изъ общаго количества за годъ—52); въ 1798 году—тоже на 22 (изъ 28), въ 1799—на 10 засѣданіяхъ (изъ 20) и въ 1800 году—на 5 (изъ 16), а всего цензурныя дѣла обсуждались на 59 засѣданіяхъ (изъ общаго количества 133 за Павловское время), при чемъ иногда разсмотрѣніе книгъ и чтеніе рапортовъ цензуры занимало цѣликомъ засѣданіе совѣта, но больше всего цензурныя дѣла были только частью, такъ сказать, повѣстки засѣданія совѣта.

Въ совѣтъ поступали книги, уже просмотрѣнныя цензурою и признанныя ею „недозволенными" или же „сомнительными", такъ что въ этомъ случаѣ совѣтъ игралъ роль какъ бы главнаго цензурнаго комитета. Совѣтъ въ большинствѣ случаевъ соглашался съ цензурой, и книги, представленныя ему, запрещалъ; впрочемъ, окончательное рѣшеніе предоставлялось Высочайшей власти. Среди такихъ запретовъ укажу на одинъ любопытный для того времени. Въ

[1]) Архивъ госуд. совѣта II, 311—316. См. П. С. З., указъ 12 дек. 1796 г., № 17638.

[2]) П. С. З., № 18032. О цензурѣ книгъ въ Арх. госуд. совѣта, II,425—514.

концѣ 1797 года въ совѣтъ отъ Московской цензуры поступилъ рукописный романъ въ письмахъ, на французскомъ языкѣ, сочиненный „якобы въ Калугѣ дѣвицею Демидовою“; совѣтъ по разсмотрѣніи нашелъ въ немъ „разныя неприличныя по поводу послѣдней нашей съ турками войны разсужденія“ и полагалъ романъ къ печати не разрѣшать, а рукопись вернуть черезъ цензуру автору, съ „изъясненіемъ“, что если романъ подлинно сочиненъ дѣвицею, то указать ей, что „занималась она дѣлами, совсѣмъ до нее не касающимися“ [1]).

Нельзя, однако, сказать, что совѣтъ свирѣпствовалъ въ цензурныхъ дѣлахъ безъ всякой пощады. Онъ пропустилъ къ обращенію изъ сочиненій Вольтера „Kandid“, а затѣмъ склоненъ былъ къ тому, чтобы допустить свободно къ продажѣ всѣ „творенія Вольтеровы“ (443, 454—479); по поводу „Du contrat social“ Руссо совѣтъ полагалъ дать разрѣшеніе на продажу этого сочиненія, ссылаясь на то, что „провозъ и продажа (сочиненій Руссо) были равномѣрно свободны, а потому, конечно, и есть уже они здѣсь во многихъ собраніяхъ книжныхъ“ (443). Любопытно мнѣніе совѣта по поводу книги: „Histoire de Russie par Levesque“; книга эта, какъ полагалъ совѣтъ, какъ давно всѣмъ извѣстная, „можетъ быть выпущена, тѣмъ паче, что нѣтъ почти ни одного историческаго сочиненія, въ которомъ не нашлись бы мѣста, сомнѣнію подверженныя, поелику извѣстно, что историки не о всѣхъ описываемыхъ ими происшествіяхъ могутъ имѣть вѣрное свѣдѣніе, и что они, замѣняя сей недостатокъ, часто основываютъ свои повѣствованія на собственныхъ своихъ догадкахъ или на посторонныхъ слухахъ, по времени и обстоятельствамъ разсѣвающихся“ (462). Были случаи пропуска и другихъ книгъ, показавшихся сомнительными цензорамъ [1]).

Разсмотрѣніе книгъ совѣтомъ оборвалось благодаря слѣдующему указу Павла отъ 18 апр. 1800 года: „Такъ какъ

---

[1]) Резолюція Павла была еще строже: „не въ цензуру возвратить, а съ симъ манускриптомъ поступить, какъ съ прочими запрещенными книгами“ (446) т. е. сжечь его.

[2]) Ср. Архивъ государ. совѣта, т. II, 446, 491, 426.

чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ государство наше; равномѣрно и музыку"[1]).

Къ дѣламъ управленія также могутъ быть отнесены немногія дѣла совѣта, въ которыхъ сказывалась забота о народномъ благосостояніи. Въ 1796 и 1797 годахъ совѣтъ разсматривалъ представленія Архарова и Сиверса о внутреннемъ судоходствѣ; проектируемое соединеніе посредствомъ канала Днѣпра и Двины нашелъ „дѣйствительно „полезнымъ" и призналъ необходимымъ, чтобы работы по этому предпріятію начались тотчасъ же, прежде другихъ подобныхъ работъ, подъ руководствомъ д. т. сов. Сиверса, о чемъ тогда же и данъ былъ указъ. Совѣтъ разсмотрѣлъ и одобрилъ и другія распоряженія по устройству водныхъ путей сообщенія[2]). Онъ обсуждалъ и высказалъ свои замѣчанія по поводу записки д. т. с. кн. Гагарина о заселеніи мѣстности между Байкаломъ, Верхнею Ангарою, Нерчинскомъ и Кяхтою[3]).

Въ совѣтъ внесенъ былъ вопросъ о преобразованіи Шкловскаго благороднаго училища, имъ затребованы были подробныя свѣдѣнія о нынѣшнемъ состояніи этого училища, но дальнѣйшаго движенія вопросъ объ училищѣ въ совѣтѣ не получилъ[4]). Наконецъ, на разсмотрѣніи совѣта находились „проекты разныхъ лицъ по вопросамъ о государственныхъ пользахъ и нуждахъ"[5]).

---

[1]) П. С.З., № 19387. О цензурѣ см. сообщеніе Г. К. Рѣпинскаго—Рус. Стар., 1875, XI, 454—469).

[2]) Архивъ госуд. совѣта, II, 243—278; указъ о соединеніи Днѣпра съ Двиною—23 февр. 1797 г.—П. С. З., № 17824.

[3]) Архивъ госуд. совѣта, II, 571—582.

[4]) Тамъ же, 419.

[5]) Тамъ же, 530—570. Среди проектовъ—видное мѣсто занимаютъ предложенія, клонившіяся къ умноженію государственныхъ доходовъ. Въ числѣ проектовъ любопытна записка тайн. сов. Хоминскаго, въ которой онъ между прочимъ предлагалъ: а) „національное воспитаніе исправить такъ, чтобы оно производило людей здравомыслящихъ"; б) „ниспровергнуть начала, всякую общественную связь разрушающія, кои тщится разсѣвать, такъ называемая, французская революція"; в) „принять мѣры, чтобъ дворянство, оставивъ предубѣжденія прежней своей независимости, содѣлалась полезнымъ и пріятнымъ правительству" (566; ср. 570).

Изъ приведеннаго обзора дѣятельности совѣта видно, что дѣятельность его была довольно обширной и захватывала собой по преимуществу дѣла финансовыя и дѣла по управленію; лишь изъ числа послѣднихъ цензурныя дѣла составляли главную массу. Отсюда видно, какъ неправильно мнѣніе о томъ, будто „дѣятельность совѣта ограничивалась главнымъ образомъ цензурой иностранныхъ и русскихъ книгъ". Изслѣдователи къ этому обычно прибавляютъ: въ началѣ царствованія совѣтъ занимался многими разнообразными дѣлами, къ концу царствованія—почти одной цензурой. Такое противоположеніе страдаетъ крайностью: въ самомъ дѣлѣ, въ первые мѣсяцы Павловскаго царствованія дѣятельность совѣта весьма оживилась, почти всѣ главнѣйшіе вопросы законодательства и управленія проходятъ черезъ совѣтъ, засѣданія въ немъ довольно часты, еженедѣльны, а иногда по два и по три раза въ недѣлю, но уже въ 1797 году дѣятельность совѣта ослабѣваетъ, засѣданія созываются гораздо рѣже.

Если имѣть въ виду не начало гражданскаго года, а моментъ вступленія на престолъ Павла, то окажется: въ первый годъ царствованія совѣтъ созывается 58 разъ, во второй—уже только 24, въ третій—22, въ четвертый—14, а за четыре мѣсяца пятаго года совѣтъ былъ собранъ 6 разъ [1]). Значитъ, только въ первый годъ царствованія Павла засѣданія совѣта были часты, но уже въ слѣдующемъ году дѣятельность совѣта падаетъ, и въ послѣдующіе годы она то держится почти на одномъ уровнѣ, то нѣсколько понижается.

Если же обратиться къ самымъ вопросамъ вѣдомства совѣта, то окажется, что никакой принципіальной разницы между первыми годами царствованія и послѣдними не существуетъ, и дѣятельность совѣта была довольно широкой и въ два послѣдніе года царствованія Павла. Такъ, съ конца 1798 и въ 1799 году совѣтъ, кромѣ дѣлъ цензурныхъ, обсу-

---

[1]) Въ Архивѣ госуд. совѣта счетъ ведется по гражданскому году; засѣданій было въ 1796—17, въ 1797—52, 1798—28, 1799—20 и 1800—16. Мною прибавлено еще одно (11 марта 1801 г.), о которомъ сообщаетъ Г. Р. Державинъ. По моему счету на 4 мѣсяца пятаго года царствованія Павла приходится 6 засѣданій; при пропорціональномъ расчетѣ для цѣлаго года получится 18 засѣданій.

ждалъ вопросы о торговлѣ съ Персіей, Китаемъ и Америкой, о выпускѣ золота и серебра за границу, о способахъ улучшенія судоходства по Каспійскому морю, о ситцевыхъ фабрикахъ, о заселеніи Сибири и о прочемъ. Съ конца 1799 и въ 1800 году только на 5 засѣданіяхъ въ числѣ другихъ дѣлъ совѣтъ разсматривалъ списки книгъ, представленныхъ цензурою, главными же предметами его занятій были: установленіе размѣра пошлины съ цѣновныхъ товаровъ и сборовъ съ рѣчныхъ судовъ, разсмотрѣніе вопроса о хлѣбной торговлѣ, сужденія о рудокопныхъ и другихъ казенныхъ заводахъ и объ отдачѣ ихъ въ частныя руки, разсмотрѣніе вопросовъ, касающихся государственныхъ доходовъ и расходовъ, и другія дѣла.

Отсюда ясно, что было бы неправильно и фактически невѣрно противополагать совѣтъ первыхъ лѣтъ совѣту послѣднихъ лѣтъ царствованія Павла; еще менѣе основаній къ тому, чтобы утверждать, будто въ концѣ царствованія Павла совѣтъ занимался исключительно цензурными дѣлами; какъ разъ наоборотъ: почти цѣлый годъ (съ средины апрѣля 1800 г. до марта 1801 г.) совѣтъ никакихъ цензурныхъ дѣлъ не разсматривалъ, а между тѣмъ собирался 12 разъ, провелъ бюджетъ на 1801 годъ и разсматривалъ рядъ вопросовъ первостепенной государственной важности.

Говоря вообще о совѣтѣ, нельзя не признать того, что совѣтъ далеко не получилъ того всеобъемлющаго значенія, какъ законосовѣщательнаго органа, въ которомъ нуждалось центральное управленіе Россіи, о чемъ давалъ понять проектъ Павла и нѣкоторыя дѣйствія самого Императора въ первые мѣсяцы его царствованія; но было бы неправильностью отвергать всякое вліяніе совѣта на дѣла государственныя. Изъ предыдущаго обзора видно, что многіе важные вопросы проходятъ черезъ совѣтъ, а затѣмъ его рѣшенія публикуются, по утвержденіи Государемъ, въ видѣ именныхъ указовъ. Если взять Полное Собраніе Законовъ и сравнить его съ постановленіями совѣта, то окажется, что свыше 30 Высочайшихъ указовъ и повелѣній или выработаны и одобрены совѣтомъ или же имѣютъ прямую, близкую связь съ тѣмъ, что было по-

становлено на засѣданіяхъ совѣта [1]). Кромѣ того, въ Архивѣ государственнаго совѣта, томѣ второмъ, въ которомъ напечатаны протоколы совѣта за Павловское время, можно насчитать болѣе 40 Высочайшихъ указовъ, повелѣній и приказовъ, находящихся въ непосредственной связи съ дѣятельностью совѣта, не считая многихъ Высочайшихъ повелѣній и распоряженій чисто формальнаго свойства [2]). А разъ болѣе 70 указовъ, повелѣній и другихъ распоряженій Государя вышли изъ мнѣній совѣта или стоятъ въ непосредственной близости съ дѣятельностью его, притомъ указы эти касаются многихъ важнѣйшихъ сторонъ государственной жизни, то отсюда ясно, что совѣтъ игралъ нѣкоторую роль, при томъ большую, чѣмъ говорятъ объ этомъ изслѣдователи, и былъ отчасти такимъ законосовѣщательнымъ учрежденіемъ, которое отвѣчало мысли Павла имѣть при себѣ совѣтъ „единственно для въ помощь и сношеніе какъ государю, такъ и министрамъ".

2. Правительствующій сенатъ.

Недавно сенату Павловскаго времени была посвящена цѣнная монографія, въ которой авторъ ея—проф. А. Э. Нольде далъ общій очеркъ положенія и дѣятельности сената въ царствованіе Павла I и освѣтилъ одно изъ самыхъ

---

[1]) П. С. З., №№ 17622, 17627, 17638, 17737, 17803, 17824, 18032, 18792, 19030, 19154, 19216, 19285, 19327, 19328, 19387, 19583, 19641; ср. 17532, 18148, 18207, 18373, 18447, 18639, 18797, 18903, 19252, 19702, 19703, 19708, 19721, 19770.

[2]) Указы и повелѣнія, въ П. С. З. не напечатанные: 1—13—о составѣ совѣта и канцеляріи (1—6 стр., 8—10 и 12 Архива госуд. совѣта т. II); 14—о погребеніи Екатерины II (17); 15—о мѣдной монетѣ (21); 16—о сожженіи ассигнацій (30); 17—А. И. Васильеву о монетномъ дѣлѣ (37—39); 18—о хлѣбной подати (61); 19 и 20—о тарифѣ (123—127); 21—о росписи 1800 г. (223); 22—о водныхъ путяхъ сообщенія (243); 23—о сборѣ съ судовъ (302); 24—о каменномъ углѣ (359); 25 и 26—о казенныхъ заводахъ (361, 395—400); 27—29—о Лугининскихъ заводахъ (404, 411, 412); 30—о Шкловскомъ училищѣ (419); 31—33—о цензурѣ (464, 465, 478); 34—по поводу прошенія купца Тередасова (528); 35—о сборахъ за флаги на судахъ (590); 36—по поводу расчетовъ Архипелагской экспедиціи (603); 37—о торговлѣ съ Хивою (623); 38—41—о пограничныхъ средне-азіатскихъ дѣлахъ (669, 675, 677 и 682).

крупныхъ событій въ жизни этого учрежденія за указанное время, именно ревизію губерній въ 1799—1800 годахъ[1]).

Въ началѣ своего изслѣдованія авторъ указалъ, что Павелъ, въ бытность цесаревичемъ, „имѣлъ въ виду коренное преобразованіе сената“, предполагая превратить его въ „единственно судебное мѣсто“: „но, по вступленіи на престолъ, продолжаетъ авторъ—Павелъ I не сдѣлалъ никакихъ шаговъ въ этомъ направленіи; напротивъ, сенатъ сохранилъ свое исторически сложившееся значеніе перваго и верховнаго установленія среди всѣхъ прочихъ, подчиненныхъ Императору“. Однако, нельзя думать, что положеніе сената осталось безъ всякихъ измѣненій сравнительно съ Екатерининскимъ временемъ. Павелъ къ сенату относился „безразлично, не проявляя ни особой любви, ни особаго недовѣрія“; впрочемъ, иногда замѣтно было нѣкоторое милостивое отношеніе къ сенату, хотя, въ такой же мѣрѣ, „если не больше“, „примѣровъ того, что Павелъ I съ мнѣніемъ сената вовсе не считался“. Сравнительно съ своей матерью, Павелъ „лично стоялъ гораздо дальше отъ сената и его дѣлъ“. Это была, по словамъ того же изслѣдователя, „главная причина, произшедшая въ отношеніяхъ государя къ сенату“, причина, которая весьма существенно отразилась на судьбѣ сената за это время. „Удаленіе государя отъ сенатскихъ дѣлъ естественно повлекло за собой усиленіе власти ихъ докладчика—генералъ-прокурора; совѣтъ или заключеніе генералъ-прокурора въ глазахъ государя получилъ значеніе рѣшающее, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ онъ не могъ противопоставить ему собственнаго мнѣнія, а вслѣдствіе всего этого сенатъ оказался въ полной зависимости отъ генералъ-прокурора“.

Замѣщая должности послѣдняго людьми, ему хорошо извѣстными, Павелъ „слѣпо довѣрялъ (этимъ) приближеннымъ своимъ, пока они были въ милости“. „По буквѣ закона все въ сущности оставалось безъ перемѣнъ, но практика радикально измѣнилась. Дѣла сенатскія Государь фактически передалъ генералъ-прокурору, довѣряя ему больше, чѣмъ се-

---

[1]) См. бар. А. Э. Нольде, «Прав. сенатъ въ царствованіе Павла I» въ „Исторіи прав. сената“, юбилейномъ изданіи, П., 1911 г., т. II, 695—779.

нату, а съ сенаторами, по тѣмъ временамъ самыми высокими сановниками имперіи, обходился лично столь же сурово и рѣшительно, какъ и со всѣми вообще должностными лицами имперіи". Отсюда у современниковъ и дѣятелей того времени осталось нелестное воспоминаніе о времени Павла, какъ одной изъ „наиболѣе тяжелыхъ и печальныхъ эпохъ исторіи сената", когда, по выраженію П. В. Завадовскаго, сенатъ былъ порабощенъ, молчать въ немъ было тяжело, а говорить—бѣдственно.

Пользуясь такимъ общимъ освѣщеніемъ, А. Э. Нольде излагаетъ перемѣны въ самомъ устройствѣ сената и характеризуетъ дѣятельность его въ теченіе Павловскаго царствованія на основаніи какъ печатныхъ матеріаловъ, такъ и архивныхъ. Перемѣны въ организаціи сената, какъ оказывается, объясняются главнымъ образомъ намѣреніемъ „ликвидировать наслѣдіе прежняго царствованія" въ видѣ 11.476 неоконченныхъ производствъ и ускорить теченіе дѣлъ вообще. Однако, по наблюденію автора, „духъ царствованія Павла Петровича мало способствовалъ успѣшному и быстрому теченію приказныхъ дѣлъ. Мелкое, на первый взглядъ, обстоятельство освѣщаетъ это лучше многихъ словъ,—а именно, чины канцеляріи сената носили при Павлѣ Петровичѣ такую же фантастическую форму, какъ и прочіе статскіе чиновники".

Что касается отношеній сената къ другимъ учрежденіямъ, то, по заключенію А. Э. Нольде, „для другихъ установленій имперіи сенатъ по прежнему оставался верховнымъ учрежденіемъ; другого равнаго ему не имѣлось"; „только въ области чисто военнаго управленія значеніе сената даже съ формальной стороны было ограничено до крайности". Вообще говоря, „если эпоха Павла и наложила отпечатокъ на многія стороны дѣятельности сената и вызвала многія перемѣны по сравненію съ Екатерининскимъ царствованіемъ, то это не было слѣдствіемъ какихъ-либо коренныхъ перемѣнъ его устройства, умаленія его вѣдомства или власти: въ этой области было сдѣлано очень немного". „Въ текущей же дѣятельности во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, которыя не привлекали особаго вниманія ни Государя, ни генералъ-прокурора, т. е., въ по-

давляющемъ большинствѣ дѣлъ, сенатъ при Павлѣ очень немногимъ отличается отъ сената Екатерининскаго, съ тою лишь разницею, что отпалъ личный контроль Императрицы, не пропускавшей ни одного сенатскаго доклада безъ внимательной критики".

Таковъ сенатъ за Павловское время, по изображенію бар. А. Э. Нольде. Авторъ, видимо, раздѣляетъ господствующую въ исторической литературѣ точку зрѣнія на время Павла, какъ на одну изъ самыхъ тяжелыхъ и печальныхъ эпохъ, и эта точка зрѣнія была приложена имъ къ характеристикѣ положенія сената. Отсюда, по моему мнѣнію, получилась нѣкоторая двойственность въ изображеніи, которую допустилъ авторъ. Съ одной стороны, авторъ говоритъ о томъ, что, благодаря „безразличію" Павла къ сенату, „удаленію" его отъ сенатскихъ дѣлъ, усилилась власть генералъ-прокурора, которому Государь „слѣпо" довѣрялъ и „фактически передалъ" дѣла сенатскія, отчего при Павлѣ сравнительно съ Екатерининскимъ временемъ „практика радикально измѣнилась", съ другой, онъ же пришелъ къ заключенію, что „въ текущей дѣятельности", „въ подавляющемъ большинствѣ дѣлъ сенатъ при Павлѣ очень немногимъ отличается отъ сената Екатерининскаго", значитъ, практика почти совсѣмъ не измѣнилась.

Далѣе, авторъ соглашается съ мнѣніемъ современниковъ о паденіи и порабощеніи сената, тогда какъ самъ же заявляетъ, что сенатъ „по прежнему оставался верховнымъ учрежденіемъ; другого равнаго ему не имѣлось". Можетъ быть, сенатъ порабощенъ былъ самимъ Государемъ? — но Павелъ былъ холоденъ къ сенату и удалялся отъ дѣлъ его; генералъ прокуроромъ? — но „въ подавляющемъ большинствѣ дѣлъ сенатъ, по указанію автора, рѣшалъ дѣла самостоятельно безъ вмѣшательства генералъ-прокурора". Такъ для читателя и остается неизвѣстнымъ, въ чемъ состояла приниженность сената и кѣмъ онъ былъ порабощенъ.

Также неубѣдительнымъ, по моему мнѣнію, представляется указаніе А. Э. Нольде на то, что „духъ царствованія Павла Петровича мало способствовалъ успѣшному и быстрому теченію приказныхъ дѣлъ": ссылка на „фантастическую форму",

какую носили чиновники, нисколько не „освѣщаетъ" и не поясняетъ вопроса. Успѣшность и быстрота рѣшенія дѣлъ ни въ какой мѣрѣ не зависятъ отъ того, носятъ ли чиновники форму или нѣтъ и какую именно; ношеніе форменной одежды не ускоряетъ и не замедляетъ дѣлопроизводства.

Въ виду изложенныхъ недоумѣній, я считаю необходимымъ вопросъ о сенатѣ вновь пересмотрѣть и, указавъ вкратцѣ на видоизмѣненія въ устройствѣ сената, болѣе подробно остановиться на отношеніяхъ сената къ Государю и генералъ-прокурору, а также разсмотрѣть вопросъ о томъ, насколько успѣшна была дѣятельность сената въ рѣшеніи старыхъ дѣлъ и разсмотрѣніи текущихъ.

Однимъ изъ главныхъ измѣненій въ сенатѣ было устройство новыхъ департаментовъ, которое было вызвано накопленіемъ нерѣшенныхъ дѣлъ. Кн. Куракинъ въ своемъ докладѣ по этому поводу предлагалъ ради успѣшнаго окончанія дѣлъ: 1) увеличить количество лицъ, обслуживавшихъ канцеляріи сената, начиная съ оберъ-секретаря и кончая канцеляристами и копистами; 2) учредить вновь три временныхъ департамента сената, съ общимъ собраніемъ изъ нихъ, для рѣшенія накопившихся отъ прежнихъ лѣтъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы въ одномъ разбирались дѣла „казенныя и интересныя", въ другомъ—„тяжебныя и прочія гражданскія", въ третьемъ—межевыя. Имъ былъ представленъ разработанный проектъ новаго штата, съ прибавкой количества чиновъ въ прежнихъ установленіяхъ сената.

13-го декабря 1796 года докладъ Куракина былъ конфирмованъ. По новому положенію въ канцеляріи сената прибавлялось 319 человѣкъ; во вновь учрежденные департаменты назначалось—202, а всего канцеляріи сената получали 510 лицъ [1]); на жалованье имъ, вмѣстѣ съ канцелярскими и прочими расходами, должно было отпускаться—202.294 руб. [2]). Послѣ такихъ измѣненій и дополненій канцелярія департаментовъ

[1]) А вмѣстѣ съ герольдмейстерской конторой, куда прибавилось 11 человѣкъ,—521.

[2]) П. С. З., Книга штатовъ, XLIV, II, стр. 270—271. Ср. Опись докум. и дѣлъ, отд. III, т. 1, № 180.

сената, насчитывавшая въ 1764 году 223 человѣка и поднявшаяся къ концу царствованія Екатерины II всего только до 272, сразу, благодаря новому штату Павловскаго времени, достигла весьма внушительной цифры въ 782 человѣка [1]), значитъ канцелярія увеличилась почти что втрое.

Въ связи съ новыми задачами и новымъ положеніемъ сената увеличился почти вдвое и личный составъ присутствующихъ. Павелъ унаслѣдовалъ отъ Екатерины сенатъ въ коли-

[1]) О числѣ чиновъ въ канцеляріи и сенаторовъ по департаментамъ въ разные годы можетъ дать представленіе слѣдующая таблица (составленная по Сен. Арх., т. XIII, 500—519; ср. П. С. З., т. XLIV, кн. II, 60; см. *Книги имен. указовъ*, № 185, л. 587—589, 596—507; № 230, л. 61—62; *Дѣла канцеляріи генер.-прокурора*, № 288—въ немъ подробныя свѣдѣнія о личномъ составѣ сената).

ДЕПАРТАМЕНТЫ.	Число сенаторовъ.				Канцелярія.		
	1764	1796	1797	1800	1764	1796	1797
Первый	5	9	12	8	54	55	107
Второй	5	7	10	4	38	48	94
Третій	5	5	9	4	31	44	99
Четвертый	5	6	7	4	31	29	52
Межевой	—	4	7	4		31	55
Общее собраніе	—	—	—	—	—	—	48
Вр. казенный	—	—	7	4	—	—	69
„ апелляц.	—	—	7	4	—	—	69
„ межевой	—	—	7	4	—	—	32
„ Общее собраніе	—	—	—	—	—	—	32
Пятый	4	7	12	8	69 (Пятый и Шестой)	29	52
Шестой	4	8	12	6		36	73
Итого	28	46	90	50	223	272	782

чествѣ 46 человѣкъ сенаторовъ, имъ въ началѣ 1797 года путемъ новыхъ назначеній увеличенъ сенатъ до 90 человѣкъ, но затѣмъ въ 1800 году осенью, когда, казалось, главная работа по рѣшенію старыхъ дѣлъ заканчивалась, въ особенности, если судить по оптимистическимъ отчетамъ генералъ-прокурора объ успѣхахъ въ рѣшеніи дѣлъ, а также и ревизія губерній приходила къ концу, произошло значительное сокращеніе числа сенаторовъ, путемъ увольненія отъ дѣлъ сразу (4-го сентября) 27 сенаторовъ, и комплектъ ихъ былъ сведенъ къ 50 персонамъ, числу, близко подходившему къ цифрѣ Екатерининскаго сената. Но въ то время, какъ число сенаторовъ было сокращено, канцелярія была оставлена въ прежнемъ составѣ, такъ какъ дѣла для нея оказалось вполнѣ достаточно, даже съ избыткомъ.

Кромѣ перемѣнъ въ самомъ устройствѣ сената, при немъ образовывались нѣкоторыя новыя учрежденія и должности и возстановлялись прежнія: 1) такъ указомъ 10-го дек. 1796 г. была учреждена экспедиція государственныхъ конскихъ заводовъ [1]); 2) указомъ 1-го янв. слѣдующаго года было возстановлено, согласно узаконеніямъ Петра I, обученіе юнкеровъ изъ „дѣтей дворянскихъ" для приготовленія свѣдущихъ „благородныхъ чиновниковъ"[2]); 3) указомъ 4-го марта 1797 г. создана была при сенатѣ, подъ главнымъ руководствомъ генералъ-прокурора, особая экспедиція государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства „для общаго наблюденія за всѣми частями, къ пользѣ государства относящимися и особенно за прочнымъ обзаведеніемъ иностранныхъ"[3]); 4) указами 20 февр. и 12 марта

---

[1]) П. С. З., № 17664, 17665, 17710, 19.171; Опись документовъ и дѣлъ, отд. III, т. I, № 80, 196, 300; т. II, № 1807 и др.

[2]) П. С. З., № 17707, 17773; А. В. Безродный, О подготовленіи опытныхъ и образованныхъ дѣятелей для государ. службы—Ж. М. Ю., 1903, ноябрь, 256 и сл.

[3]) П. С. З., № 17865. Опись докум. и дѣлъ, отд. III, т. I и II.

Велицынъ А. А., Нѣмцы въ Россіи. II, 1893, стр. 87 и сл. Авторъ несовсѣмъ правъ, когда утверждаетъ, что управленіе иностранными колонистами при Павлѣ, благодаря „исключительно родительскому попеченію о колонистахъ", было „выдѣлено въ нѣчто особое и самостоятельное, какъ дѣло, отличное отъ общаго строя нашего внутренняго государственнаго быта", такъ какъ полной са-

1800 г. опредѣлены были къ сенату кастелянъ и 2 помощника для присмотра по хозяйственной части и казначей [1]).

Если къ этому присоединить то, что: а) произведены были перемѣны въ герольдіи и въ рекетмейстерской части, б) комиссія сочиненія проекта новаго уложенія, находившаяся въ вѣдомствѣ генералъ-прокурора, была переименована въ комиссію составленія законовъ и получила обновленный составъ и канцелярію; в) воинскія команды при сенатѣ были реформированы и расширены, то этимъ исчерпаются тѣ преобразованія, которыя были произведены въ сенатѣ съ подчиненными и находящимися при немъ мѣстами за Павловское царствованіе. Слѣдуетъ также упомянуть и то, что въ правилахъ и формахъ дѣлопроизводства были произведены перемѣны, клонившіяся къ ускоренію движенія дѣлъ какъ въ предѣлахъ самого сената, такъ и внѣ его.

Отсюда видно, что за Павловское время сенатъ не пережилъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ своей организаціи, появились небольшія внутреннія перестройки, но общій фасадъ сенатскаго зданія и его основная конструкція остались нетронутыми и сохранили ту форму, въ какую это учрежденіе сложилось за Екатерининское время.

Что касается компетенціи сената, то и въ этомъ отношеніи не произошло никакихъ перемѣнъ: не было издано ни одного важнаго закона, который ограничивалъ бы кругъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ сенату. Если же обратиться къ практикѣ и по ней характеризовать дѣятельность сената, то окажется, что она такъ же, какъ и въ прежнее время, весьма широко захватывала дѣла самаго разнообразнаго вида. По этой практикѣ видно, что дѣятельность сената сосредоточивалась: а) на

мостоятельности и обособленности управленія колонистами не было: а) экспедиція занималась не только иностранными поселенцами, но и другими дѣлами хозяйственнаго быта; б) она состояла въ подчиненіи у генералъ-прокурора и находилась при сенатѣ; в) кромѣ того, устройство экспедиціи и подчиненіе ей колонистовъ было лишь возвращеніемъ къ первоначальному порядку управленія колонистами, когда дѣйствовала при Екатеринѣ II канцелярія опекунства иностранныхъ и въ Саратовѣ контора канцеляріи.

См. также Вешняковъ В. И., Экспедиція госуд. хозяйства (1797—1803)— Рус. Стар., 1901 г., кн. X, XI; 1902, VII и VIII.

[1]) П. С. З., № 19.286, 19320.

опубликованіи, разъясненіи законовъ и надзорѣ за ихъ исполненіемъ, б) на дѣлахъ о государственной службѣ: о наполненіи учрежденій чиновниками, опредѣленіи ихъ служебнаго положенія и вопросахъ, связанныхъ съ личнымъ составомъ служащихъ; в) на разнообразныхъ дѣлахъ, относящихся къ управленію въ широкомъ смыслѣ слова, и г) наконецъ, на дѣлахъ судебныхъ, уголовныхъ и политическихъ, гражданскихъ и межевыхъ [1]).

Въ этомъ перечнѣ наиболѣе важное значеніе имѣетъ рубрика о дѣлахъ по управленію, такъ какъ ею опредѣляется рѣшеніе вопроса о томъ, имѣлъ-ли сенатъ въ Павловское время значеніе въ дѣлахъ административныхъ или же его практика сузилась и онъ сталъ играть роль только высшаго суда въ имперіи по преимуществу [2]); въ виду чего я остановлюсь на дѣлахъ этого рода нѣсколько подробнѣе.

Сенатъ занятъ былъ дѣлами, касавшимися открытія и упраздненія [3]) учрежденій, въ особенности дѣлами губернскаго управленія Такъ, напр., указомъ 12 дек. 1796 г. сенату поручено было принять участіе въ введеніи новаго административнаго дѣленія и губернскаго устройства [4]). Многими указами сенату поручено было организовать управленіе въ Лифляндіи, Эстляндіи, Курляндіи, Выборгской губерніи и другихъ [5]). Сенатъ занятъ устройствомъ полиціи по городамъ и уѣздамъ, онъ долженъ былъ „разрѣшать неудобства и затрудненія“, встрѣчающіяся при введеніи новаго штата полиціи въ губерніяхъ [6]); онъ заботится объ учрежденіи ратгаузовъ и ордо-

---

[1]) Обстоятельную характеристику дѣятельности сената за Павловское время даетъ упомянутая выше статья А. Э. Нольде („Исторія прав. сената“, т. II), къ которой я и отсылаю читателя.

[2]) Ср. Градовскій, Высш. администрація и ген.-прокуроры, гдѣ о сенатѣ Павловскаго времени говорится: „Почти всѣ департаменты заняты судебными дѣлами“; „административный элементъ, распредѣленный между вліятельными лицами, фактически не (?!) существуетъ уже въ этомъ бывшемъ средоточіи всей высшей администраціи Россіи“ (стр. 258).

[3]) П. С. З., напр., № 17735, 17750, 17807 и др.

[4]) П. С. З., № 17694, 17702 и др.

[5]) Тамъ же, № 17584, 17637, 17681.

[6]) Тамъ же, № 18506, 18985, 19047, 19528.

нансъ-гаузовъ [1]) и о прочемъ, къ мѣстному управленію относящемся [2]).

Военное управленіе вообще было изъято изъ вѣдомства сената, и Павелъ въ этомъ отношеніи былъ послѣдовательнѣе и строже, чѣмъ его предшественники; даже сношенія съ военными губернаторами сенатъ долженъ былъ имѣть не прямыя, а черезъ посредство гражданскихъ губернаторовъ [3]); но тѣмъ не менѣе, нѣкоторое отношеніе сената къ арміи и военному управленію оставалось. Такъ онъ дѣлаетъ распоряженія о сборѣ рекрутъ [4]), о поставкѣ для арміи суконъ, каразеи, холста, хлѣба, провіанта, артиллерійскихъ припасовъ и аммуничныхъ вещей [5]).

Несравненно больше занимали сенатъ дѣла финансовыя и оброчныя. Сенатъ разсматриваетъ вопросы, связанные съ отпускомъ денежныхъ суммъ изъ государственнаго казначейства; даже въ случаѣ незначительнаго превышенія расходовъ при казенныхъ постройкахъ и починкахъ ассигнованной на то суммы, необходимо было сдѣлать о томъ представленіе сенату [6]). Сенатъ рѣшалъ дѣла, связанныя съ торговлей и таможнями: о развитіи торговли, внутренней и заграничной, преимущественно съ Азіей, о таксѣ на жизненные припасы, о правилахъ продажи съ аукціона, о пошлинныхъ сборахъ, о прибавкѣ пошлины, напр., на пиво, медъ, чугунъ и проч., объ устройствѣ пограничной стражи въ цѣляхъ воспрепятствованія контрабанды, о выработкѣ штатовъ и инструкціи таможнямъ [7]).

Сенатъ разрабатывалъ вопросы, связанные съ расширеніемъ и улучшеніемъ промысловъ, фабрикъ и заводовъ [8]).

---

[1]) П. С. З., № 19763, 19776.

[2]) См. № 17818, 17838, 17845, 17943, 18194, 18205, 18482.

[3]) П. С. З., № 19324. Ср. Опись, III, т. II, № 1457.

[4]) П. С. З., № 18214, 18215, 18264, 18481, 18602, 18646, 18660, 18686, 18698.

[5]) № 19411 (провіантъ), 18133, 18384, 19687 (сукно, каразея, холстъ). Ср. № 19005, 19006 и др. Опись докум. и дѣлъ, отд. III, т. II, № 1581, 1064.

[6]) П. С. З., № 19095; ср. 18584.

[7]) П. С. З., № 18289, 18425, 18969, 19057, 19141, 19772. Ср. Опись, отд. III, т. II, № 1704.

[8]) П. С. З., № 18351, 18623, 18624, 18824, 18965, 19245, 19640.

Въ 1800 году, въ связи съ преобразованіями на казенныхъ фабрикахъ и заводахъ, ему было поручено важное дѣло— „сдѣлать немедленно всѣ нужныя распоряженія къ снабженію фабрикъ (непремѣнными) работниками“ [1]), и такимъ путемъ существенно видоизмѣнить положеніе крестьянъ, приписныхъ къ казеннымъ фабрикамъ.

Сенатъ занятъ дѣлами винными и соляными, заключаетъ контракты на поставку вина и соли, устраиваетъ торги по питейнымъ откупамъ; заботится объ устройствѣ соляныхъ и винныхъ магазиновъ; принимаетъ разныя мѣры къ заблаговременному заготовленію соли, къ сбереженію лѣсовъ, напр., запрещаетъ разводить въ лѣсахъ Сибири огни, которыми промышленники пользовались для выгонки звѣрей; вѣдаетъ и горныя дѣла [2]).

Изъ оброчныхъ статей сенатъ имѣлъ общее наблюденіе за отдачей казенныхъ земель и угодій, дворовыхъ мѣстъ и торговыхъ казенныхъ бань въ аренду и устанавливалъ общія правила и условія отдачи на откупъ [3]). Въ связь съ этимъ можно поставить распоряженіе сената о взысканіи и сложеніи казенныхъ недоимокъ не только по взносу податей и платежей, но и по оброчнымъ статьямъ [4]).

Дѣла полиціи безопасности и народнаго благосостоянія разсматривались сенатомъ. Онъ наблюдалъ за цѣлостью казеннаго имущества, заботился о провіантскихъ хлѣбныхъ магазинахъ [5]), собиралъ вѣдомости о посѣвѣ и урожаѣ [6]), дабы въ случаѣ недорода принять мѣры къ облегченію этого народнаго бѣдствія. Сенатъ издаетъ указы о мѣрахъ предосто-

---

[1]) П. С. З., № 19573 (указъ 26 сент.).

[2]) О соляномъ и винномъ дѣлѣ.—П. С. З., № 17954, 18030, 18326, 18393, 18399, 18417, 18703, 19079, 19132, 19133, 19247, 19371, 19664, 19666, 19742, 19744.

О лѣсахъ—№ 18334, 18616, 18666, 18738, 18816, 18817, 18931, 19509, 19224, 19236, 19732.

О горныхъ дѣлахъ—Опись, отд. III, т. II, № 1071, 1665, 1666 и др.

[3]) П. С. З., № 19631, 19713, 19720. Ср. Опись, отд. III, т. II, № 1015, 1034, 1493.

[4]) П. С. З., № 18512, 18632, 18951, 19001. Ср. Опись, отд. III, т. II, № 956, 1052, 1546.

[5]) П. С. З., № 18588, 18856, 19422, 19436.

[6]) П. С. З., № 19337.

рожности по случаю опасной болѣзни, появившейся въ Англіи, въ Персіи [1]. Онъ издаетъ указъ объ искорененіи воровъ, разбойниковъ, бѣглыхъ и ихъ пристанодержателей [2]; а также предпринимаетъ рядъ мѣръ о колодникахъ и мѣстахъ ссылки [3]. Устройство цензуры и завѣдываніе ею, со времени Екатерины II, поручено было сенату [4].

Изъ дѣлъ по народному благосостоянію—почтовыя, медицинскія и отчасти школьныя доходили до сената; въ послѣднемъ случаѣ сенатъ, кромѣ вопроса объ открытіи школъ и ассигнованіи на то средствъ, собиралъ, напр., свѣдѣнія, на какомъ основаніи принимаются ученики въ то или другое учебное заведеніе; эти свѣдѣнія о всѣхъ существующихъ учебныхъ заведеніяхъ, начиная съ іезуитскихъ, нужны были 3-му департаменту сената, въ которомъ „вѣдались всѣ дѣла, до школъ и учебныхъ заведеній въ Россіи относящіяся“ [5].

Въ отношеніи сословій черезъ сенатъ проходили дѣла о признаніи дворянскаго званія, объ исключеніи изъ податнаго состоянія или оставленіи въ немъ, о духовенствѣ, купцахъ, мѣщанахъ и крестьянахъ, объ освобожденіи отъ податей и повинностей нѣкоторыхъ группъ или отдѣльныхъ лицъ, напр., тульскихъ оружейниковъ, бечевниковъ и ямщиковъ [6]; въ связи съ сословными дѣлами стоятъ ревизскія; здѣсь сенату принадлежало завѣдываніе окончаніемъ ревизіи, произведенной въ 1795 году, и исправленіемъ итоговъ переписи [7].

Въ отношеніи инородцевъ и иностранцевъ сенатъ занимался устройствомъ ихъ юридическаго и хозяй-

---

[1] П. С. З., № 19679. Опись, III, т. II, № 1784.

[2] П. С. З., № 19452; ср. 18884, 19645; ср. указы о паспортахъ.

[3] См., напр., Опись, III, т. II, № 1003, 1359, 1541 и др.

[4] П. С. З., № 17508, 17523, 17811, 17895 и др. Ср. Опись, III, т. II, № 1465 (опредѣленіе сената 10 іюня 1799 г., съ предписаніемъ Рижской цензурѣ—повиноваться губернскому начальству) и др.

[5] П. С. З., № 19748 (11 февр. 1801 г.).

[6] Дѣла о сословіяхъ,—см. П. С. З., № 17638, 17667, 17675, 17694, 17728, 17875, 17881, 18072, 18081, 18109, 18129, 18212, 18213, 18336, 18550, 18597, 18622, 18671, 19519, 19533, 19576, 19579, 19678, 19682, 19694.

Объ освобожденіи отъ повинностей—№ 18820, 18983, 18983а.

[7] См. Денъ В. Э., Населеніе Россіи по пятой ревизіи М., 1912 г., т. *I*, 113 и сл.

ственнаго положенія [1]). Болѣе всего вниманіе сената сосредоточивалось на иностранныхъ поселенцахъ, водворившихся въ Россіи; въ заботахъ объ ихъ благополучіи, какъ указано выше, управленіе ими сосредоточено было при сенатѣ въ особой экспедиціи государственнаго хозяйства. Черезъ сенатъ проходили вопросы вѣроисповѣдные, напр., дѣло объ устройствѣ и управленіи римско-католической церкви въ Россіи [2]).

Наконецъ, въ сенатѣ были сосредоточены дѣла по городскому и дворянскому самоуправленію: ему принадлежитъ организація выборовъ, утвержденіе представленныхъ кандидатовъ и общее наблюденіе за правильностью дѣйствій выборныхъ органовъ [3]).

Такова въ бѣглыхъ и краткихъ чертахъ дѣятельность сената за Павловское время въ области управленія. Но и изъ этого очерка, я полагаю, достаточно ясно то, что сенатъ и въ Павловское время игралъ очень важную роль въ управленіи, и былъ не только высшимъ судомъ имперіи, но также верховнымъ правительственнымъ мѣстомъ, которое стягивало къ себѣ многочисленныя нити административнаго механизма. Если же сравнить практику Павловскаго сената съ Екатерининскимъ временемъ второй половины царствованія, то окажется, что она отъ прежней практики по объему дѣйствія ничѣмъ существеннымъ не отличалась [4]).

Можно только отмѣтить, что въ Павловское время появились нѣкоторыя обстоятельства, которыя, не колебля основной позиціи сената, какъ верховнаго правительственнаго и судебнаго мѣста, сильнѣе подчеркивали значеніе сената, какъ судебнаго учрежденія по преимуществу: 1) открыты были временные департаменты для рѣшенія главнымъ образомъ судебныхъ дѣлъ, оставшихся отъ прежнихъ лѣтъ; 2) былъ предпринятъ рядъ мѣръ къ тому, чтобы „отвратить медленность въ дѣлахъ“, уничтожить „тяжущимся и подсудимымъ“

---

[1]) См. о евреяхъ, П. С. З., № 18889; о цыганахъ—№ 19484.

[2]) П. С. З., № 18733 и др. Ср. Морошкинъ, Іезуиты въ Россіи, т. II.

[3]) П. С. З., № 17789, 17790, 17811, 17926, 18029, 18637, 18883, 18973, 19613. Вопросъ о дворянскомъ самоуправленіи ниже въ особой главѣ разработанъ будетъ подробно.

[4]) См. изслѣдованіе Н. Д. Чечулина—въ „Исторіи прав. сената“, т. II.

„проволочку“ [1]), дать скорое и правосудное рѣшеніе дѣла каждому, обращающемуся къ суду; сенату въ этомъ смыслѣ неоднократно указывалось, чтобы онъ принялъ дѣйствительныя мѣры къ устройству и правильному отправленію правосудія. Такъ, напр., въ указѣ 22 марта 1797 года говорилось: „Видя изъ теченія дѣлъ Московскихъ департаментовъ малое попеченіе объ успѣхѣ рѣшенія оныхъ... повелѣваемъ сенату обратить вниманіе свое, дабы вступающія дѣла самопоспѣшнѣйшее окончаніе свое получили, и никакихъ видовъ къ проволочкѣ оказываемо не было“ [2]). Цѣлый рядъ мѣръ былъ вызванъ желаніемъ Павла облегчить и ускорить дѣлопроизводство, чтобы окончить старыя нерѣшенныя дѣла и съ успѣхомъ справляться съ вновь вступающими [3]). 3) Наконецъ, важную роль играло то обстоятельство, что Павелъ охотно выдвигалъ въ управленіи лицъ, предпочитая ихъ коллегіямъ; отсюда значеніе сената въ дѣлахъ управленія ослабѣвало, и тѣмъ сильнѣе подчеркивалась его судебная роль.

Каково было отношеніе Павла I къ сенату? Хотя онъ и полагалъ, что сенатъ долженъ быть учрежденіемъ только судебнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ считался съ положеніемъ, въ которомъ былъ сенатъ въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II въ качествѣ высшаго правительственнаго учрежденія, имѣющаго отношеніе и къ законодательству и къ управленію. Павелъ поручаетъ сенату рядъ дѣлъ законодательнаго характера. Участіе сената въ законодательствѣ выразилось въ различныхъ узаконеніяхъ. Такъ сенатъ, напр., произвелъ нѣкоторыя дополненія къ межевой инструкціи [4]), разрабатывалъ положеніе о запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ [5]), положеніе о новомъ устройствѣ духовенства [6]), проектъ устройства ратгаузовъ въ губернскихъ городахъ, по примѣру

---

[1]) П. С. З., № 17751, 17760 и др.

[2]) П. С. З., № 17884.

[3]) П. С. З., № 17596, 17600, 17615, 17639, 17760, 18177, 18184, 18780, 19589.

[4]) П. С. З., № 18625.

[5]) Тамъ же, № 18856, 19203 и др. Опись, отд. III, т. II, № 1770.

[6]) П. С. З., № 18316 и др.

столицъ [1]), участвовалъ въ разработкѣ положенія о фискалахъ въ Подольской, Минской и другихъ губерніяхъ [2]), а также вопросовъ, связанныхъ съ введеніемъ новыхъ пошлинъ и тарифовъ [3]), издалъ карантинный уставъ [4]) и важный законодательный памятникъ изъ области имущественныхъ отношеній—уставъ о банкротахъ [5]).

Важную роль продолжаетъ играть сенатъ, какъ указано выше, и въ области управленія. Къ нему обращаются съ представленіями генералъ-губернаторы, губернаторы, губернскія правленія и другія учрежденія и должностныя лица. Однако, на этомъ пути помѣхою для сената былъ генералъ-прокуроръ, къ которому фактически стали отходить дѣла по управленію еще въ Екатерининское время, статсъ-секретари и другія довѣренныя лица Государя, которымъ онъ поручалъ отдѣльныя вѣтви управленія.

Любопытно отношеніе Павла, какъ государя, къ судебной дѣятельности сената. По своему положенію русскій монархъ, какъ самодержавный правитель, въ особенности въ Московское время, сосредоточивалъ всѣ виды власти: власть законодательную, исполнительную и судебную, благодаря чему онъ являлся верховнымъ судьей, къ которому дѣла восходили какъ въ порядкѣ ревизіонномъ, такъ и въ порядкѣ апелляціонномъ. Сознаніе того, что государь является судьей, было настолько сильно развито среди Московскаго населенія, что даже простые крестьяне въ тѣхъ случаяхъ, когда писали челобитныя о взаимныхъ тяжбахъ и ссорахъ и подавали ихъ земскому судьѣ или въ воеводскую канцелярію, то адресовали такія челобитныя непосредственно на имя царя и великаго князя [6]). Со времени Петра Великаго, съ развитіемъ государственныхъ началъ и съ усиленіемъ вліянія на Рос-

---

[1]) Тамъ же, № 18426, 19763.
[2]) Опись, отд. III, т. II, № 1720.
[3]) П. С. З., № 19141 и др. Опись, отд. III, т. II, № 1704.
[4]) П. С. З., № 19476.
[5]) Тамъ же, 19692. Ср. Щегловъ, Государ. совѣтъ, 144; А. Э. Нольде— въ Ист. прав. сената, II, 732—736. Ниже общее замѣчаніе: „Сенату приходилось восполнять пробѣлы закона, устранять несогласованности, новое приводить въ нѣкоторое соотвѣтствіе со старымъ“ (844).
[6]) Ср. Рус. Ист. Библіотека, П., 1896, т. XIV, 357, 360, 380, 398.

сію западно-европейскихъ идей, такой порядокъ значительно измѣняется. Роль монарха, какъ судьи, уменьшается, запрещается подавать ему челобитныя непосредственно, а рекомендуется и предписывается, не безпокоя государя, занятаго многосложными обязанностями по управленію страной, обращаться къ суду низшихъ и высшихъ инстанцій. Такимъ путемъ, хотя судъ отправляется именемъ монарха, но онъ производится въ установленныхъ учрежденіяхъ или отдѣльными должностными лицами и тѣмъ самымъ освобождаетъ государя отъ непосредственнаго разбора дѣлъ или разсмотрѣнія ихъ въ качествѣ послѣдней инстанціи. Однако, новый порядокъ водворился не сразу: въ теченіе всего XVIII вѣка и позднѣе старина давала себя чувствовать, и главѣ государства приходилось нести на себѣ судебныя обязанности [1]). Чтобы планомѣрнѣе разсмотрѣть дѣятельность Павла въ судебной области и опредѣлить отношеніе его къ сенату съ этой стороны, я разберу въ отдѣльности тѣ три пути, которыми дѣла восходили къ государю, а именно: а) когда дѣла доходили до него въ порядкѣ ревизіонномъ, б) въ порядкѣ апелляціонномъ и в) въ видѣ непосредственнаго обращенія къ суду монарха.

Въ ревизіонномъ порядкѣ въ XVIII вѣкѣ, преимущественно за Екатерининское царствованіе, какъ самое близкое ко времени Павла, на конфирмацію государя восходили преимущественно уголовныя и политическія дѣла, которыя касались высшихъ сановниковъ, дворянъ и чиновниковъ, а также дѣла, которыми интересовалась Государыня и давала о нихъ

---

[1]) Объ этомъ см. слѣдующія работы: 1) Кавелинъ К., Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства (Сочиненія, изд. 1859 г., т. I, стр. 76, 236, 278); 2) Дмитріевъ Ѳ., Исторія судебныхъ инстанцій, М., 1859 г., 522; 3) Ланге Н., Древнее русское уголовное судопроизводство П., 1884, стр. 12, 45, 65, 68; 4) Фойницкій, Курсъ уголовнаго судопроизводства, изд. 3-е, П., 1902 г., т. I, стр. 143—149; 335; П., 1910, т. II, стр. 495—496.

У Фойницкаго читаемъ: „Право суда было правомъ великаго князя" (Московскаго). Рѣшенія судей могли быть обжалованы Государю. „Судебный строй Свода Законовъ покоится на томъ же основномъ положеніи. Верховная власть принимала непосредственное участіе въ судебной дѣятельности, занимая высшую ступень въ лѣстницѣ судебныхъ установленій: всякое дѣло, рѣшенное сенатомъ, могло восходить на разсмотрѣніе Государя черезъ государственный совѣтъ" (I, 143 и сл.).

особыя Высочайшія повелѣнія и, наконецъ, тѣ, въ рѣшеніи которыхъ сенатъ встрѣчалъ затрудненія по неясности закона и другимъ какимъ либо обстоятельствамъ [1]).

Тотъ же самый порядокъ оставался и въ Павловское время, при чемъ наибольшее количество дѣлъ, которыя восходили на конфирмацію государя, были преимущественно уголовныя дѣла, которыя оканчивались лишеніемъ чиновъ, дворянскаго званія, ссылкой и прочими тяжкими наказаніями. Впрочемъ, необходимо отмѣтить, что въ ревизіонномъ порядкѣ при Павлѣ, когда генералъ-прокуроромъ состоялъ А. А. Беклешовъ, произошло нѣкоторое измѣненіе. Къ указаннымъ случаямъ прибавился еще одинъ видъ производствъ, который въ значительной мѣрѣ увеличилъ количество дѣлъ, восходившихъ на Высочайшее усмотрѣніе, именно: всѣ тяжбы, связанныя съ отдачей казеннаго имѣнія въ частныя руки, непремѣнно представлялись черезъ сенатъ на Высочайшее утвержденіе [2]).

Въ порядкѣ апелляціонномъ и въ Екатерининское время допускались жалобы на рѣшенія сената. По словамъ Н. Д. Чечулина, „подчиненное положеніе сената (въ судебномъ отношеніи) сказывалось въ томъ, что, по мнѣнію Императрицы, его рѣшенія вовсе не были безапелляціонными; она принимала жалобы на него“ и даже „считала, что существуетъ апелляціонный срокъ для подачи жалобы на сенатъ“ [3]).

---

[1]) См. изслѣдованіе Н. Д. Чечулина—въ Исторіи прав. сената, т. II, стр. 639 и сл.

[2]) Мотивы этого указа и порядокъ производства дѣлъ этого рода указаны въ текстѣ закона 19-го авг. 1799 г. „Для обезпеченія казенныхъ имѣній отъ неправильныхъ притязаній и ущерба, нужнымъ почитаемъ мы предписать, дабы ни по какому рѣшенію или опредѣленію никакая принадлежность изъ дѣйствительнаго владѣнія и вѣдомства казеннаго не отходила; но въ случаѣ такомъ рѣшенія или опредѣленія препровождались на ревизію, а потомъ сообщались казеннымъ палатамъ для представленія и разсмотрѣнія съ мнѣніемъ начальниковъ губерній въ Нашъ сенатъ, который о слѣдующей отдачѣ чего-либо по законамъ изъ вѣдомства казеннаго, имѣетъ вносить къ Намъ на конфирмацію; при чемъ, для отвращенія всѣхъ затрудненій, и въ искахъ по дѣламъ, казеннымъ и до казеннаго вѣдомства относящимся, производить оныя порядкомъ слѣдственнымъ повелѣваемъ“ (П. С. З., № 19091).

Ср. № 19574 (о казенныхъ земляхъ при межеваніи).

[3]) Исторія прав. сената, т. II, 649. Апелляціонный срокъ, вообще говоря, примѣнялся и при Павлѣ. Такъ, напр., 17 янв. 1801 г. состоялось слѣдующее

Повидимому, императрица Екатерина II довольно широко принимала жалобы на рѣшеніе департаментовъ сената, такъ какъ въ 1802 году, когда особый комитетъ разсматривалъ всеподданнѣйшія жалобы на сенатъ, то поданныхъ „покойной Императрицѣ", но еще не рѣшенныхъ, оказалось 324, при чемъ онѣ иногда восходили къ 1775—1780 годамъ [1]).

При Павлѣ подача прошеній и жалобъ, въ томъ числѣ и на сенатъ, еще болѣе увеличилась благодаря той свободѣ и легкости, съ которой можно было доходить до государя. Наплывъ жалобъ былъ, видимо, настолько великъ, что затѣмъ принимаются мѣры къ ихъ сокращенію. Напр., 6-го мая 1799 года изданъ былъ указъ, которымъ запрещалось подавать государю „недѣльныя, прихотливыя, съ порядкомъ и закономъ несовмѣстныя просьбы" [2]). Но, вѣроятно, и этотъ

Высочайшее повелѣніе: „По прошенію однодворца Жыронкина, жаловавшагося на двоюроднаго брата своего, завладѣвшаго принадлежащею имъ обще мельницею, объявить просителю чрезъ газеты, что за пропущеніемъ апелляціоннаго срока, дѣло сіе уже не слѣдуетъ ни къ какому разсмотрѣнію" *(Дѣла канцеляріи ген.-прокурора,* № 2523, л. 42).

[1]) *Сен. Арх., Комитетъ поверхностнаго обозрѣнія дѣлъ по жалобамъ на сенатъ,* кн. I—IV. О подачѣ „многихъ" „челобитныхъ апелляціонныхъ на сенатъ" въ началѣ царствованія Екатерины II—см. Сен. Арх., т. XIII, стр. 397; ср. указанія на запрещеніе подавать челобитныя Государю—т. XIV, стр. 13. О жалобщикахъ на сенатъ см. также т. XIV, № 11, 251, 254, 294. Грибовскій В. М., Высшій судъ и надзоръ въ Р., 250 и сл.

Въ запискѣ М. М. Сперанскаго о государственныхъ установленіяхъ читаемъ (о времени съ 1762 по 1775): „Хотя прежній законъ, воспрещающій жалобы на сенатъ, и не отмѣненъ положительно, но частыми изъятіями онъ лишился своей силы. Жалобы на департаменты сената были поручаемы разсмотрѣнію ген.-рекетмейстера и, по докладу его, рѣшеніе сената особыми указами нерѣдко были отмѣняемы. Рѣже, но были примѣры подобныхъ жалобъ и таковыхъ же отмѣнъ въ рѣшеніяхъ и общаго сената собранія" (Планъ государственнаго преобразованія, изд. Рус. Мысли, М., 1905, 261).

[2]) Вотъ текстъ этого указа: „Утверждая Престолъ Нашъ на правосудіи и милосердіи, никогда не затворяли Мы слуха и вниманія Нашего къ истиннымъ нуждамъ и правымъ жалобамъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, напротивъ отверзли всѣ пути и способы, чтобы гласъ слабаго, утѣсненнаго со всею вѣрностію могъ до Насъ проникнуть и получить въ законахъ и повелѣніяхъ Нашихъ скорую защиту; но, къ сожалѣнію Нашему, двухлѣтній опытъ Насъ удостовѣрилъ, что дерзость и невѣжество, употребляя во зло терпѣніе Наше, безчисленными, недѣльными, прихотливыми, съ порядкомъ и закономъ несовмѣстными просьбами, занимаютъ вниманіе Наше и время, важнѣйшимъ дѣламъ посвящаемое и управленіемъ всѣхъ частей столь обширнаго государства упражненное. Извѣстны строгія мѣры, каковы до временъ Нашихъ по разнымъ случаямъ воспріемлемы были для обузданія сей наклонности къ неправымъ и обременительнымъ просьбамъ. Ставя Себя превыше всякаго обремененія, Мы не заграждаемъ средствъ

указъ не остановилъ потока жалобъ, такъ какъ черезъ годъ былъ изданъ слѣдующій указъ: „Распубликовать повсемѣстно, чтобы имѣющіе нужду жаловаться на рѣшенія сената прописывали причины и законы, сходно правиламъ въ изданной въ 1722 г. о жалобахъ въ сенатъ на подчиненныя мѣста рекетмейстерской инструкціи; не содержащія же въ себѣ предписаннаго основанія, будутъ, въ силу даннаго повелѣнія, возвращаемы просителямъ безъ разсмотрѣнія“ [1]).

Нѣкоторое представленіе о количествѣ поданныхъ всеподданнѣйшихъ жалобъ могутъ дать слѣдующія цифры. По жалобамъ на сенатъ въ общемъ собраніи за Павловское время рѣшено было 76 дѣлъ [2]), которыя были на основаніи жалобъ признаны, очевидно, заслуживающими вниманія и переданы на новое разбирательство. Сколько жалобъ было отклонено, свѣдѣній не имѣется, но осталось не разсмотрѣнными 225 всеподданнѣйшихъ прошеній [3]), которыя въ Александровское время были отданы на разборъ особому комитету.

Что касается содержанія жалобъ на приговоры сената, то оно въ рѣдкихъ случаяхъ касается уголовныхъ дѣлъ, большинство же дѣлъ—по спору и тяжбамъ о земляхъ, угодьяхъ, о рыбныхъ озерахъ, о домѣ, движимомъ имуществѣ, о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, о денежныхъ суммахъ по векселямъ, займамъ и закладнымъ распискамъ, короче говоря,

---

вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ приносить къ намъ основательныя на притѣсненія жалобы и по особеннымъ случаямъ или нуждамъ ихъ, зависящимъ отъ единаго Нашего разрѣшенія, утвержденія или удовлетворенія просьбы, оставляемъ для сего тѣ же самые пути, какіе доселѣ существовали, во всей ихъ неприкосновенности; но вмѣстѣ съ тѣмъ находимъ нужнымъ подтвердить, что на отягощающихъ Наше вниманіе недѣльными просьбами, вынуждены Мы будемъ возобновить и привести въ дѣйствіе всю силу изданныхъ 1714, 1718 и 1765 года указовъ, если и за симъ Нашимъ повелѣніемъ къ должному порядку и умѣренности они не обратятся“ (П. С. З., № 18957).

[1]) „И ежели они подачею другихъ исправныхъ въ срокъ, говорилось дальше въ томъ же указѣ 23 мая 1800 г., не успѣютъ, то подача первыхъ неосновательныхъ не будетъ извинять ихъ въ просрочкѣ“ (П. С. З., № 19426).

[2]) Опись докум. и дѣлъ, отд. II, т. I, П. 1909.

[3]) Отъ 1797 года—54, отъ 1798—64, отъ 1799—38 и отъ 1800—69; сколько подано было жалобъ за 1801 годъ до 11 марта изъ числа оставшихся неразобранными—подсчитать было трудно (*Книги Комитета поверхностнаго обозрѣнія*, I—IV).

жалобы болѣе всего касались имущественныхъ дѣлъ. Въ челобитныхъ жаловались на содержаніе рѣшеній сената и ходатайствовали предъ Государемъ о пересмотрѣ дѣла по существу (жалобы апелляціонныя), но, повидимому, чаще всего, если судить по общему наблюденію надъ Высочайшими повелѣніями по поводу жалобъ, просили объ ускореніи дѣла [1]) въ сенатѣ (жалобы частныя).

Подача жалобъ на сенатъ пріобрѣла довольно широкое распространеніе. Въ запискѣ 1801—1802 года, принадлежащей, вѣроятно, гр. Воронцову, прямо говорилось: „Съ послѣднихъ временъ царствованія императрицы Екатерины II въ обычай вошло, что почти на всякое рѣшеніе сенатское подавались жалобы и по нимъ отъ рекетмейстеровъ дѣлались выписки и доклады, и такъ нельзя было вовсе почитать дѣла, въ сенатѣ рѣшеннаго, оконченнымъ“ [2]).

Павловская практика, какъ видно, расширила тотъ путь, по которому шли жалобы на сенатъ, и въ Александровское время по нему также широко потекли къ государю челобитныя, въ которыхъ ходатайствовали о пересмотрѣ сенатскаго рѣшенія [3]). Въ 1801 году такихъ жалобъ было подано 178, въ 1802 года, видимо, уже на рѣшенія сената Александровскаго времени—197 [4]).

Такой наплывъ колебалъ силу опредѣленій сенатскихъ департаментовъ и до нѣкоторой степени могъ наводнить дѣлами общее собраніе. Обычно жалобы принимались генералъ-рекетмейстеромъ и, по наведеніи справокъ, докладывались Государю, или же, будучи поданы Государю, направлялись на разсмотрѣніе генералъ-прокурора, въ канцелярію котораго отъ сенатскихъ канцелярій требовали записокъ изъ дѣлъ и копій съ опредѣленій, а затѣмъ отъ доклада генералъ-прокурора и

---

[1]) Ср. указанную выше записку М. Сперанскаго, стр. 269.

[2]) Сборн. Археол. Инст., кн. I, 169. Выраженіе: „почти на всякое рѣшеніе“ явно страдаетъ большимъ преувеличеніемъ.

[3]) Добавляю: въ виду вступленія на престолъ новаго Императора подавались даже прошенія о пересмотрѣ дѣлъ, рѣшенныхъ сенатомъ, и „конфирмованыхъ“ „покойнымъ Императоромъ“ (*Книги Комитета*, № 1, а въ немъ № 2 и 14).

[4]) *Тамъ же*, № I—IV. Можетъ быть, прошеній подано было больше, но тако количество ихъ, по моему подсчету, находилось на разсмотрѣніи Комитета.

резолюціи Императора зависѣло, оставить ли жалобу безъ вниманія или передать дѣло на новое разсмотрѣніе въ сенатъ и даже какому либо сенатору или довѣренному лицу. По словамъ доклада министра юстиціи, то обстоятельство, что собирались справки о дѣлѣ, жалоба докладывалась генералъ-прокуроромъ, и просители долговременно имѣли хожденіе по дѣлу, производило впечатлѣніе, что „ожидается разрѣшеніе" дѣла „какъ бы въ новой инстанціи" [1]).

Вотъ это обстоятельство не могло не задѣвать сената, такъ какъ колебало самостоятельное положеніе его, какъ верховного судилища, и можно думать, что сенаторы съ нѣкоторымъ чувствомъ обиды и умаленія ихъ собственнаго достоинства смотрѣли на такой порядокъ, который, хотя имѣлъ оправданіе въ положеніи монарха и опирался на предшествующую практику, но получилъ слишкомъ широкое, по ихъ представленію, примѣненіе и являлся угрозой положенія ихъ, какъ сановниковъ, занимающихъ первые ряды правительственной лѣстницы.

Можетъ быть, чувство ревности сенаторовъ къ своимъ судейскимъ правамъ не достигло полной отчетливости и оно еще не знаменовало собой, какъ во Франціи, оппозиціи самой Верховной власти, чрезмѣрно вторгавшейся въ область суда, но тѣмъ не менѣе сенаторы недовольны были такой практикой и свое недовольство выразили не по отношенію къ порядку, а по отношенію къ лицу, именно, къ Павлу I, хотя и скрывали свою мысль подъ покровомъ „властолюбивыхъ" лицъ и стали говорить, „о порабощенномъ" сенатѣ вообще „въ послѣдніе годы". „Сенатъ въ первый разъ отъ учрежденія своего, читаемъ въ извѣстномъ докладѣ, предложенномъ гр. Завадовскимъ, подвергнутъ въ своихъ рѣшеніяхъ, подобно суднымъ мѣстамъ, апелляціи, и даже указомъ опубликованъ назначенный къ подачѣ оной годовой срокъ. Слѣдствіемъ того было, что генералъ-рекетмейстеръ, учрежденный отъ государя Петра В. для принятія въ сенатъ прошеній на

---

[1]) Высоч. утв. докладъ Г. Р. Державина—21 окт. 1802 г.—П. С. З., № 20478, п. 6.

коллегіи, началъ принимать просьбы на опредѣленія сената и возвышенъ, такъ сказать, въ судію дѣламъ того правительства, которому былъ подчиненъ. По выбору и произволу прерывалась очередь теченія дѣлъ, и сенатъ, объятый сильнымъ вліяніемъ на дѣла его, по нѣсколько разъ перерѣшивалъ свои рѣшенія. Се образъ порабощеннаго сената, въ которомъ молчать было тяжко, говорить было бѣдственно" [1]).

Во всей этой филиппикѣ добрая половина мыслей представляетъ собой забвеніе или искаженіе прошлаго, и Павловскому времени приписывалась новизна въ томъ, въ чемъ оно было продолженіемъ, можетъ быть, практически лишь болѣе широкимъ, прежняго. Но эта практика задѣвала „права и преимущества" сената, нанося ему ущербъ, какъ высшему суду, а потому тѣ же сенаторы, которые какъ бы не замѣчали этой практики при благодушной Екатеринѣ II, не смѣли возражать противъ нее при строгомъ Павлѣ, тотчасъ же обрушились на нее при Александрѣ, съ разрѣшенія котораго они горячо принялись обсуждать и отстаивать свои „права и преимущества".

Выразителемъ мнѣній большинства сенаторовъ на положеніе сената, на его судебныя права былъ П. В. Завадовскій, въ докладѣ котораго въ 1-й статьѣ говорилось: „Судъ и расправа верховнымъ образомъ принадлежитъ сенату по входящимъ въ оный гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ; ибо сколь невозможно одному государю удовлетворить всѣмъ первымъ, столько по вторымъ несвойственно священному сану царскому своимъ подписомъ утверждать казни: законы осуждаютъ, законы наказываютъ, но драгоцѣннѣйшее право помиловать и простить остается неограниченно во власти государя, и для того (2-я ст.) подтвердить указы (1711, 1718, 1766 и 1768 г.), коими столь строго опредѣлено, чтобы на сенатъ апелляціи не было" [2]).

Изъ этого общаго и основного положенія дѣлается (въ п. 7) исключеніе: „могутъ быть крайности, въ которыхъ воз-

---

[1]) Сборникъ Археологическаго Института (Петроградскаго), кн. 1-ая, П., 1878, стр. 73 и др.

[2]) Тамъ же, кн. I, 74.

бранить всякое прибѣжище къ лицу правосуднаго государя было бы отнять избавленіе страждущему", чѣмъ и допускались „жалобы на неправое рѣшеніе сената", съ предъявленіемъ „важныхъ и убѣдительныхъ причинъ", подъ страхомъ отвѣта и наказанія въ случаѣ „клеветы" на верховный судъ.

Послѣднія заключительныя фразы, хотя и говорятъ противъ апелляціи на сенатъ, но допускаютъ жалобу въ „крайностяхъ"; предыдущія же фразы гораздо шире по своему смыслу: онѣ трактуютъ и объ уголовныхъ дѣлахъ, которыя въ извѣстной части восходили къ государю въ ревизіонномъ порядкѣ, и вообще, о судѣ и расправѣ, которые усвояются сенату „верховнымъ образомъ" и тѣмъ самымъ совершенно устраняютъ отъ участія въ судѣ государя [1]), которому остается лишь право помилованія преступниковъ. Такія домогательства шли въ разрѣзъ со всей практикой XVIII вѣка, не отвѣчали и прямымъ національнымъ особенностямъ суда, а знаменовали собой торжество идей и стремленій французскихъ парламентовъ, добивавшихся полной самостоятельности въ дѣлахъ судебныхъ [2]).

Какъ извѣстно, среди сенаторовъ и сановниковъ—сподвижниковъ Александра I начались пренія по поводу „правъ и преимуществъ" сената. Въ самомъ сенатѣ появились возраженія противъ устраненія государя отъ участія въ судѣ. Сенаторъ Тейльсъ, напр., прямо заявлялъ, что „государь есть верховный судья по законамъ, имъ самимъ установленнымъ". Муравьевъ, Пущинъ, гр. Строгановъ и другіе настаивали, чтобы рѣшенія сената о лишеніи чиновъ и дворянскаго достоинства непремѣнно восходили къ государю по прежнему; Державинъ и гр. Строгановъ, сочувствуя тому, чтобы „апелляція или жалоба не имѣла мѣста", вмѣстѣ съ тѣмъ отзывались, чтобы она была допущена „въ чрезвычайныхъ случаяхъ".

Эти возраженія, въ связи съ бесѣдами въ негласномъ комитетѣ, по указу 8 сентября 1802 г. привели къ нѣкоторому

---

[1]) Хотя такое устраненіе, видимо, не было осознано до конца, такъ какъ статья 1-ая говоритъ о „правосудномъ монархѣ".

[2]) Тарановскій Ѳ. В., Догматика положительнаго государственнаго права во Франціи, Юрьевъ, 1911, 461—468; ср. 269, 273, 281, 378—381.

компромиссному рѣшенію: а) прежній ревизіонный порядокъ въ уголовныхъ дѣлахъ былъ сохраненъ; б) дѣла по протесту генералъ-прокурора должны были восходить къ государю, в) апелляція на рѣшеніе сената, вообще говоря, была запрещена, но въ исключительныхъ случаяхъ дозволена [1]).

Этимъ узаконеніемъ и угрозой наказанія сокращенъ и суженъ былъ путь подачи жалобъ на сенатъ [2]), что и отразилось на количествѣ всеподданѣйшихъ прошеній. Если судить по количеству жалобъ, разсмотрѣнныхъ упомянутымъ выше комитетомъ, то окажется, что послѣ 1802 года, когда жалобъ на сенатъ было подано около 200, въ слѣдующемъ году количество ихъ сразу упало до 83, а въ 1804 году— до 28 [3]). Значитъ, борьба изъ-за вопроса объ апелляціи на сенатъ привела къ побѣдѣ, хотя и не полной, сената: путь жалобъ на сенатъ былъ крайне суженъ и допускался въ

---

[1]) См. указъ 8 сент. 1802 г. (П. С. З., № 20405).

По вопросу объ апелляціи ст. 25 указа 1802 г. гласитъ: „На рѣшеніе сената нѣтъ апелляціи, но какъ могутъ быть крайности, въ коихъ возбранить всякое прибѣжище къ И. В—ву было бы отнять избавленіе у страждущаго, то въ таковомъ случаѣ, если бы кто жаловался па сенатъ, долженъ предварительно дать подписку въ томъ, что вѣдаетъ законы, строго запрещающіе подавать несправедливыя жалобы на сенатъ, ибо 26) когда жалоба окажется несправедливою, жалобщикъ за подачу оной преданъ будетъ суду“.

Любопытно съ этими статьями, суживающими практику жалобъ на сенатъ и совпадающими съ пожеланіями самого сената, сопоставить проектъ манифеста (съ поправками Сперанскаго), въ которомъ нѣсколько ближе къ Павловской практикѣ говорилось: „на рѣшеніе прав. сената никакія жалобы, ни апелляціи не имѣютъ мѣста, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ, въ коихъ предоставляемъ мы себѣ предать дѣло разсмотрѣнію извѣстныхъ намъ особъ“; если жалоба окажется несправедливою, то, хотя несообразно было бы, по смягченію нравовъ, на жалобщиковъ обращать всю строгость узаконеній Петра В., тѣмъ не менѣе къ сокращенію ябеды виновные потерпятъ взысканіе (Сборн. Арх. Инст., I, 161).

Въ другомъ проектѣ указа, взятомъ изъ бумагъ Сперанскаго же, редакція— ближе къ пожеланіямъ сената: „на общее собраніе сената никакая жалоба въ неправосудіи или пристрастіи не пріемлется“, а принимаются лишь въ случаѣ открытія новыхъ обстоятельствъ (127); ср. приписку Сперанскаго: „о жалобахъ на департаменты сената; обѣщать сенату, что никакія жалобы на него въ неправосудіи... (128).

[2]) Что такой смыслъ имѣли ст. 25 и 26, совершенно отчетливо видно изъ слѣдующей 27 статьи, въ которой читаемъ: „Сіе положеніе о жалобахъ на сенатъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія на тѣ дѣла, кои рѣшены до настоящаго его преобразованія, съ которымъ вмѣстѣ и оно воспріять силу свою долженствуетъ“.

[3]) Можетъ быть, послѣдняя цифра неполная, такъ какъ въ 1804 году дѣятельность комитета ослабѣвала и въ началѣ 1805 г. онъ закрылся, а потому не всѣ жалобы 1804 года могли пройти черезъ комитетъ.

чрезвычайныхъ случаяхъ, подъ угрозой наказанія несправедливому челобитчику, чѣмъ ограничивалось вмѣшательство верховной власти въ судебную область[1]).

Кромѣ ревизіи и апелляціи былъ еще одинъ путь, по которому дѣла восходили къ представителю верховной власти. Государю, какъ извѣстно, принадлежитъ право самому непосредственно творить судъ и расправу, не передавая дѣла въ судебныя учрежденія; здѣсь онъ выступаетъ въ качествѣ первой и окончательной инстанціи. Остановлюсь на этой любопытной формѣ. Можно указать на рядъ случаевъ, когда Павелъ, узнавши о какомъ-либо уголовномъ или политическомъ преступленіи, самъ разбиралъ его и, не производя формальнаго суда и слѣдствія, чинилъ приговоръ, налагая на виновнаго то или другое наказаніе. Такъ когда А. В. Суворовъ изъ Италіи сообщилъ Павлу, что колл. асс. Дроздъ-Боначевскій предался французамъ и служитъ имъ, то Государь указомъ 3-го іюня 1799 года повелѣлъ имя измѣнника прибить къ висѣлицѣ

---

[1]) Вопросомъ о реформѣ сената въ началѣ царствованія Александра I и о проектахъ и спорахъ, поднявшихся вокругъ нея, историки и юристы занимались весьма охотно; см., напр., работы: а) Вел. Кн. Николая Михайловича, Графъ П. А. Строгановъ П., 1903 г., т. II; ср. Императоръ Александръ I, П., 1912, т. I, 24, 35; б) Н. К. Шильдера, Имп. Александръ I, т. II; в) Довнаръ-Запольскаго М., вышеуказанная статья; г) Покровскаго, Министерская власть въ Россіи; д) Тельберга Г. Г., Прав. сенатъ и самодержавная власть въ началѣ XIX в., М., 1914 (ср. Ж. М. Н. П., 1910, янв., 1—56); е) бар. С. А. Корфа, Административная юстиція въ Россіи, П., 1910, т. I, 193—210; ср 87—193; ж) Э. Берендтса—въ „Исторіи прав. сената“, т. III, и др.

Изслѣдователи любили подчеркивать конституціонные планы, возникшіе въ связи съ реформой сената, внимательно останавливались на участіи сената въ законодательствѣ, въ особенности на правѣ представленія, которое дано было сенату въ 1802 г., какъ плодъ заимствованія французскихъ порядковъ, и оказалось мертворожденнымъ при тогдашней системѣ правленія; много писалось и объ участіи сената въ управленіи, лишь вскользъ, а иногда и совсѣмъ не упоминалось о судебной роли сената, о желаніи его добиться въ этой области полной самостоятельности, тогда какъ судебная дѣятельность сената и пренія вокругъ нея должны были быть отмѣчены, по моему мнѣнію, рельефнѣе и подробнѣе: судебная дѣятельность въ XIX вѣкѣ для сената становится основной, такъ какъ, съ учрежденіемъ министерствъ и государственнаго совѣта, роль сената въ области законодательства и управленія стушевывается и преобладаетъ надъ всѣмъ его судебная власть. Кромѣ того освѣщеніе преній и борьбы мнѣній вокругъ судебной роли сената въ началѣ XIX в. бросаетъ яркій свѣтъ на предыдущую практику сената и выясняетъ въ значительной мѣрѣ отношенія Монарха и сената за Павловское время. Въ виду этого данный вопросъ изложенъ мной нѣсколько подробно.

„для преданія къ вѣчному посрамленію“, а когда Дроздъ-Боначевскій явился въ русскую армію, то онъ былъ сосланъ въ Сибирь на каторгу [1]). „Поселянинъ г. Харькова, считавшійся войска Черноморскаго сотникомъ“ Артюховъ „дѣлалъ многія грубости“ по адресу корнета Каплева, который у него стоялъ на квартирѣ, а затѣмъ Артюховъ „по затаенной злобѣ“, въ присутствіи частнаго пристава, „наглымъ образомъ“ „ударилъ Каплева два раза“. Хотя Артюховъ и былъ преданъ „за таковую дерзость“ „гражданскимъ правительствомъ“ суду, тѣмъ не менѣе ген.-маіоръ Гладковъ сообщилъ объ этомъ происшествіи Государю. Тогда Павелъ тотчасъ же (17 декабря 1800 г.) приказалъ—Артюхова „за таковой продерзостный поступокъ наказать безъ суда (т. е. безъ формальнаго производства въ установленныхъ инстанціяхъ) кнутомъ, вырѣзавъ ноздри, сослать на каторгу въ Нерчинскъ“, что тогда же и было исполнено [2]).

Въ декабрѣ 1800 года въ столицу прибылъ еврей изъ Ковна Лейбовичъ съ доносомъ на злоупотребленія, замѣченныя имъ въ Литовской губерніи и состоявшія въ отпускѣ лѣса въ Пруссію и пропускѣ черезъ таможню запрещенныхъ товаровъ, при чемъ въ тайномъ провозѣ лѣса оказался виновнымъ прусскій подданный Добровольскій, который былъ схваченъ Лейбовичемъ на берегу Нѣмана при попыткѣ тайно провести лѣсъ и, при допросахъ у земскаго комиссара, признался въ томъ, что онъ уже сплавилъ на прусскую сторону до 28 трактовъ. Все это Лейбовичъ подтверждалъ „копіями съ слѣдствій, произведенныхъ на мѣстѣ“. Когда генералъ-прокуроръ сдѣлалъ объ этомъ докладъ Государю, то онъ, сверхъ другихъ мѣропріятій, направленныхъ къ выясненію и прекращенію злоупотребленій, повелѣлъ (13 дек. 1800 г.)—

---

[1]) Позднѣе оказалось, что обвиненіе въ измѣнѣ было ошибочнымъ, и Д.-Боначевскій при Александрѣ I изъ Сибири былъ возвращенъ (Рус. Стар., 1873 г., авг., 230—238).

[2]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 2476, л. 3. Высоч. повелѣніе 17-го дек. 1800 г. дано слободско-украинскому губернатору Зильбергарнишу. По Высоч. повелѣнію 31 марта 1801 г. Артюховъ былъ помилованъ и возвращенъ на прежнее мѣсто жительства (л. 10).

Добровольскаго наказать кнутомъ и сослать въ Нерчинскъ въ работу [1]).

Приведу, наконецъ, еще одинъ изъ многихъ примѣровъ. 14-го февраля 1801 года Павелъ, получивъ донесенія отъ шефа гусарскаго полка ген.-майора Кишенскаго о „дезерціи" унтеръ-офицера Мишкова, приказалъ „употребить все возможное стараніе для отысканія его и, когда пойманъ будетъ, не производя надъ нимъ никакого слѣдствія, наказавъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, сослать въ Нерчинскъ на каторгу" [2]).

Не только уголовныя и политическія преступленія вызывали иногда непосредственный судъ монарха, случалось, что и гражданскія тяжбы были предметомъ судебнаго разбирательства Государя. Въ виду большей сложности такихъ дѣлъ и желанія Государя привести тяжущихся къ миролюбивому

---

[1]) *Тамъ же*, № 2360, л. 1—5.

[2]) Указомъ 13 марта 1801 г. велѣно было этотъ указъ оставить безъ исполненія (Рус. Стар., 1876 г., май, 193).

Аналогичные случаи наказанія за побѣги: 1) въ маѣ 1799 г. Кирасирскаго полка унтеръ-офицеръ изъ дворянъ А. Митьковъ изъ Бреста Литовскаго бѣжалъ; по полученіи извѣстія объ этомъ, Государь приказалъ — о побѣгѣ „публиковать съ тѣмъ, что какъ таковой побѣгъ дворянина есть необычайный, то-бъ публикація о семъ въ поступкѣ его прибита была вездѣ въ публичныхъ мѣстахъ къ столбамъ" (*Книги именныя*, № 215, л. 280).

2) При побѣгѣ прапорщика кн. Гедройца изъ своего полка, расположеннаго въ г. Ригѣ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе (31 окт. 1800 г.)—„во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ имя его прибить къ висилицѣ". Вскорѣ дезертиръ былъ пойманъ въ тотъ моментъ, когда онъ пытался около г. Ковна „перейти на прусскую сторону". Свой побѣгъ кн. Гедройцъ объяснялъ тѣмъ, что въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ выходилъ съ аудиторомъ на поединокъ и его прокололъ, за что будто бы велѣно было лишить его чиновъ и дворянства и сослать въ вѣчную работу, отъ такого показанія онъ и спасался бѣгствомъ. По Высоч. повелѣнію 5 дек. 1800 г. онъ былъ сосланъ въ Нерчинскъ въ работу (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 2444, л. 1—5).

Подобный случай непосредственнаго суда монарха можно привести изъ болѣе поздняго времени, какъ это видно изъ нижепомѣщеннаго указа сенату 11 марта 1850 года. „Разсмотрѣвъ послѣдовавшія въ государственномъ совѣтѣ разныя мнѣнія по всеподданнѣйшему докладу прав. сената 6 деп-та о находящемся не у дѣлъ кол. рег. Гаврилѣ Горновѣ, и находя, что онъ, сверхъ тѣхъ преступленій, въ коихъ обвиняется сенатомъ, оказывается еще виновнымъ въ ложныхъ извѣтахъ на Пензенское губернское начальство о понесенномъ будто-бы имъ притѣсненіи и о сокрытіи онымъ важнѣйшихъ преступленій, повелѣваемъ: подсудимаго сего, на осн. 1165 и 1166 ст. Уложенія о наказаніяхъ, лишивъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, сослать на житье въ губернію Томскую, съ заключеніемъ тамъ на два года. Николай" (*Книги именныя*, 1850 г., № 637, л. 210).

соглашенію, обычно въ такихъ спорахъ бывало такъ, что Павелъ поручалъ кому-либо изъ довѣренныхъ лицъ разобрать дѣло въ подробностяхъ и по возможности склонить стороны къ взаимнымъ уступкамъ и полюбовному окончанію дѣла. О такихъ формахъ разбора дѣла говоритъ въ своихъ запискахъ Державинъ [1]).

Но можно также указать нѣсколько случаевъ, когда, по жалобѣ какого-либо лица, Государь, увѣрившись въ справедливости жалобы, тотчасъ-же предписывалъ взыскать съ виновнаго искъ въ пользу жалобщика. Такъ воронежскій купецъ Русиновъ обратился къ Государю съ просьбой, въ которой сообщалъ, что покойный графъ П. С. Потемкинъ остался ему долженъ, а вдова, наслѣдница, денегъ платить ему не хочетъ, и въ доказательство долга представилъ вексель въ оригиналѣ. Такъ какъ претензія Русинова не вызывала сомнѣній, то Павелъ приказалъ (31 марта 1798 г.) военному губернатору гр. Ѳ. Ѳ. Буксгевдену распорядиться, „чтобъ заставлена была графиня Потемкина заплатить просителю должныя по тому векселю деньги" [2]). Въ тѣхъ же случаяхъ, когда дѣло, съ которымъ обращались къ Государю, было сложно или не ясно, оно не разрѣшалось Павломъ, а про-

---

[1]) Сочиненія Г. Р. Державина, VI, 678—686.

Жена тайн. сов. Башилова жаловалась Государю на то, что мужъ ее „изъ дома выгналъ" и „оказываетъ противо нея суровость и ожесточеніе", не доставляя ей съ дочерью нужнаго содержанія, между тѣмъ какъ у нея были отъ отца деньги въ количествѣ 60.000 руб., на которые Башиловъ купилъ въ Малороссіи имѣніе на свое имя, завладѣлъ имъ и составилъ уже на него завѣщаніе помимо своей жены. Башилова просила защиты и повелѣнія о томъ, чтобы купленное имѣніе было предоставлено ей.

Павелъ приказалъ Малороссійскому губернатору—„войти въ объясненіе съ т. сов. Башиловымъ и, приглася по довѣренности жены его малороссійскаго почтъ-директора Волховскаго, стараться распорядить обстоятельство сіе такимъ образомъ, дабы г-жа Башилова предоставленіемъ ей собственности ея, не имѣла причины приносить жалобы". По собраніи свѣденій, 4-го апр. 1800 г. состоялось Высоч. повелѣніе—Башиловымъ „разобраться третейскимъ судомъ или по закону". Они изъявили согласіе на третейскій судъ, но при этомъ въ качествѣ третейскаго суда мужъ назвалъ лицо, жившее въ Малороссіи, а жена—въ столицѣ. 13 авг. 1800 г. состоялось новое Высоч. повелѣніе—тайн. сов. Башилову „выбрать медіатора здѣсь" (въ С.-Петербургѣ) и разобраться третейскимъ судомъ (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 2242, л. 45, 64). О третейскомъ разбирательствѣ см. также Сен. Арх., I, 494, 576.

[2]) *Госуд. Арх., Дѣла Трощинскаго*, разр. X, ч. XIIIб, л. 946.

сителю рекомендовалось обратиться къ формальному суду. По поводу имѣнія, оставшагося послѣ тайной совѣтницы Протасовой, изъ-за чего позднѣе началась тяжба между родственниками, Павелъ, при обращеніи къ нему, приказалъ (29 іюня 1800 г.)—дѣло о завѣщаніи Протасовой „разобрать по законамъ“ [1]). А когда бригадиръ Шепелевъ обратился съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ „объ отобраніи у отставного майора Зубкова плаченаго векселя и о возвращеніи якобы несправедливо взятаго имъ лажа и понесенныхъ убытковъ“, и при изслѣдованіи этого дѣла Московскимъ оберъ-полицмейстеромъ Эртелемъ со стороны просителя не представлено было никакихъ ясныхъ доказательствъ, которыя могли бы „изобличить“ Зубкова, то Государь (14 ноября 1800 г.) повелѣлъ объявить просителю, что „имѣетъ онъ право свое отыскивать формальнымъ судомъ“ [2]).

Такимъ путемъ въ Павловское время въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ предыдущія царствованія, Государь выступалъ въ роли непосредственнаго судьи въ качествѣ первой и окончательной инстанціи; благодаря этому изъ общаго русла судебной практики выдѣлялся и усиливался небольшой рукавъ, въ который, минуя обычныя судебныя инстанціи, уносились лично интересовавшія монарха дѣла, а слѣдовательно, изъ вѣдомства сената изымалось нѣкоторое, незначительное, правда, количество дѣлъ, которыя, при обыкновенномъ судопроизводствѣ, восходили-бы на рѣшеніе сената.

Какъ Павелъ относился ко всѣмъ тѣмъ дѣламъ, которыя доходили до него отъ сената, интересовался ли ими или былъ формаленъ, на освѣщеніи этого вопроса слѣдуетъ остановиться.

Что Павелъ внимательно выслушивалъ доклады и давалъ по нимъ резолюціи, вникая въ содержаніе дѣла, объ этомъ свидѣтельствуютъ его докладчики. Такъ статсъ-секретарь Нелединскій-Мелецкій любилъ разсказывать случай, когда Павелъ, будучи въ раздраженномъ состояніи, при первомъ

---

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 2228, л. 5.

[2]) *Тамъ же*, 1800 г., № 1840, л. 14 (ср. Опись, отд. III, т. III, № 2663).

докладѣ дѣлъ давалъ отрывочныя резолюціи строгаго содержанія; тогда онъ черезъ мѣсяцъ или больше сталъ докладывать ихъ во второй разъ, чередуя съ новыми, но Государь вскорѣ это замѣтилъ и сказалъ ему сурово: „это дѣло вы, сударь, уже докладывали", а затѣмъ, посмотрѣвши въ упоръ нѣсколько секундъ на него, добавилъ: „Я васъ, сударь, понялъ и не осуждаю—продолжайте" [1]).

Нѣкій „собиратель" историческихъ разсказовъ и анекдотовъ о временахъ Павла, напечатанныхъ въ Русской Старинѣ, передаетъ „разсказы П. Х. Обольянинова (генералъ-прокурора) о Павлѣ". „Павелъ былъ много начитанъ—говорится здѣсь—зналъ законъ, какъ юристъ, и при докладахъ вникалъ во всѣ подробности и тонкости дѣла"; „онъ былъ адвокатомъ истца или отвѣтчика", спорилъ съ докладчикомъ и требовалъ, чтобы тотъ опровергалъ на основаніи самаго дѣла его возраженія [2]).

Обращаясь къ резолюціямъ Павла на докладахъ сената, можно замѣтить, что, хотя Павелъ въ большинствѣ случаевъ утверждалъ доклады сената, однако его конфирмація вообще не представляла собой простого штемпелеванія подносимыхъ ему докладовъ, иногда онъ возвращалъ доклады сената для измѣненій или исправлялъ постановленія его своими резолюціями. Въ докладѣ о прибавкѣ засѣдателей въ нижніе земскіе суды сенатъ склонялся къ той мысли, чтобы содержаніе прибавочныхъ засѣдателей возложить на общую государственную казну или по меньшей мѣрѣ на дворянъ и казенныхъ поселянъ, на томъ основаніи, что эти суды обслуживаютъ также интересы и поселянъ въ отношеніи земской полиціи. Но Павелъ своей резолюціей 12 іюля 1798 г. содержаніе новыхъ засѣдателей возложилъ по прежнему на однихъ дворянъ [3]). Въ докладѣ того же года сенатъ полагалъ, что слѣдуетъ выдать половинное жалованье бывшему въ Колывани вице-губернатору Н. Ивановскому, который, хотя

---

[1]) Такимъ образомъ—заканчивалъ свой разсказъ Нелединскій—спасено было нѣсколько несчастныхъ (Хроника недавней старины, стр. 40).

[2]) Рус. Старина, 1874 г., XI, 165—166.

[3]) *Книги именныя*, № 205, л. 72—73. Ср. П. С. З., № 18908.

и находился подъ судомъ въ теченіе 8 лѣтъ за разныя упущенія по казенной палатѣ, но виновнымъ не былъ признанъ (по докладу сената, утвержденному Екатериной 7 іюня 1796 г.); ему приходилось довольно внушительная сумма въ 4422 руб. Но Павелъ, которому, видимо, приговоръ суда показался снисходительнымъ, на докладѣ о жалованьи написалъ: „Не давать“ [1]). Когда сенатъ въ докладѣ о малороссійскихъ крестьянахъ предполагалъ разрѣшить продажу ихъ безъ земли, то послѣдовала краткая резолюція: „Безъ земли не продавать“ [2]). Въ другомъ случаѣ, по жалобѣ экономическихъ крестьянъ Слободско-Украинской губерніи относительно земли, Государь приказалъ сенату дѣло ихъ разсмотрѣть въ общемъ собраніи, „замѣтивъ“ при этомъ, что „по оному въ сенатѣ послѣдовали два одно другому совсѣмъ противорѣчащія опредѣленія“ [3]). А 13 января 1800 г. Государь „докладъ сената о претензіи Дубровской на имѣніе мужа ея, которое за нарушеніе вѣрноподданничества съ 794 г. конфисковано и пожаловано другимъ, Высочайшаго утвержденія не удостоилъ и повелѣлъ возвратить въ сенатъ“ [4]).

Въ уголовныхъ дѣлахъ Павелъ, въ большинствѣ утверждая приговоры, довольно часто уменьшалъ наказанія и даже совсѣмъ прощалъ преступниковъ, хотя иногда и усиливалъ мѣру наказанія сравнительно съ сенатомъ, такъ что контроль Павла надъ судебной дѣятельностью сената былъ довольно дѣятельнымъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что этотъ контроль не достигалъ той высоты, какая замѣчалась у его матери въ началѣ и срединѣ царствованія, когда она, по выраженію Н. Д. Чечулина, „почти никогда не утверждала (сенатскія

---

[1]) *Тамъ же*, № 206, л. 127—133. Когда ген.-прокуроръ П. В. Лопухинъ предложилъ сенату уволить чиновника его канцеляріи кол. асс. Авцына, съ награжденіемъ слѣдующимъ чиномъ, и сенатъ вошелъ къ Государю съ докладомъ объ этомъ, послѣдовала резолюція (9 ноября 1798 г.): „Тѣмъ же чиномъ“ (*Книги именныя*, № 209, л. 54—55).

[2]) П. С. З, № 18706.

[3]) *Книги именныя*, Высочайшее повелѣніе 19 декабря 1798 г., № 210, л. 174.

[4]) *Тамъ же*, № 222, л. 95. См. также неутвержденный докладъ сената—Опись, отд. III, т. III, № 2245.

рѣшенія по уголовнымъ дѣламъ) въ томъ видѣ, какъ они назначены были сенатомъ" [1]).

По отношенію къ сенаторамъ, какъ высшимъ сановникамъ, можно отмѣтить нѣкоторую рѣзкость Павла, какъ и вообще по адресу всѣхъ лицъ чиновнаго и придворнаго міра, съ которыми Павлу приходилось входить въ непосредственныя сношенія. Рѣзкость проявлена была и въ цѣломъ рядѣ увольненій сенаторовъ [2]). Но эти дѣйствія направлялись по адресу лицъ, а не учрежденія. Къ сенату же, какъ высшему учрежденію, Павелъ, наряду съ допускаемыми строгостями, относился въ общемъ и милостиво и довѣрчиво.

Извѣстно, что онъ назначилъ къ присутствованію въ немъ наслѣдника цесаревича Александра Павловича; сенату поручилъ организацію и производство ревизіи, дѣла, которымъ интересовался и дорожилъ, предполагая установить путемъ ревизіи порядокъ въ государствѣ; нѣкоторыя дѣла, какъ устройство казармъ съ хозяйственной стороны, хлѣбныхъ магазиновъ, горныхъ дѣлъ, торговли съ Азіей, Павелъ поручалъ сенату.

Павелъ поддерживалъ достоинство сената и въ другихъ случаяхъ. Напр., въ 1797 г. онъ повелѣлъ наказать арестомъ просителя за неправильную жалобу на сенатъ [3]). Въ другомъ случаѣ, когда отставной ротмистръ Н. Яцынъ помѣстилъ въ жалобѣ на сенатъ оскорбительныя выраженія, Государь приказалъ Яцына за дерзкій поступокъ предать суду; а послѣ произведеннаго суда—сослать „для усмиренія" на житье въ Тобольскъ [4]).

---

[1]) „Наказанія, продолжаетъ тотъ же изслѣдователь, комбинировались ею лично по ея усмотрѣнію; съ сенатскимъ приговоромъ она считалась очень мало; она руководствовалась впечатлѣніемъ, которое производило на нее изложеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла и избирала тѣ карательныя мѣры, которыя ей казались наиболѣе подходящими".—Исторія прав. сената, II, 643, 644.

[2]) Къ этому не слѣдуетъ причислять увольненія 25 сенаторовъ по указу 4 сент. 1800 г., такъ какъ оно было вызвано желаніемъ сократить составъ сената.

[3]) Опись, отд. III, т. I, № 572.

[4]) Сен. Арх., I, 312; 350. „Ротмистра Яцына, говорилось въ указѣ 2 ноября 1797 г., включившаго въ жалобѣ своей на 2 сената деп-тъ многія укоризненныя, дерзкія и обидныя выраженія къ присутствію сената, повелѣваемъ за таковой поступокъ предать суду" (Ср. *Книги именныя*, № 199, л. 5—64; № 201, л. 282).

Что же было основной причиною недовольства сената въ Павловское время? По моему мнѣнію, такой причиной были, кромѣ нѣкотораго ослабленія власти сената въ дѣлахъ административныхъ, жалобы на сенатъ, которыя колебали положеніе сената, какъ высшаго судебнаго установленія. Ни ревизія дѣлъ по отчужденію казеннаго имущества, ни непосредственный судъ монарха въ отдѣльныхъ случаяхъ не могли колебать сената, такъ какъ первое было дѣломъ въ значительной мѣрѣ формальнымъ, второе не задѣвало сената, въ виду того, что дѣла шли мимо него, и количество ихъ никогда не могло быть значительнымъ. Но жалобы понижали сенатъ, возвышая надъ нимъ какъ бы постоянную верхнюю инстанцію.

Не смѣя указать на лицо, сенаторы возмущались Павловскимъ временемъ и говорили о „порабощеніи“ сената, о „произволѣ“, допущенномъ въ отношеніяхъ съ нимъ, о томъ, что „побочное вліяніе и властолюбивые виды лицъ, чрезъ которыя сенатъ представлялъ дѣла свои Государю, превозмогая мало-по-малу надъ силою его, исторгли, наконецъ, у него всю (?!) власть, законами ему присвоенную, и привели въ настоящее его состояніе“ [1]). Ниже въ той же запискѣ по поводу жалобъ такой вопросъ: „На что же законы, на что форма, ихъ дѣйствіе ограждающая, когда все будетъ начинаться и продолжаться по частнымъ движеніямъ, когда первая инстанція будетъ Государь, а вторая сенатъ?“

Связавъ паденіе сената съ Павломъ, сенаторы, хотя и говорятъ о лицахъ, но на самомъ дѣлѣ имѣютъ въ виду

Выраженія, которыя Яцынъ помѣстилъ въ жалобѣ и на которыя сенатъ обратилъ вниманіе, были слѣдующія: 1-е, что „2 сената деп-тъ вмѣсто соблюденія законовъ, явно нарушилъ ихъ и вмѣсто сохраненія благосостоянія вѣрноподданнаго весьма его утѣсняетъ“; сіе точно сдѣлано надъ отцомъ его, Яцына, который „безъ доказательствъ, безъ законовъ и противъ здраваго разсудка, а по однѣмъ гадательнымъ причинамъ осуждается“; 2-е, что „правительства, не только отступя отъ законовъ, но и отъ натуральнаго смысла, судили отца его въ чужомъ преступленіи“; 3-е, что „рѣшеніе сенатъ учинилъ, удаляясь отъ истины и законовъ“; 4-е, что „представленный Извѣковымъ счетъ сенатъ утверждаетъ по гадательнымъ только причинамъ, никакого вѣроятія не заслуживающимъ“; 5-е, что „сенатъ доказательствъ не уважилъ, отринулъ и далъ полную вѣру бездоказательному Извѣковымъ показанію“ (*Сен. Арх.*, *Дѣла общихъ собраній*, 1797 г., № 10, л. 482—483; ср. всеподданнѣйшее прошеніе отс. ротмистра Николая Яцына отъ 2 апр. 1797 г.—л. 10—20).

[1]) Сборникъ Арх. Института, I, 130; ср. 133.

порядокъ, который имъ кажется непріемлемымъ. Жалобы на сенатъ, какъ показано выше, широко принимались еще Екатериной, принимались Павломъ, а также въ первые два года и Александромъ. Сенатъ, стремясь отстоять свою самостоятельность въ судебной области и по возможности пресѣчь путь апелляціи, идетъ противъ верховной власти, суживая каналы, которыми восходили къ ней судебныя дѣла, и претендуя на право единаго верховнаго судилища, но онъ инстинктивно не даетъ вопросу открытую принципіальную постановку; онъ, во-первыхъ, неоднократно подчеркиваетъ самодержавіе верховной власти, стараясь защититься отъ возможныхъ возраженій и указаній на конституціонность стремленій сената, а во-вторыхъ, выставляетъ свои требованія, какъ противовѣсъ непопулярному времени Павла, намѣренно забывая о томъ, что время Екатерины и Александра принципіально ничѣмъ не отличалось отъ времени Павла въ этомъ отношеніи.

Отсюда видно, что въ Павловское время произошелъ большій нажимъ со стороны верховной власти на самостоятельность сената, какъ высшей судебной инстанціи; по моему мнѣнію, это было основной и принципіальной причиной недовольства сената и послужило толчкомъ къ домогательству со стороны послѣдняго—закономъ оградить себя отъ постояннаго вмѣшательства государя въ судебную дѣятельность.

Усиленіе власти генералъ-прокурора въ Павловское время нужно было ожидать благодаря симпатіи Павла къ системѣ единоличнаго управленія; объ этомъ ниже сказано будетъ подробно. Но это усиленіе не слѣдуетъ преувеличивать: 1) Павелъ, при внутренней слабости воли, былъ своенравенъ и любилъ демонстрировать выраженіе своей собственной воли, легко разбирался въ дѣлахъ, имѣлъ собственные взгляды, благодаря чему мнѣніе генералъ-прокурора для Павла не имѣло и не могло имѣть „рѣшающаго значенія"; 2) на ряду съ генералъ-прокуроромъ докладчиками по дѣламъ административнымъ были многія другія лица, а по сенатскимъ—часто доклады сената со стороны генералъ-прокурора не

были личными, а шли черезъ статсъ-секретарей [1]); 3) широкая доступность Павла и свобода подачи челобитныхъ могла парализовать личное усмотрѣніе генералъ-прокурора, такъ-какъ онъ зналъ, что въ случаѣ подтасовокъ и неправильныхъ дѣйствій онъ можетъ быть изобличенъ предъ государемъ въ нихъ, что грозило лично генералъ-прокурору, при крутомъ нравѣ Павла, тяжелыми послѣдствіями [2]).

Наблюденіе надъ практикой показываетъ, что въ рѣшеніи дѣлъ генералъ-прокуроръ былъ одной изъ слагаемыхъ силъ, но не рѣшающей: Государь то конфирмировалъ докладъ сената, поддержанный генералъ-прокуроромъ, то видоизмѣнялъ или отклонялъ его; при расхожденіи сената и генералъ-прокурора, случалось, что въ концѣ концовъ торжествовало мнѣніе сената [3]).

На отношенія государя, сената и генералъ-прокурора бросаетъ нѣкоторый свѣтъ слѣдующее производство. Въ 1798 году въ сенатѣ разсматривалось сложное дѣло по спору объ имѣніи между кн. Долгоруковыми, л.-гв. прапорщикомъ Приклонскимъ и княгинями Гундоровой и Друцкой-Соколинской. За разногласіемъ сенаторовъ и по ходатайству княгинь, дѣло перешло въ общее собраніе, при чемъ вести его поручено было, въ виду родственныхъ отношеній ген.-прокурора кн. Куракина съ кн. Долгоруковыми, старшему оберъ-прокурору О. П. Козодавлеву и предписано, по рѣшеніи дѣла сенатомъ, представить его Государю съ заключеніемъ гене-

---

[1]) См. въ бумагахъ Д. П. Трощинскаго экстракты по докладамъ сенатскимъ и Высочайшія резолюціи по нимъ (*Гос. Арх., разр.* X, ч. XIIIa). Несамостоятельность генералъ-прокурора по отношенію къ Государю выражалась настолько сильно, что генералъ-прокуроръ иногда даже на свои собственныя предписанія по тому или другому дѣлу предварительно испрашивалъ у Государя соотвѣтствующихъ указаній. Напр., когда П. Х. Обольяниновъ получилъ отъ статсъ-секретаря Кутайсова всеподданнѣйшее прошеніе Шапкиной, то онъ, послѣ справокъ, заготовивъ по этому дѣлу свое предписаніе, тѣмъ не менѣе отправляетъ его (31 ноября 1800 г.) къ Кутайсову и проситъ сообщить, какое воспослѣдуетъ Высочайшее повелѣніе на его предписаніе, посылаемое имъ Кутайсову предварительно для доклада Государю (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 2660, л. 125).

[2]) Анекдотическое изображеніе такихъ послѣдствій можно видѣть въ разсказѣ А. М. Тургенева о жалобѣ Майкова и наказаніи кн. Куракина, по завѣту Петра В., палкой (Рус. Стар., 1895, май, 49).

[3]) Ср. дѣла общихъ собраній съ разными мнѣніями сенаторовъ и согласительными предложеніями ген.-прокурора (Опись, отд. II, т, I).

ралъ-рекетмейстера. Общее собраніе большинствомъ голосовъ рѣшило тяжбу въ пользу родственниковъ генералъ-прокурора кн. Долгоруковыхъ, но генералъ-рекетмейстеръ, изложивъ дѣло, далъ заключеніе въ пользу Приклонскаго. А за нимъ и Козодавлевъ, „разсмотрѣвъ сіе дѣло и соображая оное съ законами", нашелъ, что „заключеніе генералъ-рекетмейстера учинено имъ сообразно существу сего дѣла и прямому смыслу законовъ, почему и рѣшенія общаго собранія сената" „къ вершенію допустить не слѣдуетъ". Государь склонился на сторону меньшинства, генералъ-рекетмейстера и оберъ-прокурора и на докладѣ послѣдняго (14 мая 1798 г.) написалъ: „Быть во всемъ по заключенію генералъ-рекетмейстера"; видимо, на него подѣйствовало указаніе на „существо дѣла" и „прямой смыслъ законовъ". Такимъ путемъ на дѣло не оказывало никакого вліянія то обстоятельство, что кн. Долгоруковы были родственниками генералъ-прокурора; они проигрывали процессъ.

Однако, на этомъ тяжба не кончилась. Вскорѣ кн. Юрій Долгоруковъ подалъ Государю жалобу, съ указаніемъ на то, что генералъ-рекетмейстеръ Палицынъ неправильно изложилъ обстоятельства дѣла въ своемъ заключеніи. Увѣрившись въ этомъ, Павелъ 5 октября 1798 г. приказалъ снова разсмотрѣть тяжбу Долгорукова-Приклонскаго въ общемъ собраніи, а также и поступокъ генералъ-рекетмейстера, при этомъ указъ послѣдовалъ въ то время, когда кн. А. Б. Куракинъ уже лишился (8 августа) должности генералъ-прокурора. Сенатъ разсмотрѣлъ дѣло вновь и большинствомъ голосовъ рѣшилъ его по прежнему въ пользу кн. Долгорукова, а въ поступкахъ генералъ-рекетмейстера, повидимому, не усмотрѣлъ ничего преступнаго или неблаговиднаго. Докладъ сената съ его рѣшеніемъ на этотъ разъ получилъ Высочайшую конфирмацію въ декабрѣ 1799 г., когда Куракины уже были въ опалѣ [1]).

Этотъ примѣръ показываетъ, что вліяніе генералъ-прокурора не было опредѣляющимъ для рѣшенія дѣла: сенатъ,

---

[1]) *Книги именныя*, № 204, л 121—122. Сен. Арх., I, 446. Опись, отд. II, т. I, № 53.

очевидно, былъ самостоятеленъ въ своемъ рѣшеніи, когда генералъ-прокуроръ кн. Куракинъ былъ устраненъ отъ участія въ немъ; а затѣмъ, когда дѣло рѣшилось не въ пользу родственниковъ генералъ-прокурора кн. Долгоруковыхъ по указанію генералъ-рекетмейстера, оно вновь назначается къ слушанію при Лопухинѣ, и рѣшается сенатомъ по прежнему, конечно, безъ какого-либо давленія съ стороны генералъ-прокурора, такъ какъ сенатъ лишь подтвердилъ свое первое постановленіе.

Работалъ ли сенатъ успѣшно и быстро, на это отвѣтить можно болѣе или менѣе точно на основаніи цифроваго матеріала. А. Э. Нольде рѣшаетъ этотъ вопросъ, какъ мной указано выше, въ неблагопріятномъ для Павловскаго времени смыслѣ. Расчетъ его простъ: до 13 декабря 1796 года канцелярія сената состояла изъ 272 чиновниковъ, количество нерѣшенныхъ дѣлъ составляло 11476 дѣлъ, примѣрно одногодичная залежь. Въ 1797 году канцелярія, благодаря новымъ штатамъ 1796 года, увеличилась болѣе, чѣмъ вдвое (прибавилось свыше 500 человѣкъ), а послѣ Павловскаго царствованія къ 1805 году число нерѣшенныхъ дѣлъ превосходило 10000. ,,На основаніи этихъ данныхъ, говоритъ тотъ же изслѣдователь, можно сказать, что съ 1797 по 1804 годъ сенатъ работалъ не болѣе успѣшно, чѣмъ при Екатеринѣ". Къ причинамъ, объясняющимъ эту малую успѣшность, указаннымъ еще М. М. Сперанскимъ, А. Э. Нольде прибавляетъ ,,еще одну и едва ли не главную—хаотическій безпорядокъ, водворившійся вообще во всѣхъ дѣлахъ" [1]).

Разсмотримъ этотъ вопросъ поближе, на основаніи частью тѣхъ же дѣлъ, которыми пользовался А. Э. Нольде, а также и новыхъ, но постараемся ввести нѣсколько больше цифръ, которыя дали бы возможность болѣе подробно и полно охарактеризовать количество и движеніе дѣлъ, проходившихъ черезъ сенатъ.

Ко времени введенія въ дѣйствіе новаго штата сената, точнѣе говоря, къ 1 января 1797 года, по департаментамъ

---

[1]) Исторія прав. сената, II, 710—711, 728.

сената, общему собранію, государственнымъ экспедиціямъ при сенатѣ, герольдмейстерскихъ и рекетмейстерскихъ дѣлъ, оставалось отъ прежнихъ лѣтъ нерѣшенныхъ 14233 дѣла [1]); при общемъ поступленіи въ годъ отъ 10 до 13 тысячъ, это количество нѣсколько превышало годовой приростъ дѣлъ.

Въ послѣдующіе годы количество дѣлъ, поступавшихъ въ сенатъ, быстро возростало, и съ 10—13 тысячъ къ 1801 году поднялось до весьма внушительной цифры въ 42 тысячи съ лишнимъ. Количество дѣлъ, вступившихъ по департаментамъ сената въ разные годы, видно будетъ изъ слѣдующей таблицы [2]):

ДЕПАРТАМЕНТЫ.	1796 г.	1797 г.	1798 г.	1799 г.	1800 г.
Первый	2984	4252	4250	3613	6417
Второй	1526	2794	2549	2212	2453
Третій	795	2428	2471	2607	2639
Четвертый	2176	1899	2400	2725	5668
Межевой	667	934	2184	1240	3284
Общее собраніе	60	80	50	45	48
Врем. казенный	—	349	1811	4915	506 [3])
„ апелляціонный . .	—	346	826	1077	627

[1]) Въ докладѣ генералъ-прокурора цифра въ 11476 дѣлъ дана лишь для С.-Петербургскихъ департаментовъ и общаго собранія, къ 5 дек. 1796 г.; по московскимъ же департаментамъ и другимъ сенатскимъ учрежденіямъ количества нерѣшенныхъ дѣлъ не показано.

Цифра въ 14233 взята изъ вѣдомости, составленной въ канцеляріи генералъ-прокурора—*Дѣла канцеляріи*, № 300, л. 72.

[2]) Настоящая таблица составлена по дѣламъ канцеляріи генералъ-прокурора, № 300 (преимущественно л. 70—75), 1541, л. 102 и др.; 2396, л. 70, 158 и др.

[3]) По этой рубрикѣ показано 31.015 дѣлъ, изъ числа которыхъ свыше 30.000 было взято изъ архива старыхъ „интересныхъ“ дѣлъ для просмотра (*Дѣло* № 2396, л. 12).

ДЕПАРТАМЕНТЫ.	1796 г.	1797 г.	1798 г.	1799 г.	1800 г.
Врем. межевой	—	140	204	435	290
„ общее собраніе . .	—	—	15	22	93
Пятый (Москов.)	1296	1636	1980	2393	3513
Шестой	1065	2118	2547	2526	3018
Герольдіи	1926	2704	3280	5467	10973
„ (въ Москвѣ) . .	822	943	1132		
Рекетмейстерскія	—	911	1501	1192	1427
Экспедиціи: а) хозяйства	—	155	277	63	267
„ б) конскихъ заводовъ	—	262	318	378	—
Итого	13317	21951	27795	30910	42223

Если взять годы Павловскаго царствованія, то окажется, что за 4 года въ сенатъ поступило свыше 136 тысячъ дѣлъ, около 34 тысячъ ежегодно, почти въ три раза больше противъ цифры поступленія 1796 года, послѣдняго года Екатерининскаго царствованія, въ особенности, если имѣть въ виду цифру поступленія 1800 года. Какъ же справилась съ такимъ громаднымъ наплывомъ дѣлъ сенатская канцелярія и чины учрежденій, относящихся къ сенату. Отвѣтъ даетъ намъ другая таблица, изъ которой видно, какъ велико было количество рѣшенныхъ дѣлъ за годы съ 1797 по 1800.

Таблица рѣшенныхъ дѣлъ по сенату.

ДЕПАРТАМЕНТЫ.	1797 г.	1798 г.	1799 г.	1800 г.
Первый	3641	4409	5214	7147
Второй	2124	1937	2333	2475
Третій	2274	2479	2651	3559
Четвертый	1409	2239	3027	5764
Межевой	995	1912	1341	2739
Общее собраніе	34	31	28	104
Врем. казенный	1359	1228	5680	1239 [2])
„ апелляціонный	756	1145	516	735
„ межевой	198	261	454	406
„ общее собраніе	32	41	20	39
Пятый (Москов.)	1770	1920	2907	3756
Шестой	1630	2098	2569	3549
Экспедиціи: а) хозяйства.	119	242	101	255
„ б) конскихъ заводовъ.	243	249	452	—
Герольдмейстерскія	3520	4005	4404	11278
Рекетмейстерскія	734	1321	1363	1435
Итого	20838 [1])	25517	33060	44480

[1]) Изъ этого числа 19.851 дѣйствительно рѣшено и только 987—„къ справкамъ“.

[2]) По вѣдомостямъ показано: въ одной—8524, въ другой—9216, въ третьей—14.069; разница, видимо, объясняется тѣмъ, что принимались въ расчетъ цифры дѣлъ, взятыхъ для просмотра изъ архива въ количествѣ 30.338, изъ которыхъ часть была разобрана и прибавлялась къ рѣшеннымъ дѣламъ, при чемъ общій

Отсюда видно, что продуктивность дѣятельности сената съ каждымъ годомъ повышалась: если въ 1797 году по департаментамъ сената и учрежденіямъ, къ нему относящимся, рѣшено было около 21 тысячи дѣлъ, то въ 1800 году уже было рѣшено свыше 44 тысячъ, а всего за 4 года было рѣшено 123.895 дѣлъ, въ среднемъ на каждый годъ приходится около 31 тысячи дѣлъ; втрое больше того, что рѣшалось въ послѣдніе годы Екатерининскимъ сенатомъ.

Каково же количество нерѣшенныхъ дѣлъ за Павловское время, на это отвѣтъ дастъ слѣдующая третья таблица.

Число нерѣшенныхъ дѣлъ въ концѣ каждаго отчетнаго года.

ДЕПАРТАМЕНТЫ.	1796 г.	1797 г.	1798 г.	1799 г.	1800 г.
Первый	1471	2082	2378	777	47
Второй	635	1305	1970	1849	1827
Третій	309	463	455	411	491
Четвертый	223	713	1202	900	413
Межевой	432	371	710	609	1157
Общее собраніе	154	200	219	236	73
Врем. казенный	4197	3187	3770	3005	2350 [1])
„ апелляціонный . .	2604	2194	1875	2436	2328

итогъ варьировался (8524, 9216, 14069) въ зависимости отъ числа, когда была представлена вѣдомость (18 или 30 декабря), а также въ зависимости оттого, бралось ли во вниманіе количество дѣлъ: а) „принятыхъ во извѣстіе къ отдачѣ въ архивъ“, б) рѣшенныхъ къ справкамъ или в) дѣйствительно рѣшенныхъ. Мной взята цифра въ 1239 рѣшенныхъ дѣлъ по департаменту, безъ архивныхъ (ср. *дѣло* № 2396, л. 12).

[1]) По вѣдомости показано — 24.804 дѣла, въ томъ числѣ „интересныхъ“— 24.529; тогда какъ ихъ было прежнихъ—2622, вступило—30.867; рѣшено—8524; въ остатокъ не включены тѣ, что были взяты изъ архива.

ДЕПАРТАМЕНТЫ.	1796 г.	1797 г.	1798 г.	1799 г.	1800 г.
Врем. межевой	597	539	482	463	347
„ общее собраніе . .	188	156	130	132	186
Пятый (Москов.)	1215	1081	1174	660	417
Шестой	750	1240	1944	1901	1370
Экспедиціи: а) хозяйства.	—	36	71	33	45
„ б) конскихъ заводовъ.	36	55	124	50	—
Герольдіи	640	767	1204	2267	1846
Рекетмейстерскія	780	957	1173	1002	994
Итого	14231	15346	18881	16731	13891

Изъ этой таблицы видно, что количество нерѣшенныхъ дѣлъ въ общемъ оставалось безъ какихъ либо существенныхъ измѣненій: въ концѣ 1796 года дѣлъ неоконченныхъ было около 14 тысячъ, почти такое же количество [1]) оставалось и по истеченіи 1800 года; но разница существенная была та, что дѣла 1796 года представляли собой болѣе, чѣмъ годовую залежь, тогда какъ остатокъ дѣлъ 1800 года заключалъ въ себѣ всего одну треть годового поступленія, значитъ число нерѣшенныхъ дѣлъ, не измѣняясь существенно по количеству, измѣнялось и уменьшалось въ своемъ относительномъ значеніи. А если вспомнить то, что число рѣшенныхъ сенатомъ дѣлъ возросло въ общемъ втрое, то тогда, вопреки утвержденію проф. А. Э. Нольде, нужно будетъ признать, что сенатъ и сенатскія канцеляріи за Павловское время работали быстро и энергично и съ успѣхомъ поспѣвали за

[1]) Къ 8 сент. 1802 года неоконченныхъ дѣлъ въ сенатѣ числилось 10.709 (П. С. З., № 20478).

необычайнымъ ростомъ количества вновь поступавшихъ въ сенатъ дѣлъ.

Нѣкоторой иллюстраціей быстроты рѣшенія дѣлъ въ сенатѣ могутъ быть слѣдующіе примѣры. Въ 1799 году л.-гв. отставной поручикъ Овсѣенко, изобличенный въ убійствѣ, сидя въ Черниговскомъ острогѣ, пытался вмѣстѣ съ колодниками перебить караульныхъ и уйти, причемъ высказывалъ намѣреніе „пригласить къ себѣ многихъ людей и прославиться, какъ Пугачевъ“. Онъ былъ присужденъ Малороссійскимъ генеральнымъ судомъ къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Нерчинскъ, а затѣмъ дѣло объ немъ 21 мая 1800 года было представлено въ сенатъ (въ 3-й департаментъ), черезъ нѣсколько дней въ немъ рѣшено, а 31 мая приговоръ объ Овсѣенкѣ получилъ Высочайшую конформацію [1]). Можно допустить, что это дѣло рѣшено было сенатомъ столь быстро въ виду важности содѣяннаго преступленія, однако можно указать на рядъ обыкновенныхъ уголовныхъ преступленій, которыя почти также быстро проходили черезъ сенатъ. Напр., дѣло о кражѣ лошадей, совершенной шляхтичемъ Голембовскимъ въ январѣ 1800 г., было разсмотрѣно въ губернскихъ судахъ въ февралѣ и мартѣ, въ апрѣлѣ или маѣ оно попало въ сенатъ, и уже 17 мая на рѣшеніе сената послѣдовала Высочайшая конфирмація [2]).

По производствамъ 1799—1800 года видно, что тамъ, гдѣ не возбуждается особыхъ сомнѣній, дѣла начинаютъ проходить черезъ сенатъ очень быстро. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда дѣла заключали въ себѣ „важный казенный интересъ“ или „многое число подсудимыхъ“ генералъ-прокуроръ принималъ мѣры по сенатской канцеляріи къ скорѣйшему ихъ рѣшенію [3]). Всего указаннаго выше, я думаю, достаточно, чтобы

---

[1]) *Книги именныя*, № 226, л. 315—321.

[2]) *Тамъ же*, № 226, л. 139—140. Ср. подобный же случай быстроты рѣшенія дѣлъ—№ 229, л. 150—152; № 232, л. 31—33, 321—324.

[3]) Въ числѣ побудительныхъ мѣръ укажу на ордеръ генералъ-прокурора, обращенный (въ февралѣ 1800 г.) ко всѣмъ оберъ-прокурорамъ:

„Усматривая въ числѣ скопившихся по департаментамъ и состоящихъ по генеральнымъ очереднымъ книгамъ нерѣшенныхъ дѣлъ такія, кои заключаютъ въ себѣ довольно важный казенный интересъ, а другія имѣютъ многое число под-

убѣдиться въ томъ, что, если нѣкоторыя дѣла продолжали въ силу сложности ихъ тянуться въ своемъ производствѣ, то главная масса дѣлъ проходила черезъ сенатъ съ необычною для XVIII вѣка быстротой.

Итакъ, вопреки мнѣнію Градовскаго, слѣдуетъ признать, что сенатъ въ Павловское время имѣлъ не только судебное, но и административное значеніе: судя по его дѣятельности, сенатъ по прежнему оставался верховнымъ правительственнымъ мѣстомъ, только съ болѣе ясно выраженнымъ значеніемъ его, какъ судебнаго учрежденія по преимуществу. А также, вопреки мнѣнію бар. А. Э. Нольде, какъ показано выше,—никакого глубокаго паденія сената за царствованіе Павла I не произошло, такъ какъ компетенція сената не измѣнилась, практика же выражалась въ томъ, что, съ одной стороны, необычайно возросло количество дѣлъ, поступавшихъ въ сенатъ, съ другой, сенатъ рѣшалъ ихъ въ подавляющемъ большинствѣ самостоятельно, безъ участія Государя и безъ вмѣшательства генералъ-прокурора. Хотя на ряду съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить, что сенатъ получилъ нѣсколько меньшее, сравнительно съ Екатерининскимъ временемъ, значеніе въ дѣлахъ судебныхъ, такъ какъ усилился непосредственно судъ Монарха и многія дѣла стали восходить къ Государю въ порядкѣ ревизіонномъ и апелляціонномъ, чѣмъ ослаблялось значеніе сената, какъ высшаго суда имперіи; а также и дѣла по управленію отходили къ генералъ-прокурору и другимъ представителямъ правительстенной власти. Наконецъ, вопреки мнѣнію изслѣдователей, нужно признать, что несмотря на весьма значительный наплывъ дѣлъ, сенатъ работалъ быстро и успѣшно, вполнѣ справляясь съ утроеннымъ количествомъ вновь вступавшихъ въ него дѣлопроизводствъ.

судимыхъ, озабочиваюсь принять особливое попеченіе къ скорѣйшему ихъ окончанію и для того рекомендуя оберъ-прокурорамъ немедленно о таковыхъ дѣлахъ сообразиться и выписавъ ихъ на особливый реестръ съ означеніемъ времени вступленія ихъ общаго номера по генеральному реестру и обстоятельствъ казеннаго интереса, а по другимъ числа подсудимыхъ и содержанія Высочайшихъ повелѣній, какія на которое дѣло къ поспѣшенію его были, снестись со мною и поспѣшить затѣмъ скорѣйшимъ ихъ изготовленіемъ и предложеніемъ къ слушанію и рѣшенію“ (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 2167, л. 2).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Генералъ-прокуроръ при Павлѣ I, его роль въ управленіи [1]).

Со времени выхода въ свѣтъ извѣстнаго труда Градовскаго „Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры“ въ наукѣ установился взглядъ, что генералъ-прокуратура явилась удачнымъ дополненіемъ личнаго начала къ учрежденіямъ коллегіальнымъ [2]); при создавшейся системѣ, говоря словами современнаго изслѣдователя, „возможная основательность, разносторонность и безпристрастіе рѣшеній обезпечивались коллегіальностью обсужденія дѣлъ, необходимая быстрота и энергія въ исполненіи значительно выигрывали отъ того, что исполнителемъ являлось одно лицо“ [3]).

Генералъ-прокуроръ съ самаго момента учрежденія этой должности занялъ видное положеніе среди сановниковъ: облеченный довѣріемъ государя, поставленный весьма независимо въ сенатѣ, генералъ-прокуроръ имѣлъ возможность существенно вліять на ходъ законодательства и управленія. Во второй же половинѣ XVIII вѣка генералъ-прокуроръ явно возвышается среди другихъ должностей и учрежденій; онъ становится ближе къ государю, пускаетъ болѣе глубокіе корни въ сферѣ управленія и захватываетъ все новые и новые пред-

---

[1]) Настоящая глава первоначально была напечатана въ Ж. М. Ю., 1912, IV.

[2]) А. Градовскій, Высшая администрація Россіи XVIII в. и генералъ-прокуроры. П. 1866 г. (или Собраніе сочиненій, т. I, П. 1899 г.); ср. въ изслѣдованіи А. Н. Филиппова главу III—„Исторія прав. сената“, т. I, 203—225.

Кромѣ книгъ о генералъ-прокуратурѣ, поименованныхъ выше, см. новое, только что выпущенное, изслѣдованіе В. И. Веретенникова, Очерки исторіи генералъ-прокуратуры въ Россіи до—Екатерининскаго времени, Харьковъ, 1915 г.

[3]) Изъ ст. Н. Д. Чечулина, въ „Исторіи прав. сената“, т. II, 367.

меты вѣдомства. Такое возвышеніе произошло въ царствованіе Екатерины II, особенно же въ царствованіе Павла I.

Императрица Екатерина II высоко оцѣнивала государственное значеніе должности генералъ-прокурора и считала необходимымъ подкрѣплять его „совершенной довѣренностью", понеже, поясняла она въ секретнѣйшемъ наставленіи кн. Вяземскому, генералъ-прокуроръ „по должности своей обязывается сопротивляться наисильнѣйшимъ людемъ, и следовательно, власть государская одна его подпора". „Поверенность безпредѣльную" Императрица и обѣщала кн. Вяземскому при его назначеніи, если онъ, съ своей стороны, не по примѣру своего предшественника, обнаружитъ передъ нею „верность, прилежаніе и отъкровенное чистосердечие".

Въ той же инструкціи Императрица отмѣчала, что самый сенатъ и всѣ „места" (учрежденія) „вышли изъ своихъ основаній": сенатъ издавалъ законы, раздавалъ чины, деревни, чего при самодержавномъ порядкѣ правленія не должно быть; однако, сенатъ, „вышедъ единожды изъ своихъ границъ, и нынѣ съ трудомъ привыкаетъ къ порядку, въ которомъ ему быть надлежитъ". Низшія учрежденія отъ сената „утеснены", и благодаря „гоненіямъ" „пришли въ толь великой упадокъ, что и регламентъ вовсе позабыли" [1]).

Изъ этого „секретнѣйшаго наставленія" видно, что Екатерина II уже въ началѣ своего царствованія, недовольная положеніемъ дѣлъ, пыталась опереться на должность генералъ-прокурора, замѣстить ее довѣреннымъ лицомъ, предполагая дѣйствовать черезъ него противъ „наисильнѣйшихъ людей" и сената, если бы онъ вышелъ изъ границъ. Императрица стремится сдѣлать генералъ-прокуратуру какъ-бы самостоятельнымъ органомъ власти, дѣйствующимъ не только съ сенатомъ, съ которымъ до того генералъ-прокуроръ составлялъ какъ-бы единое цѣлое, но и помимо сената. Выборъ ея, остановившійся на кн. Вяземскомъ, человѣкѣ прямомъ и честномъ, трудолюбивомъ и даровитомъ, вполнѣ отвѣчалъ поставленной

[1]) „Исторія прав. сената", т. II, 794, 795.

цѣли. Отмѣчу кратко успѣхи генералъ-прокурорской должности за время царствованія Екатерины II.

Раздѣленіе сената на департаменты въ 1763 году поставило генералъ-прокурора во главѣ цѣлой коллегіи оберъ-прокуроровъ, находившихся по одному при каждомъ (кромѣ перваго) департаментѣ, при чемъ самъ генералъ-прокуроръ остался при первомъ департаментѣ, въ которомъ были сосредоточены всѣ важнѣйшія дѣла государственнаго управленія. Изъ перечисленія [1]) ихъ видно, что важнѣйшія дѣла по внутреннему управленію, преимущественно по финансамъ и, отчасти, по внѣшнимъ сношеніямъ, но такимъ, которыми въ данный моментъ больше всего интересовалось правительство, были выдѣлены изъ дѣлъ сената въ одну группу и поручены ближайшему руководству генералъ-прокурора.

Когда же генералъ-прокуроръ сталъ обременяться дѣлами, то онъ былъ освобожденъ отъ текущей канцелярской работы. Такъ, въ 1767 г. Вяземскій работалъ по комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, а потому особымъ указомъ Императрица разрѣшила ему поручать кому-либо изъ оберпрокуроровъ ту часть своей работы по сенату, которую онъ найдетъ возможнымъ [2]). Нѣсколько лѣтъ спустя генералъ-прокуроръ освобождается отъ канцелярской работы по 1-му департаменту, гдѣ также по примѣру прочихъ департаментовъ была учреждена (указомъ 19 сентября 1774 г.) долж-

---

[1]) Первому департаменту, а значитъ, генералъ-прокурору, по преимуществу были поручены дѣла „государственныя и политическія“, а именно, „вѣдомости о числѣ народа“, дѣла по ревизіямъ душъ мужского пола, дѣла финансовыя, въ числѣ которыхъ свѣдѣнія о всѣхъ приходахъ и расходахъ, дѣла по герольдіи о дворянствѣ, по синоду съ подчиненными мѣстами, по камеръ-коллегіи, ревизіонъ-коллегіи, бергъ-коллегіи, мануфактуръ-коллегіи, коммерцъ-коллегіи, штатсъ-конторѣ, по коллегіи иностранныхъ дѣлъ (съ пограничными комиссіями и канцеляріей опекунства иностранныхъ), дѣла по соляной конторѣ, банковой конторѣ, по бывшей тайной экспедиціи, по монетному департаменту, канцеляріи конфискаціи, по магистратамъ и управленіямъ разными заводами (П. С. З., № 11989).

[2]) „Исторія правительствующаго сената“, т. II, 369. Въ указѣ 11 августа 1767 г. говорилось: „Дозволяемъ ему тѣ дѣла, кои онъ не столь важными найдетъ, по разсмотрѣнію своему, препоручать оберъ-прокурорамъ сената, кому онъ разсудитъ, а они имѣютъ по тѣмъ дѣламъ смотрѣніе имѣть и исполненіе чинить на основаніи должности своей, его-же, ген.-прокурора, о произшествіи оныхъ увѣдомлять“ (*Сен. Арх., кн. Высоч. указ.*, № 123, л. 87).

ность оберъ-прокурора, на генералъ-прокурора же было возложено „главнѣйшее смотрѣніе“ въ департаментахъ сената за дѣлами „государственными и интересными“, а также веденіе дѣлъ секретныхъ и всѣхъ дѣлъ по общему собранію сената. Это освобожденіе отъ текущей работы нисколько не умаляло объема власти генералъ-прокурора: онъ „оставался .. и въ каждомъ департаментѣ со всею тою властью, которая ему въ инструкціи его предписана“, онъ могъ, „когда заблагоразсудитъ, для дѣлъ важныхъ и его объясненій требующихъ, пріѣзжать въ департаменты и въ оныхъ присутствовать“. Весьма существеннымъ также былъ пунктъ указа, утверждавшій установившуюся практику, по которой всѣ дѣла отъ сената восходили къ Государынѣ исключительно черезъ генералъ-прокурора. „Поелику генералъ-прокуроръ“,—читаемъ въ пятомъ пунктѣ указа,—„есть директоръ сенатской канцеляріи, то всѣ доклады, рапорты и меморіи и словомъ все, что только къ Нашему поднесенію или докладу изъ сената слѣдуетъ, имѣетъ быть къ Намъ препровождено чрезъ генералъ-прокурора на прежнемъ основаніи“ [1]).

Со средины 60-хъ годовъ вѣдомство генералъ-прокурора расширяется путемъ порученія кн. Вяземскому разныхъ учрежденій и дѣлъ. Такъ, въ 1765 году генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій назначенъ былъ къ завѣдыванію межевой экспедиціей [2]). Съ 1767 года кн. Вяземскому поручаются сложныя работы по организаціи комиссіи составленія новаго уложенія, чѣмъ онъ былъ занятъ до времени закрытія комиссіи [3]). Въ 1769 году былъ учрежденъ, на время войны, при Высочайшемъ дворѣ особый совѣтъ, въ который вошелъ и генералъ-прокуроръ [4]). Съ 1771 года финансовая отчетность по синоду и губернскому управленію сосредоточивается фактически въ рукахъ генералъ-прокурора [5]). Въ

[1]) П. С. З., указъ 19 сентября 1774 г., № 14192.
[2]) Тамъ же, № 12488.
[3]) П. С. З., № 12814, 12843, 12948 и др.
[4]) П. С. З., № 11707, 11770 и др.
[5]) Градовскій, Собраніе сочиненій, т. I, 238; Исторія правительствующаго сената, т. II, 482 (вопросы объ ассигновкахъ идутъ на предварительный просмотръ кн. Вяземскаго).

1772 году кн. Вяземскому поручается осушеніе болотъ подъ Петербургомъ [1]).

Еще въ 1768 году состоялся указъ „объ объявленіи генералъ-прокурору отъ присутственныхъ мѣстъ о казенныхъ переводахъ денегъ за границу"; а затѣмъ въ 1780 г. послѣдовалъ указъ, которымъ генералъ-прокурору было поручено завѣдываніе всѣми денежными дѣлами за границей [2]). Въ 1775 г. кн. Вяземскому поручается канцелярія опекунства надъ иностранными поселенцами [3]), въ 1783—строеніе Фонтанки, Екатерининскаго канала, городового вала и театра, а также водяныя работы въ Ригѣ [4]) и почтовое дѣло [5]). Въ 1789 г.—управленіе экспедиціей о государственныхъ доходахъ [6]). Короче говоря, въ 80-хъ годахъ XVIII столѣтія генералъ-прокуроръ, по вѣрному наблюденію Н. Д. Чечулина, оказался во главѣ цѣлаго ряда отдѣльныхъ отраслей управленія, благодаря чему къ нему должны были чаще и чаще обращаться президенты коллегій, генералъ-губернаторы, губернаторы и другіе представители власти [7]).

Такимъ образомъ, кругъ дѣятельности генералъ-прокурора, совпадавшій раньше съ кругомъ дѣятельности сената, получилъ свой особый радіусъ и выходилъ изъ той плоскости, которая предназначена была для сената. Генералъ-прокуроръ отдѣлился отъ сената, всталъ ближе къ Государынѣ, его власть принимала министерскій характеръ.

Получая большую самостоятельность и могущество въ сферѣ высшихъ центральныхъ учрежденій, прокуратура развѣтвляется и укрѣпляется среди другихъ учрежденій, въ особенности въ областномъ управленіи. При коллегіяхъ находились прокуроры; въ губерніяхъ при намѣстническомъ правленіи—губернскій прокуроръ и два стряпчихъ. По учрежденію

---

[1]) П. С. З., указъ 24 сент., № 13869.

[2]) П. С. З., указъ 26 мая 1768 г.—№ 13122; указъ 27 апрѣля 1780 г.—№ 15007.

[3]) *Сен. Арх., Книги Высоч. указ.*, № 137, л. 128.

[4]) П. С. З., указъ 21 февр., № 15668.

[5]) Тамъ же, № 15344, 15705.

[6]) Тамъ же, № 16745.

[7]) „Исторія прав. сената", т. II, 374; Градовскій, I, 228—271.

о губерніяхъ и указу 5 ноября 1782 г., губернскій прокуроръ, какъ око генералъ-прокурора, стоя во главѣ цѣлой коллегіи стряпчихъ, наблюдаетъ за производствомъ дѣлъ и о всякомъ неисполненіи законовъ и предписаній, а также о медлительности въ рѣшеніи дѣлъ, помимо „напоминанія“ присутствующимъ въ правленіи и палатахъ, долженъ доносить генералъ-прокурору [1]). Благодаря усиленію власти прокуратуры въ губерніяхъ чрезвычайно развивается переписка генералъ-прокурора: къ нему пишутъ генералъ-губернаторы и губернаторы, желая кратчайшимъ путемъ добиться разрѣшенія какого-либо вопроса; къ генералъ-прокурору постоянно обращаются губернскіе прокуроры, сообщая ему всѣ факты, которые, по ихъ мнѣнію, могли бы быть интересными для него. По словамъ одного историка, „въ теченіе 80-хъ годовъ XVIII в. никто изъ лицъ, стоящихъ у власти, не зналъ такъ обстоятельно, какъ генералъ-прокуроръ, всего, что совершалось въ провинціи, и всѣхъ, кто тамъ служилъ“ [2]).

Время Екатерины II заложило прочный фундаментъ для должности генералъ-прокурора, который возвысился среди другихъ сановниковъ, освободился отъ прямого воздѣйствія на него сената, забралъ нити управленія въ свои руки и, будучи постояннымъ докладчикомъ по дѣламъ предъ Государыней, частыми бесѣдами съ нею укрѣплялъ свое вліяніе на дѣла. Только фавориты затмевали генералъ-прокурора. Можно, впрочемъ, отмѣтить также нѣкоторый упадокъ генералъ-прокуратуры послѣ князя Вяземскаго, когда на его мѣсто назначенъ былъ въ 1793 году графъ А. Н. Самойловъ, уже не пользовавшійся такимъ вліяніемъ на дѣла, какъ его предшественникъ. Новый небывалый подъемъ генералъ-прокуратура пріобрѣтаетъ въ царствованіе Павла I. Это объясняется какъ взглядами Павла, такъ и тѣмъ, что должность генералъ-прокурора при Павлѣ занимаютъ лица, пользовавшіяся особенной довѣренностью Императора [3]).

---

[1]) Учрежденіе о губерніяхъ, глава XVII; П. С. З., № 15568.

[2]) „Исторія прав. сената“, т. II, 371.

[3]) Генералъ-прокурорами при Павлѣ I послѣ гр. Самойлова были: кн. А. Б. Куракинъ, съ 4-го дек. 1796 г. до 8 авг. 1798 г.; П. В. Лопухинъ, съ 8-го авг.

Напомню основные взгляды Павла постольку, поскольку они связаны были съ дѣятельностью генералъ-прокурора. Павелъ I, долго добиваясь власти и будучи намѣренно отстраняемъ отъ управленія, привыкъ смотрѣть на самодержавную власть, какъ на что-то желанное, весьма высокое и цѣнное. По его взгляду, всякое начинаніе должно исходить отъ Государя и къ нему возвращаться. Говоря объ учрежденіяхъ, онъ любилъ подчеркивать ту мысль, что учрежденія должны имѣть строгія границы своей власти и всецѣло зависѣть отъ воли Монарха. Естественно было потому возвышеніе „ока государева“—генералъ-прокурора, черезъ котораго къ государю восходили дѣла и при помощи котораго самъ государь думалъ управлять страной. Ставя „границы“ коллегіальнымъ учрежденіямъ, не проявляя особой близости и особаго довѣрія къ сенату, Павелъ выдвигалъ генералъ-прокурора, какъ представителя личнаго начала, министерскаго, болѣе гибкаго и удобнаго въ дѣлѣ управленія страной. Къ тому же еще одна сторона дѣла усиливала значеніе генералъ-прокурорской должности.

Павелъ I былъ проникнутъ идеей законности. Впитавъ въ себя мысль о необходимости „коренныхъ законовъ“, на что наставникъ Павла Петровича Панинъ, съ дѣтскихъ лѣтъ своего питомца, обращалъ особое вниманіе, раскритиковавъ порядки правленія своей матери, при которыхъ, по словамъ Павла Петровича, „ничего непоколебимаго“ не было, частная воля разныхъ лицъ была закономъ, и злоупотребленія были общи [1]), Павелъ I, съ момента вступленія на престолъ, пытался строго держаться закона и требовать отъ всѣхъ непремѣннаго исполненія его.

1798 г. до 7-го іюля 1799 г.; А. А. Беклешовъ—съ 7-го іюля 1799 г. до 8-го февр. 1800 г.; П. Х. Обольяниновъ, съ 8-го февр. 1800 г. до 18 марта 1801; добавлю: а съ 18 марта до 8 сент., времени учрежденія министерствъ, снова А. А. Беклешовъ. Краткую характеристику ихъ см. въ ст. бар. А. Э. Нольде (Исторія прав. сената, т. II, 699—706); болѣе подробную—въ книгѣ П. Иванова, Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи, П., 1863, стр. 65—116. См. также — бар. Корфъ М. А., Жизнь гр. Сперанскаго, 44 и сл. Дмитріевъ Ѳ., Сперанскій (въ Рус. Арх., 1868 г.; ср. 1867, стр. 1672).

[1]) Въ запискѣ о военныхъ нуждахъ (Рус. Стар., 1882 г., т.33). Взгляды гр. Панина на существо власти государя, какъ „просвѣщеннаго и добродѣтельнаго монарха“, и на необходимость „непремѣнныхъ законовъ“ см. въ приложеніи къ книгѣ Шумигорскаго, Императоръ Павелъ I, стр. 1—35.

Если же имѣть въ виду то, что на обязанности генералъ-прокурора лежалъ надзоръ за присутственными мѣстами и должностными лицами, наблюденіе за исполненіемъ законовъ, то станетъ понятнымъ и то, что при государѣ, который придавалъ особенное значеніе контролю, генералъ-прокуроръ долженъ былъ получить важнѣйшую роль среди государственныхъ сановниковъ. Какъ смотрѣлъ Императоръ на должность генералъ-прокурора, кратко, но выразительно было сказано въ указѣ 16 декабря 1796 года, данномъ на имя кн. А. Б. Куракина. Здѣсь говорилось, что „должность генералъ-прокурора заключаетъ въ себѣ повсемѣстную бдительность о благоуспѣшномъ теченіи разнаго рода дѣлъ, въ приказахъ производимыхъ, и о точномъ сохраненіи законовъ, на всѣ части государственнаго правленія изданныхъ“ [1]).

Кромѣ принципіальныхъ соображеній, при характеристикѣ дѣятельности генералъ-прокурора, нужно имѣть въ виду и то, что эту должность при Павлѣ I занимали лица, пользовавшіяся особенной довѣренностью Государя и близостью къ нему. Если эта близость и довѣренность не была неизмѣнной и продолжительной, то во всякомъ случаѣ она была налицо во время отправленія должности генералъ-прокурора. Благодаря этому Государь смотрѣлъ на генералъ-прокурора, какъ на своего ближайшаго сотрудника и помощника во всѣхъ дѣлахъ управленія.

Если обратиться къ дѣятельности генералъ-прокурора, то нужно отмѣтить, что она была широка и разнообразна. Къ вѣдѣнію генералъ-прокурора относились дѣла: 1—военныя, 2—финансовыя, 3—административныя и полицейскія, 4—судебныя, и 5—дѣла, касающіяся личнаго состава, именно, дѣла объ опредѣленіи, увольненіи, награжденіи и пожалованіяхъ

---

[1]) П. С. З., № 17652. Впрочемъ, этотъ указъ юридически чего-либо существенно новаго въ положеніе должности генералъ-прокурора не вносилъ (ср. инструкцію генералъ-прокурору 1722 г.—П. С. З., № 3979). Въ указѣ 4 декабря 1796 г. вновь назначенному генералъ-прокурору кн. А. Б. Куракину говорилось, чтобы онъ „поступалъ въ отправленіе сей важной должности по инструкціямъ и указамъ предковъ Нашихъ и отъ Насъ впредь даваемымъ“ (№ 17610).

разнаго рода [1]). Остановлюсь подробнѣе на каждой категоріи и выясню отношеніе къ нимъ генералъ-прокурора.

Генералъ-прокуроръ принимаетъ дѣятельное участіе въ комплектованіи арміи и флота, въ производствѣ рекрутскихъ наборовъ. Онъ собираетъ свѣдѣнія о наличномъ числѣ солдатъ и количествѣ рекрутъ, требуемомъ для пополненія арміи, выясняетъ точный расчетъ сбора рекрутъ по губерніямъ и уѣздамъ [2]). Генералъ-прокуроръ дѣлаетъ распоряженія губернаторамъ о производствѣ набора, ведетъ о томъ постоянную переписку съ мѣстными властями, собираетъ вѣдомости о числѣ набранныхъ рекрутъ и количествѣ рекрутскихъ денегъ [3]) и даетъ указанія въ случаѣ какихъ-либо затрудненій. Губернаторы обычно за разрѣшеніемъ сомнѣній обращаются къ генералъ-прокурору. Такъ, исполнявшій должность архангельскаго губернатора Бибиковъ запрашивалъ генералъ-прокурора, принимать ли въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ крестьянъ, представляемыхъ отъ селеній казеннаго вѣдомства [4]).

Курляндскій губернаторъ Дризенъ ходатайствовалъ передъ кн. А. Куракинымъ о томъ, чтобы разрѣшено было замѣнить сборъ рекрутъ съ бывшихъ вольныхъ людей: корчмарей, управителей мызъ, мельниковъ и другихъ денежнымъ сборомъ, по такому расчету: съ лицъ, записанныхъ въ городахъ, по 400 руб.,

---

[1]) При характеристикѣ дѣятельности генералъ-прокурора нужно имѣть въ виду, что помимо дѣлъ, связанныхъ съ отправленіемъ этой должности, генералъ-прокуроръ совмѣщалъ въ себѣ и другія должности, въ особенности это слѣдуетъ сказать о кн. Куракинѣ, который, напр., одновременно былъ генералъ-прокуроромъ, главнымъ директоромъ ассигнаціоннаго банка и министромъ удѣловъ (Сен. Арх., I, 6, 171; ср. 426). А потому дѣла, относящіяся къ отправленію имъ двухъ послѣднихъ должностей, не включаются при перечисленіи тѣхъ дѣлъ, которыми завѣдывалъ генералъ-прокуроръ. Благодаря подобному совмѣщенію, чрезвычайно характерному для возвысившейся генералъ-прокуратуры, въ отдѣльныхъ случаяхъ трудно опредѣлить, въ какой именно роли выступаетъ, напр., Куракинъ или Лопухинъ, въ качествѣ ли генералъ-прокурора, или въ качествѣ главы того учрежденія, которое отдано въ его завѣдываніе. Такое разграниченіе, важное само по себѣ, весьма трудно, а иногда и невозможно провести по той перепискѣ и дѣламъ, которыя вошли въ томы „Описи"; оно можетъ быть проведено лишь при самомъ тщательномъ и кропотливомъ изученіи законовъ, отдѣльныхъ фактовъ и переписки.

[2]) Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ, отдѣлъ III, томъ I, № 82; томъ II, № 1305, 1756.

[3]) Опись, I, № 64, 84; т. II, № 1756, 1054.

[4]) Тамъ же, II, № 1396.

а съ приписанныхъ къ мызамъ и владѣльцамъ—по 360 руб. за рекрута [1]). Орловскій губернскій прокуроръ П. Масловъ рапортомъ на имя генералъ-прокурора просилъ разрѣшенія не принимать въ рекруты бывшихъ подъ судомъ крестьянъ, предлагая отдавать ихъ вмѣсто военной службы помѣщикамъ или ссылать на поселеніе [2]). Къ генералъ-прокурору было направлено представленіе о томъ, чтобы родственники Ломоносова были освобождены отъ рекрутской повинности [3]). Подобные запросы и предложенія генералъ-прокуроръ иногда разрѣшалъ самъ, обычко же докладывалъ о томъ Государю.

Послѣ сбора рекрутъ, генералъ - прокуроръ принимаетъ мѣры къ отправкѣ ихъ на мѣсто службы. Онъ ведетъ переписку о томъ, чтобы рекруты были освидѣтельствованы на мѣстѣ сбора и препровождаемы на службу только въ томъ случаѣ, если признаны будутъ годными [4]). Генералъ-прокуроръ ведетъ переписку и, по докладу Государю, передаетъ распоряженіе о томъ, чтобы рекруты изъ зырянъ были опре-

---

[1]) Опись, т. I, № 61.

[2]) Тамъ же, II, № 1388.

[3]) Архангельскій губернаторъ Николай Ахвердовъ въ представленіи 7-го авг. 1798 г. писалъ кн. Куракину: „Зная, что споспѣшествовать общественной и частной всякаго россіянина пользѣ есть пріятнѣйшее вашего сіятельства упражненіе, осмѣливаюсь остановить на нѣсколько минутъ вниманіе ваше на славномъ уроженцѣ неважнаго Курострова. Россійскаго пиндара, Михайлы Васильевича Ломоносова, толико важныя услуги отечественной литературѣ оказавшаго и прекраснымъ пѣньемъ дѣлъ великихъ Россіи государей всеобщую сыновъ ея благодарность заслужившаго, сестра родная, 62-хъ лѣтъ, вдова, живетъ въ крестьянствѣ съ сыномъ и внучатами"... „Сія старушка есть мать проф. Спб. академіи наукъ Головина, который необыкновенными дарованіями начиналъ являться достойнымъ Ломоносова племянникомъ, но коего безвременная смерть пресѣкла успѣхи. Достоинства и заслуги получаютъ въ Россіи большія, нежели гдѣ-либо, награжденія, простирающіяся и на потомство заслуживающихъ оныя. Вашему сіятельству предоставлено быть ходатаемъ у высокомонаршаго престола за потомство Ломоносова, которое за величайшее счастіе почитаетъ быть освобожденнымъ отъ рекрутства; что бывшими генералъ-губернаторами неоднократно, но тщетно было обѣщано. Испрошеніемъ сей милости умножите, ваше сіятельство, права ваши на благодарность россійской публики, а я счастливымъ себя почту и тѣмъ, что, хотя слабымъ, послужилъ къ тому посредствомъ" (*Дѣла канцеляріи генералъ-прокурора*, № 1463, л. 1 и 2).

По докладу кн. Куракина, 21 августа послѣдовало Высочайшее соизволеніе на освобожденіе семейства Головиной отъ подушнаго оклада и рекрутскаго набора (указъ о томъ 22 авг.—Сен. Арх., т. I, 431).

[4]) Опись, II, № 1388. См. также объ отправкѣ войскъ, т. III, № 2250.

дѣлены въ Финляндскіе егерскіе батальоны въ виду ихъ искусства въ стрѣльбѣ [1]).

Онъ же дѣлаетъ распоряженія губернаторамъ (въ 1797 г.) о немедленномъ сборѣ недостающихъ по прежнимъ наборамъ рекрутъ или рекрутскихъ денегъ и собираетъ вѣдомости о томъ, съ кого, по какимъ уѣздамъ и сколько надлежитъ собрать рекрутъ или рекрутскихъ денегъ [2]). Взысканіе штрафныхъ рекрутъ за укрывательство и держаніе на частной службѣ дезертировъ производится по распоряженію генералъ-прокурора [3]). Короче говоря, рекрутскіе наборы производились подъ главнымъ руководствомъ и надзоромъ со стороны генералъ-прокурора.

Генералъ-прокуроръ принимаетъ участіе въ дѣлѣ снабженія арміи провіантомъ и фуражомъ. Такъ, онъ (въ 1797 г.) издаетъ циркулярное предписаніе всѣмъ губернаторамъ объ оказаніи содѣйствія провіантскимъ комиссіонерамъ при закупкѣ ими провіанта и фуража [4]); входитъ въ обсужденіе проекта кн. Мышецкаго о средствахъ доставленія изъ Иркутска въ Охотскъ на морскія суда припасовъ и матеріаловъ, собираетъ свѣдѣнія о доставленномъ провіантѣ и припасахъ въ Охотскъ для расквартированнаго тамъ однобатальоннаго полковника Сомова полка [5]).

Генералъ-прокуроръ кн. Лопухинъ даетъ указанія губернаторамъ по поводу закупки лошадей (для артиллеріи), порученной бар. Аракчееву. Его содѣйствіе въ этомъ было настолько энергичнымъ, что Аракчеевъ счелъ нужнымъ поблагодарить Лопухина особымъ письмомъ (отъ 14 апрѣля 1799 г.) слѣдующаго содержанія.

„Ваша свѣтлость, милостивый государь, кн. Петръ Васильевичъ! Въ разсужденіи почтеннѣйшаго письма ко мнѣ Ва-

---

[1]) Опись, т. I, № 159.

[2]) Тамъ же, I, № 64.

[3]) Опись, т. II, № 1304; ср. № 1508—о взысканіи рекрутъ съ 4-хъ селеній Саратовской губ.; I, № 156, 521 — взысканіе, по распоряженію генералъ-прокурора, по одному рекруту за каждаго нижняго чина, находившагося въ партикулярномъ услуженіи (Высочайшее повелѣніе).

[4]) Опись, II, № 1641; ср. I, № 403.

[5]) Опись, II, № 1386; ср. 1492.

шей свѣтлости отъ 13 числа сего года апрѣля за № 3212, я не могу ничего другого изъявить, какъ принести мою усерднѣйшую благодарность за всѣ тѣ пособія, кои ваша свѣтлость оказать изволили въ разсужденіи собранія съ губерній лошадей, и того обстоятельства, случившагося въ Бѣлозерскомъ у.; я всѣмъ онымъ чрезмѣрно доволенъ и нелестно могу сказать, что артиллерія за исправность ее въ лошадяхъ обязана особенному вашей свѣтлости къ ней благорасположенію.

Съ истиннымъ высокопочтеніемъ и совершенной преданностью имѣю честь быть вашего сіятельства, милостиваго государя, на вѣки вѣрный и преданный слуга баронъ Аракчеевъ“ [1].

Въ отношеніи дѣлъ финансовыхъ генералъ-прокуроръ завѣдуетъ распредѣленіемъ денежныхъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе учрежденій, непосредственно ему подчиненныхъ, ему предоставляются мѣсячныя и годовыя вѣдомости о приходѣ и расходѣ по сенату и подвѣдомственнымъ учрежденіямъ [2]). Въ случаѣ какихъ либо новыхъ ассигнованій, расширенія штата канцелярій, передѣлокъ или переустройствъ въ помѣщеніяхъ, генералъ-прокуроръ, путемъ Высочайшаго доклада, испрашиваетъ новыя суммы, и, подъ его наблюденіемъ, находится расходованіе этихъ суммъ.

Новыя ассигнованія идутъ чрезъ генералъ-прокурора не только для учрежденій, непосредственно ему подчиненныхъ, но и для другихъ нуждъ: нерѣдко бывало, что, при ходатайствахъ объ отпускѣ денегъ, направляемыхъ по установленному порядку въ сенатъ, кромѣ того обращались къ генералъ-прокурору съ просьбой оказать свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, а генералъ-прокуроръ, помимо сената, докладывалъ о томъ

---

[1]) *Дѣла канцеляріи генералъ-прокурора*, № 1644, л. 20. Обстоятельство, происшедшее въ Бѣлозерскомъ у. (Новгородской губ.), состояло въ слѣдующемъ: Бѣлозерскій исправникъ и тамошній земскій судъ не только не оказывали помощи офицеру, посланному для закупки лошадей, но и чинили „разныя притѣсненія“; генералъ-прокуроръ, получивъ о томъ увѣдомленіе отъ Аракчеева, приказалъ Новгородскому губернатору произвести строгое разслѣдованіе и, если окажутся виновные, „поступить съ ними по законамъ“, о чемъ кн. Лопухинъ и извѣщалъ Аракчеева въ письмѣ отъ 13 апрѣля, сообщивъ попутно о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя онъ отдалъ для оказанія помощи при закупкѣ лошадей (л. 18). Ср. № 2256.

[2]) Опись, I, № 72; II, № 1003, 1109, 1114, 1117, 1119.

непосредственно Государю, и такимъ путемъ получалъ разрѣшеніе на новыя ассигнованія. Иллюстраціей могутъ служить слѣдующіе факты.

По сообщенію кіевскаго губернатора В. Милашевича (отъ 12 декабря 1796 г.), вблизи г. Кіева гора, въ которой находились „дальнія“ пещеры съ мощами угодниковъ Божіихъ, „начала приходить въ большое поврежденіе“ „со стороны р. Днѣпра“ [1]). Губернаторъ, послѣ осмотра горы съ инженеромъ де-Шардономъ, составилъ проектъ объ укрѣпленіи горы, со смѣтой расходовъ, и препроводилъ его на разсмотрѣніе сената, сообщивъ о томъ и генералъ-прокурору; по смѣтѣ на работы требовалось 66.412 руб. 39 коп. Но тогда же кіевскій митрополитъ (онъ же архимандритъ Кіево-Печерской лавры) Іероѳей обратился къ кн. А. Б. Куракину съ особой просьбой, въ которой писалъ: „Находя въ особѣ вашего сіятельства для себя вѣрнѣйшаго благотворителя и готоваго ходатая“, „всепокорнѣйше прошу“ „исходатайствовать у престола монаршаго Высочайшую конфирмацію“ представленнаго проекта; „симъ окажете“,—писалъ митрополитъ,—„вѣчную услугу великимъ тысячамъ соотечественниковъ своихъ и всей вообще церкви; соблюдите въ цѣлости священнѣйшій залогъ древности,—и обяжете, наконецъ, что и почившіе въ мирѣ на семъ мѣстѣ чрезъ столь многіе вѣки угодники и живущіе сотрудники пребудутъ вѣчными о продолженіи дражайшей жизни вашей молитвенниками, въ числѣ коихъ и я съ признательнѣйшимъ высокопочитаніемъ и душевною преданностью на всю жизнь пребуду“ [2]).

---

[1]) Для изысканія прямыхъ тому причинъ, самъ губернаторъ вмѣстѣ съ инженеромъ де-Шардономъ произвелъ обслѣдованіе, которымъ было установлено, что то „поврежденіе дѣлается“ „въ разсужденіи имѣющихся въ оной горѣ водяныхъ родниковъ“, и, хотя еще съ 1765 года заботами спеціально учрежденной для того комиссіи „гора была укрѣпляема, въ подошвѣ оной сдѣланы контрафорсы, поверхность же горы убита сваями, услана фашинами и покрыта вся деревянною крышею“, но эти мѣры окончательно опасности не устранили: все „отъ времени пришло въ гнилость, и дождевая и снѣговая вода, проходя сквозь, нарушила грунтъ“, отчего гора, осыпаясь, угрожаетъ паденіемъ внутри пещерамъ, снаружи строенію, находящемуся на горѣ (*Дѣла канцеляріи генералъ-прокурора*, № 181, л. 3 и 4).

[2]) Письмо подписано такъ: „Вашего сіятельства, милостиваго государя, всеусерднѣйшій богомолецъ и покорнѣйшій слуга Іероѳей, митрополитъ Кіевскій и архимандритъ Кіево-Печерскія лавры“. Письмо отъ 9 декабря 1796 г., получено было 27 декабря (*Тамъ же*, л. 1 и 2).

Это письмо не могло не тронуть кн. Куракина. На другой же день послѣ его получки (именно 28 декабря) генералъ-прокуроръ особымъ письмомъ „предувѣдомлялъ" митрополита „о готовности" своей ходатайствовать объ отпускѣ суммы, необходимой на укрѣпленіе Кіевской горы. А черезъ три дня послѣ перваго письма кн. Куракинъ уже писалъ митрополиту Іерофею, что онъ „имѣлъ счастіе докладывать Его Императорскому Величеству" о томъ дѣлѣ, и Государь указалъ: „сдѣлать сіе укрѣпленіе согласно представленію", „исключая построенія новой галлереи, съ таковымъ при томъ подтвержденіемъ, дабы въ употребленіи денегъ сохранена была всевозможная бережливость и представленъ обстоятельный и вѣрный отчетъ; объ отпускѣ же потребныхъ на сіе денегъ сообщить государственному казначею" [1]). Подобныя же письма были посланы губернатору и бар. Васильеву (государственному казначею). Въ данномъ случаѣ ассигнованіе денегъ болѣе, чѣмъ въ 66 тысячъ рублей, проходитъ по докладу и ходатайству генералъ-прокурора.

---

[1]) *Тамъ же,* л. 15 (письмо 31 дек.). Митрополитъ Іерофей, по полученіи извѣстія о благополучномъ исходѣ его ходатайства, отвѣчалъ кн. Куракину (20 янв. 1797 г.) слѣдующимъ письмомъ:

„Какою благодарностью духъ мой исполненъ въ полученіи благопочтеннѣйшаго начертанія вашего сіятельства истекшаго декабря отъ 31 дня, ко мнѣ отпущеннаго, Богъ Сердцевѣдъ тому свидѣтель, который и наградою вѣрнѣйшею вамъ будетъ, а я словами изобразить сего моего чувствованія не въ силахъ.

За первое отъ 28 того же декабря вашего сіятельства письмо, во ожиданіи почтоваго дня, не могъ я предварительно воздать должнаго моего благодаренія А между тѣмъ милостивымъ ходатайствомъ вашимъ и совершеніе высокомонаршихъ щедротъ на все просимое въ полной мѣрѣ послѣдовало.

Я, симъ Высочайшимъ къ священному мѣсту благоволѣніемъ будучи восхищенъ, на другой день, по полученіи вашего сіятельства письма, первымъ долгомъ почелъ, со всею въ Лаврѣ обитающею братіею, о благоденственной жизни всещедраго Монарха нашего и всей Высочайшей Его Величества фамиліи достодолжное Господу Богу соборнѣ принести моленіе, и пока духъ жизни во мнѣ пребудетъ, возсылать оное не престану.

Вашему сіятельству, какъ истинному благодѣтелю и усердному о пользѣ Святой обители и почивающихъ въ оной угодниковъ ходатаю, приношу мою всеискреннѣйшую благодарность" (л. 17—18).

Позднѣе митрополитъ Іерофей два раза (27 января и 1 мая) просилъ кн. Куракина исходатайствовать, чтобы де-Шардонъ былъ назначенъ къ наблюденію надъ работами; чтобы послѣдовало разрѣшеніе на сооруженіе входа въ пещеры, ошибочно названнаго въ первоначальномъ представленіи галлереею. Генералъ-прокуроръ оба раза докладывалъ Государю, и ходатайства были удовлетворены, о чемъ кн. Куракинъ сообщилъ Іерофею письмами отъ 14 февраля и 7 іюня (л. 21—32).

Также по докладу генералъ-прокурора Московскому университету отпускаются денежныя суммы по 5000 руб. въ годъ въ теченіе 10 лѣтъ на „додѣлку“ и ремонтъ университетскихъ зданій [1]). Для постройки Дерптскаго университета ассигнуются тѣмъ же порядкомъ 25.000 руб. въ распоряженіе дворянскаго общества, составленнаго ради учрежденія того университета [2]).

Дѣла о фабрикахъ, заводахъ и промыслахъ лежатъ на попеченіи генералъ-прокурора. Такъ, кн. Куракинъ, въ силу Высочайшаго повелѣнія 6 февраля 1797 г., собираетъ свѣдѣнія относительно всѣхъ „фабрикъ, особливо суконныхъ“, ведетъ о томъ обширную переписку съ президентомъ коммерцъ-коллегіи Петромъ Соймоновымъ и губернаторами, въ губерніяхъ которыхъ имѣлись суконныя фабрики съ приписными крестьянами, много разъ входитъ по предмету переписки съ докладомъ къ Государю, въ результатѣ чего явился рядъ указовъ, частью напечатанныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ [3]).

Генералъ-прокуроръ внимательно слѣдитъ за Уральскими, Нерчинскими, Пермскими, Вятскими желѣзодѣлательными, чугуноплавильными, мѣдеплавильными, оружейными, серебряными, Астраханскими шелковичными, соляными и другими заводами: черезъ него идутъ назначенія начальниковъ заводовъ и казенныхъ предпріятій; таково, напр., назначеніе гр. Шуазель-Гуфье начальникомъ надъ экспедиціей мраморной ломки и пріиска цвѣтныхъ камней въ Пермской губ. [4]). Генералъ-прокуроръ ведетъ переписку по поводу передачи золотыхъ промысловъ и мѣдеплавильныхъ заводовъ Пермской губерніи изъ вѣдомства казенной палаты въ канцелярію главнаго правленія заводовъ [5]).

Онъ принимаетъ мѣры къ развитію фабрично-заводской промышленности: даетъ указанія о возобновленіи шелкович-

[1]) Опись, т. II, № 1080.

[2]) Указъ 17 сент. 1799 г.—Опись, II, № 1436. Объ ассигнованіи—III, № 2005, 2227.

[3]) Опись, т. I, № 204; ср. переписку о фабрикахъ, имѣющихъ казенную надобность—т. II, № 1606.

[4]) Опись, I, № 238.

[5]) Тамъ же, № 262.

ныхъ заводовъ въ Слободско-Украинской губерніи, ведетъ переписку по поводу устройства въ Кіевской губерніи фаянсовой фабрики [1]), относится съ одобреніемъ къ проекту объ устройствѣ сталелитейной фабрики, въ которой, по указанію составителя проекта Гумпрехта, будутъ производиться изъ русскаго желѣза различные сорта стали, превосходящей качествомъ англійскую [2]). По его указанію, принимаются мѣры къ устройству новыхъ табачныхъ фабрикъ на югѣ Россіи, къ увеличенію числа существующихъ суконныхъ; ведется переписка по поводу проекта объ устройствѣ канатной и полотняной фабрики [3]).

Генералъ-прокуроръ собираетъ свѣдѣнія о числѣ и состояніи винокуренныхъ заводовъ, руководитъ отдачей винной продажи на откупъ, ведетъ переписку и дѣлаетъ доклады о соляномъ промыслѣ на Таврическомъ полуостровѣ, въ Астраханскомъ краѣ и на Уралѣ [4]). Кн. Куракинъ составляетъ докладную записку по поводу проекта тит. сов. Коржавина объ увеличеніи питейныхъ доходовъ и новомъ способѣ винокуренія; онъ же разбираетъ прошеніе московскаго купца А. Машонкина о дозволеніи ему гнать водку изъ арбузовъ и построить водочный заводъ [5]).

Въ связи съ финансовыми дѣлами этого рода стоитъ то, что генералъ-прокуроръ собираетъ свѣдѣнія о недоимкахъ и недоборахъ денежныхъ, питейныхъ, соляныхъ и хлѣбныхъ и даетъ предписаніе губернаторамъ (въ силу указа 4 сентября 1799 г.) [6]) о немедленномъ взысканіи недоимокъ [7]). Таковы финансовыя дѣла, которыхъ касалась дѣятельность генералъ-прокурора, судя по дѣламъ канцеляріи генералъ-прокурора.

Несравненно шире дѣятельность генералъ-прокурора въ области административно-полицейской. Кажется, здѣсь не было

[1]) Тамъ же, № 225, 228; ср. II, № 1314, 1677; III, № 2182, 2215, 2230, 2260 и др.
[2]) Опись, т. II, № 1327.
[3]) Опись, т. II, № 922, 1320, 923.
[4]) Опись, т. I, № 208, 214; т. II, 994, 998, 1001, 1060—вѣдомость о доходахъ съ откупа за время съ 1795 по 1803 г.
[5]) Опись, т. I, № 436, 220.
[6]) Сен. Арх., I, 554.
[7]) Опись, I, № 37 (недоимки по Казанской губ.); 317; II, 956 (по Оренбургской губ.), 1052 (по Рязанской), 1546; III, № 1899 (по Московской) и др.

ни одной отрасли дѣлъ, которую генералъ-прокуроръ оставилъ бы безъ вниманія и своего руководительства.

Генералъ-прокуроръ объявляетъ Высочайшіе указы и повелѣнія, разсылаетъ, согласно Высочайшей волѣ или сенатскому указу, предписанія учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ. Онъ—органъ исполнительный, и текущая правительственная дѣятельность административнаго характера направляется черезъ него и отъ него. Мѣстная администрація въ лицѣ губернаторовъ, вице-губернаторовъ и другихъ чиновъ постоянно получаетъ отъ генералъ-прокурора указанія какъ общаго характера, такъ и частнаго при рѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ и случаевъ.

На генералъ-прокурорѣ лежитъ главное руководство по охраненію внутренней безопасности и поддержанію порядка въ государствѣ. Такъ, когда на Волгѣ въ Симбирской и Саратовской губерніяхъ появились разбойники, то генералъ-прокуроръ, по докладу Государю, принимаетъ мѣры къ искорененію ихъ; то же самое произошло, когда до свѣдѣнія генералъ-прокурора было доведено извѣстіе, что разбойники появились между Тосной и Новгородомъ [1]). Генералъ-прокурора освѣдомляютъ о сыскѣ бѣглыхъ людей и водвореніи ихъ на прежнемъ мѣстѣ жительства. Отмѣчу слѣдующій случай. Въ 1798 г. въ Архангельской губерніи, по распоряженію властей, происходилъ сыскъ бѣглыхъ людей, прятавшихся въ лѣсныхъ дачахъ Шенкурской округи. Сыщики, которые отправились вмѣстѣ съ волостными крестьянами въ лѣсныя чащи, набрели на пустыя, находившіяся среди „великихъ болотъ", строенія, которыя, по всѣмъ признакамъ, только что оставлены людьми. Углубившись дальше, они наконецъ увидѣли избу, окно и двери которой были заперты, на крышѣ было наложено соломы толщиною аршина полтора; тамъ же стояли въ бѣлыхъ и черныхъ покрывалахъ женщины, которыя тотчасъ же, при появленіи людей, опустились внутрь избы, а на ихъ мѣстѣ показался старикъ въ черномъ покрывалѣ, и на вопросъ, какіе они люди, отвѣчалъ: „мы—люди Божіи", а затѣмъ

[1]) Опись, т. I, № 327; II, № 1374, 1777; ср. III, № 2202.

прибавилъ: „пойди, народъ, прочь подалѣе, чтобы кого не убило, у насъ здѣсь пороху много“, и опустился внизъ; немедленно изба загорѣлась, и, хотя крестьяне бросились было къ ней, но проникнуть внутрь не могли; окна и двери усиліямъ ихъ не поддавались. Сгорѣвшихъ было, судя по обуглившимся трупамъ, 28 человѣкъ; то были раскольники [1]).

Укажу на другой случай, когда бѣглые, поселившіеся въ Астраханской губерніи, по ходатайству тамошняго губернатора, съ Высочайшаго разрѣшенія, оставлены были на мѣстѣ поселенія, снабжены землей, и къ нимъ доставлены были ихъ жены и дѣти [2]).

Но больше всего хлопотъ доставили генералъ-прокурору помѣщичьи крестьяне, среди которыхъ, какъ извѣстно, во многихъ мѣстахъ, съ момента вступленія на престолъ Павла I, начались волненія, переходившія иногда въ открытый бунтъ. Борьба съ крестьянскими волненіями выпала преимущественно на долю кн. А. Б. Куракина. Въ этомъ дѣлѣ онъ проявилъ значительную энергію. Обычно, послѣ жалобы на помѣщика крестьянъ Государю или послѣ рапорта о волненіяхъ отъ мѣстныхъ властей, онъ докладывалъ о томъ Государю и принималъ энергичныя мѣры къ разслѣдованію дѣла по выясненію виновности помѣщиковъ и крестьянъ, рекомендуя властямъ сначала увѣщаніемъ, а потомъ и воинской силой, согласно указу 29 января 1797 г., прекращать волненія и о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла сообщать ему для доклада Императору [3]).

Въ связи съ крестьянскими волненіями не могу не отмѣтить рапорта (5 ноября 1798 г.) выборгскаго губернатора К. Ридингера, представленнаго генералъ-прокурору П. В. Лопухину. Ридингеръ въ немъ, хотя и заявлялъ, что, сколько отъ него зависѣло, онъ „старался удовлетворять справедливымъ требованіямъ здѣшнихъ помѣщиковъ“, „въ случаѣ же

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 976, л. 1—10.

[2]) Опись, I, № 243.

[3]) Объ этомъ см. книгу Трифильева, Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи, Харьковъ, 1904 г.; ср. ниже главу, гдѣ будетъ сказано о крестьянахъ.

явного упорства и неповиновенія крестьянъ, не упускалъ чинить немедленное помѣщикамъ вспоможеніе", тѣмъ не менѣе указывалъ, что и крестьяне имѣютъ основаніе волноваться, считая возлагаемые на нихъ оброки и работы „отяготительными". Благодаря этому возникаютъ неудовольствія, поддерживаемыя тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣтъ „законнаго положенія къ назначенію крестьянскихъ податей и работъ". Съ своей стороны Ридингеръ „осмѣлился" представить „на прозорливое благоусмотрѣніе" генералъ-прокурора слѣдующее мнѣніе: „Если же бы до окончанія Высочайше повелѣннаго ревизіоннаго обмежеванія учинено было законное постановленіе податямъ и работамъ крестьянскимъ, то прекращались бы всѣ споры, и помѣщики воспользовались бы безъ отлагательствъ слѣдующими имъ оброками" [1]). Отсюда можно думать, что Ридингеръ въ манифестѣ 5 апрѣля 1797 г. о такъ называемой трехдневной барщинѣ не видѣлъ „законнаго постановленія податямъ и работамъ крестьянскимъ" или считалъ его недостаточнымъ.

Отмѣчу кратко разнообразные предметы административныхъ дѣлъ, лежавшихъ на генералъ-прокурорѣ. Генералъ-прокуроръ принимаетъ мѣры къ охранѣ населенія отъ народныхъ бѣдствій: отъ моровой язвы и другихъ заразныхъ болѣзней, отъ пожаровъ и неурожаевъ; подъ его руководствомъ устанавливаются карантины, посылаются врачи въ мѣста, подвергнувшіяся эпидемическимъ болѣзнямъ; онъ, получая сообщенія о пожарахъ, изыскиваетъ способы къ облегченію населенія отъ бѣдствія; генералъ-прокуроръ принимаетъ мѣры къ устраненію голода въ виду неурожая въ Архангельской губерніи, Новороссійской и др.; ему постоянно сообщаютъ свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи [2]).

Генералъ-прокуроръ наблюдаетъ за устройствомъ и поддержаніемъ въ порядкѣ сообщенія, именно каналовъ, рѣчныхъ путей, переправъ черезъ пороги, государственныхъ дорогъ,

---

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 1505, л. 27—28.

[2]) Опись, т I, № 85, 126, 148, 200, 245, 249, 250, 274, 395, 417, 420, 470 555, 604; т. II, № 945, 1214, 1237, 1237, 1305, 1383, 1441, 1456, 1628, 1770, 1784; III, 1838, 2180, 2241 и др.

мостовъ и почтовыхъ станцій [1]). Черезъ него идутъ вопросы объ устройствѣ почты, починкѣ дорогъ, чисткѣ каналовъ, постройкѣ мостовъ и проч. Считаютъ нужнымъ оповѣстить его о всемъ, что происходитъ по этому поводу. Такъ, бѣлорусскій губернаторъ Бѣлокопытовъ рапортовалъ генералъ-прокурору по поводу жалобы пристава Могилевской почтовой станціи А. Пневскаго, котораго, по его словамъ, собственноручно избилъ сенаторъ, д. т. с. гр. Илинскій, при проѣздѣ черезъ ту станцію [2]).

Генералъ-прокуроръ имѣетъ главный надзоръ за цѣлостью казеннаго имущества, за охраной лѣсовъ и принимаетъ мѣры противъ порубокъ и хищеній. Черезъ него идутъ разрѣшенія и запрещенія рубки лѣса въ казенныхъ дачахъ, онъ освѣдомляется о сплавѣ рубленаго лѣса и объ отпускѣ его заграницу [3]).

Генералъ-прокуроръ руководитъ мѣрами административнаго надзора какъ за отдѣльными лицами, такъ и за всѣмъ населеніемъ. Въ качествѣ иллюстраціи укажу на слѣдующіе факты. Павелъ I, какъ извѣстно, не любилъ фаворитовъ своей матери. Только заступничествомъ Маріи Θеодоровны и Нелидовой можно объяснить сравнительную мягкость, съ которой онъ отнесся къ кн. Платону Зубову, въ рескриптѣ на имя котораго (объ отпускѣ Зубова за границу на два года) Государь подписался такъ: „доброжелательный Павелъ“ [4]). Несмотря на свою якобы доброжелательность, Павелъ I былъ очень недоволенъ, когда до него дошло извѣстіе, что Зубову, при проѣздѣ его черезъ Ригу, устроили торжественную встрѣчу [5]). Тотчасъ же генералъ-прокуроръ написалъ (23-го февраля) курляндскому губернатору Ламздорфу слѣдующее письмо: „Его Императорское Величество Высочайше повелѣть

---

[1]) Опись, т. I, 51 (проектъ о соединеніи Сибири и Архангельскаго порта посредствомъ канала), 89, 103, 110, 128, 141, 145, 199, 252, 261, 304, 476, 570, 581, 613, 652; т. II, № 908, 1219, 1241, 1375, 1389, 1449, 1585, 1607, 1608, 1682, 1693, 1768, 1806.

[2]) Опись, т. II, № 1651.

[3]) Опись, т. I, № 37, 62, 96, 210, 212, 232, 401, 504, 568; т. II, № 937, 976, 1191, 1343, 1350, 1351, 1384, 1605, 1616, 1619, 1676, 1779, 1788, 1805, 1806; III, № 2130, 2152, 2158, 2291 и др.

[4]) Сен. Арх., рескриптъ 3 февраля 1797 г., I, 98.

[5]) Рус. Стар., 1874, XI, 189. Шумигорскій, Императоръ Павелъ I, 153;

мнѣ соизволилъ отнестись къ вашему превосходительству съ изъявленіемъ Высочайшей воли, дабы вы безъ потерянія времени увѣдомили меня, съ какимъ видомъ принялъ кн. Зубовъ встрѣчу и провожаніе, отъ рижскихъ жителей ему учиненныя, а при томъ бы имѣли прилежнѣйшее наблюденіе, какъ за поведеніемъ кн. Зубова, такъ и за его сношеніями и связями и обо всемъ, что до сего касается, почасту меня увѣдомляли ко всеподданнѣйшему донесенію о томъ Его Величеству" [1]).

Ламздорфъ не замедлилъ отвѣтомъ; 5-го марта онъ писалъ кн. Куракину: „На почтеннѣйшее предписаніе вашего сіятельства" „симъ донести честь имѣю слѣдующее. Касательно до почестей, сдѣланныхъ ему (кн. Зубову) въ Ригѣ, я извѣстился чрезъ надежнаго туда посланнаго нарочнаго, что кн. Зубову тамо никакой отмѣнной встрѣчи, ниже провожанья, учинено не было", но его пріѣздъ совпалъ со „днемъ учрежденія тамошней синей гвардіи, которая ежегодно празднуется обыкновеннымъ торжествомъ и ношеніемъ въ тотъ день мундира", также „даваемымъ каждый разъ, находящимся въ Ригѣ, чиновнымъ особамъ обѣдомъ", къ которому и онъ приглашенъ былъ.

Дальше губернаторъ сообщалъ о проѣздѣ Зубова черезъ Митаву и о пребываніи его въ своемъ имѣніи. „Чрезъ здѣшній городъ, сообщилъ Ламздорфъ, пріѣхалъ онъ (Зубовъ) вечеру поздно, остановясь здѣсь въ трактирѣ только два часа и не видавшись ни съ кѣмъ, продолжалъ путь свой въ Ругенталь, гдѣ онъ все сіе время жилъ весьма уединенно, и отсюда, сколько мнѣ извѣстно, никто къ нему не ѣздилъ. Въ прошедшій понедѣльникъ прислалъ онъ письмо къ здѣшнему вице-губернатору ст. сов. Гуркѣ, съ увѣдомленіемъ, что онъ намѣревается на другой день у него обѣдать и вечеру быть въ дворянскомъ домѣ, называемомъ Казино, гдѣ обыкновенно по вторникамъ и пятницамъ бываютъ собранія. Но сей извинился предъ нимъ, что, будучи занятъ дѣлами, не можетъ его принимать у себя. Кн. Зубовъ отмѣнилъ свое намѣреніе

---

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 98, л. 2.

и поѣхалъ въ Шавли, откуда онъ поѣдетъ осматривать всю сію экономію, и, какъ долго онъ тамъ пробудетъ, мнѣ неизвѣстно. Сколько же скоро онъ оттуда возвратится, я не премину донести вашему сіятельству впредь обо всемъ, что до сего касаться можетъ“ [1]).

---

[1]) И въ самомъ дѣлѣ Ламздорфъ еще два раза сообщалъ генералъ-прокурору о кн. Зубовѣ. Такъ, въ письмѣ отъ 9 марта онъ писалъ, что „кн. Зубовъ, не доѣхавъ до Шавли, изъ Ключа Янишскаго возвратился въ Ругенталь, куда къ нему третьяго дня пріѣхалъ нѣкто бригадиръ Зубовъ, и тамо у него пребываніе свое имѣетъ“.

13 марта Ламздорфъ снова увѣдомлялъ кн. Куракина о томъ, что „онъ (Зубовъ) на сихъ дняхъ отправился въ принадлежащія ему, на прусской границѣ состоящія, деревни, и оттуда въ чужіе краи путь свой продолжать намѣревается“ (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 98, л. 3—6).

Немилость Павла I къ Зубову сопровождалась позднѣе денежными взысканіями. Такъ, 24 іюля 1797 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о взысканіи съ бывшаго ген.-фельдцейхмейстера кн. Зубова 92901 р. $8^{1}/_{2}$ коп., излишне употребленныхъ имъ, сверхъ отпущенныхъ денегъ, на литье 70 орудій (въ Брянскѣ), для вооруженія лодокъ. Подобному же взысканію подвергся и братъ его гр. Валеріанъ Зубовъ, въ размѣрѣ 17620 руб. „за палыхъ въ Персіи лошадей во время командованія его тамъ войсками“. Согласно этому указу военная коллегія постановила: въ виду взысканія „сдѣлать запрещенія на недвижимыя его (гр. Зубова) имѣнія“; что и предписано было Курляндскому губернскому правленію.

Однако губернское правленіе, какъ жаловался въ письмѣ къ кн. Куракину гр. Дмитрій Зубовъ (отъ 28 іюля), „вмѣсто наложенія запрещенія повелѣло имѣніе брата, въ той (Курлядской) губерніи состоящее, взять въ опись и жительствующихъ въ экономіи всѣхъ служителей и управляющихъ выгнать изъ дому“, отчего происходятъ большіе убытки. Мало того, „въ дополненіе утѣсненія“ „поставили въ экономію двѣ роты софійскаго полка“ и „ген.-м. Дмитріева-Мамонова постоемъ въ самомъ замкѣ, и господскія комнаты отвели подъ лазаретъ“.

Въ виду такихъ обстоятельствъ гр. Дмитрій Зубовъ обращался къ ген.-прокурору кн. Куракину, которому онъ писалъ: „Справедливость, всегда и во всѣхъ случаяхъ вашимъ сіятельствомъ соблюдаемая и опытомъ мною дознанная, побуждаетъ меня, по причинѣ отсутствія брата, покорнѣйше васъ просить о защитѣ, но не въ лицѣ жалобщика приношу просьбу мою, а единое частное отношеніе ваше къ тамошнему начальнику достаточно будетъ къ облегченію участи того имѣнія, безвинно угнетаемаго, и къ оказанію совершеннаго благодѣянія тому, кто, надѣясь на благосклонность вашу, за честь вмѣняетъ, при совершенномъ почитаніи, именоваться вашего сіятельства, милостиваго гусударя, всепокорнѣйшимъ слугою“.

Заступничество Куракина или другого сильнаго человѣка имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что черезъ нѣсколько дней (31 іюля) кн. Куракинъ получилъ отъ Григорія Кушелева письмо такого содержанія: „Казенныя взысканія, состоящія по разнымъ статьямъ на б. ген.-фельдцейхмейстерѣ кн. Зубовѣ и ген.-отъ инф. гр. Зубовѣ, Е. И. В. всемилостивѣйше прощаетъ, при чемъ соизволите повелѣть, имѣніе ихъ, взятое за тѣ взысканія въ секвестръ, возвратить имъ по прежнему въ полное ихъ владѣніе; буде же какая изъ онаго часть въ число долговъ взыскана, то и сіе имъ изъ казны возвратить“ (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 150, л. 5—7).

Въ этомъ письмѣ характерно сообщеніе о томъ, что вице-губернаторъ отказался принять у себя павшаго сановника. Какъ измѣнилось отношеніе общества къ кн. Зубову, показываетъ слѣдующій фактъ. Лифляндское дворянство въ 1795 г. заказало живописцу Лампи портретъ кн. Зубова; но когда Зубова постигла немилость, то оно не знало, что ему дѣлать съ портретомъ, и готово было совсѣмъ отказаться отъ него [1]).

Упомяну въ связи съ Зубовымъ другого фаворита Екатерины II кн. Потемкина. Какъ извѣстно, Павелъ I по поводу его издалъ такой указъ (10 марта 1798 г.): „По разстройкѣ, въ которой оставлены дѣла кн. Потемкинымъ, въ управленіи его бывшія, неприлично быть монументу, въ память его воздвигнутому, и для того сооруженный отъ казны въ г. Херсонѣ повелѣваемъ уничтожить“. Въ отвѣтъ на предписаніе о томъ генералъ-прокурора, которому поручено было „учинить“ „надлежащее распоряженіе“, новороссійскій губернаторъ отвѣчалъ, что мраморнаго памятника еще воздвигнуто не было, а тѣло покойнаго, „содержавшееся на поверхности“, въ склепѣ подъ церковью, уже по инціативѣ самихъ мѣстныхъ властей, погребено тайно „въ особо вырытой ямѣ“ въ томъ же склепѣ [2]).

Генералъ-прокуроръ дѣлаетъ предписанія, касающіяся надзора за внѣшней жизнью и поведеніемъ служащихъ и отставныхъ чиновъ. Такъ, въ 1798 г. онъ предписалъ губернаторамъ наблюдать за тѣмъ, чтобы чины штатной команды носили новоустановленную форму [3]). Въ томъ же году имъ дано распоряженіе начальствующимъ въ судебныхъ мѣстахъ о наблюденіи за чиновниками, чтобы они носили мундиры и причесывались съ пуклями, а ливрейные служители не имѣли на своихъ шляпахъ ни бантовъ, ни плюмажей [4]).

---

[1]) *Дѣла канцеляріи генералъ-прокурора*, № 1462. По словамъ губернатора дворянство „охотнѣе заплатитъ живописцу за его труды“ и за убытки по начатой, но не доконченной роботѣ, „нежели чтобы портретъ былъ приведенъ къ окончанію“.

[2]) *Тамъ же*, № 1461; указъ Павла 10-го марта—см. Сен. Архивъ, I, 362. Ср. М. Шигуровъ, Гробница кн. Потемкина—Рус. Арх., 1867 г., 203—218.

[3]) Опись, т. II, № 1308.

[4]) Тамъ же, т. II, № 951.

Укажу еще на слѣдующій случай. Отставной поручикъ Быковъ незаконно носилъ военный мундиръ, за что былъ посаженъ подъ арестъ. Когда объ этомъ доложили Павлу I, то онъ 28-го іюня 1798 г. приказалъ: „держать (Быкова) подъ арестомъ еще недѣлю, носимый имъ мундиръ сжечь въ его присутствіи и, сдѣлавъ на его счетъ статскій мундиръ, освободить его". По этому поводу генералъ-прокуроръ разослалъ всѣмъ губернаторамъ циркулярное предписаніе о наблюденіи за тѣмъ, чтобы отставные офицеры не носили мундира (военнаго), если не имѣли на то права [1]).

Генералъ-прокуроръ принимаетъ мѣры по надзору за пріѣздомъ и отъѣздомъ иностранцевъ въ Россію; ему изъ пограничныхъ городовъ присылаются свѣдѣнія о томъ, со списками въѣзжающихъ и переселяющихся иностранцевъ [2]). Курляндскій губернаторъ, напримѣръ, представилъ вѣдомость о прибывшихъ въ Россію иностранцахъ, за 1798 годъ, съ показаніемъ, „кто, откуда, когда и съ какимъ видомъ въѣхали" [3]). Генералъ-прокурору направляются просьбы иностранцевъ, проживающихъ въ Россіи, о выдачѣ заграничныхъ паспортовъ [4]). Черезъ него же передается, напр., Высочайшее разрѣшеніе французу, капитану Смоленскаго драгунскаго полка де-ла-Куру остаться, согласно его желанію, въ Россіи, съ предупрежденіемъ, что, если „онъ навлечетъ на качества свои и поведеніе хотя малѣйшее подозрѣніе, будетъ въ непродолжительномъ времени изъ предѣловъ Россіи высланъ" [5]).

На долю генералъ-прокурора выпали хлопоты по случаю пріѣзда французскаго короля Людовика XVIII въ Россію со свитой, королевы Маріи-Жозефины-Луизы и принцессы Маріи-Терезы-Шарлотты, дочери Людовика XVI; ему сообщались свѣдѣнія о томъ съ пути и по пріѣздѣ въ Митаву; генералъ-прокуроръ принималъ мѣры въ виду приготовленія помѣщеній для нихъ, перестроекъ въ Митавскомъ замкѣ

---

[1]) Тамъ же, № 1321.
[2]) Опись, I, № 60 (прусскіе дезертиры), 69, 184; II, № 950, 1398 и др.
[3]) Тамъ же, II, № 1398.
[4]) Опись, II, № 1725.
[5]) Тамъ же, II, № 1367; ср. 1366 (разрѣшеніе иностранкѣ Пехинъ остаться въ г. Ревелѣ).

и другихъ обстоятельствъ, связанныхъ съ пріѣздомъ знатныхъ иностранцевъ [1]).

Генералъ-прокурору направляются просьбы и русскихъ подданныхъ объ отпускѣ за границу. Отмѣчу случай, который послужилъ поводомъ къ общему запрещенію выѣзда за границу молодыхъ дворянъ. 20 марта 1798 года эстляндскій губернаторъ А. Лангель писалъ кн. Куракину. Опекуны внучатъ гр. Стенбока, возложившаго на нихъ обязанность — отправить двухъ старшихъ внучатъ, Магнуса и Дидрихса гр. Стенбоковъ, за границу „для обученія нѣкоторымъ нужнымъ наукамъ", сначала въ Берлинъ, а потомъ въ университеты Геттингенскій или Лейпцигскій, возбудили ходатайство передъ эстляндскимъ губернскимъ правленіемъ объ увольненіи двухъ молодыхъ графовъ въ чужіе края, срокомъ „съ наступающаго лѣта на 3 года". Губернаторъ, сообщая о томъ генералъ-прокурору, ходатайствовалъ объ удовлетвореніи этой просьбы донести Е. И. В-ву.

На краткомъ докладѣ по этому дѣлу кн. Куракинъ написалъ (8 апрѣля 1798 г.): „Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: по причинѣ распространившагося нынѣ въ иностранныхъ училищахъ вреднаго образа мыслей, отпускъ туда молодыхъ дворянъ для воспитанія воспретить; но, дабы не пресѣчь имъ способовъ къ образованію и просвѣщенію, учредить тамо, по изволенію дворянства, приличное училище, на постановленіе котораго, если потребована была въ прибавокъ къ положенію нужная сумма, то Его Величество пріемлетъ на себя пожаловать оную. О чемъ отъ меня предложеніемъ дворянству и рыцарству и сообщить лифляндскому, эстляндскому и курляндскому губернаторамъ и объявить указъ сенату" [2]). „Приличное училище", на которое самъ Государь обѣщалъ „пожаловать" „нужную сумму", въ перепискѣ генералъ-прокурора стало именоваться университетомъ, объ учрежденіи котораго, по рѣшенію рыцарства, въ г. Дерптѣ велась еще довольно долго большая переписка [3])

[1]) Опись, II, № 1460, 1639, 1735, 1825, 1834.

[2]) Ср. указъ сенату отъ 9 апр.—П. С. З., № 18474.

[3]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 1436, л. 2 и сл.; ср. № 1733. О Дерптскомъ университетѣ см. Опись, II, № 1451, 1436.

Вслѣдъ затѣмъ генералъ-прокуроръ принимаетъ мѣры къ тому, чтобы, въ силу Высочайшаго повелѣнія 17 іюня 1798 г., учащіеся въ чужихъ краяхъ были возвращены въ Россію въ теченіе двухъ мѣсяцевъ [1]). Выѣздъ за границу былъ также запрещенъ дворянамъ и чиновникамъ, за исключеніемъ поляковъ, имѣвшихъ собственность за границей; лишь купцы-ремесленники и прочіе люди, службою не обязанные, могли быть отпускаемы за границу безъ особаго на то разрѣшенія [2]).

Однако, нѣсколько позднѣе (9 сентября) состоялось Высочайшее запрещеніе купцамъ и „прочихъ состояній россіанамъ“ ѣздить въ Англію. По этому случаю 13 сентября 1798 г. генералъ-прокуроръ П. В. Лопухинъ писалъ всѣмъ губернаторамъ слѣдующее: „Его Императорское Величество по причинѣ производимыхъ нѣкоторыми изъ находящихся въ Англіи изъ россійскихъ торгующихъ и другого рода людьми неприличныхъ дѣяній Высочайше мнѣ повелѣть соизволилъ сообщить господамъ правителямъ губерній, чтобы молодые купцы и ихъ приказчики, а равномѣрно и прочихъ состояній россіане туда впередъ не ѣздили; если же бы кому изъ подданныхъ Его Величества встрѣтились обстоятельства, необходимо того требующія, то о таковомъ надлежитъ быть представляемо на Высочайшее разрѣшеніе“ [3]).

---

[1]) Опись, II, № 1733. Когда до этого повелѣнія эстляндскій губернаторъ, узнавъ о воспрещеніи выѣзда за границу гр. Стенбокамъ, запрашивалъ генералъ-прокурора, вызывать ли обратно тѣхъ, кто за границей учился, Куракинъ отвѣчалъ, что подобная мѣра—преждевременна.

[2]) Опись, II, № 1734; ср. переписку генералъ-прокурора относительно выѣзда за границу и въѣзда въ Россію поляковъ, „общихъ подданныхъ“ (sujets mixtes)—№ 1730.

[3]) *Дѣла канцеляріи генералъ-прокурора*, № 1470, л. 8. Это запрещеніе послѣдовало въ виду ходатайства о томъ Воронцова, русскаго посла въ Лондонѣ, который 16—27 авг. 1798 г. сообщалъ Государю: Живущій въ Лондонѣ приказчикъ Орловъ „ведетъ себя неблагопристойнымъ образомъ“, вовлекъ адмиралтейскаго ученика механики Кокушкина въ долги „по общимъ имъ гуляньямъ“, давъ ему заимообразно денегъ до 11 фунтовъ стерлинговъ, — а затѣмъ сразу потребовалъ долгъ, а когда Кокушкинъ уплатить долга не могъ, то Орловъ, „будучи нечувствительный и безстыдный человѣкъ“, „посадилъ въ тюрьму своего земляка и въ службѣ Е. И. В. человѣка“; благодаря этому посолъ долженъ былъ принять мѣры къ выкупу Кокушкина, на что было издержано до 24 фунтовъ 7 шиллинговъ.

Въ связи съ этимъ Воронцовъ писалъ Государю: „Я почитаю долгомъ моей къ Вамъ вѣрности представить Вашему Императорскому Величеству, что весьма

Генералъ-прокуроръ даетъ указаніе цензурѣ, онъ находится въ постоянной перепискѣ съ цензурными учрежденіями. При его дѣятельномъ участіи происходитъ установленіе цензуръ: въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Вильнѣ, Радзивилловѣ, отводъ помѣщенія имъ, назначеніе цензоровъ.

Генералъ-прокуроръ разсылаетъ по цензурамъ разнаго рода предписанія. Такъ, онъ, напр., предписываетъ считать запрещенными и въ Россіи книги, запрещенныя иностранными (владѣтельныхъ государей) цензурами; даетъ указаніе о свободномъ пропускѣ нѣкоторыхъ книгъ; приказываетъ С.-Петербургской цензурѣ отправлять къ нему письма, отобранныя на корабляхъ таможеннымъ осмотромъ; предписываетъ, согласно Высочайшему повелѣнію, той же цензурѣ о просмотрѣ ею всѣхъ книгъ, находившихся въ С.-Петербургскихъ книжныхъ лавкахъ, и конфискованіи запрещенныхъ и „сомнительныхъ". Подобное же предписаніе дано и Рижской цензурѣ, чтобы она пересмотрѣла книги, находившіяся въ частныхъ библіотекахъ и книжныхъ лавкахъ г. Риги, кон-

---

вредно всегда, а теперь наипаче, дозволять молодымъ купцамъ и приказчикамъ русскимъ ѣздить въ чужіе края". Далѣе Воронцовъ даетъ весьма нелестную характеристику русскихъ купцовъ, которую считаю нужнымъ вкратцѣ привести: „Всѣ русскіе крупцы", по словамъ Воронцова, кромѣ Сиднева, который ведетъ себя „изрядно", „живутъ безпутно, водятся съ дурными людьми и обманываютъ англійскихъ мануфактурщиковъ, забирая въ долгъ товары, платя сперва по срокамъ весьма порядочно, а потомъ, пріобрѣтя кредитъ, забравъ болѣе товаровъ, уѣзжаютъ и не платятъ совсѣмъ долговъ своихъ".

Кромѣ того „большая часть изъ сихъ нашихъ купцовъ пріѣзжаютъ токмо, чтобъ, закупя товары, пересылать ихъ въ Любекъ, въ Гданскъ, въ Кенигсбергъ и Мемmель, гдѣ имѣютъ корреспондентовъ, откуда потомъ сухимъ путемъ сіи товары входятъ въ Россію кондрабандою безъ всякой пошлины, къ великому ущербу казны Вашей и къ разоренію честныхъ купцовъ, кои, непричастны подложнаго торга, платятъ пошлины и тѣмъ весьма теряютъ предъ другими, кои вышесказанное незаконное ремесло съ выгодою продолжаютъ".

„Кромѣ сихъ причинъ, кои уже сами собою важны, продолжаетъ Воронцовъ, въ нынѣшнихъ временахъ пребываніе здѣсь тѣхъ купцовъ весьма вредно. Они почти всѣ водятся съ французскими и итальянскими извергами, коихъ здѣсь много, и заражаются погаными правилами, кои могутъ потомъ разсѣвать въ отечествѣ, если за ними не будутъ тамъ надзирать прилежно".

„Если Ваше Императорское Величество прикажете имъ (купцамъ) всѣмъ возвратиться во-свояси и ежели кто изъ нихъ поупрямится, то я ихъ способомъ правленія (административнымъ порядкомъ, при помощи англійскихъ властей) вышлю" (л. 2—4).

фисковала вредныя и строго наблюдала за ввозомъ въ Россію книгъ, не допуская запрещенныхъ.

Въ свою очередь цензуры и цензоры постоянно сообщаютъ генералъ-прокурору о своей дѣятельности, о пропущенныхъ и задержанныхъ книгахъ, нерѣдко съ выписками изъ книгъ и указаніемъ, почему эти книги не могутъ быть допущены къ свободному обращенію. Рижская цензура обращалась къ генералъ-прокурору съ представленіемъ о разрѣшеніи ей печатать реестры запрещенныхъ и дозволенныхъ книгъ и выдавать реестры частнымъ лицамъ, по ихъ просьбѣ. Изъ Риги сообщали о нахожденіи у книгопродавца Миллера запрещенныхъ книгъ и о судѣ надъ нимъ. Съ генералъ-прокуроромъ ведется переписка мѣстными властями по поводу учрежденія цензуры еврейскихъ книгъ [1]).

Отмѣчу два слѣдующіе характерные случая. Коллежская ассесорша Фрейтагъ перевела съ нѣмецкаго языка двѣ комедіи и поднесла ихъ Государю въ рукописи; тѣмъ не менѣе Павелъ I послалъ переводъ въ С.-Петербургскую цензуру, и только послѣ ея одобренія разрѣшено было ихъ напечатать [2]). Книгу проф. (гессенскаго) Гецеля подъ названіемъ: „Allgemeines deutsches Volksblatt“, въ которой описывалась жизнь нѣмецкаго простонародья и доказывался вредъ французской революціи, послѣ разбора ея содержанія цензурой и по докладу генералъ-прокурора, велѣно было свободно пропускать черезъ всѣ цензуры [3]). Въ осторожности Павла I и цензурныхъ запретахъ того времени видна особенная боязнь того, какъ бы опасная „зараза“, распространившаяся по Европѣ, не проникла въ Россію.

Генералъ-прокуроръ вѣдаетъ иновѣрныя и инославныя вѣроисповѣданія. Онъ получаетъ доклады отъ юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, отъ римско-католическаго департамента. Вообще говоря, переписка генералъ-прокурора по поводу религіозныхъ дѣлъ рисуетъ намъ то,

---

[1]) Опись, I, № 190—196; II, № 1423, 1425, 1426, 1430, 1431, 1464, 1465, 1680, 1684, 1735—1738, 1746—1748. Ср. Арх. государ. совѣта, т. II, 425—514.

[2]) Тамъ же, II, № 1738.

[3]) Тамъ же, II, № 1425 (Высочайшее повелѣніе о томъ—27 февр. 1798 г.).

что правительство Павла I было проникнуто идеей вѣротерпимости, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно было настойчиво въ томъ, чтобы внѣшнее управленіе церковными дѣлами было сосредоточено въ его рукахъ. Такъ, когда виленскій епископъ Іоаннъ Коссаковскій получилъ отъ папы буллу, которой разрѣшалось священнику Чашкевичу получить коадъюторію одного прихода въ Виленской римско-католической епархіи, и посланіе о разрѣшеніи монаху Піарскаго ордена быть бѣлымъ священникомъ, то по этому поводу началась переписка, и черезъ генералъ-прокурора былъ представленъ докладъ Государю, съ испрашиваніемъ указаній, какъ поступить. Павелъ I, можетъ быть, потому, что данныя распоряженія не были значительными, приказалъ (20 іюля 1798 г.) предписанія буллы и посланія исполнить [1]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ были обнародованы узаконенія о прекращеніи въ Россійской имперіи папской нунціатуры и объ управленіи (указъ 17 марта 1798 г.) духовными властями католическихъ церквей паствами и церквами на основаніи россійскихъ законовъ безъ всякаго вліянія папскихъ буллъ [2]).

Ради управленія дѣлами римско-католической церкви, при дѣятельномъ участіи генералъ-прокурора, римско-католическій департаментъ былъ отдѣленъ отъ юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, при которой онъ раньше состоялъ, и начальникомъ его былъ назначенъ архіепископъ Сестренцевичъ. Сестренцевичъ, для поднятія престижа того учрежденія, главою котораго онъ былъ опредѣленъ, составилъ проектъ штата и предлагалъ именовать тотъ департаментъ „коллегіей духовныхъ католическихъ дѣлъ“, но это предложеніе, доложенное Государю кн. А. Куракинымъ, было отклонено [3]).

По отношенію къ юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ можно указать на предложеніе кн. А. Б. Куракина о составленіи этой коллегіей плана относительно учрежденія богословскихъ школъ, съ тѣмъ, чтобы въ нихъ

---

[1]) Опись, II, № 1330.
[2]) Тамъ же, II, № 1684, 1688. П. С. З., № 18892.
[3]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 1335, л. 10—17.

кандидаты богословія обучались чухонскому и латышскому языкамъ [1]). Генералъ-прокуроръ даетъ юстицъ-коллегіи предписаніе о немедленномъ (по Высочайшему повелѣнію) рѣшеніи ею дѣла по доносу ксендзовъ Ермоловича и Киріата [2]).

Наконецъ отмѣчу слѣдующій случай. Минскій губернаторъ Карнѣевъ писалъ (25 августа 1799 г.) генералъ-прокурору А. А. Беклешову о томъ, что юстицъ-коллегія, „дѣлая разныя привязки“ къ минскому губернскому пастору лютеранскому Карштету (переведенному самимъ Беклешовымъ изъ Каменецъ-Подольска еще въ 1797), въ теченіе двухъ лѣтъ „не утверждаетъ“ его въ должности; отмѣтивъ, что тотъ пасторъ „человѣкъ отмѣнно хорошъ, прилеженъ и постояненъ“, губернаторъ просилъ Беклешова „походатайствовать о его утвержденіи“, а о себѣ сообщалъ, что онъ, не дожидаясь отвѣта юстицъ-коллегіи, „на первый случай позволилъ“ въ пустой уніатской деревянной церкви, принадлежавшей прежде митрополиту Ростоцкому, отправлять лютеранское богослуженіе; однако, опасаясь, какъ бы и въ это его распоряженіе не вмѣшалась юстицъ-коллегія, Карнѣевъ просилъ о томъ, нельзя ли церковь эту вмѣстѣ съ ветхимъ деревяннымъ митрополитанскимъ домомъ „навсегда“ утвердить за лютеранами [3]).

Генералъ-прокуроръ немедленно предписалъ прокурору той коллегіи П. Фриксіусу, „обстоятельно въ юстицъ-коллегіи выправиться“, „по какимъ причинамъ оная коллегія по сю пору не утверждаетъ“ пастора Карштета въ должности. Получивъ вскорѣ же объясненіе прокурора (рапортъ его отъ 15 сентября), Беклешовъ 21 сентября отвѣчалъ Карнѣеву: „По письму вашему о г. Карштетѣ предписалъ я дѣло о утвержденіи его привесть къ окончанію. Оно на сихъ дняхъ къ вамъ и отправится. Юстицъ-коллегія оправдывается тѣмъ, что онъ не представилъ ни своихъ аттестатовъ, ни желанія прихожанъ, а потому принуждена она была входитъ въ переписку. Какъ бы то ни было, ваше превосходительство можетъ быть увѣрены и его увѣрить, что дѣло сіе кончено. Что при-

---

[1]) Опись, II, № 1451.

[2]) Тамъ же, II, № 1524, 1602, 1687.

[3]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора,* № 1621, л. 1 и сл.

надлежитъ до дома, гдѣ отправляетъ онъ службу, я не думаю, чтобы коллегія почему-нибудь могла въ семъ ему попрепятствовать, а нынѣ, кажется, нѣтъ нужды просить на то ея утвержденія" [1]). Тонъ этого письма показываетъ, какое властное положеніе по отношенію къ юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ занималъ генералъ-прокуроръ.

Орденъ траппистовъ, упрочившійся въ Оршѣ, приносилъ генералъ-прокурору жалобу (отъ 10 августа 1799 г.) на митрополита Сестренцевича за притѣсненія. Жалоба эта была переслана генералъ-прокуроромъ А. А. Беклешовымъ Сестренцевичу съ предложеніемъ дать ему разъясненія по предмету жалобы. Тотъ отвѣчалъ, что онъ уже получилъ Высочайшее повелѣніе: „орденъ Латрапскій оставить пока при обрядахъ ихъ по обѣту во всей цѣлости", а также главѣ общины, „отцу игумну" (аббату Эстранжу) предоставлено было право („воля") основывать и устанавливать духовныя общества „въ тѣхъ мѣстахъ, которыя ему болѣе къ тому способными окажутся" [2]).

Графъ Илинскій представилъ проектъ „устава (reglament) для всѣхъ монашескихъ орденовъ" (въ томъ числѣ іезуитскаго) въ польскихъ губерніяхъ. Уставъ (на французскомъ языкѣ съ переводомъ) былъ переданъ генералъ-прокурору кн. Куракину, который распорядился (27 декабря 1797): „взять изъ сената выправку, на чемъ остановился проектъ Илинскаго, изъ сей выправки и изъ двухъ здѣсь вложенныхъ бумагъ сдѣлать для доклада Его Величеству выписку". На этомъ основаніи сдѣланъ былъ запросъ въ канцелярію сената и канцелярію римско-католическаго департамента [3]).

---

[1]) Черновикъ отвѣта генералъ-прокурора писанъ рукою Сперанскаго, по экспедиціи котораго дѣло это производилось.

[2]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 1710, л. 1—7. Ср. книгу о. Морошкина, Іезуиты въ Россіи, т. II.

[3]) *Тамъ же*, № 275, л. 1—14. Запросъ въ канцелярію сената отправленъ былъ 29 декабря, а на другой день оттуда послѣдовалъ отвѣтъ, что проектъ отосланъ въ римско-католическій департаментъ, съ тѣмъ, „чтобы департаментъ, войдя въ подробнѣйшее сего полезнаго предмета разсмотрѣніе и сообразя оныя съ изданными на тотъ край узаконеніями и тамошними правами, представилъ съ мнѣніемъ своимъ сенату въ непродолжительномъ времени".

Получивъ такое сообщеніе, канцелярія генералъ-прокурора 31 декабря послала запросъ римско-католическому департаменту, изъ котораго въ тотъ же день отвѣ-

Когда отставной поручикъ Шаги-Ахметъ Тефкилевъ, отъ имени своихъ единовѣрцевъ, магометанъ, жительствовавшихъ въ С.-Петербургѣ, обратился къ Государю (въ іюнѣ 1798 г.) съ просьбой о предоставленіи магометанамъ казеннаго дома, гдѣ они могли бы возносить свои молитвы, о назначеніи трехъ муллъ и нѣсколькихъ человѣкъ помощниковъ и сторожей и объ отводѣ мѣста за Волковой деревней для кладбища, то Павелъ I распорядился передать это прошеніе генералъ-прокурору для выясненія этого дѣла. Генералъ-прокуроръ путемъ переписки устанавливалъ, дѣйствительно ли Тефкилевъ имѣетъ „уваженіе" и „довѣренность" со стороны своихъ единовѣрцевъ, есть ли у нихъ по предмету просьбы „единосогласіе", а также запрашивалъ (10 октября 1798 г.) Оренбургскаго муфтія, управлявшаго дѣлами магометанской вѣры, готовъ ли онъ изъявить свое согласіе („волю") „на построеніе молитвеннаго храма" въ Петербургѣ и удостоиваетъ ли избраніе въ муллы тѣхъ, кого называлъ въ прошеніи Тефкилевъ. О ходѣ переписки и отвѣтахъ генералъ-прокуроръ докладывалъ Государю [1]).

чали: правила въ немъ разсматривались, но такъ какъ къ нимъ потребовалось сдѣлать нѣкоторыя добавленія, то департаментъ, по обсужденіи ихъ въ засѣданіи 29-го декабря, назначилъ на 2-ое января новое засѣданіе „для рѣшительнаго окончанія" дѣла; а потому 2-го января разсмотрѣнныя правила вмѣстѣ съ прибавленіями „непремѣнно будутъ доставлены въ правительствующій сенатъ" (л. 14). Дальнѣйшая судьба проекта гр. Илинскаго по дѣлу неизвѣстна.

[1]) Прошеніе Тефкилева получено въ „Павловскѣ, по почтѣ, іюня 28-го 1798 г." Въ прошеніи челобитчикъ, указавъ, что „въ знаменитой столицѣ здѣшней" много магометанъ—въ войскахъ сухопутныхъ и морскихъ, а также при разныхъ другихъ должностяхъ, а сверхъ того пріѣзжаютъ по дѣламъ „повсемѣстно", писалъ: „Изъ обращенія моего съ единовѣрцами позналъ я ихъ воздыханія и сердечное сокрушеніе, что не имѣемъ мы здѣсь въ столицѣ для поклоненія и отправленія молитвъ нашихъ исповѣдуемому нами, согласно со всѣми другими народами, Премудрому и Всемогущему Творцу небесъ и земли молитвеннаго храма, каковые всякій другой народъ на очахъ нашихъ имѣетъ.

Но, какъ подобная сему нужда и всеподданнѣйшее моленіе о части воинства въ морскомъ ополченіи, въ Кронштадтѣ находящемся, всемилостивѣйше уже приняты Вами, Великій Государь, во уваженіе, и къ общей всѣхъ магометанъ радости Ваше Императорское Величество даровали имъ тамъ на молитвенный храмъ отдѣленіе казеннаго дому и прочее къ тому благоустройство, каковаго требуетъ обрядъ и вѣра, учредить Высочайше повелѣть соизволили, то и я, всеподданнѣйшій, взирая съ благоговѣніемъ на таковое крайнее снисхожденіе Вашего Императорскаго Величества и въ соотвѣтствіи общему и согласному единомыслію о Бозѣ всѣхъ и каждаго, простираюсь предъ освященнѣйшими стопами

До генералъ-прокурора дошло извѣстіе, что въ Волынской и Подольской губерніяхъ евреями производился денежный сборъ въ размѣрѣ по 15 коп. серебромъ съ каждой души, для отправленія депутаціи къ Его Императорскому Величеству, „съ принесеніемъ, какъ говорилось въ сообщеніи военнаго губернатора гр. Гудовича, всеподданнѣйшей благодарности за высокомонаршее ихъ покровительство и съ испрашиваніемъ о дарованіи имъ нѣкоторыхъ выгодъ“, и что часть собранныхъ денегъ, въ виду недозволенности подобныхъ сборовъ и запрещенія посылки депутатовъ къ Высочайшему двору, „особенно отъ жидовъ“, была конфискована, по распоряженію гр. Гудовича. Генералъ-прокуроръ объ этомъ доложилъ Государю, и 28 сентября 1798 г. писалъ Гудовичу, что онъ при докладѣ „получилъ высокомонаршее соизволеніе“ „собранныя евреями деньги имъ возвратить и отправиться депутаціи ихъ къ Его Императорскому Величеству дозволить“ [1]).

Московскіе старообрядцы, обратившись къ Государю съ просьбой объ учрежденіи особаго духовнаго правленія, открытіи

Вашими съ симъ всеподданнѣйшимъ моленіемъ о части воинства сухопутнаго и за всѣхъ прочихъ вышеизъясненныхъ, къ коимъ причислить должно и прибывающихъ сюда азіатцевъ, часто достоинствомъ и званіемъ именитыхъ; не оставить и ихъ сирыми въ разсужденіи богочтительнаго храма, но также, какъ Кронштадскимъ, всемилостивѣйше повелѣть отвесть подъ оный казенный домъ, сходствующій съ знатнымъ числомъ во всякое время здѣсь находящагося, паче же въ великіе въ году праздники стекающагося на молитву, народа, гдѣ высокомонаршая воля Ваша указать соизволитъ, и пожаловать при томъ всѣмъ обязаннымъ службою всемилостивѣйшее дозволеніе приносить во храмѣ молитвы по примѣру воинства крестоноснаго по единожды въ недѣлю въ установленные закономъ дни, а въ годовые два праздника во всѣ ихъ дни безвозбранно“.

16 февраля 1799 г. „слоновщикъ Ахметъ“ (очевидно, Тефкилевъ) подалъ новое прошеніе на имя Государя; но никакой резолюціи и распоряженія по поводу его прошенія въ этомъ дѣлѣ не имѣется (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора* № 1112, л. 1—38).

[1]) Гр. Гудовичъ 20 августа 1798 г. изъ „благополучнаго города“ Каменецъ-Подольска сообщалъ, что „денежная складка“ „наложена собраніемъ старшихъ еврейскихъ рабиновъ и почетныхъ евреевъ“, въ г. Острогѣ, Волынской губ., о чемъ разослано было въ разныя мѣста „напечатанное на еврейскомъ языкѣ повелѣніе“; собрано было лишь „небольшое“ количество денегъ, и „по достовѣрнымъ губернаторовъ испытаніямъ, въ сборѣ томъ никакихъ злонамѣреній не скрывалось“, а въ концѣ своего письма добавлялъ: по поводу того, что городничій г. Острога „допустилъ“ собраніе раввиновъ, евреевъ и „не доносилъ о томъ по командѣ, предписано отъ меня волынскому гражданскому губернатору требовать отъ него отвѣтъ и, по разсмотрѣніи онаго, поступить съ нимъ по строгости законовъ“ (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 1373, л. 2—4).

храмовъ и монастырей и о позволеніи имѣть имъ своихъ священниковъ [1]), въ то же время, представляя генералъ-прокурору князю П. В. Лопухину такую же просьбу, писали ему (въ прошеніи, поданномъ 2-го іюня 1799 г.): „Предстательствуйте о насъ, милостивѣйшій нашъ покровитель, у престола Величества, слово ваше устроитъ судьбу нашу. Мы на васъ надѣемся, что ваша свѣтлость сію нашу всенижайшую просьбу не оставите безъ милосерднаго вниманія“ [2]).

На поляхъ этого прошенія сдѣлана помѣтка: „доложить Государю“. Лопухинъ немедленно представилъ „пункты“ московскихъ старообрядцевъ при своемъ докладѣ Государю, на что послѣдовалъ указъ Павла (отъ 3-го іюня), писанный имъ собственноручно карандашомъ, слѣдующаго содержанія: „Какъ

---

[1]) Прошеніе московскихъ старообрядцевъ (за подписью болѣе 50 чел.) довольно обширно по объему, состоитъ изъ 15 пунктовъ и сводится къ слѣдующему:

1—учредить архіепископа или епископа для старообрядческой церкви, если на то послѣдуетъ всемилостивѣйшее соизволеніе;

2—учредить „духовное правленіе“ въ Москвѣ, изъ 2 или 3 священниковъ, одного (мірянина) депутата, избраннаго старообрядческимъ обществомъ, и 2-хъ его помощниковъ, которые должны „соборнѣ“ управлять всей старообрядческой церковью, подъ правительственнымъ контролемъ;

3—не считать за бѣглыхъ священниковъ и діаконовъ, приходящихъ къ нимъ отъ господствующей церкви по своему добровольному желанію; нынѣшнимъ же священникамъ и діаконамъ, по объявленіи ихъ, дать паспорты;

4—„повелѣть выдать изъ священной хранительницы древній антиминсъ священія патріарха Іосифа или другихъ какихъ древнихъ архипастырей“, чтобы на немъ можно было старообрядческимъ священникамъ освятить церковь;

5—молитвенное собраніе на Рогожскомъ кладбищѣ превратить въ церковь, въ которой разрѣшить совершеніе всѣхъ таинствъ церковныхъ;

6—установить порядокъ въ Иргизскихъ монастыряхъ и скитахъ; монаховъ и монахинь, живущихъ по Иргизской степи въ Чернораменскихъ Керженскихъ лѣсахъ и по другимъ пустыннымъ и непроходимымъ мѣстамъ, „оставить безъ выгонки“ въ тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ, а ради освѣдомленія „учинить (имъ), черезъ кого слѣдуетъ, перепись“, и если среди нихъ окажутся лица, обязанныя податьми, то несеніе податей возложить на монастыри и скиты, гдѣ такія лица окажутся;

7—„вкладовъ не требовать и раздѣлу святымъ вещамъ не чинить“;

8—отвести особыя кладбища въ городахъ, селахъ и деревняхъ, гдѣ есть старообрядцы (*Дѣла канцеляріи ген.-губернатора*, № 1706, л. 2 и сл.).

О прошеніи Московскихъ старообрядцевъ подобнаго же рода см. Снегиревъ, Жизнь митр. Платона, I, 103. О старообрядцахъ и Амвросіи Казанскомъ—Рус. Арх., 1864 г., стр. 119—122.

[2]) Подъ прошеніемъ П. В. Лопухину подпись „Московскаго купца и попечителя старообрядческаго кладбища“ Архипа Петровича Абертышева, купцовъ А. А. Емельянова, И. Орженикова, М. Щедрина, И. Ардынова, Е. Матвѣева и еще 10 лицъ.

они сами отзываются мною быть довольными [1]), то и оставили бы мнѣ съ преосвященнымъ Казанскимъ (Амвросіемъ) дѣло ихъ вѣдать, и сему послѣднему снабжать ихъ священниками по ихъ одобреніямъ; о прочемъ оставляю, дабы не произошло недоразумѣнія, а о сумнѣніяхъ спрашиваться меня имъ же самимъ".

Лопухинъ, получивъ указъ, сообщилъ копію его повѣренному старообряческаго общества московскому купцу Дмитрію Ѳедорову и извѣстилъ объ указѣ Амвросія, архіепископа Казанскаго [2]), съ которымъ позднѣе имѣлъ по этому дѣлу переписку.

Генералъ-прокуроръ принимаетъ дѣятельное участіе въ устройствѣ полиціи, какъ столичной, такъ и губернской, ведетъ обширную переписку по поводу учрежденія ея, согласно изданному 14 мая 1799 г. штату, и замѣщенія полицейскихъ должностей заштатными чиновниками, и предписываетъ губернаторамъ принять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ благоустройству полиціи [3]).

Въ судебныхъ дѣлахъ роль генералъ-прокурора близко соприкасалась съ дѣятельностью сената [4]). Въ послѣдней

---

[1]) Можно думать, что къ подобнымъ словамъ указа далъ поводъ конецъ прошенія старообрядцевъ, гдѣ они писали: „Извѣстно всему свѣту, что главное Вашего Императорскаго Величества желаніе есть видѣть вѣрноподданныхъ вашихъ столь счастливыми и довольными, сколь далеко человѣческое счастіе и удовольствіе можетъ на сей землѣ простираться; сію истину ясно доказываютъ неисчислимыя Вашего Императорскаго Величества милости, по которымъ всѣ мы, вѣрноподданные ваши, при глубочайшей благодарности наслаждаемся благоденствіемъ и тишиною. Въ таковомъ находясь общемъ положеніи, и мы, старообрядцы, со благоговѣніемъ осмѣливаемся утруждать Ваше Императорское Величество о ниспосланіи намъ особенной милости на вышеслѣдующіе наши нижайшіе пункты. Хотя же и нѣтъ таковаго законоположенія государственнаго, о чемъ мы всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество утруждаемъ, но какъ со стороны Высочайшаго Императорскаго престола отеческое Ваше милосердіе поставляется во основаніе законовъ, то мы по сему единому всеподданнѣйше просимъ означенное наше расположеніе удостоить всемилостивѣйшею конфирмаціею".

[2]) Архіепископъ Амвросій выработалъ положеніе (въ 4-хъ пунктахъ) относительно старообрядческихъ священниковъ; согласно этому положенію онъ вскорѣ же назначилъ къ московскимъ старообрядцамъ, по ихъ представленію, 8 человѣкъ священниковъ и діаконовъ, разрѣшивъ имъ совершать богослуженіе и требы, „кромѣ литургій" (*Тамъ же*, л. 10).

[3]) Опись, т. II, № 1664; ср. I, № 167, 196, 297; III, № 2247 и др.

[4]) О судебной дѣятельности сената см. въ статьѣ бар. А. Э. Нольде— „Исторія прав. сената", т. II стр. 736 и сл.

генералъ-прокуроръ черезъ оберъ-прокуроровъ департаментскихъ являлся главнымъ руководителемъ хода дѣлъ. Оберъ-прокуроры, составляя какъ-бы одно съ генералъ-прокуроромъ, докладывали ему о всякомъ болѣе или менѣе важномъ дѣлѣ, испрашивая руководящихъ указаній, а относительно тѣхъ дѣлъ, которыя самъ сенатъ не рѣшалъ, а лишь составлялъ „резолюціи" о поднесеніи по нимъ доклада Государю, оберъ-прокуроры, по предписанію своего начальника (отъ 18 декабря 1799 г.), должны были „изъясняться лично" съ нимъ, прежде изготовленія доклада [1]).

Судебнымъ мѣстамъ въ губерніяхъ генералъ-прокуроръ черезъ губернаторовъ и губернскихъ прокуроровъ преподаетъ указанія объ ускореніи производства дѣлъ и требуетъ присылки къ нему свѣдѣній относительно количества дѣлъ рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ [2]). Генералъ-прокуроръ иногда по встрѣтившейся надобности, запрашивалъ мѣстныя судебныя установленія о томъ, въ какой стадіи находится тотъ или иной процессъ, а если состоялось рѣшеніе, то какого рода. Среди многихъ подобныхъ случаевъ отмѣчу одинъ, который, правда, имѣлъ совсѣмъ другую цѣль, чѣмъ контроль надъ дѣятельностью судовъ. Въ декабрѣ 1796 г. кн. Куракинъ запрашивалъ Кондратія Лохвицкаго, вознесенскаго губернскаго стряпчаго уголовныхъ дѣлъ, относительно молвы, разнесшейся еще въ Петровъ день, о восшествіи на престолъ Павла Петровича, и относительно суда надъ виновниками слуха, сколько человѣкъ было при-

---

[1]) Предписаніе П. Х. Обольянинова оберъ-прокурорамъ сената—слѣдующаго содержанія:

„Замѣтивъ многіе доклады отъ сената, для поднесенія Государю Императору присылаемые, безъ довольнаго основанія, такъ что въ иномъ не достаетъ многихъ обстоятельствъ и выпровокъ къ ясному представляемаго дѣла познанію и заключенію, въ другихъ и самые представляемые къ Высочайшему рѣшенію предметы не принадлежатъ къ оному, но паче отказомъ и рѣшеніемъ по законамъ отъ самого сената зависятъ, долгомъ почелъ я рекомендовать всѣмъ господамъ оберъ-прокурорамъ, дабы о всякомъ такомъ дѣлѣ, по которому дается резолюція о поднесеніи доклада Его Императорскому Величеству, изъяснялись лично со мною, прежде изготовленія доклада, объ обстоятельствахъ и причинахъ, убѣждающихъ на поднесеніе онаго" — *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 1538, л. 1.

[2]) Опись, т. I, № 300, 396; II, № 965, 1003, 1541; III, № 2144.

влечено къ суду, окончено ли дѣло и, если окончено, то каково рѣшеніе палаты [1]).

Лохвицкій на запросъ отвѣчалъ (15 января 1797 г.): „Молва о восшествіи на престолъ Его Императорскаго Величества (появилась) въ самый Петровъ день въ Елизаветградѣ на ярмаркѣ, съ произношеніемъ: „жакъ", а въ смятеніи народномъ нѣкоторые пьяные стремились грабить; однако, какъ говорятъ, ничего важнаго не произошло. Но, отъ кого именно начало возымѣлъ сей слухъ, не доискано, а видно, гласъ народа—гласъ Божій. Потомъ такимъ же образомъ было въ Херсонѣ, въ Николаевѣ и въ другихъ мѣстахъ, о чемъ я знаю только по одному слуху. А дѣла находились подъ особымъ наблюденіемъ перваго присутствующаго въ правленіяхъ А. И. Хорвата, который по именному повелѣнію объ ономъ и производилъ слѣдствіе въ Николаевѣ". Въ вознесенской же уголовной палатѣ судимы были 9 человѣкъ, и всѣ дѣла вскорѣ окончены, съ наложеніемъ на виновныхъ незначительнаго наказанія.

Когда кн. Куракинъ доложилъ объ этомъ Государю, то послѣдовало распоряженіе: „оставить безъ уваженія" [2]).

Областные правители обращались къ генералъ-прокурору за руководящими указаніями по судебнымъ дѣламъ. Такъ, слободско-украинскій губернаторъ А. Г. Тепловъ, сообщивъ генералъ-прокурору о приговорѣ уголовнаго департамента по дѣлу о разореніи разныхъ хуторовъ военными командами, по приказанію начальствовавшихъ офицеровъ, и изложивъ свое мнѣніе по тому дѣлу, „всепокорнѣйше испрашивалъ" „наставленія", „по утвержденіи приговора, учинить ли по оному

---

[1]) Одновременно кн. Куракинъ писалъ и къ екатеринославскому военному губернатору Н. М. Бердяеву:

„По дошедшимъ къ Е. И. В—ству свѣдѣніямъ, что въ губерніи Вознесенской пронеслась еще съ Петрова дня молва о восшествіи Е. И. В. на престолъ, и что тамъ за сіе многіе и судимы были судомъ уголовнымъ, Е. И. В—ство повелѣлъ, когда вы будете въ Новороссійской губ., то-бъ по смежности оной съ Вознесенской поручить вашему пр—у узнать истину о обстоятельствахъ дѣла сего, когда и отъ кого таковая молва началася и кто именно судимы за сіе были, и буде бы и нынѣ было таковые подсудимые, тотчасъ дать знать, кому слѣдуетъ, о ихъ освобожденіи и объ уничтоженіи сихъ дѣлъ" (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 184, л. 21).

[2]) *Тамъ же*, л. 69—71.

выполненіе" (въ силу указа 18 іюля 1797 г.), „или сіе дѣло купно съ приговоромъ и мнѣніемъ (его, губернатора) представить въ свое время на разсмотрѣніе правительствующаго сената" [1]).

На это послѣдовалъ (24 іюля 1793 г.) отвѣтъ генералъ-прокурора: „За нужное нахожу сообщить вамъ, милостивый государь мой, мысль мою, что я считалъ бы, чтобы рѣшеніе по сему дѣлу представлено было на утвержденіе въ правительствующій сенатъ". Тепловъ немедленно же извѣщалъ кн. Куракина, что онъ „предписаніе" его исполнитъ.

Характеризуя дѣятельность генералъ-прокурора, нужно имѣть въ виду, что генералъ-прокуроръ, кромѣ власти исполнительной, несъ на себѣ обязанности надзора надъ учрежденіями и должностными лицами [2]). По словамъ указа, даннаго кн. Куракину, онъ долженъ имѣть „повсемѣстную бдительность" „о точномъ сохраненіи законовъ, на всѣ части государственнаго правленія изданныхъ".

Оберъ-прокуроры въ сенатѣ, прокуроры въ коллегіяхъ, губернскіе прокуроры и стряпчіе въ мѣстныхъ учрежденіяхъ были надежными и вѣрными проводниками контроля, сосре-

---

[1]) Мотивами колебанія губернатора были такія обстоятельства. Въ дѣлѣ были замѣшаны офицеры 1-го Чугуевскаго полка: 2 маіора, 1 ротмистръ, 3 поручика и нѣсколько отставныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, жительствовавшихъ въ г. Чугуевѣ. По приговору уголовнаго департамента виновные приговорены были къ „выдержанію на хлѣбѣ и водѣ 2 мѣсяца".

„Судя по дерзкимъ ихъ поступкамъ и неистовствамъ, отъ нихъ происшедшимъ",—писалъ о томъ Тепловъ,—„дѣйствительно они, по мнѣнію моему, достойны сего наказанія, сколь для окончанія сего дѣла, столь и ко укрощенію какъ сихъ, такъ и другихъ, живущихъ въ г. Чугуевѣ чиновниковъ, пріобыкшихъ поступать на подобныя сему самоуправія и неистовства, дабы тѣмъ, вкорenивъ въ нихъ нѣкоторый страхъ, сократить отъ оныхъ". Поэтому онъ могъ бы утвердить приговоръ и въ силу закона 18 іюля 1797 г. (18053) привести приговоръ въ исполненіе. Но такъ какъ осужденныхъ „чиновниковъ" число велико, къ тому же онъ „предвидитъ" могущія произойти „ябеды", „какъ послѣдствія неминуемыя" со стороны людей той губерніи, склонныхъ „выдумывать" и обвинять начальниковъ „ложно" единственно по „ябедѣ вкоренѣлой", „представляя существо дѣлъ совсѣмъ въ другомъ видѣ", то губернаторъ „принялъ смѣлость" обратиться за указаніями къ генералъ-прокурору (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 960, л. 1—15)

[2]) См. книги: Муравьевъ Н. В., Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности, т. I, М., 1889 г.; Грибовскій В. М., Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія Екатерины II, П., 1901; бар. С. А. Корфъ, Административная юстиція въ Россіи, т. I, II., 1910 г.; „Исторія прав. сената", т. III и IV (изслѣдованіе И. А. Блинова).

доточеннаго въ рукахъ генералъ-прокурора. Сообщая послѣднему о происшествіяхъ всякаго рода, прокуроры тѣмъ скорѣе обязаны были извѣщать генералъ-прокурора о всякаго рода незаконныхъ дѣйствіяхъ и злоупотребленіяхъ. Можно указать десятки такихъ случаевъ, когда генералъ-прокуроръ отъ непосредственно подчиненныхъ ему прокуроровъ или отъ другихъ провинціальныхъ чиновниковъ получалъ свѣдѣнія о незаконныхъ и преступныхъ дѣйствіяхъ. Приведу въ качествѣ иллюстраціи нѣсколько примѣровъ.

Такъ калужскій губернскій прокуроръ Н. Г. Харламовъ рапортовалъ о безпорядкахъ въ калужской городской полиціи и о послабленіи ей со стороны губернскаго правленія [1]). Кіевскій губернскій прокуроръ Ѳ. Леонтовичъ сообщалъ генералъ-прокурору о „безпорядкахъ", происшедшихъ на выборахъ предсѣдателя кіевскаго главнаго суда, благодаря тому, что русскіе дворяне, по его мнѣнію, незаконно не были допущены къ выборамъ маршаломъ Росцишевскимъ [2]). О томъ же кіевскомъ главномъ судѣ засѣдатель 2-го департамента С. Пражевскій доносилъ (въ 1798 г.), что другіе засѣдатели самовольно вводятъ польскій порядокъ судопроизводства [3]). Литовскій губернскій прокуроръ Тормасовъ сообщалъ о притѣсненіяхъ евреевъ мѣстечка Новое-Мѣсто со стороны Хвейданскаго старосты Роникера [4]). Слободско-украинскій губернаторъ Тепловъ дѣлалъ представленіе о перемѣнѣ вице-губернатора Шидловскаго и другихъ чиновниковъ, замѣшанныхъ въ разнаго рода злоупотребленіяхъ [5]). Ради характеристики роли генералъ-прокурора разскажу подробнѣе одно любопытное дѣло о незаконно произведенномъ сборѣ съ жителей г. Москвы для выкупа должниковъ, содержавшихся въ тюрьмѣ. Обстоятельства этого дѣла были слѣдующія.

14-го сентября 1797 г. московскій губернскій прокуроръ А. Петрово-Соловово сообщалъ генералъ-прокурору: „Для

[1]) Опись, т. II, № 1004.
[2]) Опись, т. II, № 1070.
[3]) Тамъ же, № 1210.
[4]) Опись, т. II, № 1222.
[5]) Тамъ же, № 1212.

наступающаго всерадостнаго дня Высочайшаго рожденія Его Императорскаго Величества", „съ дозволенія здѣшняго начальства", открыта въ Москвѣ „подписка на добровольное подаяніе для выкупа содержащихся за долги всякаго званія людей"; въ успѣхѣ этой подписки прокуроръ не сомнѣвался и ожидалъ, что на собранныя деньги можно будетъ выкупить до 40 человѣкъ. Къ этому Петрово-Соловово прибавилъ описаніе того порядка, при которомъ предположено было произвести освобожденіе должниковъ. „Наканунѣ всерадостнаго праздника"—писалъ онъ далѣе—„соберутся въ здѣшній тюремный замокъ начальники губерніи съ знатными чиновниками, куда призваны будутъ и претендатели содержащихся людей, которые, получа удовлетвореніе, выдадутъ векселя и другія имѣющіяся у нихъ обязательства; а потомъ всѣ къ освобожденію слѣдующіе, принеся въ церкви замка за здравіе и долгоденствіе Е. И. В—ства съ колѣнопреклоненіемъ молебствіе, получатъ свободу возвратиться въ домы свои".

Губернскій прокуроръ считалъ своимъ долгомъ „предварительно донести" генералъ-прокурору о готовящемся событіи, обѣщая „въ свое время" представить „подробное увѣдомленіе". И въ самомъ дѣлѣ, черезъ недѣлю Петрово-Соловово рапортовалъ о сборѣ „добровольнаго подаянія" и объ освобожденіи 51 человѣка, выкупленныхъ въ суммѣ 13.949 руб. [1]), отмѣчая, что во главѣ этого дѣла былъ московскій главноначальствующій кн. Ю. В. Долгоруковъ.

Обо всемъ этомъ генералъ-прокуроръ не преминулъ доложить Государю, который, повидимому, принялъ извѣстіе вполнѣ благосклонно, такъ какъ кн. А. Куракинъ немедленно (23 сентября) „по высокомонаршему благоизволенію" сообщалъ кн. Долгорукову, чтобы онъ „отъ имени Его Императорскаго Величества изъявилъ благодарность всѣмъ участвующимъ особамъ въ похвальномъ подвигѣ, оказанномъ добровольною складкою на искупленіе нѣкоторыхъ изъ числа содержимыхъ за долги въ Московскомъ тюремномъ замкѣ". А губернскому прокурору Петрово-Соловово Куракинъ писалъ (отъ 29 сентября):

---

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 248, л. 1 и 5.

„Рекомендую вашему высокородію поспѣшить доставленіемъ мнѣ свѣдѣнія, кто именно участвовали въ такомъ похвальномъ подвигѣ и сколь и за какую именно сумму изъ числа содержимыхъ будетъ искуплено“ [1]).

На запросъ губернскій прокуроръ вскорѣ же (5 октября) поспѣшилъ отвѣтить, представивъ поименную вѣдомость, но не тѣхъ, кто участвовалъ въ „добровольной складкѣ“, а „вѣдомость всѣмъ выкупленнымъ, какъ наканунѣ того всерадостнаго дня, такъ и послѣ онаго, съ означеніемъ, за какую кто сумму держался и какою выкупленъ“. Относительно же участниковъ „похвальнаго подвига“ Петрово-Соловово откровенно сообщалъ, что „весь сборъ произведенъ былъ приглашеніями, чрезъ полицію по всему городу сдѣланными, почему едва не всякій изъ жителей содѣлался вкладчикомъ, безъ обозначенія имени“ [2]).

Обо всемъ этомъ генералъ-прокуроръ доложилъ Государю. Великъ былъ гнѣвъ Павла I, когда онъ узналъ, что сборъ, связанный со днемъ его рожденія, о которомъ онъ, будучи увѣренъ, что тотъ сборъ добровольный, отозвался, какъ о „похвальномъ подвигѣ“, въ дѣйствительности былъ произведенъ принудительно при помощи полиціи. На имя кн. Долгорукова былъ посланъ строгій указъ (23 октября 1797 г.), въ которомъ говорилось: „Г. ген.-отъ-инф. и московскій военный губернаторъ, кн. Долгоруковъ! Дошло до свѣдѣнія моего, что сборъ денегъ съ московскихъ жителей на выкупъ содержавшихся за долги учиненъ по повѣсткѣ чрезъ полицію по вашему приказанію. Таковой поступокъ нахожу я дерзкимъ и непристойнымъ, за который и дѣлаю вамъ

---

[1]) *Тамъ же*, л. 3 и 4; генералъ-прокуроръ запрашивалъ Петрово-Соловово о числѣ выпущенныхъ, еще не получивъ его второго рапорта (онъ былъ полученъ 2-го октября), гдѣ было точно указано, что освобожденныхъ было 51 чел.

[2]) „Главнѣйшій же, читаемъ дальше у Петрово-Соловово, былъ находящійся здѣсь нѣжинскій купецъ К. Бахчѣевъ, который отдалъ на сіе товару болѣе, чѣмъ на 5000 руб. Въ прочемъ же заблаговременное склоненіе претендателей къ уступкамъ и весь распорядокъ дѣла сего произведенъ былъ мною, подъ главнымъ начальствомъ и руководствомъ его сіятельства здѣшняго военнаго губернатора ген.-отъ-инф. и кав. кн. Юрья Володимировича Долгорукова“. Рапортъ Петрово-Соловово былъ полученъ въ С.-Петербургѣ 9-го октября (*Тамъ же*, л. 10).

строжайшій выговоръ, подтверждая впредь отъ подобныхъ остерегаться".

Одновременно (23 же октября) кн. Куракинъ писалъ къ московскому оберъ-прокурору кн. Я. И. Лобанову-Ростовскому, прилагая копію съ указаннаго рескрипта на имя Долгорукова и сообщая, что „нынѣ же послѣдовало Высочайшее повелѣніе къ генералъ-лейтенанту Вязмитинову о удержаніи жалованья у кн. Ю. В. 8.950 руб. 37 коп., которые по волѣ Государя присланы будутъ къ вамъ для возвращенія тѣмъ, отъ кого оные помянутымъ образомъ были собраны" [1]).

Вскорѣ кн. Долгоруковъ отъ должности московскаго военнаго губернатора былъ уволенъ, а взысканіе съ него указанной суммы, по представленію генералъ-прокурора, велѣно было „оставить" [2]).

Не только должностныя лица, но и частныя обращались къ генералъ-прокурору съ просьбой о защитѣ и покровительствѣ, и генералъ-прокуроръ принималъ мѣры къ разслѣдованію дѣла. Такъ, по просьбѣ жителей города Купянска, которые жаловались на притѣсненія, злоупотребленія и вымогательства со стороны городничаго, кн. Куракинъ, по докладу Государю, командировалъ (8 февраля 1798 г.) въ Купянскъ чиновника 1-го департамента сената кол. сов. Рыбина „для изслѣдованія на мѣстѣ обидъ, нанесенныхъ бывшимъ город-

---

[1]) Павелъ I безпокоился, какъ бы не происходило въ Москвѣ и другихъ сборовъ подобнымъ же образомъ, а потому генералъ-прокуроръ въ томъ же письмѣ сообщалъ кн. Лобанову-Ростовскому: „Сверхъ сего Высочайше поручено мнѣ отнестись къ вамъ, милостивый государь мой, дабы вы приличнѣйшимъ и самоскорѣйшимъ образомъ со всевозможною точностью развѣдали и узнали, на какомъ основаніи въ Москвѣ учинена добровольная складка на построеніе казармъ и конюшенъ для войскъ, тамъ расположенныхъ" (л. 8).

[2]) Кн. Лобановъ-Ростовскій, получивъ предписаніе отъ генералъ-прокурора, 10 января отвѣчалъ послѣднему, что жалованья, заслуженнаго кн. Долгоруковымъ и причитающагося ему изъ московскаго комиссаріатскаго депо, недостаточно для покрытія той суммы, которую слѣдовало съ него взыскать, и просилъ дать соотвѣтствующихъ указаній на этотъ предметъ. Кн. Куракинъ, получивъ представленіе, „входилъ съ докладомъ къ Е. И. В—ству". На это послѣдовалъ рескриптъ (9 февраля 1798 г.) на имя генералъ-прокурора, кн. Куракина, въ которомъ говорилось: „взысканіе 8.937 рублей" съ кн. Долгорукова „всемилостивѣйше соизволяемъ мы оставить, поелику не состоитъ уже онъ болѣе въ службѣ" (*Тамъ же*, л. 15).

ничимъ Плотниковымъ тамошнимъ жителямъ, разныхъ его злоупотребленій и понаровокъ присутственныхъ мѣстъ" [1]).

Шкловскіе евреи жаловались на генерала Зорича за притѣсненія; послѣ переписки и доклада о томъ Государю, какъ по этой, такъ и по другимъ жалобамъ, 15 іюня 1799 года состоялся указъ: „Для прекращенія зловредныхъ безпорядковъ и для законной защиты всѣхъ тѣхъ, кои отъ него, Зорича, и въ дѣлахъ его отъ участвующихъ притѣсненіе потерпѣли", въ Бѣлорусскую губернію „отъ лица сената", „послать сенатора Державина, который, взявъ себѣ въ единый предметъ судъ безпристрастный, имѣетъ наиточнѣйшимъ образомъ войти на мѣстахъ тѣхъ во всѣ обстоятельства, до цѣли его посылки относящіяся, и совершенно въ истинѣ удостовѣрясь, безъ всякаго лицепріятія, предать законному сужденію всѣхъ тѣхъ, кои въ вышесказанномъ виновными приличатся, и о всемъ, что онъ найдетъ тамъ и учинитъ", донести сенату и Государю [2]).

Отмѣчу, наконецъ, любопытное письмо (отъ 23 октября 1798 г.) „верхотурскаго депутата" Петра Ентальцова, въ которомъ онъ сообщалъ генералъ-прокурору о незаконной продажѣ ямщиковъ въ рекруты, произведенной ямщицкимъ старостой въ соучастіи съ другими ямщиками. Этому донесенію Ентальцовъ предпосылаетъ слѣдующее: „Во исполненіе Высочайшаго, декабря 14 дня 1766 г., манифеста, въ сходность обряда о выборѣ депутатовъ, даннымъ мнѣ тогда, за подписаніемъ г. Верхотурья жителей, полномочіемъ препоручены общія просьбы и представленія, тако-жъ усмотрѣнные недостатки и нужды. А какъ комиссія для составленія законовъ Россійской имперіи, также и всѣ депутаты состоятъ въ

---

[1]) Рыбинъ присылалъ рапорты генералъ-прокурору о ходѣ своего разслѣдованія. Но онъ дѣла не закончилъ, на мѣстѣ командировки неожиданно скончался. По Высочайшему повелѣнію 10 ноября 1798 года велѣно было дѣло по жалобѣ Купянскихъ жителей разсмотрѣть въ сенатѣ (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 896).

[2]) Опись, т. II, № 1786, 1797; ср. Сен. Арх., I, стр. 534. Ср. жалобу еврея Ельліовина на генералъ-лейтенанта Зорича за неуплату ему долга и за нанесеніе ему побоевъ; по поводу этой жалобы губернатору дано было предписаніе дать просителю законное уковлетвореніе (Опись, т. II, № 886).

О командировкѣ Г. Р. Державина въ Бѣлоруссію см. его записки—Сочиненія, т. VI, стр. 687 и сл.

вѣдѣніи вашего сіятельства, а потому и осмѣливаюсь предъ вами симъ объяснить, сверхъ представленныхъ ко блаженству городскихъ жителей извѣстіевъ, о вновь приключившихся нынѣ моженіяхъ".

Болѣе тридцати лѣтъ прошло со времени созыва комиссіи, давно уже изданъ указъ, чтобы бывшіе депутаты не входили ни въ какія ходатайства о нуждахъ своего населенія, а верхотурскій депутатъ еще не можетъ успокоиться и помнитъ свои „полномочія". Представленіе его на этотъ разъ было уважено: кн. Куракинъ предписалъ пермскому губернатору Модераху произвести разслѣдованіе этого дѣла и ему сообщить о результатѣ [1]).

Вообще говоря, генералъ-прокуроръ, получивъ рапортъ прокурора или другого какого-либо должностного лица или увѣдомясь жалобой частныхъ лицъ о незаконныхъ дѣйствіяхъ и злоупотребленіяхъ администраціи, обычно предписывалъ главноначальствующимъ произвести разслѣдованіе и сообщить ему объ обстоятельствахъ дѣла, а въ случаѣ виновности кого-либо, предать такихъ лицъ „сужденію" по всей строгости законовъ, иногда же, съ доклада Государя, посылалъ для разслѣдованія дѣла чиновъ изъ столицы.

Генералъ-прокуроръ, имѣя многія средства держать въ своихъ рукахъ областныхъ правителей, естественно, и этими послѣдними сталъ разсматриваться, какъ ихъ глава и начальникъ [2]). Губернаторы очень часто пишутъ генералъ-прокурору „рапортомъ", прося отъ него указаній и „предписаній"; они у генералъ-прокурора въ нужныхъ случаяхъ ищутъ „защиты" и „покровительства". Приведу одинъ, два примѣра.

Нижегородскій губернаторъ А. Л. Львовъ по поводу отсрочки выборовъ дворянскихъ и переноса ихъ на январь мѣсяцъ въ виду рекрутскаго набора, въ рапортѣ (отъ 22 сентября 1797 г.) писалъ генералъ-прокурору: „Не осмѣливаясь самъ собою

---

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 66, л. 1 и сл.

[2]) Выборгскій губернаторъ Ореусъ въ своемъ прошеніи называлъ генералъ-прокурора „благосклоннымъ начальникомъ" (*Тамъ же*, № 2270, л. 1). Члены камеръ-коллегіи въ рапортѣ, обращенномъ къ П. Х. Обольянинову, именовали его вообще „главнымъ у гражданской части начальникомъ" (№ 2360, л. 55).

сдѣлать таковой отсрочки, спѣшу донести о семъ вашему сіятельству и испрашивать благосклоннаго вашего на оное предписанія“ [1]).

Тобольскій губернаторъ А. Толстой, сообщивъ о своемъ столкновеніи съ комендантомъ кн. Мещерскимъ, писалъ кн. Куракину (4 апрѣля 1797 г.): „Съ покорностью моею осмѣливаюсь испрашивать, какимъ образомъ впредь въ таковыхъ случаяхъ повелѣно будетъ поступать, вашего разрѣшенія“. Позднѣе столкновеніе Толстого съ комендантомъ обострилось, тогда Толстой искалъ у генералъ-прокурора „покровительства“, считая его „первѣйшимъ защитникомъ въ статской службѣ находящихся“ [2]).

Лица, выбранныя въ должность по дворянскому самоуправленію, считали нужнымъ просить отъ генералъ-прокурора руководящихъ указаній. Такъ, кн. А. Лобановъ-Ростовскій въ рапортѣ (отъ 24 декабря 1797 г.) писалъ кн. Куракину: „Бывъ удостоенъ обществомъ Московской губ. дворянъ званіемъ губернскаго предводителя, долгомъ себѣ поставляю, при вступленіи въ сіе новое служеніе, представить себя благосклонному вашего сіятельства начальству и донести о усерднѣйшемъ желаніи моемъ руководствоваться во ономъ всегда предписаніями, коими заблагоразсудите меня снабдить“ [3]).

Генералъ-прокуроръ по своей роли постояннаго докладчика передъ Государемъ, источникомъ всякаго рода милостей, постоянно осаждался просьбами о назначеніи на должности, объ исходатайствованіи наградъ, чиновъ, орденовъ, денегъ, имѣній, крестьянъ и арендъ (въ Прибалтійскомъ краѣ). Дошли до насъ сотни подобныхъ ходатайствъ отъ лицъ самаго разнаго общественнаго положенія, начиная съ генералъ-губер-

---

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 269, л. 175. Вообще, слѣдуетъ сказать, что генералъ прокуроръ явился главнымъ руководителемъ дворянскихъ выборовъ; объ этомъ см. ниже.

[2]) *Тамъ же*, № 118, л. 9, 16. Въ прошеніи отстовного майора Ѳ. Ахматова генералъ-прокуроръ Обольяниновъ названъ „хранителемъ истины и покровителемъ несчастныхъ“ (№ 3462, л. 7). Въ письмѣ надв. сов. И. Красельникова (Обольянинову отъ 21 авг. 1800 г.) читаемъ: „Ваше прев-ство по возложенному на васъ достоинству есть око государево блюститель всякаго благоустройства, защитникъ истины и подпора добродѣтели“ (№ 2321, л. 1).

[3]) *Тамъ же*, № 269, л. 21.

наторовъ и губернаторовъ и кончая простыми канцелярскими служащими.

Среди множества подобныхъ просьбъ, отмѣчу ходатайство извѣстнаго писателя, тайнаго совѣтника, куратора Московскаго университета М. М. Хераскова, который обратился (17 февраля 1799 г.) къ генералъ-прокурору П. В. Лопухину съ письмомъ „исходатайствовать (ему) знакъ нѣкотораго отличія и милости монаршей“ и приложилъ къ просьбѣ „похвальное“ четырехстишіе въ честь Лопухина. Видимо, четырехстишіе подѣйствовало на Лопухина, и вскорѣ же (10-го марта) онъ извѣщалъ Хераскова о пожалованіи ему ордена Св. Анны 1-ой степени [1]). Укажу на другой подобный же случай. Демидовъ просилъ о томъ, чтобы поставка артиллерійскихъ припасовъ для флота и крѣпостей была поручена его заводамъ. Когда же его ходатайство было уважено, то онъ обратился съ благодарственнымъ письмомъ къ кн. Куракину, извѣщая, что онъ (Демидовъ) рѣшилъ поставить кн. А. Б. памятникъ за его „милостивое покровительство“, и приложилъ рисунокъ проектированнаго памятника. Куракинъ былъ очень смущенъ подобной затѣей и набросалъ такое распоряженіе: „Написать къ нему поскорѣй, чтобы онъ сего не дѣлалъ, и чтобъ онъ меня узналъ покороче, что я стараюсь оказывать мои услуги не для полученія таковыхъ пустопышныхъ приношеній“ [2]).

Я думаю, что даже изъ бѣглаго перечня дѣлъ, которыми вѣдалъ генералъ-прокуроръ, видно, какъ широка и разнообразна была его дѣятельность: генералъ-прокуроръ занимался и военными дѣлами и финансовыми, но главнымъ образомъ судебными и административными во всей ихъ сложности и разнообразіи; въ его рукахъ сосредоточенъ былъ контроль надъ учрежденіями и должностными лицами, наблюденіе за

---

[1]) Четверостишіе (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 1833, л. 2 и сл.) было слѣдующаго содержанія:

> Сіяетъ кто душой, тому не есть излишны
> Сіятельствъ имена, чины и титлы пышны,
> Исчезнетъ въ вѣчности и княжество и чинъ,
> Но будетъ тамъ сіять дѣлами, Лопухинъ!

[2]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 1514, л. 10.

законностью въ управленіи. Правы были въ основномъ прежніе изслѣдователи (Градовскій, Ѳ. Дмитріевъ), когда, слѣдуя М. М. Сперанскому, утверждали, что въ концѣ XVIII вѣка генералъ-прокуроръ примѣнительно къ современному положенію, совмѣщалъ въ себѣ права и обязанности трехъ министровъ: министра внутреннихъ дѣлъ, министра юстиціи и отчасти министра финансовъ, а по той роли, какая выпадала ему въ качествѣ главнаго руководителя всѣмъ ходомъ внутренней политики [1]), онъ являлся какъ бы премьеръ-министромъ.

Въ это общее изображеніе слѣдуетъ внести лишь нѣкоторыя оговорки: а) при постоянномъ вмѣшательствѣ Павла въ дѣла управленія генералъ-прокуроръ не могъ быть вполнѣ самостоятельнымъ, его роль часто сводилось къ роли простого докладчика и безукоризненнаго исполнителя приказаній свыше; б) необходимо помнить, что возвышеніе генералъ-прокурора проявилось преимущественно въ сферѣ управленія, гдѣ онъ отошелъ отъ сената и занялъ самостоятельное положеніе, въ дѣлахъ же судебныхъ его роль, хотя и была велика, но она раздѣлялась и подавлялась сенатомъ, такъ какъ въ огромномъ количествѣ дѣлъ генералъ-прокуроръ не выступалъ съ своей иниціативой и не оказывалъ давленія на сенатскія рѣшенія; в) въ области финансовъ отъ генералъ-прокурора стала отходить значительная часть дѣлъ благодаря учрежденію должности государственнаго казначея; г) наконецъ, наряду съ генералъ-прокуроромъ появился рядъ лицъ, имѣвшихъ прямой доступъ къ Государю по дѣламъ, благодаря чему генералъ-прокуроръ долженъ былъ раздѣлять свое вліяніе на дѣла управленія съ другими.

---

[1]) По словамъ автора „весьма извѣстной“ записки 1826 г., генералъ-прокуроръ въ свое время „составлялъ кормило государственнаго управленія“, „сохраняя въ рукахъ своихъ единство управленія“, „сей вельможа былъ настоящимъ хозяиномъ государства“.—Архивъ ист. и практ. свѣдѣній Калачова, 1859 г., кн. III, 52, 56, ср. записку М. М. Сперанскаго, стр. 33—36.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

1. Святѣйшій синодъ.

Св. синодъ [1]), съ момента учрежденія его въ 1721 году, не занималъ такой же прочной позиціи, какъ сенатъ: хотя онъ по идеѣ считался равнымъ сенату, однако фактически онъ спускался ниже, приближаясь къ положенію коллегій. Время Елисаветы Петровны, государыни религіозной, возвысило синодъ, интересы церкви получили самостоятельное значеніе, и Верховная власть чутко прислушивалась къ пожеланіямъ и интересамъ духовенства. Иначе стали складываться отношенія между церковью и государствомъ въ царствованіе Екатерины II, которая интересы государства ставила выше интересовъ церковныхъ, открыто стремилась къ безусловному подчиненію св. синода руководству со стороны Верховной власти, на архіереевъ, членовъ синода, смотрѣла, какъ на „государственныхъ особъ", своихъ „вѣрнѣйшихъ подданныхъ"; отъ нихъ она ждала полнѣйшаго подчиненія и послушанія и усиливала своей поддержкой вліяніе оберъ-прокурора синода, какъ посредника, черезъ котораго она могла вести въ синодѣ, въ церковныхъ дѣлахъ, свою особую поли-

---

[1]) Литература по вопросу о св. синодѣ: 1—Соловьевъ С. М., Исторія Россіи, изд. Общ. Пользы, кн. VI; 2—Знаменскій И., Положеніе духовенства въ царствованіе Екатерины II и Павла I. М., 1880; 3—Бильбасовъ, Исторія Екатерины II, Лондонъ 1895, т. II, 247 и др.; 4—Барсовъ Т. В.: а) Св. синодъ въ его прошломъ, П., 1896; б) Синодальныя учрежденія прежняго времени, П., 1897; 5—Благовидовъ Ѳ. В., Оберъ-прокуроры св. синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX ст., Казань, 1899; 6—Боголюбовъ А., Очерки изъ исторіи управленія военнымъ и морскимъ духовенствомъ въ біографіяхъ главныхъ священниковъ его за время съ 1800 по 1901 г., П. 1901; 7—Верховской П. В., Очерки по исторіи рус. церкви въ XVIII и XIX ст., вып. I, Варшава, 1912.

тику, отвѣчающую прежде всего видамъ правительства. Благодаря такому положенію, св. синодъ въ Екатерининское время, говоря словами проф. Барсова, „по воззрѣніямъ государственной власти представлялъ коллегію для завѣдыванія духовными дѣлами русскаго государства“ (252).

Павелъ I въ основѣ придерживался тѣхъ же взглядовъ на св. синодъ, какъ и Екатерина; въ одномъ законодательномъ актѣ (о престолонаслѣдіи) мелькнуло даже многозначительное выраженіе, что „государи россійскіе суть главою церкви“ [1]). Отсюда, надо полагать, синодъ долженъ находиться въ полной зависимости отъ Государя, какъ представителя верховной гражданской власти. Однако, характеризовать положеніе синода подзаконнымъ и подчиненнымъ недостаточно: въ Павловское время синодъ по авторитету и своему значенію занималъ мѣсто ниже сената и близко подходилъ къ положенію коллегій и министерствъ.

Если взять синодъ въ его устройствѣ, то за царствованіе Павла какихъ-либо значительныхъ измѣненій въ немъ не произошло. Для синода остался дѣйствующимъ прежній штатъ 1763 года, по которому въ составѣ синода полагалось шесть [2]) членовъ: 3 архіерея, 2 архимандрита и 1 протопопъ, да въ Московской синодальной конторѣ—3: 1 архіерей, 1 архимандритъ и 1 протопопъ. По отношенію къ синоду сдѣлано лишь одно нововведеніе—прибавленъ еще одинъ 7-ой членъ присутствія въ лицѣ оберъ-священника Павла Озерецковскаго.

Павелъ I унаслѣдовалъ отъ Екатерины II синодъ въ составѣ слѣдующихъ 6 лицъ: Гавріила, митрополита Новгородскаго, Амвросія, архіепископа Казанскаго, Иннокентія, архіепископа Псковскаго, Иринея, епископа Тверского, Саввы Исаева, царскаго духовника, и Лукіана, протоіерея гвардіи преображенскаго.

---

[1]) Темниковскій Е. Н., Положеніе Императора Всероссійскаго въ русской православной церкви—Юридич. Записки Демидовскаго Юридическаго Лицея, 1909, вып. I (III), стр. 75 и сл.

[2]) Фактически ихъ могло быть и больше (8—въ 1796 г. при Павлѣ I) и гораздо меньше (3—въ 1782 году).

Порядокъ назначенія новыхъ членовъ синода и увольненія старыхъ остался прежній; именно, такимъ порядкомъ были Высочайшіе указы. Ими уволены были Иннокентій и Гавріилъ, а другіе были переведены на новыя мѣста; такимъ же порядкомъ вновь назначены: Анастасій, архимандритъ Новоспасскій, Исидоръ Петровъ, царскій духовникъ, и другіе [1]). Въ началѣ 1801 года св. синодъ состоялъ изъ слѣдующихъ 7 лицъ: Амвросія, митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго, Павла, архіепископа Ярославскаго, Иринея, архіепископа Псковскаго, Варлаама, архіепископа Грузинскаго, Исидора (Петрова), Михаила, архимандрита Юрьевскаго, и Павла Озерецковскаго. Въ должности оберъ-прокурора синода были: 1) Мусинъ-Пушкинъ, 2) В. А. Хованскій и 3) Д. И. Хвостовъ [2]).

Канцелярія синода, которая въ долгіе годы Екатерининскаго царствованія была оставлена безъ призора и вниманія, при Павлѣ „въ разсужденіи недостаточной суммы“ въ 1797 году получила новый штатъ, который увеличилъ прежній (1763 г.) штатъ канцелярскихъ служащихъ (въ 48 человѣкъ) на 26, а сумму, отпускаемую на содержаніе канцеляріи синода, съ 11 тысячъ съ небольшимъ увеличилъ почти вдвое въ видѣ прибавки 10.220 руб.; благодаря этому штату въ синодальной канцеляріи образовалась новая счетная экспедиція, появилось два оберъ-секретаря, одинъ прежній—для веденія общихъ дѣлъ, другой новый—для ревизіи счетовъ во вновь образованной экспедиціи, 5 секретарей (изъ нихъ два новыхъ) и только что введенная должность казначея съ присяжнымъ при казнѣ [3]).

Этотъ штатъ канцеляріи синода, видимо, вполнѣ удовлетворилъ потребности синода, такъ какъ въ царствованіе Але-

---

[1]) О перемѣнахъ въ личномъ составѣ синода и времени увольненій и назначеній за время Павла—см. въ указанной выше книгѣ проф. П. Барсова.

[2]) Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ былъ оберъ-прокуроромъ съ 26 іюля 1791 г. до 27 іюня 1797; Василій Алексѣевичъ Хованскій—съ 14 іюля 1797 до 5 іюня 1799; Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ—съ 10 іюня того же года до 31 дек. 1802 (Благовидовъ Ѳ. В., Оберъ-прокуроры, 272, 286, 287, 298, 306).

[3]) П. С. З., № 18273 (Книга штатовъ, т. XLIV, ч. II, стр. 67. Барсовъ Т. В, Синодальныя учрежденія, 17—19).

ксандра I какихъ-либо особыхъ измѣненій въ немъ не происходило.

Компетенція св. синода опредѣлялась тремя, возложенными на него, основными задачами, которыя выражались: а) въ разработкѣ и изданіи общихъ нормъ, опредѣляющихъ религіозно-церковную жизнь, б) въ высшемъ управленіи русской церковью и в) высшемъ судѣ по дѣламъ, подвѣдомственнымъ духовнымъ властямъ. Въ эту схему компетенціи синода Павловское время никакихъ измѣненій не внесло; синодъ продолжалъ заниматься тѣмъ же, что составляло предметъ его вѣдомства и въ прежнее время.

Среди дѣлъ, которыми занятъ былъ синодъ, важное значеніе имѣло открытіе старообрядческихъ церквей и отправленіе особыми священниками церковной службы по старопечатнымъ книгамъ, благодаря чему открылась нѣкоторая возможность къ объединенію оффиціальной православной церкви съ старообрядчествомъ. Поводомъ къ устройству единовѣрческой церкви послужило обращеніе старообрядцевъ Нижегородской епархіи къ тамошнему епископу въ 1798 году, который сдѣлалъ представленіе въ синодъ, а послѣдній вполнѣ одобрилъ представленіе Нижегородскаго владыки. По указу 12 марта 1798 года синоду предоставлено было право, по примѣру Нижегородской епархіи, давать „равномѣрное дозволеніе“ и „по другимъ епархіямъ, когда изъ оныхъ вступать будутъ впредь подобныя о старообрядцахъ представленія и прошенія“ [1]). А въ 1800 году подобное же „устроеніе старообрядческихъ церквей“ было предоставлено и московскимъ старообрядцамъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ ходатайствомъ передъ синодомъ митрополита Платона [2]).

По отношенію къ уніатамъ синодъ разсматривалъ представленіе бѣлорусскаго епископа Анастасія, съ извѣщеніемъ о распространеніи уніатства въ Бѣлоруссіи, и принималъ мѣры

[1]) П. С. З., № 18428.

[2]) Тамъ же, № 19621. Еще раньше указомъ 3 іюня 1799 г. арх. Амвросію повелѣно „снабжать“ московскихъ старообрядцевъ священниками, „по ихъ одобреніямъ“—Опись, Ш, т. II, № 1706, См. Снегиревъ, Жизнь митр. Платона. Ср. выше главу о генералъ-прокурорахъ, стр. 256.

къ тому, чтобы таковое распространеніе прекратить и наоборотъ—привить и усилить переходъ уніатовъ въ православіе [1]).

Примѣнительно къ русской православной церкви синодъ прежде всего заботился о благолѣпіи церковной службы и указомъ 10 мая 1797 г. установилъ, чтобы въ церквахъ вмѣсто концертовъ пѣли приличные псалмы или каноники [2]). Указомъ 24 авг. того же года синодъ установилъ, чтобы священники православной церкви не отказывались напутствовать и погребать, съ пѣніемъ и чтеніемъ молитвъ, умершихъ другихъ христіанскихъ исповѣданій въ случаѣ, когда не окажется на лицо пасторовъ [3]). Синодъ установилъ, чтобы въ число табельныхъ дней былъ включенъ день празднованія Пресвятой Казанской Богородицы 22-го октября [4]). Съ разрѣшенія синода и при его участіи въ 1798 году отпраздновано было открытіе мощей св. Ѳеодосія Тотемскаго [5]). Короче говоря, синодъ выступалъ руководителемъ церковно-религіозной жизни русскаго православнаго міра.

Синодъ заботился также о правильномъ административномъ устройствѣ русской церкви: онъ опредѣлялъ границы епархій, названія ихъ и мѣстопребываніе владыкъ. Здѣсь особенно важно законоположеніе 16-го окт. 1799 года [6]), которымъ границы епархій были приведены въ согласіе съ гражданскимъ дѣленіемъ на губерніи.

Синодъ произвелъ пересмотръ штатнаго положенія, установленнаго окладами 1764 года, церковныхъ учрежденій и,

---

[1]) Опись докум. и дѣлъ, отд. III, т. II, № 1231; ср. 529 и др. Рапортъ Минскаго губернатора Карнѣева (6 іюля 1797 г.) о состояніи православія въ его губерніи—Рус. Арх., 1869, стр. 1559—1566.

[2]) П. С. З. № 17960. Указъ Павла митрополиту Гавріилу напечатанъ въ Рус. Арх., 1869, стр. 1589; въ немъ говорилось: „Нашедъ въ нынѣшнее мое путешествіе, что въ нѣкоторыхъ церквахъ во время причастія вмѣсто концерта поютъ стихи, сочиненные по произволенію, желаю, чтобъ отъ синода предписано было всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, дабы никакихъ выдуманныхъ стиховъ въ церковное пѣніе не употребляли, но вмѣсто концерта пѣли бы приличный псаломъ или же приличный каноникъ“.

[3]) П. С. З., № 18110.

[4]) Тамъ же, № 18716.

[5]) Опись докум. и дѣлъ, отд. III, т. II, № 1459.

[6]) П. С. З. № 19156. См. также № 18124, 18300, 18712.

съ разрѣшенія Верховной власти, значительно повысилъ суммы, отпускаемыя на содержаніе архіерейскихъ домовъ, соборныхъ церквей, монастырей, консисторій, духовныхъ училищъ и семинарій (указъ 18 дек. 1797 г.), благодаря чему, „матеріальныя средства духовенства, получавшаго штатные оклады, были значительно увеличены“ [1]. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда вновь открывались монастыри, устраивались соборныя церкви, то синодъ какъ разсматривалъ вопросъ о самомъ учрежденіи и желательности или нежелательности такого устройства, такъ и дѣлалъ представленія объ отпускѣ средствъ на содержаніе новыхъ учрежденій. Такъ въ 1799 году, напр., синодъ разсмотрѣлъ вопросъ объ учрежденіи соборныхъ церквей въ нѣкоторыхъ городахъ Кіевской, Бѣлорусской, Минской и другихъ губерній и ходатайствовалъ о назначеніи необходимыхъ суммъ на содержаніе этихъ церквей [2]. Въ томъ же году маіорская дочь Надежда Өедорова изъявила желаніе возобновить на свои средства упраздненный въ г. Усмани Воронежской губерніи женскій монастырь, и синодъ ея ходатайство обсудилъ, составилъ положеніе и вошелъ съ докладомъ къ Государю о разрѣшеніи открыть монастырь [3].

Синодъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы, согласно съ духовнымъ регламентомъ и указомъ 1770 года, нигдѣ церкви вновь не строились, безъ представленія о томъ св. синоду; а когда изъ дѣлъ ему стало извѣстно, что нѣкоторые епархіальные архіереи даютъ подобное позволеніе своею властью, то синодъ указомъ 24 сент. 1800 г. предписалъ архіереямъ, дабы ими къ строенію новыхъ церквей, подъ предлогомъ придѣльныхъ и домовыхъ, „дозволенія отнюдь даваемо не было“ [4].

---

[1] П. С. З., № 18273. „Роспись суммамъ, назначаемымъ въ прибавку“—кн. штатовъ XLIV, ч. II, стр. 59—67; прибавочная сумма исчислена въ 519.729 р. 36 коп., что съ прежней суммой по штату 1764 г. составило 982 598 р. 27 к.; значитъ прибавка была больше прежняго штатнаго ассигнованія. Знаменскій И., Положеніе духовенства, 140. О монастыряхъ и церквахъ—П. С. З., № 18500, 18531, 18711, 18742, 18767, 18888.

[2] Указъ 4 авг. 1799 г.—П. С. З., № 19070; ср. Опись, отд. III, т. II, № 1761.

[3] Указъ 2 сент. 1799 г.—№ 19110. Ср. переписку генералъ-прокурора съ митроп. Гавріиломъ по поводу устройства при р. Донѣ монастыря для престарѣлыхъ и увѣчныхъ казаковъ—Опись, отд. III, т. II, № 1353.

[4] П С. З., № 19572.

Устраивая штатнымъ положеніемъ архіерейскія кафедры, монастыри, соборы и церкви, синодъ поставилъ себѣ задачей матеріальное обезпеченіе и бѣлаго, преимущественно сельскаго, духовенства. Еще въ указѣ 18 дек. 1797 г. предполагалось отдѣлить къ церквамъ опредѣленное количество земли и „сей церковный удѣлъ" обрабатывать „общими трудами прихожанъ"; а затѣмъ синодъ, совмѣстно съ сенатомъ, разработалъ этотъ вопросъ въ особомъ докладѣ, который и былъ Высочайше утвержденъ 11 янв. 1798 г. [1]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда при церквахъ земель не было, синодъ учреждалъ церкви „на денежномъ окладѣ" и ассигновывалъ суммы на жалованье священно-и церковно-служителямъ [2]). Вообще, финансовыя дѣла и отчетность по церковнымъ учрежденіямъ сосредоточены были въ синодѣ, благодаря чему синодъ наблюдалъ, напр., за всякими остатками изъ штатныхъ ассигнованій и предписывалъ присылать ему изъ всѣхъ епархій ежегодные рапорты о количествѣ остаточныхъ суммъ [3]).

Синодъ завѣдуетъ всѣмъ личнымъ составомъ духовенства: онъ опредѣляетъ въ духовные чины, награждаетъ, накладываетъ дисциплинарныя наказанія въ извѣстныхъ случаяхъ и увольняетъ отъ службы, а также устанавливаетъ порядокъ пріема (въ службу), наградъ и увольненій. Обычно синодъ дѣлалъ это самостоятельно, формально докладывая иногда о томъ Государю, но случалось, когда самъ Императоръ давалъ по поводу опредѣленій и награжденій духовныхъ лицъ свои особыя предписанія. Такъ, напр., 2-го іюня 1798 г. Павелъ писалъ митрополиту Гавріилу: „Желая, чтобы Спасо-Преображенской церкви, что на Глинищахъ, священникъ Петръ Семіоновъ былъ удостоенъ возложенія на него сана протоіерейскаго, предоставляю вамъ съ подобающими по церковному чиноположенію обрядами облещи его въ сіе званіе" [4]). Въ отношеніи управленія личнымъ составомъ ду-

---

[1]) П. С. З., № 18316; ср. № 19182 и 19816.

[2]) Тамъ же, № 19070.

[3]) Указъ 9-го ноября 1799 г.—П. С. З., № 19183.

[4]) Рус. Арх., 1869 г., стр. 1592. См. указы синода: а) о принятіи прошеній со стороны лицъ, желающихъ поступить въ священно-и церковно-служитель-

ховенства, какъ указано выше, въ Павловское время произошло слѣдующее измѣненіе: военное духовенство было выдѣлено въ особую группу и было отдано въ завѣдываніе оберъ-священника [1]).

Чтобы освободить духовенство отъ излишнихъ членовъ, указомъ 22 дек. 1796 г., по прежнимъ примѣрамъ, синоду повелѣно было произвести разборъ духовенства, оставивъ при церквахъ только штатное число, а праздно живущихъ „обратить въ военную службу". Синодъ, вмѣстѣ съ сенатомъ и губернскими властями, и занимался этимъ дѣломъ въ ближайшемъ году [2]). Но удаляя лишнихъ церковниковъ, синодъ въ заботахъ о вдовахъ и малолѣтнихъ сиротахъ духовенства вырабатываетъ положеніе о прокормленіи ихъ и образованіи дѣтей въ духовныхъ училищахъ [3]).

По отношенію къ дѣтямъ всего духовенства синодъ принимаетъ рядъ мѣръ къ поднятію и распространенію образованія. Свѣтское правительство считало, что „для благонравія духовнаго чина", а также ради утвержденія добрыхъ нравовъ и среди міринъ, „начальнѣйшею надобностью" слѣдуетъ признать „устроеніе въ лучшемъ по возможности видѣ духовныхъ училищъ" [4]). Разработка этого вопроса и была передана синоду, при участіи котораго вновь были открыты двѣ духовныя академіи (въ С.-Петербургѣ и Казани) и 8 семинарій, при чемъ какъ вновь открытыя, такъ и прежнія учебныя заведенія были обезпечены штатными суммами: академіи получили отъ 10 до 12 тысячъ рублей, а семинаріи въ среднемъ—отъ 3 до 4, почти вдвое больше того, что

скіе чины, за ихъ только подписью, съ приложеніемъ отъ прихожанъ одобреній о честномъ ихъ поведеніи (18016); б) о неопредѣленіи въ армію и флотъ священниковъ худого поведенія и бывшихъ подъ судомъ (№ 18246); в) о порядкѣ увольненія полковыхъ священниковъ (18385); г) о доставленіи пенсіи кавалерамъ ордена св. Анны (18444); д) о награжденіи почестями бѣлаго священства (№ 18801); е) о порядкѣ награжденія знаками отличій военнаго духовенства (18862, 18928); ж) объ опредѣленіи сторожей и приставовъ при духовныхъ учрежденіяхъ на свящ. и церк.-служительскія мѣста (18920); з) объ увѣдомленіи капитула орденскаго о случаяхъ пожалованія духовныхъ особъ въ кавалеры (19251).

[1]) П. С. З., № 18115, 19369, 19415 и др.

[2]) П. С. З., № 17675; ср. 17728, 18109; Рус. Арх., 1869, стр. 1644.

[3]) Тамъ же, № 18921.

[4]) П. С. З., № 18273; ср. 17958.

отпускалось на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній въ Екатерининское время [1]). Кромѣ матеріальнаго обезпеченія духовныхъ школъ, синодъ обратилъ вниманіе на преподаваніе въ академіяхъ и семинаріяхъ. „Имѣя довольное о семъ предметѣ разсужденіе“, синодъ пришелъ къ выводу, что „главное намѣреніе, съ которымъ духовныя училища учреждены, есть то, дабы доставить церкви хорошихъ слова Божія проповѣдниковъ, которые бы безъ дальнѣйшихъ пріуготовленій, могли учить народъ ясно, порядочно, убѣдительно и съ пріятностью“, а ради этого слѣдуетъ: а) дать хорошее образованіе тѣмъ, которые предназначаются въ учителя семинарій, б) поднять образованіе въ семинаріяхъ [2]).

Самъ синодъ составляетъ учебную программу для академій и семинарій, перечисляя тѣ предметы, которые должны преподаваться въ нихъ. Церковный историкъ Знаменскій придаетъ важное значеніе всѣмъ этимъ мѣрамъ, хотя дѣйствіе ихъ продолжалось всего до 1808 года, когда произведена была новая реформа духовно-учебныхъ заведеній [3]).

Синодъ наблюдалъ за всѣмъ духовенствомъ и издавалъ предписанія о благоповеденіи. Такъ указами 7 мая 1797 г. и 9 іюля 1800 предписывалось епархіальнымъ архіереямъ слѣдить за тѣмъ, чтобы духовенство въ крестьянскихъ возмущеніяхъ никакимъ образомъ не участвовало, а наоборотъ— всемѣрно старалось отъ возмущеній и волненій крестьянъ удерживать своими пастырскими наставленіями. Указомъ 20-го февр. 1798 г. запрещалось священно и церковно-служителямъ отлучаться изъ своихъ епархій въ столицу безъ

---

[1]) П. С. З., № 18273 (ср книгу штатовъ, стр. 59, гдѣ указаны штатныя суммы для 4 академій и 24 семинарій); см. также № 17949, 19455

[2]) Указъ 31 окт. 1798 г.—П. С. З., № 18726; ср. № 18369—требованіе отъ синода къ епархіальнымъ архіереямъ—прислать свѣдѣнія о состояніи семинарій и о преподаваніи въ нихъ; № 19459—о семинаріи арміи и флота.

[3]) „Важно, говоритъ онъ, уже то, что для семинарій опредѣлена была норма, которой они должны были слѣдовать, а потому составъ программы и самый объемъ преподаванія въ семинаріяхъ наукъ сдѣланъ былъ независимымъ отъ личныхъ воззрѣній архіереевъ, стоявшихъ во главѣ духовныхъ школъ. Кромѣ того академіи получили спеціальное значеніе приготовлять хорошихъ наставниковъ для семинарій, что также должно было весьма благодѣтельно отозваться на улучшеніи семинарскаго образованія“ (Знаменскій И., Положеніе духовенства, 117).

паспортовъ. Верховной властью синоду и архіереямъ предписывалось вообще „наблюдать за духовными, дабы въ санъ сей поступали люди надежные, всякаго буйства чуждые и въ поведеніи безпорочномъ испытанные, которые и ученіемъ и примѣромъ собственнымъ утверждали бы духовныхъ чадъ своихъ въ спокойствіи, послушаніи и добрыхъ поступкахъ, и дабы люди развратные въ таковомъ званіи терпимы не были“. А затѣмъ, когда Государю изъ рапорта тамбовскаго губернатора стало извѣстно, что дьяконъ г. Нижняго Ломова Ананій Петровъ „умеръ отъ пьянства“, то онъ приказалъ синоду принять мѣры къ тому, чтобы люди духовнаго состоянія „воздержались отъ подобныхъ дѣяній“, столь несвойственныхъ ихъ званію. Тогда синодъ выработалъ обширный указъ (22 марта 1800 г.), въ которомъ преподавалъ духовенству правила поведенія и предписывалъ между прочимъ: а) чаще служить церковную службу, произносить поученія и читать полезныя книги, дабы не оставаться „во вредной праздности“; б) не ходить въ гости на такія собранія, гдѣ имъ быть „несовмѣстно и неприлично“, не ѣздить на ярмарки, базары и праздники, „яко такія мѣста, гдѣ нерѣдко происходятъ отъ простого народа разныя пелѣпости“; в) не отлучаться отъ своихъ приходовъ; г) строго наказывать архіереямъ всякаго, кто будетъ уличенъ въ нетрезвомъ и соблазнительномъ поведеніи [1]).

По отношенію ко всѣмъ мірянамъ синодъ устанавливалъ порядокъ наложенія церковныхъ взысканій, онъ же былъ высшей судебной инстанціей по дѣламъ религіозно-нравственнымъ. Указомъ 19-го окт. 1797 г. синодъ установилъ правила наложенія эпитиміи на преступниковъ властію епархіальныхъ архіереевъ, безъ представленія о томъ синоду; указомъ 23 мая 1799 г. велѣно было на воинскихъ чиновъ налагать эпитиміи безъ отлученія ихъ отъ службы [2]). Въ области суда синоду, повидимому, довольно часто приходилось разсматривать дѣла о расторженіи брака. Такъ митрополитъ Амвросій въ 1798 году ведетъ переписку съ генералъ-про-

---

[1]) П. С. З., № 17959 и 19479; 18391, 19377.
[2]) П. С. З., № 18212, 18977; ср. 19743 (о церковномъ покаяніи).

куроромъ по поводу дѣла о разводѣ супруговъ Волковыхъ [1]). Кн. Хованскій получилъ отъ Д. П. Трощинскаго письмо, съ Высочайшимъ повелѣніемъ о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла, производившагося въ синодѣ, о расторженіи брака по поводу „распутства жены" унтеръ-лейтенанта Рогозина [2]).

Такова въ бѣглыхъ чертахъ дѣятельность [3]) синода за Павловское время. Она протекала при несомнѣнно благожелательномъ отношеніи Верховной власти къ духовенству и его матеріальнымъ интересамъ, что самъ синодъ и отмѣтилъ въ одномъ изъ своихъ указовъ, говоря, что „изліяны отъ Его И. Величества высокомонаршія милости для святыя церкви и дарованы многія щедроты служителямъ ея" [4]). Павелъ благосклонно относился ко многимъ высшимъ представителямъ духовной власти, въ особенности къ митрополиту Гавріилу и архіепископу Амвросію, таково же его отношеніе и къ синоду. Государь готовъ былъ поддерживать авторитетъ синода на должной высотѣ, что вполнѣ опредѣленно сказывалось неоднократно. Такъ, когда оберъ-прокуроръ синода Хованскій сталъ стѣснять свободу дѣйствій членовъ св. синода, то они составили записку о поступкахъ Хованскаго, подали ее Государю черезъ приближенныхъ лицъ и добились отставки слишкомъ энергичнаго и неудобнаго для нихъ оберъ-прокурора, а затѣмъ первенствующій членъ синода архіепископъ Амвросій получилъ Высочайшее повелѣніе (5 іюня 1799 г.)—избрать самому синоду кандидатовъ на должность оберъ-прокурора и представить ихъ на Высочайшее утвержденіе; синодъ первымъ кандидатомъ выбралъ скромнаго оберъ-прокурора сената—Д. И. Хвостова, который и былъ утвержденъ Павломъ въ должности оберъ-прокурора синода [5]). Въ другомъ случаѣ, когда унтеръ-лейтенантъ Рогозинъ, дѣло котораго производилось въ синодѣ,

---

[1]) Опись докум. и дѣлъ, отд. III, т. II, № 903; ср. № 1705.

[2]) *Гос. Арх.*, разр. X, ч. XIII а, л. 701 (письмо 12 авг. 1797 г.).

[3]) Сверхъ указовъ, упомянутыхъ выше, см. также П. С. З., №№ 17624, 18161, 18361, 18521, 18802, 18880, 18888, 18948, 19280, 19434, 19451, 19475, 19670, 19701; Опись, отд. III, т. I, № 247, 529, 583; т. II, № 1789.

[4]) Изъ указа 22 марта 1800 г.—№ 19337.

[5]) Благовидовъ, Оберъ-прокуроры, 298 и др.

помѣстилъ въ своемъ прошеніи „оскорбительныя слова“ по адресу „столь важнаго и сильнаго правительства“, заявлялъ, „будто бы (синодъ) притѣснялъ его и нарушилъ истину“, и не считалъ нужнымъ повиноваться постановленію синода, то Государь, по производствѣ суда надъ ослушникомъ, утвердилъ приговоръ сената [1]), по которому Рогозинъ присужденъ былъ къ тому, чтобы онъ въ „содѣянномъ преступленіи просилъ всеуниженно предъ собраніемъ св. синода, стоя на колѣняхъ, христіанскаго прощенія и повиновался дальнѣйшему синода о участи его опредѣленію“ [2]).

Однако наряду съ указанными фактами можно отмѣтить рядъ обстоятельствъ, благодаря которымъ синодъ не могъ имѣть вполнѣ независимаго положенія среди другихъ высшихъ учрежденій. Прежде всего самъ Государь входилъ въ разсмотрѣніе дѣлъ церковнаго управленія и неоднократно издавалъ предписанія по поводу дѣлъ, подвѣдомственныхъ синоду. Затѣмъ вліятельное положеніе въ отношеніи синода занимали сенатъ и генералъ-прокуроръ, въ особенности послѣдній, такъ какъ черезъ него обычно направлялись всякаго рода ходатайства объ отпускѣ средствъ изъ государственнаго казначейства; ему же къ свѣдѣнію сообщались всякаго рода законодательныя предположенія синода и нѣкоторыя административныя распоряженія. Генералъ-прокуроръ иногда объявляетъ Высочайшее повелѣніе синоду черезъ первенствующаго члена или при посредствѣ оберъ-прокурора [3]). Любопытную иллюстрацію отношеній оберъ-прокурора синода къ генералъ-прокурору представляетъ письмо Д. Хвостова къ П. Х. Обольянинову (отъ 21 авг. 1800 г.), въ которомъ тотъ, посылая копію синодскаго доклада Государю относительно брака солдатскихъ женъ [4]), писалъ: Посылаю докладъ

---

[1]) *Сен. Арх., Книги имен. указовъ*, № 210, л. 24—26.

[2]) Это наказаніе опредѣлено вмѣсто подлежащаго въ силу законовъ лишенія чиновъ, дворянскаго достоинства и ссылки въ работу на рудники. Резолюція Павла: „Просить прощеніе“—4-го дек. 1798 г.

[3]) Рус. Арх., 1869 г., стр. 1644, 1645. Благовидовъ Ѳ. В., 298.

[4]) Въ докладѣ говорилось о несогласованности съ церковными правилами проекта Озерецковскаго, переданнаго синоду Государемъ на разсмотрѣніе—*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 2320.

„съ выпискою изъ законовъ на случай всякаго востребованія къ вашему превосходительству, какъ благодѣтелю моему и хранителю государственнаго назиданія и законовъ“. Оберъ-прокуроръ синода, который, по мысли законодателя, долженъ былъ занимать то же положеніе, что и генералъ-прокуроръ въ сенатѣ, тѣмъ не менѣе чувствуетъ себя какъ бы подчиненнымъ этого вліятельнаго сановника и представляетъ единственно генералъ-прокурору надзоръ за законностью, который de jure въ одинаковой силѣ принадлежалъ и ему.

Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что положеніе оберъ-прокурора въ синодѣ далеко не было такимъ, какъ положеніе генералъ-прокурора въ сенатѣ. Уже при Екатеринѣ II установился порядокъ, по которому сношенія Верховной власти съ синодомъ совершилось не черезъ одного оберъ-прокурора, но также при посредствѣ отдѣльныхъ членовъ синода и высшихъ сановниковъ. При Павлѣ такой порядокъ еще болѣе расширился и укрѣпился: оберъ-прокуроръ обычно не былъ личнымъ докладчикомъ Государя, а представлялъ доклады синода черезъ статсъ-секретарей; также и Государь обычно обращался къ синоду не черезъ оберъ-прокурора, а черезъ первенствующаго члена синода [1]), передавая ему свои повелѣнія или лично или же при посредствѣ статсъ-секретарей. Такъ сначала митрополитъ Гавріилъ, а затѣмъ архіепископъ Амвросій, снискавшій особое расположеніе Павла, сталъ посредникомъ между синодомъ и Государемъ, оттѣснивъ собой оберъ-прокурора; отсюда и фактическое управленіе дѣлами вѣдомства мало-по-малу сосредоточилось въ рукахъ Амвросія, благодаря чему онъ сталъ играть роль какъ бы президента въ синодѣ, какъ духовной коллегіи. Это обстоятельство внѣшнимъ образомъ указывало, на то, что синодъ въ Павловское время не былъ высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, равнымъ сенату, его позиція скорѣе всего приближалась къ положенію коллегій.

---

[1]) См., напр., П. С. З. № 17960, 18921, 19337, 19701; Опись, отд. III, т. II, № 1353, 1706 и др. Благовидовъ Ѳ., Оберъ-прокуроры, 297—300; ср. 275, 281 и др.

2. Военная коллегія.

Военная коллегія [1]) въ Павловское царствованіе не только оставалась по прежнему одной изъ важнѣйшихъ государственныхъ коллегій, но еще пріобрѣла нѣсколько большее значеніе, благодаря тому, что при Павлѣ происходила большая организаціонная работа по устройству арміи.

Въ своемъ устройствѣ эта коллегія потерпѣла нѣкоторыя значительныя измѣненія; хронологически эти измѣненія протекали въ такомъ порядкѣ. Въ январѣ 1797 г. при военной коллегіи былъ образованъ особый генералъ-аудиторіатъ, во главѣ котораго былъ поставленъ кн. Шаховской въ званіи генералъ-аудитора. Это учрежденіе установлено было для ревизіи военносудныхъ дѣлъ [2]).

Въ томъ же 1797 г. главный комиссаріатъ, переведенный изъ Москвы въ Петербургъ, провіантская канцелярія и канцелярія артиллеріи и фортификаціи были переименованы въ экспедиціи военной коллегіи, при чемъ эти экспедиціи были поставлены въ непосредственную зависимость отъ самой коллегіи, онѣ должны были руководствоваться въ своей дѣятельности регламентами и опредѣленіями коллегіи; если же „на что опредѣленія отъ коллегіи (военной) экспедиціи имѣть не будутъ, въ тѣхъ дѣлахъ собою отнюдь никто ничего чинить не дерзаетъ, но обстоятельно въ собраніи всей коллегіи предлагаетъ, гдѣ оныя разсмотрѣны и по благоизобрѣтенію рѣшены быть должны“ [3]). Этимъ узаконеніемъ комиссаріатъ, провіантское и артиллерійское вѣдомства были лишены своей прежней самостоятельности и встали въ подчиненное положеніе по отношенію къ военной коллегіи.

5 января 1798 года, какъ результатъ работъ особаго комитета, опубликованъ былъ новый штатъ военной коллегіи,

---

[1]) О военной коллегіи см. „Столѣтіе военнаго министерства. Историческій очеркъ развитія военнаго управленія въ Россіи“, т. I, составленный Н. А. Даниловымъ. П., 1902 г.

[2]) Указъ 24 инв. 1797 г.—П. С. З., № 17757.

[3]) Указы 27 и 29 января 1797 г.—П. С. Г. № 17765 и 17768.

съ подраздѣленіемъ на канцелярію, шесть экспедицій (или департаментовъ) и генералъ-аудиторіатъ [1]). Въ томъ же году при военной коллегіи была устроена особая экспедиція для главнаго управленія вновь учрежденнымъ Императорскимъ военно-сиротскимъ домомъ и его отдѣленіями при гарнизонныхъ полкахъ [2]). Въ послѣдующее время происходили нѣкоторыя частичныя измѣненія и дополненія. Изъ нихъ вниманія заслуживаетъ то, что управленіе военнымъ духовенствомъ было выдѣлено въ особое вѣдомство и сосредоточено въ рукахъ оберъ-полевого священника, присутствующаго въ святѣйшемъ синодѣ, Озерецковскаго, который сталъ вѣдать всѣмъ военнымъ духовенствомъ какъ въ военное, такъ и въ мирное время [3]).

Къ концу царствованія императора Павла военное управленіе представлялось въ такомъ видѣ. Военная коллегія являлась сосредоточіемъ всѣхъ дѣлъ: въ ея вѣдѣніи находились: канцелярія, 7 экспедицій (или департаментовъ) и генералъ-аудиторіатъ. Канцелярія военной коллегіи, находившаяся во власти президента, подъ управленіемъ особаго оберъ-секретаря, соединяя въ себѣ огромное число дѣлъ, подраздѣлялась на 10 частей: на приказный столъ, на 6 экспедицій (экспедиціи были слѣдующія: армейская, по комиссаріатской части, по провіантской части, аудиторіатская, протокольная, экзекуторская), архивъ коллегіи, особое повытье и типографію.

Во главѣ экспедицій или департаментовъ коллегіи стояли особые начальники, съ особыми наименованіями, которые входили въ составъ присутствія коллегій и такимъ образомъ были связующимъ звеномъ между присутствіемъ коллегіи и экспедиціей, а именно во главѣ воинской экспедиціи—генералъ-квартирмейстеръ, инспекторской—управляющій, комиссаріатской — генералъ-кригсъ-комиссаръ, провіантской — генералъ - провіантмейстеръ, артиллерійской — инспекторъ всей артиллеріи, счетной—генералъ-контролеръ, военно-сиротскихъ

---

[1]) Высоч. утв. докладъ комитета—П. С. З., № 18308.
[2]) Высоч. утв. докладъ 23 дек. 1798 г.—П. С. З., № 18793, § 7.
[3]) Объ указанныхъ измѣненіяхъ въ очеркѣ Н. А. Данилова—стр. 46—46.

учрежденій — управляющій и, наконецъ, во главѣ генералъ-аудиторіата—генералъ-аудиторъ.

Такимъ путемъ военная коллегія явилась центральнымъ учрежденіемъ, сосредоточившимъ все военное управленіе въ своемъ вѣдомствѣ. Для завершенія работы необходимо было назначить энергичнаго президента военной коллегіи, надѣлить его соотвѣтствующими полномочіями и поставить въ качествѣ руководителя всѣмъ военнымъ управленіемъ. Однако, этого послѣдняго шага въ Павловское время сдѣлано не было. Посмотримъ же, кто былъ президентомъ военной коллегіи и какова была его роль въ управленіи дѣлами военной коллегіи.

Извѣстно, что Павелъ, будучи по воспитанію и по складу своихъ симпатій человѣкомъ военнымъ, любилъ до страсти предаваться военнымъ дѣламъ, вникалъ самъ лично во всѣ тонкости („мелкости") службы и такимъ путемъ держалъ бразды военнаго управленія [1]) въ своихъ рукахъ, какъ бы въ роли военнаго министра, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ отмѣтить и то, что въ военномъ управленіи игралъ важную роль и президентъ военной коллегіи, каковымъ былъ „старый другъ" Павла, гр. Н. И. Салтыковъ.

Военный историкъ Н. А. Даниловъ въ обзорѣ военнаго управленія XVIII вѣка и начала XIX, давая графическое изображеніе устройства центральнаго военнаго управленія въ 1801 году, указываетъ, что лицомъ, имѣющимъ докладъ у Государя Императора, былъ лишь одинъ управляющій дѣлами военно-походной Его Величества канцеляріи генералъ-адъютантъ, полагая, видимо, что президентъ военной коллегіи такого доклада не имѣлъ. Вѣрно ли это для всего Павловскаго времени?—Обратимся къ фактамъ.

Почти всѣ указы объявляются военной коллегіи Салтыковымъ. Такой порядокъ отчасти унаслѣдованъ отъ предыдущаго царствованія. Въ послѣдніе годы жизни императрицы Екатерины II, судя по указамъ, помѣщеннымъ въ П. С. З. за 1793—1796 гг., практиковался такой порядокъ: Высо-

---

[1]) Павелъ, напр., 5 апр. 1798 г. приказалъ, чтобы всѣ шефы полковъ присылали нѣкоторыя свои представленія непосредственно и прямо Императору (№ 18466).

чайшіе указы то давались на имя предсѣдательствующаго въ военной коллегіи гр. Салтыкова или имъ объявлялись [1]) въ коллегіи, то писались и обращались непосредственно къ самой военной коллегіи, при чемъ послѣдній способъ нѣсколько перевѣшивалъ первый. Но съ момента воцаренія Павла въ порядкѣ обращенія Верховной власти къ коллегіи произошелъ рѣзкій переломъ. Императоръ какъ будто не замѣчаетъ коллегіальнаго учрежденія и выраженія своей воли обращаетъ къ представителю этого учрежденія, его президенту. За рѣдкимъ исключеніемъ, въ первые два мѣсяца (ноябрь и декабрь 1796 г.) Высочайшія повелѣнія, направленныя къ военной коллегіи, объявляются ея президентомъ гр. Салтыковымъ. Изъ 32 „именныхъ указовъ“ за это время 29 объявлены имъ [2]), одинъ данъ въ видѣ рескрипта на имя президента же коллегіи гр. Салтыкова [3]) и лишь два были направлены непосредственно на имя военной коллегіи [4]).

Такой же порядокъ въ основѣ держался и въ послѣдующее время, хотя въ немъ произошли нѣкоторыя развѣтвленія. Право личнаго доклада получили вице-президенты, стоявшіе во главѣ отдѣльныхъ департаментовъ. Въ 1800 году, напр., часто бывало, что указы для военной коллегіи объявлялись наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Павловичемъ, стоявшимъ во главѣ одного изъ департаментовъ военной коллегіи [5]).

Пользуясь правомъ личнаго доклада, президентъ естественно преподноситъ Государю доклады коллегіи. Что именно такой порядокъ установился, видно изъ нѣсколькихъ указовъ. Напр., по поводу судебныхъ дѣлъ, разрѣшаемыхъ коллегіей, въ Вы-

---

[1]) П. С. З., №№ 17122, 17206, 17238, 17250, 17292, 17405.

[2]) П. С. З., №№ 17533, 17541, 17549, 17550, 17553, 17556, 17557, 17558, 17566, 17568, 17570, 17575, 17576, 17577, 17580, 17581, 17593, 17602, 17626, 17640, 17645, 17646, 17649, 17653, 17662, 17664, 17673, 17688, 17696.

[3]) Тамъ же, № 17625.

[4]) Тамъ же, № 17552, 17669.

[5]) П. С. З., №№ 19264, 19313, 19314, 19420, 19480, 19592, 19677; наслѣдникъ цесаревичъ объявлялъ указы и раньше въ 1797—1799 гг.—см. №№ 18282, 18283, 18418, 18432 и др.; можно указать случаи, когда указы военной коллегіи были объявлены ген.-адъютантомъ Ливеномъ—№ 19594, 19643, а также и другими лицами.

сочайшемъ повелѣніи 15 декабря 1796 г., объявленномъ гр. Салтыковымъ, говорится, чтобы изъ дѣлъ, восходившихъ на Высочайшую конфирмацію, подносимы были Государю краткія выписки или экстракты „черезъ меня“ (т. е. черезъ президента военной коллегіи, гр. Салтыкова). Даже образцовый для драгунъ барабанъ былъ представленъ Государю Салтыковымъ при его всеподданнѣйшемъ докладѣ [1]).

Являясь какъ бы начальникомъ военной коллегіи и будучи приближеннымъ къ Государю и докладчикомъ по ея дѣламъ, президентъ естественно возвышался надъ коллегіей, вносилъ въ нее свои „предложенія“ и руководилъ всею дѣятельностью этого учрежденія.

Однако, имѣя докладъ у Государя, президентъ военной коллегіи тѣмъ не менѣе не сдѣлался главнымъ руководителемъ военнаго управленія. Императоръ Павелъ по пристрастію къ военному дѣлу отчасти, а также и по недовѣрію къ людямъ, не находилъ лица, которому онъ могъ бы вѣрить эту важнѣйшую отрасль государственнаго управленія. Онъ былъ какъ бы своимъ военнымъ министромъ. Ради освѣдомленія и непосредственнаго участія въ дѣлахъ военнаго управленія имъ была учреждена въ 1797 году военно-походная Его Императорскаго Величества канцелярія [2]), игравшая огромную роль не только въ это, но и въ послѣдующія царствованія. Она была поручена вѣдѣнію генералъ-адъютанта (Ѳ. В. Ростопчина), который обязанъ былъ докладывать Государю о поступившихъ дѣлахъ и рапортахъ и передавать Высочайшіе повелѣнія и приказы по назначенію. Благодаря непосредственной близости къ Императору военно-походной канцеляріи, она играла важную роль и стѣсняла своимъ вмѣшательствомъ дѣятельность военной коллегіи.

„Такимъ образомъ, военная коллегія, скажемъ словами упомянутаго выше писателя Данилова, въ лицѣ Императора получила непосредственнаго руководителя своею дѣятельностью. Для перехода къ министерскому порядку управленія этими

---

[1]) П. С. З., № 17647, 18112.
[2]) П. С. З., № 17868.

мѣрами почва была уже подготовлена; оставалось назначить лицо, которое бы раздѣлило труды Императора въ этомъ отношеніи“ [1]).

Обращаясь къ дѣятельности военной коллегіи за Павловское время, нужно сказать, что она была обширна, многообразна и чрезвычайно интенсивна. Такъ какъ армія была любимымъ дѣтищемъ Павла, а въ ней за предыдущее царствованіе онъ видѣлъ много тѣневыхъ сторонъ, то съ момента вступленія на престолъ онъ приступаетъ къ весьма энергичнымъ мѣрамъ по переустройству арміи, и въ этой работѣ, естественно, принимаетъ самое живое участіе военная коллегія.

Прежде указанія на предметы вѣдомства военной коллегіи, необходимо отмѣтить то, что, въ связи съ общей тенденціей въ управленіи, замѣтна нѣкоторая дальнѣйшая концентрація дѣлъ въ военной коллегіи. Такъ уже 30 ноября 1796 г. дается указъ о томъ, чтобы штатныя суммы, отпускаемыя до сего изъ государственнаго казначейства прямо въ полки гвардіи и въ конный полкъ, впредь направлялись сначала въ военную коллегію, а оттуда уже передавались по полкамъ; отсюда и счеты, которые раньше представлялись отъ гвардейскихъ полковъ въ государственныя экспедиціи, должны быть представлены въ военную же коллегію „по уставу“ [2]). Этимъ указомъ была подорвана самостоятельность гвардейскихъ полковъ въ финансовомъ отношеніи, и они были поставлены въ непосредственную зависимость отъ военной коллегіи.

Особенно строго военная коллегія слѣдитъ за сосредоточіемъ финансовыхъ дѣлъ и отчетности въ своихъ рукахъ. Такъ всѣ отчеты по расходованію штатныхъ суммъ направляются въ военную коллегію, а коменданты обязаны были доставлять мѣсячныя вѣдомости о разныхъ денежныхъ суммахъ ради ускоренія и дѣйствительности контроля прямо въ экспедиціи военной коллегіи [3]). Комендантамъ подтвержда-

[1]) Столѣтіе военнаго министерства, I, 49.
[2]) П. С. З., XXIV, № 17595.
[3]) Указъ 3 сентября 1800 г.—П. С. З., № 19542. Въ 1797 г. Высочайше повелѣно провѣрить счеты упраздненной Одесской комиссіи, присланные въ военную коллегію (Опись, отд. III, т. I, № 741).

лось, чтобы они тщательно сберегали отъ расхищенія имѣющіяся подъ ихъ надзоромъ казенныя деньги [1]). Даже въ расходованіи экстраординарныхъ суммъ командующіе должны были давать точный отчетъ военной коллегіи [2]).

Вѣдомство коллегіи расширяется нѣкоторыми новыми установленіями, которыя подводятся подъ власть коллегіи. Такъ греческій полкъ, поселенный въ „Тавріи“ и находившійся на особомъ положеніи, указомъ 30 января 1797 г. передается въ вѣдѣніе военной коллегіи [3]). Въ томъ же 1797 г. при коллегіи учреждается высшій судъ для всѣхъ чиновъ арміи въ видѣ генералъ-аудиторіата [4]). Ей поручается въ 1798 году организація и завѣдываніе дѣлами военно-сиротскаго дома съ его отдѣленіями [5]).

Военная коллегія желаетъ знать весь наличный составъ штабъ- и оберъ-офицеровъ и предписываетъ присылать въ нее точные и вѣрные формулярные списки [6]). Она ревниво слѣдитъ за тѣмъ, чтобы въ нее представлялись своевременно всякаго рода вѣдомости и рапорты, а именно: а) всѣмъ главнокомандующимъ предписывается, чтобы они присылали чрезъ каждыя двѣ недѣли рапорты о состояніи войскъ, находящихся въ ихъ командѣ, и о всѣхъ достойныхъ вниманія происшествіяхъ [7]); б) представлялись точныя свѣдѣнія объ освободившихся оберъ-офицерскихъ вакансіяхъ для своевременнаго замѣщенія ихъ [8]); в) въ нее должны присылаться всѣ вѣдомости, съ сообщеніемъ о томъ, гдѣ, въ какомъ городѣ или селеніи расположенъ на непремѣнныхъ квартирахъ

---

[1]) Указъ 1800 г.—П. С. З., № 19300.

[2]) Указъ 15 марта 1797 г.—П. С. З., № 17877; ср. 18226.

[3]) П. С. З., № 17774.

[4]) Тамъ же, № 17757, 17775.

[5]) Указъ 23 декабря 1798 г.—П. С. З., № 18793; ср. 19101. Опись, отд. III т. I, № 97.

[6]) Указъ 1 іюня 1799 г.—№ 18989.

[7]) П. С. З., указъ 12 ноября 1796 г.—№ 17541. Позднѣе указомъ 1799 г. было разъяснено, чтобы черезъ каждыя двѣ недѣли присылались краткіе рапорты о благополучіи инспекціи и полковъ прямо въ военную коллегію, но кромѣ того представлялись мѣсячные рапорты по установленной формѣ отъ полковъ объ ихъ состояніи, но не въ военную коллегію, а въ инспекторскую экспедицію (П. С. З., № 18914).

[8]) Указъ 20 ноября 1796 г.—№ 17570.

тотъ или другой полкъ или эскадронъ [1]); г) а также копіи полковыхъ журналовъ о всѣхъ военныхъ движеніяхъ въ теченіе года [2]) и проч.

При всемъ разнообразіи дѣятельности военной коллегіи, она сводилась, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: а) къ завѣдыванію военной стороной арміи: къ установленію способовъ укомплектованія войскъ, вооруженія и боевой подготовки; б) къ обслуживанію хозяйственной стороны: выработкѣ новыхъ штатовъ, способовъ расквартированія, обмундированія и продовольствія полковъ, а въ связи съ этимъ стоитъ установленіе денежной отчетности; в) къ завѣдыванію личнымъ составомъ арміи, преимущественно офицерскимъ корпусомъ въ цѣляхъ установленія необходимой высоты физическихъ и моральныхъ качествъ командного состава, распредѣленія его по частямъ арміи и повышенія и пониженія по іерархической лѣстницѣ.

Военная коллегія регламентировала даже мелкія стороны военной жизни. Такъ она предписывала полковымъ шефамъ, чтобы они артиллерійскихъ лошадей ни въ какія работы, кромѣ той, для которой онѣ предназначены, не употребляли [3]); чтобы при полкахъ устраивались временные полевые погреба или землянки для храненія пороха въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ останется безъ употребленія и когда не будетъ налицо особаго порохового погреба [4]); чтобы въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ держались про запасъ флаги на случай Высочайшаго прибытія [5]); чтобы проѣзжающіе воинскіе чины никакихъ обидъ почтовымъ служителямъ на станціяхъ не дѣлали [6]).

Завѣдуя личнымъ составомъ, слѣдя даже за всякими мелочами жизни военныхъ, коллегія, въ случаѣ совершенія преступленія, опредѣляла, предавать ли виновнаго суду или освободить его отъ взысканія. Здѣсь не могу не привести любопытнаго

[1]) Указъ 14 декабря 1796 г.—№ 17647.

[2]) Указъ отъ февр. 1798 г.—№ 18876. Военная коллегія собираетъ изъ всѣхъ полковъ списки объ унтеръ-офицерахъ и нижнихъ чинахъ, безпорочно прослужившихъ 20 лѣтъ, для представленія тѣхъ чиновъ къ лентѣ св. Анны для ношенія въ петлицѣ (№ 18229; ср. 18609).

[3]) П. С. З., № 19060.

[4]) Тамъ же, № 19019.

[5]) Тамъ же, № 19068.

[6]) № 19406.

рескрипта Павла (отъ 14 января 1797 г.) на имя гр. Н. И. Салтыкова слѣдующаго содержанія: „Козьмодемьянской штатной команды прапорщика Хвостова, застрѣлившаго изъ пистолета до смерти новокрещена изъ черемисъ Иванова повелѣваемъ, лиша чиновъ и дворянства, написать вѣчно въ рядовые въ Селенгинскій пѣхотный полкъ, военной же коллегіи, которая мнѣніемъ своимъ старалась оправдать сіе преступленіе, доказывая, что оное будто бы учинено не изъ злого умысла, дѣлается выговоръ за неуваженіе жизни человѣческой“ [1]).

Военные историки не разъ подробно разсматривали и оцѣнивали военную реформу Павла, въ которой военная коллегія по своему положенію принимала самое дѣятельное участіе. Къ работамъ Лебедева, Петрушевскаго и Панчулидзева я и отсылаю читателей, интересующихся этой стороной Павловскаго царствованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ считаю необходимымъ отмѣтить, что, по моему мнѣнію, наиболѣе близокъ къ объективному и правильному изображенію и освѣщенію военной реформы Павла Панчулидзевъ въ своей книгѣ объ исторіи кавалергардовъ. Онъ отмѣчаетъ и положительныя и отрицательныя стороны реформы. Къ положительнымъ сторонамъ нужно отнести слѣдующее: а) при Павлѣ дана была твердая организація арміи путемъ введенія воинскаго устава, новыхъ штатовъ и разныхъ установленій со строгой соподчиненностью, основанной на законѣ [2]); даже военному духовенству дана была болѣе правильная организація и извѣстная доля

---

[1]) *Сен. Арх.*, *Книги копій*, № 252, *л.* 81.

[2]) „Сущность реформъ императора Павла, читаемъ въ книгѣ Панчулидзева. едва ли не можетъ быть выражена въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) основаніемъ воинской дисциплины долженъ быть законъ, одинаково для всѣхъ военнослужащихъ обязательный; 2) главный залогъ благоустройства арміи—ея корпусъ офицеровъ, который долженъ обладать безусловной честностью, благородствомъ поведенія и примѣрной исполнительностью всѣхъ требованій службы“. „Такія благія, но теоретическія соображенія, добавляетъ тотъ же историкъ, примѣненныя къ тогдашней Россіи, были чрезмѣрны и несвоевременны“ (Исторія кавалергардовъ, т. II, стр. 237—238; ср. 205, 225, 231 и др.).

Объ устройствѣ арміи при Павлѣ см. книгу Д. Милютина, Исторія войны 1799 г., 2-е изд. П., 1857 г., т. I, 14, 76—82 и др. Въ недавно появившейся статьѣ проф. А. К. Баіова „Военное дѣло въ эпоху имп. Павла I“ дана неблагопріятная оцѣнка реформѣ, произведенной Павломъ въ арміи и военномъ управленіи („Исторія рус. арміи и флота“, изд. т-ва „Образованіе“, М., 1911, вып. III, 1—22)

самостоятельности; б) введено было одиночное обученіе строю, чѣмъ значительно поднялась подготовка солдатъ, а усиленные маневры, добавлю, приготовляли армію къ боевой походной жизни; в) строгимъ контролемъ и отчетностью искоренялось казнокрадство, широко распространившееся въ Екатерининской арміи.

Но были и отрицательныя стороны преобразованій, которыя зависѣли не столько отъ коллегіи, сколько отъ увлеченій Павла системой Фридриха II, а также отъ личныхъ свойствъ Императора, то были: причудливое обмундированіе, названія полковъ по именамъ шефовъ, увлеченіе „фрунтомъ", суровая дисциплина и горячность, съ которой проводилась реформа. „Въ общихъ чертахъ, скажемъ словами того же военнаго историка Панчулидзева, мы можемъ лишь свидѣтельствовать, что многое изъ заведеннаго Павломъ I сохранилось съ пользою для арміи до нашихъ дней и, если безпристрастно отнестись къ его военнымъ реформамъ, то необходимо будетъ признать, что наша армія обязана ему весьма многимъ" [1]).

3. Адмиралтейская коллегія [2]).

Эта коллегія въ своемъ устройствѣ почти не потерпѣла никакихъ существенныхъ измѣненій за Павловское время, штатъ ея былъ пересмотрѣнъ, и въ 1797 году былъ изданъ новый, увеличившій денежное содержаніе чинамъ адмиралтейскаго вѣдомства; по новому штату на всѣ расходы по морскому вѣдомству было назначено 7.707.681 рубль. Во главѣ коллегіи фактически стоялъ адмиралъ гр. Г. Г. Кушелевъ [3]) въ долж-

---

[1]) Панчулидзевъ, Исторія кавалергардовъ, т. II, стр. 203.

[2]) Литература объ адмиралтейской коллегіи:

1—Толстой Д. гр., О первоначальномъ учрежденіи и послѣдовательныхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ адмиралтейской коллегіи (Морской Сборникъ, 1855 г., іюль).

2—Иконниковъ В. С., Гр. Н. С., Мордвиновъ. П., 1873 г.

3—Веселаго, Очеркъ русской морской исторіи ч. I, П., 1875 г.

4—Огородниковъ С. Ѳ., Историческій обзоръ развитія и дѣятельности морского министерства, П., 1902 г.

[3]) Объявленные имъ указы—П. С. З., № 17544, 17548, 17561, 17632, 17717, 17731, 17782, 17799, 18014 и др. До Кушелева вице-президентомъ былъ И. Л. Голенищевъ-Кутузовъ (ср. Опись, отд. III, т. I и II). Осенью 1800 г., въ виду болѣзни Кушелева, управлялъ коллегіею и „былъ докладчикомъ по адмиралтейской части" де-Рибасъ (Шишковъ, Записки, I, 68—78).

ности вице-президента, и его роль была приблизительно такая же, какъ роль президента военной коллегіи гр. Салтыкова.

Павлу по званію генерала-адмирала принадлежало высшее командованіе надъ флотомъ [1]), но онъ фактически къ этому, за рѣдкимъ исключеніемъ, не прибѣгалъ, хотя жалованьемъ своимъ по чину дорожилъ и имъ распоряжался [2]). Онъ же назначенъ былъ еще Екатериной II президентомъ адмиралтейской коллегіи, каковое званіе Павелъ пожелалъ оставить за собой и по вступленіи на престолъ.

Въ отношеніи компетенціи адмиралтейской коллегіи необходимо отмѣтить нѣкоторое расширеніе [3]) ея вѣдомства. Указомъ 12 ноября 1796 г. предписано, чтобы „флоты корабельный и гребной, со всѣми ихъ портами, находящимися на Черномъ морѣ, равно и Черноморское правленіе, съ корабельными верфями“ были обращены въ вѣдѣніе адмиралтействъ-коллегіи, которой было велѣно, истребовавъ всѣ нужныя и подробныя свѣдѣнія отъ командующихъ флотами и отъ Черноморскаго правленія, немедленно же „приступить къ правленію оныхъ“, а въ связи съ этимъ денежныя суммы, которыя отпускались на содержаніе адмиралтейства, портовъ, верфей и флотовъ, должны были поступить въ „полное распоряженіе адмиралтействъ—коллегіи“ [4]).

Указомъ 14 ноября того же года предписано не только Черноморскій гренадерскій корпусъ (изъ 4-хъ батальоновъ), но также и два морскіе полка и бомбардирскіе батальоны

---

[1]) См. Уставъ военнаго флота, изданный 25 февр. 1797 г.—П. С. З., XXIV, № 17833, гл. I, п. 4 и 5. Высоч. приказомъ 9-го ноября 1796 г., объявлено, что Императоръ удерживаетъ за собой званіе ген.-адмирала (№ 17536).

[2]) 11-го дек. 1796 г. Онъ приказалъ часть своего жалованья отдавать на содержаніе инвалидовъ, находившихся на Каменномъ островѣ, а остатокъ хранить впредь до особаго назначенія (№ 17731).

[3]) На ряду съ расширеніемъ слѣдуетъ отмѣтить и нѣкоторое уменьшеніе власти коллегіи. Такъ какъ учрежденъ былъ особый генералъ-аудиторіатъ, судебныя дѣла о дворянахъ и офицерскихъ чинахъ и приговоры военныхъ судовъ о лишеніи чиновъ, написаніи въ матросы и другихъ наказаніяхъ, утверждаемые въ прежнее время адмиралтействъ-коллегіей, при Павлѣ должны были передаваться въ генералъ-аудиторіатъ и восходить черезъ него на Высочайшую конфирмацію.

[4]) П. С. З., № 17545.

„здѣшняго“ гребного флота отдать „въ полное вѣдѣніе и управленіе“ адмиралтействъ—коллегіи [1]).

А черезъ нѣсколько дней (указомъ 18 ноября) возстановлены были старыя права и обязанности коллегіи по отношенію къ корабельнымъ лѣсамъ, которые снова были отданы въ завѣдываніе и „распоряженіе“ коллегіи, казеннымъ же палатамъ и директорамъ экономіи, въ управленіи и подъ надзоромъ которыхъ находились казенные лѣса, предписывалось дать свѣдѣнія въ коллегію о состояніи лѣсовъ, исполнять впредь „всякія по сей части требованія“ коллегіи и „ни одного дерева безъ назначенія ея никуда не употреблять“ [2]). Такая обширная отрасль хозяйства, какъ завѣдываніе казенными лѣсами, привела къ тому, что при коллегіи былъ учрежденъ особый лѣсной департаментъ.

Въ 1799 г. адмиралтействъ-коллегіи поручено было слѣдить за выпускомъ изъ Россіи судовъ иностранныхъ подданныхъ, въ извѣстныхъ случаяхъ задерживать и арестовывать въ портахъ суда и команды нѣкоторыхъ иностранныхъ державъ или дѣлать распоряженія относительно выпуска ихъ обратно [3]). Правилами, выработанными адмираломъ де-Рибасомъ и утвержденными 16 декабря 1799 г., всѣ работы по заготовкѣ лѣса на корабельныя постройки, гдѣ бы они ни производились, были поставлены въ полное вѣдѣніе и распоряженіе адмиралтейской коллегіи [4]). Въ 1800 году учреждено было новое адмиралтейство внизъ по теченію р. Невы, такъ какъ то обстоятельство, что верфь главнаго адмиралтейства находилась въ центрѣ столицы, составляло значительное неудобство какъ для работъ адмиралтейства, такъ и для жителей столицы. Устройство новаго адмиралтейства, естественно, поручено было непосредственному руководству самой коллегіи [5]).

---

[1]) Тамъ же, № 17552.

[2]) Это предписаніе не касалось лѣсовъ, находившихся на дворянскихъ земляхъ—П. С. З., № 17564; ср. 18533, 18534, 18677.

[3]) П. С. З., № 19198, 19198 и др.

[4]) Тамъ же, № 19224.

[5]) Огородниковъ С. Ѳ., Историч. обзоръ, 28. А морской корпусъ—„любимое дѣтище Павла“ въ 1797 г. былъ переведенъ изъ Кронштадта въ столицу, въ нынѣшнее зданіе (29).

Такимъ путемъ адмиралтейская коллегія вѣдала всѣмъ флотомъ, какъ Балтійскимъ, Черноморскимъ, Каспійскимъ и Бѣломорскимъ, такъ и рѣчными флотиліями, принимала дѣятельное участіе въ постройкѣ кораблей и различныхъ судовъ [1]), за что 23 января 1799 г., напр., удостоилась Монаршаго благоволенія [2]), наблюдала за адмиралтействами, верфями, портами и корабельными лѣсами, разрабатывала и обсуждала (совмѣстно съ военной коллегіей) вопросъ о способахъ комплектованія арміи и флота рекрутами [3]), заботилась о новомъ обмундированіи флотскихъ чиновъ [4]) и вообще вѣдала всей хозяйственной стороной военно-морского дѣла.

Это была текущая работа адмиралтейской коллегіи; можетъ быть, она и шла энергично и стройно [5]) подъ руко-

---

[1]) Указомъ 11 дек. 1796 г. Павелъ приказалъ представлять ему чертежи и модели всѣхъ вновь закладываемыхъ кораблей на предварительный просмотръ (П. С. З., № 17632).

[2]) Января 23 дня 1799 г. въ Санктпетербургѣ.

„Г. адмиралъ и вице-президентъ Кушелевъ! Съ удовольствіемъ видя пользу введеннаго вами вновь образа построенія кораблей, фрегатовъ и прочихъ судовъ, равно съ особенною прочностью, чистотою и скоростію нынѣ производимыхъ работъ и отдавая всякую справедливость неусыпному вашему попеченію, дѣятельности и хозяйственнымъ для пользы службы распоряженіямъ, что доказывается ясно приготовляемыми нынѣ къ лѣту сего года при адмиралтействѣ здѣшнемъ тремя кораблями, однимъ фрегатомъ и немалымъ количествомъ гребныхъ и прочихъ разнаго рода судовъ, при Архангелогородскомъ тремя же кораблями и двумя фрегатами и при Черноморскихъ тремя кораблями, которые въ семъ же лѣтѣ и имѣютъ быть спущены на воду, за все оное изъявляемъ какъ вамъ, такъ и всей Нашей адмиралтействъ-коллегіи, за успѣшное со стороны ея въ семъ содѣйствіе, Монаршее Наше благоволеніе, а также и оберъ-сарваеру и корабельнымъ мастерамъ, при томъ построеніи находящимся, и всѣмъ участвующимъ въ важномъ и полезномъ семъ дѣлѣ; надѣемся Мы при томъ, что расположенные по волѣ Нашей къ построенію и въ будущемъ 1800 году здѣсь и въ другихъ портахъ корабли, фрегаты и прочія суда не оставитъ адмиралтействъ-коллегія къ предположенному времени построить и спустить на воду. Павелъ" (*Сен. Арх., Книги копій,* № 260, л. 75).

[3]) Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сен. архивѣ, отд. III, т. II, № 1756 (дѣла за 1799 г.).

[4]) П. С. З., № 17782 (указъ 3 февр. 1797 г.); ср. № 17544, 17561.

О русскомъ флотѣ за Павловское время см. Д. Милютина, Исторія войны 1799 г., 2-ое изд. П., 1857 г., т. I, 14, 28, 54—55, 93—114 и др.

[5]) Въ указанномъ выше обзорѣ г. Огородникова читаемъ: „При кратковременномъ царствованіи императора Павла многія стороны морского управленія были значительно упорядочены"; а ниже добавлено: на дѣятельности адмиралтейской коллегіи сказывались главные недостатки коллегіальныхъ учрежденій— „отсутствіе единства дѣйствій и надлежащей отвѣтственности" (26, 30). Но послѣднее—замѣчу—составляетъ недостатокъ, присущій не Павловскому времени только, но всему XVIII вѣку.

водствомъ адмирала гр. Г. Г. Кушелева, который имѣлъ рѣдкій случай сохранить расположеніе Павла къ себѣ въ теченіе всего его царствованія, но все же эта работа чего-либо замѣчательнаго, что выдвигало бы адмиралтейскую коллегію изъ ряда другихъ учрежденій, не заключала. Но была еще одна сторона дѣятельности коллегіи, мной кратко указанная, но детально не освѣщенная, которая дѣйствительно можетъ быть поставлена въ большую заслугу коллегіи, я говорю о лѣсномъ управленіи и лѣсномъ законодательствѣ Павловскаго времени, которыя были проведены при энергичномъ участіи адмиралтейской коллегіи.

Лѣсное управленіе и лѣсное законодательство были созданы Великимъ Преобразователемъ, который смотрѣлъ на лѣсъ съ строго государственной точки зрѣнія и своими запретительными и ограничительными указами приводилъ и русское общество къ мысли о томъ, что лѣсъ слѣдуетъ беречь, а если имъ и пользоваться, то крайне осторожно, съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ; главное же наблюденіе надъ лѣсами онъ поручилъ адмиралтействъ-коллегіи и вальдмейстерамъ, подъ ея вѣдѣніемъ. Въ послѣдующее время такой порядокъ колебался и видоизмѣнялся, одно время (съ 1726 года до 1730) даже вальдмейстеры были упразднены и надзоръ за сохранностью лѣсовъ былъ порученъ общей провинціальной администраціи, чѣмъ въ сущности лѣса были оставлены безъ всякаго надзора.

При Екатеринѣ II адмиралтейская коллегія наблюдала лишь за корабельными лѣсами, всѣ же другіе лѣса, расположенные въ казенныхъ и экономическихъ дачахъ, были переданы въ завѣдываніе директоровъ экономіи или домоводства, входившихъ въ составъ казенной палаты, лѣса же частновладѣльческіе, согласно жалованной грамотѣ 1785 г., были, вопреки запретительнымъ указамъ Петра, вполнѣ предоставлены свободному пользованію ими со стороны помѣщиковъ-землевладѣльцевъ. Эта раздробленность надзора, въ связи съ общимъ направленіемъ правительственныхъ мѣропріятій второй половины Екатерининскаго царствованія, которыя по отношенію къ лѣсамъ начали преслѣдовать чисто фискальную

цѣль, извлеченіе изъ лѣсовъ возможно большого дохода, привела къ тому, что казенные лѣса, въ частности корабельные, стали безпощадно истребляться, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прямо исчезать.

По вступленіи на престолъ Павла, передъ правительствомъ встала задача—охранить лѣсъ отъ дальнѣйшаго истребленія, правильно организовать надзоръ за его цѣлостью, выработать правила раціональнаго пользованія лѣсомъ и даже принять мѣры къ насажденію лѣсовъ въ новыхъ мѣстахъ.

Павелъ, еще будучи цесаревичемъ, по должности своей генералъ-адмирала имѣлъ отношеніе къ корабельнымъ лѣсамъ, но, устраненный отъ дѣлъ, не могъ вліять на законодательство и на дѣятельность адмиралтейской коллегіи въ Екатерининское время. По вступленіи Павла на престолъ, какъ указано выше, корабельные лѣса были отданы подъ надзоръ и въ вѣдѣніе адмиралтейской коллегіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ казенные лѣса были отданы въ управленіе экспедиціи государственнаго хозяйства, учрежденной въ 1797 г. при сенатѣ, подъ главнымъ руководствомъ генералъ-прокурора, причемъ „лѣсная часть по адмиралтейству“ была поставлена въ зависимость отъ названной экспедиціи [1]). Такое раздвоеніе лѣсного управленія во многихъ отношеніяхъ представлялось неудобнымъ и требовало измѣненій въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ жалобы на истребленіе лѣса не прекращались [2]).

Какъ печально было состояніе казенныхъ лѣсовъ, въ этомъ самъ Павелъ убѣдился во время путешествія въ 1798 году по Казанской губерніи. Донесенія ген.-лейт. Б. П. Ласси, казанскаго военнаго губернатора, и разговоры о причинахъ истребленія казенныхъ рощъ и лѣсовъ заставили Павла принять рядъ энергичныхъ мѣръ [3]). Прежде всего пострадалъ за

---

[1]) П. С. З., XXIV, № 17897 (указъ 31 марта 1797 г.); ср. XXV, № 18429 (указъ 12 марта 1798 г.); ср. Опись документовъ и дѣлъ, отд. III, т. I, № 212.

[2]) Въ 1798 г. казанская адмиралтейская контора жаловалась на то, что казенные дубовые лѣса истреблены помѣщичьими крестьянами. Указомъ 24 апр. 1798 г. по этому поводу было предписано принять мѣры противъ самовольной порубки не только въ Казанской, но и въ другихъ губерніяхъ (П. С. З., № 18495); результатомъ была посылка офицеровъ для обслѣдованія состоянія лѣсовъ (Опись докум. и дѣлъ, отд. III, т. I, № 232).

[3]) Рус. Старина, 1892 г., сент., 30.

упущеніе бывшій вице-губернаторъ Лаптевъ, на обязанности котораго лежалъ надзоръ за сохранностью лѣсовъ. „Въ проѣздъ мой чрезъ Казанскую губернію, читаемъ въ указѣ Павла по этому поводу, нашедъ дубовые лѣса въ самомъ дурномъ и разоренномъ состояніи, извѣстился я, что истребленіе оныхъ послѣдовало въ бытность здѣсь вице-губернаторомъ нынѣшняго тамбовскаго губернатора тайн. сов. Лаптева. Не входя въ дальнѣйшее изслѣдованіе, какимъ образомъ сія, столь важная часть доведена имъ до такого упущенія, нужнымъ нахожу, имѣя сей примѣръ его нерадивости, не оставлять его болѣе при должности, и потому отъ отправляемой имъ нынѣ въ Тамбовской губерніи отрѣшаю“ [1]).

Одновременно были приняты болѣе значительныя мѣры къ упорядоченію лѣсного управленія. Такъ 26 мая 1798 г. были изданы два важныхъ узаконенія. Въ первомъ [2]) читаемъ: „По соображенію всѣхъ обстоятельствъ и способовъ къ сбереженію казенныхъ лѣсовъ, на кораблестроенія толико нужныхъ, за благо признали мы вѣдѣніе оныхъ и рощъ, не исключая и состоящихъ на земляхъ экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ, кромѣ однихъ помѣщичьихъ, кои остаются въ полномъ распоряженіи владѣльцевъ, обратить въ непосредственное вѣдѣніе адмиралтействъ-коллегіи“. Во второмъ велѣно было: а) привести „въ совершенную силу и дѣятельность“ вальдмейстерскія и форстмейстерскія инструкціи; б) сдѣлать подробныя описи, планы и карты всѣхъ лѣсовъ; в) принять дѣйствительныя мѣры къ пресѣченію порубокъ и никому не дозволять рубить лѣсъ безъ разрѣшительныхъ билетовъ самой коллегіи, каковые выдавать съ крайней осторожностью; г) заводить посѣвами и посадками на казенныхъ земляхъ новыя рощи; д) устроить при интендантской экспедиціи особый департаментъ для лѣсной части, и е) въ цѣляхъ дачи отчета о всякомъ злоупотребленіи—адмиралтействъ-коллегіи „чаще дѣлать осмотры и свидѣтельства“ лѣсовъ [3]).

Съ момента изданія этихъ указовъ въ адмиралтейской

[1]) Сен. Архивъ, т. I, стр. 407 (указъ 26-го мая 1798 г.).
[2]) П. С. З., т. XXV, № 18533.
[3]) П. С. З., XXV, № 18534.

коллегіи начинается большая организаціонная работа по устройству лѣсного департамента при коллегіи и лѣсного управленія на мѣстахъ.

Лѣсной департаментъ былъ устроенъ въ 1798—1800 г.г. при дѣятельномъ участіи адмирала де-Рибаса, который былъ первымъ управляющимъ департамента, а послѣ его смерти (въ 1800 г.) эту должность занялъ генералъ-интендантъ Балле. Департаментъ состоялъ изъ 6 совѣтниковъ, 6 секретарей и нѣсколькихъ канцелярскихъ служителей [1]). По внутреннему распорядку дѣла были распредѣлены между совѣтниками по губерніямъ, составивши такимъ путемъ шесть отдѣленій, между которыми губерніи размѣстились по своему естественному положенію.

Лѣсное управленіе на мѣстахъ выработано было еще штатомъ по экспедиціи государственнаго хозяйства (12 марта 1798 г.) въ такомъ видѣ: въ каждой губерніи по одному оберъ-форстмейстеру, 4 форстмейстера, а при форстмейстерѣ по 2 ученика, въ 31 губернію для описи лѣсовъ временно командируются 124 землемѣра, такъ что все лѣсное управленіе по имперіи должно было состоять по 40 губерніямъ— изъ 40 оберъ-форстмейстеровъ, 160 форстмейстеровъ, 320 учениковъ, 124 землемѣровъ, изъ 40 секретарей при оберъ-форстмейстерахъ, 80 канцеляристовъ и 160 копіистовъ, а всего изъ 924 лицъ, съ расходомъ въ 182.285 р. ежегодно [2]). Вотъ этотъ штатъ лѣсного управленія и нужно было привести въ дѣйствіе лѣсному департаменту, найдя и подготовивъ къ занятію должностей „людей способныхъ“.

Вѣдомство лѣсного департамента, а слѣдовательно, и адмиралтейской коллегіи территоріально со временемъ нѣсколько сузилось. Сначала имъ были поручены всѣ казенные лѣса, за исключеніемъ лишь помѣщичьихъ, какъ составлявшихъ частную собственность владѣльцевъ; но затѣмъ указомъ 9-го ноября 1800 г. изъ казенныхъ лѣсовъ часть, приписанная къ заводамъ, была передана въ вѣдѣніе и распоряженіе бергъ-

---

[1]) Указъ 29 дек. 1799 г.—П. С. З., № 19.234.

[2]) П. С. З., т. XLIV, ч. II (книга штатовъ), стр. 315.

коллегіи [1]), но это составляло небольшую часть, главнѣйшая же масса казеннаго лѣса осталась подъ наблюденіемъ и властью адмиралтейской коллегіи съ лѣснымъ департаментомъ.

Вмѣстѣ съ устройствомъ лѣсного управленія, подъ руководствомъ адмиралтейской коллегіи, происходитъ работа по пересмотру лѣсного законодательства, вырабатываются способы борьбы противъ самовольной порубки и положеніе о нормахъ штрафа за рубку бревенъ въ казенныхъ лѣсахъ [2]), издаются правила объ описи лѣсовъ [3]), о способахъ заготовки деревьевъ на корабельныя постройки [4]), о лѣсномъ торгѣ [5]), принимаются мѣры къ поднятію кораблестроенія въ Россіи [6]), устанавливаются правила, при соблюденіи которыхъ дозволяется казеннымъ крестьянамъ рубить лѣсъ изъ казенныхъ дачъ па свои домашнія надобности [7]), а также предписывается при-

[1]) П. С. З., XXVI, № 19641. Объ устройствѣ лѣсного управленія и о дѣятельности адмиралтейской коллегіи по отношенію къ лѣсамъ см. „Столѣтіе учрежденія лѣсного департамента. 1798—1898“. П., 1898 г., стр. 1—41.

[2]) Тамъ же, т. XXV, № 19050 (указъ 27 іюня 1799 г.); № 19085 (указъ 15 авг. 1799 г.); о преданіи двухъ помѣщиковъ суду за порубку ихъ крестьянами казеннаго лѣса—№ 18737; о допущеніи оберъ-форстмейстеровъ и форстмейстеровъ въ присутственныя мѣста для хожденія по дѣламъ о самовольной порубкѣ (указъ 21 янв. 1801 г.—№ 19734); о принятіи мѣръ противъ порубки лѣса см. указъ 11-го янв. 1799 г.—№ 18817; ср. 18816.

О запрещеніи рубки корабельныхъ лѣсовъ — см. Опись докум. и дѣлъ, отд. III, т. II, № 1805.

[3]) П. С. З., № 18534; ср. указъ 24 сент. 1798 г., которымъ предписано губернскимъ правленіямъ и казеннымъ палатамъ карты и описи лѣсныхъ дачъ отсылать прямо отъ себя въ адмиралтейскую коллегію, пе представляя въ сенатъ (№ 181677); указъ 21 дек. 1799 г.—№ 19227.

[4]) Всѣ работы по заготовкѣ лѣса были поставлены по выработаннымъ правиламъ въ полное распоряженіе отъ адмиралтейской коллегіи—№ 19224.

[5]) Указомъ 21 дек. 1799 г. велѣно адмиралтействъ—коллегіи совмѣстно съ коммерцъ-коллегіей выработать правила о лѣсномъ торгѣ (П. С. З., № 19227); 9-го марта 1800 г. Императоръ, по выслушаніи представленія коллегіи объ Онежскомъ казенномъ лѣсномъ торгѣ, повелѣлъ: лѣсной торгъ со всѣми заведеніями въ Онежскомъ порту, равно денежныя суммы и людей принять въ вѣдомство лѣсного деп-та, съ предписаніемъ ему, чтобы онъ, все осмотрѣвъ въ подробности, донесъ о томъ коллегіи—№ 19317.

[6]) См. № 19624 (1-го ноября 1800 г.); ср. 19198, 19463, 19708.

[7]) Указъ отъ 1800 г.—П. С. З., № 19262-а (въ концѣ XXV т.).

Ср. другіе указы: о позволеніи крестьянамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ рубить казенный лѣсъ (указъ 17 авг. 1799 г.—№ 19086); о разрѣшеніи снимать съ липы и вяза лубъ и мочало и рубить еловыя деревья безпенно на барки для крестьянъ Елабужской и др. округъ (указъ 16 іюня 1799 г.—№ 19004); о рубкѣ лѣса для нуждъ полковыхъ и батальонныхъ обозовъ (указъ ноября 1799 г.—№ 19209); о продажѣ валежника и „подсохлыхъ на корню“ деревьевъ съ цѣлью

нять мѣры съ одной стороны противъ пожаровъ, съ другой—къ разведенію на казенныхъ земляхъ дубовыхъ лѣсовъ по р. Невѣ, Волхову, Мстѣ и по другимъ рѣкамъ, на что отпускаются особыя денежныя суммы [1]).

Дѣятельность адмиралтейской коллегіи и лѣсного департамента, вообще говоря, въ отношеніи государственнаго лѣсного хозяйства возвращалось къ старымъ Петровскимъ традиціямъ и знаменовала собой торжество государственной точки зрѣнія надъ узко-фискальными соображеніями Екатерининскаго времени. Каково значеніе лѣсного законодательства Павловскаго времени для послѣдующей поры, объ этомъ въ книгѣ, посвященной столѣтію лѣсного департамента, говорится такъ: „Непродолжительное царствованіе императора Павла составляетъ эпоху въ исторіи лѣсного законодательства: въ теченіе его изданы законоположенія, въ большинствѣ вошедшія въ нынѣ дѣйствующій лѣсной уставъ и послужившія прочными основами для устройства лѣсного управленія, организаціи мѣстной администраціи и введенія порядка въ казенныхъ лѣсахъ“ [2]).

4. Коллегія иностранныхъ дѣлъ.

Эта коллегія, какъ и двѣ предыдущія, въ своемъ устройствѣ не пережила какихъ либо существенныхъ измѣненій. Хотя штатъ для нея, выработанный въ 1779 году, въ главнѣйшихъ чертахъ оставался неизмѣннымъ, но все же нѣкоторыя перемѣны въ ея устройствѣ произошли [3]).

очистки лѣса въ Литовской и др. губерніяхъ (30-го дек. 1799 г.—№ 19237); о снабженіи лѣсомъ изъ казенныхъ дачъ жителей губерній, присоединенныхъ отъ Польши, при постройкѣ ими или исправленіи костеловъ (30 янв. 1800 г.—№ 19258); о позволеніи вырубить 2000 саж. дровъ изъ лѣсовъ близъ Ижерскаго завода (7 февр. 1800 г.—№ 19267); о разрѣшеніи крестьянамъ рубить лѣсъ для постройки запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ (5 марта 1800 г.—№ 19309)

Ср. Опись докум. и дѣлъ сен. арх., отд. III, т. II, № 976, 1343 (о дозволеніи рубки въ Вятской губ.), 1806 (о томъ же въ Новгородской губ. для исправленія дорогъ).

[1]) Указъ 11 іюня 1799 г.—П. С. З., XXV, № 18995; указъ 9-го авг. 1800 г.—№ 19509 (о пожарахъ).

[2]) Столѣтіе учрежденія лѣсного департамента, стр. 15.

[3]) П. С. З., № 17555.

Такъ уже 16 ноября 1796 г. было велѣно учредить при коллегіи особую экспедицію для отправленія дѣлъ голштинскихъ, ангальтъ-цербсткихъ и эвернскихъ. Въ слѣдующемъ году указомъ 26 февраля учрежденъ былъ въ публичной экспедиціи особый департаментъ (на основаніи штата 1779 г.)—„для управленія дѣлъ казенныхъ“ [1]). Одновременно же было повелѣно устроить особый департаментъ или экспедицію „для отправленія (подъ руководствомъ „министерства“) дѣлъ, касающихся до азіатскихъ народовъ“ [2]); отсюда возникъ позднѣе довольно обширный азіатскій департаментъ. Указомъ 1-го мая 1797 г. было велѣно возстановить учрежденіе о юнкерахъ для обученія канцелярскому дѣлопроизводству и другимъ наукамъ, а особымъ указомъ 19 іюня 1797 г. опредѣлено при коллегіи иностранныхъ дѣлъ оставить 30 юнкеровъ (20 въ С.-Петербургѣ и 10 въ архивѣ въ Москвѣ), отправивъ остальныхъ въ военную коллегію для распредѣленія по полкамъ; штатные же юнкеры обязаны были обучаться канцелярскому дѣлопроизводству, чтобы впослѣдствіи ихъ можно было назначить на дипломатическую службу [3]). Въ 1798 г. указомъ 24 іюля коллегіи велѣно было отпускать ежегодно 3000 руб. для обученія студентовъ языкамъ китайскому, маньчжурскому, персидскому, турецкому и татарскому, ради чего коллегіи „учинить надлежащія о содержаніи таковаго училища распоряженія“ [4]).

Гораздо важнѣе мѣропріятіе по отношенію къ штатамъ коллегіи. Павелъ полагалъ, что содержаніе коллегіи стоитъ слишкомъ дорого и ея составъ не отвѣчаетъ дѣйствительнымъ нуждамъ, а потому уже въ концѣ 1796 г. дано было Высочайшее повелѣніе выработать для коллегіи новые штаты. Они и были по выработкѣ представлены Государю гр. Ростопчинымъ, какъ первоприсутствующимъ въ коллегіи, и вице-канцлеромъ гр. Н. П. Панинымъ 6-го января 1800 г., и тогда же Высочайше конфирмованы.

---

[1]) П. С. З., № 17843.
[2]) Тамъ же, № 17844.
[3]) П. С. З., № 17707, 19008. Ср. Александренко, Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ, т. I, стр. 499.
[4]) П. С. З., № 18599.

По этому штату коллегія состояла изъ канцлера, вице-канцлера, 5 членовъ коллегіи, нѣсколькихъ совѣтниковъ и немногимъ болѣе 200 чиновъ канцеляріи; сравнительно со штатомъ 1779 г. количество чиновъ было уменьшено на 91 человѣкъ, естественно, сократился и расходъ на всю коллегію: съ 157.880 руб. по штату 1779 г. онъ упалъ до 85.600 руб. по новымъ штатамъ. Но кромѣ расходовъ на коллегію сюда же была присоединена сумма на содержаніе всѣхъ министерскихъ постовъ заграницей, что составляло 756.245 руб., сумму вдвое болѣе прежняго (357.983 руб. на министерскіе посты и 17.300 на церкви), чѣмъ значительно было улучшено матеріальное положеніе чиновъ русскихъ заграничныхъ миссій [1]).

Коллегіей въ прежнее время управлялъ обычно канцлеръ, какъ президентъ коллегіи, или лицо, его замѣнявшее. Во время „министерства" такихъ, могущественныхъ по своему вліянію при дворѣ, видныхъ лицъ, какъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ или Н. И. Панинъ, коллегіальность превращалась въ фикцію, и дѣла рѣшались единолично канцлеромъ, съ доклада Государынѣ; но при менѣе видныхъ сановникахъ, управлявшихъ иностранными дѣлами, на долю коллегіи выпадала болѣе дѣятельная роль, такъ что для коллегіи, какъ учрежденія, важна была сила персоны, стоявшей во главѣ коллегіи. Порядокъ единоличнаго управленія иностранной политикой возобладалъ при Павлѣ съ тою только разницею, что здѣсь играла роль не сама личность представителя, а то довѣріе, какое оказывалъ Государь тому или другому лицу. Во главѣ коллегіи выступаютъ то гр. Остерманъ, то Безбородко, то кн. А. Куракинъ, то Ростопчинъ; среди нихъ Безбородко да отчасти Ростопчинъ блистали своими личными качествами, и тѣмъ не менѣе иностранная политика, опираясь на довѣріе Государя, была руководима въ той или другой моментъ этими сановниками единолично, безъ участія коллегіи въ рѣшеніи вопросовъ. Единоличная воля, предначертанія Павла, проводимыя черезъ

---

[1]) Александренко, т. I, стр. 499 и 502. Штатъ коллегіи съ министерскими постами въ 1779 г.—П. С. З., т. XLIV, стр. 162—166.

канцлера или президента коллегіи, были руководящимъ началомъ всего движенія коллегіальной машины. Любопытно отмѣтить, что Н. П. Панинъ, будучи вице-канцлеромъ, попытался было, помимо Ростопчина, проводить въ дѣлахъ свою мысль и свою волю и такимъ путемъ активно участвовать въ иностранной политикѣ, но получилъ отъ Павла черезъ Ростопчина, категорическое указаніе о томъ, чтобы онъ ничего самостоятельно не предпринималъ, такъ какъ онъ лишь „инструментъ“ [1]), при посредствѣ котораго онъ, Государь, и Ростопчинъ дѣйствуютъ въ международныхъ дѣлахъ [2]).

Если обратиться къ компетенціи коллегіи иностранныхъ дѣлъ, то слѣдуетъ сказать, что она значительно расширилась и болѣе точно опредѣлилась. Съ устройствомъ новой экспедиціи и новыхъ департаментовъ въ коллегію начинаютъ поступать тѣ новыя дѣла, ради которыхъ были учреждены эти части.

Не меньшее значеніе имѣло то обстоятельство, что всѣ заграничныя миссіи были поставлены въ болѣе тѣсную зависимость отъ коллегіи. Указомъ 29-го сентября 1800 г. было установлено, чтобы всѣ чины Вѣнской и Лондонской миссій считались вообще по государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ [3]). А 14-го февраля 1801 г. въ указѣ, данномъ на имя государственнаго казначея, говорилось слѣдующее: коллегіи иностранныхъ дѣлъ, при изданіи новыхъ для нея штатовъ, предписано, чтобы она всю назначенную на ея содержаніе сумму имѣла въ полномъ и безпосредственномъ своемъ распоряженіи и дѣлала переводы въ чужіе края заблаго-

---

[1]) Приказъ Павла въ февр. 1800 г.—„Сказать гр. Панину, чтобы менѣе говорилъ съ министрами и что онъ ничто иное, какъ инструментъ“.—(Брикнеръ, Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина, V, 584).

О другомъ случаѣ разсказываетъ кн. Безбородко въ письмѣ (1798 г.) къ гр. Воронцову о кн. А. Б. Куракинѣ: „Вице-канцлеръ вашъ также попался въ нѣкоторый родъ неудовольствія, пустившись слишкомъ въ разговоры и внушенія съ прусскимъ министромъ. Ему сдѣлано строгое подтвержденіе говорить о чемъ-либо“ (Архивъ кн. Воронцова, кн. XIII, стр. 385).

[2]) О скромной роли Н. Панина въ направленіи иностранной политики за время вице-канцлерства см. Брикнеръ, Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина, т. V, стр. 23; ср. 582 и др. П., 1891.

[3]) П. С. З., № 19580.

временно, что дѣлать и по отношенію къ чинамъ заграничныхъ миссій [1]).

Такимъ путемъ и чины посольствъ и всѣ денежныя суммы, которыя отпускались на содержаніе заграничныхъ миссій, были поставлены въ прямую зависимость и вѣдѣніе отъ иностранной коллегіи, и послѣдняя по своему усмотрѣнію могла назначать, повышать, награждать и увольнять посольскихъ чиновниковъ, а также сосредоточивать подъ своимъ бдительнымъ окомъ расходованіе и отчетность денежныхъ суммъ.

Коллегія иностранныхъ дѣлъ по роду дѣятельности должна была обслуживать ту внѣшнюю политику [2]), которой слѣдовала Россія въ Павловское царствованіе, и которая приняла, въ связи съ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, весьма энергичный характеръ.

Чтобы понять и по достоинству оцѣнить эту политику, слѣдуетъ помнить, что ось міровой политики конца XVIII вѣка вращалась вокругъ соперничества и борьбы двухъ великихъ европейскихъ державъ: Франціи и Англіи, изъ которыхъ каждая хотѣла нанести смертельный ударъ другой, чтобы такимъ путемъ побѣдительницѣ получить гегемонію надъ Европой. Задача активной внѣшней политики другихъ государствъ сводилась по существу къ союзу и помощи одной противъ другой. При этой гигантской борьбѣ Россія, какъ крупная Европейская держава, прославленная своими недавними побѣдами надъ турками, уже доброе столѣтіе принимавшая дѣятельное участіе въ европейскомъ концертѣ, не могла оставаться равнодушной зрительницей.

Правда, въ первые два года Павелъ держался политики невмѣшательства, которой по преимуществу руководились и дипломаты Екатерининскаго времени по отношенію къ соперничеству Франціи и Англіи. Въ циркулярной нотѣ канцлера

---

[1]) Тамъ же, № 19750.

[2]) Литература о внѣшней политикѣ времени Павла I:

1—Милютинъ, Исторія войны 1799 г., т. I, П., 1857.

2—Григоровичъ Н., Канцлеръ Безбородко. т. II, П., 1881 г.

3—Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ. т. III, П., 1882.

4—Шильдеръ, Имп. Павелъ I. П., 1901.

5—Sorel, L'Europe et la Revolution française, VI и VII. Paris, 1903.

6—Валишевскій К., Сынъ Великой Екатерины. Имп. Павелъ I. П., 1914 г.; въ этой послѣдней книгѣ см. указанія и на другія работы.

гр. Остермана, разосланной коллегіей иностранныхъ дѣлъ по всѣмъ заграничнымъ миссіямъ, во всеуслышаніе объявлялось, что Россія послѣ почти 40-лѣтней безпрерывной войны, по человѣколюбивому намѣренію Павла, будетъ предоставлена „пренужному и желаемому (подданными) отдохновенію“, и новый Государь будетъ поддерживать миръ и доброе согласіе со всѣми иностранными державами.

Но миролюбіе и политика невмѣшательства, заявленныя во всеуслышаніе русской дипломатіей, имѣли одну весьма существенную оговорку. „Хотя россійское войско, сообщалось въ той же циркулярной нотѣ, не будетъ дѣйствовать противъ Франціи“, Государь, „какъ и покойная его родительница, остается въ твердой связи со своими союзниками и чувствуетъ нужду всевозможными мѣрами противиться неистовой французской республикѣ, угрожающей всей Европѣ совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благонравія“.

Эта оговорка была чревата своими послѣдствіями. Она заставила Павла, въ полномъ согласіи со взглядами высшей правящей среды, поднять борьбу противъ занесенія „революціонной заразы“ внутрь Россіи, а затѣмъ дала легкую возможность иностраннымъ державамъ втянуть Россію въ коалицію противъ Франціи, призвать къ активной помощи и „выманить“ русскую армію за границу.

Принятіе Павломъ на себя званія великаго магистра Мальтійскаго ордена (29 ноября 1798 г.) и торжественное обѣщаніе его сохранять орденъ „при его прежнихъ установленіяхъ и преимуществахъ“ были послѣдней тяжестью, которая была брошена на чашку вѣсовъ колеблющагося равновѣсія и окончательно рѣшила участіе Россіи въ борьбѣ противъ французовъ, не задолго предъ тѣмъ захватившихъ сердцевину владѣній ордена—островъ Мальту.

Въ концѣ 1798 г. усиліями Англіи, при дѣятельной поддержкѣ Павла I, создалась могущественная коалиція изъ Англіи, Россіи, Австріи, Турціи и Неаполитанскаго королевства. Началась война коалиціи съ Франціей. Черноморскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Ушакова, вмѣстѣ съ турецкой эскадрой отнялъ у французовъ Іоническіе острова и

направился къ берегамъ Италіи для дѣйствій противъ французовъ. Русскій вспомогательный корпусъ Германа соединился съ англійской арміей для военныхъ операцій въ Голландіи, союзницѣ Франціи. Но главной ареной войны были сѣверная Италія, недавно захваченная Бонапартомъ, и Швейцарія. Сюда были посланы Суворовъ и Римскій-Корсаковъ. „Итальянскій походъ“ Суворова, его блестящія побѣды надъ французами, а въ особенности знаменитый переходъ черезъ Альпы вызвали всеобщее изумленіе Европы и высоко подняли славу русскаго оружія. Но участіе въ коалиціи вмѣстѣ съ тѣмъ принесло горькое разочарованіе Павлу и русскому обществу.

Павелъ увидѣлъ, что русскія войска сражаются изъ-за чужихъ интересовъ, союзники—въ высокой степени своекорыстны, къ тому же недостаточно внимательны къ его войскамъ и полководцамъ; русскіе солдаты по винѣ австрійцевъ и англичанъ не разъ терпѣли крайнюю нужду въ продовольствіи и одеждѣ. Узнавъ о лишеніяхъ своихъ солдатъ, Павелъ пришелъ въ негодованіе на австрійцевъ, а въ особенности на англичанъ. Къ тому же еще присоединилось одно обстоятельство, которое было послѣдней каплей горечи для Павла: англичане заняли Мальту, а когда Павелъ, какъ магистръ ордена, потребовалъ возвращенія ея ордену, то онъ встрѣтилъ со стороны Англіи рѣшительный отказъ. Послѣдствіемъ былъ разрывъ съ Англіей и съ союзниками, сближеніе съ Бонапартомъ и объявленіе войны Англіи.

Въ придворныхъ кругахъ и русскомъ обществѣ тоже поднялось недовольство союзниками. Рѣзко отзывался Суворовъ объ австрійскомъ придворномъ военномъ совѣтѣ, который во чтобы то ни стало, находясь въ Вѣнѣ, хотѣлъ руководить военными дѣйствіями въ Италіи, чинилъ разныя препятствія планамъ Суворова, оставлялъ русскую армію безъ провіанта, фуража и даже проводниковъ. Отзывы Суворова находили живой откликъ въ военной средѣ. При дворѣ около Императора сгруппировался кружокъ лицъ, недовольныхъ союзомъ съ Англіей и Австріей. Докладчикомъ по иностраннымъ дѣламъ являлся гр. Ѳ. В. Ростопчинъ, противникъ

коалиціи. Въ концѣ 1800 г. Павелъ поручилъ ему составить докладъ о политическомъ положеніи Европы и о необходимомъ курсѣ русской дипломатіи. Въ составленной по этому случаю запискѣ говорилось: „Англія вооружала попеременно угрозами, хитростью и деньгами всѣ державы противъ Франціи". Павелъ къ этому прибавилъ: „и насъ грѣшныхъ". „Она, говорилось дальше въ запискѣ, своею завистью, пронырствомъ и богатствомъ была, есть и пребудетъ не соперница, но злодѣй Франціи". На эту мысль Павелъ откликнулся такъ: „мастерски писано!" Въ заключеніе Ростопчинъ предлагалъ войти въ тѣсный союзъ съ Франціей противъ Англіи и устроить раздѣлъ Турціи, при участіи Австріи и Пруссіи. Планъ этотъ пришелся по душѣ Императору, и онъ былъ Высочайше конфирмованъ (2-го октября 1800 г.) и переданъ къ руководству въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Тѣмъ временемъ со стороны Франціи были сдѣланы шаги къ сближенію съ Россіей, и произошли обстоятельства, обусловившія возможность соединенія монархической Россіи съ республиканской и революціонной Франціей. Переворотъ 18 брюмера превратилъ генерала Бонапарта въ перваго консула, а битва при Маренго (весной 1800 г.), въ которой Бонапартъ на голову разбилъ австрійцевъ, вернула сѣверную Италію Франціи и вознесла еще на большую высоту геніальнаго полководца. Бонапартъ шелъ вѣрными шагами къ императорскому трону.

Эту перемѣну превосходно понялъ Павелъ и въ сентябрѣ 1800 г. говорилъ, что во Франціи „въ скоромъ времени водворится король, если не по имени, то, по крайней мѣрѣ, по существу"; значитъ, главное предубѣжденіе Павла противъ Франціи, какъ республики, падало. Къ тому же Павелъ, по его словамъ, увидѣлъ, что справедливость не на сторонѣ союзниковъ, тогда какъ политика русскаго Императора „склонялась единственно на сторону справедливости" [1]), и отсюда нужно было ждать сближенія съ Франціей.

---

[1]) Павелъ, по сообщенію датскаго посланника Розенкранца, въ сентябрѣ 1800 г., объясняя перемѣну русской политики въ европейскихъ дѣлахъ, говорилъ ему: „Политика его (Павла) вотъ уже три года остается неизмѣнной и свя-

Навстрѣчу Павлу открыто шелъ Бонапартъ, который сумѣлъ разгадать рыцарскіе порывы Павла и нашелъ способы расположить къ себѣ русскаго Императора. Онъ безъ всякаго выкупа отпускаетъ русскихъ плѣнныхъ въ числѣ 5000 человѣкъ, и напередъ выражалъ свое согласіе на то, чтобы Мальта была возвращена Павлу, какъ магистру ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго.

Павелъ былъ обрадованъ обращеніемъ къ нему Бонапарта, послалъ своего уполномоченнаго въ Парижъ для пріема плѣнныхъ, а затѣмъ и члена иностранной коллегіи Колычева для переговоровъ о заключеніи союза, самъ же собственноручно писалъ (18 декабря 1800 г.) первому консулу, приглашая его „возвратить міру спокойствіе и тишину, въ которой онъ такъ нуждается". Въ другомъ письмѣ (отъ 15 января 1801 г.) Павелъ предупреждалъ консула о враждебныхъ дѣйствіяхъ Англіи и предлагалъ соединиться съ нимъ, будучи увѣренъ, что Англія, оставшись изолированной, приведена будетъ къ раскаянію въ „своемъ деспотизмѣ и высокомѣріи" [1]).

Подготовляя союзъ съ Франціей, Павелъ велъ переговоры, а въ декабрѣ 1800 г. и заключилъ союзъ съ Швеціей противъ Англіи же. Къ этому союзу примкнули Данія и Пруссія, такъ что противъ англійскаго флота въ Балтійскомъ морѣ создалась внушительная эскадра 4-хъ сѣверо-восточныхъ державъ, задача которой была по преимуществу оборонительная. Наступательную же войну Павелъ предполагалъ вести въ союзѣ и при дѣятельной поддержкѣ Франціи. Наполеонъ долженъ былъ сдѣлать диверсію нападеніемъ на берега Англіи, самъ же Павелъ приказомъ 12 января 1801 г.

зана съ справедливостью тамъ, гдѣ Его В-во полагаетъ ее найти. Долгое время онъ былъ того мнѣнія, что справедливость находится на сторонѣ противниковъ Франціи, правительство которой угрожало всѣмъ державамъ. Теперь же въ этой странѣ въ скоромъ времени водворится король, если не по имени, то, по крайней мѣрѣ, по существу, что измѣняетъ положеніе дѣлъ. Онъ бросилъ сторонниковъ этой партіи, которая и есть австрійская, когда обнаружилось, что справедливость не на ея сторонѣ. То же самое онъ испыталъ относительно англичанъ. Онъ склоняется единственно въ сторону справедливости, а не къ тому или другому правительству, къ той или другой націи, а тѣ, которые иначе судятъ о его политикѣ, положительно ошибаются".

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 70, стр. 27 и сл.

объявилъ походъ въ Индію, которая считалась въ то время самымъ цѣннымъ, но наиболѣе уязвимымъ мѣстомъ изъ англійскихъ колоніальныхъ владѣній [1]). Въ разгаръ оживленныхъ дипломатическихъ переговоровъ и военныхъ приготовленій противъ Англіи разыгралась трагедія въ Михайловскомъ замкѣ, жертвою которой сталъ Павелъ, а съ его смертью и съ удаленіемъ отъ дѣлъ его ближайшихъ сподвижниковъ временно измѣнилась и русская политика.

Итакъ, въ короткое царствованіе Павла I Россія отъ нейтралитета перешла къ участію въ коалиціи противъ Франціи, за которымъ послѣдовалъ разрывъ съ союзниками, сближеніе съ Бонапартомъ и война съ Англіей; по существу же во внѣшней политикѣ произошелъ лишь одинъ крутой поворотъ: сначала Россія была вмѣстѣ съ Англіей противъ Франціи, а затѣмъ съ Франціей противъ Англіи.

Историки иногда называютъ внѣшнюю политику Павла „случайной" и „капризной", продиктованной сердцемъ и темпераментомъ Павла, а не разумомъ; однако, такой приговоръ едва ли справедливъ. Если отбросить нѣкоторыя частности и второстепенныя подробности, а разсматривать вопросъ по существу, то окажется, что внѣшняя политика Россіи опредѣлялась не столько личными вкусами и симпатіями Императора, сколько общимъ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ; благодаря этому даже при Александрѣ I, который преднамѣренно хотѣлъ слѣдовать по стопамъ бабки своей Екатерины II, внѣшняя политика шла „зигзагообразно", то противъ Франціи, то съ нею, такъ что въ этомъ случаѣ Александръ I продолжалъ дѣло своего отца.

Хотя коллегія иностранныхъ дѣлъ не принимала прямого и активнаго участія въ разрѣшеніи основныхъ вопросовъ международной политики, тѣмъ не менѣе на ея долю выпала большая и отвѣтственная работа. Вся текущая дипломатическая переписка и оживленныя сношенія съ иностранными

---

[1]) Планъ похода въ Индію изъ мемуаровъ шведскаго посланника Стединга — Рус. Ст., 1876, т. XV, янв., 216; ср. проектъ русско-французской экспедиціи въ Индію—Тамъ же, 1873, VIII, 401—409; письма Павла I къ атаману войска Донского Орлову I—стр. 409—410.

дворами и русскими заграничными миссіями проходила черезъ коллегію.

При энергичной работѣ коллегіи заключенъ былъ цѣлый рядъ мирныхъ трактатовъ или конвенцій: съ Австріей [1]), Пруссіей [2]), Великобританіей [3]), съ Мальтійскимъ орденомъ [4]), съ Португаліей [5]), Турціей [6]), съ курфюрстами Баваро-Пфальцскимъ [7]) и Саксонскимъ [8]), съ Даніей [9]) и Швеціей [10]).

5. Бергъ-коллегія.

Горныя дѣла и монетное производство въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II были разсѣяны по многимъ мѣстамъ и учрежденіямъ: такъ, напр., горныя дѣла вѣдались особыми экспедиціями, устроенными при экспедиціи о государственныхъ доходахъ, при ассигнаціонномъ банкѣ; при казенныхъ палатахъ по губерніямъ существовали свои экспедиціи для горныхъ и таможенныхъ дѣлъ и, наконецъ, нѣкоторые заводы (Колывано-Воскресенскіе, Пермскіе и др.) находились въ завѣдываніи особыхъ директоровъ-управителей. Такая раздробленность управленія была основной причиной того, что бергъ-коллегія, упраздненная въ 1779 году въ числѣ другихъ коллегій, была возстановлена Павломъ въ первый же мѣсяцъ его царствованія.

„Взирая на обширную связь существующаго нынѣ правленія, говорилось въ указѣ 19 ноября 1796 г., усматриваемъ на первый случай крайнюю неудобность въ раздробленіи важныхъ отдѣленій государственной экономіи, каковы

---

[1]) П. С. З. № 17736.

[2]) Тамъ же, № 17736, 19485, 19676.

[3]) № 17796.

[4]) № 17708, 18249.

[5]) П. С. З., № 18779, 19113.

[6]) Тамъ же, № 18797, 19077, 19078, 19336.

[7]) № 19125.

[8]) № 19520.

[9]) См. П. С. З., № 19144. Милютинъ, Исторія войны 1799 г., т. V. стр. 166—167.

[10]) П. С. З., № 19161, 19767.

суть произведенія горныя, мануфактуры и коммерція, на столько частей разныхъ, сколько находится губерній, и въ присоединеніи ихъ къ казеннымъ палатамъ, которыя, безъ того упражнены будучи многими другими дѣлами, не могутъ имѣть толикаго успѣха въ распространеніи оныхъ до желаемаго совершенства, какъ подъ однимъ особеннымъ каждаго изъ сихъ отдѣленій управленіемъ, къ коему стекались (бы) всѣ частныя обстоятельства подъ общее соображеніе оныхъ по всему государству; несравненнно болѣе доставится чрезъ то способности видѣть прямое ихъ состояніе и потому располагать нужныя пособія и поправленія".

Въ виду этого бергъ-коллегія возстановлялась „на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, законахъ и регламентахъ, на которыхъ находилась она до 1775 года", исключая статей, которыя были измѣнены жалованной грамотой дворянству и городовымъ положеніемъ. Такимъ путемъ для коллегіи были возстановлены штаты 1763 г., съ указаніемъ, что если бы потребовалось въ нихъ произвести видоизмѣненія, то такія перемѣны слѣдовало, „сообразивъ съ прямою надобностью и сбереженіемъ казеннымъ", представить на апробацію [1]). Одновременно съ тѣмъ, указомъ 19 ноября 1796 г. президентомъ бергъ-коллегіи былъ назначенъ Андрей Андреевичъ Нартовъ [2]), человѣкъ дѣятельный и энергичный, которому и поручено было организовать коллегію въ должномъ порядкѣ. Не прошло и мѣсяца, какъ бергъ-коллегія открыла свое присутствіе [3]). Указомъ 4 января 1797 г. въ Москвѣ возстановлялась бергъ-контора, которая 16 апрѣля того же года и была открыта [4]). Такъ менѣе, чѣмъ въ полгода, возстановлено было центральное управленіе по горной части.

Какъ и слѣдовало ожидать, бергъ-коллегія, хотя и была возстановлена въ прежнихъ, выработанныхъ предшествующими обстоятельствами, формахъ, однако требовала въ своей кон-

---

[1]) П. С. З., указъ 19 ноября, № 17567.

[2]) Сен. Арх., т. I, 10; упом. въ П. С. З., въ указѣ 22 декабря 1796 г.— № 17676.

[3]) Бергъ-коллегія открыта 14 декабря 1796 г.—П. С. З., № 17678.

[4]) П. С. З., № 17711, 17981.

струкціи нѣкоторыхъ значительныхъ измѣненій. Нартовъ, а затѣмъ Соймоновъ, которымъ поручено было устройство этой коллегіи, въ апрѣлѣ 1797 г. вошли въ сенатъ съ докладомъ о необходимости исправленій и нововведеній въ штатѣ бергъ-коллегіи. Изъ полученныхъ свѣдѣній, писали они, стало извѣстно, что многіе казенные заводы по выработкѣ металловъ пришли въ упадокъ, вслѣдствіе чего возстановленіе ихъ и „приведеніе разстроенныхъ частей въ лучшее устройство съ вящимъ казнѣ прибыткомъ" требовало повышеннаго труда и усиленныхъ заботъ со стороны бергъ-коллегіи. Кромѣ того, въ вѣдомство бергъ-коллегіи вновь поступили мѣдные передѣлы; С.-Петербургскій же монетный департаментъ до послѣдняго времени (т. е. до 1797 г.) не имѣлъ „надлежащаго укомплектованія", а потому Соймоновъ и Нартовъ, стараясь усилить составъ коллегіи, чтобы она могла вполнѣ обслуживать тѣ новыя задачи, которыя на нее возложены, выработали новый штатъ для бергъ-коллегіи и представили его сенату.

Въ этомъ проектѣ составители, сравнительно съ прежнимъ штатомъ 1763 г., нѣкоторыя части убавляли, напр., упраздняли совсѣмъ лабораторію, уменьшали составъ Московскаго монетнаго двора, что составляло экономіи на 6.830 руб., но зато появились и нѣкоторыя прибавки: увеличенъ составъ чиновъ въ коллегіи и въ С.-Петербургскомъ монетномъ департаментѣ, да и къ содержанію присутствующихъ коллегіи и канцелярскихъ служащихъ была положена „прибавка", въ виду возвышенія цѣнъ на жизненные припасы; все это образовало сумму, за вычетомъ предыдущей, въ 6962 руб. 15 коп., такъ что въ общемъ требовалась вновь незначительная прибавка. Разумѣется, въ сенатѣ проектъ не вызвалъ никакихъ возраженій, а 28 апрѣля 1797 г. онъ удостоился и Высочайшей конфирмаціи [1]).

По новому штату бергъ-коллегія въ С.-Петербургѣ съ принадлежащими къ ней мѣстами состояла изъ 77 человѣкъ

[1]) П. С. З., № 17934. Въ Спб. монетномъ департаментѣ собственно штатъ не увеличился, даже уменьшился, но увеличился наличный составъ служащихъ сравнительно съ фактическимъ положеніемъ.

(вмѣсто 69 по штату 1763 г.), монетный департаментъ въ С.-Петербургѣ же — изъ 98 (вмѣсто 120 чел. по прежнему штату), московская контора съ чертежной изъ 35 (вмѣсто 29) и московскій монетный департаментъ изъ 28 (вмѣсто 91 по штату 1763 г.), а всего изъ 238 человѣкъ (вмѣсто 309 по прежнему штату); значитъ новый штатъ для бергъ-коллегіи со всѣми принадлежащими къ ней мѣстами требовалъ меньшаго числа чиновъ сравнительно со старымъ штатомъ, съ тою только разницею, что присутствіе и канцелярія коллегіи и конторы нѣсколько увеличивались, а чины монетныхъ департаментовъ значительно были уменьшены [1]).

Послѣ конфирмаціи штата 1797 г. въ положеніи бергъ-коллегіи за Павловское время какихъ-либо значительныхъ измѣненій не происходило. Можно развѣ для полноты обзора указать на распоряженіе 9 августа 1800 г., которымъ велѣно было, согласно съ докладомъ Соймонова, содержать при монетномъ дворѣ 60 человѣкъ служителей для внутренняго караула [2]). По Высочайше утвержденному (19 мая 1800 г.) мнѣнію совѣта Е. И. В. рѣшено было при бергъ-коллегіи открыть счетную экспедицію [3]) вмѣсто экспедиціи, занимавшейся разборомъ и рѣшеніемъ старыхъ дѣлъ со времени указа объ ея учрежденіи (17 декабря 1796 г.).

Надъ бергъ-коллегіей, кромѣ президента, поставленъ былъ еще въ роли главнаго директора д. т. с. Михаилъ Ѳедоровичъ Соймоновъ. Въ указѣ 16 декабря 1796 г., данномъ

---

[1]) Сравнительная таблица числа чиновъ по новому и старому штатамъ:

	1763 г.	1797 г.	
Бергъ-коллегія (въ С.-Петербургѣ)	69	77	(64—въ коллегіи; 9—въ чертежной, 4—при магазинѣ).
Монетный департаментъ (въ С.-Петербургѣ)	120	98	(46 + 52)
Московская бергъ-контора . . .	29	35	(27—въ конторѣ; 8 — при чертежной)
Монетный департаментъ (въ Москвѣ)	91	28	(21 + 7)
Итого . . .	309	238 человѣкъ.	

См. П. С. З., кн. штатовъ, т. XLIV, ч. II, стр. 63—64, 71 (для штата 1763 г.) и 378—381 (для штата 1797 г.).

[2]) П. С. З., № 19507.

[3]) Архивъ государ. совѣта, II, 397.

по случаю его назначенія, говорилось, чтобы онъ „имѣлъ наблюденіе и дирекцію надъ бергъ-коллегіей по части горныхъ заводовъ и промысловъ, также и по части монетной касательно проплавки и раздѣленія металловъ“ [1]). Благодаря этому указу Соймонову принадлежало общее руководство всѣми дѣлами, которыя входили въ составъ вѣдомства бергъ-коллегіи. Сверхъ того ему, какъ главному директору, были поручаемы нѣкоторыя учрежденія и дѣла, которыя находились въ его личномъ завѣдываніи. Такъ рудоискательныя партіи, монетный департаментъ со всѣми зависящими отъ него частями и горное училище были переданы въ „особенное распоряженіе“ главнаго директора горныхъ и монетныхъ дѣлъ Соймонова [2]).

На этомъ основаніи Соймоновъ, напр., принималъ мѣры къ устройству рудоискательныхъ партій, наблюдалъ за расходованіемъ суммы, ассигнованной въ количествѣ 30 тысячъ руб. „на пріисканіе рудъ“ [3]). Въ 1797 году онъ, по Высочайшему повелѣнію, разсматривалъ „всѣ обстоятельства“ вновь строющагося Донецкаго литейнаго казеннаго завода и представилъ о немъ Государю докладъ, который и былъ Высочайше конфирмованъ (25 февраля), при чемъ въ резолюціи Павла указано было, чтобы отчеты по этому заводу (Луганскому) были представлены къ Соймонову, очевидно, какъ къ главному директору [4]). Въ томъ же году указомъ 22 сентября Соймонову предписано было „имѣть наблюденіе“ надъ производствомъ работъ по отысканію и разработкѣ земляного (каменнаго) угля въ Боровицкомъ уѣздѣ, „руководствуя Львова (начальника надъ этими работами) въ нужныхъ случаяхъ на-

---

[1]) Сен. Арх., т. I, 37. „Директоръ горныхъ и монетныхъ дѣлъ“ М. Ѳ. Соймоновъ упом. въ П. С. З., въ указѣ 2-го іюня 1797 г.—№ 17981; ср. № 17711, 17832 и 17934.

[2]) П. С. З., № 17567 (горное училище), № 19710, 19711.

[3]) П. С. З., указъ 25 марта 1799 г.—№ 18903. Ср. извѣстіе о томъ, что Соймоновъ въ 1798 г. обратился въ сенатъ по поводу рапорта д. с. с. Ярцова о найденныхъ двухъ золотыхъ пріискахъ, послѣ чего сенатъ издалъ указъ (27 августа), „о награжденіи мастеровыхъ при самомъ предъявленіи ими пріисковъ рудъ, какого бы свойства металлъ ни былъ“—№ 18642.

[4]) П. С. З., № 17832; ср. 19711. Опись документовъ и дѣлъ Сен. Архива, отд. III, т. II, № 1665 и 1671.

ставленіями и подавая всевозможную помощь къ успѣху сего полезнаго дѣла“ [1]).

Онъ же наблюдалъ за передѣломъ монеты, пріемомъ золотой и серебряной россійской монеты прежней чеканки отъ частныхъ лицъ и обмѣномъ ея на новую, слѣдилъ за изготовленіемъ на монетномъ дворѣ золотыхъ медалей, пожалованныхъ Государемъ разнымъ лицамъ, и разсматривалъ проекты объ устройствѣ и улучшеніи фабрикъ и заводовъ горной промышленности [2]).

Эти особенныя полномочія главнаго директора Соймонова, который руководилъ и дѣятельностью бергъ-коллегіи, какъ-бы выходили изъ предѣловъ вѣдомства послѣдней, составляли нѣкоторый новый кругъ дѣлъ, не совпадавшій съ кругомъ дѣлъ бергъ-коллегіи. Естественно поэтому, когда М. Ѳ. Соймоновъ 1 января 1801 г. по прошенію былъ уволенъ отъ службы, то потребовались Высочайшіе указы, которыми учрежденія и дѣла, находившіяся въ вѣдомствѣ Соймонова, какъ главнаго директора, были переданы „въ особенное распоряженіе“ и „полное вѣдомство“ президента бергъ-коллегіи Александра Васильевича Алябьева [3]), который такимъ путемъ соединилъ права и полномочія и президента и главнаго директора.

Компетенція бергъ - коллегіи по возстановленіи осталась прежней: ей поручено было вѣдать всѣми горными и монет-

---

[1]) П. С. З., № 18148; ср. указъ 24 августа 1798 г. Соймонову о мѣрахъ помощи Львову въ горномъ дѣлѣ—№ 18639. Обсужденіе дѣла о разработкѣ Боровичскаго каменнаго угля въ совѣтѣ Е. И. В. въ 1797—1798 гг. и свѣдѣнія о мѣстахъ нахожденія угля, найденныхъ Львовымъ—см. въ Архивѣ госуд. сов., т. II, стр. 329—346, 349—360.

[2]) П. С. З., № 18324. Объ отношеніи Соймонова къ дѣятельности монетнаго двора говоритъ указъ 31 января 1799 г. о нетребованіи воинскихъ командъ для препровожденія отправляемыхъ денежныхъ суммъ—№ 18833. Опись документовъ и дѣлъ Сен. Арх., отд. III, т. I, № 266, 742, 844; т. II, № 1001, 1243, 1327, 1790 и др.

[3]) А. В. Алябьевъ былъ назначенъ „отправлять должность“ президента бергъ-коллегіи 20 ноября 1798 г. послѣ отставки А. А. Нартова, уволеннаго 25 октября 1798 г. „за неспокойные поступки по командѣ и уваженіе ябедъ кол. асс. Лемана“ (Сен. Арх., I, 463, 453). Когда же Соймоновъ былъ уволенъ отъ должности главнаго директора, то одновременно съ тѣмъ указами 1 января (Сен. Арх., I, 700; въ П. С. З.—3 января—№ 19710) и 4-го (по П. С. З., № 19711) его обязанности по завѣдыванію рудоискательными партіями, С.-Петербургскимъ корпусомъ и монетнымъ департаментомъ были переданы А. В. Алябьеву.

ными дѣлами [1]) на томъ основаніи, какъ это было до закрытія ея въ 1779 году; даже указомъ 3 іюля 1797 г. возстановленъ былъ порядокъ, по которому бергъ-коллегія всѣхъ горныхъ оберъ-офицеровъ, признаваемыхъ ею достойными къ повышенію, сама производила въ чины до штабъ-офицерскаго званія [2]).

Въ виду упадка горнаго дѣла въ Екатерининское время, бергъ-коллегія, согласно Высочайшимъ указаніямъ, цѣль своей дѣятельности видѣла въ томъ, чтобы „привести въ возможное совершенство горныя производства, какъ одну изъ главнѣйшихъ отраслей внутренняго благосостоянія и внѣшней коммерціи“ [3]). Ради этого бергъ-коллегія заботится прежде всего о томъ, чтобы прежніе казенные заводы приведены были въ лучшее состояніе.

Можно указать на нѣкоторыя частныя мѣры, которыми бергъ-коллегія пыталась поправить положеніе казенныхъ заводовъ. Такъ она, въ интересахъ горнаго дѣла, особымъ рапортомъ испрашивала отъ сената предписанія о томъ, чтобы изъ числа преступниковъ присылались на Нерчинскіе заводы только такіе, кто не увѣченъ, не престарѣлъ, не свыше 45 лѣтъ и способенъ исправлять заводскія работы. Сенатъ указомъ 10 іюля 1797 г. [4]) подтвердилъ прежнее узаконеніе 1 февраля 1788 года. Въ интересахъ правильнаго укомплектованія заводовъ людьми и снабженія послѣднихъ необходимымъ содержаніемъ, въ 1799 г. бергъ-коллегіей выработаны правила довольствованія провіантомъ и прочимъ екатеринбургскихъ мастеровыхъ, находившихся при горныхъ заводахъ [5]). Бергъ - коллегія принимала мѣры къ продажѣ остающагося по казеннымъ заводамъ желѣза и сбывала его всѣмъ желающимъ, согласно указу 10 февраля того же года, на 10 коп.

---

[1]) Въ 1797 г. бергъ-коллегіи было предписано сенатомъ разсмотрѣть, есть ли надобность въ Аннинскомъ монетномъ дворѣ, существовавшемъ съ 1788 г. при р. Бабкѣ. Бергъ-коллегія пришла къ выводу-упразднить этотъ монетный дворъ, что и было оформлено Высочайше утвержденнымъ докладомъ сената 5 января 1798 г. (П. С. З., № 18307).

[2]) П. С. З., № 18028.

[3]) Тамъ же, № 19641 (указъ 9 ноября 1800 г.).

[4]) П. С. З., № 18038.

[5]) Тамъ же, указъ 14 мая 1799 г., № 18965.

съ рубля ниже вольныхъ цѣнъ [1]), чѣмъ, разумѣется, пыталась увеличить прибыль казенныхъ заводовъ.

Въ 1797 году бергъ-коллегія испрашивала новое ассигнованіе въ 523 тысячи рублей съ лишнимъ на расширеніе производства по выдѣлкѣ металловъ на казенныхъ Пермскихъ и Вятскихъ заводахъ да на заготовленіе хлѣба для приписныхъ къ заводамъ крестьянъ свыше 132 тысячъ рублей. Совѣтъ Е. И. В., на обсужденіе котораго былъ переданъ этотъ проектъ, зная о „Высочайшей волѣ, чтобы выдѣлка металловъ была, сколько возможно, умножаема“, такое ассигнованіе испрашиваемыхъ бергъ-коллегіей суммъ „признавалъ нужнымъ“ [2]).

Но предпринимались и болѣе общія и широкія мѣры къ улучшенію положенія казенныхъ горныхъ заводовъ. Въ этомъ отношеніи важенъ манифестъ 9 ноября 1800 г., основы котораго выработаны бергъ-коллегіею и представлены Государю Соймоновымъ. Онъ упорядочивалъ заводскія работы приписныхъ крестьянъ, изъ числа которыхъ нѣкоторые превращались, по выбору самихъ крестьянъ, въ „непремѣнныхъ мастеровыхъ“, остальные же освобождались отъ заводскихъ работъ навсегда, вносилъ большій порядокъ въ горно-заводскую промышленность и устанавливалъ правило, по которому ежегодно должны были отправляться на мѣста два члена бергъ-коллегіи „для осмотра и поправленія заводовъ“ [3]).

По отношенію къ частнымъ заводамъ бергъ-коллегія имѣла общее надъ ними наблюденіе, которое нѣкоторыми новыми распоряженіями было усугублено. Такъ указомъ 3 октября 1797 г. частнымъ владѣльцамъ мѣдныхъ заводовъ были даны,

---

[1]) См. указъ 10 февраля 1799 г.—№ 18852.

[2]) Затѣмъ вопросъ о выдачѣ бергъ-коллегіи требуемыхъ суммъ „для соображеній“ по Высочайшему повелѣнію былъ переданъ на разсмотрѣніе канцлера, генералъ-прокурора и государственнаго казначея; дана ли была сумма или нѣтъ, точныхъ свѣдѣній не имѣется (Архивъ государ. совѣта, т. II, П., 1888 г., стр. 347—350).

[3]) П. С. З., № 19641. Ср. „мнѣніе д. т. с. Соймонова о преобразованіи горныхъ заводовъ“, поданное въ совѣтъ Е. И. В. 10-го марта 1800 г. (Архивъ государ. совѣта, т. II, стр. 365—372). См. протоколы совѣта Е. И. В. 5 и 9 ноября 1800 г. „о снабженіи Луганскаго литейнаго завода постоянными мастеровыми“ (Тамъ же, стр. 415—418). Переписка (1798—1799 гг.) о доходахъ и положеніи казенныхъ горныхъ заводовъ, находившихся подъ вѣдѣніемъ бергъ-коллегіи—въ Описи докум. и дѣлъ, отд. III, т. II, № 1670.

ради поощренія ихъ дѣятельности, новыя льготы: а) уменьшены сборы съ заводовъ, б) увеличена была плата за половинную часть выплавляемой мѣди, доставляемую заводчиками въ казну, съ 5 руб. 50 коп. до 7 руб. за пудъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ указъ предписывалъ бергъ-коллегіи имѣть „прилежное наблюденіе“ за всѣми партикулярными мѣдными заводами, съ тою цѣлью, чтобы льготы предоставляемы были лишь „добрымъ и рачительнымъ хозяевамъ“, которые приводятъ заводы „въ наилучшее устройство для собственной ихъ и общей прибыли“ [1]).

Указомъ 16-го марта 1798 г. заводчикамъ и фабрикантамъ изъ купеческаго званія дано было право покупать крестьянъ съ землей и безъ земли къ своимъ фабрикамъ и заводамъ, при чемъ на бергъ-коллегію возложены были слѣдующія обязанности: а) она должна была „крайне наблюдать“, чтобы „купленныя деревни всегда были при заводскихъ фабрикахъ неотложно“, и крестьяне не могли быть проданы или переведены семьями или по одиночкѣ куда бы то ни было; а въ случаѣ упраздненія такихъ фабрикъ — крестьянъ отбирать въ казну; б) бергъ-коллегія обязана „строго“ смотрѣть, чтобы число крестьянъ сообразовалось съ нуждами фабрики или завода, и крестьяне ни къ какимъ другимъ работамъ, кромѣ фабричнаго или заводскаго дѣла, имъ опредѣленнаго, обращаемы не были [2]).

Въ виду такого привиллегированнаго положенія заводчиковъ, прибыль, получаемая ими отъ предпріятій, значительно возросла, такъ что капиталъ, употребляемый ими на производство, по свѣдѣніямъ главнаго директора бергъ-коллегіи Соймонова, сталъ приносить „отъ 70 до 100 и болѣе процентовъ“ прибыли. При такомъ положеніи Соймоновъ считалъ справедливымъ повысить сборы съ владѣльцевъ чугунно-плавильныхъ заводовъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы тѣ, кто имѣлъ пособіе отъ казны, платили, сверхъ прежней подати, еще по

---

[1]) П. С. З., № 18179.

[2]) П. С. З., № 18442. Объ участіи и содѣйствіи бергъ-коллегіи при покупкѣ именитымъ гражданиномъ Губинымъ 824 душъ крестьянъ въ Нижегородской губ. для переселенія ихъ на Пермскіе желѣзные заводы см. Опись докум. и дѣлъ, отд. III, т. II, № 1829.

4 коп. съ пуда выплавляемаго чугуна, а всего съ прежнимъ по 12 коп.; а тѣ, которые пособія не получали, платили бы по 2 коп., всего по 8 коп. съ пуда. Это предложеніе было Высочайше конфирмовано 27 октября 1799 года, и новый сборъ, часть котораго шла на содержаніе бергъ-коллегіи, сталъ взиматься, какъ и прежній, подъ надзоромъ и руководствомъ бергъ-коллегіи [1]).

Однако, бергъ-коллегія, кромѣ чисто хозяйственнаго и финансоваго наблюденія надъ частными заводами, имѣла еще одну важную сторону, на которой сказывался ея контроль надъ дѣятельностью частной горной промышленности. Ей вмѣнено было въ обязанность—„разбирать всѣ распри, между заказчиками, мастеровыми и приписными крестьянами происходящія“ [2]). Это была такая позиція, которая давала возможность бергъ-коллегіи входить во внутренній распорядокъ заводскихъ работъ и, при безпристрастномъ и справедливомъ отношеніи къ дѣлу, ограждать рабочій людъ отъ эксплоатаціи со стороны фабрикантовъ и заводчиковъ, а также никакимъ образомъ не упускать изъ виду чисто-государственныхъ интересовъ и прибылей.

По одному частному поводу въ 1800 г. поднялся принципіальный вопросъ о преимуществахъ и выгодахъ казенной или частной эксплоатаціи горныхъ богатствъ. Выразителемъ мнѣнія бергъ-коллегіи былъ ея главный директоръ Соймоновъ, который свое „мнѣніе“ подкрѣплялъ высокими принципіальными соображеніями.

„Издревле металлическія производства, писалъ онъ, по важности и обширности вліянія своего на благосостояніе государствъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, причтены къ первѣйшимъ изъ ихъ подпоръ, и по сей-то причинѣ всѣ владѣтели металлы обратили въ свою собственность, дабы тѣмъ удобнѣе, для пользы своихъ подданныхъ, содѣлать сіи заведенія вѣчными; слѣдовательно, по справедливости металлы не должны составлять собственности какого-либо частнаго лица, но единственно государей“. Однако, государи горныя про-

---

[1]) П. С. З., № 19164. Ср. Опись, отд. III, т. II, № 1576.
[2]) П. С. З., № 19164 (окт. 27-го 1799 г.).

изводства содержать или сами отъ себя или „на извѣстныхъ правахъ отдаютъ въ управленіе частнымъ людямъ“. И въ Россіи горное производство „двоякое“: казенное и частное. Какое изъ нихъ лучше? На этотъ вопросъ Соймоновъ не отвѣчаетъ прямо. Онъ говоритъ, что и то и другое имѣетъ свои удобства и недостатки, но изъ дальнѣйшаго изложенія все же ясно, какому производству онъ готовъ отдать предпочтеніе.

По мнѣнію Соймонова, при казенной эксплоатаціи горныхъ регалій основными недостатками являются „чрезмѣрная стѣсненность поставленнаго начальства, обширность и запутанность приказнаго порядка“. Ради устраненія этого, онъ предлагалъ: 1) упростить существующія четыре инстанціи по горнымъ дѣламъ и ввести лишь двѣ, въ видѣ бергъ-коллегіи и подчиненныхъ ей пяти горныхъ начальствъ [1]); 2) упорядочить заводскія работы приписныхъ крестьянъ путемъ опредѣленія къ заводамъ „непремѣнныхъ“ мастеровыхъ и работниковъ. Эти мѣры дадутъ заводамъ возможность „доставлять болѣе дохода казнѣ и находиться всегда въ самомъ избыточнѣйшемъ во всѣхъ частяхъ состояніи“.

Что касается частныхъ заводчиковъ, то на нихъ пагубно отражается „неограниченное довѣріе“, которымъ они пользуются. Частныя лица, которымъ „Высочайшая милость и счастье доставили въ руки сію отрасль государственнаго благосостоянія“, вмѣсто того, чтобы „привести заводы въ истинноцвѣтущее и прочное положеніе, расхищаютъ беззаботно въ свой вѣкъ сокровища, природою данныя для благоденствія не только современниковъ, но и потомства ихъ“; „жаждя единственно несмѣтныхъ прибытковъ“, обольщая „великими, но, такъ сказать, минутными доходами, доставляемыми казнѣ отъ ихъ чрезмѣру усиленныхъ производствъ“, и „руководимы будучи однимъ корыстолюбіемъ, ощутительно приближаютъ государство съ сей стороны“ къ опасной зависимости отъ иностранцевъ.

Ради своихъ цѣлей, „отъ невѣдѣнія или отъ жадности“, большая часть заводчиковъ „напрягаютъ всѣ свои силы къ

[1]) Въ тотъ моментъ существовали: 1) заводскія и горныя конторы; 2) начальства; 3) канцелярія главныхъ заводовъ правленія, и 4) бергъ-коллегія.

возможной великой выплавкѣ и выковкѣ металловъ“; „вопреки хозяйственнымъ правиламъ горнаго искусства, спѣшатъ добывать одни лучшія и, сколь можно, поверхностныя руды, во избѣжаніе, по ихъ неосновательнымъ расчетамъ, излишнихъ расходовъ, хотя впослѣдствіи иногда и сами, а болѣе еще потомки весьма дорого платятъ за ихъ непредусмотрительность“. Въ такихъ суровыхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ клеймилъ Соймоновъ хищническую эксплоатацію горныхъ рудниковъ, къ которой прибѣгали частные предприниматели.

Въ виду скораго истощенія разрабатываемыхъ рудниковъ и возможнаго истребленія лѣсовъ, „въ отвращеніе сего зла, жадности корыстолюбивыхъ, для наставленія невѣдущихъ“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для прочной прибыли государства, Соймоновъ предлагалъ принять мѣры къ ограниченію частнозаводской дѣятельности и строго сообразовать разработку рудъ съ тѣмъ количествомъ лѣса, которое отведено для того или другого рудника; въ цѣляхъ контроля и руководства частной горной промышленности, онъ указывалъ на необходимость учрежденія въ Екатеринбургѣ особаго горнаго начальства, на обязанности котораго лежало бы: а) наблюденіе за лѣсами, б) „попеченіе о правильномъ производствѣ горныхъ и заводскихъ работъ“.

Внѣ всякаго сомнѣнія то, что Соймоновъ по принципіальнымъ соображеніямъ и по нѣкоторымъ фактическимъ даннымъ отстаивалъ казенную эксплоатацію горныхъ богатствъ, какъ болѣе цѣлесообразную и болѣе выгодную, если разсматривать вопросъ широко.

Совсѣмъ противоположнаго мнѣнія былъ президентъ коммерцъ-коллегіи кн. Г. П. Гагаринъ. Въ своей запискѣ о горныхъ заводахъ (отъ 10 марта 1800 г.) онъ выходилъ изъ данныхъ житейской практики. „Каждодневные опыты, писалъ онъ, намъ доказываютъ, что рудокопные заводы, подъ управленіемъ казеннымъ находящіеся, гораздо менѣе прибыли приносятъ противъ тѣхъ, которые въ управленіи частныхъ лицъ находятся“. „Сіе обстоятельство подтверждается наипаче примѣромъ купленныхъ въ казну заводовъ Походяшина и другихъ, которые несравненно болѣе приносили прибыли, когда

были въ рукахъ прежнихъ своихъ хозяевъ, нежели приносятъ нынѣ, такъ что едва корона получаетъ ли проценты съ той суммы, за каковую они куплены“. Указавъ затѣмъ на „неудобности“ казеннаго содержанія заводовъ (дальность разстоянія заводовъ отъ мѣста главнаго управленія, отсутствіе болѣе удобнаго вольно-наемнаго труда, затруднительныя формальности при продажѣ казеннаго желѣза и проч.), благодаря которымъ „казна болѣе теряетъ, нежели выигрываетъ, имѣя въ своемъ управленіи рудокопные заводы“, кн. Гагаринъ считалъ „полезнымъ“—передать всѣ заводы, за исключеніемъ золотыхъ и серебряныхъ, частнымъ лицамъ „въ вѣчный и наслѣдственный откупъ“, оставивъ за бергъ-коллегіей лишь общее наблюденіе за горнымъ производствомъ, которое она осуществляла бы при помощи чиновника, жительствующаго на самомъ заводѣ; при этомъ такому чиновнику слѣдовало внушить, чтобы онъ въ своихъ рапортахъ о состояніи завода „остерегался всемѣрно отъ всякихъ притѣсненій и пустыхъ привязокъ къ заводчику“.

„Такимъ образомъ, казна, по словамъ кн. Гагарина, будетъ имѣть доходъ несравненно болѣе и вѣрнѣе нынѣшняго, а разработка металловъ, сдѣлавшись обширнѣе и богатѣе, не токмо болѣе прибыли приносить будетъ заводчику, но въ соразмѣрность того и казна посредствомъ десятины и половины годъ отъ году получать будетъ болѣе“.

Таковы были два совершенно различныхъ взгляда на условія эксплоатаціи горныхъ рудниковъ. Въ связи съ этимъ для всесторонняго освѣщенія вопроса о заводахъ Лугинина и Походяшиныхъ Павелъ приказалъ образовать комитетъ изъ М. Соймонова, кн. Г. Гагарина, П. Обольянинова, Г. Качки и А. Дерябина.

Комитетъ, выслушавъ общія разсужденія Соймонова и Гагарина, вопросъ поставилъ на узко-практическую точку зрѣнія. Онъ постановилъ „сдѣлать сравненіе, отъ частнаго ли или отъ казеннаго управленія заводами (Лугинина и Походяшиныхъ) больше быть можетъ государству прибыли“. Когда же такой „сравнительный расчетъ“ былъ изготовленъ и по нему оказывалось, что доходъ казны отъ частнаго содержанія

заводовъ значительно выше того, что можно получить при казенномъ ихъ содержаніи, то комитетъ постановилъ отдать эти заводы „въ наслѣдственный откупъ“, для чего и сочинить кондиціи, на основаніи которыхъ слѣдовало бы передать заводы частнымъ лицамъ. Въ этомъ смыслѣ и поднесенъ былъ Государю отъ комитета докладъ (12 апрѣля 1800 г.).

Собственно говоря, комитетъ уклонился отъ принципіальной постановки вопроса о горныхъ заводахъ, какъ то было указано въ запискѣ Соймонова, а ограничился частичнымъ рѣшеніемъ его примѣнительно къ двумъ заводамъ и склонился по чисто практическимъ соображеніямъ къ тому, что предлагалъ кн. Гагаринъ. Однако, этимъ вопросъ рѣшенъ не былъ. Онъ былъ снова поднятъ на принципіальную высоту Павломъ, который 24 апрѣля 1800 г. собственноручно предписалъ совѣту (Е. И. В-ва)—предложеніе кн. Гагарина „разсмотрѣть въ общемъ государственномъ видѣ и положеніи, а не только въ партикулярномъ сихъ двухъ заводовъ“.

Уже на слѣдующій день состоялось засѣданіе совѣта, на которомъ были заслушаны мнѣнія кн. Гагарина и Соймонова и бумаги комитета. Совѣтъ, не приступая къ рѣшенію вопроса въ виду болѣзни Соймонова, потребовалъ отъ президента бергъ-коллегіи Алябьева, чтобы онъ представилъ совѣту „для точнѣйшаго и лучшаго по соображенію всѣхъ обстоятельствъ положенія“—„свѣдѣніе о казенныхъ заводахъ вообще, съ показаніемъ, сколько въ каждомъ добывается металла, какія снабженія доставляются флоту, артиллеріи и въ другія казенныя мѣста и какую казна получаетъ прибыль“.

Когда всѣ необходимыя свѣдѣнія были собраны бергъ-коллегіей и представлены въ совѣтъ, то на засѣданіи совѣта 10 мая, въ присутствіи Алябьева, вопросъ о рудокопныхъ заводахъ снова подвергся обсужденію. Въ принципѣ совѣтъ, видимо, склонился на сторону Соймонова и вполнѣ одобрилъ тѣ мѣры, которыя тотъ предлагалъ къ упорядоченію казенной эксплоатаціи горныхъ рудъ; именно были признаны „весьма приличными и удобными“ такія средства: а) нѣкоторое преобразованіе бергъ-коллегіи и устройство трехъ горныхъ начальствъ для управленія казенными заводами; б) „наполненіе

заводовъ" постоянными мастеровыми и работниками изъ числа приписныхъ крестьянъ; в) учрежденіе особаго въ Екатеринбургѣ горнаго начальства для надзора надъ тѣмъ, чтобы „партикулярные владѣльцы заводовъ не употребляли во зло права своего на оные однимъ, корыстолюбію ихъ удовлетворяющимъ, насильственнымъ истощеніемъ рудниковъ".

Но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ сдѣлалъ уступку въ пользу мнѣнія кн. Гагарина. Удостовѣрившись въ томъ, что заводы Походяшинскіе и Лугининскіе въ настоящее время приносятъ мало доходу, и полагая, что выработанными условіями „ограждены они отъ могущаго быть въ разработкѣ злоупотребленія", совѣтъ рѣшилъ отдать ихъ „въ вѣчный и наслѣдственный откупъ" частнымъ лицамъ, въ твердой увѣренности въ томъ, что такая передача заводовъ въ частную эксплоатацію „послужитъ конечно къ выгодѣ казенной". Но таково постановленіе совѣта лишь относительно этихъ двухъ заводовъ; „прочіе же казенные мѣдные и желѣзные заводы, обязанные постановкою разныхъ вещей флоту, артиллеріи и въ другія казенныя мѣста, яко приносящіе чрезъ то казнѣ немалую прибыль, нужно, по заключенію совѣта, оставить въ управленіи казенномъ". Постановленіе совѣта 19 мая 1800 г. получило Высочайшее утвержденіе.

Такое рѣшеніе вопроса о горныхъ заводахъ представляетъ собой въ извѣстномъ смыслѣ компромиссъ между мнѣніемъ Соймонова и предложеніемъ Гагарина. Согласно съ мнѣніемъ перваго за горными заводами признано государственное значеніе и рѣшено оставить ихъ въ казенномъ содержаніи, произведя лишь частичныя преобразованія въ управленіи заводами и въ способѣ обезпеченія ихъ рабочей силой; такимъ путемъ общая мысль кн. Гагарина о передачѣ заводовъ изъ казеннаго въ частное содержаніе была отвергнута. Но этотъ принципъ не проведенъ былъ до конца, сдѣлана была частичная уступка въ пользу предложенія Гагарина, и, вопреки общему положенію, развитому въ мнѣніи Соймонова, рѣшено, по чисто практическимъ удобствамъ, два казенныхъ горныхъ промысла, бывшіе заводы Лугинина и Походяшиныхъ передать въ частную эксплоатацію. Несмотря на такую частичную уступку

при борьбѣ двухъ противоположныхъ мнѣній, побѣду слѣдуетъ признать за тѣмъ взглядомъ, который развивали два представителя бергъ-коллегіи—Соймоновъ и Алябьевъ [1]).

Послѣ такого принципіальнаго рѣшенія на обязанность бергъ-коллегіи выпало два главныхъ дѣла: а) по отношенію къ казеннымъ заводамъ—осуществить тѣ мѣры, которыя проектированы были Соймоновымъ, „учинить всѣ нужныя смѣты" и „составить слѣдующіе къ Высочайшему утвержденію штаты и указы", какъ говорилось въ протоколѣ совѣта Е. И. В. (10 мая 1800 г.); б) по отношенію къ частнымъ заводамъ—установить правильный надзоръ за всѣми заводами и продать два указанныхъ выше завода частнымъ лицамъ на выгодныхъ для казны условіяхъ.

Въ этомъ направленіи и шла въ дальнѣйшемъ работа бергъ-коллегіи. Въ частности Лугининскіе заводы, за исключеніемъ мѣдиплавильнаго Міяжскаго, были отданы въ вѣчное содержаніе московскому купцу Кнауфу, съ которымъ бергъ-коллегія, согласно указу 30 сентября 1800 г., должна была заключить выработанныя условія [2]).

Кромѣ заботъ объ улучшеніи казенныхъ и частныхъ заводовъ, бергъ-коллегія должна была принимать мѣры къ отысканію новыхъ „сокровищъ, заключающихся въ земныхъ недрахъ". Эта обязанность возложена была на коллегію еще Петровской бергъ-привилегіей 1719 года и регламентомъ 1739 года. Въ Павловское же время вопросъ объ отысканіи новыхъ рудъ былъ поставленъ на болѣе вѣрную и болѣе практичную почву, чѣмъ простое воззваніе къ доброй волѣ и усердію частныхъ промышленниковъ.

Въ январѣ 1797 года, очевидно, по Высочайшему повелѣнію, въ совѣтѣ Е. И. В. происходило обсужденіе того, какія

---

[1]) „Предположенія о сдачѣ казенныхъ заводовъ частнымъ лицамъ на откупъ" и свѣдѣнія по вопросу о горныхъ заводахъ—см. Архивъ государ. совѣта, т. II стр. 359—420.

[2]) П. С. З., № 19583. См. протоколъ совѣта Е. И. В. 15 сент. 1800 г. о томъ же—Архивъ государ. совѣта, т. II, 401—414.

Кромѣ купца Кнауфа еще майоръ П. Хрущовъ и майоръ же А. Ахматовъ выступили съ предложеніемъ объ отдачѣ имъ Лугининскихъ заводовъ въ арендное содержаніе—Опись докум. и дѣлъ, отд. III, т. II, № 1711; ср. № 1781.

мѣры принять „къ умноженію прісковъ разныхъ рудъ, особливо мѣдной“, и тогда же было постановлено „препоручить бергъ-коллегіи, чтобъ, не касаясь собственности частныхъ людей, старалась она всѣми возможными способами... ободрять тѣхъ людей, кои въ оныхъ пріискахъ по казеннымъ землямъ имѣть будутъ успѣхъ“. А затѣмъ, по Высочайшему же повелѣнію, поручено было д. т. с. Соймонову, государственному казначею и президенту коммерцъ-коллегіи обсудить этотъ вопросъ. Вскорѣ же М. Соймоновъ, Васильевъ и П. Соймоновъ представили въ совѣтъ общее ихъ „мнѣніе о распространеніи рудныхъ пріисковъ“.

Въ этомъ мнѣніи, помимо разныхъ предложеній, указывалось на необходимость немедленно снарядить на казенный счетъ нѣсколько партій горныхъ офицеровъ „съ приличнымъ числомъ надобныхъ служителей“ и послать на изысканія въ горные хребты: Уральскій, Алтайскій, Даурскій и другіе, дабы они могли отыскать и изслѣдовать мѣста нахожденія благородныхъ металловъ и мѣди и указать надежные способы къ извлеченію рудъ и къ устройству „плавиленныхъ“ заводовъ; а для этой цѣли на первый разъ ассигновать изъ государственнаго казначейства до 30 тысячъ рублей.

Это предложеніе Павломъ было одобрено вполнѣ (23 февр. 1797 г.), и онъ приказалъ его „исполнить и съ сего начать, оставя предшедшее“. На этомъ основаніи Соймоновъ, при дѣятельномъ участіи бергъ-коллегіи, организовалъ четыре партіи: Верхотурскую, Екатеринбургскую, Оренбургскую и Пермскую, изъ которыхъ три должны были работать на восточной сторонѣ Урала, а одна на западной, снабдилъ ихъ инструментами, подводами и рабочими и отправилъ къ мѣсту назначенія [1]).

Благодаря такимъ изысканіямъ открыты были новые рудники, которые тогда же и стали эксплоатироваться. Въ Оренбургской, напр., партіи оберъ-гиттенъ-фервальтеромъ Мечниковымъ были найдены три золотыхъ и одинъ мѣдный пріискъ.

---

[1]) Архивъ государ. совѣта, т. II, стр. 315—330. Ср. П. С. З., № 18903 (за 2 года на отысканіе рудъ изъ 30 тыс. издержано было 10.120 руб.; благодаря изысканіямъ были открыты и стали разрабатываться нѣкоторые новые рудники).

Изъ нихъ одинъ былъ посвященъ имени Государя и названъ „Петро-Павловскимъ рудникомъ“, и въ немъ съ 1798 года начались усиленныя работы по добыванію разныхъ сортовъ руды [1]).

Зная о намѣреніяхъ правительства—усилить эксплоатацію горныхъ богатствъ, частныя лица обращались въ бергъ-коллегію и другія правительственныя учрежденія по поводу найденныхъ ими рудъ. Такъ въ 1797 году тобольскій мѣщанинъ доносилъ о найденныхъ имъ пріискахъ купороса, квасцовъ, сѣры горючей и селитры въ Тобольской губ. и просилъ дать ему необходимыя средства для разработки рудниковъ [2]). Маркшейдеръ И. С. Губановъ представилъ проектъ о способахъ пріисканія новыхъ рудниковъ, который бергъ-коллегіей и былъ разсмотрѣнъ [3]).

Условія эксплоатаціи горныхъ богатствъ прежними заводами, открытіе новыхъ залежей, упорядоченіе горно-заводской промышленности, руководство всѣмъ дѣломъ со стороны одного центральнаго учрежденія, каковымъ являлась бергъ-коллегія, въ первые же годы Павловскаго царствованія принесли свои положительные результаты. Въ всеподданнѣйшемъ докладѣ Соймоновъ съ нѣкоторой гордостью отмѣчалъ, что въ 1798 г. казна получила прибыли на полмилліона рублей больше сравнительно съ 1796 годомъ, и это онъ ставилъ въ связь съ тѣмъ, что тогда заводы состояли въ вѣдѣніи казенныхъ палатъ, а теперь—подъ управленіемъ бергъ-коллегіи. „Вотъ плоды возобновленія сихъ мѣстъ!“ восклицаетъ онъ въ концѣ доклада [4]). Въ послѣдующіе годы доходы казны, несомнѣнно, должны были увеличиться еще болѣе.

Въ заслугу бергъ-коллегіи и Соймонова нужно поставить также и то, что они на горное дѣло смотрѣли съ высокой чисто-государственной точки зрѣнія, которую они не только проводили въ своей текущей дѣятельности, но и горячо отстаивали передъ Государемъ и передъ совѣтомъ при обсу-

---

[1]) Опись докум. и дѣлъ, отд. III, т. II, № 1665.
[2]) Тамъ же, т. I, № 54.
[3]) Тамъ же, т. I, № 329.
[4]) Изъ Высоч. утв. доклада 27 окт. 1799 г.– П. С. З., № 19164; ср. 20851.

жденіи вопроса о преимуществахъ казенной или частной эксплоатаціи горныхъ богатствъ.

6. Мануфактуръ-коллегія.

Мануфактуръ-коллегія вмѣстѣ съ двумя другими коллегіями была возобновлена указомъ 19 ноября 1796 г. и уже 16 декабря была открыта „съ приличнымъ обрядомъ“ [1]), а затѣмъ была возобновлена и мануфактуръ-контора въ Москвѣ [2]).

Во главѣ коллегіи сначала былъ поставленъ одинъ президентъ—кн. Николай Борисовичъ Юсуповъ, назначенный 19 ноября 1796 г., а затѣмъ (20 ноября слѣдующаго года) онъ сталъ главнымъ директоромъ коллегіи, а президентомъ назначенъ Саблуковъ, передавшій свою должность въ 1800 году Аршеневскому [3]). Изъ этихъ лицъ основная работа по возстановленію коллегіи, выработкѣ новыхъ штатовъ и проведенію нѣкоторыхъ мѣръ, касавшихся дѣятельности мануфактуръ-коллегіи, выпала на долю кн. Юсупова, какъ перваго президента, а позднѣе главнаго директора коллегіи.

Кн. Юсуповъ въ началѣ 1797 г. представилъ сенату докладъ, съ проектомъ штата и указаніемъ на необходимость увеличенія числа чиновъ коллегіи и отпускаемыхъ на нее суммъ сравнительно съ прежнимъ штатнымъ ассигнованіемъ

---

[1]) П. С. З., №№ 17567, 17678.

[2]) Тамъ же, № 17935, 18576 (объ открытіи мануфактуръ-конторы 1 іюня 1798 г.).

[3]) Кн. Юсуповъ оставался во главѣ управленія мануфактуръ-коллегіей даже и тогда, когда онъ (указомъ 21 ноября 1800 г.) назначенъ былъ министромъ удѣльнаго департамента, такъ что въ своемъ лицѣ онъ сталъ совмѣщать двѣ должности (Сен. Арх., I, стр. 674; ср. 10, 318, 675).

Саблуковъ оставался президентомъ съ 20 ноября 1798 г. по 5 марта 1800 г. (Сен. Арх., I, 318, 598), впрочемъ за исключеніемъ нѣсколькихъ дней, съ 9 по 14 декабря 1799 г., когда онъ былъ отставленъ отъ всѣхъ дѣлъ „за недѣльное и ни въ чемъ неосновaнное представленіе комиссаріату въ разсужденіи цвѣтовъ суконъ“, а на его мѣсто былъ назначенъ сенаторъ Алексѣевъ (Тамъ же, I, 569, 570). Его временная отставка была вызвана недоразумѣніемъ, которое разъяснено въ „Запискахъ“ его сына.

О Саблуковѣ см. Опись, отд. III, т. I—III.

Аршеневскій, опредѣленный въ должность 5 марта 1800 г., 23 іюля награжденъ чиномъ тайн. сов., а 4 марта 1801 г. получилъ годовой отпускъ „для излеченія отъ болѣзни, съ сохраненіемъ жалованья“ (Сен. Арх., I. 598, 641, 720).

1763 г. Мотивами къ добавленіямъ и измѣненіямъ было, во-первыхъ, то, что число фабрикъ и мануфактуръ значительно увеличилось какъ благодаря тому, что предѣлы государства расширились, при чемъ присоединены новыя земли (очевидно, имѣлась въ виду часть Польши), въ которыхъ фабрично-мануфактурная промышленность „процвѣтала", также благодаря и тому, что, съ изданіемъ жалованной грамоты дворянству и городового положенія, предоставлена была „всякому полная свобода на всѣ ихъ заведенія", отчего число мануфактуръ внутри Россіи стало значительно возрастать; во-вторыхъ, — вздорожаніе жизненныхъ припасовъ требовало прибавки къ штатному жалованью всѣмъ чинамъ коллегіи.

Штатъ коллегіи, выработанный кн. Юсуповымъ, 28 апрѣля 1797 г. былъ Высочайше утвержденъ. По этому штату къ мануфактуръ-коллегіи была присоединена экспедиція заготовленія и храненія гербовой бумаги, но мануфактуръ-контора сохранила свое прежнее, частью самостоятельное, значеніе [1]).

Однако, менѣе чѣмъ черезъ годъ выяснилась необходимость въ нѣкоторомъ новомъ увеличеніи штата. Новыми узаконеніями было расширено употребленіе гербовой бумаги; если въ прежнее время въ среднемъ выходило около 850 тысячъ листовъ ежегодно, то на 1798 годъ, по предварительному расчету мануфактуръ-коллегіи, потребовалось-бы около $1^1/_2$ милліона листовъ, а потому экспедиція храненія гербовой бумаги нуждалась въ увеличеніи чиновниковъ и канцелярскихъ служащихъ. Въ виду этого, согласно съ представленіемъ мануфактуръ-коллегіи, 19 февраля 1798 г. въ штатъ

---

[1]) По штату 1763 г. на коллегію и контору было опредѣлено (на 74 чел.) — 15.883 руб. (П. С. З.. кн. штатовъ, стр. 71); на экспедицію заготовленія — 4909 р.; а вмѣстѣ съ другими расходами на клейменіе гербовой бумаги расходы составляли бы 22.072 руб. (П. С. З., № 17935).

По штату 1797 года мануфактуръ-коллегія состояла изъ президента, вице-президента, 3 совѣтниковъ, 2 ассесоровъ, 1 прокурора, 3 секретарей, 1 бухгалтера, 1 регистратора, 1 экзекутора, 7 колллегіи-юнкеровъ и канцелярскихъ служащихъ по усмотрѣнію; м.-контора—изъ 2 совѣтниковъ, 1 ассесора, 2 секретарей, 1 бухгалтера, 1 регистратора, 1 экзекутора и канцеляристовъ; всего расходовъ по коллегіи и конторѣ требовалось 31.970 руб. (П. С. З. № 17935; кн. штатовъ, стр. 378—380).

коллегіи были прибавлены секретарь, бухгалтеръ, казначей и канцелярская сумма въ размѣрѣ 3000 руб. [1]).

Но и на этомъ увеличеніе штата мануфактуръ-коллегіи не кончилось. Въ 1800 году въ коллегіи было выяснено, что „для дальнѣйшаго движенія работъ на фабрикахъ" необходимо принять новыя мѣры, которыя вызывали усиленіе штата коллегіи. Главный директоръ кн. Юсуповъ въ отношеніи своемъ (отъ 27 апрѣля 1800 г.) къ генералъ-прокурору Обольянинову сообщилъ о неотложности и необходимости такихъ нововведеній; по его мнѣнію, необходимо было:

1) опредѣлить въ коллегію и ея контору по два инспектора, на обязанности которыхъ былъ бы осмотръ фабрикъ „по даннымъ наставленіямъ" и сообщеніе коллегіи свѣдѣній о положеніи и успѣхахъ фабричнаго дѣла;

2) прибавить въ коллегію секретаря, а въ контору ассесора, секретаря, бухгалтера и его помощника;

3) ради усовершенствованія фабрикъ поручить коллегіи— снабженіе фабрикъ время отъ времени новыми машинами, инструментами, искусными мастерами, а въ особенности красильщиками и рисовальщиками.

Въ докладѣ генералъ-прокурора по этому поводу, какъ на источникъ, которымъ можно было бы покрыть расходы, безъ всякаго отягощенія казны, указывалось на доходъ, получаемый отъ продажи вексельной и гербовой бумаги, и предлагалось повысить его на одинъ процентъ, „наложивъ къ существующей нынѣ цѣнѣ по одной копейкѣ на рубль" [2]).

---

[1]) Эти 3000 руб. опредѣлялись „на канцелярскихъ служителей, присяжныхъ, клеймейщиковъ и на канцелярскіе по экспедиціи расходы", а вмѣстѣ съ жалованьемъ 3-мъ указаннымъ выше чиновникамъ составляли прибавочную сумму въ 5000 руб. (П. С. З., № 18389).

Слѣдуетъ прибавить, что это новое ассигнованіе, видимо, по недосмотру, не было принято во вниманіе составителями сводной таблицы штата мануфактуръ-коллегіи, благодаря этому въ ней отсутствуютъ чины, установленые Высочайше утвержденнымъ докладомъ 19 февраля 1798 г., и сумма расходовъ (въ 41970 р.) на 5 тысячъ показана меньше (см. кн. штатовъ, стр. 378—380).

[2]) Въ докладѣ генералъ-прокурора даны такія свѣдѣнія. „Въ прошедшіе два года продано сихъ листовъ на 1.956.502 руб. 90 коп., по сложности въ одинъ годъ выходитъ на 978.250 руб.; полагая по проценту на рубль, выйдетъ— 9782 руб. 50 коп."

На основаніи этого доклада состоялся Высочайшій указъ 30 іюня 1800 г., которымъ былъ утвержденъ представленный мануфактуръ-коллегіей дополнительный штатъ, а на содержаніе чиновъ и на прочія „нужныя къ усовершенствованію фабрикъ временныя издержки" велѣно отчислять изъ доходовъ отъ вексельной и гербовой бумаги по 10 тысячъ руб. ежегодно.

Въ окончательномъ видѣ въ 1800 году мануфактуръ-коллегія съ экспедиціей заготовленія и храненія гербовой бумаги по штату состояла изъ президента, вице-президента, 3 совѣтниковъ, 2 ассесоровъ, 1 прокурора, 5 секретарей, 2 бухгалтеровъ, 1 регистратора, 1 казначея, 1 экзекутора, 2 инспекторовъ для осмотра фабрикъ, 7 коллегіи-юнкеровъ и канцелярскихъ служителей; мануфактуръ-контора состояла изъ 2 совѣтниковъ, 2 ассесоровъ, 3 секретарей, 2 бухгалтеровъ, 1 его помощника, 1 регистратора, 1 экзекутора и 2 инспекторовъ для осмотра фабрикъ. На содержаніе чиновъ коллегіи и конторы, на канцелярскіе и прочіе расходы по штату отпускалось 46970 руб. [1]).

Въ этомъ штатѣ любопытную новость представляютъ собой, такъ называемые, инспектора для осмотра фабрикъ, два въ С.-Петербургѣ при коллегіи, два при конторѣ въ Москвѣ. Хотя они какъ будто и прикрѣплены къ мѣсту, однако, главнѣйшая ихъ обязанность—осмотры на мѣстахъ и разъѣзды для наблюденія надъ фабриками и работами, на что назначена была довольно порядочная для того времени сумма въ

Дальше помѣта: „Высочайше повелѣно по одному проценту отдѣлять на расходъ" (*Сен. Арх., Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 3441, л. 4). На этомъ основаніи состоялся указъ 30 іюня 1800 г., однако, въ немъ назначено на расходы не 9782 руб. 50 коп. или одинъ процентъ съ доходовъ по гербовому сбору, а круглая сумма въ 10 тыс. руб. (П. С. З., книга штатовъ, XLIV, ч. II, стр. 359—№ 19466).

[1]) Въ П. С. З., въ книгѣ штатовъ (стр. 380) показано—41.070 руб., но эта цифра—ошибочна: здѣсь не принятъ расходъ въ 5 тыс. по указу 19 февраля 1798 г.; кромѣ того допущена опечатка: слѣдовало бы поставить 41.970 (по штату 1797 г.—31.970 и 10.000 дополнительныхъ); на самомъ же дѣлѣ для точнаго вычисленія общаго итога расходовъ по коллегіи и конторѣ слѣдуетъ сложить первое штатное ассигнованіе 1797 г. (31.970 руб.) съ дополненіемъ по указу 19 февраля 1798 г. (5000 руб.) и новымъ дополненіемъ въ 1800 г. (10.000 руб.), тогда и получимъ указанную мной цифру 46.970 руб.

3000 руб. По идеѣ это былъ живой и дѣятельный органъ надзора и контроля надъ мануфактурной промышленностью [1]).

Но если штатъ мануфактуръ-коллегіи мѣнялся за Павловское время, то этого нельзя сказать относительно компетенціи коллегіи: она съ момента возобновленія коллегіи оставалась въ главныхъ своихъ пунктахъ неизмѣнной за всѣ послѣдующіе годы царствованія Павла. Компетенція мануфактуръ-коллегіи имѣла сравнительно съ другими коллегіями довольно узкій районъ; на коллегію было возложено: 1) заготовленіе, храненіе и продажа вексельной и гербовой бумаги, 2) завѣдываніе фабрично-мануфактурной промышленностью.

Что касается гербоваго и вексельнаго сбора, то онъ сталъ взиматься въ болѣе широкомъ и повышенномъ размѣрѣ благодаря указу 18 декабря 1797 года [2]), а затѣмъ былъ распространенъ по всѣмъ губерніямъ, даже и тѣмъ, которыя пользовались особыми правами и преимуществами [3]).

Дѣятельность мануфактуръ-коллегіи въ этомъ отношеніи сводилась къ заготовленію бумаги по выработаннымъ образцамъ, храненію и продажѣ „со всѣми предосторожностями" и соблюденіемъ установленнаго порядка [4]), къ введенію въ употребленіе новой гербовой бумаги, сбору старой и наложенію на старыхъ листахъ новыхъ штемпелей утвержденнаго образца [5]), къ изъятію изъ обращенія и уничтоженію нѣкоторыхъ вексельныхъ листовъ, находившихся въ казенныхъ палатахъ [6]), и, вообще, къ принятію разныхъ мѣръ, связанныхъ съ употребленіемъ гербовой и вексельной бумаги.

При характеристикѣ дѣятельности мануфактуръ-коллегіи по отношенію къ фабричной промышленности [7]) нужно имѣть въ виду положеніе этой отрасли государственнаго хозяйства

---

[1]) Объ инспекторахъ см. П. С. З., № 26345.

[2]) П. С. З., № 18278 (стр. 849).

[3]) См. указъ 25 мая 1798 г.—№ 18532. Ср. Опись докум. и дѣлъ, отд. III, т. II, № 1595; 958, 1453, 1511, 1531, 1760.

[4]) П. С. З, указъ 19 декабря 1797 г.—№ 18284.

[5]) Тамъ же, указъ 31 января 1799 г.—№ 18835.

[6]) Тамъ же, указъ 24 января 1801 г.—№ 19732.

[7]) Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ см. въ книгѣ Л. Н. Нисселовича, Исторія заводско-фабричнаго законодательства Россійской имперіи, ч. I, 118—145. П., 1883.

въ концѣ XVIII вѣка. Время Екатерины II по отношенію къ фабрикамъ и ремесламъ имѣло важное значеніе. Созданная Петромъ Великимъ фабрично-заводская промышленность, въ силу естественной эволюціи, поднялась на значительную высоту и, какъ выгодная хозяйственная операція, сулящая крупные барыши, привлекла къ себѣ вниманіе дворянъ, которые и заполнили собой во второй половинѣ XVIII вѣка ряды крупныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ, вытѣснивъ собой въ значительной мѣрѣ прежнее купечество. Количество фабрикъ сильно возрасло, и если въ моментъ вступленія на престолъ Екатерины II въ Россіи насчитывалось 984 фабрики и завода (не считая горныхъ), то въ годъ смерти ихъ было всего—3161 [1]).

Этотъ подъемъ фабрично-заводской промышленности оживилъ и мелкую кустарную промышленность, такъ какъ въ XVIII вѣкѣ, по словамъ изслѣдователя русской фабрики, „фабрика и кустарная изба мирно уживались другъ съ другомъ, почти не конкурируя между собою, при чемъ фабрика являлась технической школой для кустаря“ [2]).

Успѣхи той и другой промышленности частью объясняются тѣмъ, что правительство времени Екатерины II какъ подъ вліяніемъ идей физіократовъ, такъ и по настоянію дворянства ослабило прежнюю систему чрезмѣрнаго покровительства и правительственной опеки по отношенію къ фабрикамъ, рядомъ мѣръ пыталось освободить промышленность и внутреннюю торговлю отъ монополій и стѣсненій, а вмѣстѣ съ тѣмъ поощрить мелкую крестьянскую промышленность, которой предоставлена была полная свобода, согласно съ манифестомъ 17 марта 1775 года [3]) и жалованными грамотами 1785 года. Только къ концу царствованія Екатерины II

---

[1]) Туганъ-Барановскій, Рус. фабрика, стр. 45. По заключенію автора, за 34 года царствованія Екатерины „прибавилось болѣе 2 тысячъ новыхъ фабрикъ и заводовъ“. Это не совсѣмъ вѣрно: значительное увеличеніе количества фабрикъ и заводовъ произошло не только благодаря росту внутренней промышленности, но также благодаря присоединенію къ Россіи частей Польши, въ которой было много своихъ фабрикъ и заводовъ (ср. П. С. З., № 17935), такъ что новыхъ фабрикъ и заводовъ въ Екатерининское время прибавилось не „болѣе 2 тысячъ“, а гораздо меньше.

[2]) Тамъ же, стр. 56.

[3]) П. С. З., № 14275; ср. № 13374.

нѣсколько усилилась прежняя покровительственная система по отношенію къ фабрикамъ, а тарифъ 1793 г. ограждалъ отечественную промышленность отъ иностранной конкуренціи [1]).

При Павлѣ существенныхъ измѣненій въ этой области не произошло, правительство придерживалось умѣренной покровительственной системы, и на мануфактуръ-коллегію возложена была обязанность—содѣйствовать „распространенію внутренняго рукодѣлія и фабрикъ", т. е. содѣйствовать благосостоянію и распространенію обѣихъ основныхъ формъ промышленности, какъ фабричной, такъ и кустарной.

По отношенію къ фабрикамъ можно указать на рядъ отдѣльныхъ узаконеній, съ которыми связана дѣятельность мануфактуръ-коллегіи. Мануфактуръ-коллегія поощряла фабрично-заводскую промышленность: указомъ 15 января 1798 г. ей повелѣно было давать денежныя суммы безъ процентовъ какъ желающимъ заводить фабрики для выработки солдатскихъ суконъ въ губерніяхъ: Оренбургской, Астраханской, Кіевской, Подольской и Волынской, такъ и прочимъ фабрикантамъ; равнымъ образомъ исправнымъ фабрикантамъ, при взятіи ими подрядовъ, выдавать одну треть денегъ впередъ [2]).

Мануфактуръ-коллегія изъ фабрикъ должна была обратить особое вниманіе на суконныя фабрики, поставлявшія сукна въ казну. Указомъ 10 сентября 1797 г. сенатъ „предписывалъ мануфактуръ-коллегіи, дабы она приложила стараніе о заблаговременномъ распоряженіи, сколько обязанные въ комиссаріатское вѣдомство должны поставлять суконъ и каразеи, расположивъ на каждую фабрику по числу душъ, по 5-й ревизіи показанныхъ, и по исполненію сего, представила бы свое мнѣніе". Этотъ вопросъ коллегія внимательно разсмотрѣла и представила сенату подробный докладъ, который отъ сената пошелъ на Высочайшее утвержденіе [3]).

---

[1]) Ѳирсовъ Н. Н., Правительство и общество въ ихъ отношеніяхъ къ внѣшней торговлѣ Россіи въ царствованіе имп. Екатерины II. Казань, 1902, 333—345 и др.

[2]) П. С. З., № 18323.

[3]) См. Высочайше утв. докладъ сената 29 декабря 1797 г.—П. С. З., № 18298. О суконныхъ фабрикахъ см. Опись документовъ и дѣлъ, отд. III, т. I, № 204 (вѣдомость ихъ); II, № 1320, 1337, 1606. Постановленіе совѣта Е. В-ва 9 февраля 1797 г. о порученіи генералъ-прокурору собрать „обстоятельное свѣдѣніе о числѣ и о

На обязанности мануфактуръ-коллегіи лежалъ бдительный надзоръ за тѣмъ, чтобы требуемое количество сукна было доставлено въ казну. Когда же въ началѣ 1800 г. оказалось, что сукна не хватаетъ и въ казну требуемаго числа не доставлено, то послѣдовалъ (5 марта) короткій указъ: „Недостающее число сукна искупить на счетъ имѣнія главнаго директора и президента мануфактуръ-коллегіи и сіе учинить немедленно“ [1]).

Но если фабрикантами казенныя поставки удовлетворены полностью, то тогда мануфактуръ-коллегія ради поощренія представляетъ такихъ фабрикантовъ изъ купечества къ наградамъ въ видѣ серебряной и золотой медали [2]); а выдѣлываемыя сукна позволяетъ продавать какъ внутри государства, такъ и за-границей въ Азіи [3]).

Вообще фабриканты у правительства были въ чести, ихъ привиллегіи охранялись строго, а всякое притѣсненіе ихъ наказывалось. Такъ извѣстно, что когда воронежскій полицмейстеръ, вопреки закону, ввелъ постой въ домъ суконнаго фабриканта Тулинова, гдѣ стояла его фабрика, то Павелъ, узнавъ о томъ, приказалъ: полицмейстера отдать подъ судъ за противозаконный поступокъ, а сенатъ повсемѣстно предписалъ властямъ наблюдать, чтобы нигдѣ „подобныхъ отягощеній фабрикантамъ происходить не могло“ [4]).

Заботясь объ улучшеніи промышленности, мануфактуръ-коллегія принимаетъ мѣры къ введенію машинъ на фабри-

---

состояніи всѣхъ фабрикъ, въ государствѣ находящихся, и о количествѣ ихъ издѣлій“, а президенту коммерцъ-коллегіи—представить образцы иностранныхъ суконъ см. въ Архивѣ гос. совѣта, т. II, стр. 419.

[1]) Сен. Арх., т. I, стр. 598.

[2]) Указъ 22 сентября 1800 г.: суконнымъ фабрикантамъ изъ купечества, которые, сверхъ ихъ обязанности съ казною, поставятъ до 50 тыс. аршинъ сукна, давать въ награжденіе серебряныя медали, а кто до 100 тыс. аршинъ—золотыя для ношенія на шеѣ, о чемъ мануфактуръ-коллегія представляетъ каждый разъ особо Е. И. В-ву—П. С. З., № 19566.

[3]) Указъ 18 сент. 1800 г.: „Въ одобреніе мануфактуръ, а наипаче суконныхъ фабрикъ, Высочайшая воля Государя Императора есть, чтобы вольнымъ фабрикантамъ позволить выдѣлываемыя на ихъ фабрикахъ сукна обращать... въ продажу какъ внутри, такъ и заграницу по азіатской торговлѣ, но съ тѣмъ, чтобы прежде всего выставлено было ими ежегодно все количество сукна, каразеи и кирзы, для комиссаріата потребное“—П. С. З., № 19563.

[4]) Указъ 30 сентября 1800 г.—П. С. З., № 19584.

кахъ. Такъ въ 1797 году она, ознакомившись съ машинами для чесанія хлопчатой бумаги и обрабатыванія разныхъ бумажныхъ матерій и суконъ, предложенными аббатомъ Оссовскимъ, вошла къ Государю съ докладомъ о полезности этихъ машинъ. Павелъ приказалъ коллегіи „заняться образованіемъ сего дѣла", заключить съ Оссовскимъ договоръ и, по разработкѣ, представить планъ такого заведенія, въ которомъ дѣйствовали бы эти машины, способствовавшія распространенію фабрикъ „съ знатнымъ уменьшеніемъ на нихъ рабочихъ людей" [1]). Коллегія вскорѣ же выполнила порученіе, съ аббатомъ Оссовскимъ былъ заключенъ контрактъ, и 13 апрѣля 1798 года получилъ Высочайшее утвержденіе докладъ мануфактуръ-коллегіи объ устройствѣ близъ С.-Петербурга фабрики для обрабатыванія хлопчатой бумаги и шерсти, съ примѣненіемъ особыхъ машинъ [2]).

Такъ правительство встало на путь введенія новыхъ машинъ на фабрикахъ; это былъ путь, указанный примѣромъ Англіи, повлекшій за собой въ дальнѣйшемъ быстрый ростъ капиталистической промышленности въ XIX вѣкѣ. На ряду съ этимъ, слѣдуетъ отмѣтить, что въ области кустарной промышленности появились около 1800 года уже самостоятельно, безъ вмѣшательства мануфактуръ-коллегіи, „самопрялки съ колесами", усовершенствованные ткацкіе станы для приготовленія полотенъ и другихъ льняныхъ и хлопчато-бумажныхъ издѣлій [3]). Задачу коллегіи по отношенію къ подобному производству составляло наблюденіе и поощреніе такого „рукодѣлія" къ развитію и усовершенствованію, но въ чемъ конкретно выражалась дѣятельность мануфактуръ-коллегіи въ этой области, объ этомъ свѣдѣній не имѣется.

Дѣятельность правительства по улучшенію и расширенію фабричной промышленности приводила къ тому, что начали появляться новыя фабрики, какъ казенныя, такъ и частныя. Въ 1797 году извѣстный фабрикантъ Савва Морозовъ, будучи простымъ ткачемъ и крѣпостнымъ крестьяниномъ, осно-

[1]) 10 августа 1797 г.—П. С. З., № 18085.
[2]) Тамъ же, № 18483.
[3]) Туганъ-Барановскій, Русская фабрика, 232.

валъ небольшую мануфактурную фабрику въ мѣстечкѣ Зуево [1]). Изъ указа 11 декабря 1798 г. видно, что въ то время при Нерчинскихъ и Банковскихъ заводахъ „вновь" заводились суконныя фабрики [2]). А позднѣе въ рескриптѣ (26 сентября 1800 г.) управляющему Иркутскими казенными фабриками ген.-маіору Новицкому говорилось: „Пріемля съ благоволеніемъ всѣ распоряженія ваши къ лучшему устройству ввѣренныхъ вамъ фабрикъ, не только утверждаю я предлагаемыя вами мѣры къ расширенію заведеній теперь существующихъ, но дозволяю вамъ и въ другихъ того края мѣстахъ... разводить и учреждать фабрики суконныя, лосинныя, кожевенныя, ревендушныя и фламскихъ полотенъ какъ для снабженія войскъ, такъ и для заграничной торговли съ кочующими народами" [3]).

Кромѣ фабрикъ суконныхъ, полотняныхъ и прочихъ, правительство заинтересовано было вопросомъ о распространеніи и усовершенствованіи шелководства въ Россіи. Въ 1799 г. главному директору мануфактуръ-коллегіи кн. Н. Б. Юсупову, совмѣстно съ гр. Завадовскимъ и гр. Румянцовымъ, поручено было собрать „по шелководству" и „вообще по части мануфактуръ" „вѣрныя и достаточныя свѣдѣнія" и представить „надежнѣйшія мѣры къ усовершенствованію и расширенію сей важной вѣтви государственной экономіи" [4]). Въ связи съ этимъ мануфактуръ-коллегія составляла сравнительную табель казенныхъ и партикулярныхъ шелковичныхъ заводовъ и представила записку о Новоладожскомъ шелковичномъ заводѣ въ Слободско-Украинской губ. [5]). Она же разсматривала результаты опытовъ разведенія аптекаремъ Бунге сирійскаго шелка въ городѣ Кіевѣ и Воронежской губерніи [6]).

---

[1]) Тамъ же, 98.
[2]) П. С. З., № 18781.
[3]) Тамъ же, № 19573. Въ 1799 г. Новицкій прислалъ Государю образчикъ сукна, вытканнаго изъ овечьяго пуху и не уступающаго по своимъ качествамъ сукну изъ лучшей испанской шерсти (Опись докум. и дѣлъ Сен. Арх., отд. III, т. II, № 1646).
[4]) Указъ 29 мая 1799 г.—Сен. Арх., т. I, стр. 530.
[5]) Опись докум. и дѣлъ, отд. III, т. II, № 1677; ср. 1337.
[6]) Тамъ же, № 1811.

Всѣ эти мѣры оживили шелководство въ Россіи и содѣйствовали упроченію этой новой отрасли отечественной промышленности.

Ситцевые фабриканты Фрезе и вдова Лиманъ добивались того, чтобы запрещенъ былъ привозъ изъ-за границы ситцевыхъ товаровъ въ цѣляхъ устраненія конкуренціи. Совѣтъ Е. В-ва, которому передано было на разсмотрѣніе ходатайство фабрикантовъ, считалъ нужнымъ его отклонить на томъ основаніи, что, если „при толикихъ выгодахъ, кои изъ монаршей милости дарованы уже ситцевымъ и выбойчатымъ фабрикамъ, не могутъ онѣ вынести совмѣстничества подобныхъ привозныхъ товаровъ, то сомнительно, чтобы и по запрещеніи ввоза оныхъ достигли онѣ до желаемаго состоянія; казна же лишилась бы знатнаго по таможнѣ дохода, и публика принуждена-бъ была платить такія цѣны, какія фабриканты наложить за благо разсудили къ единственному ихъ обогащенію“ [1]).

По отношенію къ націонализаціи промышленности любопытенъ указъ 19 февраля 1801 года, которымъ запрещалось всѣмъ фабрикамъ и мастерамъ въ Россіи класть на выдѣлываемыя ими вещи иностранныя клейма и надписи и вводился такой порядокъ, чтобы каждый мастеръ и фабрика представляли въ мануфактуръ-коллегію и ратгаузъ образцы ихъ издѣлій [2]). Но, разумѣется, этотъ указъ, вводившій стѣснительную для производства регламентацію, напоминающую Петровскіе порядки, не выполнялся.

Заботы мануфактуръ-коллегіи для нѣкоторыхъ производствъ были, несомнѣнно, благотворны и число фабрикъ, напр., суконныхъ, кожевенныхъ и прочихъ за Павловское время увеличилось. Такъ суконныхъ фабрикъ въ концѣ царствованія Екатерины II числилось 151, а въ моментъ вступленія на престолъ Александра I ихъ было 170, кожевенныхъ—848 и 855, набойчатыхъ—50 и 52, бумажныхъ (тка-

---

[1]) Арх. гос. совѣта, т. II, 131. Объ этихъ ситцевыхъ фабрикантахъ и дарованныхъ имъ выгодахъ—см. П. С. З., № 18551.

[2]) П. С. З., № 19758.

ней)—55 и 109, хрустальныхъ и стеклянныхъ—18 и 131; увеличилось ли общее число фабрикъ и заводовъ за Павловское время—точныхъ свѣдѣній не имѣется [1]).

Въ общемъ можно сказать, что хотя дѣятельность мануфактуръ-коллегіи не была ни слишкомъ обширной, ни новой по существу въ смыслѣ проложенія новыхъ путей въ фабрично-заводской промышленности Россіи, тѣмъ не менѣе она направлялась на частичныя улучшенія и усовершенствованія этой отрасли государственнаго хозяйства, пытаясь поставить русскую промышленность въ независимое отъ иностраннаго производства положеніе и дать ей выходъ на азіатскій рынокъ.

7. Коммерцъ-коллегія.

Коммерцъ-коллегія, учрежденная Петромъ Великимъ и упраздненная Екатериной II, возстановлена была указомъ 19 ноября 1879 г. „на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, законахъ и регламентахъ", на которыхъ она находилась до 1775 г., причемъ таможни съ заставами поручались вѣдѣнію этой коллегіи [2]).

Сенатъ всю работу по возстановленію коммерцъ-коллегіи, подбору служащихъ чиновниковъ и органиціи всего дѣла „препоручалъ" президенту коллегіи, тогда же назначенному,

---

[1]) Б(урна)шевъ В., Очеркъ исторіи мануфактуръ въ Россіи. П., 1833 г. стр. 26—32. Наряду съ увеличеніемъ въ спискѣ количества фабрикъ у Бурнашева показано и уменьшеніе, но увеличеній больше, чѣмъ уменьшеній. Общій итогъ „мануфактурныхъ заведеній" при вступленіи па престолъ Павла I и Александра I говоритъ не въ пользу Павловскаго времени: при вступленіи Павла показано 3161, Александра I—2440, какъ будто произошло за Павловское время значительное уменьшеніе въ количествѣ 721 заведенія; но при ближайшемъ разсмотрѣніи цифръ видно, что такой простой расчетъ оказывается неправильнымъ: а) по многимъ фабрикамъ и заводамъ замѣчается увеличеніе, какъ это показано выше; б) списокъ фабрикъ и заводовъ начала Александровскаго царствованія, видимо, не полонъ, нѣкоторыхъ рубрикъ, имѣющихся въ первомъ перечнѣ, совсѣмъ нѣтъ во второмъ, напр., „алмазныхъ и золотыхъ дѣлъ", „водочныхъ", „гвоздичныхъ", „овчарныхъ заводовъ" и др. Значитъ, пользуясь свѣдѣніями, приведенными у Бурнашева, нельзя рѣшить вопроса, увеличилось ли общее количество „мануфактурныхъ заведеній" за Павловское время или нѣтъ.

Ср. П. С. З., № 20851, гдѣ указано, что при вступленіи на престолъ Павла фабрикъ было 2270, а въ годъ смерти 2290.

[2]) П. С. З. № 17567.

ген.-поручику Петру Өедоровичу Соймонову [1]), которому слѣдовало вмѣстѣ съ тѣмъ войти въ разсмотрѣніе, „нужна ли существовавшая прежде канцелярія надъ таможенными сборами, и ежели нужна, то на какомъ ей быть основаніи“. Соймоновъ не замедлилъ собрать свѣдѣнія, выработать штатъ коммерцъ-коллегіи и войти въ сенатъ рапортомъ въ началѣ слѣдующаго года, предлагая утвердить его предположеніе. По его плану, коммерцъ-коллегія возстановлялась съ нѣкоторымъ существеннымъ видоизмѣненіемъ. Дѣло въ томъ, что съ 1764 г. и до закрытія коллегіи при ней существовала въ качествѣ какъ бы „временнаго отдѣленнаго коммерцъ-коллегіи департамента“ главная надъ таможенными сборами канцелярія, поводомъ къ учрежденію которой послужило то обстоятельство, что съ 1764 года таможенные сборы, бывшіе предъ тѣмъ на откупу у оберъ-директора Шемякина, поступили въ казенное содержаніе.

Таможенное дѣло правительству Екатерины II казалось лаковымъ, что оно, хотя и поручено было общему руководству коммерцъ-коллегіи, тѣмъ не менѣе было отдано „въ особую дирекцію“ гр. фонъ-Миниху, поставленному главнымъ начальникомъ вновь учрежденной канцеляріи. Въ этомъ случаѣ принципъ единоличнаго управленія вторгался въ коллежскіе порядки и захватывалъ себѣ особую область, ускользавшую изъ непосредственнаго вѣдѣнія коллегіи, чѣмъ, конечно, подрывалось значеніе послѣдней.

Соймоновъ, собравъ свѣдѣнія, оказался рѣшительнымъ противникомъ возстановленія, наряду съ коллегіей, главной надъ таможенными сборами канцеляріи, считая ее излишней, „поелику, писалъ онъ въ своемъ докладѣ сенату, оная (канцелярія), будучи возстановлена, составитъ среднее правительство между коммерцъ-коллегіей и таможнями, которое въ коммерческихъ и таможенныхъ дѣлахъ можетъ причинить болѣе медленности тогда, когда оныя по существу своему требуютъ скораго рѣшенія, и всякія злоупотребленія должны быть пресѣкаемы при самомъ ихъ открытіи“.

---

[1]) Сен. Арх., т. I, стр. 10; ср. П. С. З., № 17807.

Съ этими мотивами и сенатъ и Государь согласились, и главная надъ таможенными сборами канцелярія не была возстановлена, а таможни были поручены возобновленной коммерцъ-коллегіи. Какъ будто такимъ путемъ воскрешенъ былъ прежній образъ коллегіи, въ вѣдомствѣ которой не было иммунитетной области, мало доступной ея непосредственному руководству и управленію. Однако, это было не совсѣмъ такъ, и единоличный принципъ оказался перенесеннымъ со стороны въ самый центръ коллегіи.

Въ томъ же самомъ докладѣ сенату Соймоновъ отмѣчалъ, что гр. Миниху въ его инструкціи были даны „особенныя препорученія и правила", изъ которыхъ многія, „требующія скрытнаго и поспѣшного къ концу приведенія", „неудобны" при выполненіи коллежскимъ порядкомъ. Какъ это устранить, Соймоновъ не указывалъ и просилъ сенатъ разрѣшить его недоумѣнный вопросъ, но, устраняя главную надъ таможенными сборами канцелярію и ея директора, Соймоновъ скрытнымъ образомъ, несомнѣнно, домогался расширенія своихъ полномочій, какъ президента коллегіи.

Сенатъ пошелъ навстрѣчу желаніямъ Соймонова и пунктомъ вторымъ своего доклада опредѣлилъ: „Относительно данныхъ гр. Миниху особенныхъ препорученій, касающихся до управленія таможенъ, сенатъ почитаетъ необходимымъ все то, что на него, гр. Миниха, инструкціею возложено было, поручить въ полное и непосредственное распоряженіе коммерцъ-коллегіи президента, потому что встрѣчающіяся по торговлѣ обстоятельства иногда столь скрытно и поспѣшно должны быть производимы, что обыкновенный канцелярскій порядокъ при письменномъ обращеніи не только промедленіемъ времени упустить можетъ открывшіяся злоупотребленія, но даже и обнаружить то, что должно хранимо быть въ тайнѣ и пресѣчено въ самомъ его началѣ". „По симъ причинамъ, читаемъ далѣе, сенатъ полагаетъ все, предписанное гр. Миниху въ инструкціи его, предоставить единственно коммерцъ-коллегіи президенту" [1]).

---

[1]) П. С. З., Высоч. утв. докладъ сената 16 февр. 1797 г.—№ 17807.

Такъ президентъ коммерцъ-коллегіи получилъ какъ-бы по наслѣдству отъ гр. Миниха единоличное порученіе въ отношеніи таможенъ, порученіе, которое ставило его въ особое и независимое положеніе отъ самой коммерцъ-коллегіи, съ которой въ остальномъ онъ, какъ ея президентъ, связанъ былъ неразрывно.

По штату 1797 года коммерцъ-коллегія состояла изъ 28 чиновъ и 7 коллегіи-юнкеровъ, всего изъ 35 человѣкъ [1]). На этомъ, однако, измѣненія въ штатѣ далеко не закончились. Какъ только началась дѣятельность коллегіи, прежній порядокъ, по которому наблюденіе надъ таможнями и ревизія таможенныхъ счетовъ производились казенными палатами, далъ себя знать. Сама коммерцъ-коллегія вошла въ сенатъ съ докладомъ о томъ, чтобы „ревизію таможенныхъ книгъ съ документами приказать производить казеннымъ палатамъ“ „по прежнему“, а также и книги взносить „для скрѣпы и запечатанія оныхъ“, на томъ основаніи, что всѣ таможенные доходы вносятся въ казенную палату, а потому и ревизію книгъ тамъ производить удобнѣе; если же книги доставлять въ коллегію, то можетъ случиться „промедленіе и остановка“. Но сенатъ съ такимъ предложеніемъ не согласился, полагая, что Высочайшимъ указомъ 19-го ноября 1796 г. повелѣно коллегіи „части, по существу ей принадлежащія, вѣдать и оными управлять“, а потому предлагалъ „сдѣлать соображеніе“ относительно лишь усиленія числа канцелярскихъ служителей, а все это дѣло вѣдать непремѣнно въ коллегіи.

Тогда президентъ коммерцъ-коллегіи Соймоновъ вошелъ въ сенатъ съ представленіемъ объ учрежденіи при коллегіи особой экспедиціи для свидѣтельства таможенныхъ счетовъ, какъ то было въ прежнее время, начиная съ 1732 г. и позднѣе, въ составѣ 4 камерировъ, переводчика и его помощника, 10 канцеляристовъ, 10-же подканцеляристовъ и 12 копи-

---

[1]) Коммерцъ-коллегію составляли: президентъ, вице-президентъ, одинъ членъ выше совѣтниковъ, 4 совѣтника (2 коллежскихъ и 2 надворныхъ), 4 ассесора, прокуроръ, 5 секретарей, протоколистъ, 2 переводчика, 2 бухгалтера, 2 регистратора, архиваріусъ, экзекуторъ, кассиръ, комиссаръ и 7 коллегіи—юнкеровъ (П. С. З., книга штатовъ, XLIV, ч. II, стр. 378—379). Ср. со штатомъ 1763 года (Тамъ же, стр. 61—62, 71).

стовъ съ расходомъ на всю экспедицію въ 9.330 руб. [1]). Это представленіе и получило Высочайшее утвержденіе.

Такимъ путемъ къ числу присутствующихъ и чиновъ канцеляріи коммерцъ-коллегіи (35) присоединилось еще 38 человѣкъ; всего на коллегію и ея экспедицію по штату 1797 г. было ассигновано 45930 рублей. Но и этого числа оказалось недостаточно. Новый президентъ коммерцъ-коллегіи кн. Гагаринъ въ 1799 году, въ виду сложности возложенныхъ на него обязанностей, ходатайствовалъ, чтобы при немъ была образована особая канцелярія изъ директора канцеляріи, секретаря для иностранной переписки и двухъ писцовъ, съ жалованьемъ всѣмъ 2.200 руб [2]). Это представленіе было утверждено Государемъ.

Казалось, что послѣднее мѣропріятіе вполнѣ заканчивало устройство коммерцъ-коллегіи: чиновъ для работъ въ коллегіи было достаточно, денежныхъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе служащихъ, на канцелярскіе и прочіе расходы—тоже, повидимому, хватало; какъ будто зданіе было построено, увѣнчено и отдѣлано. Но эта постройка не была окончательной: въ 1800 году коммерцъ-коллегія была заново перестроена, къ прежнему фундаменту и стѣнамъ, такъ сказать, подведены были контрафорсы, и сама коллегія получила совершенно другой видъ.

Первые признаки перемѣнъ появились еще въ мартѣ мѣсяцѣ 1800 года. Когда особымъ указомъ учрежденъ былъ для купеческаго сословія „новый классъ отличія, подъ названіемъ коммерціи-совѣтниковъ", то вмѣстѣ съ тѣмъ „управляющему коммерческой частью" (президенту коммерцъ-коллегіи кн. Гагарину) именнымъ указомъ 27 марта было повелѣно, „чтобы по встрѣчѣ каковыхъ-либо нужныхъ перемѣнъ или дополненій къ улучшенію и распространенію торговли, равно какъ и начертанія новыхъ по оной учрежденій, онъ по усмотрѣнію

---

[1]) П. С. З., Высоч. утв. докладъ сената 5 авг. 1797 г.—№ 18075; ср. книгу штатовъ, стр. 378—380.

[2]) Директору канцеляріи—1000 руб., секретарю—600 руб., писцамъ по 300 р. (указъ 7 декабря 1799 г.—П. С. З., № 19217); этимъ чинамъ—„быть при президентѣ коммерцъ-коллегіи", „независимо отъ оной коллегіи".

своему, когда востребуется, призывалъ ихъ (пожалованныхъ коммерціи-совѣтниковъ) для совѣта и, по соображеніи предметовъ, до торговли относящихся, съ прочими государственными частями, вносилъ оные на разсмотрѣніе и утвержденіе" Государя [1]). Этотъ указъ былъ лишь первой ласточкой, которая предвѣщала коммерсантамъ о новомъ вѣяніи, благодаря которому представители торгово-промышленныхъ круговъ будутъ призваны къ участію въ дѣлахъ управленія и руководства торговлей и промышленностью.

Затѣмъ осенью Павелъ I призываетъ къ себѣ представителей столичнаго и провинціальнаго купечества, бесѣдуетъ съ ними и повелѣваетъ—„донести себѣ все то, что для пользы ихъ и пользы государства учредить" „нужно быть можетъ". Послѣ того, купечество, „коммерческое собраніе", какъ говорится въ другомъ мѣстѣ, обсуждало вопросы торговли и промышленности и подало генералъ-прокурору Обольянинову свое „мнѣніе", которое состояло вкратцѣ въ слѣдующемъ:

1) „для общаго управленія коммерціей, мануфактурами и горными дѣлами" необходимо учредить „главное правительство россійскихъ промысловъ";

2) оно можетъ состоять изъ 3-хъ президентовъ коммерцъ, мануфактуръ и бергъ-коллегій и 19 фабрикантовъ и купцовъ, избираемыхъ особымъ порядкомъ отъ купечества и утверждаемыхъ Высочайшей властью;

3) компетенція „правленія промысловъ" по проекту весьма обширна: оно, „соображая частныя пользы каждаго промысла съ общею государственною и казенною пользою и изданными законами, дѣлаетъ свои заключенія" и представляетъ Государю, испрашивая „узаконенія полезныхъ правилъ"; „наблюдаетъ, дабы привозъ иностранныхъ товаровъ не превышалъ отпуска внутреннихъ"; принимаетъ мѣры къ умноженію всякихъ издѣлій въ государствѣ, къ улучшенію дорогъ, кораблестроенія, облегченію кредита и проч.;

4) ради объединенія дѣятельности отъ правленія должны

---

[1]) Указъ 27 марта 1800 года—П. С. З., № 19347.

зависѣть коммерцъ, мануфактуръ и бергъ-коллегіи, а также ратгаузы.

Изъ этого видно, что собраніе коммерсантовъ проектировало создать новое учрежденіе, которое поставлено было бы надъ тремя коллегіями, вѣдавшими торговлю и промышленность, давало бы руководящія указанія этимъ коллегіямъ, и въ которомъ получили бы безусловное преобладаніе выборные представители изъ торгово-промышленнаго класса.

По отношенію къ коммерцъ-коллегіи мысли купечества были таковы. Въ коммерцъ-коллегіи слѣдуетъ производить „дѣла всякаго рода, принадлежащія до торговли: о правахъ каждаго состоянія торговыхъ людей, о школахъ водоходства и кораблестроенія, о мореплаваніи и судоходствѣ, о транспортахъ и о всемъ, до сего въ подробности относящемся". Устройство коллегіи купечество предполагало въ такомъ видѣ. Во главѣ коллегіи стоитъ президентъ, который вникаетъ во всѣ дѣла. Коллегія подраздѣляется на 4 экспедиціи. Первая вѣдаетъ дѣлами внѣшней торговли и состоитъ изъ 2 совѣтниковъ отъ казны и 6 купцовъ, избираемыхъ купеческимъ обществомъ: двухъ купцовъ, производящихъ европейскую торговлю, двухъ — „азіатскую" и двухъ — китайскую. Вторая экспедиція занимается дѣлами внутренней торговли; въ составъ ея входятъ: 2 совѣтника изъ дворянъ, владѣющихъ недвижимымъ имѣніемъ, и 4 купца, ведущихъ внутреннюю торговлю. Третья — завѣдуетъ „дѣлами, до провозовъ водою и сухимъ путемъ касающимися"; въ составѣ ея предположены: одинъ чиновникъ, знающій науку мореплаванія, одинъ корабельный мастеръ и два купца, содержатели судовъ. Четвертая экспедиція — таможенная; въ ней присутствуютъ 2 чиновника и два купца. Каждая экспедиція заполняется кромѣ того секретарями и канцелярскими служащими.

Изъ этого краткаго указанія видно, что коммерческое собраніе настаивало на смѣшанномъ составѣ коммерцъ-коллегіи: кромѣ чиновъ, назначаемыхъ отъ короны, она предполагала заполнить коллегію членами, выбираемыми отъ купечества, въ числѣ 14 человѣкъ; не забыло купечество и дворянъ, вводя ихъ въ количествѣ двухъ человѣкъ въ составъ одной изъ экспе-

дицій; любопытно также отмѣтить, что при 16 сословныхъ представителяхъ только 7 мѣстъ отводилось чинамъ, назначаемымъ правительствомъ; при такомъ порядкѣ сословные представители, точнѣе выбранные отъ купечества, получили бы явный перевѣсъ надъ остальной частью коммерцъ-коллегіи. Въ общемъ проектъ являлся оригинальнымъ сочетаніемъ бюрократизма съ выборнымъ началомъ, несвойственнымъ центральному вѣдомству, при чемъ въ создаваемомъ учрежденіи въ наиболѣе внушительномъ видѣ появляются представители того самаго сословія, которое болѣе другихъ было заинтересовано въ развитіи торговли [1]).

Свой проектъ купечество представило генералъ-прокурору Обольянинову и просило его, „яко особу, знающую всю связь государственныхъ сословій и истиннаго блюстителя пользъ государственныхъ",—„дополнить недостатки и поправить погрѣшности", если таковые въ ихъ „мнѣніи" окажутся.

Весь этотъ проектъ былъ пересмотрѣнъ и переработанъ Обольяниновымъ и кн. Гагаринымъ (министромъ коммерціи), а затѣмъ обсужденъ и поднесенъ Государю въ видѣ „Постановленія коммерцъ-коллегіи", которое удостоилось Высочайшаго утвержденія 13 сентября 1800 года [2]), а штатъ 14 сентября [3]). По новому устройству коммерцъ-коллегія была устроена въ слѣдующемъ видѣ.

Во главѣ ея стоялъ „министръ коммерціи" кн. Гагаринъ. Онъ, какъ „главный директоръ коллегіи, долженъ быть въ

---

[1]) Проектъ—*Сен. Арх., Дѣла канцеляріи генералъ-прокурора,* 1800 г., № 2424, л. 94—106.

[2]) Въ П. С. З. „Постановленіе" коммерцъ-коллегіи соединено съ Высоч. утв. мнѣніемъ министра коммерціи и другихъ о выпускѣ въ чужіе края пшеницы и помѣщено подъ однимъ номеромъ (19554), тогда какъ въ подлинной книгѣ Высоч. указовъ это—два отдѣльныхъ документа (съ двумя конфирмаціями, сдѣланными рукою Павла), которые представляютъ собой:

а) „Постановленіе коммерцъ-коллегіи", за подлинными подписями кн. Гагарина, Обольянинова, Рѣзваго, Ростовцева и др. (всего 41 подпись); съ конфирмаціей отъ 13 сентября 1800 г. въ такой формѣ: „Быть по сему" (*Сен. Арх., книги имен. указовъ,* № 330, л. 127—136);

б) краткое положеніе о вывозѣ пшеницы, выработанное министромъ коммерціи и коммерческимъ собраніемъ, за подписями кн. Гагарина, Обольянинова, Рѣзваго и др. (всего 8 подписей), съ конфирмаціей отъ 13-го же сентября, но въ такой формѣ: „Согласенъ. Быть по сему" (*Тамъ же,* л. 137).

[3]) П. С. З., № 19559 (см. книгу штатовъ).

непрерывномъ съ нею сношеніи": получая меморіи отъ коллегіи и будучи освѣдомленъ объ ея дѣятельности во всемъ объемѣ, министръ коммерціи, зная положеніе иностранныхъ государствъ и внутреннее состояніе Россіи, „предлагаетъ коллегіи свои замѣчанія" о пользѣ или вредѣ тѣхъ или другихъ дѣйствій по отношенію къ россійской торговлѣ. Замѣчанія министра обсуждаются коллегіей и „проводятся въ исполненіе, но не иначе, какъ по общему ея опредѣленію". Стоя надъ коллегіей, министръ, однако, не въ правѣ своею властью отмѣнять постановленій коллегіи: когда онъ найдетъ въ опредѣленіяхъ коллегіи что-либо незаконное или нецѣлесообразное, то предлагаетъ коллегіи свои „замѣчанія"; если же они не подѣйствуютъ, и коллегія останется при прежнемъ своемъ рѣшеніи, то министръ входитъ съ докладомъ къ Государю, излагая „положеніе" коллегіи и свое собственное мнѣніе, и Высочайшей властью утверждается то или другое.

Министръ является естественнымъ и необходимымъ посредникомъ между Верховной властью и коллегіей: черезъ него идутъ всѣ положенія коллегіи, требующія Высочайшаго утвержденія, имъ объявляются коллегіи Высочайшія повелѣнія; наконецъ, къ министру коммерціи черезъ президента отъ гр. Миниха перешли нѣкоторыя полномочія по части таможенъ и пошлинныхъ сборовъ: опредѣленіе и увольненіе чиновъ таможеннаго вѣдомства, посылка на мѣста надежныхъ чиновниковъ для разслѣдованія злоупотребленій и непорядковъ и прочее. Къ нему же отошла канцелярія, образованная при президентѣ указомъ 7 декабря 1799 года [1]). Таково было положеніе министра коммерціи.

Сама коллегія состояла изъ президента, вице-президента, 3 совѣтниковъ, 4 ассесоровъ, члена морского департамента и мастера строенія судовъ, съ прокуроромъ при ней, итого изъ 12 чиновъ (съ министромъ изъ 13), да въ составъ коллегіи входили 13 членовъ, избираемыхъ отъ купечества, мануфактуръ и заводовъ, всего изъ 25 человѣкъ (при особомъ ми-

---

[1]) О правахъ министра коммерціи см. „Постановленіе" 13 сентября 1800 г. (П. С. З., № 19554), пункты X—XII, XV.

нистрѣ съ нимъ—изъ 26). Кромѣ того въ канцеляріи коллегій находились: 5 секретарей, протоколистъ, два переводчика, два бухгалтера, два регистратора, архиваріусъ, экзекуторъ, кассиръ, комиссаръ и 7 коллегіи-юнкеровъ, итого 23 человѣка [1]).

По штату 1800 года на коммерцъ-коллегію вмѣстѣ съ канцелярскими и прочими расходами отпускалось 58.120 руб., а вмѣстѣ съ суммой, назначенной на канцелярію министра (2.200 руб.), штатные расходы составятъ 60.320 руб.

По внутреннему своему распорядку коммерцъ-коллегія, согласно „Постановленію" 13 сентября 1800 года, подраздѣлялась, въ полномъ соотвѣтствіи съ указаніемъ регламента коммерцъ-коллегіи на главные предметы, которыми она должна заниматься (торговля внѣшняя, внутренняя, судоходство, таможни и расправа), и съ проектомъ, выработаннымъ купечествомъ, на четыре экспедиціи. Первая должна была вѣдать дѣлами внѣшней торговли, вторая — внутренней торговлей, третья—дѣлами торговыхъ коммуникацій, четвертая—таможнями и „расправой россійскихъ купцовъ по дѣламъ коммерческимъ съ англичанами и между ними".

Что касается самого состава присутствія экспедицій, то на немъ сильно отразился проектъ купечества, который въ нѣкоторыхъ частяхъ почти безъ измѣненій вошелъ въ „Постановленіе" коммерцъ-коллегіи. Составъ этотъ слѣдующій. Въ первой экспедиціи присутствуютъ вице-президентъ, совѣтникъ, ассесоръ, двое купцовъ, торгующихъ съ европейцами, одинъ—съ азіатцами, одинъ—съ Китаемъ и повѣренный Американской компаніи; во второй: совѣтникъ, ассесоръ, „двое купцовъ внутреннихъ, одинъ отъ мануфактуръ, одинъ отъ заводовъ"; въ третьей: членъ морского департамента, мастеръ строенія судовъ, ассесоръ, одинъ отъ купечества по внутреннимъ транспортамъ, одинъ по внѣшнимъ; въ четвертой: совѣтникъ, ассесоръ, одинъ купецъ изъ торгующихъ внѣ, другой — внутри государства; „всего 23 члена, въ томъ

---

[2]) Книга штатовъ, XLIV, ч. II, стр. 378—380; здѣсь число ассесоровъ почему-то 6, тогда какъ въ „Постановленіи"—4.

числѣ 13 изъ купечества", какъ говорилось въ V пунктѣ „Постановленія [1])".

Каждая изъ названныхъ экспедицій занимается „собраніемъ свѣдѣній и соображеніемъ ихъ" въ той области, которая поручена ей; но экспедиціи дѣлъ не рѣшаютъ, а лишь высказываютъ свои „соображенія", которыя и представляютъ на обсужденіе общаго собранія коллегіи. Общее собраніе составляется изъ членовъ всѣхъ экспедицій; оно обсуждаетъ „постановленія", сдѣланныя въ экспедиціи, утверждаетъ, видоизмѣняетъ или отвергаетъ ихъ, а затѣмъ передаетъ свое постановленіе „къ исполненію".

Въ виду этого общее собраніе коммерцъ-коллегіи, по выраженію закона, есть „средина всѣхъ соображеній, къ торговлѣ россійской относящихся; никакая экспедиція положеній его перемѣнять, ни ограничить не можетъ, и въ отношеніи къ нему всѣ оныя суть только части исполнительныя, отъ распоряженій его зависящія и видамъ его подчиненныя". Общее же собраніе „опредѣляетъ предметы, идущіе на утвержденіе сената или Е. И. В—ва".

При такомъ значеніи общаго собранія коллегіи важную роль пріобрѣтаетъ то обстоятельство, что изъ 24 лицъ присутствующихъ, 13 являлись представителями купцовъ и фабрикантовъ, избираемыхъ изъ среды крупнаго торгово-промышленнаго сословія.

Если сравнить вновь организованную коммерцъ-коллегію съ проектомъ купечества, то окажется, что въ самомъ существенномъ и основномъ правительство поступило согласно съ желаніемъ коммерческаго собранія, а именно: а) оно ввело въ составъ центральнаго учрежденія выборныхъ представителей купечества, при томъ въ такомъ числѣ, что они количествомъ голосовъ въ засѣданіи могли, при полномъ единодушіи, побивать коронныхъ чиновниковъ; б) число экспедицій и предметы ихъ вѣдомства были указаны въ полномъ согласіи съ „мнѣніемъ" купечества. Лишь нѣкоторыя частности въ устрой-

---

[1]) Объ экспедиціяхъ см. пункты III—VII, XXI „Постановленія" 13 сентября 1800 года.

ствѣ коммерцъ-коллегіи были учреждены съ отступленіемъ отъ проекта купечества: такъ въ „Постановленіи“ отсутствуютъ дворяне въ числѣ двухъ человѣкъ, проектированные въ составѣ коллегіи; купцовъ опредѣлено 13, а не 14; чиновниковъ, назначаемыхъ отъ короны, поставлено 11, а не 7. Но все это мелочи сравнительно съ тѣмъ фактомъ, что въ составъ центральнаго учрежденія, благодаря новой организаціи, введены были выборные представители заинтересованнаго въ торговлѣ сословія въ преобладающимъ надъ чиновниками числѣ.

Впрочемъ, численнымъ преобладаніемъ, замѣчу, обольщаться не слѣдуетъ: президентъ, вице-президентъ, совѣтники коммерцъ-коллегіи и секретари, въ рукахъ которыхъ фактически сосредоточивалось дѣлопроизводство въ коллегіи, всѣ назначались правительствомъ; они имѣли сильную поддержку со стороны министра коммерціи, такъ что бюрократическій элементъ, даже будучи въ меньшинствѣ, очевидно, фактически долженъ былъ управлять всѣми дѣлами коллегіи и имѣть перевѣсъ надъ выборными въ смыслѣ вліянія на дѣла. Но тѣмъ не менѣе купечество пріобщалось къ дѣламъ управленія торговлей и такимъ путемъ пріобрѣтало полную и прямую возможность воздѣйствовать на направленіе торгово-промышленной политики правительства.

Если правительство такъ охотно откликнулось на желаніе купечества провести своихъ представителей въ составъ коммерцъ-коллегіи, то подобной отзывчивости не было по отношенію къ болѣе широкому проекту купечества объ учрежденіи „правленія промысловъ“, объединяющаго дѣятельность бергъ, мануфактуръ и коммерцъ-коллегій. Такого учрежденія устроено не было. Но нѣкоторый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ. По пункту IX „Постановленія коммерцъ-коллегіи“ было установлено слѣдущее правило: „Общее собраніе коллегіи, когда найдетъ нужнымъ, по связи предметовъ ея съ другими частьми государственнаго хозяйства, имѣть общее разсужденіе съ мануфактуръ и бергъ-коллегіею, приглашаетъ ихъ и по приглашенію сему коллегіи, назначивъ время, соединяются и входятъ въ общее разсужденіе“. Соединенныя

засѣданія трехъ коллегій были отвѣтомъ на проектъ купечества объ учрежденіи „правленія промысловъ“.

Кромѣ указаннаго выше, въ устройствѣ коммерцъ-коллегіи важную новость представляетъ собой появленіе должности министра. По положенію министръ коммерціи является „главнымъ директоромъ“ коллегіи, какъ бы ея начальникомъ; онъ—представитель коллегіи и посредникъ между нею и верховной властью.

Полномочія министра шире полномочій коллегіи; онъ имѣетъ свою канцелярію. Все это давало министру коммерціи весьма широкую власть надъ коллегіей. Однако, переходный порядокъ сказывался въ томъ, что министръ коммерціи еще не былъ министромъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Коллегіальный порядокъ еще былъ живучъ, и коммерцъ-коллегія имѣла право не соглашаться съ предложеніями министра,—она принимала ихъ къ свѣдѣнію, но не къ руководству, могла имѣть собственное свое „мнѣніе“ и оставаться при немъ даже послѣ „замѣчаній“, сдѣланныхъ министромъ. Однако, слѣдуетъ помнить, при разногласіяхъ между министромъ и коллегіей дѣло переходило на Высочайшее усмотрѣніе, и министръ, докладывая постановленіе коллегіи и свое собственное предположеніе, всегда имѣлъ возможность склонить волю Монарха на свою сторону, такъ что, если коллегія юридически сохраняла свою самостоятельность, то фактически эта самостоятельность была лишь тѣнью ея прежней власти, наоборотъ неполная юридически власть надъ коммерцъ-коллегіей ея новаго главы-министра—фактически превращалась въ единоличную полную министерскую власть, распоряжающуюся дѣлами по своему усмотрѣнію.

Дальнѣйшая судьба новаго порядка коллегіи была такова. Пунктъ о выборѣ членовъ коммерцъ-коллегіи изъ купечества сейчасъ-же потребовалъ нѣкотораго дополненія. Въ виду того, что „купцы должны присутствовать (въ коллегіи) по три года“, они ходатайствовали, чтобы имъ было позволено отлучаться въ теченіе этого времени по дѣламъ ихъ промысла. По докладу генералъ-прокурора, на это (13 сентября 1800 г.) послѣдовало Высочайшее соизволеніе съ тѣмъ, однако, дополне-

ніемъ, чтобы мѣста ихъ во время отпусковъ до возвращенія были заполнены избранными отъ ратгауза членами [1]).

Послѣ такого разъясненія постановленіе о членахъ коммерцъ-коллегіи изъ купечества было приведено въ исполненіе. 27 сентября 1800 г. сенатъ указомъ предписалъ С.-Петербургскому и Московскому городскому правленію избрать кандидатовъ и доставить списокъ къ генералъ-прокурору для поднесенія именъ кандидатовъ на Высочайшее утвержденіе. Уже 4 ноября Обольяниновъ, получивъ списокъ, представлялъ его Государю, который, „означивъ“ для присутствованія „изъ выбранныхъ купечествомъ“, приказалъ препроводить списокъ „для дополненія“ къ министру коммерцъ-коллегіи [2]). Такимъ путемъ вскорѣ же, по утвержденіи новаго положенія о коммерцъ-коллегіи, оно введено было въ дѣйствіе, и коллегія начала свою работу въ обновленномъ составѣ.

Каковы были плоды новаго устройства коммерцъ-коллегіи, сказать трудно въ виду того, что, съ одной стороны, дѣятельность коллегіи обновленнаго состава начиналась въ тяжелое для торговыхъ операцій время, въ моментъ разрыва съ Англіей и закрытія всѣхъ таможенъ по западной границѣ, съ другой—дѣйствіе новаго порядка продолжалось слишкомъ мало: едва только закрылъ глаза Павелъ, какъ сейчасъ же новшество въ коммерцъ-коллегіи было отмѣнено, купеческіе выборы указомъ 16 марта 1801 г. упразднялись, тогда какъ однимъ днемъ раньше, всѣ дворянскіе выборы возстановлялись. „Признавъ, что помѣщеніе въ коммерцъ-коллегіи членовъ, избираемыхъ изъ купечества, не только для усовершенствованія пользъ торговли безуспѣшно, но и для самого купечества, отлученнаго симъ образомъ отъ промысловъ и упражненій, имъ свойственныхъ, разорительно—говорилось въ указѣ о купеческихъ выборахъ—повелѣваемъ: оставя въ той коллегіи членовъ, отъ короны опредѣленныхъ, всѣхъ прочихъ, изъ купечества на срочнее время избранныхъ, отпустить въ ихъ домы, и впредь подобные выборы прекратить“ [3]).

---

[1]) *Сен. Арх., Дѣла канцеляріи генералъ-прокурора*, № 2426, л. 142; П. С. З. № 19555.

[2]) *Тамъ же*, № 2426, *л.* 160.

[3]) П. С. З., XXVI, № 19792.

Въ отношеніи компетенціи коммерцъ-коллегія осталась въ прежнемъ положеніи, намѣченномъ еще Петровскимъ регламентомъ этой коллегіи: торговля внѣшняя и внутренняя, пути сообщенія, обслуживающія торговлю, „вѣдомство таможенъ съ иностранною купеческою расправою и судною частью"—вотъ главнѣйшіе предметы вѣдомства коммерцъ-коллегіи. Въ этихъ областяхъ если и происходили какія-либо измѣненія въ Павловское время, то онѣ касались количественнаго расширенія предметовъ вѣдомства, но не качественнаго. Такъ, напр., когда учреждена была американская торговая компанія и нѣкоторые иркутскіе граждане изъявляли желаніе составить другія подобныя компаніи, то указомъ 5-го августа 1797 г., въ интересахъ дѣла и дабы предотвратить появленіе многихъ компаній, наносящихъ вредъ другъ другу своей конкуренціей, какъ открытая американская компанія, такъ и другія вновь учреждаемыя были поставлены „подъ дирекцію государственной коммерцъ-коллегіи" [1]). Когда послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ Тавридѣ консулата, то президентъ коммерцъ-коллегіи предложилъ ей выработать соотвѣтствующее положеніе, что коллегія и исполнила, докладъ ея о „должности" консулата, съ приложеніемъ штата, былъ представленъ Государю и получилъ Высочайшее утвержденіе, при чемъ вновь образованный консулатъ былъ поставленъ въ прямую зависимость отъ коммерцъ-коллегіи въ отношеніи торговыхъ дѣлъ [2]).

Переходя къ характеристикѣ дѣятельности коммерцъ-коллегіи, я остановлюсь: а) на торговлѣ, б) таможенномъ дѣлѣ и в) путяхъ сообщенія, какъ на главнѣйшихъ предметахъ вѣдомства названной коллегіи.

Въ отношеніи торговли вторая половина XVIII вѣка несла за собой значительныя колебанія: русское правительство какъ въ силу требованій внутренней экономической политики, такъ и вслѣдствіе дипломатическихъ соображеній и международныхъ отношеній то переходило отъ запретитель-

---

[1]) П. С. З., № 18076.

[2]) Тамъ же, Выс. утв. докладъ 30 апр. 1797 г.—№ 17971.

ной системы къ опредѣленно выраженной системѣ свободы торговли, то снова возвращалось къ идеямъ меркантилизма и возстановляло систему покровительства отечественной промышленности и высокій тарифъ. Характернымъ показателемъ того, какъ дипломатическія соображенія вліяли на торговлю и тарифъ, служитъ манифестъ 8-го апрѣля 1793 г., которымъ запрещался вывозъ изъ Россіи во Францію какихъ-бы то ни было русскихъ товаровъ и привозъ изъ Франціи всякихъ товаровъ, а также безусловно запрещались къ ввозу откуда бы то ни было предметы роскоши и товары, которые могли бы подъ чужой фирмой и черезъ другія страны проникнуть изъ Франціи [1]). Правда, при изданіи этого запрещенія играли роль соображенія экономическія—правительство надѣялось такимъ путемъ поддержать пошатнувшійся торговый балансъ, складывавшійся не въ пользу Россіи, но также не въ меньшей степени здѣсь сказывались соображенія политическія. Императрица Екатерина II съ раздраженіемъ относилась къ французской революціи и новому республиканскому правительству, и въ союзѣ съ Австріей, Пруссіей и Англіей рѣшила закрыть доступъ французскимъ фабрикатамъ на русскій рынокъ и запретить отпускъ сырья во Францію, чтобы такимъ путемъ довести ее до разоренія и финансоваго банкротства [2]). По словамъ Н. Д. Чечулина, запретъ 1793 года былъ „первымъ въ нашей исторіи XVIII вѣка случаемъ, что политическія соображенія повліяли непосредственно на постановленія о заграничной торговлѣ“ [3]). Конецъ Екатерининскаго царствованія былъ временемъ возвращенія отъ попытокъ свободы торговли къ запретительной системѣ, правда, въ довольно умѣренной формѣ.

Правительство Павла I, не смотря на нѣкоторыя частичныя отклоненія, въ сущности продолжало политику императрицы Екатерины II. Какъ оно смотрѣло на торговлю и какого направленія держалось, это видно изъ слѣдующихъ

---

[1]) П. С. З., № 17111; ср. № 17103, 17303 и др.

[2]) К. Лодыженскій, Исторія русскаго таможеннаго тарифа, П., 1886 г., 148—155.

[3]) Чечулинъ Н. Д., Очерки по исторіи рус. финансовъ, 216.

указовъ. „Съ самаго начала царствованія нашего, говорилось въ указѣ 23 марта 1800 года, простерли мы вниманіе на торговлю, вѣдая, что она есть корень, откуда обиліе и богатство произрастаютъ“ [1]). Въ другомъ указѣ читаемъ: „Утверждаясь на неоспоримыхъ истинахъ, что торговля есть первѣйшій источникъ всеобщаго изобилія, и назидая неусыпно о благѣ нашихъ подданныхъ, восхотѣли мы усугубить въ недрахъ державы нашей важную отрасль сію новыми средствами, къ распространенію ея служащими“ [2]). При такомъ взглядѣ на торговлю правительства, важно, при обзорѣ дѣятельности коммерцъ-коллегіи, установить, какъ складывалась практика, направленная къ „распространенію“ торговли.

Прежде всего въ интересахъ распространенія торговли поощряется отечественная промышленность, фабрикаты которой должны заполнять внутренній рынокъ. Ради этой цѣли, съ одной стороны, запрещается, напр., ввозъ иностранныхъ шелковыхъ, бумажныхъ, льняныхъ и пеньковыхъ матерій, ввозъ заграничныхъ зеркалъ, хрусталя, фарфора, стекляной и каменной посуды, запрещалось привозить иностранную сталь, соль и прочее [3]); и этимъ обстоятельствомъ поощрялись отечественные промышленники и фабриканты къ производству подобныхъ предметовъ и къ распространенію ихъ на русскомъ внутреннемъ рынкѣ. Съ другой стороны, всякими мѣрами положительнаго характера, субсидіями, привилегіями, дачей казенныхъ заказовъ фабриканты поощрялись къ тому, чтобы они вырабатывали продукты не только для казны, но и на вольную продажу; такъ, напр., было по отношенію къ суконнымъ фабрикантамъ и горнымъ заводчикамъ [4]). Въ цѣляхъ облегченія купцовъ въ платежѣ пошлинъ, указомъ 14 августа 1798 г. велѣно было, въ случаѣ недостатка серебряной и золотой монеты, принимать отъ купцовъ слитки

---

[1]) П. С. З., № 19347.
[2]) Тамъ же, указъ 18 дек. 1797 г.—№ 18275.
[3]) П. С. З., № 19697, 19620, 19673, 19685, 19693 (о лошадяхъ).
[4]) Тамъ же, № 19563. Опись, отд. III, т. II.

золотые и серебряные [1]). Губернскимъ властямъ вообще предписывалось всѣми мѣрами содѣйствовать торговлѣ.

Русской иностранной торговлѣ нанесенъ былъ ударъ разрывомъ дипломатическихъ сношеній съ Англіей и полнымъ запрещеніемъ торговли съ нею. Первымъ ударомъ въ этомъ направленіи былъ Высочайшій указъ 24 авг. 1800 г., по которому велѣно было всѣ англійскія суда арестовать, на конторы и капиталы наложить запрещеніе [2]). Впрочемъ, черезъ нѣсколько же дней Павелъ, узнавъ, что „англійское правительство во всемъ датскому сдѣлало удовлетвореніе", приказалъ (30 августа)—суда освободить, конторы распечатать, торговлю „возстановить по прежнему". Заарестованіе товаровъ и кораблей не было мѣрой, придуманной русскимъ правительствомъ, оно было примѣненіемъ того же способа борьбы, какой уже практиковался французскимъ правительствомъ по отношенію къ англичанамъ и русскимъ [3]).

Черезъ два мѣсяца, въ виду захвата англичанами острова Мальты, послѣдовалъ окончательный разрывъ дипломатиче-

---

[1]) П. С. З., № 18621.

[2]) Указъ Павла на имя с.-петербургскаго военнаго губернатора Свѣчина: „Увѣдомясь, что англійское правительство въ нарушеніе общихъ народныхъ правъ, дозволило себѣ насильственнымъ образомъ обидѣть датскій флагъ заарестованіемъ купеческихъ ихъ кораблей, шедшихъ подъ прикрытіемъ датскаго военнаго фрегата; таковое покушеніе пріемля Мы въ видѣ оскорбленія, самимъ Намъ сдѣланнаго, и обезпечивая собственную Нашу торговлю отъ подобныхъ сему наглостей, повелѣваемъ: всѣ суда, англійской державѣ принадлежащія, во всѣхъ портахъ Нашей имперіи арестовать и на всѣ конторы англійскія и на всѣ капиталы, англичанамъ принадлежащіе, наложить запрещеніе; а какимъ образомъ въ семъ поступить, имѣете снестись съ президентомъ коммерцъ-коллегіи кн. Гагаринымъ" (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 2473, л. 1).

Въ связи съ этимъ любопытно слѣдующее Высочайшее повелѣніе отъ 28 августа: „Е. И. В—во, узнавъ, что по случаю амбарго, наложеннаго на англійскіе корабли и закрытія ихъ конторъ, россійское купечество предъявило притязанія на убытки, потерпѣнные ими отъ перевода капиталовъ своихъ чрезъ сіи конторы, Высоч. повелѣть соизволилъ—объявить россійскому купечеству, что Государь Императоръ съ неблаговоленіемъ пріемлетъ: первое, что въ своемъ собственномъ государствѣ допустило оно англичанъ завладѣть коренною его торговлею и привело себя въ положеніе простыхъ коммиссіонеровъ или приказчиковъ; второе, что, измѣряя государственныя пользы одними частными своими интересами, предпочло ихъ при семъ случаѣ отечественнымъ выгодамъ и доказало тѣмъ, сколь мало дѣйствуетъ надъ нимъ истинная любовь къ отечеству и приверженность къ существенному его благу" (*Тамъ же*, л. 5; „объявлено купечеству").

[3]) Ср. П. С. З., № 18554. Е. В. Тарле, Континентальная блокада, М., 1913, стр. 139—140; ср. 142, 152 и др.

скихъ отношеній между Россіей и Англіей, а также изданъ былъ рядъ распоряженій о торговлѣ съ англичанами. 23-го октября (1800 г.) велѣно было генералъ-прокурору и коммерцъ-коллегіи „наложить секвестръ на всѣ англійскія суда, въ россійскихъ портахъ находящіяся", что тогда же и было исполнено. Черезъ день коммерцъ-коллегія, наложивъ секвестръ не только на англійскіе корабли, но и на товары, сложенные въ пакгаузы, просила Высочайшаго разрѣшенія, „какъ поступить съ товарами: 1) которые привезены сюда къ англичанамъ, въ здѣшнее купечество записавшимся; 2) которые хранятся на биржевомъ гостиномъ дворѣ въ вѣдомствѣ таможни въ амбарахъ, розданныхъ англичанамъ, и наконецъ, 3) съ тѣми, которые готовы къ плаванію не въ англійскихъ корабляхъ, принявшихъ въ себя часть англійскаго груза". Президентъ коммерцъ-коллегіи Г. Р. Державинъ, съ своей стороны, полагалъ, что слѣдовало бы подвергнуть секвестру „всѣ товары, дѣйствительно англичанамъ принадлежащіе, у кого, гдѣ и съ какимъ бы постороннимъ товаромъ (они) ни находились". Отвѣтомъ было Высочайшее повелѣніе 25 октября—наложить секвестръ, согласно представленію не только на суда, но и на всѣ товары, дѣйствительно англичанамъ принадлежащіе [1]). А 28 окт. приказано было всѣхъ арестованныхъ на корабляхъ англійскихъ шкиперовъ и матросовъ (числомъ 1043 человѣка, а въ концѣ января ихъ числилось 1126) распредѣлить по провинціальнымъ городамъ, не болѣе какъ по 10 человѣка въ каждомъ, и давать имъ „окладъ какъ жалованья, такъ и на провіантъ противъ армейскихъ солдатъ" [2]).

---

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 2473, л. 68. О распоряженіяхъ коммерцъ-коллегіи по поводу арестованныхъ товаровъ и о наблюденіи, чтобы лѣса, разрѣшенные къ отпуску, не были обращены въ Англію (Высоч. повелѣніе 26 окт.)—см. л. 97, 108 и др.

[2]) *Тамъ же*, л. 126, 154, 398.

Въ ноябрѣ и позднѣе министръ коммерціи кн. Гагаринъ вмѣстѣ съ самой коллегіей принималъ мѣры и много хлопоталъ по поводу арестованныхъ кораблей и товаровъ. Такъ, 5 ноября, несмотря на состоявшееся запрещеніе, въ Кронштадтъ прибылъ новый англійскій корабль „Альбіонъ" съ товарами, и былъ арестованъ; по распоряженію же министра коммерціи, товары были перевезены въ Спб. таможню (л. 158). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ находившіеся на рейдѣ одинъ

Въ связи съ конфискаціей товара поднялся сложный вопросъ о расчетахъ и кредитныхъ операціяхъ между англійскими и русскими купцами. По этому поводу 22 ноября 1800 г. изданъ былъ Высочайшій указъ коммерцъ-коллегіи: „Состоящіе на россійскихъ купцахъ долги англичанъ впредь до расчета остановить, а имѣющіеся въ лавкахъ и магазинахъ англійскіе товары въ продажѣ — запретить и описать“ [1]). Затѣмъ 30-го ноября, по ходатайству русскихъ купцовъ, англійскіе товары велѣно было продавать ради уплаты долговъ [2]); тогда же „для проведенія въ извѣстность и для надлежащаго разсмотрѣнія обоюдныхъ долговыхъ расчетовъ россійскихъ купцовъ съ англійскими“ велѣно было, по представленію министра коммерціи, учредить сначала въ С.-Петербургѣ, а позднѣе въ Ригѣ и Архангельскѣ, ликвидаціонныя конторы [3]).

Въ связи съ тѣмъ-же стоитъ и другой вопросъ — о пріемѣ русскаго подданства нѣкоторыми англичанами. Оказалось, что нѣ-

---

корабль въ Перновѣ и 5 въ Ригѣ были переведены, въ виду близкаго наступленія зимы и невозможности ввести ихъ въ устья рѣкъ по величинѣ кораблей, въ Ревель (л. 184). 26-го ноября кн. Гагарину дано было предписаніе объ уплатѣ при работахъ по выгрузкѣ англійскихъ товаровъ флотскимъ служителямъ по 10 коп. въ день, обычную заработную плату ихъ, отнеся расходъ на счетъ англійскаго купечества (л. 249). Въ концѣ 1800 г. и началѣ 1801 г., при содѣйствіи коммерцъ-коллегіи и таможни, разгружались англійскіе корабли, при чемъ выгружено было (и выгружались) до средины января 19 кораблей, еще оставалось—80 кораблей (л. 388).

[1]) П. С. З., № 19660.

[2]) „Россійскіе купцы, торгующіе въ гостиномъ дворѣ и рынкахъ, у коихъ запечатаны англійскіе товары, всеподданнѣйше просятъ Государя Императора, о всемилостивѣйшемъ дозволеніи распродать оные товары. Осмѣливаюсь утруждать о семъ потому, что большая часть денегъ за тѣ товары ими заплачена, что теперь лучшее время къ розничной продажѣ, доставляющей имъ единственный способъ къ заплатѣ ихъ долговъ разнымъ кредиторамъ. Но дабы никто безъ особаго Высоч. повелѣнія чего не купилъ отъ англичанъ, или другихъ націй чего англійскаго, то благоволено бы было ко всему описанному англійскому приложить печати съ тѣмъ, что если безъ печатей у кого впредь товары найдутся, тѣхъ наказывать, какъ преступниковъ, и не благоугодно-ли будетъ повелѣть на такую сумму, какую опи должны англичанамъ, товаровъ отъ нихъ отобрать, пріобща къ прочимъ арестованнымъ у англичанъ, или отъ русскихъ принять по срокамъ деньги въ общую массу англичанъ для воловаго расчета съ россійскими“. „Быть по сему“. 30 ноября 1800 г. (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 2473, л. 259).

[3]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*. № 2473, л. 283 и 433 и др. Высоч. утвержденный докладъ коммерцъ-коллегіи объ учрежденіи ликвидаціонной конторы 25 ноября 1800 г.—П. С. З., № 19667; въ Ригѣ и Архангельскѣ—14 янв. 1801 г. (л. 383).

сколько англійскихъ купцовъ, издавна поселившихся въ Россіи, гдѣ они, на основаніи указа 20 окт. 1783 г., не принуждались къ вступленію въ россійское подданство, подверглись общей участи: по указу 22 ноября 1800 г. всѣ ихъ товары, какъ англійскіе, такъ и другіе, были заарестованы. Тогда они выразили свое желаніе „вступить въ вѣчное подданство Государя Императора", причислиться къ россійскому купечеству и мѣщанству, дабы пользоваться всѣми правами и выгодами, какія этимъ званіямъ предоставлены по закону. На докладъ объ этомъ сначала послѣдовало единичное разрѣшеніе вступить въ мѣщанство одному англичанину, который жилъ въ Ригѣ, а потомъ 7 декабря 1800 г. состоялось Высочайшее повелѣніе—„коммерцъ-коллегіи съ ратгаузомъ учинить положеніе и внести въ докладъ къ Государю Императору" [1]).

Начавшаяся съ конца 1800 года борьба Россіи и Англіи въ области торговли съ каждымъ мѣсяцемъ усиливалась, причемъ наиболѣе активно велъ эту борьбу самъ Государь. Уже 19 ноября 1800 г. дано было общее предписаніе о томъ, чтобы „впредь до повелѣнія не впущать въ Россію никакихъ англійскихъ товаровъ" [2]). Собственно такого распоряженія было достаточно для портовъ, таможенъ и заставъ, чтобы пресѣчь доступъ въ Россію товаровъ англійскаго происхожденія. Гораздо труднѣе было бороться съ тѣмъ, чтобы русское сырье не шло въ Англію. Ради этой цѣли 15-го декабря объявлено было Высочайшее повелѣніе: „чтобы со всею строгостью наблюдаемо было, дабы никакіе россійскіе продукты не были вывозимы никакимъ путемъ и ни подъ какимъ предлогомъ къ англичанамъ", и чтобы коммерцъ-коллегія учинила соотвѣтствующія распоряженія. А затѣмъ 18 февраля 1801 года снова было подтверждено то же распоряженіе примѣнительно къ вывозу пеньки [3]).

---

[1]) *Тамъ же*, № 2473, л. 284—285.

[2]) Это и другія Высоч. повелѣнія коммерцъ-коллегіи о торговлѣ съ Англіей— см. въ книгѣ А л е к с а н д р е н к о, Рус. дипломат. агенты, II, 282—285.

[3]) П. С. З., № 19755. Высоч. повелѣніемъ предписывалось, „чтобы со стороны коммерцъ-коллегіи приняты были мѣры, дабы пенька отъ россійскихъ портовъ ни подъ какимъ видомъ и ни чрезъ какую націю не была отпускаема и переводима въ Англію, а потому и должно принять предосторожность, чтобы

Однако, такихъ предписаній было недостаточно. Оказалось, что русскіе матерьялы идутъ въ Англію черезъ Пруссію. Тогда послѣдовало запрещеніе вывоза товаровъ изъ Россіи въ Пруссію, причемъ коммерцъ-коллегія обязана была объявить, что запрещеніе это, „по существующей между сими державами тѣснѣйшей связи, не на сіе государство обращается, но есть общая мѣра, принятая правительствомъ къ пресѣченію вывоза товаровъ въ Англію", при чемъ это запрещеніе „распространяется повсемѣстно на всѣ Балтійскіе и прочіе порты къ единственному пресѣченію видовъ, англичанами принятыхъ" [1]).

На этомъ основаніи русское правительство начало зорко наблюдать за всѣми кораблями, выходящими изъ русскихъ портовъ. Еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ одинъ шведскій корабль, нагруженный англійскими товарами, послѣ арестованія его на Рижскомъ рейдѣ, сумѣлъ освободиться, вѣроятно, при содѣйствіи шведскаго консула, и уйти въ море [2]). Повидимому, англичане прибѣгали къ разнымъ уловкамъ, чтобы обходить изданныя запрещенія и вывозить русскіе товары въ Англію на нейтральныхъ судахъ. Чтобы пресѣчь возможность подобныхъ попытокъ или по меньшей мѣрѣ стѣснить ихъ, Павелъ приказалъ (въ мартѣ 1801 г.) коммерцъ-коллегіи сдѣлать общее распоряженіе о томъ, „чтобы изъ россійскихъ портовъ и пограничныхъ сухопутныхъ таможенъ и заставъ никакихъ россійскихъ товаровъ выпускаемо никуда не было безъ особаго Высочайшаго повелѣнія" [3]). Это распоряженіе было самой крайней мѣрой въ борьбѣ русскаго правительства съ заграничнымъ товарообмѣномъ и имѣло цѣлью—

комиссіи, даваемыя отъ англичанъ по сей части купечеству и конторамъ другихъ націй, не имѣли никакого дѣйствія; россійскому же купечеству объявить, что ежели таковой переводъ, подъ какимъ бы то предлогомъ ни было, открыть будетъ, то все количество сего товара будетъ описано и конфисковано въ казну безъ всякаго имъ платежа". Коллегія приняла мѣры какъ внутри государства, такъ и за границей, предписавъ консуламъ и маклерамъ доставлять сюда свѣдѣнія „о всѣхъ иностранныхъ спекуляціяхъ, сей монаршей волѣ противныхъ".

[1]) П. С. З., указъ 9 февр. 1801 г.—П. С. З., № 19747.

[2]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 2473, л. 205.

[3]) Указъ 11 марта коммерцъ-коллегіи—П. С. З., № 19775.

воспрепятствовать вывозу русскаго сырья и матерьяловъ въ Англію [1]).

Порвавъ торговыя сношенія съ Англіей, Россія возобновила свою торговлю съ Франціей. Въ февралѣ 1801 года въ присутствіе коммерцъ-коллегіи прибылъ по Высочайшему повелѣнію генералъ-прокуроръ и сообщилъ о томъ, что французскимъ правительствомъ воспрещено нападать на россійскіе корабли; коллегія немедленно же оповѣстила объ этомъ купечество, портовыя и пограничныя таможни и заставы. Вмѣстѣ съ тѣмъ 8-го февраля послѣдовалъ такой указъ: „Вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ со стороны Франціи къ безопасности и охраненію россійскихъ кораблей, повелѣваемъ сношеніе съ сею державою по торговлѣ разрѣшить и прежде положенныя на сіе запрещенія отмѣнить" [2]). Однако, этотъ указъ не могъ существенно отразиться на торговыхъ оборотахъ въ виду того, что торговыя пути на сѣверѣ и западѣ были въ рукахъ англичанъ.

Гораздо существеннѣе были попытки русскаго правительства—отъ запада повернуться къ востоку и завоевать себѣ азіатскій рынокъ. Съ этою цѣлью предпринимается рядъ мѣръ къ увеличенію торговли съ Персіей, Хивой и Бухарой, Индіей и Китаемъ. На далекій сказочный востокъ обращены были взоры Павла и его помощниковъ въ дѣлѣ распространенія торговли. Еще въ 1898 году указомъ 23 декабря, въ интересахъ „распространенія торговли и оборотовъ съ азіатскими народами", разрѣшено было вывозить черезъ Астраханскій портъ и таможни Кизлярскую, Моздокскую и Троицкую—желѣзо, предметы слесарной и кузнечной работы, мѣдь, олово, иностранную золотую и серебряную монету и хлѣбъ; прежнее

---

[1]) По поводу указа 11 марта 1801 г. В. И. Семевскій замѣтилъ: „Безуміе Павла дошло до того, что въ послѣдній день его жизни былъ объявленъ" указъ о невыпускѣ товаровъ изъ россійскихъ портовъ безъ особаго Высоч. повелѣнія (предисловіе къ книгѣ Брикнера, Смерть Павла I, XXI, примѣч. 2). Но если видѣть въ этомъ указѣ актъ безумія Павла, то придется признать, что подобнымъ же безуміемъ страдалъ и Наполеонъ, когда устанавливалъ континентальную блокаду ради борьбы съ Англіей.

[2]) П. С. З., № 19746.

запрещеніе оставалось лишь на вывозѣ воинскихъ снарядовъ [1]). Въ 1798 и 1799 годахъ издавались распоряженія объ охранѣ и безопасности купцовъ, торговавшихъ въ Средне-Азіатскихъ странахъ: въ Ташкентѣ, за Ураломъ и по Сибирской линіи вблизи Иртыша [2]). Разсматривались въ совѣтѣ Его Величества, а также и въ коммерцъ-коллегіи вопросы о развитіи торговли съ Персіей и Китаемъ по случаю поданныхъ проектовъ кол. асс., консула Скабиневскаго и иркутскаго купца Щегорина [3]).

Всѣ указанныя распоряженія и обсужденія были лишь разрозненными попытками къ рѣшенію вопроса объ азіатской торговлѣ; они не были настоятельно необходимыми въ виду происходившаго товарообмѣна съ Англіей. Чрезвычайно остро вопросъ о торговыхъ рынкахъ былъ поставленъ осенью 1800 г., когда разразился конфликтъ съ Англіей. Разрывъ съ Англіей разомъ пріостановилъ отпускъ многихъ товаровъ, купцамъ необходимъ былъ какой-либо выходъ, и вотъ правительство начинаетъ изыскивать способы, которыми можно было бы смягчить кризисъ, старается найти новые рынки, куда можно было бы направить русскіе товары. Осенью и зимой 1800—1801 года происходятъ частыя совѣщанія [4]), идетъ оживленная переписка по поводу торговыхъ операцій. Еще въ концѣ 1799 года Государемъ поручено было президенту коллегіи „истребовать нѣсколько человѣкъ, знающихъ состояніе россійской торговли, купцовъ, по выбору с.-петербургскаго городского общества". Съ избранными купцами Павелъ бесѣдовалъ на засѣданіи совѣта 1-го декабря 1799 г. и изволилъ „ото-

---

[1]) П. С. З., № 18792.

[2]) Арх. государ. совѣта, II, 672—682; ср. бумаги совѣта о торговлѣ съ Хивою (стр. 623 и сл.), въ числѣ которыхъ—мнѣніе коммерцъ-коллегіи о причинахъ запрещенія хивинскимъ и бухарскимъ купцамъ проѣзда съ товарами внутрь Россіи (655—657—„выгоду внутренней распродажи товаровъ нужнѣе предоставить однимъ россійскимъ купцамъ"), записка о вывозѣ золота и серебра черезъ Астраханскую границу и вѣдомость, составленная той же коллегіей, о количествѣ товаровъ, прошедшихъ Астраханскій портъ (664—668).

[3]) Тамъ же, 681—733, 733—880 (предложеніе Щегорина признано было „неудобоисполнимымъ").

[4]) См. Арх. государ. совѣта, II, 623, 681 и др. П. С. З., № 19624. *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 2424, 2490.

зваться къ онымъ купцамъ о своемъ высокомонаршемъ и отеческомъ благорасположеніи" [1]).

Въ сентябрѣ 1800 года, вслѣдъ за первымъ разрывомъ торговыхъ отношеній съ Англіей, генералъ-прокуроръ, по Высочайшему повелѣнію, обратился къ тому же купечеству съ такимъ предложеніемъ: „Благоугодно Государю Императору знать, кто именно изъ россійскаго купечества производитъ торговлю отъ Оренбурга въ Хиву своими транспортами и какъ велики отправляемые туда караваны и если будутъ и впредь желающіе производить сей промыселъ, то, для охраненія ихъ въ пути и для прикрытія, по Высочайшему повелѣнію будутъ даваться казачьи эскорты"; „избранному купечеству предложить сей предметъ на его разсужденіе и, отобравъ мысли его и совѣты, обо всемъ прошу меня увѣдомить" [2]).

---

[1]) „Е. В-во, говорится по этому поводу въ протоколѣ совѣта, надѣется отъ нихъ (купцовъ), яко членовъ общества, что они необиновенно учинятъ такія съ своей стороны замѣчанія, какія, по лучшему своему свѣдѣнію всѣхъ обстоятельствъ торговли, признаютъ нужными, соглашая однако-жъ свою пользу съ необходимою по надобностямъ государственнымъ казенною выгодою" (Архивъ госуд. совѣта, II, 133).

Какое дѣйствіе эта рѣчь Императора произвела на купцовъ, можно видѣть изъ послѣдующаго представленія купечества Обольянинову 1-го сент. 1800 г., когда купцамъ велѣно было подать свое мнѣніе о пользахъ и нуждахъ торговли и промышленности. Его В-во отнесся къ намъ, писали купцы, „съ неслыханнымъ милосердіемъ": „классъ людей, донынѣ отъ престола монаршаго удаленный, призываетъ предъ священную особу свою, удостаиваетъ всемилостивѣйшаго своего разговора о ихъ нуждахъ, яко отецъ среди чадъ своихъ и повелѣваетъ изустно донести себѣ все то, что для пользы ихъ и пользы государства учредить по премудрому Его намѣренію нужно быть можетъ... Обрадованные и удивленные такимъ милосердіемъ, дотолѣ неслыханнымъ", купцы выражаютъ вѣрноподданническую „благодарность и благоговѣніе", „сообразно общему всѣхъ желанію", молятъ Бога о сохраненіи здравія Государя и всей его фамиліи и представляютъ свое мнѣніе объ устройствѣ россійской промышленности и торговли (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 2424, л. 96 и сл.).

[2]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 2490, л. 6 (Рѣзвому).

Купечество выразило благодарность Государю за „новую милость" Е. В-ва, „изъявляемую россійской торговлѣ пожалованіемъ эскортовъ для препровожденія каравановъ". На это послѣдовало 16 сент. Высоч. повелѣніе: „Торгующему купечеству въ Хивіи объ эскортѣ каравановъ относиться просто вѣдѣніями къ военному губернатору (оренбургскому) Бахметеву" (*Тамъ же*, л. 9).

Тогда же отъ купечества была представлена именная вѣдомость купцовъ, торгующихъ отъ Оренбурга въ Бухарію и Хиву, съ указаніемъ на сумму торга; среди купцовъ—московскіе (Куманины), переяславскіе (Крестовскіе, Куманины, Новоселовъ), ростовскіе (Кекинъ, Щаповы, Серебрянниковы, Кандаловы) и др. Всего торгъ доходилъ ежегодно до 2.300 тыс. рублей (л. 10).

Въ отвѣтъ на обращеніе генералъ-прокурора купечество составило записку о положеніи торговли съ Бухаріей и Хивой черезъ Оренбургъ, а въ запискѣ указывало на трудности этой торговли благодаря дальности пути, неудобствамъ перевоза товаровъ (на верблюдахъ, по пескамъ), а также частымъ грабежамъ со стороны киргизъ и другихъ инородцевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ купечество полагало, что „для усиленія торга" изъ Оренбурга въ Бухару и Хиву ради государственной пользы необходимо нужно принять нѣкоторыя мѣры [1]) и запросить оренбургское начальство и купечество.

Въ согласіи съ представленіями столичнаго купечества оренбургскому губернатору Бахметеву былъ отправленъ указъ (18 сент. 1800 г.) о томъ, чтобы онъ пригласилъ къ себѣ купцовъ, собралъ отъ нихъ свѣдѣнія о торговлѣ съ Хивой и выяснилъ, какія „средства" они „находили бы нужными и полезными къ ободренію сей части россійской торговли" [2]).

---

[1]) А именно: 1—разрѣшить отпускъ солдатскихъ суконъ, запрещенный въ виду нуждъ арміи; 2 — дозволить россійскимъ купцамъ самимъ ѣздить въ Хиву и Бухару; 3—запретить азіатцамъ продавать въ Оренбургѣ свои товары на деньги, торговлю же вести путемъ обмѣна ихъ товаровъ на товары россійскіе; лишь на $^1/_{10}$ позволить продавать на деньги для покрытія необходимыхъ расходовъ; 4—обезопасить движеніе каравановъ путемъ строжайшихъ подтвержденій и угрозъ наказаніемъ киргизамъ, среди которыхъ идутъ пути; 5—предоставить киргизамъ право продавать пригоняемый ими скотъ по вольной цѣнѣ, безъ вмѣшательства ихъ истцовъ; 6—по возможности воспрепятствовать записи азіатцевъ въ число „гильдейскихъ гостей", такъ какъ иначе они продаютъ свои товары за деньги, покупаютъ серебряную и золотую монету и увозятъ ее съ собою. Сверхъ того столичные купцы полагали, что слѣдуетъ запросить свѣдѣнія о торговлѣ отъ оренбургскаго начальства и тамошнихъ купцовъ.

На 1-й пунктъ послѣдовало Высоч. повелѣніе: „Фабрикантамъ тѣмъ, кои точно обяжутся все то количество, что для военнаго деп-та сукна, корозеи и кирзы потребно есть, поставлять, тѣмъ позволить на продажу вольную и заграничную въ Азіи торгующимъ продавать" (*Тамъ же*, л. 11—14).

[2]) Въ тотъ же день въ дополнительномъ указѣ Бахметеву было разъяснено, чтобы онъ отобралъ у купечества прежде всего мнѣнія: 1) „какимъ образомъ привести сію торговлю въ такое положеніе, чтобы весь ея оборотъ состоялъ въ размѣнѣ товаровъ, „чтобы россійская монета въ руки азіатцевъ не переходила"; 2) „какъ пресѣчь злоупотребленіе, что азіатцы записываются въ россійское купечество, подъ симъ видомъ снимаютъ отъ единомышленниковъ своихъ комиссіи и, принимая товары ихъ на свое имя, отпускаютъ ихъ внутрь Россіи, и такимъ образомъ внѣшній торгъ превращая во внутренній на товары, къ единой мѣнѣ предоставленные, получаютъ деньги и выпускаютъ ихъ за-границу" (л. 17 и 22). Въ указѣ 14 окт. Бахметевъ запрашивался о „торговыхъ дорогахъ", ему извѣстныхъ (л. 5).

Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-прокурору Обольянинову и адмиралу де-Рибасу было повелѣно „составить положеніе о распространеніи торговли съ Индіей, Бухаріей и Хивою". Тѣмъ временемъ министръ коммерціи кн. Гагаринъ получилъ отъ оренбургскаго купечества его ходатайство объ устройствѣ компаніи для непосредственной торговли съ азіатскими областями. Военный же губернаторъ сообщалъ, что „торгъ въ Хиву, Бухарію и Индію черезъ Оренбургъ по многимъ причинамъ не столь удобенъ, какъ чрезъ Астрахань и по Каспійскому морю, тѣмъ болѣе, что нынѣ даже сами индійцы ежегодно въ Астрахани торгъ производятъ".

Получивъ всѣ эти свѣдѣнія, Обольяниновъ и де-Рибасъ составили записку „о торгѣ съ Индіею, Бухаріею и Хивою" [1]), при чемъ генералъ-прокуроръ ходатайствовалъ передъ Государемъ о передачѣ всего этого дѣла цѣликомъ коммерцъ-коллегіи. Въ полномъ согласіи съ докладомъ Обольянинова 29 декабря 1800 г. состоялось Высочайшее повелѣніе: „Сдѣлать коммерцъ-коллегіи положеніе о распространеніи торговли съ Индіею, Бухаріею и Хивою отъ Астрахани по Каспійскому морю и отъ Оренбурга, и составить планъ новому таможенному на тотъ край порядку, тарифъ и уставъ предполагаемой компаніи; равномѣрнымъ образомъ войти въ разсмотрѣніе средствъ для установленія и распространенія торговли по Черному морю" [2]). Этими дѣлами коммерцъ-коллегія и занималась въ слѣдующемъ году и

---

[1]) Записка напечатана въ книгѣ Александренко, Рус. диплом. агенты, II, 285—293. Въ ней предлагалось: 1) учредить на Каспійскомъ морѣ въ удобнѣйшемъ мѣстѣ прочное и безопасное торговое пристанище (въ Астрабадскомъ заливѣ); 2) составить торговую компанію изъ природныхъ россійскихъ купцовъ, которая имѣла бы исключительныя привилегіи на производство торга во всѣхъ азіатскихъ провинціяхъ; 3) добиться отъ „авганскаго хана" безопаснаго пропуска каравановъ въ Индію; 4) составить для азіатской торговли особливый таможенный порядокъ и новый тарифъ, при помощи котораго можно было бы провозить товары изъ Балтійскаго моря въ Каспійское, а отсюда въ Персію и Индію и обратно; 5) улучшить конструкцію купеческихъ судовъ, плавающихъ по Каспійскому морю, и строить ихъ въ Казани.

[2]) Докладъ Обольянинова—*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 2490, л. 23. Предложеніе коммерцъ-коллегіи отъ генералъ-прокурора, отъ 31 декабря—Александренко, II, 285.

позднѣе [1]), хотя интересъ къ азіатской торговлѣ ослабѣлъ съ того же момента, какъ, по смерти Павла, была возстановлена торговля съ Англіей [2]).

Изъ предметовъ торговли слѣдуетъ выдѣлить особо хлѣбъ и указать, что вопросъ о хлѣбной торговлѣ вызывалъ особенныя заботы правительства, которое, съ одной стороны, считало, что торговля хлѣбомъ для Россіи существенно необходима, „выпускъ хлѣба за-границу“ служитъ „къ вящшему одобренію земледѣлія“, съ другой, заботилось о томъ, чтобы населеніе, а также и войска никакимъ образомъ не терпѣли нужды въ кускѣ хлѣба и не страдали отъ дороговизны. Поэтому были частыя колебанія то мѣстнаго, то общаго характера между разрѣшеніемъ и запрещеніемъ хлѣбной торговли.

По общему подсчету, произведенному въ 1797 году на засѣданіяхъ совѣта Е. В-ва, для внутренняго потребленія всего населенія Россіи, считая въ то время вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми—32 милліона душъ и полагая на каждаго человѣка по $2^1/_2$ четверти, необходимо на прокормленіе 80 милліоновъ четвертей (или 640 милліоновъ пудовъ, по 20 пудовъ на одного) хлѣба. Къ этому нужно еще прибавить 3 милліона четвертей хлѣба, идущаго на выкурку вина „для продовольствія народнаго“ [3]). Сверхъ того нѣкоторая часть хлѣба, а при избыткѣ и довольно значительная, должна идти на прокормленіе скота и птицы. Такъ какъ въ то время уже происходилъ, хотя и въ приблизительныхъ цифрахъ, подсчетъ урожая каждаго года, то правительство могло быть освѣдомлено о количествѣ собраннаго хлѣба, имѣющихся запасахъ и цѣнѣ на него. Напр., въ 1795 г. по подсчету и предположеніямъ совѣта Е. В-ва „весь урожай по государству простирался до 140 милліоновъ четвертей“ [4]). Когда урожай

---

[1]) П. С. З., № 20738, 20739, 20885, 20960, 21002, 21196 и др.

[2]) Тамъ же, указъ 2-го апр. 1801 г.—№ 19812 и 6-го мая—№ 19857.

[3]) Архивъ государ. совѣта, т. II, 92.

[4]) Тамъ же, 92; ср. вѣдомость объ урожаѣ хлѣба (ржи, пшеницы, ячменя, овса, гречихи) въ 1795 году—стр. 83—90. Свѣдѣнія объ урожаѣ по нѣкоторымъ губерніямъ въ 1798 и 1799 гг.—см. Опись докум. и дѣлъ, отд. III, т. II, № 1237 и 1770.

вполнѣ превышалъ то количество, которое необходимо было для внутренняго потребленія, то тогда правительство охотно открывало порты и таможни для безпрепятственной продажи хлѣба; но какъ только замѣчался недостатокъ въ хлѣбѣ, цѣны на него поднимались внутри Россіи, слѣдовало запрещеніе вывоза какъ для отдѣльныхъ мѣстъ, такъ и для всего государства, и коммерцъ-коллегіи, портамъ, таможнямъ и мѣстному начальству давалось повелѣніе—не допускать вывоза хлѣба за-границу. Въ такомъ направленіи дѣйствовала [1]) императрица Екатерина II, такъ же продолжалъ поступать и Павелъ I.

Въ царствованіе Павла происходили неоднократныя колебанія то въ сторону свободной торговли хлѣбомъ, то въ сторону запрещенія ея, не только частичныя, но и общаго характера [2]). Лишь къ концу 1800 года правительство, въ полномъ согласіи съ мнѣніемъ администраціи и купечества, пришло къ выводу о возможности, даже при нѣкоторомъ стѣсненіи хлѣбнаго рынка, выпускать за-границу самый дорогой и наиболѣе выгодный для сбыта хлѣбный продуктъ—пшеницу, которая обычно на прокормленіе простого населенія не употреблялась [3]).

Вопросомъ о хлѣбѣ и заграничной торговлѣ хлѣбными продуктами заинтересованы были какъ центральное правительство, такъ и провинціальная администрація. На обязанности мѣстныхъ управителей лежало наблюденіе за состояніемъ хлѣбныхъ запасовъ и рыночныхъ цѣнъ, а также освѣдомленіе о томъ правительства. Изъ центральныхъ учрежденій коммерцъ-коллегія, при содѣйствіи таможенъ, наблюдала за хлѣбной торговлей, на границахъ и въ портахъ, собирала свѣдѣнія о движеніи грузовъ на всѣхъ окраинахъ государства и принимала мѣры къ пропуску или задержанію хлѣба,

---

[1]) Указы послѣднихъ лѣтъ Екатерининскаго царствованія о дозволеніи заграничной хлѣбной торговли—П. С. З., № 16893, 17296, 17377, 17430; о запрещеніи—№ 17378, 17463.

[2]) П. С. З., № 18445, 18843, 18930, 18942, 18944, 19162, 19242, 19252, 19341, 19392, 19397, 19554, 19629, 19630, 19635; *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 2241.

[3]) Арх. государ. совѣта, II, 581 и сл.

въ зависимости отъ изданныхъ узаконеній. Она получала справочныя цѣны на хлѣбъ и вѣдомости о количествѣ отправляемаго хлѣба. Не имѣя полномочій регулировать хлѣбную торговлю, на которую въ сильной мѣрѣ вліяли представители администраціи, генералъ-губернаторы, губернаторы и генералъ-прокуроръ, коммерцъ-коллегія тѣмъ не менѣе и при обсужденіи вопроса о ней и при обычномъ ходѣ дѣлъ имѣла непосредственное отношеніе къ хлѣбнымъ операціямъ, какъ къ одному изъ важныхъ видовъ нашей отпускной торговли.

Въ связи съ торговлей стоитъ дѣятельность коммерцъ-коллегіи по устройству таможенъ и выработкѣ тарифа. Въ 1798 году „коммерцъ-коллегія, разсмотрѣвъ собранныя ею разныя существующія доселѣ на должность пограничныхъ таможенъ предписанія и найдя оныя относительно до внутренняго по тѣмъ таможнямъ заведеннаго порядка во многомъ между собою несходствующими, сочла за нужное снабдить таможни инструкціею одинаковаго содержанія, съ изъясненіемъ, какой вообще порядокъ въ дѣлопроизводствѣ соблюдаемъ быть долженъ, и что до должности“ чиновъ таможни принадлежитъ; инструкція, въ 16 пунктахъ, была выработана вмѣстѣ съ формами книгъ и вѣдомостей, которыя слѣдовало ввести въ таможнѣ [1]).

Въ 1799 году коммерцъ-коллегія выработала проектъ штатовъ всѣхъ таможенъ и представила его въ сенатъ; правда, оттуда онъ былъ возвращенъ „для сооображенія“ съ указомъ 19 марта, упразднившимъ нѣкоторыя таможни; послѣ небольшихъ измѣненій, согласно съ этимъ и другими указами относительно досмотрщиковъ, проектъ черезъ сенатъ былъ представленъ Государю и получилъ Высочайшее утвержденіе. Такимъ путемъ конформаціей 7 октября 1799 г. утверждены были новые штаты всѣхъ таможенъ и заставъ [2]),

---

[1]) П. С. З., № 18807. Таможни были поставлены подъ контроль к.-коллегіи; По пункту 4 инструкціи, напр., въ случаѣ конфискаціи какихъ-либо товаровъ недовольные могли подавать апелляціонныя жалобы на таможни въ коммерцъ-коллегію.

[2]) Тамъ же, № 19141.

съ повышенными окладами для многихъ чиновъ таможеннаго вѣдомства. Сверхъ того благодаря указу 13 октября [1]) для послѣднихъ открывалась возможность добавочнаго вознагражденія.

Черезъ коммерцъ-коллегію проходили и при ея содѣйствіи издавались и другія мѣропріятія по отношенію къ таможнямъ [2]). Президентъ коммерцъ-коллегіи принималъ участіе въ выработкѣ устава о пограничныхъ и портовыхъ карантинахъ и вмѣстѣ съ другими представилъ Государю проектъ устава на утвержденіе [3]). Коммерцъ-коллегія разрабатывала вопросы, связанные съ таможенными пошлинами. Ею былъ выработанъ общій тарифъ, опубликованный 14 октября 1797 года [4]), а затѣмъ нѣсколько позднѣе тарифы для Оренбургскаго и Кяхтинскаго торга [5]). Коммерцъ-коллегія наблюдала за дѣйствіемъ тарифа и взиманіемъ пошлинъ [6]).

Такъ какъ всѣ таможни и таможенные чиновники находились въ вѣдѣніи коммерцъ-коллегіи, а чинамъ таможни ввѣрено было наблюденіе не только надъ провозомъ товаровъ, но и пропускомъ иностранцевъ, въѣзжающихъ въ Россію, то отсюда министру коммерціи и самой коллегіи приходилось принимать участіе въ ходѣ дѣлъ, связанныхъ не только съ товарообмѣномъ, но и съ пріѣздомъ иностранцевъ. Въ этомъ отношеніи любопытно Высочайшее повелѣніе 7 декабря 1799 г. на имя кн. Гагарина объ увольненіи дирек-

---

[1]) П. С. З., № 19153. Въ указѣ читаемъ: „Усматривая, что при точнѣйшемъ наблюденіи таможенныхъ сборовъ, обращаемыхъ нами на пользу государственную, могутъ они доведены быть до лучшаго состоянія, нежели нынѣ, а при томъ находя болѣе удовольствія награждать заслуги, нежели принужденными быть — карать виновныхъ, всемилостивѣйше соизволяемъ: въ поощреніе таможенныхъ чиновъ, дабы со всей суммы, какая сверхъ 7 милліоновъ поступитъ въ таможенные сборы, съ будущаго 1800 г. обращена была 20-я часть на награжденіе таможенныхъ инспекторовъ и таможенъ“.

[2]) П. С. З., № 17831, 18219, 18551, 18777, 18915, 19228, 19353, 19417, 19464, 19620, 19665, 19673, 19685, 19693, 19697.

[3]) Тамъ же, № 19476; ср. 19679.

[4]) П. С. З., № 18902.

[5]) Тамъ же, 19141, 19327. См. Лодыженскій К., Исторія русскаго таможеннаго тарифа, П., 1886, 156—160.

[6]) См. указъ 12 окт. 1797 г.—П. С. З., № 18202.

тора Радзивилловской таможни „за умничанье“ [1]). Въ другомъ случаѣ Государь, увѣдомившись о томъ, что черезъ Брестскую таможню были пропущены трое вѣнскихъ купцовъ, по ихъ показанію, „безъ надлежащихъ паспортовъ и съ запрещенными товарами“ (хрустальной и стекляной посудой), приказалъ—купцовъ выслать за-границу, а членовъ таможни предать суду, что было поручено коммерцъ-коллегіи. Когда же вскорѣ послѣ этого министръ коммерціи кн. Гагаринъ произвелъ разслѣдованіе и установилъ, что показаніе купцовъ несправедливо, при проѣздѣ (1 ноября 1800 г.) они предъявили паспорта и при нихъ никакихъ товаровъ не было, то, по докладу объ этомъ, чины Брестской таможни, какъ ни въ чемъ невиновные, отъ всякаго суда были освобождены [2]).

Наконецъ, послѣднимъ важнымъ дѣломъ, которымъ занималась коммерцъ-коллегія, былъ вопросъ объ удобныхъ способахъ перевозки товаровъ и путяхъ сообщенія. Коммерцъ-коллегія должна была собирать свѣдѣнія о сухопутныхъ дорогахъ въ Азіи, но гораздо больше вниманія ей пришлось удѣлить „водянымъ коммуникаціямъ“. 18 сентября 1800 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы „россійское купечество, взявъ въ соображеніе существующія нынѣ водяныя коммуникаціи“, а также начатыя и предположенныя къ устройству, по обсужденіи, высказало бы свое мнѣніе, не находитъ ли оно нужнымъ и для торговли полезнымъ соорудить ихъ и въ другихъ мѣстахъ, въ какихъ именно и на какія средства. Черезъ нѣсколько дней купече-

---

[1]) „Государь Императоръ, получа рапортъ ген.-отъ-инф. гр. Гудовича 2-го отъ 12 ноября, что ген.-м. бар. Далгеймъ, о коемъ дано было Высоч. повелѣніе не впускать въ границы Наши, пропущенъ чрезъ Радзивиловскую таможню и что таможня въ оправданіе свое отвѣтствуетъ, что какъ сей Далгеймъ въ паспортѣ, данномъ ему на проѣздъ изъ за границы отъ министра Нашего, названъ просто Далгеймомъ, а въ Высоч. де указѣ о непропускѣ его въ границы написанъ барономъ Далгеймомъ, то потому она, сочтя его совсѣмъ другимъ, и пропустила, указать соизволилъ сообщить в. с—ству, чтобы вы директора означенной Радзивиловской таможни за таковое его умничанье отрѣшили отъ должности. Ген.-адъютантъ графъ Ливенъ“ *(Сен. Арх., Книги копій, № 263, л. 254).*

[2]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 2423, л. 16 (Высоч. повелѣніе 8 янв. 1801 г.); ср. П. С. З., № 19686.

ство дало отвѣтъ, что въ отношенiи судоходства черезъ Вышневолоцкiе каналы оно „ничего лучшаго и удобнѣйшаго примыслить не можетъ“, а по отношенiю другихъ—не имѣетъ достаточныхъ свѣдѣнiй. Но президентъ ратгауза Рѣзвой, съ своей стороны, сдѣлалъ нѣкоторыя указанiя, на его опытѣ основанныя [1]). Что касается суммъ на устройство каналовъ, то ихъ слѣдовало бы разложить на тѣ губернiи, которыя болѣе всего отъ судоходства пользуются, а нѣкоторые расходы—и на все государство; о коммуникацiяхъ же въ Азовское море, Балтiйское (по Двинѣ), Бѣлое и Каспiйское—„поручить коммерцъ-коллегiи собрать съ самыхъ мѣстъ свѣдѣнiя и отъ купечества: рижскаго, бѣлорусскаго, московскаго и прочихъ, и по соображенiи сдѣлать обстоятельнѣйшее донесенiе“. На докладъ генералъ-прокурора объ этомъ 26 сентября послѣдовало Высочайшее повелѣнiе, чтобы „коммерцъ-коллегiя по своей части немедленно приступила къ собранiю всѣхъ принадлежностей до коммуникацiй“.

Вмѣстѣ съ вопросомъ о водныхъ путяхъ сообщенiя, естественно, поднялся и другой—о кораблестроенiи, при чемъ правительство занималось разсмотрѣнiемъ мѣръ „къ заведенiю и усиленiю купеческаго морского судоходства“, къ чему были привлечены и столичные купцы. Тѣмъ временемъ „Государь Императоръ, желая споспѣшествовать намѣренiямъ о приведенiи торговли въ лучшее состоянiе“, приказалъ 1-го октября (1800 г.) „объявить здѣшнему купечеству, что Е. В—во, доколѣ предуспѣютъ они снабдить себя къ отправленiю за море товаровъ достаточнымъ числомъ мореходныхъ судовъ, шкиперовъ и прочимъ, предложилъ для сего, если пожелаютъ, свои военные фрегаты, съ тѣмъ, дабы содержанiе оныхъ и положенныхъ на нихъ военныхъ служителей приняли на

---

[1]) А именно: 1) соединить каналомъ озеро Селигеръ съ р. Полою; 2) „предполагаемые каналы для объѣзда озеръ Онежскаго и Ладожскаго не могутъ быть въ пользѣ своей соразмѣрны издержкамъ“; полезнѣе было бы барки въ Марiинскомъ каналѣ перегружать на болѣе крупныя (морскiя) суда, въ которыхъ и везти грузъ къ С.-Петербургу; 3) устроенiе Марiинскаго канала дѣлаетъ ненужнымъ предполагаемое соединенiе р. Тихвинки съ Соминою; 4) въ судоходныхъ рѣкахъ снести каменныя косы и устроить бечевники (*Дѣла канцелярiи ген.-прокурора*, № 2498, л. 21).

свой счетъ" [1]). Купечество выразило особую признательность Государю за его новую милость, но предполагало воспользоваться даннымъ ему разрѣшеніемъ, въ виду поздняго времени, въ будущую навигацію [2]).

Пока шло дѣло о передачѣ купцамъ военныхъ фрегатовъ для ближайшей навигаціи, въ учрежденіяхъ и собраніяхъ продолжалось энергичное обсужденіе мѣръ „къ заведенію и усиленію купеческаго морского судоходства". Въ самомъ началѣ октября состоялось особое совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе министръ-коммерціи кн. Гагаринъ, адмиралъ гр. Кушелевъ, ген.-прокуроръ Обольяниновъ и представители купечества—президентъ ратгауза Рѣзвой, коммерціи совѣтники Кусовъ, Ольхинъ и Ливіо, гофмаклеръ Фокъ и купцы: калужскій—Кожевниковъ, коломенскій—Шевлягинъ и опочевскій—Порѣзовъ. Представители купечества на этомъ совѣщаніи высказали рядъ пожеланій, выполненіе которыхъ, по ихъ мнѣнію, необходимо было ради распространенія кораблестроенія и торговли [3]). 4-го окт. результатъ совѣщанія

---

[1]) Это Высоч. повелѣніе было сообщено министру коммерціи кн. Гагарину, а онъ передалъ его купечеству, которое въ своемъ отвѣтномъ представленіи (отъ 4 октября) писало.

„Соизволеніе Государя Императора пожаловать подъ купеческіе грузы нѣсколько военныхъ судовъ, купечество пріемлетъ съ вѣрноподданническою неизрѣченною благодарностію; такая милость при нынѣшнемъ политическомъ состояніи Европы чрезвычайно велика какъ для пользы купцовъ, такъ и самаго государства, потому что удержится достойная цѣна россійскихъ товаровъ и многіе, не оставаясь здѣсь залеживаться, отпустятся въ полезный оборотъ, и притомъ Европа, увидя оказуемое могущественное покровительство Великаго Государя къ торговлѣ его вѣрноподданныхъ, возымѣетъ должное уваженіе къ производящимъ оную, и купечество, ободрясь симъ донынѣ неслыханнымъ милосерднымъ дѣяніемъ Великаго своего Государя Императора, съ вящимъ напряженіемъ потщится учинить себя онаго достойнымъ распространеніемъ своего мореходства. Многіе желали бы нынѣ воспользоваться Монаршею милостію и отпустить свои товары на жалуемыхъ судахъ, но позднее время года полагаетъ препятствіе употребить оныя нынѣ. Рѣзвой" (*Тамъ же*, л. 45).

[2]) „Если не достанетъ имъ своихъ кораблей, коихъ строить они располагаютъ до 25". При докладѣ объ этомъ (8 окт.), Государь интересовался, въ какихъ мѣстахъ купцы предполагаютъ строить суда. Обольяниновъ запросилъ президента ратгауза и тотъ отвѣтилъ, что строеніе кораблей они считаютъ наиболѣе удобнымъ производить по рѣкамъ Пашѣ, Свири и окрестностяхъ Вытегры, что и было доложено Государю 12 октября (*Тамъ же*, л. 60—63).

[3]) Содержаніе статей, предложенныхъ купечествомъ, въ главныхъ чертахъ вошло въ содержаніе нижеприведеннаго доклада 1-го ноября 1800 г.

Кромѣ того на совѣщаніи купечество просило, чтобы 1) дано было ему нѣ-

былъ доложенъ Государю Обольяниновымъ и получилъ Высочайшую апробацію во всѣхъ основныхъ статьяхъ.

Нѣсколькими днями позднѣе совѣщанія купечество черезъ президента ратгауза Рѣзвого доставило генералъ-прокурору новую записку, въ которой оно всеподданнѣйше представляло „на благоразсмотрѣніе Государя Императора" „постановленія, которыя (по ихъ мнѣнію) учредить должно для распространенія кораблестроенія и мореплаванія россійскаго". Въ этихъ постановленіяхъ купечество частью повторяло и развивало свои прежнія представленія, частью излагало новыя пожеланія [1]). По докладѣ Государю, было повелѣно—сдѣлать сводку всѣхъ высказанныхъ пожеланій купечества, съ замѣчаніями гр. Кушелева и мнѣніемъ коммерцъ-коллегіи, отъ имени которой и взнести докладъ. Эта работа

сколько фрегатовъ въ нынѣшнюю навигацію и 2) доставлены свѣдѣнія о цѣнахъ, во что могутъ обойтись корабли разныхъ типовъ, сколько нужно для нихъ экипажа и въ какихъ мѣстахъ удобнѣе всего строить корабли. Всѣ требуемыя свѣдѣнія взялся доставить гр. Кушелевъ.

[1]) Въ любопытной запискѣ купечества читаемъ: „По великому количеству отпускаемыхъ изъ Россіи разныхъ тяжелыхъ товаровъ, долженствовало бы мореплаваніе и кораблестроеніе россійское быть знатное, но оное есть дѣйствительно ничтожное потому, что едва ли во всѣхъ портахъ оныя, по Балтійскому морю лежащихъ, найдется 20 кораблей прямо россійскихъ, въ европейскія другія дуржавы плавающихъ. Такая несоразмѣрность мореплаванія россійскаго съ торговлею, въ сѣверныхъ портахъ производимою, происходитъ отъ важныхъ причинъ, именно: 1-е, отъ естественнаго состоянія россійскихъ сѣверныхъ портовъ, большую часть года покрытыхъ льдомъ, удерживаетъ корабли долгое время безъ дѣйствія; 2-е, нѣкоторыя законоположенія стѣсняютъ свободу плаванія и строеніе судовъ, какъ и самый недостатокъ людей, оными управлять и строить могущихъ, 3-е, выгода внутренней торговли и промысловъ, уменьшающая въ людяхъ надобность пускаться въ мореплаваніе. Россійскіе товары, чрезъ порты Балтійскаго моря и сѣверные выпускаемые, по истинѣ столь нужны для европейцевъ, что они должны сами пріѣзжать за оными и, слѣдовательно, оные не остаются не сбытными съ рукъ, однако, по слѣдствію отъ политическаго состоянія европейскихъ державъ, подобно нынѣшнему происходящему, могутъ россійской торговлѣ причинить великое потрясеніе отъ малаго прихода иностранныхъ кораблей и, хотя сіе рѣдко случиться можетъ, но при всемъ томъ россійскую торговлю обезопасить должно заведеніемъ своихъ кораблей, и для того государственная польза требуетъ, чтобы все, стѣсняющее россійское мореплаваніе, отвращено было совершенно. Донынѣ неслыханныя милости, Государемъ Императоромъ вѣрноподданному купечеству являемыя, и торговля, для государственной пользы пріятая подъ высокое и могущественное Его покровительство, удостовѣряетъ, что вышеписанныя препятствія отеческимъ милосердіемъ Его Величества и самодержавною властью уничтожены будутъ" *(Дѣла канцеляріи ген.-прокурора, № 2498, л. 49—53)*.

и была произведена коллегіей во второй половинѣ октября и представлена Государю въ видѣ обширнаго доклада, въ которомъ особо изложены были предположенія купечества, которыя оно считало необходимымъ осуществить „для поощренія и усиленія россійскаго кораблестроенія, мореходства и водоплаванія по морямъ, озерамъ и рѣкамъ“, замѣчанія гр. Кушелева по этому поводу и мнѣніе самой коммерцъ-коллегіи. Вкратцѣ мнѣніе коллегіи сводилось къ слѣдующему: 1) право имѣть морскія и рѣчныя суда распространить на все россійское купечество и на посадскихъ безъ всякаго различія; 2) разрѣшить рубку лѣса для постройки судовъ изъ казенныхъ дачъ, съ небольшой платой за матерьялъ; 3) снабдить мѣста, гдѣ происходятъ постройки, опытными мастерами; 4) установить наиболѣе удобную конструкцію судовъ и ея чертежами снабдить купечество; 5) отмѣнить ежегодное свидѣтельство судовъ, введя для такого осмотра 6-лѣтній срокъ; 6) отпускъ лѣсовъ за море производить на корабляхъ, построенныхъ въ Россіи, не нарушая, однако, дѣйствующихъ торговыхъ трактатовъ; 7) установить выдачу премій россійскимъ купцамъ за всякое отправленіе ихъ кораблей съ товарами за море и за всякое возвратное прибытіе кораблей; 8) разрѣшить пріемъ на корабли въ качествѣ штурмановъ и матросовъ не только купцовъ и мѣщанъ, но и казенныхъ крестьянъ; 9) если же вольнонаемныхъ матросовъ не хватитъ, то давать казенныхъ матросовъ чрезъ коммерцъ-коллегію отъ адмиралтейства по 4 человѣка для каждаго судна; 10) озаботиться коммерцъ-коллегіи снабженіемъ купеческихъ судовъ знающими шкиперами и штурманами и выработать имъ въ руководство инструкцію. Докладъ, по представленіи Государю, 1 ноября 1800 г. получилъ Высочайшее утвержденіе [1]).

Основная мысль доклада та, чтобы возможными мѣрами способствовать постройкѣ торговаго морского флота и рѣчныхъ судовъ, при помощи которыхъ можно было бы своими

---

[1]) П. С. З., 1-го ноября 1800 г.—№ 19624. О купеческихъ судахъ см. также № 18915, 19702.

средствами перевозить товары и избавиться отъ посредническихъ услугъ иностранцевъ.

Такова дѣятельность коммерцъ-коллегіи за Павловское время. Она проходила при умѣренной покровительственной и запретительной системѣ, которая, помимо обычныхъ небольшихъ колебаній, въ концѣ 1800 и началѣ 1801 года испытала на себѣ, въ виду разрыва съ Англіей, рѣзкій переломъ и заставила правительство пересмотрѣть рядъ вопросовъ, связанныхъ съ торговлей. Достойно вниманія то обстоятельство, что и правительство и купечество, почти порвавши торговыя операціи на Западѣ, не только занялись вопросомъ объ упроченіи и расширеніи своей внутренней торговли, національнаго кораблестроенія и способовъ передвиженія и перевозки товаровъ, но и повернулись въ своихъ проектахъ къ востоку и югу, предполагая усилить торговыя операціи въ Азіи съ Персіей, Хивой, Бухарой, Индіей и Китаемъ.

8. Камеръ-коллегія.

Петровская камеръ-колллегія, обязанная по регламенту 1719 года завѣдывать всѣми окладными и неокладными доходами, въ теченіе XVIII вѣка растеряла многое изъ обширнаго круга подвѣдомственныхъ ей дѣлъ, главнѣйшая часть которыхъ перешла отъ коллегіи къ генералъ-прокурору, сосредоточившему въ своихъ рукахъ, помимо прямыхъ его обязанностей „ока государева" и „стряпчаго по государственнымъ дѣламъ", еще обязанности и права государственнаго казначея, на долю же самой коллегіи оставались лишь питейныя дѣла, такъ что камеръ-коллегія превратилась какъ бы въ акцизную контору. Послѣ губернской реформы 1775 года, въ виду того, что завѣдываніе сборами, въ томъ числѣ и питейными, возложено было на казенныя палаты, самое существованіе камеръ-коллегіи было признано излишнимъ, и она была закрыта 1-го января 1785 года [1]. Въ царствова-

[1]) О камеръ-коллегіи см. П. Н. Милюковъ, Государственное хозяйство, П., 1905, гл. X; Чечулинъ Н. Д., Очерки по исторіи рус. финансовъ 1—92.

ніе Павла I указомъ 10 февраля 1797 года камеръ-коллегія была возстановлена (первое засѣданіе состоялось 20 марта), однако, не въ согласіи съ Петровскимъ регламентомъ; предыдущая исторія этой коллегіи наложила на нее свою печать, она возстановлялась „для удобнѣйшаго соображенія по части винной“; ей поручались лишь подряды по поставкѣ вина и откупа по питейнымъ сборамъ, расчеты по договорамъ и винокуренные заводы. „Что же касается до генеральнаго свѣдѣнія о числѣ народа, всякаго казеннаго имущества и вообще всѣхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ и отчеты по тому“—говорилось въ указѣ—то все это „предоставить по прежнему казеннымъ палатамъ“, подъ руководствомъ государственнаго казначея [1]).

Въ основаніе устройства камеръ-коллегіи былъ положенъ прежній штатъ 1763 года, при чемъ было указано, чтобы этотъ штатъ, „въ уваженіе долженствующаго быть стеченія и умноженія дѣлъ“ возобновляемой коллегіи, былъ увеличенъ 4 членами присутствія и нужнымъ числомъ канцелярскихъ служащихъ [2]). А затѣмъ вскорѣ представленный отъ сената штатъ коллегіи получилъ Высочайшее утвержденіе [3]). Новый штатъ благодаря этому немногимъ отличался отъ прежняго, и камеръ-коллегія въ своемъ внутреннемъ составѣ не имѣла какихъ-либо особенностей, которыми бы она отличалась отъ обычнаго коллежскаго устройства. Камеръ-коллегія состояла изъ 9 членовъ присутствія, съ президентомъ во главѣ и прокуроромъ при ней, 5 камерировъ, 8 секретарей, 15 чиновъ канцеляріи и 38 человѣкъ инвалидной команды; на жалованье чинамъ и на расходы камеръ-коллегіи отпускалось всего 31.667 рублей [4]).

---

[1]) П. С. З., № 17797; ср. № 17923, 17826, п. 4.

[2]) Тамъ же, указъ 14 февр. 1797 г.—№ 17804. Прибавлены: присутствующій выше совѣтниковъ, 1 совѣтникъ, 1 надв. сов. и 1 ассесоръ.

[3]) 20 февр. 1797 г.—№ 17819; ср. № 17950; книгу штатовъ, стр. 379—380; ср. со штатомъ 1763 г.—стр. 61—62.

[4]) По штату 1797 г. въ камеръ-коллегіи находились: президентъ, вице-президентъ, присутствующій выше совѣтниковъ, колл. совѣтниковъ—2, надв. совѣтниковъ—2, ассесоровъ—2, прокуроръ, секретарей—8, протоколистъ, переводчикъ, бухгалтеровъ—2, регистраторовъ—2, архиваріусъ, экзекуторъ, камерировъ—5, коллегіи юнкеровъ—7, инвалидной команды—38; на канцелярскій рас-

Въ послѣдующее время камеръ-коллегія на своемъ штатѣ не испытала никакихъ измѣненій, лишь въ 1800 году произошло раздѣленіе коллегіи на два департамента, но эта перемѣна касалась внутренняго распорядка въ самой коллегіи, приспособленнаго къ рѣшенію дѣлъ, но нисколько не отражалась ни на числѣ лицъ, составлявшихъ коллегію, ни на положеніи отдѣльныхъ чиновъ. „Для споспѣшествованія скорому отправленію дѣлъ—читаемъ въ указѣ 9 марта 1800 года—камеръ-коллегіи повелѣваемъ: изъ штата оной отдѣлить 4 членовъ и двухъ секретарей съ нужнымъ числомъ канцелярскихъ служителей и расходной суммы въ особый департаментъ для окончанія дѣлъ по старымъ откупамъ и поставкамъ, съ такою же властью, какую имѣетъ сама коллегія; прочимъ же затѣмъ чинамъ, въ коллегіи остающимся, заниматься отправленіемъ дѣлъ по откупамъ и поставкамъ настоящаго времени"; однако, во время производства и окончанія торговъ на откупа и винныя поставки „оба сіи раздѣленія коллегіи должны соединиться въ одно присутствіе" [1]). Особый департаментъ и былъ открытъ съ 16-го марта 1800 года [2]).

Президентомъ камеръ-коллегіи первоначально былъ В. С. Поповъ, назначенный въ эту должность 10 февраля 1797 г. [3]), а затѣмъ А. Н. Кожинъ—съ 26 августа 1799 г. [4]) и, наконецъ, И. А. Тейльсъ—съ 19 февраля 1801 года [5]). Не будучи изъ числа приближенныхъ Государя, состоя во главѣ такого незначительнаго учрежденія, какъ камеръ-коллегія, эти лица не могли играть крупной роли и въ своемъ вѣдомствѣ. Однако, новое вѣяніе, которое съ особой

ходъ и па канцелярскихъ служителей отпущено было 12.910 руб., а всего на жалованье и на расходы—31.667 руб.

[1]) П. С. З., № 19316.

[2]) Тамъ же, № 13351.

[3]) Василій Степановичъ Поповъ былъ отставленъ 26 авг. 1799 г., при чемъ послѣ него обнаружены были въ камеръ-коллегіи значительные безпорядки (Сен. Арх., I, 104, 464, 553; ср. Опись, отд. III, т. II, № 1536, 1716).

[4]) Кожинъ Алексѣй Никитичъ былъ уволенъ по прошенію 19 февр. 1801 г.; при вступленіи на должность обнаружилъ большіе безпорядки въ коллегіи (Сен. Арх., I, 553, 714; Опись, отд. III, т. I и II).

[5]) Объ Игнатіи Антоновичѣ Тейльсѣ см. Сен. Арх., I, 714; ср. Опись, т. I, II и III.

силой проявилось въ Павловское время, именно предпочтеніе министерскаго начала коллегіальному, коснулось и должности президента названной коллегіи. Такъ, когда въ 1800 году камеръ-коллегія была раздѣлена на два департамента, то произвести это раздѣленіе и распредѣлить канцелярскихъ служащихъ въ нихъ предначертано было единолично президенту коллегіи. Еще важнѣе было указаніе на то, что „возлагается на его (президента) отвѣтъ рѣшенія дѣлъ и сохраненіе казенной пользы"; въ полномъ логическомъ соотвѣтствіи съ такимъ положеніемъ были дальнѣйшія слова указа: „а для сего и не исполнять приговоръ безъ его разсмотрѣнія и согласія; буде же онъ съ чѣмъ согласиться не можетъ, то обязанъ представить на рѣшеніе въ сенатъ" [1]). Это узаконеніе ставило президента какъ бы въ положеніе начальника коллегіи, безъ воли котораго не могло рѣшиться никакое дѣло, и давало ему въ этомъ отношеніи тѣ же права, какія имѣли директоры коллегій.

Дѣятельность камеръ-коллегіи, обусловленная лишь дѣлами „винной части", выражалась прежде всего въ заботахъ о благосостояніи казенныхъ винныхъ заводовъ, складовъ и магазиновъ. Въ связи съ этимъ стоитъ рапортъ прокурора камеръ-коллегіи П. А. Верещагина, поданный имъ въ 1798 г. генералъ-прокурору, съ указаніемъ на необходимость включить въ кондиціи на отдачу винокуренія, производимаго на Тобольскихъ казенныхъ заводахъ, пункта о починкѣ заводовъ и плотинъ [2]).

Гораздо шире поставлено было дѣло о постройкѣ и починкѣ зданій въ 1800 году, когда камеръ-коллегія собирала свѣдѣнія о состояніи построекъ и о стоимости необходимаго ремонта. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что для 17 губерній, въ виду ветхости старыхъ магазиновъ и складовъ, гдѣ хранилось вино, а также недостаточности ихъ, необходимо построить новые магазины, каменные и земляные, на что потребовалось-бы 460.763 руб., да на починку суще-

---

[1]) П. С. З., № 19316.
[2]) Опись, отд. III, т. II, № 998.

ствующихъ магазиновъ требовалось 14.269 рублей, всего 475.032 руб.; отъ 11 губерній камеръ-коллегія ожидала еще присылки свѣдѣній и смѣты на подобную же постройку и починку. Камеръ-коллегія полагала, что на издержки по постройкамъ и ремонту можно было бы израсходовать часть прибылей отъ винокуренныхъ заводовъ. Представленіе коллегіи черезъ сенатъ получило Высочайшее утвержденіе 24 ноября 1800 года [1]). Камеръ-коллегіи, указомъ 12 іюля 1798 года, было поручено учредить на Тобольскихъ винокуренныхъ заводахъ достаточную инвалидную команду для удержанія въ должномъ повиновеніи колодниковъ, находившихся на работѣ при заводахъ [2]).

Камеръ-коллегія разсматривала новые способы винокуренія. Такъ, когда иностранецъ Стинъ [3]), изобрѣтатель выгоднаго способа винокуренія, болѣе удобнаго и дешеваго, предложилъ способъ, имъ практикуемый на собственномъ заводѣ, распространить и на казенные заводы, то камеръ-коллегія, которой по Высочайшему повелѣнію поручено было—„сдѣлать опытъ винокуренію иностранца Стина по извѣстной ему методѣ“, отрядила на заводъ Стина члена коллегіи ст. сов. Фетистова, который и наблюдалъ выкурку въ теченіе 8 дней. Оказалось, что Стинъ выкуривалъ изъ 9 пудовъ муки и солода $10^1/_2$ ведеръ вина, „пропорцію, каковая, по заявленію камеръ-коллегіи, нигдѣ на заводахъ не выкуривается“ [4]); въ виду такихъ благопріятныхъ результатовъ методы Стина, составлявшей его секретъ, который онъ открыть не хотѣлъ безъ вознагражденія, камеръ-коллегія, по соглашенію съ изобрѣтателемъ, предоставила ему на выработанныхъ условіяхъ одинъ казенный заводъ въ Новгородской губерніи, срокомъ на полгода, дабы точнѣе удостовѣриться въ выгодахъ новаго способа винокуренія [5]).

---

[1]) П. С. З., № 19664.

[2]) Тамъ же, № 18578.

[3]) По перепискѣ ген.-прокурора—Штейнъ (Stein—Опись, III, т. II, № 1668).

[4]) Обычно же изъ четверти хлѣба (8 пуд.) выкуривалось 5 ведеръ вина— Арх. государ. совѣта, II, 91.

[5]) Выс. утв. докладъ камеръ-коллегіи 16 іюля 1799 г.—П. С. З., № 19039. Опыты Стина на заводѣ оказались неудачными, а потому Высоч. утв. докладомъ

Камеръ-коллегія, завѣдуя казенными винными заводами, складами и магазинами, естественно, завѣдывала всѣмъ личнымъ персоналомъ при нихъ. На обязанности коллегіи также находилось наблюденіе надъ винными смотрителями, которые избирались, согласно указу 9 августа 1797 года [1]), изъ благонадежныхъ людей купеческимъ обществамъ въ заштатныхъ городахъ. Въ 1799 году по этому поводу возникъ вопросъ, „можно ли градскимъ обществамъ избираемыхъ ими къ виннымъ магазинамъ смотрителей перемѣнять до истеченія 3-лѣтняго срока другими“. Камеръ-коллегія просила разъясненія сената, который и далъ указъ 20 мая 1799 г. о порядкѣ опредѣленія въ должность смотрителей и увольненія ихъ въ отпуски [2]).

Камеръ-коллегія завѣдывала отдачей винной продажи на откупъ. Дѣло въ томъ, что система откупа, установленная, какъ общее правило, въ Екатерининское время, захватывала весьма значительное число губерній [3]) и требовала того, чтобы разъ въ 4 года были вызываемы охотники, и винная продажа въ той или иной губерніи была отдана на откупъ съ торговъ. Въ 1798 году кончался срокъ откуповъ, и вотъ камеръ-коллегіи пришлось заниматься производствомъ торговъ и отдачей на откупъ питейной продажи на слѣдующее четырехлѣтіе (1799—1802 г.г.). Сдача откупа, видимо, прошла успѣшно, такъ какъ многія лица получили награды за труды, понесенные при производствѣ торговъ [4]). Контракты съ откупщиками заключены были камеръ-коллегіею на установленныхъ условіяхъ, хотя для Смоленской и Калужской губерніи потребовалось путемъ особаго доклада коллегіи испрашивать

сената (18 февраля 1801 г.) было поставлено—уволить Стина отъ продолженія винокуренія по его методѣ и взыскать съ него понесенныя казною убытки въ размѣрѣ 11.408 руб. 54½ коп. (*Книги имен. указовъ*, № 235, л. 193—199).

[1]) П. С. З., № 18084; ср. 18883, 18973.

[2]) П. С. З., № 18973.

[3]) Въ 1795 году продажа на откупу была въ 31 губерніи, въ 3-хъ она находилась „на вѣрѣ подъ казеннымъ присмотромъ“, а въ 12 губерніяхъ существовала—вольная продажа (Арх. государ. совѣта, II, 78—82). Ср. Чечулинъ Н. Д., Очерки, по исторіи русскихъ финансовъ, 156 и сл.

[4]) Опись, отд. III, т. II, № 998, 1001.

внесенія новыхъ дополнительныхъ условій въ контрактъ на поставку вина [1]).

На камеръ-коллегіи лежали надзоръ не только за казенными, но и за частными винными заводами, сборъ свѣдѣній о выкуриваемомъ винѣ и питейныхъ доходахъ и борьба съ корчемствомъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ питейная продажа находилась на откупу или на вѣрѣ. Любопытно отмѣтить, что когда подобныя же свѣдѣнія о количествѣ проданнаго вина по губерніямъ были собраны отъ казенныхъ палатъ за 1795 годъ, то оказалось, что вина по 34 губерніямъ, находившимся въ откупу или на вѣрѣ, съ населеніемъ около 11 милліоновъ душъ, платящихъ подати, было продано 6.379.609 ведеръ, на каждаго человѣка приходилось немногимъ болѣе полведра [2]). Въ 1797 году президентъ камеръ-коллегіи Поповъ велъ переписку съ генералъ-прокуроромъ о питейныхъ сборахъ со всего государства по губерніямъ, съ обозначеніемъ количества душъ населенія въ каждой губерніи [3]). Въ 1799 году камеръ-коллегія, согласно съ Высочайшимъ повелѣніемъ 13 января, представила генералъ-прокурору вѣдомость о казенныхъ и частныхъ винокуренныхъ заводахъ по Тобольской, Эстляндской и другимъ 38 губерніямъ, съ показаніемъ въ вѣдомостяхъ числа заводовъ въ каждой губерніи и количества вина, на нихъ выкуриваемаго [4]). Наконецъ, камеръ-коллегія требовала отчетовъ по винной части отъ камерныхъ частей, находившихся при казенныхъ палатахъ [5]), сама же обязана была давать отчетъ во всѣхъ хозяйственныхъ операціяхъ и о винныхъ доходахъ государственному казначею [6]).

---

[1]) П. С. З., Высоч. утв. доклады 15 янв. и 4 марта 1798 г.—№ 18326, 18467.

[2]) Точнѣе—0,58 ведра = 6.379609 ведеръ : 10.954.794 души (Архивъ государ. совѣта, II, 91—94; ср. 78—81).

[3]) Опись, III, т. I, № 137. По вѣдомости, имѣющейся въ дѣлѣ (л. 4—22), представленной ген.-прокурору въ 1797 г., питейнаго доходу ежегоднаго со всего государства было—17.785.877 руб. 92¼ коп.

[4]) Тамъ же, т. II, № 1445. Ср. свѣдѣнія о питейныхъ недоимкахъ, о проектѣ противъ корчемства и о проектѣ устройства питій въ Кронштадтѣ—т. I, № 37, 329, 417.

[5]) П. С. З., № 18084, п. 4; 18176.

[6]) Тамъ же, № 17924.

Указанными выше дѣлами и исчерпывается вѣдомство возстановленной камеръ-коллегіи. Въ 1801 году камеръ-коллегія была снова упразднена, дѣла же были переданы попрежнему въ казенныя палаты, оставленъ былъ лишь департаментъ для окончанія прежнихъ дѣлъ, подчиненный съ 1802 г. министру финансовъ.

9. Государственный казначей.

Должность особаго государственнаго казначея предполагалась еще въ Екатерининское время. По учрежденію о губерніяхъ 1775 года эта должность была введена въ систему учрежденій, и ей указаны опредѣленныя функціи по отношенію къ губернскимъ учрежденіямъ, а именно: государственный казначей, по представленію казенныхъ палатъ, опредѣляетъ уѣздныхъ казначеевъ (ст. 68 учрежденія), которые отъ него находятся въ полной зависимости и получаютъ „указы и повелѣнія“ (ст. 426); казенныя палаты ежегодно доставляютъ свѣдѣнія о доходахъ и расходахъ по губерніямъ государственному казначею (121); при сверхштатныхъ расходахъ, совершаемыхъ по особымъ именнымъ или сенатскимъ указамъ, предписывается „всѣмъ мѣстамъ“ „немедленно“, по полученіи такихъ указовъ, сообщать о томъ государственному казначею (ст. 154). Хотя въ многочисленныхъ послѣдующихъ узаконеніяхъ говорилось лишь объ отдѣльныхъ сторонахъ правъ и обязанностей государственнаго казначея, изданіе же общаго постановленія о нихъ откладывалось „до будущаго установленія о должности государственнаго казначея“ [1]), которое такъ и не состоялось до конца царствованія императрицы Екатерины II, тѣмъ не менѣе изъ общаго контура должности государственнаго казначея видно было, что ему предполагалось передать главныя дѣла по управленію финансами, сосредоточивъ въ его рукахъ какъ все то, что не умѣла и не могла сохранить

---

[1]) См. П. С. З., № 15039, 15076, 15120, 15140 и др.

за собою камеръ-коллегія, такъ и то, что вызывалось новыми усложнившимися потребностями государственной жизни. Но если фактически особаго должностнаго лица въ роли государственнаго казначея назначено не было, то это не помѣшало тому, что дѣла по управленію финансами стали отходить отъ камеръ-коллегіи, выдѣляться въ особую группу и переходить во временное завѣдываніе генералъ-прокурора. 19 марта 1773 года была учреждена при 1-мъ департаментѣ сената экспедиція о государственныхъ доходахъ [1]), преобразованная позднѣе, въ 1780 и 1781 годахъ, въ учрежденіе съ 4 особыми экспедиціями [2]); она „представляла собою какъ бы первообразъ будущаго министерства финансовъ" [3]). Предполагаемое назначеніе начальника экспедицій въ видѣ государственнаго казначея не осуществилось, обязанности же послѣдняго были возложены на генералъ-прокурора кн. Вяземскаго [4]), а затѣмъ перешли къ его замѣстителю гр. А. Н. Самойлову.

Съ вступленіемъ Павла на престолъ давнія предположенія сразу же получили свое осуществленіе: 4-го декабря 1796 года на должность государственнаго казначея былъ опредѣленъ тайн. сов. А. И. Васильевъ, въ вѣдѣніе котораго были переданы казначейства, экспедиціи о доходахъ и расходахъ, для свидѣтельства счетовъ и о доимкахъ, а также особая экспедиція [5]) для разбора и расчета внутреннихъ долговъ. Въ указѣ о назначеніи кратко говорилось и о той главной задачѣ, которая была поставлена на первый разъ государственному казначею. „При самомъ вступленіи въ важную должность, на васъ возлагаемую, читаемъ въ немъ, приложите стараніе собрать свѣдѣнія и Намъ, какъ наискорѣе, доставить о всѣхъ доходахъ, о штатныхъ и чрезвычайныхъ или временныхъ расходахъ, дабы Мы, разсмотря

---

[1]) П. С. З., № 13962.

[2]) Тамъ же, № 15076, 15120, 15173, 15179, 15184, 15248 и др.

[3]) Министерство финансовъ, 1802—1902, ч. I, II., 1902 г., стр. 14—15 и др.

[4]) Въ одномъ узаконеніи кн. Вяземскій прямо названъ „отправляющимъ должность государственнаго казначея" (П. С. З., № 16745, п 1).

[5]) Объ этой экспедиціи см. указъ 10 дек. 1796 г.—№ 17627.

оные и распорядя сообразно прямымъ нуждамъ государственнымъ, могли поставить васъ въ лучшую удобность управлять сею частію и отвратить всякій недостатокъ или затрудненіе“ [1]).

Одновременно съ тѣмъ былъ данъ указъ и вновь назначенному генералъ-прокурору кн. А. Б. Куракину о томъ, чтобы онъ „по случающимся надобностямъ“ государственному казначею подавалъ съ своей стороны „всемѣрное пособіе“ [2]). Очевидно, генералъ-прокуроръ привлекался къ этому дѣлу потому, что раньше финансовыя экспедиціи и казначейства находились въ его непосредственномъ завѣдываніи, и онъ долгіе годы „временно“ выполнялъ обязанности государственнаго казначея. Какой-либо общей инструкціи о правахъ и обязанностяхъ государственнаго казначея издано не было, а потому его обязанности опредѣлялись частью прежними узаконеніями и положеніемъ тѣхъ учрежденій, во главѣ которыхъ всталъ государственный казначей, частью рядомъ отдѣльныхъ указовъ и распоряженій, болѣе конкретно и точно обозначавшихъ кругъ вѣдомства перваго государственнаго казначея, А. И. Васильева и отчасти его ближайшаго преемника (съ 22 ноября 1800 г.) Г. Р. Державина.

Государственному казначею принадлежало прежде всего завѣдываніе тѣми учрежденіями, во главѣ которыхъ онъ былъ поставленъ; сюда относились: 4 экспедиціи о государственныхъ доходахъ (1—о доходахъ, 2—о расходахъ, 3—для свидѣтельства счетовъ, 4—для взысканія по начетамъ и доимкамъ), 4 казначейства (для штатныхъ и остаточныхъ суммъ по одному въ С.-Петербургѣ и Москвѣ) и экспедиція заготовленія листовъ для государственныхъ ассигнацій. Государственный казначей заботился объ увеличеніи штатовъ этихъ учрежденій. „Имѣя всегдашнее попеченіе“ о мѣстахъ, по должности государственнаго казначея учрежденныхъ—читаемъ въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ—

---

[1]) П. С. З., № 17609 (т. XXIV, стр. 217).
[2]) П. С. З., № 17610.

„усматривая изъ опытовъ, что, съ прибавкой новыхъ губерній и съ умноженіемъ доходовъ и расходовъ государственныхъ, умножились какъ самыя дѣла, такъ и денежные обороты“ по экспедиціямъ и казначействамъ, онъ, по вступленіи въ должность, вошелъ въ подробное разсмотрѣніе штата и пришелъ къ выводу о необходимости „учинить прибавку и въ числѣ людей и положенныхъ имъ окладовъ“ ради успѣшнаго производства по этимъ мѣстамъ дѣлъ. По выработанному государственнымъ казначеемъ штату, Высочайше утвержденному 16-го іюля 1799 года, экспедиціи и казначейства, „безъ всякаго излишества“, требовали на свое содержаніе и канцелярскіе расходы, при 98 штатныхъ чиновникахъ, ежегоднаго расхода въ размѣрѣ 200.329, вмѣсто прежнихъ 171.457 рублей [1]).

Кромѣ указанныхъ мѣстъ, государственному казначею въ порядкѣ отчетности были подчинены „учрежденныя по разнымъ частямъ государственнаго хозяйства особыя коллегіи и главная соляная контора съ подчиненными имъ мѣстами“, а также казенныя палаты; по отношенію къ послѣднимъ ему велѣно было „снабдить ихъ новымъ наставленіемъ и правилами, сообразно настоящему положенію, отмѣняя то, что есть излишнее или не сходствуетъ съ простотою и ясностію счетовъ“ [2]). Въ заботахъ о правильномъ устройствѣ казенныхъ палатъ, государственный казначей вмѣстѣ съ генералъ-прокуроромъ пересматривалъ, наряду съ другими губернскими мѣстами, и штатъ этого учрежденія, благодаря чему особыя камерныя части по дѣламъ виннымъ и солянымъ были отмѣнены, обратившись въ камерную экспедицію; въ казенной палатѣ было оставлено по одному ассесору, и она отдана цѣликомъ въ вѣдѣніе вице-губернатора попрежнему [3]). По плану бар. А. И. Васильева учреждена была (18 янв. 1798 г.) контора для внѣшнихъ казенныхъ переводовъ, платежей и комиссій, въ которую вошли при-

---

[1]) П. С. З., кн. штатовъ, № 19038 (стр. 342—345; ср. выше штатъ 1780 г.—169).

[2]) Тамъ же, указъ 16 апр. 1797 г.—№ 17924.

[3]) П. С. З., № 19281; кн. штатовъ, стр. 356—358; ср. № 18176.

дворные банкиры [1]); при ихъ содѣйствіи, происходили кредитныя операціи за-границей. Государственный казначей, какъ вѣдающій финансами, участвовалъ въ разработкѣ штатовъ и другихъ учрежденій. Напр., онъ принималъ участіе въ обсужденіи такого небольшого вопроса, какъ проектъ основанія коммерческаго училища [2]).

Государственный казначей, завѣдуя личнымъ составомъ подвѣдомственныхъ ему учрежденій, дѣлаетъ представленіе о прибавкѣ имъ жалованья; входитъ въ сенатъ съ запиской о предоставленіи ему права командировать чиновниковъ „на упразднившіяся казначейскія мѣста до опредѣленія настоящихъ казначеевъ“ [3]); ему предоставлено было, въ виду упраздненія экспедицій по винной и соляной части, чиновъ этихъ экспедицій „распредѣлить надобныхъ ему по его разсмотрѣнію, излишнихъ причислить къ герольдіи“ [4]). Государственный казначей наблюдалъ, чтобы чины, ему подвѣдомственные, не были обременены излишними дѣлами. Въ 1798 году до него дошло извѣстіе, что губернаторы Костромской и Калужской губерніи поручили закупку холста для арміи казеннымъ палатамъ и привлекли къ этому дѣлу и уѣздныхъ казначеевъ; по ходатайству палатъ и казначеевъ, бар. Васильевъ заступился за нихъ и вошелъ въ сенатъ съ запиской, прося казенныя палаты и уѣздныхъ казначеевъ освободить отъ возложенной на нихъ комиссіи и опубликовать повсемѣстно, чтобы такихъ порученій имъ не дѣлали. Сенатъ призналъ соображеніе государственнаго казначея основательными и требуемое предписаніе сдѣлалъ всѣмъ губернскимъ властямъ [5]).

Самая главная обязанность государственнаго казначея довольно ясно выражена въ указѣ 16 апр. 1797 г., въ которомъ читаемъ: „По званію и долгу государственнаго

---

[1]) П. С. З., № 18326а, 18331, 18885, 19750 и др.
[2]) Тамъ же, № 18960.
[3]) П. С. З., № 18910.
[4]) П. С. З., № 17764, 17826; ср. записку о присяжныхъ и счетчикахъ при казначействахъ—№ 19571.
[5]) Тамъ же, № 18384.

казначея надлежитъ вамъ имѣть повсемѣстное свѣдѣніе и счетъ о государственныхъ доходахъ, съ чего они происходятъ, сполна ли въ свое время вступаютъ и на то ли употребляются, на что опредѣлены, дабы въ расположенныхъ отъ Насъ изъ того расходахъ остановки быть не могло" [1]). Въ связи съ этимъ стоитъ обязанность государственнаго казначея, раньше выполняемая генералъ-прокуроромъ,—составлять смѣту государственныхъ доходовъ и расходовъ на каждый предстоящій бюджетный годъ. Такъ, напр., имъ представленъ былъ въ совѣтъ въ концѣ 1800 года разработанный въ его канцеляріяхъ проектъ росписи доходовъ и расходовъ на 1801 годъ, съ объяснительной запиской самого государственнаго казначея, бар. А. Васильева, изготовленной къ 15 сентября 1800 года; смѣта сбалансирована въ 78 милліоновъ рублей, при небольшомъ превышеніи дохода надъ расходами [2]).

Исчисляя доходы, выясняя источники сборовъ, государственный казначей принимаетъ мѣры къ точному исчисленію винныхъ и соляныхъ доходовъ и прочихъ и къ возможному ихъ повышенію [3]); онъ входитъ въ установленномъ порядкѣ съ ходатайствами и представленіями по поводу гербовыхъ и вексельныхъ сборовъ, съ подорожныхъ, на содержаніе почтъ и другихъ, устанавливая тѣмъ не только размѣръ, но и порядокъ сбора [4]); вопросы о взиманіи недоимокъ, исключеніи изъ подушнаго оклада, какъ связанные съ поступленіемъ суммъ въ государственное казначейство, под-

---

[1]) П. С. З., № 17924.

[2]) Архивъ госуд. совѣта, II, 223—238. Въ оффиціальномъ очеркѣ исторіи министерства финансовъ по этому поводу сказано, что за время завѣдыванія А. И. Васильевымъ государственнымъ казначействомъ изъ работъ его „заслуживаютъ особаго упоминанія" упорядоченіе составленія смѣтъ доходовъ и расходовъ и отчетовъ по казначейству, а также устройство бухгалтеріи по этой части (стр. 24—25). Свѣдѣнія о государственныхъ доходахъ и расходахъ за 1796—1801 гг. см. въ Сборн. И. Рус. Ист. Общ., т. 45, стр. 73—90, 353 и др. Ср. вѣдомости, приложенныя къ запискѣ объ историческомъ обозрѣніи финансовой системы Россіи, въ дѣлѣ *Арх. государ. сов.*, соедин. деп. зак. и экон.. 1812, № 46 и 49, л. 86—114, 342—346, 387, 424—426 и др.

[3]) П. С. З., № 17786, 18084, 18250, 19133, 19247.

[4]) Тамъ же, № 18048, 18191, 18195, 18378, 18379, 18411, 18507, 18512, 18568, 18918, 18946, 18951, 19145 и др.

лежатъ разсмотрѣнію и государственнаго казначея съ финансовой стороны [1]). Онъ же дѣлаетъ представленія высшей власти и распоряженія нижнимъ мѣстамъ по поводу мѣста и порядка храненія денежныхъ суммъ [2]); организація банковаго дѣла, установленіе условій займа въ нихъ, выпускъ ассигнацій, выработка правилъ для внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ и плана ихъ погашенія лежитъ на обязанности государственнаго казначея [3]).

Какъ доходы, такъ и расходы изъ суммъ государственнаго казначейства вызываютъ къ дѣятельности государственнаго казначея; всѣ новыя ассигнованія и распоряженія объ отпускѣ денегъ идутъ черезъ него, и ассигнованія крупныя въ видѣ почти 3 милліоновъ на усиленіе флота или весьма значительныхъ суммъ на духовенство, и довольно мелкія, каково, напр., добавленіе къ прежнимъ ассигнованіямъ на починку и постройку казенныхъ зданій Малороссійской губерніи въ размѣрѣ той суммы, которая отпускалась раньше на содержаніе мостовъ черезъ Днѣпръ въ Кіевѣ и Кременчугѣ [4]). Въ связи съ доходными поступленіями и расходованіемъ суммъ стоятъ обязанности государственнаго казначея по веденію отчетности и ревизіи счетовъ [5]).

Кромѣ указанныхъ выше дѣлъ, А. И. Васильевъ, будучи въ должности государственнаго казначея, принималъ участіе въ комиссіи для опредѣленія расходовъ на армію и выработки ея штатовъ, завѣдывалъ дѣлами комитета о разборѣ долговъ короля и республики польскихъ, участвовалъ въ разработкѣ устава пограничныхъ и портовыхъ карантиновъ [6]), и въ другихъ дѣлахъ [7]).

---

[1]) П. С. З., № 18457, 18512, 18951, 19001.

[2]) Тамъ же, № 18365, 18614, 18631, 19130.

[3]) П. С. З., № 18281, 18326-а, 18592, 18594, 18901 и др. Арх. государ. совѣта, II, 193 и сл.

[4]) П. С. З., № 18401, 18573, 18750, 18996, 19069, 19070, 19160.

[5]) Тамъ же, № 17924; ср. 17727, 19423.

[6]) П. С. З., № 19474. Министерство финансовъ, 1802—1902. П., 1902, ч. I, 21—28.

[7]) О дѣятельности бар. Васильева и Державина, какъ государственнаго казначея, въ П. С. З., кромѣ упомянутыхъ выше, см. №№: 17677, 692 (безъ тысячъ), 726, 735, 742, 746, 747, 795, 803, 822, 824, 949, 953, 954; 18069, 105, 130, 133, 143, 210, 218, 253, 256, 280, 366, 372, 403, 460, 471, 519, 549, 604

Изъ компетенціи и рода дѣятельности государственнаго казначея видно, что въ его рукахъ стали сосредоточиваться главныя нити финансоваго управленія, но это сосредоточиваніе не получило своего развитія и завершенія. По проекту Павла наряду съ должностью казначея предполагалось установить должность „финанцъ-министра", который въ своемъ лицѣ объединилъ бы „камеръ, бергъ, економію для государственныхъ вообще владѣній и соляную коллегіи". Но этотъ проектъ въ царствованіе Павла осуществленъ не былъ [1]).

10. Департаментъ удѣловъ.

Департаментъ удѣловъ былъ установленъ изданіемъ „Учрежденія объ императорской фамиліи" въ день коронованія Павла I 5-го апрѣля 1797 года. Департаменту передавалось управленіе удѣльными имѣніями, назначенными на содержаніе императорской фамиліи; а также ему поручено было изъ получаемыхъ доходовъ съ имѣній производить тѣ выдачи денежныхъ суммъ, которыя назначены особамъ императорской фамиліи [2]). Въ томъ же законодательномъ актѣ опубликовано было обширное отдѣленіе (6-ое), въ которомъ „изъяснялись" причины учрежденія департамента удѣловъ, его устройство, его права и обязанности по отношенію къ другимъ учрежденіямъ и удѣльнымъ имѣніямъ; тогда же былъ обнародованъ и штатъ департамента [3]).

656, 680, 699, 763, 769, 805, 806, 825, 856, 864, 886, 915, 921, 971, 985; 19013, 43, 84, 94, 95, 101, 118, 127, 155, 174, 199, 244, 247, 249, 269, 270, 280, 355, 358, 370, 375, 403, 414, 441, 456, 472, 476, 481, 499, 538, 553, 556, 557, 561, 604, 623, 631, 636, 645, 664, 683, 687, 690, 699, 709, 750, 754, 777, 19778. Сен. Арх., т. I; Арх. государ. совѣта, т. II; Опись докум. и дѣлъ, III, т. I—III.

[1]) Ср. Записки Державина (Сочиненія, VI, 698 и сл.) и Сен. Арх., I, 674—о назначеніи Державина „вторымъ министромъ при государственномъ казначействѣ".

[2]) П. С. З., № 17906. Исторія удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія (1797—1897), т. I. П., 1902, гл. I по преимуществу.

[3]) П. С. З., Книга штатовъ, стр. 295.

Департаментъ по учрежденію 5 апрѣля 1797 года организованъ былъ въ такомъ видѣ. Во главѣ его былъ поставленъ министръ удѣловъ, съ 4 его „помощниками" въ званіи товарищей министра, изъ которыхъ одинъ назначался первымъ или старшимъ. По внѣшности департаментъ былъ организованъ въ видѣ коллегіи, засѣдающей ежедневно, кромѣ дней воскресныхъ, субботнихъ и табельныхъ [1]), но министръ былъ уволенъ отъ ежедневныхъ засѣданій и отъ просмотра и подписыванія текущихъ дѣлъ, лишь при разсмотрѣніи дѣлъ, требующихъ „особливаго уваженія", онъ обязанъ былъ „предсѣдать" въ департаментѣ. Въ виду такого положенія министра фактическое и постоянное завѣдываніе текущими дѣлами („хозяйственное всего департамента наблюденіе") возлагалось на старшаго товарища, остальные же трое въ свое вѣдѣніе получали: одинъ—доходы, расходы, пріемы суммъ и всѣ счеты капиталовъ, другой—свидѣтельствованіе всѣхъ счетовъ и отчетовъ, третій—составленіе годовыхъ отчетовъ и другія дѣла по департаменту.

Для производства дѣлъ департаментъ имѣетъ канцелярію, распадающуюся на два отдѣла: счетный и письменный; во главѣ каждаго—два правителя, а при нихъ два секретаря; кромѣ того, въ департаментѣ имѣлась особая казначейская экспедиція; въ общемъ по штату департаментъ удѣловъ состоялъ изъ 20 чиновъ [2]), кромѣ канцелярскихъ служащихъ, на его содержаніе отпускалось 49850 руб.

Наиболѣе важна по отношенію къ организаціи высшихъ учрежденій, къ каковымъ причисленъ былъ департаментъ удѣловъ, постановка министерской власти въ департаментѣ,

---

[1]) Любопытно отмѣтить § 134 „учрежденія", въ которомъ читаемъ: „Деп—тъ удѣльныхъ имѣній не празднуетъ сряду болѣе трехъ дней, хотя бы по табели и далѣе полагалось" (стр. 554).

[2]) По штату 1797 г. департаментъ составляли: министръ, 4 его товарища' казначей, 2 правителя: одинъ по бухгалтеріи, другой по корреспонденціи, экзекуторъ, 8 камерировъ, бухгалтеръ, докторъ и подлекарь. Позднѣе къ департаменту опредѣленъ былъ прокуроръ (П. С. З., № 19446).

впервые отчетливо и ясно опредѣленной въ законѣ [1]). Министръ удѣловъ назначается Государемъ (§ 86 учрежденія); онъ получаетъ именные указы и Высочайшія повелѣнія, ихъ объявляетъ департаменту; министръ докладываетъ Государю о всѣхъ дѣлахъ департамента: онъ подаетъ семидневные рапорты о текущихъ дѣлахъ; въ случаѣ „недоумѣнія“ при рѣшеніи какого-либо „важнаго“ дѣла, когда министръ своею властью разрѣшить его не можетъ, онъ тоже докладываетъ о томъ Государю; черезъ министра направляются къ Государю росписаніе приходовъ и расходовъ департамента предъ началомъ каждаго года, въ такомъ же порядкѣ—отчеты по истеченіи года. Министръ дѣлаетъ представленія Государю о наградахъ для чиновъ департамента, объ увольненіи въ отставку и объ отпускѣ ихъ на срокъ болѣе 29 дней. По отношенію къ самому департаменту министръ является главнымъ „начальникомъ“ (§ 129, 135, 156); онъ распредѣляетъ обязанности по департаменту между товарищами по своему усмотрѣнію; они „безъ воли министра“ ничего по департаменту „не вчиняютъ“. Министръ долженъ быть въ курсѣ всѣхъ дѣлъ, производимыхъ въ департаментѣ: ему подаютъ суточные журналы „каждый день“, сочиняютъ меморіи о дѣлахъ и представляютъ 7-дневные рапорты; въ случаѣ затрудненія при разборѣ какого-либо дѣла, департаментъ „представляетъ (о томъ) министру департамента и ожидаетъ отъ него разрѣшенія“. Министръ, по представленію департамента, назначаетъ своею властью служащихъ канцеляріи департамента; онъ опредѣляетъ обязанности всѣхъ служащихъ по департаменту и даетъ имъ предписанія о всѣхъ подробностяхъ дѣлопроизводства; онъ налагаетъ штрафы и взысканія на служащихъ по своему „разсмотрѣнію“. Министръ распоряжается остатками отъ штатнаго содержанія служащихъ, опредѣляя ихъ на прибавку жалованья, на наемъ канцелярскихъ служителей или на какія-либо другія „полезныя распоряженія и заведенія“. Являясь главою учрежденія, министръ

---

[1]) П. С. З., № 17906, §§ 66, 86, 93, 96, 129, 130, 135, 137, 138, 142, 143 146, 151, 155, 156.

удѣловъ несетъ отвѣтственность передъ Государемъ за все происходящее въ департаментѣ, помощники же его или товарищи—отвѣтственны передъ министромъ, а каждый изъ нихъ „тоже обязанъ взыскивать равномѣрно со всѣхъ имъ подчиненныхъ“ [1]).

Въ такихъ чертахъ обрисована власть министра удѣловъ; хотя онъ и не получалъ въ руководство для своей дѣятельности особой „должности“, каковую „слѣдовало бы, по выраженію устава департамента, пріобщить“ къ законоположенію о департаментѣ, но въ этомъ особой необходимости, по словамъ того же памятника, не было, такъ какъ въ семъ учрежденіи „все въ подробности описано“. Нельзя не согласиться съ подобнымъ указаніемъ: многочисленные параграфы Учрежденія объ императорской фамиліи довольно ясно намѣчаютъ права и обязанности министра удѣловъ [2]). Изъ нихъ мы видимъ, что, съ одной стороны, коллегіальный порядокъ въ департаментѣ удѣловъ еще по видимости сохраняется, присутствующіе (товарищи министра) продолжаютъ засѣдать почти ежедневно, министръ именуется „предсѣдательствующимъ“, но на самомъ дѣлѣ прочно утверждена единоличная власть министра, такъ какъ онъ является докладчикомъ по дѣламъ передъ Государемъ, отъ котораго получаетъ подкрѣпленіе своимъ мнѣніямъ и представленіямъ, въ департаментѣ онъ является „начальствующимъ“, безъ его воли дѣла не рѣшаются.

Кромѣ стороны чисто юридической, слѣдуетъ указать и на то, что сильной единоличной власти министра удѣловъ способствовало появленіе въ этой должности лицъ, занимавшихъ видное положеніе при дворѣ. Первымъ министромъ удѣловъ былъ назначенъ 11 апрѣля 1797 года генералъ-прокуроръ кн. Куракинъ; по его увольненіи, гр. С. П. Ру-

---

[1]) Въ этомъ сказалась іерархія и субординація, характерная для учрежденій, построенныхъ не на коллегіальномъ принципѣ, а на чисто бюрократическомъ.

[2]) Сверхъ того, что указано выше, министръ удѣловъ подноситъ Государю по окончаніи года родословную императорской фамиліи, вмѣстѣ съ канцлеромъ вырабатываетъ условія брака членовъ императорской фамиліи съ иностранными принцами и принцессами.

мянцовъ, а затѣмъ въ 1800 году кн. Н. Б. Юсуповъ [1]): всѣ эти лица занимали мѣста въ первыхъ рядахъ придворнаго общества и, находясь при должностяхъ, пользовались расположеніемъ императора Павла.

Департаментъ удѣловъ открылъ свою дѣятельность 22 мая 1797 года: согласно основному законоположенію ему нужно было произвести внутреннюю организацію самого департамента, устроить рядъ удѣльныхъ экспедицій, при помощи которыхъ онъ могъ бы управлять крестьянами и дворцовыми имѣніями, а на мѣстахъ открыть „сельскіе приказы“ съ выборными отъ крестьянъ, на которыхъ и возложить внутреннее управленіе небольшими по району удѣльными имѣніями. Въ ближайшее же время указанная работа департамента и началась, при чемъ по Высочайше утвержденному докладу 2-го октября 1797 года въ 9 губерніяхъ: Московской, С.-Петербургской, Орловской, Тамбовской, Костромской, Вятской, Архангельской, Смоленской и Казанской, гдѣ разбросаны были удѣльныя имѣнія, предположено было открыть 9 экспедицій, а подъ ихъ властью открыто было на мѣстахъ 156 сельскихъ приказовъ [2]).

Вѣдомство департамента ограничивалось сравнительно узкой областью, управленіемъ удѣльными имѣніями и распредѣленіемъ и расходованіемъ суммъ, извлекаемыхъ въ видѣ дохода съ этихъ имѣній. Это вѣдомство въ небольшой мѣрѣ было расширено указомъ 10 октября 1799 года: пунктомъ 4 этого указа департаменту подчинялась школа практическаго земледѣлія съ кирпичнымъ заводомъ при ней на томъ основаніи, что а) въ эту школу для наученія взяты крестьяне изъ удѣльныхъ селеній, б) кромѣ того „польза, отъ того

---

[1]) Кн. А. Б. Куракинъ оставался въ должности до 21 сент. 1798 года (въ Исторіи удѣловъ ошибочно указано, что онъ былъ министромъ „всего 5 мѣсяцевъ“—стр. 35, тогда какъ онъ пробылъ въ ней одинъ годъ и шесть мѣсяцевъ съ лишнимъ); гр. Сергѣй Петровичъ Румянцовъ былъ назначенъ 25 сент. 1798 г., въ январѣ 1800 г. по болѣзни былъ уволенъ въ отпускъ, должность министра исправлялъ первый товарищъ К. Габлицъ, пока 21 ноября 1800 г. не былъ назначенъ кн. Николай Борисовичъ Юсуповъ (Сен. Арх., т. I; ср. Опись, III, т. I—III).

[2]) Исторія удѣловъ, т. I, 30—35; свѣдѣнія о дѣятельности департамента удѣловъ за Павловское время см. также въ томахъ II и III-мъ (П., 1902 г.).

заведенія ожидаемая, съ лучшей успѣшностью распространиться можетъ“ между поселянами, находящимися подъ особымъ управленіемъ и призоромъ [1]), а къ такимъ именно относятся крестьяне удѣльнаго вѣдомства.

Завѣдуя небольшимъ кругомъ дѣлъ, департаментъ удѣловъ, конечно, не могъ играть какой-либо значительной роли въ ряду другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій; въ этомъ отношеніи роль департамента была очень скромна. Гораздо важнѣе было то обстоятельство, что въ своемъ устройствѣ департаментъ существенно отличался отъ коллегій и организаціей власти министра удѣловъ, единоличнаго главы вѣдомства, наглядно показывалъ примѣръ того, какъ могутъ быть на единоличномъ бюрократическомъ принципѣ построены высшія правительственныя учрежденія.

11. Общія замѣчанія о высшемъ управленіи Павловскаго времени.

На ряду съ высшими правительственными учрежденіями и должностями, разсмотрѣнными выше, въ Павловское время дѣйствовали и другія учрежденія, хотя и меньшія по своему значенію въ сравненіи съ такими, напр., учрежденіями, какъ коллегія военная, адмиралтейская, но формально стоявшія въ рангѣ высшихъ правительственныхъ учрежденій, подобно камеръ, мануфактуръ-коллегіямъ и прочимъ. Сюда относились: медицинская коллегія, юстицъ-коллегія лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ съ римско-католическимъ департаментомъ, позднѣе обособившимся, главная соляная контора, департаментъ водяныхъ коммуникацій и почтовый департаментъ.

Слѣдуетъ вспомнить, что къ концу царствованія Екатерины II высшее управленіе составляли: совѣтъ, сенатъ, генералъ-прокуратура, синодъ, 3 сохранившихся Петровскихъ коллегіи: военная, адмиралтейская, иностранныхъ дѣлъ и 2 болѣе позднихъ: медицинская и юстицъ-коллегія, почтовый

---

[1]) П. С. З., № 19146, п. 4; ср. № 19760.

департаментъ, всего 10 высшихъ установленій; къ нимъ тянуло нѣсколько болѣе мелкихъ учрежденій, которыя обслуживали ту или другую отрасль управленія.

Первымъ шагомъ Павловскаго царствованія было то, что возстанавляются учрежденія, въ которыхъ чувствовалась необходимость ради „общаго соображенія" предметовъ государственной экономіи и государственнаго хозяйства, именно 5 слѣдующихъ учрежденій: бергъ, мануфактуръ, коммерцъ, камеръ-коллегіи и главная соляная контора. Почти одновременно создаются вновь въ дополненіе къ прежнимъ и возстановленнымъ такія учрежденія и должности, которыя частью намѣчались въ прежнее время, частью были подготовлены обстоятельствами жизни; такъ появились: государственный казначей, ставшій во главѣ ряда финансовыхъ учрежденій, экспедиція государственнаго хозяйства, не получившая, однако, вполнѣ независимаго положенія, такъ какъ была отдана въ завѣдываніе генералъ-прокурора, департаментъ водяныхъ коммуникацій и департаментъ (министерство) удѣловъ; значитъ, появилось 3 новыхъ самостоятельныхъ вѣдомства. Такимъ путемъ, за исключеніемъ совѣта, сената и синода, все центральное управленіе при Павлѣ I было сосредоточено въ 15 вѣдомствахъ: 7 прежнихъ, 5 возобновленныхъ и 3 вновь учрежденныхъ.

Во внутренней организаціи учрежденій, несмотря на то, что нѣкоторыя учрежденія съ внѣшней и юридической стороны оставались какъ бы въ прежнемъ видѣ, благодаря новымъ теченіямъ, путемъ практики и отдѣльныхъ распоряженій произошло нѣсколько важныхъ измѣненій. Прежде всего такое измѣненіе коснулось самого основного свойства прежнихъ учрежденій—коллегіальности. Въ согласіи съ мнѣніемъ Градовскаго слѣдуетъ признать, что императоръ Павелъ оказывалъ предпочтеніе лицамъ передъ учрежденіями и давалъ явный перевѣсъ началу министерскому передъ коллегіальнымъ, цѣня „скорость власти одного". Поэтому даже въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ коллегіальный порядокъ какъ бы оставался нетронутымъ, тѣмъ не менѣе выдвигались отдѣльныя лица, которыя становились посредниками между Государемъ и даннымъ

учрежденіемъ и начинали играть роль главы этого вѣдомства. Таковы первенствующій членъ св. синода, канцлеръ, или лицо, его замѣняющее, въ коллегіи ин. дѣлъ, президентъ военной коллегіи, вице-президентъ адмиралтейской и другіе. Въ виду такого общаго теченія въ правительственныхъ сферахъ, даже въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда нужно провести какія-либо новыя мѣры, требующія энергичныхъ дѣйствій, подобныя порученія даются не коллегіямъ, а лично ихъ президентамъ. Такъ организація рудоискательныхъ партій и наблюденіе за чеканкой монеты были поручены, по увольненіи главнаго директора Соймонова, президенту бергъ-коллегіи Алябьеву; завѣдываніе таможнями и дѣлами, связанными съ ними, требовавшими „скрытныхъ" и поспѣшныхъ мѣръ— президенту коммерцъ-коллегіи (до превращенія его въ министра); устройство камеръ-коллегіи и производство торговъ по откупамъ—президенту Кожину.

Сверхъ того, важную новость въ области коллегіальныхъ учрежденій составили появившіеся впервые сначала главные директоры, а затѣмъ и министры. Главные директоры находились во главѣ слѣдующихъ 6 учрежденій: бергъ и мануфактуръ-коллегій, медицинской коллегіи, почтоваго департамента, департамента водяныхъ коммуникацій и коммерцъ-коллегіи (глава послѣдней назывался и министромъ).

Положеніе главныхъ директоровъ не было опредѣлено какой-либо общей инструкціей или особымъ указомъ, но практика и узаконенія [1]) о министрѣ коммерцъ-коллегіи, какъ о „главномъ директорѣ", достаточно выясняютъ ту роль, какая выпала главнымъ директорамъ по отношенію къ учрежденіямъ, надъ которыми они были поставлены. Главные директоры организуютъ учрежденія, руководятъ и направляютъ ихъ дѣятельность. Они являются посредниками между Государемъ и находящимся въ ихъ вѣдѣніи учрежденіемъ: они объявляютъ волю монарха, которая проявляется или въ видѣ рескриптовъ на имя главнаго директора или въ видѣ словесныхъ Высочайшихъ повелѣній, объявляемыхъ

---

[1]) П. С. З., 19554, 19679, 19775 и др.

учрежденію главнымъ директоромъ, каждымъ по его вѣдомству; они подносятъ на Высочайшее утвержденіе доклады, то лично Государю, то черезъ статсъ-секретарей, иногда же черезъ генералъ-прокурора. Главный директоръ долженъ находиться въ курсѣ всѣхъ тѣхъ дѣлъ, которыя разсматриваются въ коллегіяхъ или департаментахъ. Ему представляются объ этомъ постоянныя свѣдѣнія („меморіи"). Онъ даетъ по дѣламъ „предложенія" и „замѣчанія", которыя вносятся „на уваженіе" той коллегіи, которая работаетъ вмѣстѣ съ нимъ по дѣламъ того же вѣдомства, и приводятся въ исполненіе. Если бы коллегія не согласилась съ указаніемъ главнаго директора, то она не имѣла права приводить въ исполненіе то, что она раньше постановила; при такомъ разногласіи главный директоръ опредѣленіе коллегіи и свое мнѣніе докладываетъ Государю; фактически, конечно, мнѣніе докладчика въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ одерживало бы верхъ [1]).

Такіе порядки рисуютъ намъ переходный моментъ, когда появились въ лицѣ главныхъ директоровъ сановники съ властью, близкой къ министерской, единоличной, но когда старый коллегіальный порядокъ, расшатанный и обезсиленный, тѣмъ не менѣе еще продолжалъ доживать свои послѣдніе дни.

Но и на этомъ движеніе въ сторону министерской власти не остановилось. Министерскій характеръ носила должность генералъ-прокурора, который во многихъ областяхъ своей многогранной дѣятельности былъ полновластнымъ распорядителемъ, не стѣсняемымъ никакими коллежскими обрядами. Такимъ же единоличнымъ главою своего вѣдомства былъ государственный казначей, главный директоръ почтъ и гр. Я. Сиверсъ, управлявшій водяными коммуникаціями. Еще болѣе отчетливо это положеніе сказалось по отношенію къ министру департамента удѣловъ. По учрежденію объ императорской фамиліи, министръ удѣловъ, „яко начальствующій въ департаментѣ и предсѣдательствующій въ ономъ,

---

[1]) Если бы такія столкновенія происходили; но мнѣ лично не встрѣтилось ни одного случая разногласія въ мнѣніяхъ главнаго директора и подчиненнаго ему учрежденія.

имѣетъ главное управленіе надъ всѣми чинами и дѣлами сего департамента"; товарищи его „безъ воли министра ничего по департаменту не вчиняютъ", министръ—докладчикъ передъ Государемъ по всѣмъ дѣламъ своего департамента [1]). Отсюда видно, что министерская власть, какъ таковая, отчетливо была выработана Павловскимъ временемъ на основѣ предшествующей и текущей практики, и эта власть имѣла довольно значительное число своихъ представителей среди тогдашнихъ сановниковъ. Генералъ-прокуроръ и государственный казначей, 5 главныхъ директоровъ и 2 министра—вотъ лица, занимавшія министерское положеніе. Не хватало лишь одной мѣры—установить единообразную министерскую власть и для всѣхъ остальныхъ высшихъ учрежденій.

Кромѣ указанной стороны въ организаціи высшаго управленія при Павлѣ, важно было еще то, что въ силу идеи централизаціи дѣла, разбросанныя по отдѣльнымъ учрежденіямъ и перенесенныя на мѣста, стягиваются къ центру и распредѣляются по вѣдомствамъ столичныхъ учрежденій. Такъ военныя дѣла, отчетность по гвардейскимъ полкамъ, управленіе адмиралтействами, верфями и портами сосредоточивается въ коллегіяхъ военной и адмиралтейской; дѣла по горной части и монетной, распыленныя по многимъ мѣстамъ, стягиваются въ вѣдомство бергъ-коллегіи и отдаются въ руки главнаго директора горныхъ и монетныхъ дѣлъ; чины посольствъ и денежныя суммы, которыя отпускались на содержаніе заграничныхъ миссій, ставятся въ непосредственную зависимость отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и проч. Такая концентрація дѣлъ замѣтно оживила дѣятельность высшихъ установленій. Нѣкоторое представленіе объ увеличеніи количества дѣлъ, проходившихъ черезъ коллегіи, конторы и департаменты, находившіеся въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, могутъ дать слѣдующія цифры: въ 1789 году въ названныхъ учрежденіяхъ было рѣшено 95 тысячъ дѣлъ, въ 1796—81, въ 1799—127, въ 1800 году—140 тысячъ [2]); значитъ, въ

---

[1]) П. С. З., 17906, § 135, 138, 142, 151, 156 (т. XXIV, стр. 554—557).

[2]) *Госуд. Арх.*, разр. XVI, № 386, л. 13—18; *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 300, л. 76, 114—115; № 1541, л. 82; № 2396, л. 162.

нихъ въ царствованіе Павла увеличилось количество рѣшенныхъ дѣлъ примѣрно въ полтора раза въ сравненіи съ Екатерининскимъ временемъ.

Обращаясь къ дѣятельности центральныхъ учрежденій, можно видѣть, что они занимались не только обычной текущей перепиской, значительно увеличившейся благодаря перенесенію многихъ дѣлъ изъ мѣстныхъ установленій въ центральныя, но также разрѣшали рядъ крупныхъ вопросовъ, который былъ намѣченъ Павловскимъ временемъ. Къ числу такихъ вопросовъ, напр., можно отнести: 1) созданіе и переустройство многихъ учрежденій, выработку штатовъ, наполненіе ихъ чиновниками и заботы объ установленіи такого порядка, при которомъ учрежденія дѣйствовали-бы планомѣрно, безъ помѣхи другъ другу; 2) преобразованія, весьма значительныя, въ арміи и во флотѣ, смыслъ которыхъ сводился къ тому, чтобы внести порядокъ въ организацію военныхъ силъ, поднять дисциплину въ войскахъ и поставить наличный составъ арміи при комплектѣ на такую высоту, при которой населеніе не обременялось бы частыми наборами, и Россія была бы спокойна за безопасность своихъ границъ; 3) проведеніе въ жизнь финансовыхъ мѣръ, которыми можно было бы увеличить доходы казны, сократить по возможности расходы и свести бюджетъ безъ дефицита; 4) разсмотрѣніе мѣръ, связанныхъ съ промышленностью и торговлей, при чемъ обращено было вниманіе на то, чтобы поставить россійскую промышленность на свои ноги, и тѣмъ энергичнѣе разрабатывать естественныя богатства страны, а торговлю также освободить отъ сторонняго воздѣйствія и подчиненности иностранцамъ, а также расширить въ сторону азіатскихъ рынковъ; 5) наконецъ, обсужденіе и рѣшеніе многихъ мѣръ по отношенію къ сословіямъ (дворянская служба, надѣленіе крестьянъ землей, самоуправленіе, непремѣнные работники и проч.), благодаря чему нѣсколько сглаживались рѣзкія противорѣчія между интересами основныхъ группъ населенія, даны были облегченія повинностей крестьянамъ и намѣчался путь къ дальнѣйшему улучшенію быта низшаго населенія.

Въ результатѣ всего того, что было произведено по отношенію къ высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ, получилось слѣдующее. Въ короткое четырехлѣтнее царствованіе Павла было возстановлено центральное управленіе, съ сильной концентрирующей властью, объединившей и сосредоточившей дѣла, распыленныя по мѣстамъ и по многимъ учрежденіямъ; въ немъ внутри произведено было важное переустройство, благодаря которому коллегіальный порядокъ, обезсиленный и разбитый, отошелъ на второй планъ и принужденъ былъ уступить первое мѣсто порядку бюрократическому, министерскому. Это даетъ намъ право сказать, что фактически при Павлѣ были созданы всѣ тѣ министерства и главныя управленія, которыя получили свое окончательное устройство при императорѣ Александрѣ I; первый подготовилъ и создалъ то, что второй оформилъ и, совершенствуя, при содѣйствіи Сперанскаго, видоизмѣнилъ.

Правда, нельзя забывать того обстоятельства, что Павелъ не докончилъ своего дѣла, согласно выработанному имъ проекту „объ устройствѣ разныхъ частей государственнаго управленія" въ видѣ 7 министерствъ: высшихъ учрежденій оказалось значительное число, они не были стянуты въ меньшее количество вѣдомствъ, главы вѣдомствъ при немъ не получили одинаковыхъ правъ и не были объединены въ совѣтѣ министровъ, какъ это предполагалось проектомъ; принципъ отвѣтственности не былъ проведенъ достаточно ясно. Но несмотря на это, Павломъ было сдѣлано для высшаго управленія такъ много, что Александру въ первые годы пришлось только воспользоваться сложившимися учрежденіями и порядками.

Извѣстный манифестъ 8 сентября 1802 года объ учрежденіи 8 министерствъ говоритъ, исключая новаго министра народнаго просвѣщенія, о коллегіяхъ, департаментахъ, экспедиціяхъ и прочихъ учрежденіяхъ, которыя всѣ были извѣстны Павловскому времени и тогда же получили тотъ видъ, въ которомъ оставались и при установленіи министерствъ; во всемъ перечисленіи манифеста нѣтъ ни одного новаго пра-

вительственнаго мѣста [1]), которое появилось бы вновь при опубликованіи этого акта. Составители манифеста къ 15 названнымъ выше учрежденіямъ и нѣкоторымъ другимъ подчиненнымъ по существу примѣнили тѣ же пріемы, которые имѣлись въ виду и проектомъ Павла: а) нѣкоторыя учрежденія оставлены были въ неприкосновенности, въ ихъ прежнемъ видѣ; б) другія стягивались въ одно вѣдомство; къ этому присоединился и третій видоизмѣненный пріемъ — раздѣла вѣдомства и частичной передачи одной вѣтви управленія въ другое вѣдомство. Такъ безъ какихъ либо измѣненій по предметамъ вѣдомства превратились въ министерства: 1) коллегія военная, 2) адмиралтейская, 3) иностранныхъ дѣлъ и 4) коммерцъ-коллегія съ таможенной частью. Министерство финансовъ стянуло къ себѣ бергъ-коллегію съ монетнымъ департаментомъ, экспедицію вексельной бумаги, отошедшую изъ вѣдомства мануфактуръ-коллегіи, часть экспедиціи государственнаго хозяйства, государственные банки и вѣдомство государственнаго казначея. Обширный кругъ дѣлъ генералъ-прокурора вмѣстѣ съ другими оставшимися учрежденіями былъ распредѣленъ между 2 министерствами: юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. Первому предоставлены были дѣла судебныя на основаніи инструкціи генералъ-прокурора по преимуществу, второму оказались подчиненными: а) вся губернская администрація; б) мануфактуръ-коллегія, кромѣ экспедиціи вексельной и гербовой бумаги; в) медицинская коллегія; г) главная соляная контора, д) главное почтовое правленіе (или почтовый департаментъ) и е) экспедиція государственнаго хозяйства. Въ это распредѣленіе не вошли: департаментъ удѣловъ, преобразованный позднѣе въ министерство двора, и департаментъ водяныхъ коммуникацій, который послужилъ основой для учрежденія министерства путей сообщенія.

---

[1]) Я не говорю о комитетѣ министровъ, но и онъ исключительной новости по идеѣ не представлялъ, такъ какъ по проекту Павла предполагалось, чтобы всѣ министры входили въ составъ совѣта Е. В—ва; кромѣ того объединяющая роль отводилась по проекту и кабинету или государевой канцеляріи.

Отсюда видно, что, при опубликованіи манифеста 8-го сентября 1802 года, не произошло никакой существенной ломки учрежденій; кромѣ небольшихъ, почти ничтожныхъ, видоизмѣненій высшія присутственныя мѣста остались въ прежнемъ видѣ, съ тѣмъ же кругомъ дѣлъ, при ихъ внутренней организаціи и съ тѣмъ же канцелярскимъ порядкомъ, который былъ созданъ практикой XVIII столѣтія [1]).

Что касается власти главы министерства, то она опредѣляется манифестомъ въ формѣ, довольно близкой къ правамъ главныхъ директоровъ и министровъ Павловскаго времени. Министръ, по манифесту 8-го сентября, непосредственный начальникъ того вѣдомства, во главѣ котораго онъ стоитъ. Онъ (по статьѣ IX-й манифеста) долженъ имѣть „непрерывное сношеніе со всѣми мѣстами, подъ управленіемъ его состоящими, и быть свѣдущъ о всѣхъ дѣлахъ, которыя въ нихъ производятся". Каждое мѣсто посылаетъ министру „еженедѣльныя меморіи" и „представленія" о дѣлахъ. Онъ, съ своей стороны, „дѣлаетъ замѣчанія" и даетъ „отвѣты" „предложеніями". Если мѣста несогласны будутъ съ замѣчаніями министра, то они представляютъ ему о томъ свои разсужденія. Когда же министръ, несмотря на вторичное представленіе, будетъ настаивать на своемъ предложеніи, то присутственное мѣсто исполняетъ дѣло по указанію министра, хотя свое мнѣніе записываетъ въ журналъ засѣданія. Министръ—докладчикъ предъ Государемъ по дѣламъ своего вѣдомства.

Изъ указаній манифеста объ отношеніяхъ министра къ учрежденію, во главѣ котораго онъ поставленъ, видно, какъ близка по этому узаконенію власть министра къ правамъ главнаго директора—министра коммерціи Павловскаго времени. Разница только одна: министръ прежній при разногласіи съ коллегіей представляетъ постановленіе коллегіи и свое мнѣніе на усмотрѣніе Государя, министръ новый

---

[1]) По словамъ Г. Р. Державина, Государь на одномъ изъ первыхъ засѣданій комитета министровъ заявилъ, что „онъ своимъ манифестомъ (объ учрежденіи министерствъ) никакой отмѣны не сдѣлалъ въ производствѣ дѣлъ" (VI, 742).

имѣетъ право настоять на исполненіи своего предложенія безъ доклада Государю; но это—разница юридическая, едва ли фактическая. Когда же вспомнить о власти генералъ-прокурора или министра удѣловъ по отношенію къ учрежденіямъ, находившимся въ ихъ полномъ распоряженіи, тогда ясно будетъ, что даже эта разница не является новостью Александровскаго времени. Значитъ, идея министерской власти прочно была выработана предшествовавшей практикой и достаточно ясно выражена была въ законѣ. Заслугой составителей манифеста было лишь распространеніе этой власти одинаково на всѣхъ начальниковъ главнѣйшихъ вѣдомствъ.

Эта близость, почти тожественность, Александровскаго министра къ Павловскому настолько была очевидна, что даже современникамъ бросалась въ глаза, и они на нее указывали неоднократно. Такъ, гр. Кочубей во всеподданнѣйшемъ докладѣ (1803 года) писалъ: „Министръ дѣйствуетъ въ коллегіи, какъ главный директоръ". Позднѣе (въ 1815 году) гр. Д. А. Гурьевъ въ своей запискѣ заявлялъ, что манифестомъ объ учрежденіи министерствъ 1802 года „ни одна коллегія не уничтожена, только разныя мѣста, подъ именемъ коллегій, департаментовъ и экспедицій по роду ихъ соединены и подчинены одному главному директору съ званіемъ министра" [1]).

Вспоминая всю систему высшаго управленія возстановленнаго и преобразованнаго Павломъ, должно признать, что въ основномъ былъ правъ Градовскій, а не Дмитріевъ, когда выдвигалъ время Павла въ вопросѣ о созданіи министерствъ и устройствѣ высшаго центральнаго управленія и связывалъ мѣропріятія конца вѣка съ общимъ исканіемъ формъ высшаго управленія, присущимъ всему XVIII вѣку. Впрочемъ, ни тотъ, ни другой не были правы, когда говорили объ успѣхахъ Екатерининскаго царствованія въ дѣлѣ созданія центральныхъ учрежденій, такъ какъ результатомъ введенія губернскихъ учрежденій 1775 года было то, что

---

[1]) Сборн. И. Р. И. Общ., т. 90, стр. 56, 203—205; ср. т. 3, стр. 31 и сл. Министерство внутреннихъ дѣлъ, 13—„Министры по характеру своей власти приближались къ главнымъ директорамъ, учрежденнымъ еще при императорѣ Павлѣ".

высшее управленіе стало ветшать и падать. Въ этомъ случаѣ правъ Н. Д. Чечулинъ, когда утверждаетъ, что императрица Екатерина II не только ничего не сдѣлала по отношенію къ центральному управленію, но и не подготовила для него ничего обширнаго и стройнаго.

Совсѣмъ иная картина получилась послѣ мѣропріятій Павла. Послѣ него остался совѣтъ, учрежденіе, по своей идеѣ объединяющее дѣйствія правительства, сенатъ, частью съ административнымъ, но преимущественно судебнымъ значеніемъ, синодъ, коллегіи, департаменты и экспедиціи, во главѣ которыхъ стояли лица министерскаго положенія. Въ проектѣ, составленномъ самимъ Государемъ, намѣченъ былъ планъ дальнѣйшаго усовершенствованія этихъ учрежденій, такъ что Александру I съ его сотрудниками осталось лишь реформировать совѣтъ, точнѣе опредѣлить позицію сената и произвести нѣкоторыя, скорѣе всего техническія перемѣны въ другихъ учежденіяхъ, чтобы въ результатѣ получилось то зданіе, которое, совершенствуясь и видоизмѣняясь, просуществовало въ теченіе всего XIX вѣка. Отсюда видно, каковы заслуги Павловскаго времени въ устройствѣ высшаго управленія Россіи вообще, въ дѣлѣ созданія министерствъ по преимуществу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

1. Мѣропріятія Павла I въ области мѣстнаго управленія.

Областное управленіе XVIII вѣка пережило коренную ломку въ послѣдней четверти вѣка благодаря введенію въ дѣйствіе учрежденія о губерніяхъ 1775 года. Этотъ законодательный памятникъ, будучи продуктомъ до нѣкоторой степени творческихъ усилій самой императрицы Екатерины II, а также нося на себѣ отпечатокъ совѣтовъ цѣлаго ряда видныхъ лицъ, напр., Сиверса, Волконскаго, Панина, Завадовскаго, Безбородки и другихъ, составилъ эпоху въ исторіи мѣстныхъ учрежденій. Имъ введены были существенныя улучшенія въ областномъ управленіи. Къ числу важныхъ особенностей реформы 1775 года слѣдуетъ отнести: 1—болѣе мелкое административное дѣленіе и созданіе среднихъ и низшихъ мѣстъ, чѣмъ власть приближалась къ населенію; 2—переносъ многихъ дѣлъ изъ центра на мѣста; 3—усиленіе личнаго состава служащихъ въ губерніи, съ организаціей ихъ въ коллегіи; 4 — отдѣленіе чисто административныхъ учрежденій отъ судебныхъ; 5—широкое участіе представителей сословій въ мѣстномъ управленіи и судѣ.

---

[1]) Литература о мѣстномъ управленіи: 1—Андреевскій И., О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ. П., 1864; 2—Кавелинъ, Основныя начала русскаго судоустройства и судопроизводства (Собр. соч., т. I, изд. 1859 г.); 3—Романовичъ-Славатинскій, Историческій очеркъ губернскаго управленія, отъ первыхъ преобразованій Петра до учрежденія 1775 г., Кіевъ, 1859 г. 4—Лохвицкій А. В., Губернія, ея правительственныя и земскія учрежденія П., 1864; 5—Градовскій А. Д., Органы мѣстнаго управленія (Сочин., т. IX); 6—Анучинъ Е., Историческій обзоръ развитія административно-полицейскихъ учрежденій въ Р., П., 1872 г.; 7—Дитятинъ И. И., Устройство и управленіе городовъ Россіи, т. I., П., 1875; т. II, Ярославль, 1877, стр. 115—131 (о времени

Нужно сказать, что какъ въ моментъ созданія учрежденій, такъ и позднѣе императрица Екатерина II была очень довольна этой реформой. Довольство распространялось прежде всего на самый законодательный памятникъ, которымъ она гордилась и ставила его такъ высоко, что, напр., Наказъ по сравненіи съ нимъ, по ея словамъ, могъ казаться просто „болтовней". Довольна была Императрица и самой проводимой реформой, какъ потому, что ею въ значительной мѣрѣ удовлетворялись желанія сословій, нашедшія себѣ выраженія въ депутатскихъ наказахъ и одиночныхъ представленіяхъ,— Екатерина же искала популярности и до конца жизни прислушивалась къ придворной молвѣ,—такъ и потому, что эта реформа была согласована съ модной теоріей раздѣленія властей и представляла собой въ извѣстномъ смыслѣ стройную систему. Не только сама Екатерина II, но и многіе современники съ большимъ удовлетвореніемъ пишутъ и вспоминаютъ о введеніи новыхъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій [1]).

Хотя учрежденія 1775 г. вводились въ жизнь далеко не сразу, понадобилось около 20-ти лѣтъ, чтобы реформа получила повсемѣстное распространеніе, затѣмъ къ первоначальному остову реформы въ послѣдующіе годы дѣлались дополненія, а также допускались подъ вліяніемъ практики нѣкоторыя отступленія, тѣмъ не менѣе какъ въ самой реформѣ, такъ и въ способѣ ея примѣненія замѣтны были нѣкоторые существенные недочеты, которые съ годами сказывались все сильнѣе и вырисовывались отчетливѣе.

Къ числу основныхъ недочетовъ нужно прежде всего отнести большое число судебныхъ инстанцій. Между высшимъ судомъ губерніи, палатой уголовной и гражданской, и низшими судами, какими были въ уѣздѣ уѣздный судъ, городовой магистратъ и нижняя расправа, были еще среднія

Павла I); 8—Кизеветтеръ А. А., Посадская община въ Р., М., 1903 г.; Городовое положеніе, М., 1909; 9—Григорьевъ, Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II, П., 1910 г.; 10—Готье Ю. В., Исторія областного управленія въ Р. отъ Петра I до Екатерины II, т. I, М., 1913 г.

[1]) См., напр., записки Державина, VI, 526; ср. VII, 38; Болотова, III; ср. записки Винскаго— Рус. Арх., 1877 г., № 1, стр. 101—103.

мѣста, посредствующія инстанціи: верхній земскій судъ, губернскій магистратъ и верхняя расправа. Эти среднія мѣста имѣли свой смыслъ въ первоначальномъ проектѣ „учрежденія", когда они предназначались для предполагавшейся средней административной единицы — провинціи. Но когда первый набросокъ проекта подвергся переработкѣ, и провинція, какъ особое среднее административное дѣленіе, была вычеркнута, а спроектированныя для нея учрежденія передвинуты были въ губернію, то тамъ они оказались въ омертвѣломъ состояніи. Послѣдующіе годы такъ и не могли вдохнуть въ нихъ жизнь; хотя они и были открыты по губерніямъ, но, будучи не на своемъ мѣстѣ и находясь въ присутствіи болѣе сильныхъ судовъ, какими были палаты, эти среднія инстанціи только затрудняли обычное теченіе дѣлъ. Ненужность этихъ среднихъ судовъ чувствовалась довольно ясно и при Екатеринѣ II, но при ней никто не рѣшался посягнуть на то, что было создано рукой самой Императрицы.

Вторымъ недостаткомъ учрежденія 1775 года было то, что оно, создавая множество новыхъ учрежденій, требовало значительнаго личнаго состава чиновъ [1]), тогда какъ исконной особенностью провинціальной жизни былъ недостатокъ въ людяхъ. Столица, дворъ, центральныя учрежденія обычно притягивали къ себѣ все лучшее и энергичное изъ городовъ и помѣщичьихъ усадебъ, оставляя на мѣстахъ лишь недорослей и инвалидовъ, живущихъ на покоѣ. Въ этомъ отношеніи и манифестъ о вольности дворянской не могъ сразу измѣнить обликъ провинціальной жизни и даже тогда, когда дворяне расселились по своимъ гнѣздамъ, лишь центръ государства имѣлъ достаточный контингентъ чиновъ, изъ которыхъ можно было вербовать новыхъ должностныхъ лицъ, по окраинамъ же, въ губерніяхъ Архангельской, Вятской, Пермской, Астраханской и др. всегда происходила недохватка; не хватало иногда не только дворянъ, купцовъ, но и чиновниковъ, какъ,

---

[1]) Естественнымъ послѣдствіемъ многочисленности учрежденіи и должностей явилось то, что мѣстное управленіе требовало для себя весьма значительныхъ суммъ изъ государственной казны.

напр., въ губерніяхъ, пріобрѣтенныхъ отъ Польши, Виленской и Слонимской [1]).

Третьимъ недостаткомъ слѣдуетъ считать то, что участіе представителей общества въ управленіи и судѣ было односторонним и не имѣло прочной устойчивости: учрежденія были заполнены выборными отъ дворянъ, представители же другихъ слоевъ общества занимали весьма скромную позицію; кромѣ того, по словамъ Градовскаго, много было выборныхъ, но мало правящихъ; всѣ высшія должности въ губерніи были заняты чиновниками, и мѣстнымъ людямъ приходилось лишь выполнять то, что было приказано. Отсутствіе самостоятельности, лишеніе инціативы выборныхъ коллегій, можетъ быть, и полезное въ началѣ, при первыхъ опытахъ самоуправленія, оказалось пагубнымъ въ дальнѣйшемъ, такъ какъ общественныхъ представителей, казалось бы, живыхъ носителей иной творческой силы, это превращало въ чиновниковъ, не сообщая имъ въ полной мѣрѣ профессіональной опытности.

Къ этому нужно присоединить еще одно обстоятельство. Утвердивъ 7-го ноября 1775 г. первую часть учрежденія о губерніяхъ, Императрица передала генералъ-прокурору кн. Вяземскому собственноручную записку относительно введенія въ дѣйствіе новаго законодательнаго акта. Вотъ въ этой то запискѣ и читаемъ: „Учрежденія сіи не касаются до тѣхъ губерній, кои имѣютъ особо конфирмованныя привилегіи, какъ-то: Малороссія, Лифляндія и проч., и не до Сибири, и публикованы оныя не индѣ будутъ, какъ тутъ, гдѣ учредятся по сему губерніи“ [2]). Иначе говоря, первоначальной мыслью Императрицы было—ввести новыя установленія лишь въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, а губерніи, находящіяся въ особо привилегированномъ положеніи, оставить пока безъ измѣненій. Но на этой позиціи Императрица не удержалась. Менѣе чѣмъ черезъ два года она преобразовываетъ губерніи Полоцкую и Могилевскую, а позднѣе постепенно и всѣ осталь-

[1]) Григорьевъ. В., Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II, 322—327.

[2]) П. С. З., 25 ноября 1775 г., № 14400.

ныя, отмѣняя ихъ прежнее устройство и вводя новое согласно учрежденію 1775 года. Въ послѣдніе годы своего царствованія она быстро распространяетъ „губернскія учрежденія“ и на вновь присоединенныя отъ Польши губерніи, желая тѣмъ скорѣе приблизить ихъ къ Россіи.

Но эта мѣра, на спѣхъ проводимая, со стороны многихъ тогдашнихъ сановниковъ вызывала нареканіе. Такъ Воронцовъ въ запискѣ 1801 года отрицательно относился къ распространенію учрежденія 1775 г. на пріобрѣтенный отъ Польши край [1]). Державинъ въ своихъ запискахъ говоритъ о „несообразности польскихъ законовъ съ русскими“, происходящей оттого, что въ Бѣлоруссіи, напр., введены сразу русскія учрежденія, тогда какъ населеніе привыкло къ своимъ старымъ порядкамъ, а новыхъ не знало и не понимало, отъ этого, по словамъ Державина, появился „великій въ землѣ безпорядокъ, отъ котораго происходило не токмо много ссоръ и тяжбъ, но и самыхъ убивствъ“ [2]).

Сама создательница областной реформы, хотя и допускала нѣкоторыя отступленія отъ принятаго узаконенія, тѣмъ не менѣе по естественной склонности цѣнить то, надъ чѣмъ она просиживала долгіе дни, „законодательствуя“, ревниво оберегала основы реформы отъ какихъ либо искаженій и существенныхъ уклоненій. Императрица, какъ указано выше, даже ввела новыя учрежденія тамъ, гдѣ съ ними можно было бы и обождать.

Павелъ I и его помощники по управленію совсѣмъ не были связаны съ проведенной реформой, видѣли въ ней недостатки, да къ тому же взгляды Павла на мѣстное управленіе и отношеніе послѣдняго къ центральнымъ учрежденіямъ существенно отличались отъ взглядовъ покойной Императрицы. Павелъ хотѣлъ обо всемъ знать и все держать въ своихъ рукахъ; ему нужны были гибкіе и исполнительные чиновники, а не представители общества. Централиза-

---

[1]) Арх. кн. Воронцова, т. 29, стр. 460.
[2]) Сочиненія Державина, т. VI, стр. 688.

ція—вотъ одна изъ главныхъ цѣлей его мѣропріятій по отношенію къ мѣстнымъ учрежденіямъ.

Кромѣ этого была еще другая сторона дѣла, которая оказалась на первыхъ порахъ опредѣляющей въ ломкѣ Екатерининскихъ губерній. Реформа мѣстнаго управленія по законоположенію 1775 года стоила очень дорого. Павелъ расходы по управленію считалъ чрезмѣрными, и еще въ 1786 году, составляя примѣрную табель государственныхъ расходовъ, „на губерніи" вмѣсто 10.921.388 руб., которые, по его свѣдѣнію, расходовались на содержаніе губернской администраціи, предполагалъ назначить только 4 милліона, почти въ три раза меньше прежняго [1]). Вступивъ на престолъ, онъ задался цѣлью—сократить прежде всего расходы, чтобы можно было освободить казну отъ постоянно возраставшаго дефицита, а въ числѣ сокращеній—уменьшеніе расходовъ на содержаніе областной администраціи было однимъ изъ главныхъ. И какъ при Екатеринѣ I дороговизна областного управленія была главной причиной паденія созданныхъ Петромъ учрежденій, такъ же въ значительной мѣрѣ и теперь громадные расходы на многочисленную мѣстную администрацію, при хроническомъ дефицитѣ государственнаго бюджета, были одной изъ главныхъ причинъ, благодаря которой количество губерній сократилось, штаты были урѣзаны и число чиновъ тоже значительно уменьшилось.

Изъ сказаннаго видно, что двѣ главныя причины побуждали правительство Павла I произвести перемѣны въ мѣстномъ управленіи: 1) финансовая нужда и 2) стремленіе къ усиленію централизаціи, причудливо соединившееся, впрочемъ, съ поощреніемъ нѣкоторыхъ особенностей въ управленіи прибалтійскими провинціями, губерніями, отъ Польши присоединенными, и другими окраинными частями Имперіи. Перейду теперь къ обзору законоположеній, касавшихся мѣстнаго управленія въ Павловское царствованіе.

На первый взглядъ въ мѣропріятіяхъ Павла I цѣльной, законченной программы по отношенію къ губернскимъ учре-

---

[1]) Библіотека Павловскаго дворца, картонъ № 13, тетр. 8 (Рус. Стар., 1874, X, 70; ср. Арх. государ. сов., II, 159).

жденіямъ найти нельзя, но уже послѣ внимательнаго просмотра указовъ, помѣщенныхъ хотя бы въ Полномъ Собраніи Законовъ, начинаетъ замѣчаться нѣкоторая планомѣрность. Эта планомѣрность особенно будетъ ясна, если подробнѣе разобрать всѣ тѣ видоизмѣненія, которыя введены были въ царствованіе Павла въ систему мѣстнаго управленія. Ими были: 1—перемѣны въ административномъ дѣленіи; 2—упраздненіе среднихъ инстанцій и нѣкоторыя видоизмѣненія въ другихъ учрежденіяхъ; 3—замѣна выборныхъ отъ дворянъ назначенными отъ короны чиновниками въ административно-судебныхъ мѣстахъ; 4—дарованіе прежнихъ привилегій южнымъ, юго-западнымъ и сѣверо-западнымъ губерніямъ.

Объ административномъ дѣленіи, созданномъ Павломъ I, иногда говорятъ, что оно было случайнымъ и капризнымъ, что Павелъ хотѣлъ во что бы то ни стало перекроить Россію на новый ладъ, лишь бы новая карта не была похожа на Екатерининскую. И въ самомъ дѣлѣ первое впечатлѣніе нѣкоторой пестроты и произвольности получается при чтеніи первыхъ указовъ „о новомъ раздѣленіи государства на губерніи". Оказывается, одну губернію слѣдуетъ упразднить и присоединить къ другой, иную урѣзать съ одной стороны и добавить нѣсколькими уѣздами съ другой, а третью совсѣмъ разнять по кускамъ, приклеивъ ихъ къ сосѣднимъ нѣсколькимъ губерніямъ. Кажется, живого мѣста не останется послѣ всѣхъ указанныхъ перетасовокъ, раздѣловъ и приписокъ. Но при ближайшемъ разборѣ всѣхъ измѣненій выводъ получается другой [1]).

Прежде всего нужно сказать, что Павломъ въ указѣ 12 декабря 1796 года „о новомъ раздѣленіи государства на губерніи" даны были лишь общія указанія относительно числа губерній (40), названія и ближайшей судьбы ихъ, съ точнымъ, впрочемъ, опредѣленіемъ, какія губерніи остаются

[1]) Краткія свѣдѣнія о перемѣнахъ, произведенныхъ Павломъ въ административномъ устройствѣ Россіи, см. въ книгѣ К. Арсеньева, Статистическіе очерки Россіи, П., 1848, стр. 136—140. Болѣе подробныя—въ книгѣ В. Э. Дена, Населеніе Россіи по пятой ревизіи, I, 141—151, 187 и др.

въ прежнемъ состояніи, какія видоизмѣняются въ томъ или другомъ отношеніи и какія упраздняются. Но подробностей въ опредѣленіи границъ губерній въ этомъ указѣ нѣтъ, предположительное установленіе такихъ границъ „между всѣми смежными губерніями" изъ числа вновь образуемыхъ и видоизмѣняемыхъ цѣлесообразнѣе всего было предоставить „соглашенію" губернаторовъ, которымъ на мѣстахъ, конечно, виднѣе по удобству мѣстности распредѣлить ихъ между губерніями; это и предусматриваетъ указъ 12 декабря, возлагая на губернаторовъ установленіе границъ между смежными губерніями и представленіе объ этомъ сенату, а черезъ него и самому Государю [1]).

Весь 1797 годъ прошелъ въ томъ, что губернаторы на границахъ своихъ губерній съѣзжались и производили распредѣленіе городовъ, селъ и деревень между губерніями. Были и недочеты въ этомъ опредѣленіи границъ. Такъ, напримѣръ, одно село, принадлежавшее одному и тому же владѣльцу, оказалось раздѣленнымъ пополамъ и причисленнымъ къ двумъ разнымъ губерніямъ. Въ концѣ концовъ, послѣ переписокъ и соглашеній, въ 1798 году границы Павловскихъ губерній были опредѣлены и, за рѣдкимъ исключеніемъ, оставались неизмѣнными до конца царствованія. Чтобы закрѣпить ихъ и имѣть подъ рукой вѣрныя свѣдѣнія, велѣно было составить атласъ для каждой губерніи и прислать въ планную Его Величества.

Въ сравненіи съ Екатерининскимъ административнымъ дѣленіемъ произведено было при Павлѣ слѣдующее. А—остались въ прежнемъ положеніи: а) съ сохраненіемъ прежнихъ названій губерніи: Владимірская, Вологодская, Выборгская, Вятская, Иркутская, Казанская (впрочемъ съ уменьшеніемъ числа уѣздовъ), Калужская, Костромская, Курляндская, Московская, Орловская, Пермская, Псковская, Рязанская, С.-Петербургская, Смоленская, Тверская, Тульская, (19-ая) Ярославская и область войска Донского; б) съ перемѣной названія: Астраханская вмѣсто Кавказской, Лифляндская вмѣсто Рижской, Оренбургская вмѣсто Уфимской и (4-ая) Эстлянд-

---

[1]) П. С. З., XXIV, № 17634.

ская вмѣсто Ревельской, Б—видоизмѣнились: а) образованы изъ двухъ губерній: Бѣлорусская изъ Полоцкой и Могилевской, Литовская изъ Слонимской и Виленской, Малороссійская изъ Черниговской и Новгородъ-Сѣверской (съ нѣкоторыми видоизмѣненіями) и Тобольская изъ Тобольской и Колыванской; б) убавлена Воронежская; в) получили прибавки: Минская (прибавленъ Рѣчицкій уѣздъ), Нижегородская (прибавлено 3 уѣзда), Новгородская, Саратовская (3 уѣзда отъ Пензенской губерніи), Симбирская (тоже), Тамбовская (4 уѣзда отъ той же губерніи); г) получили частичныя прибавки и уменьшенія: Архангельская, Волынская, Кіевская, Курская, Новороссійская (вмѣсто Екатеринославской), Подольская и (7-ая) Слободско-Украинская (изъ Харьковской); В—были упразднены: Брацлавская, Вознесенская, Олонецкая, Пензенская и Таврическая.

Итакъ, въ 1796 и 1797 годахъ, при территоріальныхъ измѣненіяхъ и переустройствѣ губерній: изъ 50 губерній и одной области: 1) 23 губерніи и одна область Екатерининскаго дѣленія остались въ прежнемъ положеніи, составивъ такое же число административныхъ единицъ и при Павлѣ; 2) 8 губерній слились по 2 въ 4 Павловскихъ; 3) видоизмѣнены были путемъ прибавокъ и убавокъ 14 губерній, и 4) 5 губерній изъ общаго числа было упразднено. Такимъ путемъ изъ 51 областной единицы получилось 42, а именно 41 губернія и одна область. Значитъ, если взять первую и вторую рубрику, когда границы губерній почти не подвергались измѣненіямъ, то получимъ выводъ: 27 губерній и 1 область при Павлѣ цѣликомъ образованы изъ Екатерининскихъ, что составляетъ $^2/_3$ общаго числа Павловскихъ губерній; лишь одна треть послѣднихъ образовалась путемъ перетасовокъ [1]). Послѣ произведенныхъ перемѣнъ, въ концѣ 1798 года

---

[1]) Если же взять цифры Екатерининскихъ губерній, то получимъ такія вычисленія: болѣе $^3/_5$ общаго числа губерній остались безъ измѣненій, менѣе $^3/_{10}$ видоизмѣнены, $^1/_{10}$ упразднена.

Ср. несовсѣмъ точное указаніе И. А. Блинова, въ книгѣ котораго читаемъ: Павелъ „уничтожилъ нѣсколько губерній, а очень многія (около половины) перекроилъ, нѣкоторыя уменьшивъ, а другія увеличивъ“ (Губернаторы, 155).

административное дѣленіе Россіи и распредѣленіе числа душъ м. п. по губерніямъ представлялось въ слѣдующемъ видѣ [1]).

ГУБЕРНІИ.	Число душъ.	ГУБЕРНІИ.	Число душъ.
1. Архангельская . . .	89.846	23. Новгородская . . .	406.820
2. Астраханская [2]) . .	63.171	24. Новороссійская . .	498.743
3. Бѣлорусская	675.553	25. Оренбургская . . .	359.357
4. Владимірская . . .	457.264	26. Орловская	498.004
5. Вологодская	291.079	27. Пермская	454.104
6. Волынская	558.881	28. Подольская	577.200
7. Воронежская	334.781	29. Псковская	311.157
8. Выборгская	91.951	30. Рязанская	447.465
9. Вятская	459.679	31. С.-Петербургская . .	190.446
10. Иркутская	203.371	32. Саратовская	478.255
11. Казанская	413.580	33. Симбирская	508.438
12. Калужская	384.698	34. Слободско-Украинск.	549.882
13. Кіевская	543.436	35. Смоленская	457.762
14. Костромская . . .	404.250	36. Тамбовская	617.168
15. Курляндская	210.313	37. Тверская	493.467
16. Курская	592.354	38. Тобольская	386.650
17. Литовская	796.633	39. Тульская	449.589
18. Лифляндская	273.352	40. Эстляндская	105.195
19. Малороссійская . .	1.150.448	41. Ярославская	382.948
20. Минская	406.356	42. Обл. Войск. Донского	111.655
21. Московская	470.886		
22. Нижегородская . . .	486.075	Итого [2]). .	17.642.272

Сокративъ число губерній, Павелъ I въ то же время принимаетъ мѣры къ тому, чтобы расходы на каждую гу-

[1]) Настоящая таблица составлена на основаніи вѣдомости, представленной генералъ-прокурору изъ экспедиціи для государственныхъ счетовъ, за подписью управляющаго этой экспедиціей И. Голубцова, повидимому, въ концѣ 1798 г. (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 395, *л.* 36—37; ср. Сен. Арх., I, стр. 424—о назначеніи Голубцова въ экспедицію 2 августа 1798 года).

[2]) Сверхъ того кибитокъ—13155, зайсанговъ—188.

бернію въ отдѣльности были меньше. Въ этомъ отношеніи остріе мѣропріятій сводилось къ упраздненію многихъ учрежденій; затѣмъ, нѣкоторую роль играли видоизмѣненія въ составѣ оставшихся учрежденій. Этими вопросами заняты были кн. Алексѣй Куракинъ, а также А. А. Безбородко, которымъ, видимо, поручено было пересмотрѣть губернскіе штаты и сократить ихъ. Чтобы наглядно представить разницу между штатами губернскихъ учрежденій времени Екатерины II и штатами, установленными Павломъ I, ниже въ особомъ приложеніи дается краткая сравнительная таблица, въ которой указаны названія учрежденій, количество лицъ въ нихъ, съ показаніемъ штатнаго расхода: а) спеціально по губерніи, б) по уѣзду и в) по цѣлой губерніи вообще, считая въ ней 10 уѣздовъ [1]).

Изъ сравнительной таблицы видно, что Павломъ I упраздненъ былъ рядъ учрежденій, по счету 5 въ губерніи (верхній земскій судъ, губернскій магистратъ, верхняя расправа, совѣстный судъ и приказъ общественнаго призрѣнія) и 2 въ каждомъ уѣздѣ (городовой магистратъ и нижняя расправа). Эта мѣра, какъ видно изъ названія упраздненныхъ учрежденій, коснулась главнымъ образомъ судебныхъ установленій: благодаря этому, совершенно исчезли среднія судебныя мѣста, предназначенныя по первоначальному проекту императрицы Екатерины II, какъ на это указано выше, для неосуществленной (повсемѣстно) провинціи; упразднены были и два нижнихъ мѣста, въ уѣздѣ оставленъ былъ лишь одинъ уѣздный судъ [2]).

Такимъ образомъ мѣропріятія Павла I: 1) уменьшали число судебныхъ инстанцій въ губерніи, упрощая судоустройство и судопроизводство, 2) ослабляли принципъ сословности, строго и широко проведенный въ судахъ, созданныхъ Екатериной

[1]) Вопросомъ о числѣ лицъ и окладами жалованья чиновъ губернской администраціи интересовались и при пересмотрѣ штатовъ въ Павловское время. Послѣ составленія напечатанной ниже таблицы, мной найдена была въ государственномъ архивѣ подобная же сравнительная вѣдомость для губерніи съ 12 уѣздами, составленная въ канцеляріи кн. А. Б. Куракина и отправленная 2-го декабря 1796 года къ гр. Безбородкѣ (XVI разр., № 168, 37—№ 49).

[2]) Магистраты тоже временно оставались, а затѣмъ замѣнены были ратгаузами, хотя послѣдніе, за смертью Павла, не были введены повсемѣстно (Дитятинъ, II, 126—131).

II, но вмѣстѣ съ тѣмъ эти мѣры не посягали на самую существенную и наиболѣе цѣнную сторону учрежденій 1775 г., принципъ отдѣленія суда[1]) отъ администраціи былъ сохраненъ въ возможной неприкосновенности, судъ былъ оставленъ въ вѣдѣніи особыхъ учрежденій, стоявшихъ внѣ прямой зависимости отъ администраціи.

Затѣмъ значительная перемѣна произошла въ положеніи губернской прокуратуры. Ничего не было удивительнаго въ томъ, что съ упраздненіемъ судебныхъ мѣстъ упразднены были и прокуроры со стряпчими, находившимися при этихъ учрежденіяхъ. Однако, на этомъ дѣло не остановилось. Благодаря новымъ штатамъ, исчезли 2 стряпчихъ, находившіеся при губернскомъ прокурорѣ, уничтожена была и должность уѣзднаго стряпчаго, такъ что вмѣсто многочисленныхъ представителей прокурорскаго надзора, въ губерніи былъ оставленъ лишь одинъ губернскій прокуроръ. Остальныя учрежденія и должностныя лица или оставлены въ прежнемъ положеніи, или подверглись сравнительно небольшимъ видоизмѣненіямъ. Въ губерніи остались безъ измѣненія: а) губернаторъ и губернское правленіе, б) землемѣръ, архитекторъ и механикъ; въ уѣздѣ: а) уѣздный судъ, б) казначейство, в) чины техническаго надзора и медицинскіе, г) а также городничій въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не положено коменданта.

Нѣкоторое видоизмѣненіе потерпѣли: 1) палаты уголовная и гражданская, которыя соединены были въ одно учрежденіе, подъ названіемъ „палаты суда и расправы", что дало возможность сократить составъ чиновъ на 2 лица, и такимъ путемъ получить экономію въ 1200 руб.; 2) казенная палата, наоборотъ, получила прибавку въ количествѣ 3 чиновъ: одного совѣтника, одного ассесора и одного секретаря (директоръ экономіи—замѣненъ совѣтникомъ), но это обстоятельство увеличило окладъ всего на 750 руб.; 3) въ уѣздѣ уменьшился штатъ нижняго земскаго суда, такъ какъ были упразднены 2 сельскихъ засѣдателя, въ результатѣ чего получилась экономія въ 120 руб.

---

[1]) Разумѣется, я говорю не о полномъ отдѣленіи суда отъ администраціи: его не было и по учрежденію 1775 года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ отмѣтить, что, хотя основной цѣлью пересмотра штатовъ въ Павловское время было желанье удешевить расходы на губернскую администрацію, для чего сокращено было количество учрежденій, упразднены были нѣкоторыя должности, тѣмъ не менѣе окладное жалованье по тѣмъ учрежденіямъ, которыя были признаны необходимыми, оставалось въ неприкосновенности; сокращая число чиновниковъ и служащихъ, не урѣзывали содержанія и канцелярскихъ суммъ оставшихся лицъ и учрежденій. Такъ, напр., губернаторъ съ губернскимъ правленіемъ или уѣздный судъ, будучи оставлены въ прежнемъ составѣ, получили и по новому штату прежнюю окладную сумму; губернскому прокурору и землемѣру дано было прежнее штатное жалованье. Благодаря этому можно сказать, что экономія произведена скорѣе на учрежденіяхъ, чѣмъ на отдѣльныхъ должностяхъ, окладъ которыхъ оставленъ въ прежнемъ размѣрѣ.

Вслѣдствіе указанныхъ перемѣнъ въ Павловское время сравнительно съ Екатерининскимъ получилась весьма значительная разница въ числѣ чиновъ и суммѣ окладного расхода на каждую губернію. Для удобства сравненія, возьму губернію въ 10 уѣздовъ. По штатамъ Екатерины II содержаніе 370 лицъ всей уѣздной администраціи (съ канцелярскими) обходилась въ 72.200 руб.; чисто губернская администрація, въ числѣ 90 чиновъ, вмѣстѣ съ канцелярскими суммами, требовала расходу 43.679 руб., а все вмѣстѣ составляло 460 лицъ, съ окладомъ въ 115.899 руб. Таковъ расходъ на содержаніе всей губернской администраціи по штатамъ Екатерининскаго времени для губерніи, состоящей изъ 10 уѣздовъ. Но такъ какъ число уѣздовъ могло быть и меньше и больше 10, кромѣ того въ нѣкоторыхъ губерніяхъ существовали особыя учрежденія, требовавшія новыхъ ассигновокъ, то штаты отдѣльныхъ губерній значительно уклонялись отъ указанной суммы: фактически штатный расходъ колебался между 76 тысячами руб. (окладъ Рижской губ.) и 275 (Иркутское намѣстничество). При такихъ штатахъ мѣстное управленіе въ концѣ царствованія имп. Екатерины II требовало расходу около 8 милліоновъ рублей, что составляло въ на-

чалѣ 90-хъ годовъ XVIII столѣтія значительную часть государственнаго бюджета [1]).

По штатамъ Павловскаго царствованія уѣздная администрація, въ числѣ 210 лицъ, для губерніи, заключающей въ себѣ 10 уѣздовъ, стоила 49.640 руб., а вмѣстѣ съ губернскими чинами (въ числѣ 33, съ окладомъ въ 22.780 руб.), составляя 243 лица, съ канцелярскими суммами по штату требовала расходовъ въ количествѣ 72.220 руб. Если взять индивидуально штатный расходъ на отдѣльную губернію въ 10 уѣздовъ, то онъ обычно колебался между 70 и 72 тысячами. Но крайнія цифры расхода на содержаніе губерній 1-го разряда таковы: 51.704 руб. для Псковской губерніи, 100.484 руб. для Тобольской. Вообще же губернское управленіе всей имперіи требовало для себя около 6 милліоновъ рублей штатнаго расхода, но и эта сумма, какъ будетъ показано ниже, для суммъ государственнаго казначейства была понижена путемъ новой финансовой мѣры [2]).

Изъ сравненія штатовъ Екатерининскихъ съ Павловскими видно, что, во 1-хъ, въ то время какъ при Екатеринѣ II количество чиновъ всей губернской администраціи въ губерніи изъ 10 уѣздовъ достигало внушительной цифры—460 человѣкъ, въ Павловское время оно сократилось почти вдвое, упавши до 243; во 2-хъ, при Екатеринѣ штатный расходъ на содержаніе чиновъ губерніи доходилъ до 116 тысячъ

---

[1]) Ср. Чечулинъ, Очерки финансовъ, стр. 309—313. Въ 1795 и 1796 годахъ, по вычисленію Н. Д. Чечулина, „на гражданское управленіе" расходовалось, за исключеніемъ „издержекъ собиранія"—около 12—12½ милліоновъ руб., въ томъ числѣ изъ расходовъ по губерніямъ тратилось 7.800 тыс. руб.; это и было, видимо, жалованьемъ губернской администраціи и прочими расходами по губернскимъ штатамъ (ср. Арх. гос. сов., II, 166, гдѣ показано, что на жалованье губернской администраціи по штатамъ на 1796 г. назначено 7.703 рублей). Но расходы „на внутреннее управленіе" вообще, съ „издержками собиранія", по исчисленію того же автора, были чрезвычайно велики: съ 6½ милліоновъ (въ 1762 г.) они поднялись въ 1796 г. до 36½ милліоновъ руб., составивъ около 50% всего бюджета.

[2]) Штаты при Екатеринѣ II—П. С. З., т. XLIV, ч. II, 253—263, при Павлѣ I — 393—397. На „гражданскій штатъ" (на центральныя и областныя учрежденія) первоначально (на 1797 г.) было опредѣлено 6 милл. руб., а затѣмъ въ 1797—1800 гг. обычно назначалось отъ 8 до 8½ милл.: а) на сенатъ, коллегіи и прочія мѣста—около 2 милл. (въ послѣдніе годы нѣсколько больше); б) на губернское управленіе и мѣстные расходы—около 6 милліоновъ руб. (Сборн. И. Р. И. О., т. 45, стр. 74—84; Арх. государ. сов., II, 175—184, 226).

рублей, при Павлѣ онъ сократился до 72 тысячъ съ небольшимъ, уменьшившись болѣе, чѣмъ на одну треть [1]).

Указанныя суммы для Павловскаго времени—не окончательныя: въ 1798—1800 г. происходили небольшія измѣненія въ штатахъ отдѣльныхъ губерній, а также нѣкоторыя исправленія и добавленія общаго штата. Отмѣчу два случая послѣдняго рода. Нѣкоторое увеличеніе объема губерній, а иногда увеличеніе и уѣзда, упраздненіе многихъ учрежденій, въ особенности нижнихъ расправъ, уменьшеніе чиновъ въ нижнемъ земскомъ судѣ было причиною того, что съ перваго же года введенія новыхъ штатовъ почувствовался недостатокъ въ чинахъ уѣздной администраціи. Такъ курскій губернаторъ Бурнашевъ обратился съ представленіемъ о томъ, что необходимо прибавить земскихъ засѣдателей по одному на каждый уѣздъ, такъ какъ, при наличномъ составѣ ихъ, въ виду обширности и многолюдности уѣздовъ, для земской полиціи „нѣтъ возможности имѣть повсемѣстное бдѣніе“, тѣмъ болѣе, что во 1-хъ, приходится постоянно разбирать однодворцевъ въ самовольныхъ запашкахъ и „въ самыхъ малыхъ распряхъ“, во 2-хъ, „во взысканіи податей безъ принужденія лично земской полиціи успѣха ожидать нельзя“. Въ отвѣтъ на это представленіе послѣдовало Высочайшее повелѣніе (отъ 18 іюля 1797 г.)—сенату сдѣлать „повсемѣстное соображеніе“ о томъ, чтобы „въ нужномъ случаѣ не только трехъ, но и четырехъ засѣдателей опредѣлить“.

Сенатъ запросилъ губернаторовъ, въ какихъ именно уѣздахъ необходимо усиленіе числа земскихъ засѣдателей, причемъ рекомендовалъ въ представленіяхъ наблюдать, чтобы „отнюдь излишества оныхъ не было“. Начальники губерній отвѣчали, что они находятъ прибавку засѣдателей въ нижніе земскіе суды необходимой; причемъ отмѣчали, что прибавка нужна какъ въ виду обширности уѣздовъ и множества дѣлъ, относящихся до земской полиціи, такъ и для взысканія казенныхъ недоимокъ „не токмо по дворянскимъ, но и по казеннымъ селеніямъ“.

---

[1]) Въ показаный расходъ не вошли суммы на содержаніе губернскихъ ротъ — см. Книгу штатовъ, стр. 406; ср. для времени Екатерины II—стр. 258.

Когда сенатъ сдѣлалъ сводку пожеланій губернаторовъ, то оказалось, что о прибавкѣ ходатайствуютъ 39 губернаторовъ, прося о прибавкѣ отъ 3 до 32 засѣдателей для отдѣльной губерніи, всего же требовалось 512 человѣкъ, на содержаніе которыхъ требовался добавочный расходъ въ 104 тысячи рублей. Докладъ, составленный по этому поводу, былъ Высочайше утвержденъ 12-го іюля 1797 года [1]). Эта мѣра имѣетъ нѣкоторое значеніе. Ею составъ чиновъ мѣстной администраціи пополнился въ среднемъ (на всѣ губерніи—512 чел.) 12 лицами, и какъ разъ пополнился чинами земской полиціи, такъ что то уменьшеніе, которое испыталъ нижній земскій судъ при самомъ началѣ введенія новыхъ штатовъ, въ ближайшіе же годы значительно сгладилось; благодаря этому можно сказать, что чисто административныя учрежденія и должности въ Павловское время почти не подверглись перемѣнамъ, тогда какъ главные удары были направлены преимущественно на разныя судебныя установленія.

Въ началѣ 1800 года, по ходатайству многихъ губернаторовъ, состоялся общій пересмотръ штатовъ, произведенный генералъ-прокуроромъ и государственнымъ казначеемъ. Пересмотръ привелъ къ тому, что 1) былъ прибавленъ къ штату особый секретарь при гражданскихъ губернаторахъ; 2) прибавлены были секретари въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ нѣкоторыхъ губерній; 3) при казенныхъ палатахъ оставлено было по одному ассесору, и 4) упразднены уѣздные землемѣры. Въ общемъ этотъ пересмотръ выразился въ томъ, что прибавлено было въ штатъ всѣхъ губерній—357 чиновъ, убавлено 323; денежная прибавка выразилась въ суммѣ 231.735 р., а убавка въ суммѣ 233.779 руб. 33 коп. Несмотря на то, что получилась какъ бы нѣкоторая экономія въ 2 тысячи рублей съ небольшимъ, эта сумма была оставлена въ штатѣ и обращена на прибавку окладовъ ассесорамъ и другимъ чинамъ.

Изъ этого видно, что пересмотръ не коснулся существенныхъ сторонъ губернскихъ штатовъ. Еще нѣкоторое значе-

---

[1]) П. С. З., указъ 18 іюля 1797 г.—№ 18051; сенатскій (по Высоч. утв. 18 іюля 1797 г.) отъ 28 марта 1799 г.—№ 18908.

ніе имѣетъ упраздненіе уѣздныхъ землемѣровъ, прочія же перемѣны носятъ поверхностный, техническій характеръ, и результатъ пересмотра весьма незначителенъ въ количественномъ отношеніи: хотя число чиновъ увеличилось, но всего на 34 для всей имперіи, а штатная сумма расхода осталась прежней безъ измѣненія [1]).

Кромѣ того существенною чертою Павловскаго губернскаго управленія было то, что значительная часть расходовъ была спеціально возложена на дворянъ. Указомъ 18-го декабря 1797 года Павелъ, „находя справедливымъ", чтобы дворянство, какъ „знатнѣйшій чинъ государственный", взысканный больше другихъ монаршей милостью, „общимъ надобностямъ способствовалъ отъ собственныхъ своихъ стяжаній", предписалъ: 1) „изъ губернскихъ штатовъ обратить на содержаніе дворянства совѣтниковъ и ассесоровъ палаты суда и расправы, уѣздные и нижніе земскіе суды, съ канцелярскими ихъ суммами, губернскихъ и уѣздныхъ землемѣровъ, врачебныя управы со всѣми медицинскими чинами и повивальными бабками, архитекторовъ и механиковъ" [2]); 2) для этой цѣли установить особый сборъ съ дворянскихъ имѣній, съ каждой губерніи точно опредѣленную сумму [3]), всего же 1.640 тысячъ рублей; 3) сборъ производить въ два срока, возложивъ на предводителей дворянства заботу о томъ, чтобы онъ производился въ назначенное время исправно и бездоимочно. Такимъ образомъ, дворянство привлечено было къ спеціальной обязанности—участвовать въ расходахъ на содержаніе чиновъ губернской администраціи, неся обязанности по содержанію главнымъ образомъ судебныхъ мѣстъ. Это участіе требовало довольно внушительной суммы, болѣе полутора милліона рублей, собираемыхъ спеціально съ дворянскихъ имѣній.

Однако, расходы дворянъ этой суммой не ограничились. Въ 1798 году, какъ на это указано нѣсколько выше, при-

---

[1]) П. С. З., 18 февр. 1800 г., № 19281; Книга штатовъ, XLIV, ч. 2-ая, стр. 405.

[2]) Въ губерніяхъ съ особымъ устройствомъ отдавались на содержаніе дворянства чины преимущественно судебнаго вѣдомства.

[3]) П. С. З., № 18278, п. 2.

знано необходимымъ прибавить засѣдателей въ нижніе земскіе суды, на что требовался новый расходъ въ количествѣ 104 тысячъ рублей. Когда поднялся вопросъ о томъ, откуда, изъ какихъ именно суммъ слѣдуетъ назначить этотъ расходъ, сенатъ, которому хорошо было извѣстно, что нижніе земскіе суды, согласно указу 18-го декабря 1797 года, „обращены на содержаніе дворянства", тѣмъ не менѣе не рѣшался отнести новый добавочный расходъ на счетъ того же дворянства; поэтому онъ, подчеркнувъ въ своемъ докладѣ то обстоятельство, что засѣдатели, какъ писали объ этомъ губернаторы, необходимы и для взысканія казенныхъ недоимокъ „не токмо по дворянскимъ, но и по казеннымъ селеніямъ", склонялся къ мысли требуемую денежную сумму 1) или назначить изъ общихъ государственныхъ доходовъ, 2) или же прибавочныхъ засѣдателей „обратить на содержаніе" не одного только дворянства, но дворянства и казенныхъ поселянъ, „поелику, мотивировалъ сенатъ свое постановленіе, и оные по земской полиціи зависятъ отъ нижнихъ земскихъ судовъ".

Когда же докладъ былъ представленъ Государю, то 12-го іюля 1798 года послѣдовала слѣдующая резолюція: засѣдателей прибавить, „въ содержаніи ихъ сообразоваться съ учиненнымъ на то постановленіемъ", т. е. велѣно слѣдовать указу 18-го дек. 1797 г. и отнести содержаніе прибавочныхъ засѣдателей на счетъ одного дворянства.

Сенатъ такъ и сдѣлалъ, постановивъ (указомъ 28-го марта 1799 года): „съ дворянскихъ имѣній собирать съ сего 1799 года на содержаніе прибавочныхъ засѣдателей", сверхъ прежней суммы, еще 104 тысячи рублей, распредѣливъ этотъ сборъ по губерніямъ [1]); при чемъ слѣдуетъ отмѣтить, что указанный сборъ имѣлъ характеръ общегосударственнаго налога, а не мѣстнаго, губернскаго, такъ какъ онъ падалъ не въ соотвѣтствіи съ числомъ прибавочныхъ засѣдателей для той или другой губерніи, а пропорціонально прежнему сбору, въ размѣрѣ 63 руб. $41^1/_2$ коп. на 1.000 руб.; благодаря

---

[1]) П. С. З., № 18908.

этому за прибавочныхъ 10 засѣдателей для каждой губерніи въ отдѣльности прибавочная сумма была весьма различна: для Астраханской—63 руб. 41½ коп., для С.-Петербургской—697 руб. 56½ коп., для Ярославской—3.107 руб. 31¾ коп. Такимъ путемъ, бремя, возложенное на дворянство, было увеличено, и съ 1799 года съ дворянскихъ имѣній на содержаніе чиновъ мѣстнаго управленія сталъ взиматься сборъ, въ общей сложности въ размѣрѣ 1.748 тысячъ рублей [1]).

Привлечены были равнымъ образомъ къ подобной же повинности и горожане. Такъ, въ штатѣ губерній отъ 31 декабря 1796 г. были упомянуты по городамъ магистраты, но штатной суммы на нихъ никакой не было положено, а лишь сказано, что магистраты, по учрежденіи ихъ въ городахъ, „гдѣ есть купечество и мѣщанство въ достаточномъ числѣ, содержаніе имѣютъ отъ своихъ доходовъ“. Конечно, въ числѣ такихъ доходовъ должны были находиться сборы съ горожанъ. Еще опредѣленнѣе и прямѣе стоялъ вопросъ относительно городской полиціи. Указъ 18-го декабря 1797 года возлагаетъ содержаніе городской полиціи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она учреждена, „на счетъ городовъ тѣхъ губерній, предоставляя градскимъ магистратамъ и думамъ, подъ смотрѣніемъ начальствующихъ губерніями, расположить потребныя на то суммы по состоянію городовъ и въ нихъ обитателей“. Разумѣется, участіе горожанъ въ несеніи расходовъ по управленію вообще было весьма скромнымъ сравнительно съ дворянами, тѣмъ не менѣе и горожане должны были принять участіе въ расходахъ и взять на себя посильную ношу.

Третьей важной стороной преобразованій Павла I въ области мѣстнаго управленія была замѣна выборныхъ отъ дворянъ назначенными отъ короны чиновниками въ административно-судебныхъ мѣстахъ. Сущность мѣропріятій въ этой части сводилась къ тому, что первоначально, съ упраздненіемъ многихъ учрежденій, значительно сократилось число

---

[1]) О распредѣленіи этой суммы по губерніямъ см. вѣдомость въ концѣ книги въ особомъ приложеніи. О колебаніяхъ суммы въ бюджетѣ см. Сборн. И. Р. И. О., т. 45, стр. 79, 81, 84 и 87.

лицъ, избираемыхъ дворянствомъ на должности по губернскому и уѣздному управленію, а затѣмъ и вовсе была отмѣнена система выборовъ, и должности въ административно-судебныхъ мѣстахъ стали заполняться путемъ назначенія отъ короны, такъ что въ рукахъ дворянства оставлены были должности, только спеціально обслуживавшія чисто сословные интересы. Этимъ нанесенъ былъ тяжкій ударъ тому особо привилегированному положенію, которое занимало дворянство въ учрежденіяхъ Екатерины II. Здѣсь я указалъ только на самое существенное изъ мѣропріятій Павла I по данному вопросу, подробнѣе же онъ будетъ освѣщенъ ниже въ отдѣлѣ, трактующемъ о дворянскомъ самоуправленіи.

Четвертой стороной преобразованій Павла I было возстановленіе привилегій окраиннымъ губерніямъ. Въ первый же мѣсяцъ своего царствованія Павелъ издалъ указъ, которымъ повелѣвалъ въ Лифляндіи и Эстляндіи „возстановить всѣ тѣ присутственныя мѣста, которыя по тамошнимъ прежнимъ правамъ и привилегіямъ существовали“ до введенія учрежденій 1775 года [1]). Затѣмъ послѣдовали подобные же указы относительно Малороссіи [2]), Выборгской губерніи [3]), Курляндской [4]) и другихъ. Въ конечномъ счетѣ „на особыхъ по правамъ и привилегіямъ ихъ основаніяхъ“ должны были находиться всего, кромѣ области Войска Донского, 11 губерній: Бѣлорусская, Волынская, Выборгская, Кіевская, Курляндская, Литовская, Лифляндская, Малороссійская, Минская, Подольская [5]), и Эстляндская, т. е. губерніи сѣверо-западной, западной и юго-западной окраинъ, присоединенныя къ Россіи въ моментъ дѣйствія въ нихъ особыхъ, выработанныхъ предшествующей исторіей, своеобразныхъ и съ извѣстной стороны цѣнныхъ учрежденій.

Хотя въ названныхъ губерніяхъ возстановлены были прежнія права и привилегіи, тѣмъ не менѣе полнаго возстановленія прежнихъ учрежденій не произошло. Во всѣхъ

---

[1]) Указъ 28 ноября 1796 г. П. С. З., № 17584.
[2]) Указъ 30 ноября—№ 17594.
[3]) 12 декабря 1796 г.—№ 17637.
[4]) Указъ 24 декабря—№ 17681.
[5]) Указъ 12 декабря 1796 г.—№ 17634.

губерніяхъ съ особымъ управленіемъ сохранили прежнюю силу губернскія правленія, съ губернаторомъ во главѣ, какъ высшіе органы правительственной власти въ губерніи, сосредоточивающіе въ себѣ всѣ главныя нити управленія; также оставлены были казенныя палаты и казначейства „для сбора доходовъ, ревизіи счетовъ и вообще казенныхъ дѣлъ"; а въ уѣздахъ оставлены были земскіе капитаны или исправники и нижніе земскіе суды. Иначе говоря, управленіе въ собственномъ смыслѣ этого слова и финансы продолжали вѣдаться учрежденіями, созданными по законоположенію 1775 года.

Что касается возстановленныхъ учрежденій, напр., въ Лифляндской губерніи, гофгерихта и ландрихтовъ и подобныхъ же учрежденій въ другихъ губерніяхъ, то изъ самого названія ихъ видно, что они затрагиваютъ прежде всего область суда. Это показываетъ, что при возстановленіи прежнихъ привилегій никакой особой опасности въ смыслѣ усиленія сепаратизма государство не подвергалось, такъ какъ управленіе чисто административное и финансовое для всей имперіи оставалось одинаковымъ, различіе же было допущено лишь главнымъ образомъ въ области судоустройства и судопроизводства. Какъ видно, самоуправленію были поставлены довольно узкія границы.

Можно еще отмѣтить, что нѣкоторыя общегосударственныя обязанности въ одинаковой мѣрѣ распространены были и на губерніи, находившіяся на особомъ положеніи. Такъ всѣ доходы и сборы шли въ общую государственную казну; всѣ губерніи на одинаковомъ основаніи „долженствовали участвовать" въ рекрутскихъ наборахъ. Но кромѣ этого слѣдуетъ указать и на то, что нерѣдко въ интересахъ общегосударственной пользы на губерніи съ особымъ управленіемъ распространялись порядки, которые господствовали въ остальныхъ губерніяхъ Россійской имперіи. Такъ, напр., указомъ 25 января 1799 года велѣно было распространить законъ о десятилѣтней давности на всѣ губерніи [1]). 26 іюля того же года велѣно ввести въ Литовской губерніи лѣтосчисленіе по старому

[1]) П. С. З., № 18826. О дѣйствіи учрежденія 1775 г.—№ 19230).

стилю и общій россійскій календарь [1]), а нѣсколько позднѣе (3-го сентября) на ту же губернію было распространено общее положеніе о содержаніи почтовыхъ станцій [2]), и прочее.

Наиболѣе характерной чертой всѣхъ указанныхъ выше мѣропріятій Павловскаго времени въ области мѣстныхъ учрежденій является бюрократизація управленія, благодаря чему на мѣстахъ въ значительной мѣрѣ усилилась власть и значеніе чиновничества вообще, въ частности же главы губернской администраціи, „хозяина губерніи“, по выраженію тогдашняго законодательства, губернатора [3]). Вѣдомство губернатора, и безъ того широкое по учрежденію 1775 года, фактически расширилось благодаря практикѣ Павловскаго времени [4]), а самое главное, благодаря упраздненію повсемѣстной генералъ-губернаторской власти. Дѣла военныя и финансовыя на мѣстахъ въ большей мѣрѣ сосредоточиваются въ вѣдѣніи губернаторовъ, ихъ административно-полицейскія обязанности усиливаются. Губернаторъ выдаетъ паспорта, слѣдитъ за пріѣзжающими и отъѣзжающими. Онъ долженъ знать все, что происходитъ въ его губерніи. Если случится не только разбой, грабежъ, пожаръ или какое-либо общественное бѣдствіе, но и мелкое столкновеніе двухъ видныхъ мѣстныхъ жителей, губернаторъ немедленно выясняетъ обстоятельства дѣла и сообщаетъ объ этомъ въ столицу. Губернаторъ наблюдаетъ надъ дворянскими собраніями, присутствуя на нихъ. Губернатору даются весьма широкія полномочія не только надъ чинами губернской администраціи, но и надъ мѣстными

---

[1]) П. С. З., № 19049.

[2]) Тамъ же, № 19111.

[3]) Блиновъ Ив. А., Губернаторы. Историко-юридическій очеркъ, П., 1905, стр. 155, 201 и др.

[4]) О дѣятельности губернаторовъ за Павловское время см. П. С. З., № 17569, 638, 683, 689, 900, 920, 926, 959, 970, 971, 18012, 61, 84, 103, 108, 120, 128, 133, 139, 140, 152, 156, 168, 214, 225, 237, 274, 290, 297, 316, 322, 330, 336, 343, 352, 368, 370, 371, 384, 393, 399, 400, 421, 439, 441, 446, 448, 452, 469, 471, 475, 478, 481, 501, 523, 535, 538, 557, 564, 565, 568, 583, 584, 587, 588, 590, 593, 602, 614, 630, 644, 646, 660, 666, 686, 698, 828, 856, 867, 895, 910, 917, 948, 966, 992, 19002, 5, 51, 53, 95, 118, 126, 158, 182, 185, 191, 242, 301, 323, 324, 411, 423, 437, 441, 449, 452, 469, 476 (отд. III, § 49—59), 481, 499, 521, 587, 609, 618, 622, 644, 651, 664, 679, 694, 19716; Сенат. Арх., т. I; Опись, отд. III, т. I—III.

обывателями [1]). Губернаторъ, опираясь на свои права, какъ, напр., симбирскій—Броминъ „присвоилъ себѣ почести, ему не принадлежащія", и нужно было особымъ указомъ разъяснять губернаторамъ, чтобы они не выходили ни мало изъ границъ должностей своихъ [2]).

Но если расширились полномочія губернаторовъ и правитель губерніи фактически начиналъ превращаться въ полновластнаго „хозяина" своей губерніи, то, съ другой стороны, повысилась отвѣтственность губернатора не только за его личные поступки, но и за состояніе всей губерніи. Произошло въ Костромской губерніи разграбленіе почты,—отвѣтственность за это была возложена на губернатора: указомъ 1 марта 1800 г. велѣно было взыскать съ него похищенную сумму, а сверхъ того дать знать по всѣмъ губерніямъ, что въ подобныхъ же случаяхъ управляющіе губерніями будутъ отвѣчать за казенный ущербъ своимъ имѣніемъ и за „послабленіе" въ отправленіи своихъ должностей выключены будутъ изъ службы [3]). Губернаторы оказывались виновными и при неисправности дорогъ и мостовъ ввѣренной имъ губерніи, при появленіи бѣглыхъ, воровъ и разбойниковъ, при большомъ лѣсномъ пожарѣ и прочемъ.

Кромѣ того, хотя самъ губернаторъ въ своемъ лицѣ совмѣщалъ и обязанности активнаго управленія и обязанности по надзору за учрежденіями и должностными лицами, тѣмъ не менѣе и самъ онъ находился подъ нѣкоторымъ контролемъ. Сверху шелъ надзоръ отъ Государя черезъ статсъ-секретарей, обращавшихся къ губернаторамъ съ запросами, предложеніями и замѣчаніями; сенатъ [4]) и генералъ-прокуроръ были органами надзора за всѣми мѣстными властями.

---

[1]) Въ Высоч. утв. докладѣ 10 апр. 1798 г. бар. Игельстрома читаемъ: „Гражданская полиція... имѣетъ обязанность наблюдать не только въ публичныхъ мѣстахъ и народныхъ собраніяхъ, но чтобы у обывателей и у пріѣзжающихъ сюда на время людей и въ домахъ никакого неустройства и ссоръ не было, также бы все зависящее отъ нихъ по части полицейской исполнялось въ точности" (П. С. З., № 18478).

[2]) Тамъ же, указъ 21 сент. 1799 г. № 19126.

[3]) П. С. З., № 19301.

[4]) Надзоръ сената, кромѣ общей формы, выражался въ посылкѣ сенаторовъ въ отдѣльныя мѣстности для разслѣдованій, а также въ повсемѣстной ревизіи, произведенной въ 1800 году.

Но кромѣ того, въ самой губерніи былъ установленъ надзоръ со стороны губернскаго прокурора, который, хотя, какъ членъ губернской администраціи, былъ какъ бы въ подчиненномъ положеніи по отношенію къ губернатору, но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ лицѣ генералъ-прокурора своего прямого начальника и опираясь на поддержку послѣдняго, губернскій прокуроръ осуществлялъ функціи надзора и по отношенію къ губернатору, и, настаивая на формальномъ исполненіи закона, велъ себя довольно независимо отъ высшаго представителя мѣстной власти и не боялся вступать въ конфликты съ самимъ губернаторомъ, если только былъ увѣренъ въ томъ, что онъ стоитъ на законной почвѣ. Въ качествѣ иллюстрацій приведу слѣдующіе примѣры. Тамбовскій прокуроръ П. Замятинъ безпокоилъ губернское правленіе частыми напоминаніями о дѣлахъ и въ одномъ изъ своихъ отношеній упрекнулъ правленіе въ томъ, что оно „чрезъ легкое штрафованіе секретарей подало имъ поводъ къ дальнѣйшей безпечности“. Это „изреченіе“ губернское правленіе почло „не только неосновательнымъ, но еще крайне обиднымъ“, и обратилось къ генералъ-прокурору съ просьбой оказать ему „защиту“ отъ Замятина [1]).

Однако, прокуроръ о своей участи не безпокоился: онъ до того нѣсколько разъ рапортовалъ генералъ-прокурору о томъ, что правленіе „слабо побуждаетъ“ секретарей къ присылкѣ вѣдомостей, которыя онъ получаетъ благодаря этому позднѣе обыкновеннаго времени, притомъ со многими неисправностями, отчего и самъ не можетъ успѣвать доставкой тѣхъ вѣдомостей къ сроку. Кн. Куракинъ всталъ всецѣло на сторону прокурора Замятина и въ отвѣтъ на жалобы тамбовскаго губернскаго правленія послалъ ему (16-го декабря 1798 года) „предложеніе“ весьма внушительнаго содержанія.

„На пространное увѣдомленіе“, писалъ генералъ-прокуроръ, „содержащее жалобу на г. прокурора и наполненное выписками изъ законовъ, весьма мало къ предположенному симъ правленіемъ предмету относящихся, я, не распростра-

---

[1]) Оно послало кн. Куракину „увѣдомленіе“ (на 12 листахъ) о дѣйствіяхъ Замятина и ходатайство о защитѣ, за подписью двухъ совѣтниковъ: Гавріила Мошкова и Николая Дружинина, 22 ноября 1798 года.

няясь моими изъясненіями, обязанностью почитаю предложить губернскому правленію, не благоволитъ ли оное, оставя сочиненіе бумагъ, однѣ только жалобы заключающихъ и отъ настоящихъ упражненій правленіе отвлекающихъ, распорядиться такимъ образомъ, чтобы требованія прокурорскія, которыя имѣютъ основаніемъ законъ и предметомъ успѣшность въ дѣлахъ, были съ надлежащимъ уваженіемъ принимаемы, и чтобы правленіе, побуждая судебныя мѣста къ скорому и безостановочному производству и окончанію дѣлъ, не менѣе употребляло тщанія, дабы дѣла и въ самомъ правленіи текли съ довлѣющею успѣшностью, въ противномъ же случаѣ я вынужденнымъ себя найду въ разсужденіи господъ членовъ сего правленія принять мѣры, въ законахъ предполагаемыя" [1]).

Какъ самостоятельно вели себя прокуроры даже по отношенію къ „хозяину" губерніи, губернатору, показываетъ слѣдующій фактъ. Указомъ 23 декабря 1796 года установлено было, въ виду множества нерѣшенныхъ дѣлъ, неприсутственные дни въ Рождественскіе праздники сократить [2]) и, кромѣ табельныхъ и воскресныхъ дней, въ остальное время посѣщать канцеляріи исправно. Въ силу этого указа рязанскій губернскій прокуроръ Раевскій предложилъ прокурору губернскаго магистрата Друкорту надъ посѣщеніемъ чиновниками присутствій „имѣть смотрѣніе" и объ отлучкахъ давать знать письменно. Друкортъ этимъ предписаніемъ воспользовался и рапортовалъ (15 января) Раевскому, что стряпчій того же магистрата Горинъ „весьма малое время имѣетъ по должности своей въ губернскомъ магистратѣ пребываніе" и на замѣчаніе со стороны Друкорта объявилъ, что онъ не можетъ быть въ назначенные по закону часы въ магистратѣ, такъ какъ находится, по распоряженію правителя губерніи, у принятія отъ просителей просьбъ.

---

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 1005, л. 14.

[2]) Замѣчу, что этимъ указомъ установлено было то число неприсутственныхъ дней въ Рождественскіе праздники, которое удержалось до сего времени. По генеральному регламенту положено было „имѣть отъ засѣданій свободу" въ присутственныхъ мѣстахъ съ 25 декабря по 7 января; указомъ же 23 декабря 1797 г. установлено было, чтобы только первые три дня праздника (25, 26 и 27 дек.) считались неприсутственными днями, въ прочіе же дни, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, „быть присудствію".

Раевскій сообщилъ о рапортѣ Друкорта губернатору М. И. Коваленскому, который не замедлилъ чрезъ вахмистра позвать прокурора Друкорта въ губернское правленіе, гдѣ въ это время находились два совѣтника и предсѣдатель гражданской палаты Тютчевъ.

И вотъ какой разговоръ произошелъ между губернаторомъ и прокуроромъ. Коваленскій спросилъ Друкорта, для чего онъ подалъ рапортъ относительно стряпчаго Горина и знаетъ ли онъ должность стряпческую. Друкортъ отвѣчалъ, что онъ какъ свою, такъ и стряпческую должность знаетъ: въ силу предписаній учрежденія о губерніяхъ стряпчіе казенныхъ и уголовныхъ дѣлъ даются на совѣтъ прокурору, и „почитается, что всѣ трое едиными устами говорятъ“ [1]).

На это его превосходительство, по сообщенію Друкорта, изволилъ сказать: теперь онъ видитъ, что онъ (Друкортъ) „имѣетъ малыя у себя уста“. На что прокуроръ отвѣчалъ, что „по своему сложенію онъ уста имѣетъ довольныя“, а „законное предписаніе въ учрежденіи о губерніяхъ о сказаніи устъ толковать инако не осмѣливается“.

Тогда губернаторъ разъяснилъ, что онъ, прокуроръ, „не разумѣетъ стряпческой должности“, „стряпчіе состоятъ въ точной командѣ у намѣстническаго правленія“; „чрезъ старанія Горина всѣ просители получаютъ скорѣйшее удовольствіе“; а если онъ, прокуроръ, входитъ въ то, что стряпчій Горинъ не бываетъ въ губернскомъ магистратѣ, то, видимо, этимъ сообщеніемъ онъ „домогается поклоновъ отъ стряпчаго“. Къ этому губернаторъ добавилъ: уже давно ему многіе говорили, что Друкортъ — „дурной человѣкъ“, но онъ этому не вѣрилъ, а теперь и самъ видитъ, что онъ, Друкортъ, „крючокъ“. На это послѣдній отвѣчалъ: „мнѣ крючкомъ быть несродно въ разсужденіи того, что я рожденъ отъ благороднаго отца и заслуженнаго арміи полковника, отъ коего и я заимствую имѣть благородно-мыслящую душу и сохранять присягу въ отношеніи изданныхъ Высочайшихъ узаконеніевъ“.

---

[1]) См. 408 ст., п. 7 учрежденія о губерніяхъ; прокуроръ буквально воспроизводитъ текстъ закона.

Наконецъ, губернаторъ сказалъ, что онъ не дастъ Друкорту никакой своей рекомендаціи, и „приказалъ итти вонъ“. Послѣ этого Друкортъ, „находя себя обиженнымъ“ „въ присутственной камерѣ, при зерцалѣ Его Величества, въ названіи крючкомъ и незнающимъ своей должности“, подалъ рапортъ губернскому прокурору Раевскому, съ просьбой сообщить о его „обидѣ“ генералъ-прокурору, а когда Раевскій предложилъ ему самому о своей обидѣ принести жалобу, гдѣ слѣдуетъ, и просить законнаго удовлетворенія, то Друкортъ обратился (30 января 1797 года) къ кн. Куракину, прося его „войти въ милостивое начальствующее покровительство“, разсмотрѣть присланныя бумаги и „отечески по должности званія“ его, какъ прокурора, „защитить“ отъ нападокъ губернатора. Въ этомъ разсказѣ характерно то, что прокуроръ магистрата почтительно, но тѣмъ не менѣе рѣшительно и настойчиво возражалъ губернатору, отстаивая ту законную почву, на которой онъ стоялъ.

Доскажу ради полноты исторію столкновенія губернатора и прокурора. Въ тотъ же день, какъ Друкортъ написалъ рапортъ генералъ-прокурору, ему же писалъ и губернскій прокуроръ Раевскій, съ подробнымъ изложеніемъ дѣла, и губернаторъ Коваленскій, который сообщалъ о „строптивости“ и „склонности къ безпокойствамъ“ Друкорта, о его худыхъ поступкахъ и просилъ „избавить здѣшнее правленіе отъ сего безпокойнаго человѣка“.

Кн. Куракинъ черезъ нѣсколько дней, по полученіи письма Коваленскаго, отвѣчалъ (13 февраля) ему: „Касательно прокурора Друкорта въ отвѣтъ поспѣшаю отозваться вамъ, что, по упраздненіи среднихъ мѣстъ прокуроровъ, вы отъ него избавлены будете. Впрочемъ, за долгъ себѣ поставляю примѣтить, что Друкортъ донесеніемъ своимъ объ отлученіи стряпчаго Горенкова (sic) отъ настоящаго мѣста его служенія исполнялъ данное ему предписаніе; слѣдовательно, ваше превосходительство, кажется, и причины къ огорченію не имѣли“ [1]).

---

[1]) Къ этому было прибавлено, но зачеркнуто болѣе рѣзкое выраженіе: „а тѣмъ меньше оскорблять Друкорта непристойными словами и въ самомъ еще при-

2. Дворянское самоуправленіе въ царствованіе Павла I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вопросъ о „дворянствѣ и его сословномъ управленіи“ былъ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія въ книгѣ бар. Корфа, въ которой авторъ, излагая начальный періодъ дворянскаго самоуправленія, подробно остановился и на времени императора Павла I и далъ общую характеристику отношеній Павла къ дворянству.

По словамъ бар. Корфа, „вся энергія“ императора Павла „была направлена къ искорененію старыхъ порядковъ“; находясь подъ вліяніемъ „страннаго круга идей“, Павелъ „необдуманно упразднялъ и разрушалъ созданное Екатериной II“, „въ пылу горячности забывая общегосударственныя цѣли“; всѣ мѣры его по дворянскому самоуправленію „отличались безсистемностью“ [1]). Эту необдуманность и безсистемность мѣръ Павла I бар. Корфъ иллюстрируетъ довольно наглядно въ своей книгѣ, излагая хронологически одинъ указъ за другимъ, хотя бы они касались самыхъ разныхъ сторонъ дворянскаго самоуправленія, высказывая время отъ времени свои соображенія и впечатлѣнія по поводу отдѣльныхъ указовъ и распоряженій.

Взглядъ бар. Корфа и его мнѣніе о безсистемности, необдуманности, случайности и разрушительности мѣръ, предпринимавшихся правительствомъ Павла, не единичны, бар. Корфъ опирается на господствующую въ литературѣ точку зрѣнія. Насколько эта точка зрѣнія вѣрна и правъ ли бар. Корфъ въ своей характеристикѣ Павловскаго царствованія при-

---

сутствіи губернскаго правленія, какъ изъ жалобы его ко мнѣ, включенной въ донесеніе губернскаго прокурора, видно“ (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 444, л. 1—12).

[1]) Бар. Корфъ, Дворянство и его сословное управленіе, С.-Пб. 1906 г., стр. 221, 231 и 257 и 258. См. также статью того же автора въ журналѣ „Голосъ минувшаго“ (1913, № VII, 5—18); въ ней онъ, однако, ничего новаго не сказалъ, кромѣ того, что допустилъ нѣсколько не вполнѣ корректныхъ выраженій по адресу моей работы о дворянскомъ самоуправленіи, первоначально напечатанной въ Ж. М. Н. П. (1912, XII).

мѣнительно къ дворянскому сословному управленію, полагаю, видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, въ которомъ я займусь систематическимъ пересказомъ мѣропріятій Павла по дворянскому самоуправленію, характеризуемыхъ мною не только на основаніи печатныхъ указовъ, но и на основаніи переписки генералъ-прокурора, хранящейся въ сенатскомъ архивѣ [1]).

Дворянское самоуправленіе и участіе дворянъ въ мѣстномъ управленіи ведетъ свое начало съ царствованія Екатерины II, главнымъ образомъ, со времени опубликованія губернскихъ учрежденій 1775 г. Будучи поклонницей идеи децентрализаціи, императрица Екатерина II своей областной реформой вызвала къ жизни многочисленныя мѣстныя учрежденія, въ которыхъ предоставила дворянству, какъ первенствующему сословію, широкое право участія въ управленіи и судѣ, при ближайшемъ руководствѣ со стороны назначенныхъ отъ короны, но взятыхъ по преимуществу изъ той же дворянской среды, чиновниковъ. Современники въ живыхъ и яркихъ краскахъ рисуютъ намъ, какое огромное оживленіе внесли новыя учрежденія въ монотонную жизнь провинціальнаго дворянства, которое, отхлынувъ послѣ обнародованія манифеста о вольности дворянской изъ столицъ и большихъ городовъ въ свои деревни, обычно проводило время по своимъ скромнымъ усадьбамъ уединенно, предаваясь сытому и однообразному существованію и лишь иногда отвлекаясь несложными хозяйственными заботами [2]).

Прежде всего, напомню, въ отношеніи системы управленія Павелъ держался какъ разъ противоположнаго взгляда: онъ былъ

---

[1]) Большая часть дѣлъ канцеляріи генералъ-прокурора въ настоящее время уже описана; см. Опись документовъ и дѣлъ, отд. III, т. I и II; остальныя дѣла тоже описаны и вошли въ издаваемый третій томъ „Описи“, которымъ я пользовался въ корректурѣ.

[2]) Такъ Болотовъ, напр., въ своихъ превосходныхъ по богатству бытового матеріала запискахъ, отмѣтивъ, что реформы Екатерины II производятъ среди дворянъ „великое потрясеніе умовъ“, заставляютъ ихъ „мыслить, хлопотать и заботиться“, въ частности объ учрежденіи 1775 г. говоритъ, что „всѣ читали его съ особеннымъ вниманіемъ и готовились заблаговременно уже ко всѣмъ перемѣнамъ, долженствующимъ проистечь изъ сего важнаго преобразованія“. А затѣмъ въ другомъ мѣстѣ „Записокъ“ Болотовъ изображаетъ процедуру выборовъ, откуда видно, что дворянство съ большимъ вниманіемъ и интересомъ отнеслось къ выборамъ („Записки“—приложеніе къ Рус. Стар. за 1871—73 г.—т. II, стр. 627; III, 718 и др.).

поклонникомъ строгой централизаціи и сосредоточія всей власти въ однѣхъ рукахъ. Въ виду этого онъ, съ одной стороны, возстанавливаетъ центральныя учрежденія въ столицѣ и возвышаетъ отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, какъ, напр., генералъ-прокурора, съ другой, упраздняетъ среднія мѣста въ губерніяхъ и подчиняетъ все мѣстное управленіе большему вліянію и контролю со стороны центральныхъ учрежденій, чѣмъ пытается всюду установить строгую соподчиненность и полную зависимость отъ непосредственнаго воздѣйствія воли монарха. Въ виду такого направленія политики Павла, дворянское самоуправленіе и участіе дворянъ въ мѣстномъ управленіи съ разныхъ сторонъ подверглись значительному ограниченію, поставлены были въ болѣе сильную зависимость отъ коронныхъ чиновниковъ и потеряли свое прежнее значеніе. Какихъ же сторонъ коснулись ограниченія, произведенныя Павломъ I въ этой области? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, я прежде всего кратко напомню основныя положенія жалованной грамоты 1785 года относительно дворянскаго самоуправленія и участія дворянъ въ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, а затѣмъ подробно остановлюсь на изложеніи всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ мѣропріятій, которыми правительство Павла I ограничило дворянство въ сферѣ управленія.

Во второй главѣ жалованной грамоты дворянству, трактующей „о собраніи дворянъ, установленіи общества дворянскаго въ губерніи и о выгодахъ дворянскаго общества“, въ 30 съ небольшимъ статьяхъ [1]) излагаются тѣ права, которыми надѣлено было дворянство въ отношеніи самоуправленія и мѣстнаго управленія. Въ существѣ дѣла права эти слѣдующія: 1—право собраній губернскихъ и уѣздныхъ, созываемыхъ для выбора должностныхъ лицъ и обсужденія дѣлъ, касающихся дворянства; 2—право выбора: а) представителей своей корпораціи и б) лицъ, замѣщающихъ судебно-административныя должности въ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ; 3—право представленія ходатайствъ о своихъ нуждахъ сенату и Государю черезъ генералъ-губернаторовъ

---

[1]) Статьи 37—70 жалованной грамоты (П. С. З., № 16187).

или черезъ своихъ депутатовъ; 4—право имѣть собственность, архивъ и печать.

Право собраній выражалось по статьямъ 37 и 38 жалованной грамоты въ томъ, что „по позыву и дозволенію губернатора“ дворянству каждой губерніи и уѣзда разрѣшалось собираться и „составлять дворянское общество“ „всякіе 3 года въ зимнее время“. На собраніяхъ дворянства имѣетъ право присутствовать по совершеннолѣтіи всякій дворянинъ, который внесенъ въ родословную книгу по той губерніи или уѣзду (ст. 70), но правомъ голоса не пользуются тѣ, кто самъ не владѣетъ деревней и моложе 25 лѣтъ (ст. 63), кто не служилъ или въ службѣ не дошелъ до оберъ-офицерскаго чина (ст. 64). Активнаго права участія въ собраніи, кромѣ того, можетъ лишить само собраніе, исключая изъ своей среды опороченнаго по суду или совершившаго явный и безчестный поступокъ, всѣмъ извѣстный (ст. 65). Таковы немногія ограниченія въ жалованной грамотѣ активнаго права участія выбора въ дворянскихъ собраніяхъ. Относительно пассивнаго права избранія имѣется лишь одна статья (62), которой запрещалось избирать въ должности изъ тѣхъ дворянъ, доходъ которыхъ съ деревень ниже 100 руб. и которые моложе 25 лѣтъ.

Дворянскій выборъ заключался въ избраніи, во-первыхъ, представителей своей корпораціи: 1) губернскаго предводителя дворянства, въ должность котораго представлялись на утвержденіе губернатора два кандидата изъ уѣздныхъ предводителей дворянства (ст. 39); 2) уѣзныхъ предводителей (ст. 40); 3) депутатовъ, по одному на каждый уѣздъ, которые должны были „обще съ губернскимъ предводителемъ дворянства той губерніи, имѣть попеченіе о дѣйствительномъ составленіи и продолженіи дворянской родословной книги“ (ст. 67), и 4) секретаря дворянскаго собранія (ст. 53); во-вторыхъ, дворянство избирало изъ своей среды должностныхъ лицъ въ судебно-административныя учрежденія губерніи, а именно: 1) 10 засѣдателей верхняго земскаго суда и 2) двухъ засѣдателей совѣстнаго суда (избирало по ст. 41 дворянство „тѣхъ уѣздовъ, кои составляютъ подсудное вѣдомство“, фактически дворянское собраніе всей губерніи); 3) земскаго исправника или капитана для уѣзда (ст. 43;

ср. 66 ст. учрежденія о губерніяхъ); 4) дворянскихъ засѣдателей нижняго земскаго суда (ст. 44) и 5) засѣдателей уѣзднаго суда (та же 44 ст.).

Значитъ, въ губернскомъ дворянскомъ собраніи подлежали выбору: губернскій предводитель дворянства, депутаты, секретарь дворянскаго собранія, 10 засѣдателей верхняго земскаго суда и 2 засѣдателя совѣстнаго суда, всего для губерніи, напр., съ 10 уѣздами 24 человѣка; въ уѣздномъ: предводитель дворянства (уѣздный), исправникъ, 2 засѣдателя нижняго земскаго суда и 3 чина уѣзднаго суда (считая въ томъ числѣ уѣзднаго судью, который, какъ и два засѣдателя, избирался, согласно учрежденію о губерніяхъ, дворянствомъ), итого 7 человѣкъ для каждаго уѣзда, 70 для 10 уѣздовъ, а всего по губерніи 94 человѣка. Отсюда понятно то оживленіе и подъемъ въ средѣ дворянъ, когда имъ дано было право избирать десятки лицъ, которымъ предоставлены были почетъ и значительное вліяніе въ губернской и уѣздной администраціи.

Въ отношеніи права представленій дворянству дозволено было сообщать генералъ-губернатору или губернатору „о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ“ (ст. 47), а въ особыхъ случаяхъ „дѣлать представленія и жалобы чрезъ депутатовъ ихъ какъ сенату, такъ и Императорскому Величеству“ (ст. 48). Изъ послѣдняго сложился обычай, по которому дворяне, послѣ каждыхъ выборовъ, отправляли къ Высочайшему двору своихъ депутатовъ для выраженія вѣрноподданнической преданности и благодарности за оказанныя дворянству милости.

Таково было положеніе дворянскаго самоуправленія и выборовъ по учрежденію 1775 г. и жалованной грамотѣ 1785 г. Въ ближайшіе годы до конца царствованія Екатерины II какихъ либо существенныхъ измѣненій въ этомъ не произошло; они начались съ перваго же года царствованія Павла I.

Прежде всего ограниченія и измѣненія въ Павловское время коснулись дворянскихъ собраній, ихъ организаціи, времени и порядка созыва и права участія дворянъ въ собраніяхъ. По законодательству Екатерины II, администрація въ лицѣ генералъ-губернатора и губернаторовъ имѣла къ дворянскимъ собраніямъ лишь внѣшнее и формальное отноше-

ніе: правители губерніи созывали дворянъ на съѣзды, первоначально присутствовали на нихъ, но потомъ входить въ дворянскія собранія имъ запрещалось [1]), чѣмъ пресѣкалось обнаруженное на практикѣ вмѣшательство губернаторовъ въ выборы и давленіе на избирателей. При Павлѣ I вліяніе администраціи на созывъ собраній и организацію ихъ, какъ то будетъ показано ниже, усиливается; кромѣ того именнымъ указомъ 9 марта 1798 года было велѣно, при дворянскихъ выборахъ „для соблюденія добраго порядка" „находиться губернаторамъ" [2]), какъ то было до 1788 г., въ результатѣ чего губернаторъ снова получилъ возможность вести выборы въ желательномъ для него духѣ. Указъ 9 мая былъ изданъ по слѣдующему поводу.

Въ началѣ 1798 года лифляндскій губернскій прокуроръ сдѣлалъ кн. Куракину представленіе по поводу того, что ему, прокурору, и губернатору „воспрещается быть при дворянскихъ собраніяхъ, по дѣламъ государственнымъ бывающимъ" [3]); можно предположительно догадываться, что прокуроръ при этомъ указывалъ на какой то непорядокъ въ этихъ собраніяхъ. Куракинъ, по полученіи рапорта губернскаго прокурора, приказалъ навести справку: до 1788 г., когда послѣдовало запрещеніе, „было ли позволеніе имъ находиться при таковыхъ собраніяхъ, и по какому поводу оное было сдѣлано".

На запросъ канцеляріи генералъ-прокурора изъ канцеляріи 3-го департамента, въ которой вѣдались дѣла Лифляндской губерніи, оберъ-секретарь Иванъ Соколовъ отвѣчалъ, что въ Лифляндіи губернаторы и прокуроры на дворянскихъ собраніяхъ никогда не присутствовали [1]). Тѣмъ не менѣе 9 марта Куракинъ сдѣлалъ докладъ Государю. Домогательство губернскаго прокурора по отношенію къ нему не было удо-

---

[1]) Такое запрещеніе первоначально установлено было рѣшеніемъ на докладѣ 5 ноября 1778 г., а затѣмъ подтверждено ноябрьскимъ указомъ (по другой датѣ—21 августа) 1788 г. (П. С. З., № 16731). Въ докладѣ 5 (25) ноября 1778 г. по этому поводу читаемъ въ п. 18: „При первыхъ выборахъ въ уѣздныхъ городахъ присутствовали губернаторъ, вице-губернаторъ и одинъ изъ предсѣдателей палатъ" — № 14816.

[2]) П. С. З., № 18421.

[3]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 472, л. 11 и сл.

влетворено, но зато губернаторамъ было предписано повсемѣстно „для добраго порядка“ быть на дворянскихъ собраніяхъ [1]).

Получивъ указъ 9 марта 1797 г., лифляндскій генералъ-губернаторъ Рихтеръ обезпокоился и въ рапортѣ (отъ 30 марта) представлялъ генералъ-прокурору, что „въ Лифляндіи по земскому положенію губернаторъ до 1788 г. не находился въ дворянскихъ собраніяхъ“; „почему дворянство при назначенномъ 19 апрѣля собраніи можетъ сказать вопреки, что сей Высочайшій Е. И. В. указъ не касается до лифляндскаго дворянства“; поэтому Рихтеръ просилъ снабдить его предписаніемъ, можно ли ему „отказать дворянству въ случаѣ, если бы оное пожелало сослаться на вышеписанное“. Кн. Куракинъ въ своемъ отвѣтѣ (отъ 18 апрѣля) разъяснялъ, что въ указѣ 9 марта „никакого исключенія не означено“, а потому онъ „долженствуетъ быть всеобщимъ... положеніемъ“ [2]).

Усиленіе администраціи выразилось и въ томъ, что самое начало дворянскихъ собраній, ихъ продолжительность, переносъ на другой срокъ не могли состояться иначе, какъ съ разрѣшенія изъ столицы. Правители губерній по всякому поводу обращаются къ генералъ-прокурору, прося у него соотвѣтствующаго указанія. Такъ, напр., нижегородскій губернаторъ А. Л. Львовъ по поводу отсрочки выборовъ и пере-

---

[1]) „Чтобы быть тутъ (на дворянскихъ собраніяхъ) начальнику губерніи, о семъ въ сенатѣ въ 3-мъ департаментѣ по дѣламъ не значится“. „Сколько мнѣ извѣстно, писалъ (8 марта) дальше Соколовъ, никогда губернаторы не вмѣшивались въ сіи общественныя дворянскія дѣла и не присутствовали по симъ дѣламъ съ ними (дворянами). Что же касается до прокуроровъ, ихъ въ Лифляндіи до учрежденія намѣстничества не было; стало быть, и находиться при дворянскихъ собраніяхъ не могли, и какъ вы изволите и сами увидѣть, что дворянскія собранія не болѣе, какъ токмо совѣтуютъ о своихъ надобностяхъ и нуждахъ, то и неприлично, кажется, быть тутъ начальнику губерніи; впрочемъ, всякое неустройство прекращается губернаторомъ, сколь скоро гдѣ оно послѣдуетъ; а для сей предосторожности состоитъ въ Лифляндіи фискалъ“; указа о позволеніи присутствовать послать нельзя, въ дѣлахъ 3-го деп. его нѣтъ, да и быть, кажется, не могло (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 472, л. 12).

[2]) 26 апр. 1798 г. Рихтеръ сообщалъ, что исполняя предписаніе, онъ „на продолжающихся засѣданіяхъ лифляндскаго дворянства бываетъ“ (*Тамъ же*, л. 24).

Впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что, по ходатайству эстляндскаго предводителя дворянства фонъ-Зальца и по докладу генералъ-прокурора, 31 іюля того же года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы собранія эстляндскаго рыцарства происходили „безъ присутствія губернатора“ (л. 25—28). Значитъ, изъ „всеобщаго положенія“ все же допускались, съ доклада Государю, исключенія.

носа ихъ на январь мѣсяцъ, въ виду рекрутскаго набора, писалъ (22 сентября 1797 г.) генералъ-прокурору кн. Куракину: „Не осмѣливаясь самъ собою сдѣлать таковой отсрочки, спѣшу донести о семъ вашему сіятельству и испрашивать благосклоннаго вашего на оное предписанія" [1]. Роль мѣстной и центральной администраціи по отношенію къ дворянскимъ собраніямъ ниже будетъ охарактеризована полнѣе.

Гораздо существеннѣе было то, что результатомъ законодательства Павла I было упраздненіе губернскихъ дворянскихъ собраній. При Екатеринѣ II развитіе дворянскихъ вольностей привело къ тому, что дворянское самоуправленіе, начавшись съ уѣздныхъ собраній, дошло до губернскихъ, которыя поглотили собою уѣздныя, такъ что дворяне должны были съѣзжаться въ губернскій городъ какъ для выбора чиновъ губернской администраціи и засѣдателей учрежденій, находящихся въ губерніи, такъ и для избранія лицъ, спеціально опредѣленныхъ къ заполненію должностей въ уѣздѣ; впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ губернское собраніе распадалось на уѣздныя, которыя происходили въ разныхъ залахъ или помѣщеніяхъ. При Павлѣ I, какъ я сказалъ, губернскіе съѣзды дворянъ были упразднены, и дворяне должны были съѣзжаться для выборовъ въ уѣздные города. Паденіе губернскихъ дворянскихъ собраній произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ виду нѣкоторыхъ непорядковъ, обнаруженныхъ при рекрутскихъ наборахъ, 1 сентября 1797 г. и 2 октября 1798 г. были изданы указы [2]), которыми упорядочивалось это дѣло, и къ дѣятельному участію въ рекрутскихъ наборахъ привлекались предводители дворянства, а частью и само дворянство. Наборъ рекрутъ долженъ былъ происходить поуѣздно, при участіи уѣздныхъ предводителей и подъ руководствомъ въ одной части уѣздовъ губернатора, въ другой—вице-губернатора, въ третьей — губернскаго предводителя дворянства. Ко времени набора многіе дворяне фактически должны были съѣзжаться

---

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 269, л. 175.
[2]) П. С. З., № 18126 и 18686.

къ мѣсту набора (т. е. въ уѣздный городъ) для правильной разверстки между собой рекрутъ и для организаціи сбора складочныхъ денегъ.

Первоначально со стороны центральныхъ властей внушалось губернаторамъ, чтобы они на время рекрутскихъ наборовъ губернскихъ дворянскихъ собраній не назначали, чтобы не было помѣхи тому или другому дѣлу. Подобное распоряженіе являлось совершенно правильнымъ и понятнымъ: рекрутскій наборъ былъ дѣломъ хлопотливымъ, требовалъ большого вниманія, къ тому же производился поуѣздно, губернскіе же выборы, благодаря прежнему обряду и значительному числу лицъ, подлежащихъ избранію, тоже отнимали много времени и силъ, происходили въ губернскомъ городѣ и требовали руководства губернатора и губернскаго предводителя дворянства, а потому совмѣстить поуѣздный рекрутскій наборъ и губернскій дворянскій съѣздъ было невозможно.

Но когда порядокъ избранія былъ упрощенъ, о чемъ рѣчь будетъ ниже, и число лицъ, избиравшихся дворянствомъ, сильно сократилось, причемъ на долю губернскаго собранія выпадалъ выборъ лишь губернскаго предводителя и секретаря, то поднялся вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли созывать губернскія собранія, и какъ вообще организовать поуѣздные выборы. Въ этомъ вопросѣ рѣшающую роль сыгралъ примѣръ Малороссійской, Литовской и другихъ, присоединенныхъ отъ Польши, губерній, въ которыхъ шляхетскіе выборы происходили по повѣтамъ (уѣздамъ). Въ концѣ 1799 г. наступило время для производства новыхъ выборовъ въ губерніяхъ. Начальники губерній, какъ сообщалъ Государю въ своемъ докладѣ [1]) генералъ-прокуроръ Беклешовъ, обратились къ нему съ „вопросами и представленіями", на основаніи которыхъ онъ, генералъ-прокуроръ, и „представлялъ на благоразсмотрѣніе" Государя слѣдующее.

„Въ губерніяхъ Малороссійской, Литовской и прочихъ, отъ бывшей Польши присоединенныхъ, по правамъ и установленіямъ ихъ, Всевысочайше утвержденнымъ, выборы произво-

---

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, 1801 г., № 245, л. 16—19. На основаніи этого доклада состоялся указъ 14-го окт. 1799 г. (П. С. З., № 19154).

диться должны по повѣтамъ. Не настоитъ надобности также и во всѣхъ другихъ губерніяхъ собирать дворянство въ губернскій городъ, потому что выборы нынѣ для однихъ уѣздныхъ мѣстъ и должностей поуѣздно производятся, а только и остается всею губерніею выбирать одного изъ уѣздныхъ въ губернскіе предводители. Но чтобы не имѣть нужды для выбора одного губернскаго предводителя приводить въ движеніе съѣздомъ цѣлой губерніи дворянства, можно принять средство такое", что съѣзжаться должны только выбранные уѣздные предводители и сдѣлать выборъ въ губернскіе предводители по балламъ или по жребію „изъ между себя".

„Посему, читаемъ дальше въ докладѣ, не благоугодно ли будетъ В. И. В-ву, для самаго облегченія дворянскимъ обществамъ отъ ненужнаго съѣзда въ губернскій городъ, бывшія доселѣ собранія въ нихъ повелѣть отмѣнить, а предоставить уѣздные выборы производить по своимъ уѣзднымъ городамъ, и въ то время, (когда), по установленному рекрутскому набору какъ дворяне для рекрутскихъ распорядковъ собираться въ свои уѣздные города, такъ и губернскіе первоначальники, какъ то: губернаторъ, вице-губернаторъ и губернскій предводитель, тамо быть имѣютъ, которые по Высочайшей В. И. В-ва волѣ, для соблюденія добраго порядка при выборахъ и присутствовать, а дворяне въ одно время двѣ надобности по рекрутской раскладкѣ и по выборамъ исправить въ состояніи будутъ". Съ этимъ предложеніемъ генералъ-прокурора Павелъ I согласился; результатомъ былъ „самый важный", по словамъ одного изслѣдователя [1]), для дворянскихъ выборовъ указъ,

---

[1]) Бар. Корфъ, Дворянство, 248. Авторъ помимо того преувеличенно заявляетъ, что „указъ этотъ произвелъ цѣлый переворотъ въ области сословнаго дворянскаго управленія". Слѣдуетъ замѣтить, что указъ 14-го окт. былъ, конечно, весьма важенъ въ принципіальномъ отношеніи, такъ какъ отмѣнялъ совершенно губернскія собранія, но фактически, послѣ упраздненія ряда должностей, которыя прежде замѣщались дворянствомъ, послѣ введенія упрощеннаго порядка выборовъ и другихъ измѣненій, о чемъ рѣчь будетъ ниже, районъ дѣйствія указа 14-го окт. былъ весьма узокъ; „цѣлаго переворота" указъ этотъ произвести не могъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоило ли ради избранія одного губернскаго предводителя созывать дворянъ всей губерніи въ одинъ городъ, когда то же избраніе можно было организовать проще и удобнѣе. Значеніе указа слѣдуетъ усматривать въ иной сферѣ: дворянство лишалось возможности обращаться къ монарху отъ лица дворянскаго сословія всей губерніи.

благодаря которому „кореннымъ образомъ мѣнялась вся система выборовъ“, такъ какъ губернскія собранія этимъ указомъ были упразднены. „Въ отвращеніи неудобностей, встрѣчающихся въ выборахъ и опредѣленіи чиновниковъ, говорилось въ указѣ 14 октября 1799 г., повелѣваемъ: какъ выборы чиновниковъ въ уѣздныя мѣста поуѣздно производятся, то для сего и не настоитъ надобности съѣзжаться дворянамъ цѣлой губерніи въ губернскій городъ, почему въ облегченіе имъ производить оные выборы по уѣзднымъ городамъ въ присутствіи губернатора или вице-губернатора или губернскаго предводителя, по бытности ихъ для рекрутскаго набора, къ раскладкѣ котораго дворяне съѣзжаться имѣютъ“ [1]).

Такъ, во избѣжаніе неудобствъ и для облегченія дворянъ, по докладу генералъ-прокурора Беклешова, который, кромѣ своихъ соображеній, руководствовался примѣромъ нѣкоторыхъ окраинныхъ губерній, близко знакомыхъ ему по прежней службѣ въ качествѣ генералъ-губернатора, губернскія дворянскія собранія, привлекавшія къ себѣ въ Екатерининское время дворянъ изъ самыхъ захолустныхъ мѣстъ, были упразднены [2]).

По отношенію къ праву участія дворянъ въ дворянскихъ собраніяхъ послѣдовало еще нѣсколько ограниченій сравнительно съ тѣмъ, что указано въ жалованной грамотѣ. Первое ограниченіе коснулось исключенныхъ изъ воинской службы. Оно издано было по слѣдующему поводу. 22 октября 1797 г. калужскій губернаторъ В. Митусовъ писалъ кн. Куракину: такъ какъ „въ будущемъ декабрѣ мѣсяцѣ имѣетъ быть въ здѣшней губерніи возобновленіе выборовъ судей и коммисаровъ съ ихъ засѣдателями и предводителей дворянства, а въ числѣ жительствующихъ въ губерніи здѣшней дворянъ есть такіе, которые по дѣяніямъ своимъ изъ воинской службы исключены, нѣкоторые при жизни“ императрицы Екатерины Алексѣевны, „а другіе при нынѣ царствующемъ Императорѣ, то можно ли

---

[1]) П. С. З., № 19154.

[2]) Изъ предыдущаго изложенія видно, что губернскія собранія были упразднены по соображеніямъ пользы и удобства, на чемъ настаивалъ ген.-прокуроръ Беклешовъ, а не Куракинъ, какъ не совсѣмъ правильно утверждаетъ бар. Корфъ (см. Голосъ Минувшаго, 1913, VII, 12); автору должно быть извѣстно, что въ 1799 году кн. Куракинъ ген.-прокуроромъ уже не состоялъ.

таковыхъ допускать къ баллотированію и по выборѣ къ должностямъ".

Куракинъ по этому поводу обратился съ докладомъ къ Государю, которымъ дано было слѣдующее повелѣніе (13 ноября 1797 г.): „Таковыхъ исключенныхъ изъ воинской службы не только самимъ не выбирать въ должности по гражданской службѣ, но и не допускать ихъ къ подаванію голосовъ на выборѣ другихъ; о чемъ и предписать циркулярно всѣмъ вообще начальникамъ губерніи" [1]). На этомъ основаніи былъ обнародованъ сначала именной указъ 15 ноября 1797 г., а затѣмъ сенатскій 14 января 1798 г. [2]). Затѣмъ ограниченія коснулись пассивнаго права: указомъ 9 августа 1800 г. велѣно было: „отставленныхъ отъ военной службы" за время съ 6 ноября 1796 г. и до 1 мая 1800 г., „бывшихъ при должностяхъ по выборамъ дворянскимъ, а нынѣ представляемыхъ къ утвержденію въ оныхъ, не утверждать и впредь таковыхъ не опредѣлять безъ Высочайшаго повелѣнія" [3]).

Итакъ, въ отношеніи дворянскихъ собраній измѣненія выразились въ томъ, что 1) были упразднены губернскія собранія, 2) кругъ лицъ, имѣвшихъ право участія въ собраніяхъ, сократился, права голоса были лишены всѣ исключенные изъ воинской службы, а „отставленные" отъ службы были ограничены въ отношеніи пассивнаго права, 3) собранія были поставлены въ большую зависимость отъ мѣстной и центральной администраціи.

Переходя къ вопросу о дворянскихъ выборахъ, слѣдуетъ сказать, что въ этомъ отношеніи за Павловское царствованіе произошли существенныя измѣненія. Они выразились: а) въ

---

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 282, л. 1, 2 и сл.

[2]) П. С. З., № 18245, 18321. По поводу послѣднихъ указовъ бар. Корфъ въ своей книгѣ говоритъ: „Павелъ не остановился на этомъ (на указѣ 15-го ноября). 14-го января слѣдующаго года былъ изданъ другой указъ о неопредѣленіи въ гражданскую службу и по выборамъ отъ дворянства выключенныхъ изъ службы... (Дворянство, стр. 240). Можно подумать, что второй указъ представляетъ собой нѣчто новое, но въ дѣйствительности, во 1-хъ, въ изданіи „другого указа" Павелъ былъ не при чемъ, такъ какъ указъ не именной, а сенатскій, во 2-хъ, послѣдній указъ лишь повторяетъ первый, и сенатское рѣшеніе въ немъ сводится къ постановленію о разсылкѣ указа по всѣмъ учрежденіямъ.

[3]) П. С. З., № 19508.

установленіи новаго сокращеннаго обряда выборовъ, б) въ значительномъ уменьшеніи количества избираемыхъ дворянствомъ лицъ и в) въ замѣнѣ для многихъ должностей выборнаго начала принципомъ назначенія отъ короны. Всѣ эти перемѣны произошли быстро, но вводились не случайно, а по мотивамъ удобства и пользы государственной. О томъ, при какихъ обстоятельствахъ введенъ былъ сокращенный порядокъ выборовъ, разскажу подробнѣе.

Порядокъ выборовъ дворянскихъ депутатовъ окончательно сложился къ 80-мъ годамъ; въ основу его положены были обрядъ [1]) выборовъ 1766 г. и правила доклада А. А. Безбородки съ Высочайшими резолюціями 5-го ноября 1778 г. [2]). Въ составленномъ послѣ того „обрядѣ" выборовъ довольно подробно шагъ за шагомъ опредѣляется весь ходъ дворянскаго съѣзда и выборовъ. Чтобы дать отчетливое представленіе объ этомъ, я, не вникая во всѣ детали, тѣмъ не менѣе подробно опишу теченіе выборнаго процесса, какъ оно предусмотрѣно „обрядомъ дворянскихъ выборовъ" (въ столичномъ городѣ С.-Петербургѣ) 1795 года [3]).

Выборы назначены были на 11—17 января. Наканунѣ, т. е. 10 числа, дворяне обязаны съѣхаться въ столицу и записать свою фамилію (въ порядкѣ прибытія) въ особые поуѣздные списки, которые должны быть представлены губернатору, для точной регистраціи всѣхъ прибывшихъ къ выборамъ. Тогда же, ради „знаменитости торжества", дабы дѣло начать съ благословенія Божія, главнокомандующій посылаетъ двухъ чиновныхъ особъ къ митрополиту съ увѣдомленіемъ объ имѣющемъ быть на слѣдующій день „торжествѣ" и присягѣ и съ просьбой о дачѣ приказанія совершить въ соборной церкви литургію и молебствіе; а управѣ благочинія пред-

---

[1]) П. С. З., 14-го дек. 1766 г., № 12801, п. 13 обряда выборовъ изъ дворянъ и др.

[2]) Тамъ же, № 14816 (25 ноября)—„Высоч. резолюціи на докладныхъ пунктахъ генералъ-губернаторовъ".

[3]) Кромѣ того могу указать на „обрядъ возобновленія выборовъ въ С.-Петербургской губерніи" 1783 года, за подписью губернскаго прокурора Петра Аршеневскаго. По этому обряду выборы начинались съѣздомъ дворянъ 15-го мая, а кончались 22-го принесеніемъ присяги избранными и торжественнымъ шествіемъ дворянскаго корпуса (*Госуд. Архивъ, разр.* XVI, № 245).

писывалось объявить о событіи во всѣхъ частяхъ города и принять мѣры къ сохраненію порядка на улицахъ отъ дома, гдѣ соберутся дворяне, до соборной церкви.

На слѣдующій день, 11-го числа, въ 9 часовъ утра всѣ дворяне должны были собраться въ назначенномъ для выборовъ домѣ, въ особомъ залѣ, гдѣ къ этому времени устраивалась площадка для трона, съ балдахиномъ, зала украшалась громаднымъ ковромъ, „богатымъ покрываломъ", императорскими креслами, бархатными креслами и отличалась особымъ убранствомъ. Здѣсь дворяне размѣщаются по порядку по 5 уѣздовъ съ каждой стороны, а впереди нихъ въ полуциркулѣ передъ трономъ занимаютъ мѣста губернскій предводитель дворянства, уѣздные предводители и засѣдатели совѣстнаго суда и верхняго земскаго суда, прочіе же „члены уѣздныхъ судовъ" ставятся по уѣздамъ на первыхъ мѣстахъ.

Затѣмъ губернскій предводитель собираетъ отъ уѣздныхъ предводителей списки: 1) о прибывшихъ и 2) о не прибывшихъ дворянахъ и отправляетъ двухъ уѣздныхъ предводителей къ главнокомандующему, съ докладомъ о томъ, что дворяне собрались и списки изготовлены. По полученіи отзыва о готовности главнокомандующаго принять ихъ, губернскій предводитель вмѣстѣ съ уѣздными предводителями и депутатами, по одному отъ каждаго уѣзда, отправляется къ главнокомандующему, подаетъ списокъ о дворянахъ, докладываетъ о числѣ собравшихся и представляетъ ему молодыхъ дворянъ, избранныхъ по одному отъ каждаго уѣзда „для почести его", главнокомандующаго [1]).

Главнокомандующій, принявъ списокъ, садится и приглашаетъ сѣсть другихъ, потомъ, сказавши „привѣтствіе", проситъ губернскаго прокурора прочесть свое „предложеніе", „содержащее увѣреніе о Высочайшемъ благоволеніи Ея И. В. къ обществу дворянства и что имъ въ собраніи исполнить слѣдуетъ", а по прочтеніи передаетъ губернскому предводителю и свое предложеніе и „обрядъ выборовъ", которыми дворяне должны руководствоваться.

---

[1]) См. 92 статью „учрежденія о губерніяхъ" (для столицы).

По возвращеніи въ собраніе, губернскій предводитель читаетъ предложеніе главнокомандующаго къ свѣдѣнію всего собранія, а затѣмъ всѣ направляются въ церковь, соблюдая до выхода особый порядокъ [1]). Когда дворяне прибудутъ въ церковь, то производится колокольный трезвонъ и начинается литургія. По окончаніи литургіи, губернскій стряпчій читаетъ Высочайшій рескриптъ, данный по случаю возобновленія выборовъ, затѣмъ совершается молебенъ, во время котораго, при восклицаніи многолѣтія, должна производиться пушечная пальба. Затѣмъ дворяне приводятся къ присягѣ „на безпристрастные изъ собратіи своей выборы къ общественнымъ должностямъ", послѣ чего всѣ „тѣмъ же образомъ" возвращаются въ залу собранія, гдѣ губернскій предводитель объявляетъ о томъ, чтобы присутствующіе, „раздѣлясь" по уѣздамъ, приступили къ выбору предводителей, и вручаетъ каждому прежнему уѣздному предводителю по одному экземпляру обряда о выборахъ.

На слѣдующій день (12-го числа) назначается собраніе въ 9 час. утра. По прибытіи губернскаго предводителя, уѣздные, всякій со своимъ обществомъ, удаляются въ назначенные для каждаго уѣзда особые покои, въ которые ихъ отводятъ два коронныхъ чиновника. Въ этихъ покояхъ садятся по чинамъ, слушаютъ чтеніе статей учрежденія о губерніяхъ, жалованной грамоты дворянства и обряда о выборахъ, затѣмъ происходитъ баллотированіе въ должность уѣзднаго предводителя всѣхъ присутствующихъ, по списку, начиная съ того, кто въ этой должности состоитъ, и кончая послѣднимъ занесеннымъ въ списокъ, въ которомъ противъ каждой фамиліи отмѣчается число избирательныхъ и не-

---

[1]) Порядокъ долженъ быть таковъ: „впереди—судья совѣстнаго суда, за нимъ два засѣдателя дворянскихъ, за ними засѣдатели нижняго земскаго суда, а за сими земскіе исправники одного здѣшняго (С.-Петербургскаго) уѣзда, такъ какъ прочихъ уѣздовъ въ собраніи здѣсь не будетъ, потомъ уѣздные суды по старшинству уѣздовъ, впереди каждаго суда засѣдатели, а за ними ихъ уѣздный судья, за оными же засѣдателями верхняго земскаго суда по два врядъ, наконецъ, губернскій предводитель, за нимъ уѣздные предводители по два врядъ, а за оными дворяне по уѣздамъ по нѣсколько человѣкъ врядъ, наблюдая сей порядокъ выхода только до крыльца назначеннаго дома, отъ онаго же позволяется ѣхать всякому, кто какъ хочетъ, въ экипажахъ, каждому чину приличныхъ".

избирательныхъ голосовъ, и кто получаетъ большинство голосовъ, тотъ считается избраннымъ, прежній предводитель поздравляетъ его со избраніемъ, наскоро изготовляется „листъ выбора“, скрѣпляемый прежнимъ предводителемъ и другими дворянами, а тѣмъ временемъ прежній предводитель ведетъ и представляетъ вновь избраннаго губернскому предводителю; если же избранъ будетъ прежній, то его ведутъ къ губернскому и сообщаютъ [1]) объ избраніи уѣздный судья и „первые два изъ чиновныхъ людей“.

По окончаніи выборовъ во всѣхъ уѣздахъ, губернскій предводитель представляетъ всѣхъ избранныхъ губернатору и передаетъ списокъ ихъ, съ показаніемъ числа балловъ; а потомъ вмѣстѣ съ губернаторомъ слѣдуютъ къ главнокомандующему, которому губернскій же предводитель подаетъ рапортъ со спискомъ и представляетъ избранныхъ, и тотъ „Высочайшимъ Ея И. В. именемъ“ (тотчасъ же) утверждаетъ выборъ. По выходѣ уѣздные предводители назначаютъ кандидатовъ въ секретари дворянства, а предводитель губернскій объявляетъ о назначеніи собранія для выбора въ должности губернскаго предводителя и секретаря.

Въ пятый день выборовъ (15-го числа) происходитъ общее губернское собраніе, всѣ собираются къ 9 час. утра, садятся по мѣстамъ, но, при входѣ губернскаго предводителя, всѣ встаютъ, потомъ снова садятся. По открытіи засѣданія, читается 39 статья „положенія о дворянствѣ“ (жалованной грамоты) и приступаютъ къ баллотировкѣ, которой подвергаются сначала прежній предводитель, а за нимъ всѣ вновь избранные предводители. Затѣмъ составляется „листъ выбора“, подписываемый губернскимъ предводителемъ и секретаремъ; послѣ чего губернскій предводитель, вызвавъ двоихъ [2]) по большинству балловъ, представляетъ главнокомандующему, который, принявъ ихъ „съ пристойной почестью“, одного „назначитъ и утвердитъ“ въ должности; его прежній предводитель и объявляетъ собранію. Если же переизбранъ будетъ

[1]) Сообщаетъ собственно уѣздный судья.

[2]) По ст. 38 къ главнокомандующему представляются два кандидата, одного изъ которыхъ онъ утверждаетъ въ должности губернскаго предводителя.

прежній предводитель, то его и другого ближайшаго по количеству балловъ кандидата приводятъ къ главнокомандующему два уѣздныхъ предводителя „старшихъ уѣздовъ“.

По утвержденіи въ должности, происходятъ „поздравленія“, послѣ которыхъ новый или переизбранный предводитель занимаетъ свое мѣсто и предлагаетъ: 1) избрать секретаря въ общемъ собраніи, 2) избрать въ тотъ же день уѣзднаго предводителя для того уѣзда, изъ среды котораго избранъ онъ, губернскій предводитель, 3) раздѣлиться поуѣздно и выбрать кандидатовъ въ члены совѣстнаго суда и верхняго земскаго суда, 4) выбрать по одному депутату отъ каждаго уѣзда для составленія въ губерніи родословной книги.

По выборѣ секретаря, „того же дня пополудни“, производятъ выборы указанныхъ лицъ, раздѣлившись по уѣздамъ; предъ баллотировкой читаются соотвѣтствующія статьи изъ учрежденія о губерніяхъ, а затѣмъ избираютъ въ такомъ порядкѣ: 1 и 2) сначала второго, потомъ перваго засѣдателя нижняго земскаго суда, 3 и 4) такимъ же порядкомъ второго и перваго засѣдателей уѣзднаго суда, 5) потомъ земскаго исправника, 6) уѣзднаго судью, 7—10) по два кандидата въ засѣдатели совѣстнаго суда и верхняго земскаго суда, 11) депутата къ составленію родословной книги.

На шестой день выборовъ (16-го янв.) утромъ уѣздные предводители представляютъ вновь избранныхъ уѣздныхъ судей, исправниковъ, засѣдателей и депутатовъ губернскому предводителю, который всѣхъ ихъ и секретаря представляетъ для утвержденія губернатору, а по утвержденіи всѣ они являются къ главнокомандующему для представленія. Тѣмъ временемъ въ залѣ общаго собранія происходитъ подготовка выборовъ засѣдателей совѣстнаго и верхняго земскаго судовъ изъ кандидатовъ, избранныхъ уѣздными собраніями; читаются статьи изъ учрежденія о губерніяхъ, предводитель объясняетъ „важность предстоящей должности“, а затѣмъ, послѣ баллотировки, предводитель представляетъ избранныхъ главнокомандующему, который „поздравляетъ“ ихъ съ избраніемъ и утверждаетъ.

На седьмой день (17) происходитъ приводъ къ присягѣ всѣхъ новоизбранныхъ. Въ 9 час. утра, какъ и въ первый

день выборовъ, всѣ дворяне собираются въ залѣ общаго собранія, отсюда направляются въ церковь, гдѣ слушаютъ литургію; потомъ, подъ руководствомъ губернскаго предводителя, въ присутствіи главнокомандующаго, новоизбранные приводятся къ присягѣ. По возвращеніи изъ церкви, губернскій предводитель съ двумя уѣздными и двумя депутатами такъ же, какъ въ началѣ выборовъ, являются къ главнокомандующему, испрашивая позволенія отправки къ Ея В-ву депутатовъ „для принесенія всеподданнѣйшаго благодаренія за высокомонаршія милости, законодательствомъ Ея В-ва дарованныя“. Главнокомандующій немедленно сообщаетъ объ этомъ Государынѣ и, по полученіи увѣдомленія, даетъ разрѣшеніе губернскому предводителю и вручаетъ ему также предложеніе о роспускѣ собранія, съ наставленіемъ о порядкѣ ввода новоизбранныхъ въ должности. Губернскій предводитель возвращается въ собраніе, читаетъ предложеніе о роспускѣ, чѣмъ засѣданіе и закрывается [1]). Таковы были правила выборовъ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что собранія происходили при торжественной обстановкѣ, сопровождались „обѣденными столами“, иллюминаціями, которыя устраивались подъ руководствомъ губернскаго архитектора Паульсона [2]).

Когда во второй половинѣ 1797 года должны были происходить въ губерніяхъ выборы въ дворянскихъ собраніяхъ, то по этому поводу съ губернаторами у ген.-прокурора началась оживленная переписка. Такъ, калужскій губернаторъ В. П. Митусовъ въ августѣ мѣсяцѣ, сообщая о приближеніи срока выборовъ (дворянскихъ и городскихъ), запрашивалъ ген.-прокурора, „на прежнемъ ли основаніи“ новые выборы должны быть произведены или по этому поводу послѣдуютъ со стороны ген.-прокурора какія-либо новыя указанія. Кн. А. Б. Куракинъ не преминулъ доложить о томъ Государю, на что 11 августа послѣдовало Высочайшее повелѣніе:

[1]) Всѣ приведенныя свѣдѣнія взяты изъ документа, подъ названіемъ: „Обрядъ учреждаемаго порядка возобновительныхъ по Высоч. Ея И. В-ва повелѣніямъ выборовъ благороднаго дворянства С.-Петербургской губ. въ столичномъ и губернскомъ городѣ Св. Петра 1795 г. въ генварѣ мѣсяцѣ“; обрядъ состоитъ изъ 33 пунктовъ (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 269, л. 55—68).

[2]) *Тамъ же*, л. 8—10.

„произвести выборы сіи, когда наступитъ время оныхъ, на основаніи учрежденія и городового положенія, о чемъ Митусова и увѣдомить письмомъ". Того же дня ген.-прокуроръ сообщилъ Митусову, что выборы, при наступленіи срока, должны быть произведены „на прежнемъ основаніи" [1]). Подобное же предписаніе было сдѣлано и для С.-Петербургской губерніи, губернатору которой И. И. Гревенсу кн. Куракинъ писалъ (28 октября 1797 г.): „По поводу приближенія времени къ новымъ въ здѣшней губерніи выборамъ Е. И. В-ву благоугодно, дабы оные произведены были на прежнемъ основаніи, опредѣливъ къ тому канцлерскій домъ и исправивъ нѣкоторыя части въ церемоніалѣ, съ котораго на сей конецъ и прошу васъ доставить ко мнѣ копіи" [2]).

Когда же кн. Куракинъ разсмотрѣлъ церемоніалъ выборовъ, то онъ нашелъ, что церемоніалъ этотъ можетъ быть сокращенъ, и представилъ Государю докладъ слѣдующаго содержанія: „Бывшіе до сего времени дворянскіе и гражданскіе выборы, продолжаясь всегда по семи дней, сопровождаемы были пышными церемоніалами и пиршествами, стоющими коронѣ и обществу немалыхъ издержекъ и, между тѣмъ, чиновники отвлекались отъ настоящаго отправленія ихъ должностей. Сообразуясь съ Высочайшей волею Вашего И. В-ва въ должномъ употребленіи каждаго съ истинною пользою своего времени, осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить Вашему В-ву новый образъ выборовъ, удаляющій всѣ наружные блески и излишества, и по которому въ теченіе трехъ дней всѣ выборы должны быть окончены. Издержки же на отопленіе и освѣщеніе дома и наемъ необходимыхъ вещей, также и на канцелярскіе и прочіе расходы, по приложенному у сего реестру, не превзойдутъ болѣе 1500 руб., ежели многія вещи заимствованы будутъ изъ думы ордена св. Владиміра и присутственныхъ мѣстъ, а для разноски балловъ и избирательныхъ ящиковъ считаю удобнымъ употребить изъ сенатскихъ курьеровъ".

---

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 269, *л.* 146 и 147.
[2]) *Тамъ же, л.* 34.

Новый сокращенный порядокъ выборовъ, которымъ пресѣкались прежняя пышность и широкій размахъ, столь свойственный Екатерининскому времени, а, наоборотъ, вводилась дѣловитость, экономія во времени и расходахъ, пришелся по душѣ Государю, и онъ (20 ноября) приказалъ: „Нынѣшнее возобновленіе дворянскихъ выборовъ производить въ Таврическомъ дворцѣ, сократя прежніе обряды по приложеннымъ запискамъ, и, по окончаніи выборовъ, дать дворянству въ томъ же дворцѣ обѣденный столъ, о чемъ отнестись къ гражданскому губернатору“ [1]).

Этимъ Высочайшимъ повелѣніемъ былъ утвержденъ для С.-Петербургской губерніи сокращенный обрядъ производства выборовъ. Однако, онъ получилъ распространеніе и на всѣ остальныя губерніи. Такой именно порядокъ выборовъ примѣненъ былъ въ Московской губерніи, какъ объ этомъ сообщилъ ген.-прокурору губернаторъ И. Козловъ. Онъ 21 декабря 1797 года писалъ кн. А. Куракину: выборъ дворянамъ начался 20 числа сего декабря присягою въ большомъ Успенскомъ соборѣ, 21 было баллотированіе въ предводители, 22 избираться будутъ судьи и засѣдатели, а 23 избранные принесутъ присягу „въ вѣрной Е. И. В-ву службѣ“ [2]). 30-же декабря 1797 г. ген.-прокуроръ писалъ циркулярно ко всѣмъ губернаторамъ письма слѣдующаго содержанія: „Государь Императоръ Высочайше соизволилъ, чтобы дворянскіе и гражданскіе въ губерніяхъ выборы производимы были безъ излишняго великолѣпія. Во исполненіе сей высокомонаршей воли сообщаю вашему превосходительству (Л. В. Тредіаковскому), для соображенія по сему предмету, копію съ обряда, Высочайше апробованнаго для С.-Петербургской губерніи, извѣщая при томъ, что отправленіе, по окончаніи выборовъ, ко двору депутатовъ Е. И. В-ву не благоугодно“ [3]).

Новый порядокъ выборовъ дворянскихъ сводился къ слѣдующему: въ 1-й день съѣхавшіеся дворяне собираются въ церкви, гдѣ, по окончаніи литургіи и молебствія, приводятся

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 269, л. 70.
[2]) *Тамъ же*, л. 26.
[3]) *Тамъ же*, л. 12.

къ присягѣ, во 2-й избираютъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей и секретаря дворянства, на 3-й избираютъ должностныхъ лицъ въ уѣздный и земскій суды, чѣмъ выборы и кончаются; на 4-й избранные дворяне снова собираются въ церковь для присяги, а затѣмъ приглашаются къ обѣденному столу, и этимъ дѣло совершенно заканчивается [1]).

Можно себѣ представить, какимъ ушатомъ холодной воды показался дворянамъ новый порядокъ выборовъ. Въ прежнее

---

[1]) Привожу полностью новый сокращенный „обрядъ выборовъ", утвержденный подписью кн. А. Б. Куракина.

„О возобновленіи дворянскихъ выборовъ".

1. „По назначеніи гражданскимъ губернаторомъ дня къ возобновленію дворянскихъ выборовъ, господа уѣздные предводители наканунѣ онаго доставляютъ черезъ губернскаго предводителя губернатору списки о прибывшихъ къ выборамъ дворянахъ, и получаютъ отъ него обрядъ, каковымъ выборы производиться долженствуютъ.

2. А какъ всякое дѣло слѣдуетъ начинать съ Божіимъ благословеніемъ, то губернаторъ письменно относится къ первенствующей духовной особѣ, дабы благоволилъ въ казначенный для выборовъ день приказать въ состоящей въ Таврическомъ замкѣ придворной церкви отправить литургію, съ принесеніемъ послѣ оной молебственнаго Всевышнему пѣнія за Высочайшія здравія Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы и Ихъ Императорскихъ Высочествъ; а губернскому предводителю даетъ знать, дабы для сего въ тотъ же день все дворянство въ 9-ть часовъ пополуночи въ помянутую церковь собралося.

3. По окончаніи литургіи и молебствія, все дворянское общество на безпристрастные изъ собратіи своей къ должностямъ выборы приводится губернскимъ предводителемъ къ присягѣ, которую читаетъ секретарь дворянства, и по окончаніи которой всѣ по домамъ разъѣзжаются.

4. На другой день въ 9-ть часовъ поутру собирается дворянство въ Таврическій замокъ и, по прибытіи губернскаго предводителя, уѣздные предводители, каждый съ своимъ обществомъ, препровождаются въ назначенные имъ покои чрезъ двухъ опредѣленныхъ отъ короны служащихъ чиновниковъ, гдѣ, по прочтеніи Высочайше изданныхъ по сему предмету узаконеній, на основаніи оныхъ приступаютъ къ баллотированію уѣздныхъ и губернскихъ предводителей и секретаря дворянства, и по избранію оныхъ, представляются гражданскому губернатору.

5. На третій день въ 9-ть часовъ утра дворянство, собравшись въ помянутомъ замкѣ, производитъ выборы (зачеркнуто: „въ депутаты для составленія родословной книги") въ уѣздный и земскій суды, и по избраніи, представляетъ оныхъ гражданскому губернатору, чѣмъ выборы и кончаются.

6. Въ 4-й день всѣ избранные въ общественныя службы и должности дворяне собираются паки по утру въ придворную въ Таврическомъ замкѣ церковь для учиненія присяги, по окончаніи которой приглашаются дворяне въ томъ замкѣ къ обѣденному столу, для котораго долженъ гражданскій губернаторъ заблаговременно извѣстить двора Е. И. В. оберъ-гофмаршала о числѣ кувертовъ.

7. На другой же день С.-Пб. уѣздный предводитель здѣсь, а прочіе предводители, по прибытіи въ уѣздъ свой, немедленно вводятъ избранныхъ въ мѣста, къ прохожденію службы имъ назначенныя" (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 269, л. 1 и 2).

доброе Екатерининское время выборы были веселымъ развлеченіемъ. Въ губернскій городъ съѣзжалось изъ отдаленныхъ захолустій наряду со знатью почти все мелкопомѣстное дворянство, съ женами, чадами и домочадцами. Городская жизнь принимала необычайно оживленный видъ. Балы, театральныя представленія и разныя увеселенія одни слѣдовали за другими. Мѣстные вельможи и богачи соперничали между собой, устраивая пріемы гостей и стараясь затмить другъ друга. Не одна недѣля проходила для дворянъ среди развлеченій и пышныхъ торжествъ. А для избраннаго губернскаго предводителя и депутатовъ предстояла еще соблазнительная поѣздка въ Петербургъ и представленіе ко двору. И вдругъ съ новыми порядками все это должно было прекратиться, и выборы принимали скромный, дѣловой характеръ, и дворянамъ внушалось, чтобы они не засиживались въ городѣ. Курскій губернскій прокуроръ П. Хвощинскій доносилъ кн. А. Куракину (27-го декабря 1797 г.): въ г. Курскѣ дворянство, въ количествѣ 352 чел., съѣхалось 20-го декабря, были произведены выборы, по окончаніи которыхъ 23-го числа, „дворянство по домамъ разъѣхалось“ [1]). Если прокуроръ точно передалъ фактъ, то значитъ, какъ обманулись дворяне, пріѣхавшіе на выборы и какъ, повидимому, скромно, безъ всякой „пышности“, согласно предписанію генералъ-прокурора, были произведены выборы по новому „сокращенному обряду“.

О томъ, какъ происходили выборы и какая роль при нихъ выпадала на долю генералъ-прокурора и мѣстной администраціи, можно имѣть ясное представленіе изъ той переписки, которую генералъ-прокуроръ велъ съ губернаторомъ по поводу выборовъ. Опишу теченіе выборнаго періода С.-Петербургской губерніи. Уже самое назначеніе срока выборовъ зависѣло отъ губернатора и генералъ-прокурора. Такъ с.-петербургскій губернаторъ И. Гревенсъ еще въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ виду рекрутскаго набора и приближенія новыхъ выборовъ, испрашивалъ указаній отъ генералъ-прокурора. На что кн. А. Б. Куракинъ отвѣчалъ (28-го октября): начало выборовъ „удобнѣе

---

[1]) *Тамъ же*, л. 97.

опредѣлить съ окончаніемъ рекрутскихъ наборовъ, ибо тогда начальство, предводители и самое дворянство будутъ свободнѣе" [1]. Когда же губернаторъ доставилъ генералъ-прокурору истребованныя отъ него копіи церемоніала выборовъ, то генералъ-прокуроръ выработалъ новый сокращенный обрядъ выборовъ, получилъ Высочайшее утвержденіе его и отослалъ (21-го декабря) губернатору для руководства. Производство выборовъ назначено было Государемъ въ Таврическомъ замкѣ.

Одновременно съ тѣмъ (21-го же дек.) кн. А. Б. Куракинъ послалъ письмо къ оберъ-гофмаршалу гр. Н. П. Шереметеву и гофмаршалу гр. Тизенгаузену, съ извѣщеніемъ о томъ, что выборы дворянскіе слѣдуетъ произвести въ Таврическомъ замкѣ и, по окончаніи ихъ, тамъ же „дать дворянству обѣденный столъ". Подобныя извѣщенія были посланы. очевидно, для того, чтобы замокъ былъ приготовленъ къ выборамъ и парадному обѣду.

Черезъ два дня (23-го декабря) губернаторъ И. Гревенсъ писалъ Куракину, что онъ сообщилъ копіи съ обрядовъ о выборахъ дворянскихъ—губернскому предводителю гр. Строганову, гражданскихъ—„градской думѣ", и предлагалъ „возобновленіе выборовъ на наступающее трехлѣтіе, съ помощію Божіею, начать 10-го будущаго генваря", испрашивая на то „милостивѣйшаго утвержденія". Кн. Куракинъ ради освѣдомленія, составивъ докладную записку, доложилъ о томъ Государю (30-го декабря) и немедленно извѣстилъ губернатора: о началѣ выборовъ Е. И. В—ву докладывано, „вслѣдствіе чего, писалъ Куракинъ, и можете вы, милостивый государь, по назначенію сему учинить зависящее отъ васъ дальнѣйшее исполненіе". 3-го января Гревенсъ генералъ-прокурору отвѣчалъ, что онъ

---

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 269, л. 34. Подобный запросъ относительно времени выборовъ въ связи съ рекрутскимъ наборомъ возбудилъ нѣсколько раньше нижегородскій губернаторъ *А. Л.* Львовъ, который испрашивалъ (отъ 22-го сент.) отъ генералъ-прокурора разрѣшенія о переносѣ выборовъ па январь 1798 г. въ виду „нынѣ повелѣннаго рекрутскаго набора, долженствующаго производиться въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ, дабы не сдѣлать въ семъ случаѣ остановки". 2-го ноября кн. Куракинъ докладывалъ о томъ Государю, который „таковое постановленіе удостоить соизволилъ Высочайшей апробаціи". На слѣдующій день ген.-прокуроръ извѣстилъ Львова, что его предположеніе „удостоено Высочайшаго утвержденія" (л. 175—176).

„предписаніе“ получилъ и сообщилъ о немъ митрополиту Гавріилу и губернскому предводителю гр. Строганову. Затѣмъ кн. Куракинъ, заботясь о томъ, чтобы не было лишнихъ расходовъ по выборамъ, предписалъ (5-го января) оберъ-прокурору 1-го департамента сената Козодавлеву, „нарядить“ изъ сенатской канцеляріи 6 человѣкъ канцелярскихъ служащихъ для письмоводства при дворянскихъ выборахъ и отослать ихъ въ распоряженіе губернатора Гревенса. Козодавлевъ выполнилъ порученіе генералъ-прокурора и послалъ канцелярскихъ служащихъ къ губернатору 8-го января, „препроводя съ ними и чернильницу изъ общаго сената собранія“, о чемъ онъ и сообщилъ особымъ рапортомъ отъ (9-го января) кн. Куракину.

По установленному порядку дворянство съѣхалось 10-го января въ церковь Таврическаго замка къ богослуженію, послѣ котораго всѣми была принесена присяга „на безпристрастные изъ собратіи своей къ должностямъ выборы“; 11-го же начались сами выборы, и въ тотъ же день губернаторъ представилъ генералъ-прокурору списокъ лицъ, избранныхъ „почтеннымъ дворянствомъ С.-Петербургской губерніи въ губернскіе и уѣздные дворянства предводители“ [1]); а генералъ-прокуроръ не замедлилъ доложить о томъ Государю (12-го января). 12-го января Гревенсъ представилъ кн. Куракину общій списокъ избранныхъ отъ дворянства, съ извѣщеніемъ, что „выборъ дворянства къ должностямъ по С.-Петербургской губерніи сего числа окончился“. А 18-го января губернаторъ сообщилъ списокъ и объ избранныхъ „изъ здѣшняго гражданства“ въ градскіе головы, бургомистры, ратманы и „въ частныя судилища въ члены“; это послѣднее представленіе было принято „къ свѣдѣнію“ [2]).

Изъ краткаго обзора самого хода выборовъ, думается, достаточно ясно видно, какую значительную роль игралъ генералъ-прокуроръ и губернаторъ въ дворянскихъ выборахъ. Начало выборовъ опредѣляется губернаторомъ по соглашенію

---

[1]) Такой же списокъ одновременно былъ представленъ губернаторомъ и „Государю Наслѣднику“, очевидно, какъ с.-петербургскому ген.-губернатору.

[2]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 269, л. 34, 70—87.

съ генералъ-прокуроромъ; генералъ-прокуроръ имѣетъ возможность существенно измѣнить порядокъ выборовъ, о ходѣ ихъ онъ получаетъ постоянныя извѣстія отъ губернатора, благодаря этому генералъ-прокуроръ и губернаторъ являлись главными руководителями дворянскихъ выборовъ.

По поводу самыхъ выборовъ слѣдуетъ прежде всего отмѣтить то, что количество избираемыхъ дворянствомъ лицъ естественно сократилось, за упраздненіемъ нѣкоторыхъ учрежденій. Павломъ были упразднены „среднія мѣста“ въ губерніи, какъ совершенно лишнія инстанціи, не оправданныя административной практикой, проектированныя по первоначальному плану для неосуществленной средней областной единицы—провинціи; въ числѣ ихъ былъ верхній земскій судъ, упраздненъ былъ также и совѣстный судъ. Такимъ образомъ, сама собой отпала необходимость избирать засѣдателей въ эти два учрежденія. Другія должностныя лица частью по прежнему избирались дворянствомъ, частью стали замѣщаться по назначенію. Въ отношеніи принципа избранія предводители дворянства, какъ представители этого сословія, остались на прежнемъ основаніи, лишь измѣнился порядокъ избранія губернскаго предводителя. Въ приведенномъ выше докладѣ 1799 г. генералъ-прокуроръ А. А. Беклешовъ, отстаивая упраздненіе губернскихъ собраній, предлагалъ въ отношеніи губернскаго предводителя дворянства „принять средство такое, что, буде дворянство изъ каждаго уѣзда большинствомъ не подтвердитъ прежняго губернскаго предводителя или онъ самъ откажется, то выбраннымъ уѣзднымъ предводителямъ, съѣхавшись въ губернскій городъ, подъ руководствомъ прежняго губернскаго предводителя, изъ между себя сдѣлать выборъ въ губернскіе предводители по балламъ или по жеребью“ [1]).

Докладъ былъ утвержденъ Государемъ, и почти буквально вошелъ въ содержаніе 1 пункта указа [2]) 14 декабря 1799 г., за исключеніемъ упоминанія о съѣздѣ въ губернскомъ городѣ и о выборѣ „подъ руководствомъ прежняго губернскаго предво-

---

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора,* 1801 г., № 245, л. 17.

[2]) Въ указѣ это мѣсто читается такъ: „Что же принадлежитъ до выбора губернскаго предводителя, буде дворянство изъ каждаго уѣзда большинствомъ не

дителя". Указъ 14 октября дышетъ практичностью, удобствомъ, но онъ существенно измѣняетъ характеръ выбора, устанавливая вмѣсто прямыхъ двустепенные выборы: правда, лица, подлежащія избранію въ губернскіе предводители, остаются тѣ же самыя, таковыми являются вновь избранные уѣздные предводители, но раньше изъ нихъ всѣ дворяне непосредственно избирали губернскаго предводителя, теперь же послѣдній избирается лишь одними уѣздными предводителями, которые играютъ въ данномъ случаѣ роль выборщиковъ. Впрочемъ, дворянству оставлена была еще тѣнь прежняго права прямыхъ выборовъ: оно по уѣздамъ баллотируетъ прежняго губернскаго предводителя и можетъ его избрать большинствомъ голосовъ на новое трехлѣтіе; если же большинства за него не будетъ, тогда выступаютъ на сцену выборщики, въ лицѣ уѣздныхъ предводителей. Въ установленіи такого порядка отразилось то же вліяніе западныхъ губерній (образованныхъ изъ польскихъ земель), какое уже отмѣчено было мной при разборѣ вопроса объ упраздненіи губернскихъ собраній.

Докладъ Беклешова предусматриваетъ съѣздъ уѣздныхъ предводителей (для выбора губернскаго предводителя), который долженъ замѣнить собой съѣздъ всего дворянства, но примѣръ западныхъ губерній привелъ къ тому, что и этотъ съѣздъ признанъ былъ излишнимъ. Въ 1800 году московскій и калужскій губернаторы обратились къ генералъ-прокурору П. Х. Обольянинову съ запросомъ, какъ имъ поступить съ выборами предводителей и депутатовъ, въ виду отмѣны рекрутскаго набора, во время котораго должны бы происходить выборы. Обольяниновъ поручилъ оберъ-прокурору Резанову „предложить сіе обстоятельство на разсмотрѣніе сената для учиненія повсемѣстнаго единообразнаго при таковыхъ случаяхъ постановленія". Съ своей стороны, генералъ-прокуроръ считалъ „весьма удобнымъ" такой порядокъ, чтобы выборы предводителей (уѣздныхъ) и депутатовъ

подтвердитъ прежняго губернскаго предводителя или онъ самъ откажется, то выбраннымъ уѣзднымъ предводителямъ дѣлать выборъ въ губернскіе предводители изъ между себя по балламъ или по жребію" (П. С. З., № 19154).

происходили, согласно указу 14 октября 1799 г., по уѣзднымъ городамъ, и списокъ избранныхъ представлялся на утвержденіе губернатора; а затѣмъ губернаторъ, по утвержденіи, можетъ разослать списокъ всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ „для выбора" губернскаго предводителя; списки снова присылаются къ губернатору съ отмѣтками, кто кого избираетъ въ предводители, и получившій большинство голосовъ, по утвержденіи правителемъ губерніи, становился губернскимъ предводителемъ дворянства.

Сенатъ приговоромъ 24 октября 1800 г. постановилъ: въ выборахъ слѣдовать „правилу, предложенному генералъ-прокуроромъ" [1]). Этимъ приговоромъ признавался ненужнымъ и неудобнымъ даже съѣздъ уѣздныхъ предводителей, который предусматривался докладомъ Беклешова, и выборы губернскаго предводителя производились путемъ переписки. Выборы уѣздныхъ предводителей дворянства остались на прежнемъ основаніи, появилось лишь одно нововведеніе, ре-

[1]) П. С. З., № 19619. Романовичъ-Славатинскій понялъ указъ въ томъ смыслѣ, что имъ былъ возстановленъ „прежній порядокъ" выбора губернскаго предводителя, „съ тою только перемѣною, что списокъ уѣздныхъ предводителей разсылался по уѣзднымъ городамъ и тотъ изъ нихъ, кто получалъ большинство балловъ, утверждался въ должности губернскаго предводителя" (Дворянство въ Россіи, 458).

Въ такомъ же смыслѣ понялъ указъ 24 октября 1800 г. и бар. Корфъ; въ его книгѣ читаемъ: „Согласно этому указу, выборы губернскаго предводителя должны были производиться по прежнему при участіи всѣхъ дворянъ, но съ тою разницею, что самый актъ выборовъ происходилъ не на общемъ губернскомъ собраніи, а на тѣхъ же уѣздныхъ, при чемъ кандидатами могли быть всѣ уѣздные предводители данной губерніи; выборы производились по балламъ, и избраннымъ считался тотъ изъ уѣздныхъ предводителей, который получалъ наибольшее количество балловъ по всей губерніи" (Дворянство и его сословное управленіе, 249).

Но подобное пониманіе указа неправильно: 1) если вникнуть въ тотъ порядокъ выбора, который рисуютъ названные выше изслѣдователи, то получается невѣроятная картина: дворяне собираются по уѣзднымъ городамъ и производятъ выборы уѣздныхъ предводителей, затѣмъ списки по каждому уѣзду отправляются къ губернатору на утвержденіе, а дворяне тѣмъ временемъ должны жить и ждать въ уѣздномъ городѣ до тѣхъ поръ, пока къ губернатору не будутъ доставлены списки изъ всѣхъ уѣздовъ, пока онъ не утвердитъ въ должности вновь избранныхъ и, съ своей стороны, не разошлетъ по городамъ общій списокъ уѣздныхъ предводителей для выбора изъ нихъ губернскаго; можетъ пройти 3, 5 дней, недѣля и даже болѣе, при обширности губерніи и худыхъ путяхъ сообщенія, а собравшіеся дворяне должны терпѣливо ждать и ждать; 2) переписка канцеляріи генералъ-прокурора прямо вскрываетъ, что никакого „возстановленія" прежняго порядка выборовъ не было.

зультатомъ котораго позднѣе было учрежденіе кандидатской должности. Пунктомъ 2-мъ указа 14 октября 1799 г. велѣно убылыя мѣста заполнять „по выборнымъ спискамъ, кто куда выбирался и большинство избирательныхъ балловъ имѣлъ". Значитъ, если уѣздный предводитель по какой либо причинѣ выбывалъ, то его мѣсто занималъ ближайшій кандидатъ по количеству полученныхъ голосовъ. Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что правило о заполненіи убылыхъ мѣстъ по количеству избирательныхъ шаровъ относилось не къ уѣзднымъ только предводителямъ дворянства, а ко всѣмъ должностямъ, замѣщаемымъ по выбору.

Перехожу къ вопросу о выборѣ депутатовъ, входившихъ въ составъ дворянскихъ депутатскихъ собраній. Еще въ декабрѣ мѣсяцѣ (4-го) 1796 г. Павелъ, вводившій всюду порядокъ, какъ онъ его понималъ, особымъ указомъ объявлялъ: „Дошло до Нашего свѣдѣнія, что съ великимъ небреженіемъ разборъ чинится въ дворянскихъ собраніяхъ по просьбамъ ищущихъ дворянства, и дворянское къ тому право обращается въ злоупотребленіе. Въ отвращеніе того и сохраняя въ полномъ уваженіи всѣ преимущества, дарованныя отъ предковъ Нашихъ благородному дворянству имперіи Нашей, повелѣваемъ, дабы никакое въ государствѣ Нашемъ правительство собою не вводило въ дворяне и не выдавало своихъ грамотъ на сіе дворянство не носившимъ таковаго преимущества, въ которомъ утвердить или въ оное вновь облещи единственно зависитъ отъ самодержавной власти, Богомъ намъ дарованной" [1].

---

[1]) П. С. З., № 17608. Бар. Корфъ, говоря объ этомъ указѣ, сообщаетъ: „У нѣкоторыхъ дворянскихъ собраній, послѣ указа 4 декаря 1796 г., возникло сомнѣніе въ необходимости существованія депутатскихъ собраній; дворянскія собранія не безъ нѣкотораго основанія полагали, что у нихъ отнято было указомъ 4 декабря право не только выдавать свидѣтельства на дворянское званіе, но и разсматривать доказательства на дворянство" (стр. 246).

Но подобное толкованіе указа неправильно: во-первыхъ, въ самомъ указѣ говорится, что онъ „сохраняетъ въ полномъ уваженіи всѣ преимущества, дарованныя дворянству", и направленъ не противъ правъ, а противъ „злоупотребленія"; во-вторыхъ, сенатъ позднѣе разъяснилъ этотъ указъ въ ограничительномъ смыслѣ (№ 19020). Въ современной копіи указа 4 декабря, когда рѣчь шла о его смыслѣ, то въ немъ были подчеркнуты слѣдующія слова: „повелѣваемъ, дабы никакое", „не вводило въ дворяне", „не выдавало своихъ грамотъ", „въ которомъ утвердить"; затѣмъ, въ-третьихъ, изъ помѣщенныхъ мною документовъ видно, что не

Указъ 4 декабря 1796 г., какъ видно изъ его содержанія, былъ вызванъ свѣдѣніями о многочисленныхъ злоупотребленіяхъ, допускаемыхъ дворянскими собраніями при разборѣ дворянскихъ родовъ. Злоупотребленія открыты были въ малороссійскихъ губерніяхъ и губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши. Такъ, напр., могилевское депутатское собраніе (вопреки указу 11 іюля 1789 года) самостоятельно выдавало грамоты на дворянство лицамъ, состоявшимъ въ подушномъ окладѣ, благодаря чему просители, имѣя въ рукахъ грамоты, „считали себя" „въ правѣ по тѣмъ грамотамъ быть исключенными изъ оклада" [1]. Такимъ путемъ появились тысячи новыхъ дворянскихъ фамилій [2]; необходимы были мѣры къ пресѣченію подобныхъ непорядковъ. Поэтому указомъ 4 декабря дворянскимъ собраніямъ, какъ и вообще всѣмъ „правительствамъ", запрещалось самимъ собою возводить въ дворяне, утверждать въ этомъ званіи и выдавать на то грамоты, такъ какъ эти дѣйствія относятся къ прерогативамъ монарха. Однако, имъ существованіе дворянскихъ собраній не отмѣнялось.

Когда же въ концѣ 1797 г. настало время выборовъ, то въ сокращенномъ обрядѣ, составленномъ княземъ Куракинымъ, о выборѣ депутатовъ для составленія родословной книги упомянуто не было. Былъ ли то нѣкоторый недосмотръ редакціи, или намѣренный пропускъ, точныхъ свѣдѣній нѣтъ, но такъ или иначе въ обрядѣ, разосланномъ къ руководству, выборъ депутатовъ былъ „имянно исключенъ", въ силу чего въ С.-Петербургской губерніи, какъ о томъ сообщалъ генералъ-прокурору А. А. Беклешову губернаторъ Д. Глинка (9 іюля 1799 г.), выбора депутатовъ въ 1798 году произведено не было, и депутатскихъ собраній по той губерніи уже не существовало.

Повидимому, такое же положеніе было и въ другихъ губерніяхъ, гдѣ точно придерживались порядка, Высочайше установленнаго по докладу Куракина. Но костромское дворянское

одинъ только указъ 4 декабря сыгралъ роль въ исторіи депутатскихъ собраній, а главнымъ образомъ сокращенный обрядъ выборовъ, въ которомъ выбора депутатовъ помѣщено не было.

[1]) П. С. З., № 19375.

[2]) Романовичъ-Славатинскій, Дворянство, 108 и др.

собраніе, выбранное до введенія упрощенныхъ порядковъ, обратилось въ герольдмейстерскую контору за разъясненіемъ, слѣдуетъ ли ему продолжать свою дѣятельность, или же депутатскія собранія вообще упраздняются. На это указомъ изъ той конторы (30 іюня 1799 г.) было предписано, что „не только установленное законами дворянское собраніе, избираемое для составленія и продолженія родословной дворянской книги, существовать долженствуетъ, но и всѣ вообще, на основаніи Высочайшей грамоты для сего предмета опредѣленные, не могутъ быть удалены отъ ихъ должностей“.

Этотъ указъ былъ разосланъ „на имя губернскихъ депутатскихъ дворянскихъ собраній“, и естественно, долженъ былъ вызвать смущеніе тамъ, гдѣ дворянскія собранія упразднились сами собой. Такъ с.-петербургскій, напр., предводитель дворянства, получивъ указъ изъ сенатской герольдмейстерской конторы, обратился къ губернатору съ своимъ недоумѣніемъ, а тотъ не преминулъ сообщить о томъ генералъ-прокурору, которому, изложивъ дѣло, писалъ: „Поелику мнѣ извѣстно, что къ г. губернскому дворянства предводителю поступаютъ отъ частныхъ людей просьбы, въ коихъ требуютъ они представляемыхъ ими доказательствъ о дворянскомъ достоинствѣ разсмотрѣнія, а право на сіе дано дворянскому собранію, которое здѣсь изъ обряда дворянства совсѣмъ исключено и не существуетъ, то по поводу сего чту я долгомъ представить о томъ на благоразсмотрѣніе вашего высокопревосходительства и всепокорнѣйше просить разрѣшенія, возобновить ли по губерніи, управленію моему ввѣренной, на точномъ основаніи Высочайше жалованной дворянству грамоты упоминаемое дворянское собраніе, и установлять оное впредь при всякомъ выборѣ дворянства къ должностямъ, или установленіемъ сего, слѣдуя объявленному отъ б. генералъ-прокурора и кав. кн. Куракина Высочайшему указу, удержаться“ [1]).

Казалось, указъ герольдмейстерской конторы совершенно опредѣленно разрѣшалъ вопросъ и категорически указывалъ

---

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 1762, л. 1 и 2. На рапортѣ Глинки помѣта: „Его в.-превосходительство приказалъ дать знать, съ приложеніемъ копіи съ указа“.

на необходимость „установленнаго законами дворянскаго собранія“, тѣмъ не менѣе, губернаторъ и губернскій предводитель дворянства не рѣшились принять указъ къ исполненію и запросили о немъ генералъ-прокурора. Въ канцеляріи послѣдняго произведена была справка въ указахъ, сдѣланы были выписки законовъ: 4 декабря 1796 г., 20 января, 19 марта и 7 августа 1797 г. и 30 іюня 1799 г. [1]) (о составленіи гербовника и о дворянскихъ собраніяхъ), а затѣмъ А. Беклешовъ отвѣчалъ (5 августа 1799 г.) Д. Глинкѣ такимъ письмомъ: „По представленію вашего превосходительства, справясь съ бывшимъ отношеніемъ предмѣстника моего въ декабрѣ 1797 г. и не находя въ ономъ яснаго изображенія Высочайшей воли на отмѣну выбора уѣздныхъ депутатовъ, каковые вездѣ [2]) безпрерывно есть, и избираются къ узаконенному вообще съ губернскимъ предводителемъ разсмотрѣнію просящихъ внесенія въ дворянскую родословную книгу, препровождаю при семъ печатный экземпляръ бывшаго на сей предметъ циркулярнаго отъ правительствующаго сената въ мартѣ того-жъ 797 г. и копію частнаго на представленіе въ Курскую губернію въ сентябрѣ онаго-жъ 797 г. предписанія [3]), которые совокупно съ нынѣшнимъ отъ герольдмейстерской конторы истолкованіемъ достаточно, кажется, разрѣшаютъ сомнѣнія ваши“ [4]).

Такимъ образомъ, послѣ нѣкотораго колебанія, внесеннаго новымъ сокращеннымъ порядкомъ выборовъ, дворянскія собранія снова были возобновлены на прежнемъ основаніи [5]). Повидимому, и позднѣе къ генералъ-прокурору обращались съ разными недоумѣнными вопросами по поводу выбора дворянскихъ депутатовъ, такъ какъ 23 августа 1800 г. послѣдовалъ разъяснительный именной указъ, въ которомъ го-

---

[1]) П. С. З., № 17608, 17749, 17881, 18081 и 19020.

[2]) Это указаніе было фактически невѣрнымъ, хотя бы по отношенію къ С.-Петербургской губерніи, гдѣ дворянскаго депутатскаго собранія не существовало.

[3]) Копіи этого „предписанія“ въ дѣлѣ нѣтъ.

[4]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 1762, л. 13.

[5]) Нельзя не отмѣтить того, что достаточно было въ „обрядѣ“ выборовъ не упомянуть депутатовъ, какъ сложился взглядъ, что цѣлое учрежденіе, установленное прямымъ указаніемъ жалованной грамоты, упраздняется.

ворилось: „Е. И. В-во Высочайше повелѣть соизволилъ выборъ по губерніямъ отъ каждаго уѣзда по одному депутату, въ помощь губернскимъ предводителямъ дворянства для разбора доказательствъ дворянскаго достоинства, оставить на прежнемъ основаніи“ [1]).

Но хотя выборъ депутатовъ былъ оставленъ на прежнемъ основаніи, депутатскому собранію указами (именнымъ и сенатскимъ) 9 апрѣля 1800 года и 6 марта 1801 года [2]) было подтверждено и разъяснено, что имъ не предоставлено право возстановлять въ дворянствѣ и выдавать грамоты на дворянское званіе, какъ то неправильно дѣлалось, напр., могилевскимъ дворянскимъ собраніемъ; объ этомъ слѣдуетъ представлять въ герольдію, а изъ герольдіи Государю. Въ указѣ 6 марта 1801 г. по этому поводу говорилось: „Какъ въ дворянское достоинство, какъ регалію государскую, никто, кромѣ Насъ, облекать не можетъ, то грамотъ на сіе достоинство тѣмъ, кои достигли до онаго по выслугамъ, повелѣваемъ впредь безъ особаго Нашего повелѣнія не представлять“. Павелъ I, ревниво относясь къ прерогативамъ монарха, не могъ допустить, чтобы возведеніе въ дворянство шло помимо него и сопровождалось бы лишь формальной подписью жалованной грамоты. При такомъ взглядѣ не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы депутатскому собранію дано было право выдавать грамоты на дворянство.

Въ этомъ вопросѣ какъ законодательство Павла, такъ и Александра I по существу совершенно одинаково смотрятъ на дѣло. Въ первый же годъ царствованія Александра I, когда многія мѣры Павла I отмѣнялись, тѣмъ не менѣе указы Павла о депутатскихъ собраніяхъ въ основѣ оставлены были въ прежней силѣ. Въ указѣ 5 мая 1801 г., подтверждавшемъ 1) право дворянъ составлять дворянскую родословную книгу и 2) „право разсматриванія и утвержденія представляемыхъ дворянствомъ о семъ достоинствѣ доказательствъ“, относительно второго говорилось: „право, по сей части дворянскимъ

[1]) П. С. З., № 19527.
[2]) Тамъ же, № 19375 и 19769.

собраніямъ дарованное, состоитъ единственно въ томъ, чтобы признать только сочленомъ дворянскаго общества того, который докажетъ, что онъ уже дворянинъ, но не вновь возводить или возстановлять въ сіе достоинство"; о возведеніи слѣдуетъ самимъ ищущимъ ходатайствовать черезъ герольдію передъ Государемъ [1]). Грамотъ на дворянство тоже, конечно, ни въ какомъ случаѣ не носившимъ дворянскаго званія отъ депутатскихъ собраній не выдавать. Отсюда видно, что запреты Павла, пресѣкая злоупотребленія, оберегали одну изъ прерогативъ верховной власти, которой дорожили и его предшественница Екатерина II и преемникъ Александръ I [2]).

Должность секретаря дворянскаго собранія осталась въ прежнемъ видѣ. Послѣ изданія указа 14 мая 1800 г., которымъ наполненіе судебныхъ мѣстъ присутствующими, вмѣсто выбора со стороны дворянъ, предоставлено было герольдіи, у мѣстной администраціи возникло недоумѣніе по поводу секретаря дворянства. Тамбовскій губернаторъ Бахметевъ запрашивалъ генералъ-прокурора, „какимъ образомъ и гдѣ выборъ производить секретаря въ дворянское собраніе", ибо въ указѣ 14 мая 1800 г. о немъ не упомянуто. Этотъ запросъ былъ разрѣшенъ сенатскимъ указомъ 7 ноября того же года, гдѣ говорилось: именнымъ указомъ 23 августа повелѣно выборъ депутатовъ оставить на прежнемъ основаніи, „слѣдовательно, и выборъ секретаря въ дворянское собраніе происходить долженъ на томъ же самомъ основаніи по правиламъ, для сего изданнымъ" [3]).

Изъ разсмотрѣнія порядка замѣщенія должностныхъ лицъ, которыя были представителями дворянскаго сословія и обслуживали прежде всего сословные интересы, видно, что если и измѣнился способъ избранія ихъ, то въ существѣ дѣла выборное начало по отношенію къ этимъ должностямъ и въ Павловское царствованіе продолжало существовать во всей своей неприкосновенности. Зато въ порядкѣ опредѣленія лицъ

---

[1]) П. С. З., № 19856.

[2]) См. статью В. К. Лукомскаго, Кругъ вѣдомства департамента герольдіи—въ „Исторіи прав. сената", т. IV, 359.

[3]) П. С. З., № 19638.

второй категоріи, именно тѣхъ, которыя заполняли собой судебно-административныя учрежденія, произошла существенная перемѣна. Здѣсь порядокъ избранія былъ замѣненъ назначеніемъ отъ короны.

Прежде всего замѣна эта коснулась губерній, образованныхъ изъ земель, которыя присоединены были отъ Польши. Такъ въ Литовской губерніи земскихъ комисаровъ или исправниковъ, которые, предсѣдательствуя въ нижнихъ земскихъ судахъ, завѣдывали всей полиціей въ уѣздѣ, указомъ 6 февраля 1797 г.[1]) велѣно было „опредѣлить отъ правительства, возложа избраніе и удостоеніе людей къ тому способныхъ на управляющаго Литовской губерніей“[2]), тогда какъ въ другихъ губерніяхъ, на основаніи учрежденія 1775 года, земскіе комисары или исправники такъ же, какъ и засѣдатели нижняго земскаго суда, выбирались мѣстнымъ дворянствомъ. Благодаря такому нововведенію губернаторъ усиливался и все управленіе въ уѣздахъ черезъ назначенныхъ исправниковъ забиралъ въ свои руки.

Но такой порядокъ назначенія былъ единичнымъ, представлялъ исключеніе изъ общаго правила и допущенъ былъ лишь въ виду того, что Литовская губернія въ 1797 году только что образовывалась и устраивалась. Нѣтъ сомнѣнія, что назначеніе исправниковъ было весьма удобнымъ и желательнымъ для литовскаго губернатора, но указъ 6 февраля не казался ему достаточнымъ, такъ какъ имъ не опредѣлялось дальнѣйшаго порядка опредѣленія и увольненія исправниковъ. Повидимому, по иниціативѣ Булгакова и при содѣйствіи ген.-губернатора кн. Н. В. Репнина, Куракинъ въ началѣ 1798 г., когда наступило время дворянскихъ выборовъ въ Литовской губ., вошелъ къ Государю съ докладомъ по поводу порядка опредѣленія въ должность земскихъ комисаровъ или исправниковъ.

---

[1]) П. С. З., № 17788.

[2]) Губернаторомъ литовскимъ былъ назначенъ 6 января тайн. сов. Яковъ Булгаковъ (Сен. Арх., I, 64). По его послѣдующимъ представленіямъ можно предположить, что именно онъ былъ иниціаторомъ того, чтобы губернатору было предоставлено право назначать исправниковъ.

„Какъ въ Литовской губерніи, говорилось въ докладѣ, земскіе комисары или исправники опредѣлены отъ короны, а можетъ случиться сколь по слабости здоровья, столь и другимъ физическимъ причинамъ, что исправникъ не въ состояніи будетъ исполнять своей должности, или найдется, безъ пороковъ, заслуживающихъ судъ и наказаніе, неспособнымъ къ оной по своимъ свойствамъ, для земской же полиціи необходимо и весьма нужно, чтобы при сей должности находился всегда и неотлучно человѣкъ активный, знающій и надежный, то въ уваженіе сихъ резоновъ, не повелѣно ли будетъ, чтобы подобно какъ избираемыхъ земскихъ исправниковъ губернаторъ утверждаетъ и, въ случаѣ убыли, наполняетъ, такъ и опредѣленныхъ губернаторъ же въ Литовской губерніи самъ опредѣляетъ и, въ случаѣ неспособности, перемѣнять могъ, донеся по исполненіи о таковой перемѣнѣ правительствующему сенату и наблюдая при томъ непремѣнно Высочайшее повелѣніе, чтобы исключенныхъ изъ службы отнюдь и ни подъ какимъ видомъ никуда не опредѣлять“ [1]).

Докладъ ген.-прокурора кн. Куракина базировался на той мысли, что порядокъ назначенія и увольненія по усмотрѣнію губернатора полицейскихъ чиновниковъ, какими были земскіе исправники, удобнѣе и раціональнѣе, чѣмъ избраніе ихъ дворянствомъ, къ тому же рекомендуемая мѣра вполнѣ отвѣчала мыслямъ самого Императора. На предложеніе Куракина послѣдовало (10 февраля) „Высочайшее соизволеніе“, результатомъ чего былъ слѣдующій указъ.

„Для сохраненія непрерывнаго порядка, спокойствія и тишины, на обязанности земской полиціи лежащихъ, повелѣваемъ, дабы назначенные по штату Литовской губерніи опредѣляющіеся отъ короны земскіе комисары или исправники отнынѣ впредь въ сіи должности избирались, помѣщались и въ случаѣ нужды исключаемы были непосредственно гражданскими губернаторами, яко хозяевами губерніи, за благоустройство ея отвѣчающими, давая знать о всякой таковой въ сихъ чинахъ перемѣнѣ сенату и наблюдая, чтобъ исключенные однажды

---

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 1402, л. 1.

изъ службы отнюдь въ сіи должности не были помѣщаемы“ [1]). Литовскій губернаторъ Я. Булгаковъ былъ очень доволенъ указомъ 11 февраля и въ письмѣ къ кн. Репнину выражалъ свою „всепокорнѣйшую благодарность“ „за исходатайствованіе онаго“; „сей указъ, писалъ Булгаковъ, принесетъ великую пользу, и я примусь за переборъ сихъ господъ“ [2]).

Хотя указъ 11 февраля 1798 г. данъ былъ для одной Литовской губерніи, но имъ вскорѣ же воспользовались и въ Волынской губерніи. Исполняющій должность волынскаго губернатора П. Гревсъ писалъ (отъ 19 іюня того же года) кн. Куракину, что онъ, руководствуясь указомъ 11 февраля, „по множеству неисправностей, чрезмѣрныхъ запущеній и нерачительнаго прохожденія службы нѣкоторыхъ повѣтовъ земскихъ комисаровъ, находившихся въ сихъ должностяхъ по выбору, былъ принужденъ исключить и замѣстить изъ россій-

---

[1]) Указъ отъ 11 февраля 1798 г.—П. С. З., № 18368.

[2]) „Но ничего не сдѣлаю, добавлялъ онъ, не представя напередъ вашему сіятельству“ (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 1402, *л.* 3).

Однако, для губернатора оставалось еще „другое неудобство“. „При исправникахъ, продолжалъ онъ въ томъ же письмѣ, находятся секретари, опредѣляемые сенатомъ. Первыхъ, кои ихъ начальники, могу я перемѣнить и выключать, а симъ и слова сказать безъ суда, и тѣмъ паче, что прокуроръ почитаетъ ихъ за своихъ подчиненныхъ, потому только, что имъ предписано стараться о исправной присылкѣ изъ судовъ репортовъ о колодникахъ и пр. Сверхъ сего по несчастью сіи секретари по большей части никуда не годятся, дураки, пьяницы, воры или бездѣльники; изъ коихъ нѣкоторые уже подъ судомъ, но отрѣшить ихъ не могу, а теперь они еще хуже будутъ и уже исправниковъ слушаться не станутъ, завися прямо отъ сената и покровительствуемы будучи прокуроромъ, который, не имѣя иныхъ способовъ распространять свою власть, чрезъ нихъ старается вездѣ все узнать, и они присылаютъ къ нему доносы.

Ежели ваше сіятельство предуспѣли-бъ выпросить, чтобъ таковыхъ извергов могъ я отрѣшать, великую бы милость показали Литвѣ, и безъ которой не предуспѣю я никакъ завести здѣсь желаемаго порядка“.

Любопытно отмѣтить домогательство губернатора расширить свою власть на счетъ мѣстнаго прокурора и сената. Письмо его кн. Репнинымъ было отослано къ А. Б. Куракину, который на письмѣ сдѣлалъ помѣтку: „Всѣ сіи обстоятельства взять въ примѣчаніе и въ особое уваженіе ко исполненію“. Но на составленной по письму Булгакова запискѣ о секретаряхъ помѣчено: „оставить“. Видимо, ослаблять вліяніе губернскаго прокурора въ угоду губернатора кн. Куракинъ не хотѣлъ. Кромѣ того, генералъ-прокурору было хорошо извѣстно, что Булгаковъ имѣлъ возможность настоять передъ сенатомъ на увольненіи отъ должности неугодныхъ ему секретарей, виновныхъ въ какомъ-либо преступленіи, какъ это онъ и сдѣлалъ, представивъ къ увольненію брацлавскаго секретаря Тышкевича и ковенскаго Головачевскаго; сенатъ съ представленіемъ согласился (*Тамъ же*, л. 4—11).

скихъ чиновниковъ". Но этимъ Гревсъ ограничиться не могъ: принужденный оставить на службѣ нѣкоторыхъ комисаровъ изъ поляковъ-націоналистовъ („національныхъ поляковъ") и ввѣрять имъ секретныя предписанія, онъ увидѣлъ, что секреты разглашаются, кѣмъ именно изъ земскихъ комисаровъ, этого онъ доискаться не могъ. Въ виду такого положенія онъ ходатайствовалъ передъ генералъ-прокуроромъ „не лишить" его „повелѣнія—національныхъ поляковъ отъ должностей земскихъ комисаровъ вовсе удалить и замѣстить ихъ россійскими чиновниками, такъ какъ сего требуетъ польза службы, свойство и необходимость пограничной новопріобрѣтенного края губерніи, дабы въ полицейскихъ чиновникахъ не имѣть никакого сомнѣнія, а удостовѣриться на оныхъ въ полной мѣрѣ" [1]). Кн. Куракинъ формально отнесся къ представленію Гревса и предложилъ ему (въ письмѣ отъ 15 іюля) по предмету своихъ „предположеній" обратиться къ главноуправляющему гражданской частью Волынской губ., гр. Гудовичу [2]).

Дѣйствія волынскаго вице-губернатора Гревса, воспользовавшагося указомъ о земскихъ исправникахъ, совсѣмъ не были единичными. Изъ болѣе поздняго доклада [3]) (отъ октября 1799 г.) генералъ-прокурора узнаемъ, что, „примѣняясь къ

---

[1]) Приведу точно любопытную мотивировку этого ходатайства. „Обращая всегда примѣчаніе мое, писалъ Гревсъ, и на поведеніе національныхъ поляковъ кои состоятъ еще въ званіи земскихъ комисаровъ, поелику по необходимости долженствовалъ имъ нерѣдко ввѣрять секретныя предписанія, дознаъ я, что и по сему одному крайне нужно и необходимо, чтобы мѣста земскихъ комисаровъ пополнять здѣсь россійскими чиновниками отъ короны.

Я долженъ признаться вашему сіятельству, что крайнее имѣю неспокойствіе, чтобъ по поводу ввѣренныхъ имъ секретовъ не происходило совсѣмъ противного ожиданіямъ правительства, ибо отъ нарочнаго, въ пограничные повѣты отправленного мною, ревизора для обозрѣнія присутственныхъ мѣстъ имѣлъ я извѣщеніе партикулярно, что во многихъ мѣстахъ нашелъ онъ разглашенныя секретныя предписанія, и хотя не могъ дойти до источника, однако, по замѣчаніямъ своимъ, заключаетъ, что должны быть тому виною національные поляки, въ должностяхъ земскихъ комисаровъ состоящіе.

Хотя я многократно и со всею строгостью чиню подтвержденія мои, чтобы ввѣренное имъ по секретной части сохраняемо было въ глубочайшей тайнѣ, однако, сіе всегда останется недѣйствительнымъ, ежели особа, которой то ввѣрено будетъ, не имѣетъ должного уваженія къ порученности и болѣе своимъ единоземцамъ питаетъ внутренней безразсудной приверженности".

[2]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 1402, л. 13—15.

[3]) *Тамъ же*, 1801 г., № 245 (старая нумерація), л. 18.

постановленію Литовской губерніи, гдѣ опредѣленіе исправниковъ поручено (было) губернскому начальству", и въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Волынской и Минской, „по обстоятельствамъ края того, для благонадежности въ сохраненіи порядка, губернское начальство нашло нужнымъ опредѣлить исправниковъ [1]) по своему разсмотрѣнію и выбору изъ чиновниковъ способныхъ и надежныхъ". Когда же приближалось время новыхъ выборовъ, то губернаторы выражали опасеніе, какъ бы эти чиновники путемъ новыхъ выборовъ не были устранены отъ должностей. Въ виду такихъ обстоятельствъ, генералъ-прокуроръ обратился къ Государю съ докладомъ о распространеніи и на другія губерніи, присоединенныя отъ Польши, постановленія о нижнихъ земскихъ судахъ въ Литовской губерніи.

Результатомъ былъ именной указъ 14 октября 1799 г., въ пунктѣ 4-мъ котораго читаемъ: „Постановленіе о нижнихъ земскихъ судахъ по Литовской губ., гдѣ исправниковъ опредѣлить начальнику губерніи, а засѣдателей выбрать дворянству указомъ 6 февраля 1797 г. предоставлено, распространяемъ и на Минскую, Волынскую, Подольскую, Кіевскую и Бѣлорусскую губернію" [2]). Отсюда надо полагать, что не только первоначальное опредѣленіе, но и увольненіе и новое назначеніе исправниковъ, какъ это разъяснено о Литовской губерніи указомъ 11 февраля 1798 г., должно находиться всецѣло въ рукахъ губернатора. Такимъ путемъ создалось то, что въ нѣсколькихъ губерніяхъ самое видное лицо уѣздной администраціи стало замѣщаться не по выбору отъ дворянства, а по прямому назначенію отъ губернатора.

Можно еще указать, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ уѣздныя должности заполнялись чиновниками по недостатку дворянъ. Такъ было въ Архангельской губерніи [3]), то же про-

---

[1]) Повидимому, только на убылыя мѣста, а можетъ быть, на всѣ мѣста безъ различія; въ краткомъ докладѣ по этому вопросу точныхъ свѣдѣній нѣтъ.

[2]) П. С. З., № 19154.

[3]) Въ рапортѣ (отъ 19 декабря 1798 г.—П. В. Лопухину) архангельскаго губернатора Н. Муравьева по этому поводу читаемъ: „Выборовъ въ суды уѣздные и нижніе земскіе, за неимѣніемъ въ Архангельской губ. дворянъ и ихъ имѣній,

изошло и въ Астраханской. Въ 1798 г. астраханскій губернаторъ Захаровъ обратился въ сенатъ съ представленіемъ дать разрѣшеніе „избирать по Астраханской губ. къ должностямъ, отъ выбора зависящимъ, достойныхъ чиновниковъ изъ числа не внесенныхъ въ родословную книгу“. На докладъ сената объ удовлетвореніи ходатайства Захарова сначала Высочайшаго соизволенія не послѣдовало (31 мая 1798 г.).

Но затѣмъ Захаровъ снова обратился (10 августа того же года) уже къ генералъ-прокурору съ такимъ сообщеніемъ: въ Астраханскую губернію для заполненія мѣстъ, отъ выбора дворянъ зависящихъ, въ нижніе земскіе суды и уѣздные, требуется 51 человѣкъ, изъ нихъ 16 мѣстъ дворянами уже заняты, затѣмъ слѣдуетъ избрать 35 чел., дворянъ же по списку, не занятыхъ должностями, кромѣ безчиновныхъ, значится 22 (въ Астраханскомъ у. — 13, Енотаевскомъ — 1, Моздокскомъ—6, Черноярскомъ—2), „достойныхъ же къ заступленію“ „сихъ мѣстъ“ только 8 человѣкъ; въ виду этого Захаровъ запрашивалъ, откуда ему брать чиновниковъ къ замѣщенію должностей въ присутственныхъ мѣстахъ, и „не можетъ-ли онъ употребить въ сей необходимости изъ находящихся тамъ безъ мѣстъ и жалованія достойныхъ чиновныхъ людей“. Значитъ, представлено было прежнее ходатайство, только въ нѣсколько измѣненной формѣ и съ болѣе точной аргументаціей. На этотъ разъ ходатайство, по докладу генералъ-прокурора, было удовлетворено; 4 сентября (1798 г.) послѣдовало Высочайшее повелѣніе: въ Астраханской губ., въ виду недостатка дворянъ къ занятію должностей, „опредѣлять“ на остающіяся вакансіи изъ живущихъ тамъ не у дѣлъ достойныхъ чиновниковъ [1]).

Вскорѣ принципъ назначенія распространился на всѣ губерніи, захвативъ собой всѣ судебно-административныя должности въ уѣздѣ. Указомъ 14 мая 1800 года велѣно было „впредь опредѣлять въ уѣздные и земскіе суды по губерніямъ

никогда не бываетъ, а пополняются присутственныя мѣста чиновниками по Высоч. Государя Императора указамъ и отъ прав. сената“ (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 269, л. 140).

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 1448, л. 8—10.

непремѣнныхъ присутствующихъ отъ сената положенное по штатамъ число изъ находящихся при герольдіи не у дѣлъ чиновниковъ", при чемъ губернаторамъ дозволялось „принимать отъ дворянъ, желающихъ въ сіи мѣста, просьбы и представлять сенату" [1]). Это было мѣрой большой важности: указомъ 14 мая 1800 г. отмѣнялись выборы дворянами чиновъ уѣздной администраціи, которая должна была заполняться чиновниками по назначенію отъ сената. Въ данномъ случаѣ сказалось полное торжество бюрократическаго принципа надъ принципомъ выбора изъ среды общества.

Итакъ, благодаря всѣмъ тѣмъ законодательнымъ мѣрамъ, которыя разобраны выше, дворянскіе выборы были значительно ограничены въ своемъ объемѣ: самое главное было то, что дворянство, въ виду упраздненія верхнихъ земскихъ и совѣстныхъ судовъ, въ виду отмѣны выбора чиновъ въ уѣздные и нижніе земскіе суды, было вытѣснено изъ судебно-административныхъ учрежденій, перешедшихъ послѣ того всецѣло въ руки назначенныхъ отъ короны чиновниковъ, дворянству оставлено было лишь право выбора должностныхъ лицъ, обслуживавшихъ прежде всего чисто дворянскіе интересы, именно, право выбора предводителей дворянства, депутатовъ и секретаря. Послѣ всѣхъ Павловскихъ мѣропріятій губерніи, напр., съ 10 уѣздами приходилось выбирать не 94 лица, какъ то было въ Екатерининское время вслѣдъ за обнародованіемъ учрежденія о губерніяхъ и жалованной грамоты, а всего 22 человѣка (одного губернскаго, 10 уѣздныхъ предводителей, 10 депутатовъ и 1 секретаря).

Кромѣ значительнаго уменьшенія числа выборныхъ отъ дворянства слѣдуетъ вспомнить и то, что оставшіеся немногочисленные представители дворянскаго сословія, въ лицѣ своихъ предводителей, поставлены были, какъ это видно изъ предыдущаго изложенія, въ большую зависимость отъ начальника губерніи, а еще выше—отъ генералъ-прокурора, игравшаго въ то время, какъ извѣстно, роль и министра внутреннихъ дѣлъ. Губернскій и уѣздный предводители дворянства должны

[1]) П. С. З., № 19418.

были, подъ непосредственнымъ руководствомъ губернатора, принимать дѣятельное участіе въ рекрутскихъ наборахъ [1]). Они могутъ отлучаться отъ должности по своимъ надобностямъ лишь „съ вѣдома губернаторовъ" [2]), что ставило предводителей въ нѣкоторую новую зависимость отъ губернаторовъ и означало собой явное подчиненіе ихъ правителю губерніи, какъ бы ихъ прямому начальнику.

Помимо ближайшаго представителя администраціи, какимъ былъ мѣстный губернаторъ, лица, выбранныя въ должности по дворянскому самоуправленію, должны были испытывать на себѣ воздѣйствіе главнаго руководителя всей областной администраціи—генералъ-прокурора. Объ отношеніяхъ предводителей дворянства къ генералъ-прокурору яркое представленіе даетъ приведенный выше рапортъ кн. Лобанова-Ростовскаго кн. А. Б. Куракину [3]).

Здѣсь умѣстно разсмотрѣть вопросъ о вліяніи администраціи на результаты выборовъ; было ли наблюденіе генералъ-прокурора и губернаторовъ чисто формальнымъ, или оно сопровождалось извѣстнымъ давленіемъ на избирателей. По этому вопросу въ перепискѣ свѣдѣній мало, но коекакія указанія есть, которыми я и воспользуюсь. Прежде всего иногда самъ Государь считалъ возможнымъ предупреждать дворянъ относительно того или другого лица. Извѣстенъ случай, когда бар. Аракчеевъ передалъ Высочайшее повелѣніе губернатору И. Гревенсу: если кол. асс. Кашперовъ „будетъ выбранъ въ нынѣшній дворянскій наборъ къ какой-нибудь должности, то Государемъ Императоромъ онъ не будетъ утвержденъ"; извѣщая объ этомъ, Аракчеевъ просилъ сдѣлать соотвѣтствующее „распоряженіе" [4]).

Какихъ взглядовъ на дворянскіе выборы держались нѣкоторые начальники губерній, показываетъ представленіе малороссійскаго генералъ-губернатора гр. И. П. Салтыкова, напра-

---

[1]) П. С. З., № 18126, 18686.

[2]) Тамъ же, № 18062 (указъ 28 іюля 1797 г.).

[3]) См. выше стр. 268.

[4]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 269, л. 77. Въ этомъ повелѣніи, помимо его смысла, характерно опредѣленіе дворянскихъ выборовъ выраженіемъ „дворянскій наборъ".

вленное кн. А. Б. Куракину (отъ 28-го апрѣля 1797 г.). Въ немъ Салтыковъ, сообщая генералъ-прокурору о состоявшихся выборахъ и представляя списокъ выбранныхъ кандидатовъ „для предварительнаго свѣдѣнія“, вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомлялъ, что „въ нѣкоторыхъ повѣтахъ на новыя мѣста правиломъ выборовъ не всегда было безпристрастіе и просвѣщенное познаніе своихъ собственныхъ и общихъ выгодъ, заставляющія отдавать справедливость достоинствамъ“. „Вашему сіятельству, писалъ дальше Салтыковъ, безъ сомнѣнія извѣстно, что большинство одно голосовъ при выборахъ часто рѣшитъ опредѣленіе къ таковымъ мѣстамъ, и люди съ способностями, не имѣющіе онаго, остаются безъ принесенія пользы обществу, которой бы отъ нихъ ожидать можно было. Предпочтенія сего не уважить, не нарушая тѣмъ свободы избранія, конечно, нельзя, но сдѣлать нѣкоторыя отмѣны и утвердить на мѣстахъ нѣсколько человѣкъ, совершенно, впрочемъ, достойныхъ, но которые имѣли менѣе другихъ голосовъ, кажется, возможно, и самое предназначеніе кандидатовъ то дозволяетъ“.

На этомъ основаніи Салтыковъ, представивъ относительно нѣкоторыхъ кандидатовъ свой особый „краткій списокъ“, „покорнѣйше просилъ“ „при имѣющемся послѣдовать окончательномъ утвержденіи удостоить ихъ онаго, какъ кандидатовъ, заслуживающихъ по ихъ поведенію и качествамъ, мнѣ частно извѣстнымъ, занять тѣ мѣста, и которые предъ совмѣстниками своими имѣютъ однако по различнымъ обстоятельствамъ менѣе голосовъ“ [1]). Въ этой рекомендаціи давленія на избирателей и вмѣшательства въ выборы нѣтъ, въ данномъ случаѣ администрація осуществляетъ свое право изъ нѣсколькихъ кандидатовъ утверждать въ должности того, кто ей болѣе угоденъ, но и подобное вмѣшательство можетъ обезцѣнить выборы, такъ какъ утвержденъ можетъ быть не тотъ, кого избиратели болѣе всего хотятъ провести въ должность.

---

[1]) Повидимому, это представленіе въ виду запоздалости положительнаго успѣха не имѣло, на немъ сдѣлана слѣдующая помѣтка: „Имѣть за извѣстіе, поелику о выборахъ отъ сената уже докладывано“ (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 735, л. 35, 36).

Укажу еще на одинъ подобный же случай. Кіевскій губернаторъ Милашевичъ по поводу выбора кандидатовъ въ предсѣдатели главнаго суда писалъ (22-го января 1798 г.) кн. Куракину: „Зная качества г. кол. сов. Мошковскаго и общественную къ нему по дѣламъ, разбирающимся полюбовно, довѣренность, осмѣливаюсь донесть, что онъ изъ всѣхъ, дворянствомъ выбранныхъ, есть способнѣйшій, каковъ по новости установленія судовъ и соображенія правъ и законовъ нуженъ, особливо по части гражданскаго департамента" [1]).

Но помимо этихъ примѣровъ можно привести одинъ характерный фактъ, изъ котораго видно, что губернаторъ принималъ дѣятельное участіе въ самыхъ выборахъ. Такъ минскій губернаторъ Карнѣевъ 22-го апрѣля 1797 г. писалъ генералъ-прокурору по поводу выборовъ слѣдующее: „Я всемѣрно старался о безпристрастномъ произведеніи сего дѣла и дворянамъ какъ частно, такъ и вообще внушалъ собственную ихъ пользу отъ избранія достойныхъ и способныхъ; сколько по новости можно видать мнѣ людей, кажется, во всѣ уѣздныя мѣста и засѣдатели въ главный судъ выбраны изъ лучшихъ дворянъ. Наконецъ, однако, при избраніи кандидатовъ въ предсѣдатели въ главный судъ не могъ я купно съ лучшими и благомышленными изъ дворянъ достигнуть цѣли. Правда, что я ни подъ какимъ видомъ не мѣшался въ выборъ сей, но при всемъ томъ надѣялся, что соотвѣтственно доброму мнѣнію и знатныхъ дворянъ и нашего начальства о г. Путкамерѣ, бывшемъ верхняго земскаго суда втораго департамента предсѣдателѣ, весьма извѣстномъ по приверженности его и многимъ услугамъ, показаннымъ Россійской державѣ, съ начала пріобрѣтенія сего края, отмѣнно рекомендованномъ отъ генерала Философова Е. И. В—ву и пожалованномъ въ 17-й день марта въ ст. сов. [2]), надѣялся, говорю, что сей человѣкъ, какъ честныхъ и твердыхъ правилъ, довольно свѣдующъ и надеженъ, можетъ удостоенъ быть въ кандидаты. Однако-жъ, дворянство меньше всѣхъ положило ему избирательныхъ ша-

---

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 269, л. 208 (выборы на этотъ разъ были отмѣнены по поводу столкновенія на нихъ поляковъ съ русскими).

[2]) Сен. Архивъ, т. I, стр. 136.

ровъ [1]), и онъ остался за числомъ требуемыхъ 8 кандидатовъ". „Я не осмѣлился, писалъ дальше губернаторъ, внести его въ списокъ кандидатовъ, представленный прав. сенату, но поистинѣ скажу голосомъ лучшихъ и благомысленныхъ дворянъ, что изъ всѣхъ кандидатовъ во 2-й департаментъ главнаго суда ни одному не уступитъ онъ въ знаніи, а въ благонамѣренности превзойдетъ многихъ. А посему и прошу покорнѣйше ваше сіятельство принять его въ особливое ваше покровительство, и ежели возможно, испросить ему у всемилостивѣйшаго Государя предсѣдательство во 2-мъ департаментѣ" [2]).

Хотя въ рапортѣ Карнѣева и говорится о томъ, что онъ „ни подъ какимъ видомъ не вмѣшивался въ выборъ сей", тѣмъ не менѣе совершенно ясно, что онъ не оставался безучастнымъ къ выборамъ: онъ „какъ частно, такъ и вообще внушалъ (дворянамъ) собственную ихъ пользу отъ избранія способныхъ и достойныхъ", онъ „купно съ лучшими и благомысленными изъ дворянъ" пытался провести въ кандидаты на должность предсѣдателя главнаго суда угоднаго ему человѣка и даже послѣ провала ходатайствуетъ о немъ передъ генералъ-прокуроромъ. Въ этомъ полнаго „безпристрастнаго" веденія выборовъ нѣтъ; тѣмъ не менѣе изъ генералъ-прокурорской переписки совершенно не видно, чтобы администраціей принимались какія либо особыя мѣры къ тому, чтобы на выборахъ провести угодныхъ ей лицъ.

Можетъ быть, это обстоятельство объясняется тѣмъ, что дворянскіе представители, хотя и заполняли многія мѣста, однако, были даже въ царствованіе Екатерины II въ большой зависимости отъ коронныхъ чиновниковъ, въ виду чего не было нужды производить давленіе на избирателей. По словамъ проф. Градовскаго, роль первенствующаго сословія въ мѣстномъ управленіи была довольно скромна: много было выборныхъ, но мало правящихъ. Характерно въ этомъ отношеніи и то, что избранные дворянствомъ нерѣдко именовались „чи-

---

[1]) Путкамеръ получилъ 118 избирательныхъ шаровъ и 225 неизбирательныхъ.

[2]) „Въ первый же не назначая именно ни кого, предаю благоволенію вашему, ибо всѣ кандидаты—достойные". Результатъ представленія по перепискѣ неизвѣстенъ (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 120, л. 2—6).

новниками". Такъ, напримѣръ, московскій губернаторъ И. Козловъ, сообщая о дворянскихъ выборахъ въ своей губерніи, писалъ генералъ-прокурору: „избраннымъ чиновникамъ" 23 декабря (1797 г.) будетъ присяга [1]).

Право представленій фактически стало ограничиваться въ первые же мѣсяцы царствованія Павла I. Уже въ ноябрѣ 1796 г. „Высочайшимъ указомъ", разосланнымъ ген.-прокуроромъ Самойловымъ, было велѣно: „Ежели надобность будетъ отъ губерніи отправлять къ Его В-ву депутатовъ, то чтобы о семъ начальники губерніи предварительно доносили Его В-ву, доставляя таковыя донесенія чрезъ него, генералъ-прокурора" [2]). Этимъ распоряженіемъ стѣснялось право дворянъ (ст. 38 жалованной грамоты)—посылать своихъ депутатовъ къ Высочайшему двору для ходатайства предъ Государемъ о своихъ нуждахъ и для выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ [3]).

Обозрѣвая законодательство, касавшееся дворянскаго самоуправленія въ царствованіе Павла I, можно видѣть, что оно создавалось и направлялось не однимъ Государемъ, но и его премьеръ-министромъ, генералъ-прокуроромъ, при содѣйствіи губернаторовъ и частью губернскихъ прокуроровъ, которые своими запросами, хадатайствами и предложеніями давали поводъ и матеріалъ дла законодательства; участвовалъ въ томъ и сенатъ, который своими разъясненіями и дополненіями сглаживалъ нѣкоторую неясность и недоговоренность краткихъ именныхъ указовъ. Всѣ главнѣйшія мѣропріятія, какъ на то указывалось выше, были проникнуты одной главной цѣлью—вытѣснить выборныхъ чиновъ изъ судебно-административныхъ учрежденій и замѣнить ихъ назначаемыми отъ короны чиновниками, оставивъ выборными лишь однихъ представителей дворянскаго сословія, обслуживающихъ прежде всего, а если взять депутатовъ и секретаря, то исключительно сословныя дворянскія нужды; да и относительно предводителей дворянства замѣтна цѣль еще большаго подчиненія ихъ руководительству высшей

---

[1]) *Тамъ же*, № 269, л. 26. Въ другихъ мѣстахъ избранные дворяне назывались „чинами" (л. 95, 119).

[2]) Взято изъ рапорта 23 ноября 1797 г. С. Бурнашева (курскаго губернатора) къ кн. Куракину (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 269, л. 94).

[3]) Подробнѣе объ этомъ см. ниже.

мѣстной и центральной администраціи въ лицѣ начальника губерніи и генералъ-прокурора.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что дворянство встрѣтило общимъ недовольствомъ всѣ тѣ ограниченія, которыя посыпались на него со времени вступленія на престолъ Павла I. Оно уже привыкло цѣнить свое привилегированное положеніе и было твердо увѣрено въ томъ, что безъ поддержки ихъ правъ и преимуществъ самодержавный порядокъ, а съ нимъ и государство, существовать не можетъ. Карамзинъ, дворянинъ съ головы до ногъ, въ своей „Запискѣ о древней и новой Россіи" съ желчью и „остервененіемъ" (пользуюсь его выраженіемъ) обрушивается на Павла за его антидворянскую политику. Павелъ, читаемъ у Карамзина, „началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти; считалъ насъ не подданными, а рабами, казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ"; „легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя въ нихъ дѣло своей матери", „не слѣдуя никакимъ уставамъ", основнымъ учрежденіямъ [1]). А среди уставовъ и законовъ Карамзинъ, какъ и его современники, высоко цѣнилъ тѣ, которыми обезпечивались права и привилегіи дворянъ.

Что дворяне были страшно недовольны ограниченіями въ области самоуправленія и почти полнымъ вытѣсненіемъ ихъ представителей изъ губернскихъ учрежденій, что они вздыхали о добромъ царствованіи матушки Екатерины и мечтали о полномъ возвращеніи къ прежнимъ порядкамъ, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и проявилось въ первые же дни царствованія Александра I. Еще не успѣли предать землѣ тѣло императора Павла, какъ 15 марта послѣдовалъ указъ сенату такого рода. „Хотя по уваженію частныхъ обстоятельствъ назначеніе чиновниковъ къ присутствію въ уѣздныхъ и земскихъ судахъ, прежде отъ выбора дворянства зависѣвшихъ, перене-

---

[1]) Рус. Арх., 1870 г., стр. 2268. (ср. изд. 1914 г., 42). Изъ другого мѣста записки знаемъ, что дворяне дорожили правомъ участія въ собраніяхъ: „Многіе, писалъ Карамзинъ, служили, чтобы не лишиться мѣста и голоса въ дворянскихъ собраніяхъ".

сено на герольдію..., но какъ въ общемъ соображеніи выборы сіи составляютъ одно изъ преимуществъ, присвоенныхъ дворянству, то и признали Мы за благо возстановить ихъ и утвердить на точной силѣ и основаніи учрежденія о губерніяхъ и подтвердительныхъ указовъ“ [1]).

А затѣмъ 2 апрѣля послѣдовалъ весьма интересный и характерный манифестъ [2]), въ которомъ читаемъ: „Положивъ во всемъ слѣдовать по стезямъ“ „вселюбезной бабки Нашей, императрицы Екатерины II“ и „бывъ сами удостовѣрены въ справедливости, святости и неприкосновенности преимуществъ дворянства, Мы первою обязанностью себѣ признали симъ торжественно утвердить ихъ, возстановить и удостовѣрить, утверждая, возстановляя и императорскимъ словомъ Нашимъ за Насъ и наслѣдниковъ Нашихъ удостовѣряя всѣ права и преимущества, въ грамотѣ дворянству содержащіяся, и напротивъ отмѣняя, уничтожая и отметая все, что противно оной или въ ослабленіе силы по стеченію обстоятельствъ и времени допущено или постановлено было; (того ради) повелѣваемъ всѣмъ Нашимъ подданнымъ признавать и почитать сіе Наше постановленіе коренным и непрелагаемымъ закономъ имперіи Нашей“. Изъ словъ манифеста совершенно ясно, что судьба всѣхъ Павловскихъ мѣропріятій въ отношеніи дворянскаго самоуправленія и мѣстнаго управленія предрѣшена, они подлежатъ полной отмѣнѣ.

---

[1]) П. С. З., № 19790; *дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 245 (1801 г.), л. 25.
[2]) П. С. З., № 19810.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сословная политика Павла I.

Выше было указано, что въ отношеніи сословій теоретически Павелъ не былъ новаторомъ, онъ готовъ былъ прежде всего считаться съ тѣмъ соціальнымъ строемъ, который сложился до него, только пытался его провести въ болѣе гармоничное состояніе, не поддерживая во всей прежней полнотѣ привиллегіи дворянъ и по возможности облегчая участь крестьянъ. Отношенія правительства къ этимъ двумъ крайнимъ общественнымъ группамъ заслуживаютъ самаго внимательнаго разбора, на этомъ я и остановлюсь, не касаясь двухъ другихъ группъ, духовенства и городского сословія, въ положеніе которыхъ Павловское царствованіе не внесло ничего существенно новаго и важнаго [1]).

1. Положеніе дворянства.

При императрицѣ Екатеринѣ II, восшедшей на престолъ при помощи дворянской гвардіи и связавшей свою судьбу съ судьбой тѣхъ, кто вынесъ ее на своихъ плечахъ, дворянству жилось легко и привольно: оно заполняло гвардію, которая была осыпана наградами, милостями и заботами Императрицы, занимало высшія придворныя и чиновныя должности, въ его рукахъ находилась власть и вліяніе на дѣла управленія въ провинціи, а въ деревняхъ дворяне чувствовали себя полными господами своихъ крѣпостныхъ, тру-

[1]) О духовенствѣ см. указанную выше книгу И. Знаменскаго.

дами которыхъ они могли распоряжаться почти безгранично; въ то же время они пользовались свободой отъ обязательной службы и не обязаны были лично платить ни какихъ податей въ пользу государства [1]. Короче говоря, время Екатерины II было золотымъ вѣкомъ вольности дворянской. Положеніе дворянства существенно измѣнилось при ближайшемъ преемникѣ „славной" Императрицы, „матери отечества", ея сынѣ Павлѣ I.

Съ первыхъ же дней царствованія Павла начались разныя ограничительныя мѣры, которыми привилегіи дворянъ суживались и обезцвѣчивались. По жалованной грамотѣ 1785 года личныя права и привилегіи дворянъ въ сущности заключались въ слѣдующихъ „свободахъ": 1) въ свободѣ отъ обязательной службы, 2) свободѣ отъ податей и повинностей, 3) въ личной неприкосновенности и 4) въ правѣ не подвергаться лишенію дворянскаго званія ни чьей властью, кромѣ Государя. Изъ этихъ привилегій только одна послѣдняя въ Павловское время осталась нетронутой, всѣ же остальныя вольности подверглись въ той или иной формѣ различнымъ ограниченіямъ, подробному разсмотрѣнію которыхъ мной и посвящаются послѣдующія страницы.

Относительно службы въ жалованной грамотѣ дворянства въ ст. 17 и 18 говорится: „Подтверждаемъ на вѣчныя времена въ потомственные роды россійскому благородному дворянству вольность и свободу". „Подтверждаемъ благороднымъ находящимся въ службѣ, дозволеніе службу продолжать и отъ службы просить увольненія по сдѣланнымъ на то правиламъ". Изъ этихъ двухъ статей Павелъ сначала направилъ удары противъ второй, стѣсняя свободу дворянина выходить въ отставку по своему желанію. Неодобрительно смотря на всѣхъ, кто хотѣлъ бы избѣжать государственной службы, въ особенности военной, Павелъ прежде всего затруднилъ способы, благодаря которымъ можно было выйти въ отставку. Такъ, если кто просилъ отставки не въ положенный срокъ и

[1] О положеніи провинціальнаго дворянства въ Екатерининское время см. книгу Н. Д. Чечулина, Русское провинціальное общество, П., 1889 г.

не выполнивъ закономъ предписанныхъ условій, то онъ такимъ лицамъ отставки не давалъ, а иногда даже наказывалъ за подобную просьбу. Былъ затрудненъ выходъ въ отставку офицерамъ. Такъ, указомъ 6-го окт. 1799 года офицеры, которые не выслужили болѣе года въ офицерскомъ званіи, предупреждались, что если они „будутъ просить объ увольненіи отъ службы", то „будутъ исключены изъ оной наравнѣ съ прапорщиками, за лѣнь" [1]). Это была чувствительная угроза, удерживавшаея офицеровъ на службѣ, такъ какъ исключенные изъ службы теряли право на полученіе должности по гражданскому вѣдомству или по выборамъ. Затѣмъ 12-го апр. 1800 года послѣдовалъ указъ, который не въ меньшей степени затруднялъ выходъ въ отставку. Указъ гласилъ: „всѣхъ тѣхъ, кои при отставкѣ ихъ изъ военной службы, не назначаются именно Нами къ опредѣленію въ статскую службу, запраещемъ безъ всякаго изъятія сенату нашему опредѣлять въ оную" [2]). Благодаря этому каждый выходящій въ отставку могъ опасаться, что для него при отставкѣ навсегда закроется доступъ къ службѣ государственной.

Ставя высоко военную службу и требуя отъ всѣхъ строгаго исполненія обязанностей, Павелъ хотѣлъ, чтобы дворянство прежде всего служило въ арміи и шло въ гражданскую службу лишь тогда, когда не имѣло возможности служить въ военной. Когда же нѣкоторые дворяне, желая избѣгнуть воинской службы, пытались пристроиться въ гражданской, то 5 окт. 1799 года было изданъ указъ, въ которомъ говорилось: „Отнынѣ повелѣваемъ никого изъ дворянскихъ дѣтей неслужащихъ и вступить въ службу желающихъ по статской службѣ никуда не записывать и не опредѣлять сенату нашему, не войдя прежде о томъ къ Намъ докладомъ для утвержденія нашего" [3]).

---

[1]) П. С. З., № 19140

[2]) Тамъ же, № 19376.

[3]) П. С. З., № 19136. Ср. указъ 14 іюня 1799 г. о юнкеровъ (№ 19000), въ которомъ читаемъ слѣдующее. „Вознобновивъ при началѣ царствованія Нашего чинъ и званіе юнкеровъ, имѣли Мы въ виду доставить симъ средствомъ благородному юношеству имперіи Нашей способы и путь ко достиженію цѣли каждаго вѣрноподданнаго, въ употребленіи себя на пользу Намъ и отечеству. Но съ долж-

31*

Губернаторы имѣли возможность отыскивать неслужащихъ молодыхъ дворянъ, склонять ихъ къ воинской службѣ и представлять по начальству. Указомъ 20-го окт. 1797 года велѣно было всѣхъ такихъ молодыхъ дворянъ, представляемыхъ губернаторами временно прямо въ полки, принимать на службу унтеръ-офицерами, хотя бы и сверхъ комплекта, для чего губернаторы обязывались снабжать ихъ свидѣтельствами, удостовѣряющими ихъ дворянское происхожденіе [1]).

Зная нерасположеніе Павла къ дворянамъ, уклоняющимся отъ службы, губернаторы начинаютъ изыскивать мѣры къ тому, чтобы такихъ дворянъ привлечь къ службѣ, и доносили объ этомъ высшему правительству. Такъ, курскій губернаторъ Веревкинъ, при осмотрѣ губерніи, узналъ, какъ онъ писалъ 31 мая 1800 года, о томъ, что „многіе молодые дворяне, не бывъ нигдѣ въ службѣ, живутъ праздно въ своихъ домахъ и вмѣсто того, чтобы юношескія лѣта употреблять къ пользѣ общей и своей, часто замѣчаются въ поступкахъ, всему благородному дворянству неприличествующихъ“, въ особенности ему, губернатору, бросались въ глаза дворяне-недоросли по Путивльскому уѣзду; тогда онъ „велѣлъ“ тамошнему предводителю дворянства „о всѣхъ молодыхъ дворянахъ, приспѣвшихъ въ военную службу“, „сдѣлать списокъ и представить“ ему. Послѣ внимательнаго разсмотрѣнія этого списка и личныхъ объясненій съ предводителемъ дворянства, губернаторъ „нашелъ, что иные изъ нихъ (дворянъ) уклоняюся отъ службы по лѣности, а другіе напротивъ того не могутъ въ оную опредѣлиться по крайнимъ ихъ недостаткахъ“. „Не находя средствъ къ отправленію таковыхъ

нымъ негодованіемъ увидѣли Мы, что сіе возобновленіе онаго званія, происходящее отъ искренняго желанія Нашего всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ истиннаго блага, плодовъ ожидаемыхъ и ему приличныхъ не приноситъ; но, напротивъ того, питая пристрастіе и удовлетворяя прихотямъ начальствующихъ, на пользу общую не токмо не служитъ, но вводитъ тѣ же самыя злоупотребленія, коихъ истреблять Мы первымъ себѣ предметомъ имѣли и имѣть всегда будемъ, бодрственно наблюдая за тѣмъ, чтобы чины и званія, въ отличіе вѣрнослужащимъ, токмо принадлежащіе, отнюдь не шли на тѣхъ, кои права благородства своего поставляютъ въ томъ, чтобы безъ труда и заслугъ получать отличія и награды“.

[1]) П. С. З., Высоч. указъ 20-го окт., а сенатскій—5-го ноября 1797 года— № 18.237.

бѣдныхъ дворянъ въ службу", губернаторъ, представивъ списокъ [1]) генералъ-прокурору, „испрашивалъ разрѣшенія, на какомъ囊 коштѣ отправить ихъ въ военную службу". Итакъ, губернаторъ, найдя молодыхъ дворянъ, „приспѣвшихъ къ службѣ", не опрашиваетъ ихъ, желаютъ ли они поступить на службу, удовлетворяется объясненіями предводителя и ходатайствуетъ лишь о томъ, чтобы позволено было и лѣнивыхъ и бѣдныхъ отправить въ военную службу на казенный счетъ.

О всѣхъ дворянахъ П. Х. Обольяниновъ доложилъ Государю, испрашивая разрѣшенія „способныхъ изъ дворянъ отправить къ ближнему инспектору на счетъ воинскаго дедепартамента изъ подлежащей суммы". Павелъ приказалъ передать списокъ ни разсмотрѣніе генералъ-адъютанта Гагарина, а затѣмъ, по докладу послѣдняго, дано Высочайшее повелѣніе (отъ 22-го іюня): изъ числа намѣченныхъ 82 дворянъ Курской губерніи 9 человѣкъ (слабыхъ, больныхъ и попавшихъ въ списокъ, престарѣлыхъ) „отъ службы уволить, а прочихъ распредѣлить по полкамъ по прилагаемому росписанію", доставивъ къ мѣсту службы, очевидно, на казенный счетъ. Такимъ путемъ, судьба молодыхъ дворянъ была рѣшена, и они должны были поступить въ военную службу.

Слѣдуетъ добавить, что усердіе губернатора Веревкина проявилось гораздо шире. По его сообщенію (отъ 9-го сен. 1800 года), имъ „въ теченіе сего года отправлено въ разные полки молодыхъ дворянъ, по ихъ желанію, 156 человѣкъ, да Путивльскаго уѣзда, по Высоч. повелѣнію, 35 чел., а всего 191". Хотя губернаторъ и писалъ, что дворяне были отправлены въ военную службу „по ихъ желанію", но изъ примѣра путивльскихъ юляхтичей и обстоятельствъ дѣла видно, что съ личными желаніями ихъ не считались, судьба дворянъ опредѣлена была волей начальствующихъ. На этомъ рвеніе губернатора не остановилась. Онъ приказалъ соста-

[1]) Въ спискѣ по Путивльскому уѣзду поименованы 91 человѣкъ, съ показаніемъ лѣтъ, числа душъ крестьянъ за ними (за доброй половиной не было ни одной души, за остальными отъ 1 до 20, рѣдко больше) и замѣчаній о состояніи здоровья (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 2219, л. 2—4).

вить списки „о молодыхъ дворянахъ, приспѣвшихъ къ продолженію военной службы“ и по другимъ уѣздамъ, къ началу сентября списки были готовы и представлены генералъ-прокурору. На этотъ разъ по 9 округамъ списокъ захватилъ собой 365 человѣкъ [1]), въ возрастѣ отъ 14 до 30 лѣтъ (въ нѣсколькихъ случаяхъ и выше); и этихъ молодыхъ дворянъ, надо полагать, ожидало опредѣленіе въ военную службу.

Примѣръ курскаго губернатора далеко не былъ единичнымъ. Въ томъ же году (1-го авг.) воронежскій гобернаторъ А. Солнцовъ писалъ губрнатору: „Нужнымъ почелъ я имѣть свѣдѣніе, сколько во ввѣренной губерніи находится дворянъ такихъ, которые донынѣ ни въ какой родъ службы еще не поступали, какихъ они лѣтъ и чѣмъ занимаются, почему и требовалъ отъ уѣздныхъ предводителей дворянства свѣдѣнія“. Изъ доставленныхъ сообщеній увидѣлъ, что среди дворянъ „есть такіе, кои, хотя и желали бы нести какую-нибудь общественную должность, но, бывъ отягощены бѣдностью, а другіе по одиночеству и сиротству своему, при всемъ желаніи, намѣренія своего перемѣнить на исполненіе не имѣли средствъ. А между сими есть и такіе, которые по нерадѣнію и безпечности отцовъ своихъ достигли совершеннаго уже возраста, остаются въ праздности и неприносящими никакой пользы государству“. Всѣмъ неслужащимъ дворянамъ губернаторъ составилъ списокъ и предлагалъ генералъ-прокурору, спрашивая его, „не повелѣно ли будетъ обратить ихъ въ военную службу“. Въ списокъ вошло 77 человѣкъ; однако, это не были „молодые дворяне“: среди нихъ большинство было лицъ въ возрастѣ отъ 16 до 40 лѣтъ, но были и „весьма пожилые“, именно 13 человѣкъ, имѣющихъ отъ роду отъ 40 до 57 лѣтъ, а одинъ даже 70-лѣтній, который „за дряхлостью воинской службы продолжать не въ состояніи“. Въ докладѣ генералъ-прокурора о всѣхъ сказано, что они „гра-

---

[1]) Курской округи—34 чел., Бѣлгородской—17, Обоянской—46, Карачевской—14, Старооскольской—27, Рыльской—122, Судженской—19, Фатежской—27, Щигровской—59. Вѣдомость, по приказанію генералъ-прокурора, была отданая М. М. Сперанскому, очевидно, для разсмотрѣнія и составленія о ней доклада (*Тамъ же*, л. 8, 21—27).

мотѣ не обучены, иные проводятъ дни свои въ праздности, но главное и общее почти ихъ упражненіе составляетъ обрабатываніе земли и домоводство". Обольяниновъ при докладѣ Государю предлагалъ 43 человѣка, въ возрастѣ до 40 лѣтъ, опредѣлить на военную службу, а остальныхъ 14 человѣкъ „за старостью" „оставить упражняться въ земледѣліи и домостроительствѣ". На докладъ 16-го авг. 1800 года послѣдовало Высочайше соизволеніе [1]).

Не только губернаторы, но и само дворянство, желая снискать себѣ милость Государя, рѣшилось идти на встрѣчу желаніямъ правительства. Такъ, малороссійское дворянство, по своему почину, въ „знакъ усердія" представило своихъ сочленовъ, нигдѣ не служившихъ, съ ходатайствомъ объ опредѣленіи въ воинскую службу, и за это удостоилось получить Высочайшее благоволеніе и благодарность [2]).

Итакъ, безъ отмѣны жалованной грамоты, предоставившей дворянамъ полную волю служить или не служить, въ Павловское время, какъ и въ старину, мѣстами происходитъ общій пересмотръ дворянъ-недорослей и всѣхъ укрывающихся отъ службы, а затѣмъ и разборъ для опредѣленія годныхъ въ государеву службу. Фактически проводится старый принципъ, взглядъ на дворянство, какъ на служилое сословіе, обязанное прежде всего нести тягости военной службы, чѣмъ въ существѣ дѣла въ корнѣ подрывалось то исключительное, привиллегированное положеніе, въ которомъ дво-

---

[1]) На докладѣ рукою Обольянинова помѣта: 16 авг. 1800 г. „докладывано и повелѣно кн. Гагарину до 40 лѣтъ помѣстить по полкамъ, а прочимъ остаться за старостью въ своихъ домахъ по прежнему" (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 2261, л. 2).

[2]) 18-го октября 1800 года на имя малороссійскаго губернатора Френздорфа послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ такого содержанія: „Пріемля во всей мѣрѣ знакъ усердія дворянства Малороссійской губерніи доставленіемъ дворянъ для опредѣленія въ военную службу, равномѣрно и за симъ нынѣ Намъ представленныхъ, вамъ, яко начальствующему въ той губерніи, повелѣваемъ всему дворянству Малороссійской губерніи объявить полное благоволеніе и благодарность" (*Книги копій*, № 267, л. 75).

Можетъ быть, въ этомъ поступкѣ дворянства малороссійскаго сказалось немалое воздѣйствіе губернатора, какъ это ясно въ другихъ случаяхъ, но на это въ документѣ точнаго указанія нѣтъ.

рянство пребывало въ счастливый для него вѣкъ императрицы Екатерины II.

Второй важной привилегіей дворянъ было то, что они сами лично были свободны отъ какихъ-либо сборовъ въ пользу государства. И въ этомъ отношеніи Павловское время несло за собой новшества: на дворянъ наложены были нѣкоторые сборы, на ихъ счетъ возложено было содержаніе общегосударственныхъ судебно-административныхъ учрежденій. Любопытны мотивы, которыми объясняется эта мѣра: „Сей знатнѣйшій чинъ государственный, какъ говорится о дворянствѣ въ указѣ 18-го декабря 1797 года, паче прочихъ ощутилъ монаршую милость, да и нынѣ посредствомъ учреждаемаго въ пользу его вспомогательнаго банка получаетъ новый опытъ нашего попеченія о сохраненіи родовъ его при цѣлости достоянія ихъ“. Кромѣ того проведенъ вначалѣ и еще мотивъ: „большая часть онаго (штата губернскихъ учрежденій), служащая къ доставленію правосудія, къ охраненію порядка и къ огражденію общей безопасности пополняется изъ дворянства“ [1]); но этотъ мотивъ, хотя и поставленъ на первомъ мѣстѣ, не является самымъ существеннымъ и основнымъ, такъ какъ позднѣе, когда упразднены были дворянскіе выборы, и мѣстныя учрежденія стали пополняться чиновниками путемъ назначенія, тѣмъ не менѣе сборъ съ дворянъ, установленный указомъ 18-го декабря, оставался по-прежнему. Значитъ, главнѣйшей причиной, по которой введенъ былъ сборъ, было то, что дворянство больше другихъ сословій пользовалось милостями монарховъ, исключительными правами и привилегіями, а потому и должно было по справедливости принять на себя, хотя бы небольшую долю общаго бремени.

По этимъ причинамъ правительство „нашло справедливымъ“, чтобы „сей знатнѣйшій чинъ“ „общимъ надобностямъ способствовалъ отъ собственныхъ своихъ стяжаній“, и возложило на содержаніе дворянства часть губернскихъ штатовъ, требующую расходовъ въ размѣрѣ 1.640 тысячъ руб.,

---

[1]) П. С. З., № 18276.

распредѣливъ эту сумму, въ интересахъ справедливости и „всевозможной соразмѣрности“, по величинѣ дворянскихъ имѣній, измѣряемой, надо полагать, количествомъ душъ крестьянъ. Это былъ сборъ, который падалъ исключительно на дворянскія имѣнія; распредѣленіе его между отдѣльными владѣльцами и сборъ, исправный и бездоимочный, былъ возложенъ на попеченіе губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства. Суммой въ 1.640 тысячъ не ограничились сборы съ дворянскихъ имѣній; въ 1799 году, какъ указано выше, потребовался новой дополнительный расходъ на содержаніе прибавочныхъ засѣдателей нижняго земскаго суда, въ размѣрѣ 104 тысячъ, такъ что съ этого времени съ дворянскихъ имѣній слѣдовало производить сборъ въ суммѣ 1.748.000 рублей.

Это былъ постоянный сборъ. Кромѣ того въ отдѣльныхъ случаяхъ Павелъ готовъ былъ привлечь дворянъ къ какому-нибудь частному временному сбору, имѣющему цѣлью, однако, исполненіе какой-либо общегосударственной задачи. Такъ, онъ приказалъ губернаторамъ предложить дворянству, чтобы оно, по соглашенію между собою, установило сборъ на постройку казармъ для тѣхъ полковъ, которые обычно располагались постоемъ по уѣздамъ и городамъ; сборъ произвести по „добровольной складкѣ“, „въ пособіе гражданамъ, не могущимъ на собственное иждивеніе построить“ казармы [1]).

Хотя этотъ сборъ носилъ характеръ „добровольной складки“ и предоставлялся доброй волѣ дворянскаго общества, тѣмъ не менѣе дворянство многихъ губерній поспѣшило къ его осуществленію. Такъ, напр., курскіе дворяне рѣшили, къ 20.000 рублей, опредѣленнымъ на постройку казармъ курскими горожанами, присоединить сумму въ 100.000 руб., „располагая оную съ недвижимаго имѣнія, капиталъ дворянскій составляющаго, пропорціонально, въ сравненіи одинъ противъ другого, по числу крестьянскихъ душъ, за каждую по 40 коп. со всякаго дворянина“ [2]). Въ С.-Петербургѣ и

---

[1]) П. С. З., изъ указа 10-го февр. 1798 года, № 18.365.
[2]) *Тамъ же*, № 18. 365.

Москвѣ подобный же сборъ рѣшено было производить „съ количества земли, каждому принадлежащей, назначая цѣну онаго соразмѣрно надобности и подъ именемъ поземельнаго единовременнаго сбора“ [1]).

Конечно, если имѣть въ виду то, что сборъ объявляется добровольнымъ, то его можно дворянству или принять или отвергнуть, но послѣднее было рискованнымъ, такъ какъ въ отвѣтъ нужно было ждать соотвѣтствующихъ репрессій. Такъ и случилось. Когда курляндское дворянство „не согласилось слѣдовать примѣру прочихъ россійскихъ городовъ и для взаимныхъ выгодъ войскъ и обывателей построить казармы“, и объ этомъ стало извѣстно Павлу, то онъ „предписалъ гералъ-фельдмаршалу графу Эльмпу находящіяся въ Курляндской губерніи войска расположить на квартиры по всѣмъ генерально мызамъ“ [2]).

„Тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго“, гласитъ 15 статья жалованной грамоты дворянству, ограждая личную неприкосновенность дворянина. Но при Павлѣ и эта статья потерпѣла существенное ограниченіе. Павелъ не былъ противникомъ тѣлестныхъ наказаній вообще. Въ этомъ вопросѣ, можетъ быть, рѣшающую роль сыграла своимъ примѣромъ Пруссія, на что имѣется прямое указаніе въ Высочайшемъ повелѣніи 16-го мая 1797 года, данномъ генералу Якобію, въ которомъ говорилось: „Государь Императоръ соизволилъ указать... чтобъ явившагося изъ прусской службы рядового Чейоновскаго, если онъ пожелаетъ, вы-бы взяли въ вашъ полкъ. А при томъ, чтобъ вы не удивлялись наказанію его, что въ Пруссіи войска обучаютъ по тому, что сему быть должно и желательно, чтобы и у насъ заве-лось“ [3]). Отсюда видно, что Павелъ хотѣлъ, чтобы тѣлес-

---

[1]) П. С. З., указъ 28-го апрѣля 1798 г., № 18.505.

[2]) Курляндскій губернаторъ Ламздорфъ объ отказѣ дворянства сообщилъ рапортомъ отъ 17-го іюля 1797 года, а 23-го іюля уже послѣдовалъ Высоч. рескриптъ на его имя, съ указаніемъ на принятую мѣру, о чемъ губернатору давалось знать „какъ для свѣдѣнія, такъ и для надлежащаго исполненія относительно пособія по гражданской части“ (*Книги копій*, 254, л. 98).

[3]) Панчулидзевъ, Исторія кавалергардовъ, т. II, стр. 199.

ное наказаніе, существовавшее въ Пруссіи, нашло себѣ примѣненіе и въ русской арміи.

По вопросу о примѣненіи тѣлеснаго наказанія къ дворянамъ въ литературѣ существуетъ два противоположныхъ взгляда. По мнѣнію однихъ, наказанія примѣнялись къ дворянамъ весьма часто, по мнѣнію другихъ—очень рѣдко. Такъ, напр., М. Покровскій утверждаетъ, что указы о возстановленіи тѣлесныхъ наказаній для дворянъ „остались почти мертвой буквой, и случаевъ сѣченія дворянъ за царствованіе Павла извѣстно два—три наперечетъ" [1]). Изъ послѣдующаго изложенія будетъ видно, что ни тотъ, ни другой взглядъ не вѣренъ.

Тѣлесное наказаніе Павелъ не считалъ панацеей отъ всѣхъ золъ, примѣнялъ его сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ, возмущавшихъ его нравственное чувство, и преслѣдовалъ всѣхъ тѣхъ, кто прибѣгалъ къ такому наказанію въ широкой мѣрѣ. Такъ исключались изъ службы офицеры, обличенные въ жестокомъ обращеніи съ нижними чинами; помѣщики отдавались подъ судъ или заключались въ крепость за тиранство и жестокіе побои, причиняемые ихъ крестьянамъ и дворовымъ людямъ. А высшая форма наказанія-смертная казнь была запрещена закономъ и она была изъята изъ уголовнаго кодекса и изъ употребленія. Когда же возстановленъ былъ въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, Литовскій статутъ, карающій многія тяжкія преступленія смертной казнью, послѣдовалъ затѣмъ (20-го апр. 1799 года) указъ, которымъ запрещеніе смертной казни было распространено и на эти губерніи, съ повелѣніемъ поступать по этому закону „повсемѣстно и безысключительно" [2]).

Отрицательно относясь къ смертной казни, Павелъ на умѣренное тѣлесное наказаніе смотрѣлъ, какъ на исправительную мѣру, которая въ нужныхъ случаяхъ должна примѣняться ко всѣмъ безъ изъятія, не исключая и дворянъ. По отношенію къ послѣднимъ, тѣлесное наказаніе сначала было примѣнено въ нѣсколькихъ процессахъ самимъ

---

[1]) Рус. Ист., т. IV кн. VIII, стр. 177; изд.
[2]) П. С. З., № 18.943.

Павломъ, а затѣмъ по разъяснительной резолюціи 3-го янв. стало практиковаться и судомъ. Первыми такими случаями были слѣдующія дѣла. Протоколистъ Чулковъ былъ присужденъ за разныя злоупотребленія, буйство и нанесеніе смертельной раны караульному офицеру къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ въ каторжныя работы. Павелъ резолюціей 1-го декабря 1796 года присоединилъ къ этому и „наказаніе кнутомъ на мѣстѣ преступленія“ [1]. Въ другомъ случаѣ губернскій секретарь Сурковъ былъ присужденъ сенатомъ къ лишенію дворянства и къ ссылкѣ на каторгу за неоднократные разбои и убійство 10 человѣкъ; при конфирмаціи приговора 9-го декабря Павелъ прибавилъ наказаніе кнутомъ [2]. Любопытно, наконецъ, слѣдующее дѣло. Литовское верховное правленіе присудило шляхтича Жуковскаго за грабежъ и убійство русскаго солдата—„лишить дворянства, послѣ чего высѣчь черезъ палача по обыкновенію въ Литвѣ розгами и, давъ 150 ударовъ, сослать закованнаго въ кандалы вѣчно въ тяжкую работу“. Сенатъ постановилъ указанный приговоръ „утвердить“, относительно же тѣлесного наказанія—„оное по силѣ жалованной дворянству грамоты отставить“. На докладѣ Государю (12 декабря 1796 г.) карандашная помѣта: „опробовать литовское“ [3]. Подобный же случай былъ и при конфирмаціи приговора о шляхтичѣ Борисевичѣ, судимомъ за убійство и грабежъ цыгана [4]. Эти случаи говорятъ о томъ, что тѣлесное наказаніе опредѣлялось Павломъ при судѣ надъ тяжкими уголовными преступниками, и Государь при своей конфирмаціи могъ принимать во вниманіе прежнее „обыкновеніе въ Литвѣ“.

Послѣ нѣсколькихъ частныхъ случаевъ примѣненія кнута и розогъ къ дворянамъ по суду, послѣдовало въ началѣ 1797 года общее разъясненіе статьи 15 жалованной грамоты по такому поводу. Отставной прапорщикъ Рожновъ с.-петер-

---

[1]) *Госуд. Арх.*, *бумаги Трощинскаго*, X, ч. XIII-а, л. 68; ср. *Сен. Арх.*, *Кн. именныя*, № 185, л. 7—27.

[2]) *Тамъ же*, *бумаги Трощинскаго*, л. 130.

[3]) *Тамъ же*, л. 183—184.

[4]) *Тамъ же*, л. 187—188.

бургской уголовной палатой и сенатомъ былъ признанъ виновнымъ въ произнесеніи „дерзновенныхъ и законопротивныхъ словъ“ [1]) и присужденъ къ лишенію чиновъ дворянства и ссылкѣ въ тяжкую работу. На докладѣ объ этомъ отъ 4-го департамента сената Павелъ 3-го января 1797 года написалъ собственноручно извѣстную резолюцію: „Коль скоро снято дворянство, то уже и привилегія до него не касается. По чему и впрѣдь поступать. Его-же вывѣдя на площедь, сослать въ Сибирь“.

Послѣ этой резолюціи [2]) всякій дворянинъ, который присуждался къ лишенію дворянскаго званія вмѣстѣ съ тѣмъ, наравнѣ съ лицами прочихъ сословій, подлежалъ тѣлесному наказанію, отъ котораго можно было избавиться лишь путемъ монаршей милости. Съ этого времени обычно въ приговорахъ судебныхъ значилось, что такой то дворянинъ, по лишеніи дворянскаго достоинства, присуждается къ тѣлесному наказанію и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе или въ каторжную работу. Но можно указать, сравнительно рѣдкіе случаи, когда судъ, въ виду смягчающихъ вину обстоятельствъ, въ приговорѣ освобождалъ подсудимаго отъ тѣлеснаго наказанія, и на это слѣдовало Высочайшее соизволеніе. Однако, чаще происходили случаи, когда самъ Павелъ уменьшалъ присужденное наказаніе и освобождалъ приговореннаго отъ тѣлеснаго наказанія; а нѣкоторые случаи говорятъ въ пользу того, что какъ будто Павелъ былъ противъ широкаго примѣненія шпицърутеновъ въ войскахъ.

---

[1]) Отставной прапорщикъ Иванъ Рожновъ, происхожденіемъ изъ „церковнослужителей“, 28 лѣтъ отъ роду, читаемъ въ сенатскомъ докладѣ, будучи въ квартирѣ секретарши Смирновой, „говорилъ: 1-е, что государи всѣ тираны, злодеи и мучители, и что ни одинъ совершенно добродѣтельный человѣкъ не согласится быть государемъ; 2-е, что бывъ на вахтъ-парадѣ, смотрѣлъ на то, какъ на кукольную комедію; 3-е, что люди по природѣ всѣ равны и не имѣютъ права наказывать другихъ за проступки, коимъ сами подвержены; 4-е, что иконы суть идолы, и что поклоняющіеся онымъ съ отмѣннымъ усердіемъ всѣ безчестные люди, по его замѣчанію“ (*Книги именныя, № 187, л. 35—39)*.

[2]) Р о м а н о в и ч ъ - С л а в а т и н с к і й по поводу резолюціи писалъ: „Жалованная грамота, можно сказать, дала возможность такого толкованія свободы дворянъ отъ тѣлеснаго наказанія, какое было сдѣлано имп. Павломъ“; „постановивъ, что тѣлесное наказаніе не должно касаться благороднаго, грамота не опредѣлила, что эта льгота распространяется на него и по лишеніи дворянства судомъ“ (Дворянство въ Р., 2 изд., 242).

Въ 1798 году происходилъ военный судъ при гарнизонномъ Болотникова 2-го полку надъ гренадеромъ Елфимовымъ изъ дворянства, который признанъ былъ виновнымъ „въ учиненномъ имъ въ пьянствѣ минувшаго апрѣля въ 1-ый день побѣгѣ, съ намѣреніемъ пройти въ Швецію, потомъ возвратиться въ Россію и просить объ опредѣленіи въ другой полкъ“; еще до этого побѣга Елфимовъ три раза убѣгалъ изъ полка и былъ замѣченъ въ фальшивомъ исправленіи послужныхъ списковъ лицъ, представленныхъ къ отставкѣ; за прежнія преступленія онъ былъ лишенъ унтеръ-офицерскаго чина и содержался подъ карауломъ. За новый побѣгъ военный судъ, на основаніи артикуловъ воинскаго устава, приговорилъ, вмѣсто смертной казни, къ лишенію дворянскаго достоинства, битью кнутомъ и ссылкѣ на вѣчную каторгу, съ вырѣзаніемъ ноздрей. Съ такимъ приговоромъ суда согласились и шефъ полка и инспекторъ ген.-отъ-инф. Голенищевъ-Кутузовъ. Но генералъ-аудиторъ кн. Шаховской, „уповая на безпримѣрное Е. И. В. къ несчастнымъ милосердіе“, „дерзнулъ всеподданнѣйше представить“ Государю свое мнѣніе о томъ, чтобы гренадера Елфимова, „избавя отъ тѣлеснаго наказанія, лишить дворянства и послать въ Иркутскъ на суконную фабрику“. Въ данномъ случаѣ милосердіе Павла пошло дальше того, о чемъ представлялъ Шаховской: по резолюціи 17-го іюня 1798 г. велѣно Елфимова „—лиша дворянства, оставить въ полку по прежнему“ [1]).

---

[1]) *Книги копій*, № 257, л. 254. Въ 1799 году происходилъ военный судъ надъ рядовымъ гарнизоннаго полка, изъ дворянъ, бывшемъ прапорщикѣ, Сокольницкимъ, который оказался виновнымъ „въ пьянствѣ, въ обманѣ людей и въ воровствѣ“. Приговоромъ военнаго суда Сокольницкаго присудили къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Шефъ полка кн. Мещерскій полагалъ виновнаго лишить дворянскаго достоинства и оставить въ службѣ по прежнему; ген.-лейт. Нефедьевъ предлагалъ, по лишеніи дворянства, „прогнать шпицъ-рутенъ чрезъ тысячу человѣкъ три раза“, а генералъ-аудиторъ хотѣлъ еще болѣе усилить наказаніе, предлагая сослать подсудимаго въ Екатеринбургъ къ разработкѣ рудниковъ. Но Павелъ резолюціей 9-го марта приказалъ Сокольницкаго „лиша дворянства, оставить въ службѣ“, не согласившись такимъ образомъ ни на каторжныя работы, ни на шпицъ-рутены (*Книги копій*, № 259, л. 248). О Сокольницкомъ въ экстрактѣ говорится: „Въ службѣ онъ состоитъ съ 784 года, изъ дворянъ, въ 791 году былъ сужденъ за разныя преступленія и изъ прапорщиковъ написанъ въ рядовые на мѣсяцъ, потомъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, но за отлучку отъ полка и кражу написанъ въ рядовые и опредѣленъ въ полки Сибирской дивизіи, гдѣ былъ судимъ въ

Извѣстно также нѣсколько случаевъ, когда Павелъ утверждалъ пригоры суда о наказаніи виновныхъ шпицъ-рутенами. Напр., рядовой гарнизоннаго кн. Мещерскаго полка Глебовскій пьянствовалъ, производилъ „буйственные поступки", на улицахъ срывалъ у женщинъ съ головы платки, говорилъ грубости начальникамъ и ругалъ унтеръ-офицера. Разные художества за Глебовскимъ числились и прежде: такъ за кражу онъ былъ лишенъ унтеръ-офицерскаго званія, а въ 1793 г. за побѣгъ съ караула посланъ въ полки Сибирской дивизіи. Хотя по воинскому уставу, онъ за свои новые поступки долженъ быть наказанъ смертью, но шефъ полка Мещерскій и ген.-лейт. Нефедьевъ предлагали лишить Глебовскаго дворянства, „прогнать шпицъ-рутенами чрезъ 1000 человѣкъ три раза и по молодымъ его лѣтамъ оставить на службѣ". Генералъ-аудиторъ считалъ нужнымъ усилить наказаніе и сослать Глебовскаго въ каторжныя работы. Павелъ 22 февр. 1799 года утвердилъ мнѣніе Мещерскаго и Нефедьева [1]).

Итакъ, въ вопросѣ о тѣлесномъ наказаніи правительство времени Павла не стояло выше уровня современныхъ ему понятій. Тѣлесное наказаніе не считалось позорнымъ, оно разсматривалось и какъ мѣра наказанія и какъ мѣра исправительная, была широко распространена въ жизни и примѣнялась вопреки закону иногда и по отношенію къ дворянамъ [2]). Въ свободу же отъ тѣлеснаго наказанія, предусмотрѣнную жалованной грамотой, законодательство Павла

обманѣ купца и содержанъ на хлѣбѣ и водѣ двѣ недѣли, отъ роду ему 36 лѣтъ".

Еще большая мягкость проявлена была по отношенію къ рядовому, изъ дворянъ, 18 лѣтъ, Звѣринскому, который за побѣгъ и ложный доносъ былъ приговоренъ судомъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы, а согласными мнѣніями шефа полка, инспектора и генералъ-аудитора присуждался къ лишенію дворянскаго достоинства, наказанію шпицъ-рутенами и ссылкѣ въ дальніе гарнизоны. Резолюція Павла была такова (19-го февраля 1799 года): „Послать, снявъ званіе, въ дальніе гарнизоны". Этой резолюціей, очевидно, въ виду молодыхъ лѣтъ преступника, было устранено наказаніе шпицъ-рутенами, не смотря на то, что Звѣринскій за предыдущіе побѣги уже два раза былъ наказанъ шпицъ-рутенами, „по упущенію": при предыдущихъ судахъ забыли, что онъ—дворянскаго происхожденія, и наказывали его тѣлесно, не снявъ дворянскаго достоинства (*Книги копій*, № 259, л. 192).

[1]) *Книги копій*, № 259, л. 202.

[2]) Ср. Панчулидзевъ, II, 117—118.

внесло существенное ограниченіе: оно потребовало примѣненія тѣлесныхъ наказаній ко всѣмъ тѣмъ, кто по суду присуждался къ лишенію дворянскаго достоинства и къ какому-либо тяжкому наказанію. Такимъ путемъ дворяне въ отношеніи наказанія были приравнены ко всѣмъ остальнымъ сословіямъ [1]), но въ примѣненіи тѣлеснаго наказанія замѣтна осторожность и умѣренность, благодаря которымъ оно появлялось лишь при обвиненіи въ особо тяжкихъ и позорныхъ преступленіяхъ.

Въ отношеніи своего званія, дворяне ограждены были жалованной грамотой, по 8 и 13 статьямъ которой никто не могъ быть лишенъ своего званія, иначе какъ по суду и съ доклада Государю. Этотъ порядокъ остался неприкосновеннымъ и при Павлѣ, но практика была сравнительно съ временъ Екатерины II весьма различна. Въ то время какъ въ царствованіе Екатерины II случаи лишенія дворянскаго званія были довольно рѣдки, Императрица щадила даже тѣхъ, кто по суду заслуживалъ такого наказанія, при Павлѣ никому пощады не было и лишеніе дворянскаго достоинства стало довольно обычной карой для тѣхъ изъ дворянъ, кто впадалъ въ преступленіе. Павлу казалось, что такимъ путемъ онъ очищаетъ первое сословіе отъ недостойныхъ сочленовъ, а дворяне принимали такіе приговоры за нелюбовь ко всему сословію и думали, что дворянское происхожденіе не цѣнится и съ дворяниномъ также легко расправляются, какъ и съ лицомъ низшаго происхожденія.

Наконецъ, сверхъ ограниченія личныхъ привилегій дворянства и упомянутыхъ выше правъ корпоративныхъ, слѣдуетъ нѣсколько подробнѣе остановиться на послѣднемъ ограниченіи, коснувшемся права представленій. Въ этой области начались ограниченія съ первыхъ же мѣсяцевъ Павловскаго царствованія. Императоръ Павелъ, повидимому, былъ противникомъ торжественныхъ собраній, церемоній и представленій. Такъ когда генералъ-прокуроръ доложилъ ему „о желаніи сената изъявить Его Величеству благодарность за изліянныя

---

[1]) Ср. мнѣніе П. И. Пестеля, который полагалъ: „Ежели тѣлесныя наказанія будутъ признаны необходимыми, то должны онымъ быть подвергнуты дворяне такъ точно, какъ и всѣ прочіе люди“ („Рус. Правда“, П., 1906, стр. 68).

народу милости, съ испрашиваніемъ Е. В-ва на сіе дозволенія", то Павелъ I на это разрѣшенія не далъ, объяснивъ, что „таковыя церемоніальныя отношенія" ему „не угодны" [1]). Къ тому же ему было извѣстно, что посылки депутацій иногда прикрывали корыстную цѣль. Такъ, напр., 14 дек. 1796 г. генералъ-прокуроръ доложилъ Государю, что, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, „Екатеринославское дворянство предполагаетъ отправить депутацію для испрошенія привилегій по питейному доходу, несообразныхъ съ правилами, на которыхъ повелѣно сенату дѣло сіе разсмотрѣть". Отвѣтъ былъ таковъ: Государь „относительно депутаціи отъ дворянства Высочайше повелѣть соизволилъ, оную остановить, ежели пріѣхала, тотчасъ поворотить, о чемъ для исполненія дать знать Н. П. Архарову" [2]).

Хотя предупрежденіе о предварительномъ исходатайствованіи разрѣшенія на отправку депутаціи уже говорило о томъ, что особаго расположенія къ этимъ депутаціямъ въ высокихъ сферахъ нѣтъ, тѣмъ не менѣе дворянство разныхъ губерній обратилось черезъ губернаторовъ съ представленіями позволить имъ явиться ко двору. Въ этомъ отношеніи любопытенъ рапортъ саратовскаго губернатора Ланского, въ которомъ онъ, обращаясь къ генералъ-прокурору кн. Куракину, писалъ (отъ 20-го дек. 1796 г.): предписаніе о депутаціяхъ имъ предложено было дворянскому собранію „къ должному выполненію". „Напротиву чего оное представленіемъ ко мнѣ взошло, что дворянство Саратовской губ. желаетъ отправить депутацію къ Высочайшему Е. И. В. Лицу, не имѣя другой нужды, кромѣ, горя усердіемъ, принести Е. В. всеподданнѣйшее поздравленіе со вступленіемъ на всероссійскій престолъ". 5-го января слѣдующаго года на это горячее желаніе дворянъ послѣдовалъ холодный отвѣтъ: „Предположенное саратовскимъ дворянскимъ обществомъ отправленіе къ Высочайшему Е. И. В.

---

[1]) Въ книгѣ докладовъ подъ 18-мъ дек. 1796 г. точная запись такова: „Е. И. В-ву таковыя церемоніальныя отношенія не угодно, о чемъ словесно того-жъ числа гг. сенаторамъ о семъ говорили объявлено" (*Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 398, л. 42).

[2]) *Тамъ же*, № 398, л. 4. Н. П. Архаровъ—Спб. генералъ-губернаторъ.

Лицу депутатовъ Е. И. В-во соизволилъ отмѣнить“ [1]). Но еще раньше подобную же участь испытали ходатайства изъ другихъ губерній. Такъ 22-го декабря 1796 г. было отклонено ходатайство могилевскаго дворянства, „поелику неугодны Е. В-ву таковыя депутаціи“; 27-го—смоленскаго, 29-го дек.—орловскаго и рязанскаго [2]). Въ виду того, что подобныя ходатайства въ декабрѣ мѣсяцѣ стали поступать изъ многихъ губерній, 26 дек. на докладъ генералъ-прокурора послѣдовало общее (разомъ для нѣсколькихъ ходатайствъ) Высочайшее повелѣніе: пріѣздъ депутатовъ отмѣнить, о чемъ и объявить каждому начальнику губерніи [3]).

Для характеристики отношенія Павла I къ пріѣздамъ въ столицу, любопытно отмѣтить то, что онъ не разрѣшалъ пріѣзда не только цѣлымъ депутаціямъ, но и отдѣльнымъ должностнымъ лицамъ. Такъ когда оренбургскій губернаторъ кн. Баратаевъ ходатайствовалъ о дозволеніи ему пріѣхать въ Москву на время коронаціи и объ этомъ доложено было Павлу, то онъ приказалъ (22-го декабря 1796 г.) „объявить Высочайшую волю, чтобы каждый былъ у мѣста своего служенія, и для того (онъ, Баратаевъ) испрашиваемаго дозволенія получить не можетъ“ [4]).

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что порывъ дворянства—привѣтствовать новаго Государя, проявился во многихъ мѣстахъ, можетъ быть, былъ всеобщимъ. Но этотъ порывъ отклика не нашелъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что дворянство было обижено невниманіемъ и холодностью со стороны высокихъ сферъ, откуда оно привыкло получать привѣтъ и ласку. Хоть въ этомъ эпизодическомъ запрещеніи депутацій еще не было отмѣны статей жалованной грамоты, но оно породило въ дворянствѣ чувство отчужденности къ Государю и подготовило почву для дальнѣйшаго расхожденія.

---

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 618, *л.* 1—3.

[2]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 398, *л.* 78, 127, 140.

[3]) Очевидно, это распоряженіе было суммарнымъ и относилось къ начальникамъ губерній, которые представляли ходатайства дворянъ: противъ этого повелѣнія помѣта: „писано ко всѣмъ генералъ-губернаторамъ, писавшимъ о семъ, и къ губернатору“ (*Тамъ же*, *л.* 112).

[4]) *Тамъ же*, *л.* 77.

Что было съ вопросомъ о депутаціяхъ при вступленіи на престолъ Павла, то же самое повторилось въ слѣдующемъ году во время дворянскихъ выборовъ. Среди дворянъ установился обычай послѣ выборовъ отправлять депутаціи къ Высочайшему двору для принесенія Государю всеподданнѣйшей благодарности за дарованныя милости, но Павломъ и эта посылка депутатовъ была запрещена. Отмѣна сначала носила какъ будто единичный характеръ, а потомъ приняла видъ общаго распоряженія. Такъ, напр., 23-го ноября 1797 г., курскій губернаторъ С. Бурнашевъ, извѣщая ген.-прокурора о томъ, что въ концѣ декабря „имѣетъ быть произведенъ поновительный выборъ членовъ въ общественныя должности, по Высочайшимъ учрежденіямъ отъ дворянства и гражданства избираемыя“, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалъ, что, по окончаніи выборовъ, „предполагается по примѣру прежнихъ временъ послать изъ Курска для принесенія Е. И. В-ву всеподданнѣйшей благодарности губернскаго предводителя и депутатовъ отъ дворянства“. Донося объ этомъ генералъ-прокурору, губернаторъ „на посылку депутатовъ“ ожидалъ соотвѣтствующаго распоряженія. На рапортъ Бурнашева кн. Куракинъ (20-го дек.) отвѣтилъ письмомъ, въ которомъ сообщилъ, что „Его И. В-во на присылку депутатовъ не соизволяетъ“ [1]). Таковъ же отвѣтъ былъ и на запросъ (2-го дек.) о посылкѣ депутатовъ воронежскаго губернатора А. Б. Сонцова [2]). Нѣсколько позднѣе, именно 30-го декабря, по всѣмъ губерніямъ разослано было циркулярное распоряженіе о томъ, чтобы депутаты отъ дворянства къ Высочайшему двору не посылались.

Отмѣчу также указъ (4-го мая 1797 года), которымъ Высочайше повелѣно: „ни отъ кого и ни въ какихъ мѣстахъ прошеній, многими подписанныхъ, не принимать“ [3]). Въ позднѣйшемъ законодательномъ актѣ времени Александра I отмѣчалось, что указомъ 4-го мая было стѣснено право дворянъ ходатайствовать о своихъ нуждахъ, хотя слѣдуетъ сказать, что отмѣнена была лишь форма жалобъ, а по существу

---

[1]) *Дѣла канцеляріи ген.-прокурора*, № 269, л. 94 и 95.
[2]) *Тамъ же*, л. 178.
[3]) П. С. З., № 17955.

право ходатайствъ дворянства за нимъ признавалось, и дворяне имѣли возможность не въ видѣ жалобы, многими подписанной, а въ видѣ прошенія или представленія отъ имени предводителя дворянства ходатайствовать передъ высшими властями о своихъ нуждахъ [1]).

Изъ приведеннаго обзора мѣропріятій Павла I по отношенію къ дворянству видно, что почти не было ни одной статьи жалованной грамоты, трактующей о привилегіяхъ дворянства, которую не задѣвало-бы законодательство Павла своими урѣзками, сокращеніями и запрещеніями. Правда, на ряду съ этимъ, слѣдуетъ имѣть въ виду и мѣры, благопріятныя для дворянъ. Такъ, напр., дворяне получали преимущество передъ другими сословіями при прохожденіи службы, въ особенности военной, и это привилегированное положеніе служилаго дворянина отдѣльными узаконеніями Павловскаго времени подчеркивалось еще опредѣленнѣе и яснѣе, чѣмъ въ прежнее время; дворянство, фактически заполняя почти исключительно всѣ мѣста въ высшей и провинціальной администраціи, распоряженіями Павла цѣликомъ удерживало свои старыя позиціи и при новомъ порядкѣ замѣщенія должностей путемъ назначенія отъ сената, генералъ-прокурора и герольдіи; при этомъ государственная служба стала обезпечиваться не только болѣе повышенными окладами жалованья для многихъ должностей, но также щедро вознаграждалась пенсіями, пожалованіями земель, арендъ и крестьянъ. Императоръ Павелъ отличался, по выраженію одного мемуариста, „истинно царской щедростью", и милости Монарха прежде всего изливались на высшихъ сановниковъ и высшее служилое дворянство; наконецъ, нельзя не упомянуть и того обстоятельства, что въ 1797 году былъ учрежденъ государственный вспомогательный банкъ для дворянства съ тою цѣлью, чтобы подать „новую и скорую помощь дворянству" и избавить многія фамиліи отъ рукъ „алчныхъ корыстолюбцевъ и ростовщиковъ" [2]) Однако,

---

[1]) Опись, III, т. I, № 498, ср. 77; т. II, № 1304, 1644.

[2]) Манифестъ 18 дек. 1797 г.—П. С. З., № 18274. О дворянствѣ вообще въ П. С. З. см. №№ 18302, 18321, 18333, 18365, 18427, 18485, 18505, 18507, 18511 18552, 18684, 18686, 18708, 18729, 18877, 19111, 19356, 19375, 19509 и др.

указанныя милости были столь немногочисленны, что онѣ тонули въ общей массѣ всякаго рода ограниченій и запрещеній. Дворянство же, избалованное исключительнымъ вниманіемъ предшествующей Государыни, смотрѣло не на то, что оно имѣло и что получало, а преимущественно на то, что у него отбиралось, и такое отношеніе къ его правамъ и преимуществамъ, хотя бы идущее сверху, дворянамъ представлялось столь неестественнымъ, необоснованнымъ и недопустимымъ, что они приходили къ мысли о необходимости, во имя сохраненія основъ общественнаго и государственнаго строя, дать отпоръ подобному посягательству. Благодаря этому въ царствованіе Павла произошелъ довольно рѣзкій разрывъ между представителемъ верховной власти и дворянскимъ обществомъ; забыты были прежнія сердечныя отношенія, которыя установились при Екатеринѣ II, не создалось и спокойныхъ, хотя-бы холодныхъ, отношеній; наоборотъ, съ той и другой стороны проявлены были нетерпимость и горячность, переходящія то въ скрытое, то въ явное недоброжелательство и даже вражду, которая съ годами не составляла никакого секрета ни для остальныхъ группъ населенія, ни для пословъ иностранныхъ державъ.

2. Положеніе крестьянъ.

Царствованіе императрицы Екатерины II, какъ хорошо извѣстно изъ работъ виднаго изслѣдователя исторіи крестьянъ второй половины XVIII вѣка В. И. Семевскаго, было временемъ наибольшаго расцвѣта крѣпостного права. Начавши съ теоретическаго протеста противъ крѣпостного права въ черновикахъ Наказа, Екатерина II кончила заявленіемъ, что „русскій крестьянинъ во сто разъ счастливѣе и достаточнѣе французскаго крестьянина“, „лутчее сюдбы нашихъ крестьянъ у хорошова помѣщика нѣтъ во всей вселенной“, а законодательство этого времени, робкое и противорѣчивое по отношенію къ крестьянамъ, не влекло

за собой никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ судьбѣ русскаго крестьянства [1]).

О взглядахъ Павла на положеніе крестьянъ, въ бытность его цесаревичемъ, извѣстно изъ его переписки съ П. И. Панинымъ, а также изъ его наказа 1788 года. Въ указанной перепискѣ Павелъ Петровичъ отзывался такъ: „Нашъ народъ таковъ, что малѣйшее удовлетвореніе заставитъ его забыть цѣлые годы неудовольствія и бѣдствія самыя"; онъ обнаруживаетъ по своему „счастливому сложенію физическому и моральному" „слѣпое повиновеніе", которое правительству слѣдуетъ сохранять, какъ драгоцѣнное свойство народа, и всѣми мѣрами поддерживать. По мысли цесаревича, въ цѣляхъ устраненія причинъ народнаго неудовольствія, слѣдовало бы „снять" съ народа излишніе „налоги", „пресѣчь наряды съ земли" [2]). Дальше такихъ общихъ фразъ, говорящихъ лишь о благожелательности цесаревича къ крестьянству, Павелъ въ своей перепискѣ не пошелъ. Нѣсколько больше и опредѣленнѣе Павелъ писалъ о крестьянахъ въ своемъ наказѣ, въ статьяхъ 11, 17 и 18. Среди всѣхъ сословій—писалъ Павелъ — „особаго уваженія достойно" крестьянство, которое „содержитъ собою всѣ прочія части"; его состояніе слѣдуетъ изъ благодарности отечества утвердить, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ лучше они, крестьяне, трудились, и государство имѣло тѣмъ вѣрнѣе снабженіе; значитъ, законодательство, по мысли Павла, должно установить прочно положеніе крестьянства, не подвергая его „нынѣшнимъ перемѣнамъ", зависѣвшимъ, какъ можно догадываться, и отъ колебаній правительства и отъ усмотрѣній помѣщиковъ. О государственныхъ крестьянахъ Павелъ былъ того мнѣнія, что, хотя ихъ слѣдуетъ „свято оставлять по ихъ назначеніямъ", но вмѣстѣ съ тѣмъ „облегчать ихъ судьбу"; судьбу же приписныхъ къ заводамъ, какъ, видимо, находившихся въ особо тяжелыхъ условіяхъ, надлежало „пе-

---

[1]) Семевскій В. И., а) Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II, т. I и II, П. 1901—1903; б) Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. I, П., 1888; статья А. С. Лаппо-Данилевскаго, въ сборникѣ „Крестьянскій строй", т. I, П., 1905.

[2]) Рус. Стар., 1882, т. 33, стр. 741.

ремѣнить и разрѣшить" [1]). Вотъ то немногое, что имѣлось въ наказѣ Павла о крестьянахъ.

Извѣстно также, что Павелъ Петровичъ, сочувствуя тяжелому положенію крестьянъ въ своемъ Гатчинскомъ имѣніи, уменьшилъ ихъ повинности, помогалъ ссудами и пытался произвести нѣкоторыя перемѣны въ ихъ землепользованіи [2]). По вступленіи на престолъ, Павелъ проявлялъ то же благожелательное отношеніе къ народу, которое у него было и раньше. Онъ любилъ быть предметомъ вниманія и овацій простонародной толпы, охотно принималъ прошенія отъ крестьянъ, а иногда вступалъ съ ними въ разговоры. Былъ склоненъ оказывать имъ разныя милости въ частныхъ случаяхъ, а въ общихъ узаконеніяхъ Павелъ нерѣдко подчеркивалъ то, что та или иная мѣра издается въ интересахъ крестьянства. Напр., давая указъ бергъ-коллегіи (19 іюня 1800 г.) о выдѣлкѣ стали, Государь распорядился, чтобы бергъ-коллегія употребила всѣ средства къ выдѣлкѣ на Нижнеисѣцкой фабрикѣ косъ и серповъ, „въ чемъ нуждаются поселяне" [3]). Въ другомъ случаѣ, опредѣливши доктора и профессора Реннера въ званіе придворнаго окулиста, Павелъ командировалъ его „по разнымъ провинціямъ", „гдѣ болѣе надобности находится для пользованія безденежно страждущихъ глазными болѣзнями, а паче казенныхъ крестьянъ, и для наученія ихъ нужнымъ въ разсужденіи оныхъ предосторожностямъ", и на эту поѣздку ему было дано 2.000 рублей [4]). Случалось ли гдѣ народное бѣдствіе, голодъ, пожаръ или градъ, Императоръ немедленно принималъ мѣры къ облегченію участи потерпѣвшихъ. Въ Бѣлоруссіи, напр., произошелъ голодъ — туда былъ командированъ сенаторъ Державинъ съ порученіемъ—„насытить голодныхъ". Въ Смоленской губерніи разразился градъ, о чемъ стало извѣстно Павлу, тогда онъ посылаетъ ген.-отъ-инф. Философову, смоленскому военному губернатору, указъ, чтобы тотъ исчислилъ,

---

[1]) Вѣстн. Евр., 1867 г., кн. I.

[2]) Семевскій, Крестьяне, II, 146.

[3]) *Сен. Арх., Книги копій*, № 265, л. 249.

[4]) *Тамъ же*, № 259, л. 4 (указъ медицинской коллегіи 2 апр. 1799 г.).

„на какую цѣну какъ хлѣба, такъ и скота выбило“, и представилъ ему, такъ какъ онъ, Государь, „желаетъ наградить причиненный градомъ крестьянамъ казеннаго вѣдомства убытокъ“ [1]).

Напомню еще то, что императоръ Павелъ, по личному почину, послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій запрета, разрѣшилъ крестьянамъ подавать ему жалобы на притѣсненія помѣщиковъ и управителей, и всякій разъ принималъ мѣры къ выясненію того, насколько справедлива жалоба и въ чемъ можно помочь крестьянамъ [2]). Разсматривая и взгляды Павла на крестьянъ и отдѣльныя мѣропріятія Павла, какъ государя, въ которыхъ отразились его личные взгляды и настроеніе, едва ли можно сомнѣваться въ общемъ благожелательномъ отношеніи Павла къ простому народу. Такое отношеніе сказалось въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ узаконеній и распоряженій Павловскаго времени, какъ общаго характера примѣнительно ко всему крестьянскому населенію, такъ и частнаго—примѣнительно къ отдѣльнымъ группамъ и даже къ отдѣльнымъ лицамъ изъ низшихъ общественныхъ слоевъ.

Изъ мѣропріятій общаго характера слѣдуетъ упомянуть облегченіе рекрутской повинности, замѣну хлѣбной подати денежнымъ сборомъ, облегченіе повинностей: подводной, дорожной и мостовой, обезпеченіе населенія хлѣбомъ путемъ устройства запасныхъ магазиновъ и сложеніе недоимокъ.

Рекрутская повинность была облегчена при Павлѣ въ первые же дни его царствованія, такъ какъ указомъ 10 ноября 1796 г. велѣно было рекрутскому набору, объявленному Екатериной II 13 сентября того же года, „не быть“. Подобная же отмѣна набора произошла и въ 1800 году [3]). Вообще говоря, повинность крови, лежавшая большой тягостью на крестьянахъ, была для нихъ нѣсколько смягчена также благодаря тому, что Екатерининская армія, насчиты-

---

[1]) *Тамъ же*, № 252, л. 100 об. (указъ 13 іюля 1797 г.).

[2]) Впрочемъ, слѣдуетъ оговориться, что потомъ было запрещено подавать жалобы „скопомъ“, а также „многими подписанныя“; за подачу жалобъ, признанныхъ ложными, крестьяне наказывались.

[3]) П. С. З., № 17538, ср. № 17633, 19045.

вавшая до 500 тысячъ человѣкъ, сократилась при Павлѣ до 350 тыс. человѣкъ приблизительно [1]).

Почти одновременно съ отмѣной рекрутскаго набора былъ данъ указъ о новой Высочайшей „милости“ народу. 12 ноября 1796 г. былъ данъ совѣту Е. В-ва указъ, въ которомъ читаемъ: „Отвращая по мѣрѣ возможности всякую тягость народную, соизволяемъ, чтобы совѣтъ Нашъ немедленно приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла, касающагося до хлѣбнаго сбора, по указу 1794 г. іюня 23 въ разныхъ губерніяхъ вновь введеннаго, и, сообразя тутъ выгоды народныя съ пользою казенною, представилъ Намъ его мнѣніе“ [2]). Совѣтъ, при обсужденіи вопроса о хлѣбномъ сборѣ, нашелъ его „по причинѣ неудобствъ въ пріемѣ и перевозѣ неизбѣжно отяготительнымъ“ и признала правильнымъ замѣнить его умѣренной денежной податью, считая по 15 коп. за четверикъ и начиная сборъ съ слѣдующаго 1797 года; собранный же хлѣбъ, если бы онъ оказался ненужнымъ провіантскому вѣдомству, предположено было раздать заимообразно поселянамъ, а оставшійся продать съ публичнаго торга [3]).

Указомъ 19 сент. 1797 г. съ поселянъ снимается повинность содержать подъемныхъ лошадей, необходимыхъ для арміи, и давать подводы для перевозки фуража, провіанта и прочаго; вмѣсто этой повинности велѣно было со всѣхъ крестьянъ, какъ казенныхъ, такъ и помѣщичьихъ, взимать по 13 коп. съ души, надбавку къ подушному окладу [4]).

---

[1]) См. подсчетъ г. Баіова въ Исторіи рус. арміи и флота, т. I, стр. 12 (пѣхоты—204 тыс., кавалеріи—45, артиллеріи—25, инженерныхъ войскъ—около 3; всего полевыхъ войскъ—277 тыс., а съ гарнизонными—355 тыс.).

[2]) Арх. гос. сов., II, 61.

[3]) Тамъ же, 62—72; указъ 10 дек. 1796 г.—П. С. З., № 17628; ср. 17661. Въ указѣ 18 дек. 1797 г. (№ 18278) въ числѣ милостей, оказанныхъ Государемъ нарду съ отмѣной рекрутскаго набора, упоминается и объ отмѣнѣ хлѣбнаго сбора, о чемъ говорится такъ: „Отрѣшили мы также сборъ провіанта и фуража, сопрягавшій съ собою безмѣрное для поселянъ изнуреніе“.

[4]) П С. З., № 18144; ср. № 19145. Въ указѣ 18 дек. 1797 г. по этому поводу говорилось: „Облегчивъ вообще поселянъ отъ тягости, сопряженной съ содержаніемъ подъемныхъ лошадей, при войскахъ положенныхъ“... (№ 18278—стр. 848). Ср. Опись, III, т. I, № 398, 403, 439, 426; II, № 1213, 1423.

Облегчается также почтовая и подводная повинности [1]), и даже тогда, когда ради Высочайшаго путешествія требуется поставка значительнаго числа лошадей, то принимаются мѣры къ тому, чтобы эта поставка не была слишкомъ обременительной для крестьянъ [2]).

Въ заботахъ о народномъ пропитаніи учреждаются повсемѣстно хлѣбные магазины. Мысль объ устройствѣ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ была еще у Петра Великаго [3]), она получила отчетливое выраженіе въ законодательствѣ [4]) Екатерины II, но нашла свое наиболѣе широкое примѣненіе въ мѣропріятіяхъ Павла I. Прежде всего цѣлымъ рядомъ указовъ установлено было, чтобы запасные хлѣбные магазины были непремѣнно учреждены во всѣхъ городахъ, въ волостяхъ и селахъ (въ казенныхъ—въ каждомъ имѣніи, гдѣ числится не менѣе 50 душъ крестьянъ), какъ удѣльныхъ, экономическихъ и казенныхъ, такъ и въ помѣщичьихъ [5]). Установлена была норма ежегоднаго взноса въ размѣрѣ $^1/_2$ четверика ржи и $^1/_2$ гарнца ярового съ души кре-

---

[1]) П. С. З., № 17582, 17691, 18048 (указъ 16 іюля 1797 г. объ упраздненіи сбора на содержаніе почтъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, дабы „не могло быть городскимъ и уѣзднымъ жителямъ однимъ передъ другими отягощенія").

[2]) По этому поводу 10 февр. 1797 г., напр., былъ данъ рескриптъ на имя Н. П. Архарова, въ которомъ читаемъ: „Для предпріемлемаго Нами шествія въ Москву повелѣваемъ къ 1-му наступающаго марта поставить на каждомъ стану по той дорогѣ въ губерніяхъ Спб., Новгородской и Тверской до 500 лошадей, съ потребнымъ числомъ людей и съ надлежащей упряжью, включая имѣющееся количество и на ямахъ, и наблюдая, чтобъ въ семъ нарядѣ соблюдена была всевозможная соразмѣрность, и чтобъ подъ видомъ онаго никакихъ незаконныхъ поборовъ или другого рода злоупотребленій не происходило, такожъ, чтобъ установленныя прогонныя деньги плачены были проѣзжающими за полное число лошадей, кому сколько дано будетъ; и чтобъ тѣ прогонныя, а равно и простойныя деньги досталися непремѣнно въ тѣ руки, кому слѣдуетъ; при чемъ вамъ должно имѣть сношеніе съ д. т. с. Измайловымъ, дабы по проѣздѣ Нашемъ и двора Нашего лошади, по сему указу наряжаемыя, тотчасъ отпущены были" (*Книги копій*, № 252, л. 211). Такой же рескриптъ былъ данъ на имя М. Измайлова и для Московской губ. (л. 231).

[3]) В. И. Семевскій, Крестьяне, II, 89 и сл.

[4]) П. С. З., № 11649, 12351 (ср. 13590 п. 15), 13017, 14416, 14795, 15867, 16161 и др.

[5]) Тамъ же, № 17837 (Кн. штатовъ, II, стр. 291—292; ср. 337), 17906, 18082, 18663, 18822, 18760 (послѣдніе три указа—о конторахъ правленія запасными магазинами въ столицахъ), 19436 (правила учрежденія запасныхъ магазиновъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ).

стьянской „всякаго званія“ [1]); были выработаны правила постройки сельскихъ магазиновъ, надзоръ за ними въ лицѣ губернскаго начальства и порядокъ отчетности [2]). Сверхъ того, съ губернаторами и губернскими прокурорами велась обширная переписка о томъ, чтобы подобные магазины были дѣйствительно открыты и наполнены хлѣбомъ [3]); Высочайшимъ же повелѣніемъ 18 марта 1798 г. сенату внушено было „обратить надлежащее вниманіе на сельскіе и городовые магазины, находятся ли они тамъ, гдѣ учредить ихъ велѣно, и то ли количество хлѣба содержатъ, какъ по вѣдомостямъ быть должно; въ случаѣ же, когда долженствующій быть на лицо хлѣбъ не окажется и сіе произошло отъ злоупотребленія или нерадѣнія—виновныхъ отдать подъ судъ и недостатокъ взыскать всенепремѣнно, имѣя неослабное бдѣніе, чтобы сія часть, столь хозяйству государственному необходимая, была всегда въ надлежащей исправности и охраненіи“ [4]).

Общее сложеніе недоимокъ произошло благодаря указу 18 дек. 1797 г., въ которомъ правительство объявляло о цѣломъ рядѣ новыхъ финансовыхъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью „наполнить всякіе недостатки“, избѣгнуть дефицитовъ и, „поставя часть казенную на степень, величію государства соотвѣтственную, распространить все то, что къ общественной пользѣ служить можетъ“. Настаивая на томъ, чтобы впредь подати взносились „исправно и бездоимочно“, Государь, по своей монаршей милости, соизволилъ, чтобы всѣ недоимки, въ количествѣ болѣе 7 милліоновъ [5]), числившіяся до 1-го янв. 1797 г. на мѣщанахъ, казенныхъ и помѣщи-

---

[1]) П. С. З., № 19203; въ магазинахъ держать отъ годовой до двухгодовой пропорціи хлѣба, раздавать хлѣбъ крестьянамъ въ ссуду безъ прироста— № 18856, 19423.

[2]) Тамъ же, № 18146, 18856, 19309, 19948.

[3]) Опись, отд. III, т. I, № 452, 604; II, № 945, 1383, 1586, 1770 (обширная переписка о состояніи запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ—на 435 полулистахъ).

[4]) Сенатъ потребовалъ отъ губернаторовъ въ „самоскорѣйшемъ времени“ прислать обстоятельныя и точныя свѣдѣнія о хлѣбныхъ магазинахъ и возложилъ надзоръ надъ магазинами на губернаторовъ—П. С. З., № 18448.

[5]) Въ П. С. З., въ указѣ 18 дек. 1797 г. неправильно указано только 70.000; это очевидная опечатка—ср. № 18512.

чьихъ крестьянахъ по подушному сбору, на казенныхъ же поселянахъ и по оброчнымъ статьямъ — были сложены и впредь въ казну не взыскивались [1]). Это было общей мѣрой, которая захватила крестьянъ всякихъ наименованій по преимуществу. Но нѣсколько раньше были многочисленные отдѣльные случаи, когда Павелъ, по представленію мѣстныхъ властей, издавалъ указы, которыми платежъ недоимокъ въ 1797 году или облегчался, или же прекращался. Такъ, въ отвѣтъ на обширный рапортъ гр. Гудовича—о тяжеломъ положеніи жителей многихъ селъ Моздокскаго у., разоренныхъ и разошедшихся въ разныя стороны благодаря набѣгамъ горцевъ, и о невозможности взыскивать съ нихъ недоимки по подушному сбору и другимъ, послѣдовало (3 ноября 1797 г.) Высочайшее повелѣніе—„всѣ вообще недоимки по казеннымъ взысканіямъ доправлять съ наличнаго числа людей", о чемъ дать „повсемѣстныя, куда слѣдуетъ, предписанія" [2]). 7 марта 1797 г. велѣно было съ вновь поселенныхъ въ Саратовской губ. казенныхъ крестьянъ „денежныя недоимки, равно какъ и выданный имъ хлѣбъ изъ казеннаго магазина заимообразно не взыскивать" [3]); 8-го марта—„казенную доимку" 7336 руб. 98¼ коп. съ поселянъ (Красносельской вол., Софійскаго у.) сложить" [4]).

Выше мной разсмотрѣны узаконенія, которыми, въ цѣляхъ облегченія крестьянъ, отмѣнялись или видоизмѣнялись опредѣленные сборы или повинности, при чемъ эти мѣры по большей части касались всей массы крестьянъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ можно отмѣтить цѣлый рядъ узаконеній и мѣропріятій, которыя издавались въ отдѣльныхъ случаяхъ примѣ-

---

[1]) Указъ 18 дек. 1797 г.—№ 18278.

[2]) *Книги именныя*, № 199, л. 86—92.

[3]) „Но какъ нѣкоторые изъ оныхъ уже хлѣбъ обратно внесли—читаемъ дальше—то въ уравненіе съ прочими Е. И. В-во всемилостивѣйше повелѣваетъ имъ оный возвратить, а дабы симъ милосердіемъ не подать имъ повода къ такой же впредь въ платежѣ неисправности, Е. И. В. указать соизволилъ: съ нынѣ текущаго 1797 г. всѣ подати съ нихъ въ точности собирать" (*Тамъ же*, № 190, л. 132).

[4]) „А обратить взысканіе оной на земскихъ исправниковъ и виновныхъ въ таковомъ запущеніи доимки, коихъ должность обязывала по службѣ пещись о взысканіи оной въ свое время" (*Книги имен.*, № 190, л. 143).

нительно къ небольшимъ крестьянскимъ группамъ, но которыя проникнуты были однимъ основнымъ духомъ—устранить „отягощеніе“ и „разореніе“ простонародья въ томъ или другомъ случаѣ и тѣмъ самымъ улучшить его бытъ.

Такъ указомъ 24 іюля 1798 г. велѣно было, „дабы не отяготить крестьянъ“, выдавать имъ заочно паспорта [1]); Яжельбецкаго яма ямщики, въ виду 38-верстнаго разстоянія до другого яма, какъ оказалось, терпѣли „изнуреніе“—велѣно было на полпути устроить новый ямъ [2]); указомъ 18 янв. 1798 г. землемѣрамъ подтверждалось, чтобы они всемѣрно воздержались отъ внушеній, вовлекающихъ поселянъ въ ябеды и „разорительныя“ тяжбы [3]); изыскивая, по порученію Государя, средства помощи при пожарахъ въ городахъ и селеніяхъ, сенатъ, какъ узнаемъ изъ его доклада, Высоч. утвержденнаго 18 іюля 1799 г., прежде всего „разсуждалъ“, „какимъ образомъ впредь всѣмъ вообще претерпѣвающимъ несчастныя приключенія, безъ новыхъ налоговъ и отягощенія народнаго, можетъ быть оказываемо пособіе“ [4]). О всѣхъ вообще повинностяхъ, отбываемыхъ населеніемъ, извѣстна была воля Его Величества—расположить ихъ „безъ отягощенія обывателей“ [5]). При народныхъ несчастіяхъ и трудностяхъ поселяне получали льготы. Такъ, жители Подольской губерніи, въ виду моровой язвы, освобождены были отъ всякихъ податей на 2 года, а также имъ данъ былъ хлѣбъ для посѣва; подобная льгота распространена была и на жителей Волынской губерніи [6]). Жителямъ Нижегородской губ. разрѣшено было селиться не по планамъ, что представлялось для нихъ затруднительнымъ, а по ихъ разсмотрѣнію, какъ имъ казалось удобнѣе и выгоднѣе [7]).

Кромѣ узаконеній и мѣръ, направленныхъ по отношенію ко всему крестьянскому населенію, слѣдуетъ отмѣтить

---

[1]) П. С. З., № 18600.

[2]) Указъ 25 янв. 1798 г.—№ 18339.

[3]) П. С. З., № 18330.

[4]) П. С. З., № 19040.

[5]) Тамъ же, № 18664; ср. 18278; объ устраненіи „излишнихъ отягощеній“ крестьянамъ—№ 19641, 19735.

[6]) Тамъ же, № 18480, 18851, 18869.

[7]) Тамъ же, № 18528.

нѣкоторыя важныя мѣры, предпринятыя правительствомъ времени Павла, по отношенію къ главнѣйшимъ группамъ крестьянъ, а именно въ отношеніи крестьянъ: а) удѣльныхъ, б) казенныхъ, в) фабрично-заводскихъ и г) наконецъ, помѣщичьихъ [1]). Не входя въ детальный обзоръ всѣхъ законоположеній, касавшихся этихъ группъ, я укажу лишь наиболѣе важныя мѣры, которыя были предприняты Павломъ примѣнительно къ нимъ.

Какъ извѣстно, удѣльные крестьяне появились въ кругу дворцового вѣдомства благодаря „учрежденію объ императорской фамиліи“ 5 апр. 1797 г. Въ многочисленныхъ параграфахъ этого обширнаго законоположенія говорится о крестьянахъ, но смыслъ ихъ сводится къ слѣдующему: а) слѣдовало обезпечить крестьянъ землей и правильно распредѣлить ее между ними; б) поднять крестьянское хозяйство улучшенной техникой, развитіемъ ремеслъ и устройствомъ даже фабрикъ; в) организовать сборы и отбываніе повинностей на новыхъ началахъ, имѣя въ виду болѣе равномѣрное распредѣленіе тягостей, а также интересы вѣдомства, г) установить и привести въ порядокъ сельское самоуправленіе [2]). Первые годы вѣдомство и занято было устройствомъ управленія удѣльными крестьянами, мало обращая вниманія на улучшеніе ихъ быта, хотя и и въ этомъ отношеніи кое-что немногое было сдѣлано.

Когда предпринято было обособленіе крестьянъ удѣльныхъ и обмежеваніе ихъ, результатомъ чего явилось генеральная описная книга всего земельнаго имущества удѣловъ, то тогда же выяснилась недохватка земель для многихъ селеній; поднялся вопросъ, можно ли отмежевывать земли изъ „порозжихъ“ казенныхъ и снабжать ими удѣльныхъ крестьянъ

---

[1]) Я не называю крестьянъ экономическихъ, однодворцевъ и прочихъ, такъ какъ они вошли въ составъ крестьянъ казенныхъ и общія узаконенія о послѣднихъ примѣнялись и къ нимъ. Кромѣ того законодательство времени Павла, зная обо всѣхъ мелкихъ группахъ крестьянскаго населенія, иногда не даетъ достаточнаго матеріала для той или другой группы, и, повидимому, не вносило никакихъ измѣненій, спеціально принаровленныхъ къ подобнымъ мелкимъ группамъ.

[2]) П. С. З., № 17906. Исторія удѣловъ, I, 34 и сл.; II, ч. 2-ая, 10 и сл.

или же земли должны пріобрѣтаться, какъ и предполагалось учрежденіемъ 1797 года, самимъ удѣльнымъ вѣдомствомъ. Сенатомъ этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ [1]) отрицательно (14 мая 1800 г.), хотя нѣсколько позднѣе для удѣльныхъ поселянъ нѣкоторыхъ губерній велѣно было землю нарѣзывать изъ казенныхъ дачъ [2]). Но если законодательство въ основѣ стояло на той точкѣ зрѣнія, что о землѣ должно заботиться само удѣльное вѣдомство и увеличивать крестьянскіе надѣлы путемъ покупки, то оно на одномъ этомъ не остановилось. Указомъ 21 марта 1800 года [3]) крестьянамъ удѣльнаго вѣдомства было дано важное право—покупать земли у частныхъ владѣльцевъ съ однимъ только формальнымъ условіемъ, чтобы купчая была совершена на имя департамента удѣловъ; однако, право пользованія землею предоставлялось „единственно купившему таковую землю“ сверхъ той доли, которая приходилась ему при разверсткѣ земель всего селенія. Въ связи съ землей поднятъ былъ вопросъ объ оброчныхъ статьяхъ, слѣдуетъ ли ихъ передать крестьянамъ; узаконеніемъ 24 мая 1800 г. разрѣшено передать имъ тѣ оброчныя мельницы, которыя лежали на крестьянскихъ земляхъ и дѣйствительно построены были на ихъ собственное иждивеніе [4]); остальныя же—отдать на откупъ.

Въ заботахъ о поднятіи сельско-хозяйственной техники была открыта школа практическаго земледѣлія, гдѣ удѣльные и казенные крестьяне могли бы обучаться болѣе раціональнымъ способамъ веденія хозяйства, а затѣмъ разносить свои знанія по селамъ и деревнямъ [5]); хотя слѣдуетъ добавить, несмотря на благія начинанія правительства, опытъ съ этой школой оказался неудачнымъ.

Извѣстно, что не одно земледѣліе, но и промыслы и работа на сторонѣ составляли необходимыя занятія удѣльныхъ крестьянъ, но послѣдняя стѣснялась паспортной си-

---

[1]) Исторія удѣловъ, II, ч. 2, стр. 18.
[2]) П. С. З., № 19930.
[3]) Тамъ же, № 19334.
[4]) П. С. З., № 19427.
[5]) П. С. З., 20 февр. 1801 г., № 19760.

стемой и обязательствомъ явки паспорта въ удѣльныхъ экспедиціяхъ. Указомъ же 2 марта 1798 г. „въ облегченіе“ удѣльныхъ крестьянъ установлено выдавать покормежные паспорта изъ уѣздныхъ казначействъ, а потомъ заявлять ихъ прямо въ волостныхъ правленіяхъ или приказахъ, безъ явки въ удѣльныхъ экспедиціяхъ [1]). Облегченъ былъ для крестьянъ не только уходъ на заработки, но и выходъ въ купечество и мѣщанство: въ виду того, что въ представленіи министра удѣловъ усмотрѣно было „согласіе общественной пользы съ приращеніемъ дохода“, на содержаніе императорской фамиліи опредѣленнаго, указомъ 22 окт. 1798 г. повелѣно было—увольнять удѣльныхъ поселянъ въ купечество „по праву помѣщичьему“ за уплату выкупной суммы, назначенной мірскимъ приговоромъ и утвержденной департаментомъ, или же за взносъ рекрутской цѣны при переходѣ въ нижнее купечество и мѣщанство [2]). Также разрѣшалось (указомъ 4 іюня 1800 г.) вѣнчать дѣвокъ и вдовъ изъ удѣльныхъ селеній съ помѣщичьими крестьянами, но при условіи полученія увольнительнаго свидѣтельства отъ сельскихъ старшинъ [3]). Наконецъ, узаконеніемъ 28 апр. 1800 г. установлено было въ каждой удѣльной экспедиціи по одному повѣренному для оказанія юридической помощи удѣльнымъ крестьянамъ, повѣренный долженъ объѣзжать имѣнія и своими совѣтами и указаніями „давать руку помощи и поставлять, гдѣ именно и какимъ образомъ право свое они отыскивать должны“ [4]). Таковы немногія узаконенія, касавшіяся удѣльныхъ крестьянъ: въ нихъ два наиболѣе существенныхъ пункта—заботы о землѣ и самоуправленіи среди крестьянъ.

Тѣ же основные вопросы о землѣ и самоуправленіи, но гораздо шире поставленные, трактовались въ многочисленныхъ указахъ и мѣропріятіяхъ правительства, касавшихся крестьянъ казеннаго вѣдомства. Въ теченіе всего XVIII вѣка

---

[1]) П. С. З., № 18408.

[2]) Тамъ же, № 18714: увольнять крестьянъ, съ соблюденіемъ, однако, того условія, чтобы такое лицо до новой переписи продолжало платить крестьянскія подати.

[3]) П. С. З., 19451.

[4]) Тамъ же, № 19400.

въ законодательствѣ вырабатывалось понятіе поземельнаго надѣла для государственныхъ поселянъ разныхъ наименованій, который былъ-бы достаточенъ для прокормленія самого крестьянина съ семьей и давалъ бы ему возможность платить подати и отбывать государственныя повинности. Такимъ надѣломъ былъ признанъ 15-десятинный надѣлъ на каждую ревизскую душу; нерѣдки были случаи фактическаго примѣненія этой нормы еще въ Екатерининское время, и крестьянамъ отмежовывали земли въ дополненіе къ ихъ владѣніямъ изъ сосѣднихъ свободныхъ казенныхъ земель [1]). Но собственно широкихъ мѣръ по обезпеченію государственныхъ крестьянъ землей тамъ, гдѣ чувствовалось малоземелье, до Павловскаго времени предпринято не было.

Законодательство Павла I прежде всего выходило изъ мысли о необходимости надѣлить крестьянъ 15-десятиннымъ надѣломъ, и въ многочисленныхъ указахъ о крестьянахъ, даже при пожалованіи ихъ частнымъ лицамъ, довольно часто указывало на обязательность отвода земли крестьянамъ въ „узаконенную" 15-десятинную пропорцію [2]). На ряду съ раздачами крестьянъ съ землей, слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторую бережливость казеннаго земельнаго фонда. Такъ указомъ 8 дек. 1796 г. было предписано—„продажу въ частныя руки казенныхъ порозжихъ земель" впредь до указа остановить [3]); указомъ 10 іюня 1797 года — принять мѣры къ тому, чтобы при межеваніи казенныя земли не отводились частнымъ владѣльцамъ; за этимъ должны были слѣдить особые повѣренные [4]). Дополнительными статьями къ межевой инструкціи (14 авг. 1798 г.) внушалось, чтобы при отводѣ земель къ селеніямъ при совладѣніи отдавали предпочтеніе казеннымъ поселянамъ передъ частновладѣльческими и надѣляли первыхъ 15-десятинной пропорціей, а потомъ, по

---

[1]) Якушкинъ В., Очерки по исторіи рус. поземельной политики въ XVIII и XIX в., вып. I, М., 1890, стр. 151, 169, 202—203 и др. Ср. Милюковъ П. Н., Рус. аграрная политика пр. столѣтія (Рус. Мысль, 1890, № 5, 198—213); Ефименко А. Я., Изслѣдованія народной жизни, вып. I, М., 1884, стр. 342 и сл.

[2]) Сен. Арх., I, 194, 203, 211, 245 и др.

[3]) П. С. З., № 17622.

[4]) П. С. З., № 18322.

удовлетвореніи ихъ, приступали къ надѣленію землей помѣщичьихъ крестьянъ [1]). Высочайшимъ повелѣніемъ 1799 года было установлено, чтобы всѣ тяжбы, связанныя съ отдачей казенной земли въ частныя руки, непремѣнно восходили на Высочайшую конфирмацію [2]).

Стоя на стражѣ земельнаго фонда казны, законодательство старается разработать вопросъ о практическомъ осуществленіи прежнихъ правилъ надѣленія казенныхъ крестьянъ землей. Важнымъ исходнымъ пунктомъ въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ считать Высочайше утвержденный (11 ноября 1797 г.) докладъ сената [3]); въ немъ сенатъ, разсмотрѣвши донесенія сенатора Маврина о томъ, что крестьяне Вятской губерніи землею скудны и живутъ на оброчныхъ земляхъ, „призналъ полезнымъ"—а) отдать крестьянамъ изъ оброчныхъ земель такое количество, чтобы съ находящеюся въ ихъ владѣнію землею составился 15-десятинный надѣлъ; а гдѣ оброчныхъ земель мало, то отдать столько, сколько есть, ибо „чрезъ такое удовлетвореніе крестьяне, землями скудные, придутъ въ лучшее состояніе" и сдѣлаются исправными плательщиками казенныхъ податей; б) мельницы же [4]), рыбныя ловли и проч.—оставить въ казенномъ вѣдомствѣ, съ тѣмъ, однако, исключеніемъ, чтобы мельницы, построенныя иждивеніемъ крестьянъ, были отданы въ ихъ владѣніе. Эти постановленія касались уже не одной Вятской губерніи, но были распространены на казенныхъ крестьянъ всѣхъ остальныхъ губерній. Они важны были съ той стороны, что опредѣляли отдачу крестьянамъ въ надѣлъ не только земель пустопорожнихъ [5]), но и оброчныхъ, приносившихъ казнѣ значительный доходъ.

Вслѣдъ затѣмъ по губерніямъ началась работа по выясненію количества пустопорожнихъ и оброчныхъ казенныхъ

---

[1]) Тамъ же, № 18625.

[2]) П. С. З., № 19091.

[3]) Тамъ же, этотъ докладъ включенъ въ сенатскій указъ 27 ноября 1797 г.— № 18256.

[4]) Объ отдачѣ мельницъ см. также указъ 10 янв. 1800 г.—№ 19244.

[5]) О назначеніи пустопорожнихъ земель см. подтвержденіе въ указѣ 7 апр. 1799 г.— П. С. З., № 18925.

земель и подсчетъ, хватитъ ли земли для надѣла всѣхъ крестьянъ 15-ю десятинами на душу [1]). Оказалось въ результатѣ подсчета, что во многихъ губерніяхъ земель дѣйствительно не хватаетъ [2]). Какъ только это выяснилось для нѣкоторыхъ мѣстъ, сенатъ указомъ 19 авг. 1798 г. предписалъ казеннымъ палатамъ производить уравнительную разверстку земель среди поселянъ казеннаго вѣдомства въ цѣляхъ предупрежденія какихъ-либо нареканій и жалобъ [3]). Въ цѣляхъ дѣйствительнаго выполненія указовъ о надѣленіи крестьянъ землей, Павелъ въ концѣ 1799 года, разсылая сенаторовъ для осмотра губерній, особымъ пунктомъ инструкціи (4-мъ— о земледѣліи) предписывалъ „взять свѣдѣнія“, достаточно ли земли у крестьянъ, „сдѣлать мѣроположеніе“ для представленія о томъ сенату и выяснить вопросъ о переселеніи крестьянъ при малоземельѣ въ одномъ мѣстѣ и наличности пустопорожнихъ земель въ другомъ [4]).

Основываясь на 4 пунктѣ инструкціи, сенаторы обычно собирали свѣдѣнія о землепользованіи казенныхъ крестьянъ

---

[1]) См. подобную вѣдомость для 30 губерній (за исключеніемъ 11, состоявшихъ на особыхъ правахъ, и области войска Донского) — *Дѣла канц. ген.-прокурора*, № 2327, л. 3 и сл.

[2]) А. С. Лаппо-Данилевскій, сообщивъ о томъ, что правительство, указомъ 1797 г., „опредѣлило уравнять всѣхъ казенныхъ крестьянъ землею, назначивъ имъ по 15 дес. па ревизскую душу“, добавилъ: „но можетъ быть, въ виду разнообразія мѣстныхъ условій, примѣнить такую мѣру было трудно“. (Крестьянскій строй, I, 143). Едва ли такая догадка автора вѣрна: дѣло не въ разнообразіи мѣстныхъ условій, а въ недостаткѣ земли.

[3]) П. С. З., № 18633.

[4]) Вотъ текстъ этого любопытнаго пункта: „Въ разсмотрѣніи земледѣлія главнымъ предметомъ долженствуютъ быть крестьяне казеннаго вѣдомства; а потому и нужно взять свѣдѣнія: имѣютъ ли они достаточное количество земли по числу рукъ, оную обрабатывающихъ и по пропорціи, Высочайше имъ предназначенной; и ежели гдѣ у однихъ ея недостаточно, а у другихъ находится излишекъ, то сдѣлать мѣроположеніе для дальнѣйшаго уваженія въ прав. сенатѣ: нѣтъ ли возможности и удобности учинить между ими полезное уравненіе, переселеніемъ нѣкотораго числа душъ съ одного мѣста на другое, и обращеніемъ въ пособіе сему казенныхъ пустопорожнихъ земель. . . . . . Равнымъ образомъ не оставить безъ вниманія и самаго употребленія тѣхъ земель, коими казенные поселяне дѣйствительно нынѣ владѣютъ: обрабатываютъ ли они все образомъ, свойственнымъ доброму хозяйству, или же какія части остаются безъ обрабатыванія, по нераченію ли то, или по какимъ другимъ причинамъ“ (П. С. З., № 19212— стр. 907).

и представляли свои соображенія сенату и Государю [1]). Въ числѣ такихъ соображеній сенаторы Неплюевъ и фонъ-Визинъ, осматривавшіе Воронежскую губернію, представили „способъ къ отвращенію затрудненій въ разверстаніи земель казенныхъ поселянъ въ чрезполосномъ владѣніи". Сенатъ, обсуждая его, пришелъ къ выводу о необходимости предписать всѣмъ казеннымъ палатамъ, чтобы „назначенныя ими къ разверстанію земли далѣе не оставались впустѣ" и были отданы „въ дѣйствительное ихъ (крестьянъ) владѣніе" [2]). Значитъ, сенатъ подталкивалъ мѣстное начальство къ выполненію предначертаній, узаконенныхъ 11 ноября 1797 г. А нѣсколько позднѣе разъяснительнымъ указомъ сенатъ устанавливалъ, чтобы а) при надѣленіи крестьянъ, земель прежняго владѣнія у нихъ не отнимать, б) надѣлять прежде всего тѣ селенія, которыя болѣе всего терпятъ недостатокъ, в) переселять крестьянъ не иначе, какъ по собственному ихъ желанію [3]). Такимъ путемъ были приняты серьезныя мѣры къ устройству земельнаго быта казенныхъ крестьянъ.

Рапорты сенаторовъ, переписка съ казенными палатами и губернаторами вскрыли одно печальное обстоятельство: земельнаго фонда, вполнѣ достаточнаго для обезпеченія крестьянъ—15-десятиннымъ надѣломъ, у казны не было, даже несмотря на то, что въ круговоротъ раздачи были пущены земли оброчныя, порожнія и лѣса. Только въ немногихъ губерніяхъ, какъ то: Новгородской, Вологодской и Астраханской земли было вполнѣ достаточно, даже получался остатокъ при распредѣленіи ея въ 15-десятинный душевой надѣлъ, въ другихъ же губерніяхъ земли „недоставало немалаго количества". Выходомъ изъ такого труднаго положенія было пониженіе надѣла до 8-десятинной пропорціи и установленіе слѣдующихъ правилъ: а) надѣлять крестьянъ землей по 15 десятинъ на душу тамъ, гдѣ земли вполнѣ достаточно; б) гдѣ земли не хватаетъ, то тамъ установить въ качествѣ нормы—

---

[1]) См., напр., донесенія Трощинскаго и кн. Щербатова (*Сен. Арх.*, Дѣла Трощинскаго, № 1).

[2]) Указъ 27 іюля 1800 г.—№ 19462.

[3]) Отъ іюля 1800 г.—№ 19500; см. также № 19639.

8-десятинную пропорцію и нарѣзать землю прежде всего тѣмъ, кто имѣетъ меньше 8 десятинъ, а оставшуюся землю „опредѣлить уравнительно“ по ревизскимъ душамъ; в) при малоземельѣ желающимъ предоставить возможность переселяться въ другія мѣста, въ чемъ губернаторы обязаны были оказывать всяческое содѣйствіе. Когда эти правила были утверждены Государемъ, то сенатъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы казенныя палаты въ вопросѣ о надѣленіи землями „тотчасъ“ „приступили къ отдачѣ оныхъ въ дѣйствительное владѣніе“ поселянъ [1]).

Изъ приведенныхъ выше краткихъ указаній видно, что правительство времени Павла вело широкую землеустроительную политику: а) оно старалось охранять казенный земельный фондъ; б) выяснило количество земель, находившихся въ его распоряженіи по всѣмъ губерніямъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя стояли на особомъ положеніи; в) рѣшило раздавать крестьянамъ не только пустопорожнія, но и оброчныя земли и статьи; г) въ виду выяснившейся невозможности надѣлить всѣхъ крестьянъ 15-десятинной пропорціей, понизило надѣлъ до 8 десятинъ на ревизскую душу, однако, съ такимъ расчетомъ, чтобъ и пониженный надѣлъ былъ достаточенъ для веденія нормальнаго крестьянскаго хозяйства; д) при малоземельѣ намѣтило путь устраненія его въ видѣ переселеній на свободныя земли, и, наконецъ, е) приняло рядъ энергичныхъ мѣръ къ тому, чтобы земли были отданы крестьянамъ незамедлительно, „въ дѣйствительное владѣніе“, при чемъ при этой отдачѣ проводился, хотя и не со всей строгостью, принципъ уравнительной разверстки земель.

Другой важной стороной мѣропріятій временъ Павла относительно казенныхъ крестьянъ слѣдуетъ признать нормировку сборовъ съ крестьянъ и устройство внутренняго ихъ управленія. Указомъ 18 дек. 1797 г. оброкъ со „всѣхъ поселянъ казенныхъ разнаго званія“ былъ повышенъ, но не въ

[1]) П. С. З., указъ 27 янв. 1801 г. № 19735. Къ тому же вопросу относятся указы—№ 17944, 18216, 18256, 18676; ср. 19914, 20033, 20057, 20088, 20100, 20426, 20474, 20655, 20916. Опись, отд. III, т. II, № 1192, 1526.

одинаковой мѣрѣ: въ 1783 году онъ былъ установленъ въ видѣ равномѣрнаго сбора въ размѣрѣ 3-хъ рублей; въ 1797 г. всѣ губерніи были распредѣлены на 4 класса, въ зависимости отъ чего и поселяне должны были платить разный оброкъ „по свойству земли, изобилія въ ней и способамъ для обитателей къ работамъ и промысламъ“: въ губерніяхъ I класса вмѣстѣ съ прежнимъ—5 руб., во II-мъ—4 р. 50 к., въ III—4 руб., въ IV—3 р. 50 коп. [1]) Подобная градировка удержалась и въ послѣдующее время.

По отношенію къ крестьянскому самоуправленію важное значеніе имѣетъ Высочайше утвержденный докладъ экспедиціи государственнаго хозяйства о раздѣленіи казенныхъ селеній на волости и о порядкѣ внутренняго ихъ управленія [2]). Этимъ узаконеніемъ была дана довольно прочная организація волостному управленію, а также намѣчены основы управленія сельскаго или деревенскаго. Волость составлялъ рядъ селъ и деревень, примѣрно въ 3000 ревизскихъ душъ, не болѣе; въ ней учреждалось въ одномъ изъ главныхъ селеній „волостное правленіе“, которое составляли: „волостной голова“, избираемый сходомъ всей волости на два года, староста того села, гдѣ устроено волостное правленіе, и писарь. Каждое село имѣетъ своихъ должностныхъ лицъ: „выборнаго“ или старосту, избираемаго на сходѣ на одинъ годъ, и десятскихъ, одного при 10 дворахъ, смѣняемыхъ черезъ мѣсяцъ поочередно. Волостной голова получалъ въ руководство обширную инструкцію, изъ которой видно, что онъ долженъ былъ заботиться не только о сборѣ оброчныхъ денегъ, о правильномъ распредѣленіи повинностей, о хозяйственномъ благополучіи волости и поддержаніи порядка въ ней, но также „вразумлять о благочиніи церковномъ, о долгѣ ка-

---

[1]) Къ этому нужно присоединить 2 коп. на рубль „накладныхъ“, такъ что оброкъ колебался между 3 руб. 57 коп. и 5 р. 10 к. съ каждой ревизской души. Мотивами къ повышенію сбора, кромѣ потребностей государственныхъ, необходимо требовавшихъ изысканія новыхъ источниковъ дохода, были слѣдующія обстоятельства, указанныя въ законѣ 18 дек. 1797 г. (№ 18278): а) „цѣны вещамъ несравненно возвысилися“ (за послѣдніе 15 лѣтъ послѣ переоброчки въ 1783 году); б) „поселяне распространили свои прибытки“; в) предписано снабдить ихъ „достаточными по возможности землями“.

[2]) П. С. З., докладъ авг. 7-го 1797 г., № 18082.

ждаго въ посвященіи воскресныхъ, праздничныхъ и торжественныхъ дней на службу Божію“; онъ обязанъ „въ маловажныхъ между поселянами ссорахъ и искахъ расправу чинить и примирять“, „имѣть надъ вдовами и сиротами, равномѣрно надъ лѣнивыми и нерадивыми о хозяйствѣ опеку“ и проч.

„Положеніе“ о волостномъ и сельскомъ управленіи 1797 г. въ дальнѣйшемъ, какъ извѣстно, сыграло важную роль въ устройствѣ крестьянскаго самоуправленія: оно было положено въ основу послѣдующихъ узаконеній по этому предмету и нѣкоторыми своими частями вошло въ статьи Свода Законовъ, трактующія „о правахъ и обязанностяхъ сельскихъ обществъ“ [1]).

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще о нѣкоторыхъ узаконеніяхъ Павловскаго времени, которыя касались крестьянъ казеннаго вѣдомства. Указомъ 21 окт. 1797 г. подтверждено было право казенныхъ крестьянъ записываться въ купечество и мѣщанство, съ разъясненіемъ лишь того, чтобы всѣ подобныя ходатайства непремѣнно представлялись сенату, для окончательнаго разрѣшенія [2]); указомъ 1798 г. велѣно— при тяжбахъ поселянъ считать апелляціонный срокъ со времени объявленія имъ приговора [3]); указомъ 1799 г. позволено было казеннымъ крестьянамъ рубить лѣсъ изъ казенныхъ дачъ безденно для своихъ хозяйственныхъ надобностей [4]). Таковы главныя узаконенія о крестьянахъ казеннаго вѣдомства; изъ нихъ наиболѣе важное значеніе имѣютъ тѣ, которыя казались землеустроительной политики и крестьянскаго, волостного и сельскаго самоуправленія [5]).

Число фабричныхъ и заводскихъ крестьянъ при Павлѣ должно было нѣсколько увеличиться. Указомъ 16 марта 1798 г., во избѣжаніе злоупотребленій и ради поощренія промышлен-

---

[1]) См. статьи 406 и 407 Св. Зак., т. IX, изд. 1832 года, и ссылки въ нихъ на узаконеніе 7 авг. 1797 г. (№ 18082).

[2]) П. С. З., № 18213.

[3]) Тамъ же, № 18509, 18510.

[4]) Тамъ же, № 18875; ср. 19086.

[5]) Сверхъ указаннаго слѣдовало бы разсмотрѣть вопросъ о раздачѣ крестьянъ дворцовыхъ и казенныхъ частнымъ владѣльцамъ, но этотъ вопросъ еще не выясненъ мной окончательно. О раздачѣ см. статью В. И. Семевскаго въ Рус. Мысли, за 1882 г., № 12.

ности, разрѣшено было фабрикантамъ и заводчикамъ изъ купцовъ пріобрѣтать къ своимъ фабрикамъ и заводамъ крестьянъ съ тѣмъ, чтобы купленныя деревни „всегда были при заводахъ и фабрикахъ неотложно“, „никакими вымыслами“ за другими не укрѣплялись, „поодиночкѣ или семьями не переводились“ ни къ кому и никуда, а при закрытіи производства и работъ, передавались въ казну на извѣстныхъ условіяхъ [1]). Хотя это узаконеніе находится въ несоотвѣтствіи съ намѣреніями Павла—судьбу крестьянъ приписанныхъ къ заводамъ разрѣшить, но оно вызывалось частью тѣми злоупотребленіями, которыя бывали при запрещеніи купцамъ покупать крестьянъ для фабрикъ, частью тѣмъ, что промышленность требовала рабочихъ рукъ, которыхъ вольнонаемнымъ путемъ найти было чрезвычайно трудно. Эта послѣдняя причина заставляла правительство Павла идти по проторенному пути при созданіи новыхъ казенныхъ фабрикъ и заводовъ и приписывать къ нимъ казенныхъ крестьянъ. Такъ 25 февр. 1797 г., по докладу главнаго директора бергъ-коллегіи Соймонова, велѣно было къ Луганскому заводу въ Донецкомъ уѣздѣ приписать для работъ государственныхъ крестьянъ въ количествѣ 4 тысячъ душъ [2]). Указомъ 7 іюля 1798 г. приказано—выбрать изъ казеннаго селенія способныхъ къ дѣланію глиняной посуды работниковъ и мальчиковъ и приписать ихъ къ фаянсовой фабрикѣ близъ Кіева [3]).

Но отступая отъ своихъ первоначальныхъ плановъ и предначертаній, Павелъ тѣмъ не менѣе ослабляетъ тяжесть такой приписки нѣкоторыми постановленіями и высказываетъ по этому случаю свои пожеланія. Такъ по поводу приписки къ Луганскому заводу въ его резолюціи на докладѣ Соймонова читаемъ: „Назначеніе въ приписку государственныхъ крестьянъ препоручить генералъ-прокурору. Стараться согласить воинскихъ жителей на исправленіе заводскихъ работъ за добровольную плату, что возлагается на правителя губерніи обще съ Гаскоиномъ“. Въ указѣ о припискѣ къ фаян-

---

[1]) П. С. З., № 18442.
[2]) П. С. З., № 17832; ср. 18104.
[3]) Тамъ же, № 18571.

совой фабрикѣ говорилось, чтобы приписано было надобное число работниковъ „безъ излишества“, „цѣлыми семействами“, „безъ разбивки“; послѣ отработки податей, заработанныя деньги сверхъ того „выдавать имъ“ (крестьянамъ) изъ доходовъ отъ фабрики; а указомъ 16 марта 1798 г. предписывалось при покупкѣ крестьянъ къ частнымъ фабрикамъ, чтобы изъ количества годныхъ въ работу дней половина шла на заводскія работы, а другая половина—на работы крестьянскія.

Впрочемъ, надо сказать, что эти пожеланія и постановленія не касались существа дѣла: фабрично-заводскіе крестьяне оставались въ прежнемъ тяжеломъ положеніи. Попыткой „разрѣшить“ ихъ судьбу явился проектъ Соймонова снабдить фабрики и заводы „непремѣнными работниками“, остальныхъ же крестьянъ отъ заводскихъ работъ освободить окончательно. Однимъ изъ главныхъ мотивовъ этого проекта было тяжелое положеніе приписныхъ крестьянъ, которые, „отлучаясь отъ домовъ своихъ (вдали отъ заводовъ находившихся) на долгое время, должны разстраивать тѣмъ свое хозяйство“, а затѣмъ работой своей покрывать подати не только свои, но и за выбылыхъ, престарѣлыхъ, малолѣтнихъ и увѣчныхъ. Чтобы устранить подобное „для крестьянъ отягощеніе“, Соймоновъ предлагалъ предоставить крестьянамъ право избрать изъ своей среды небольшое число работниковъ (для нѣкоторыхъ заводовъ это составитъ „20-ю долю“ всего числа душъ), которые, не перемѣняясь, должны будутъ выполнять всѣ заводскія работы, получая провіантъ и денежное жалованье отъ завода, остальные же крестьяне будутъ освобождены отъ какихъ-либо работъ на фабрикахъ и заводахъ. Такой порядокъ казался Соймонову удобнымъ и выгоднымъ какъ для крестьянъ, такъ для заводовъ и казны [1]).

---

[1]) „Крестьяне, читаемъ въ его запискѣ, бывъ въ правѣ выбрать въ мастеровые самыхъ неимущихъ, дѣлающихъ въ податяхъ и мірскихъ раскладкахъ недоимки и чрезъ то служащихъ имъ только въ тягость, останутся съ сей стороны навсегда покойными, казна же въ полученіи и за нихъ податей совершенно обезпеченною. Сверхъ того они, бывъ освобождены единажды отъ исправленія заводскихъ работъ, избавятся навсегда отъ тягостныхъ для нихъ переходовъ къ заводамъ, и все сіе время употреблять уже будутъ въ свою пользу по сельскому хозяйству, которое доселѣ на той необходимости разстраивалось. Заводы, имѣя у

Совѣтъ Е. В-ва, на обсужденіе котораго былъ отданъ проектъ Соймонова, согласился съ его доводами и призналъ полезнымъ „наполненіе заводовъ людьми мастеровыми изъ приписныхъ крестьянъ", повысивъ нѣсколько окладъ жалованія непремѣннымъ мастеровымъ и сумму, предположенную къ отпуску на содержаніе лошадей; при чемъ эту мѣру совѣтъ считалъ желательнымъ распространить и на крестьянъ приписныхъ къ частно-владѣльческимъ заводамъ [1]. 19 мая 1800 г. мнѣніе совѣта получило Высочайшую конфирмацію. А осенью собирались свѣдѣнія о томъ, „сколько съ приписныхъ къ казеннымъ и партикулярнымъ заводамъ крестьянъ слѣдуетъ взять непремѣнныхъ мастеровыхъ, за исключеніемъ Колывановоскресенскихъ и Нерчинскихъ заводовъ, кои должны предварительно осмотрѣны быть", и рѣшался также вопросъ о снабженіи Луганскаго литейнаго завода постоянными мастеровыми изъ предположенныхъ къ припискѣ 4000 душъ крестьянъ [2]. Значитъ, вопросъ о перемѣнѣ судьбы приписныхъ къ заводамъ крестьянъ законодательствомъ былъ уже разрѣшенъ въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ, оставалось лишь практически осуществить принятое законоположеніе. Въ именномъ указѣ 9 ноября 1800 г. по поводу приписныхъ крестьянъ читаемъ: „Блаженство вѣрноподданныхъ Намъ народовъ есть первая цѣль Нашихъ попеченій. Входя въ состояніе приписныхъ къ горнымъ заводамъ крестьянъ, усмотрѣли Мы, что исправленіе работъ... сопряжено съ немалымъ для крестьянъ отягощеніемъ, а для самихъ заводовъ съ чувствительнымъ растройствомъ. Дабы отвратить обоюдныя неудобства, поручили Мы совѣту Нашему разсмотрѣть мнѣніе" д. т. с. Соймонова. „Къ особенному удовольствію найдя, что

себя непремѣнныхъ работниковъ, всѣ припасы приготовлять будутъ въ самое удобнѣйшее, слѣдовательно, и прибыточнѣйшее для нихъ время, чѣмъ подается для нихъ, очевидно, возможность доставлять болѣе дохода казнѣ и находиться всегда въ самомъ избыточнѣйшемъ во всѣхъ частяхъ состояніи" (Арх. гос. сов., II, 370—371).

[1] „Дабы и тѣ крестьяне, читаемъ въ постановленіи совѣта, кои приписаны къ заводамъ, нынѣ въ партикулярныхъ рукахъ находящимся, могли воспользоваться подобною монаршею милостью" (о назначеніи непремѣнныхъ мастеровыхъ и рабочихъ—Арх. гос. сов., II, 399).

[2] Тамъ же, II, 415—418.

всѣ предположенныя имъ средства суть самыя соотвѣтственнѣйшія намѣренію Нашему освободить отъ заводскихъ работъ крестьянъ и привести въ возможное совершенство горныя производства“, повелѣваемъ: а) укомплектовать заводы непремѣнными мастеровыми, взявши по расчету изъ 1000 душъ 58 человѣкъ, годныхъ къ работѣ; б) всѣхъ прочихъ, сверхъ выбранныхъ самими крестьянами 58 чел., освободить отъ заводскихъ работъ, причисливъ къ разряду крестьянъ государственныхъ, и проч. [1]). Примѣняя къ этому указу слова В. И. Семевскаго, можно сказать: „пробилъ, наконецъ, часъ освобожденія приписныхъ крестьянъ отъ тяжелыхъ обязательныхъ работъ“ [2]).

Для помѣщичьихъ крестьянъ моментъ вступленія на престолъ Павла явился поводомъ къ тому, чтобы высказать свое недовольство крѣпостной долей и заявить о желаніи перейти въ въ разрядъ крестьянъ государственныхъ. Протестъ противъ соціальныхъ условій выражался то въ видѣ глухого ропота или пассивнаго сопротивленія помѣщичьей власти, то въ видѣ подачи жалобы Государю, сопровождаемой иногда отказомъ отъ работъ на помѣщика, то въ видѣ возстанія и открытаго бунта. Правительство принуждено было прибѣгать къ мѣрамъ строгости, чтобы сдержать вспыхнувшія волненія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣняло при усмиреніи воинскую

---

[1]) П. С. З., № 19641; ср. 20815.

[2]) По поводу приписныхъ къ горнымъ заводамъ въ книгѣ В. И. Семевскаго (Крестьяне, II, 560) читаемъ: „При имп. Павлѣ возникло предположеніе о замѣнѣ приписныхъ крестьянъ непремѣнными мастеровыми; но лишь со вступленіемъ на престолъ имп. Александра I пробилъ, наконецъ, часъ освобожденія приписныхъ крестьянъ отъ тяжелыхъ обязательныхъ работъ“; „правительство (Александра I) произвело радикальную реформу въ положеніи крестьянъ, приписныхъ къ уральскимъ горнымъ заводамъ“ (561). Въ эти строки слѣдуетъ внести значительныя поправки и оговорки, какъ это, думаю, достаточно ясно видно изъ предыдущаго изложенія: а) при Павлѣ не только „возникло предположеніе“, но было издано узаконеніе о непремѣнныхъ мастеровыхъ; б) значитъ, при Павлѣ, а не при Александрѣ I, говоря словами В. И. Семевскаго „пробилъ часъ“ освобожденія крестьянъ отъ работъ на заводахъ; в) при Александрѣ, добавлю, „радикальная реформа“ была сужена, такъ какъ коснулась только уральскихъ заводовъ, тогда какъ при Павлѣ было установлено, что эта реформа должна захватить крестьянъ вообще горныхъ заводовъ (кромѣ Колывановоскресенскихъ и Нерчинскихъ) не только казенныхъ, но и партикулярныхъ, а затѣмъ распространилась и на Луганскій литейный заводъ.

силу [1]). Однако, манифестъ 29 янв. 1797 г., изданный по поводу крестьянскихъ волненій, написанъ былъ въ мягкихъ тонахъ; въ немъ объявлялось, что Государь, „соболѣзнуя“ о происшедшемъ, „предварительно всякимъ усильнымъ мѣрамъ къ укрощенію буйства“, восхотѣлъ „употребить средства кроткія и человѣколюбивыя“, а потому „монаршимъ и отеческимъ гласомъ“ призываетъ всѣхъ и каждаго, „да обратятся къ законамъ и власти повиновенію“, помѣщичьи же крестьяне должны „спокойно пребывать въ прежнемъ ихъ званіи, быть послушными помѣщикамъ своимъ въ оброкахъ, работахъ и, словомъ, всякаго рода крестьянскихъ повинностяхъ, подъ опасеніемъ за преслушаніе и своевольство неизбѣжнаго по строгости законной наказанія“ [2]). Хотя позднѣе при усмиреніяхъ приходилось иногда прибѣгать къ воинской силѣ, однако, вообще говоря, особой жестокости при усмиреніяхъ проявлено не было; когда же мѣстныя власти умѣли обходиться при волненіяхъ и безпорядкахъ безъ помощи вооруженныхъ рукъ, то получали отъ Павла выраженіе монаршей признательности за исправленіе службы, согласное съ порядкомъ и „человѣколюбіемъ“ [3]).

Какъ во время крестьянскихъ волненій, такъ и позднѣе правительство черезъ губернаторовъ внушало помѣщикамъ

---

[1]) Вопросъ о крестьянскихъ волненіяхъ при Павлѣ подробно освѣщенъ въ работахъ: 1) де-Пуле, Крестьянское движеніе при имп. Павлѣ Петровичѣ (Рус. Арх., 1869, 525—577); 2) Трифильевъ Е. П., Очерки изъ исторіи крѣп. права въ Р., Харьковъ, 1904.

[2]) П. С. З., № 17769.

[3]) Въ рескриптѣ на имя тамбовскаго губернатора (21 сент. 1799 г.), не прибѣгнувшаго къ мѣрамъ строгости при неповиновеніи крестьянъ, читаемъ: „Вамъ изъявляю мое благоволеніе за донесеніе ваше, сопряженное съ человѣколюбіемъ и добрымъ порядкомъ, всегда сходственнымъ съ волею моею“ (Древ. и Нов. Россія, 1877 г., I, стр. 308).

Въ другомъ подобномъ же рескриптѣ на имя лифляндскаго губернатора Рихтера отъ 19 окт. 1798 г. говорится: „Рапортъ вашъ о прекращеніи безъ крайнихъ средствъ, неспокойствія среди крестьянъ въ губерніи, вамъ ввѣренной, бывшихъ, читалъ Я съ Моимъ особливымъ удовольствіемъ, умножающимъ Мое къ вамъ благоволеніе, которое чрезъ сіе изображаю; желаю, чтобъ вы совершенно увѣрены были въ томъ, что исправленіе службы вашей и каждаго, согласное съ порядкомъ и купно съ человѣколюбіемъ, есть вещь, сердцу Моему пріятная и которая никогда отъ Меня безъ должнаго возмездія не остается“ *(Книги копій,* № 261, л. 71).

проявлять къ своимъ крестьянамъ „умѣренность“ въ работахъ и наказаніяхъ, неоднократно разслѣдовало случаи угнетенія крестьянъ, и помѣщиковъ, виновныхъ въ „крайнемъ изнуреніи“ крестьянъ работами и непосильными поборами, отдавало подъ судъ. Всѣ подобныя мѣры примѣнялись и въ прежнее время, однако, въ Павловское царствованіе крестьянамъ легче было найти управу на жестокихъ помѣщиковъ. До насъ дошелъ не одинъ десятокъ дѣлъ, по которымъ помѣщики привлечены были къ отвѣтственности за „тиранство“ своихъ „подданныхъ“, за изнуреніе и крайнее отягощеніе ихъ работами, и многіе помѣщики дѣйствительно поплатились за свои поступки тюрьмой, ссылкой въ монастырь, отдачей подъ присмотръ родственниковъ, или наказаны были еще строже, а имѣнія такихъ владѣльцевъ были отданы въ опеку.

Кромѣ судебной и административной практики, благопріятной по отношенію къ помѣщичьимъ крестьянамъ, слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько законодательныхъ мѣръ, которыя были предприняты по отношенію къ нимъ. Прежде всего отмѣчу знаменитый указъ 5-го апрѣля 1797 года о такъ называемой трехдневной барщинѣ: хотя онъ, какъ будетъ показано ниже, не установилъ непремѣннаго требованія о раздѣленіи недѣли на двѣ части, одной для работы въ пользу владѣльца, другой — въ пользу самого крестьянина, тѣмъ не менѣе имѣлъ важное принципіальное значеніе, такъ какъ былъ первымъ опытомъ законодателя—встать между помѣщикомъ и крестьяниномъ и попытаться установить и упорядочить размѣръ труда, отдаваемаго послѣднимъ въ пользу перваго. Законъ 5 апрѣля, не совсѣмъ ясный и опредѣленный, былъ знаменемъ для послѣдующаго времени и отправной точкой по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Изъ другихъ узаконеній отмѣчу: а) 16 окт. 1798 г.—о непродажѣ малороссійскихъ крестьянъ безъ земли [1]); б) 16 февр. 1797 г.—о непродажѣ дворовыхъ людей и безземельныхъ

---

[1]) Сенатъ въ своемъ докладѣ допускалъ такую продажу и испрашивалъ на то Высочайшаго разрѣшенія, но на докладѣ Павелъ наложилъ краткую резолюцію: „Безъ земли не продавать“ (П. С. З., № 18706).

крестьянъ „съ молотка или съ подобнаго на сію продажу торга", и объ изысканіи способа взысканія съ помѣщиковъ долговъ казенныхъ и частныхъ [1]); в) 19 янв. 1800 г.—о передачѣ крестьянъ, безъ раздробленія семействъ, въ родъ того супруга, которому принадлежитъ отецъ семейства [2]); г) о предоставленіи права людямъ ищущимъ вольности, самимъ приносить апелляціи на рѣшенія присутственныхъ мѣстъ, хотя бы со стороны уѣздныхъ стряпчихъ объявлено было на тѣ рѣшенія удовольствіе [3]), и другіе указы [4]).

---

[1]) П. С. З., № 17809; указомъ 28 янв. 1798 г. постановлено: „оцѣнивать ихъ по работѣ и по тому доходу, каковой каждымъ изъ нихъ чрезъ искусство, рукодѣлье и труды доставляется владѣльцу, брать ихъ въ казну, принимая оный процентомъ съ капитала, который и зачитывать въ казенный долгъ"... (№ 18353; ср. Опись, отд. II, т. I, № 19).

[2]) П. С. З., № 19250.

[3]) Тамъ же, № 17583; ср. Высоч. повелѣніе 3 дек. 1797 г. о томъ, чтобы въ искахъ о вольности ходатайство и переносъ дѣлъ возложенъ былъ на прокуроровъ, а помѣщики обязаны были подпискою—„никакихъ наказаній (людямъ ищущимъ вольности) безъ вѣдома земской полиціи не дѣлать" № 18261; ср. № 18768, 10911, 19148. Опись, отд. II, т. I, № 40, 116; II, № 125, 133, 142 и др.

[4]) О крестьянахъ вообще какъ о казенныхъ, такъ и помѣщичьихъ въ П. С. З., кромѣ упомянутыхъ выше, см. указы—о запрещеніи переходовъ въ южныхъ губерніяхъ и на Кавказѣ—№ 17638; о ямской повинности—17582; объ однодворцахъ—№ 17771, 18622, 18628, 18676, 18837, 18842, 19146; о татарахъ, приписанныхъ къ работамъ по заготовленію корабельныхъ лѣсовъ—17772, 19224; о ложномъ разглашеніи помѣщичьимъ крестьянамъ, что они будутъ казенными—17776; о ясашныхъ—17792; о казенныхъ крестьянахъ—17880; о приписныхъ къ работамъ у Эльтонскаго озера—17944, 18678; о принятіи мѣръ священниками къ удержанію крестьянъ отъ неповиновенія—17958; о заводскихъ крестьянахъ—18129; о судѣ и расправѣ надъ крестьянами Курляндской губ.—18262; о надѣленіи мастеровыхъ землей—18350; объ огражденіи экономическихъ крестьянъ отъ притѣсненій—18352; о запискѣ въ купечество и мѣщанство—18362, 19576, 19579; о ссылкѣ въ каторжныя работы по желанію помѣщиковъ—18388; о дачѣ за убитаго крестьянина другого крестьянина—18395; о письменномъ видѣ—18434; объ апелляціонныхъ срокахъ—18509, 18510; о припискѣ дворовыхъ людей къ вотчинамъ и домамъ—18550; о написаніи праздно-шатающихся казаковъ Черноморскаго войска въ подушный окладъ—18597; о продажѣ земли крестьянамъ въ Выборгской губ.—18607; о правилахъ опредѣленія въ статскую службу—18622; о нераздачѣ крестьянъ дворцовыхъ—18713; о дачѣ права С-Петерб. крестьянамъ производить мелочную торговлю—18814; о невзысканіи съ крѣпостныхъ крестьянъ по векселямъ—18988; объ отдачѣ помѣщичьихъ крестьянъ за самовольную порубку въ рекруты безъ зачета—18992; о наказаніи крестьянъ за перевозъ бѣглыхъ заграницу—19014; о наборѣ рекрутъ—19045; о причисленіи бродягъ и работниковъ на Черноморскомъ побережьи къ черноморскимъ казакамъ—19091; о сокольихъ помытчикахъ и кречетникахъ—19315, 19533; о зачетѣ въ наборъ бѣглыхъ и неповинующихся крестьянъ, отданныхъ помѣщиками въ рекруты—19421; о волненіи крестьянъ въ Симбирской губ.—19479; о ссылкѣ крестьянъ на поселеніе (по желанію помѣ-

Вотъ въ бѣглыхъ чертахъ все то, что сдѣлано было Павловскимъ законодательствомъ по отношенію къ крестьянамъ и крѣпостному праву вообще. Въ этой политикѣ нельзя найти желанія прямо поставить вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости или о радикальномъ улучшеніи быта крестьянъ, но совершенно опредѣленно выясняется общее благожелательное отношеніе правительства къ крестьянамъ вообще.

Мѣропріятія Павловскаго времени не отличаются выдержанностью и систематичностью [1]) (раздача дворцовыхъ и казенныхъ крестьянъ, приписка къ заводамъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ среди нихъ можно найти рядъ важныхъ мѣръ, несомнѣнно способствовавшихъ дѣйствительному улучшенію быта крестьянъ; сюда должно быть отнесено: облегченіе повинностей, землеустроительная политика, организація сельскаго и волостного самоуправленія, постановленіе о непремѣнныхъ мастеровыхъ, пріемъ Государемъ жалобъ на помѣщиковъ, рядъ мѣръ административныхъ и судебная практика, которой защищались крестьяне отъ неправильнаго порабощенія и отъ излишняго отягощенія работами и поборами. Для крестьянъ царствованіе Павла ознаменовало собой наступленіе новой эры: росту крѣпостного права положенъ былъ конецъ, произошелъ переломъ въ соціальной политикѣ Россіи, правительство стало принимать дѣйствительныя мѣры по улучшенію быта крестьянъ, и волей-неволей колесо исторіи повернулось въ сторону великаго дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной неволи.

щиковъ)—19669, 19740; объ опредѣленіи въ канцелярскіе служащіе отпущенныхъ на волю дворовыхъ—19678; о положеніи въ окладъ людей разнаго званія въ Новороссійской губ.—19682; о незаписываніи бродягъ и непомнящихъ родства въ мѣщанство и купечество—19694; о пожалованіи въ однодворцы нижнихъ чиновъ не изъ дворянъ, служившихъ въ Гатчинскихъ батальонахъ—19696, 19718, 19726. Ср. также Сен. Арх., т. I; Опись, отд. III, т. I—III.

[1]) Эта черта законодательства Павла по отношенію къ крестьянамъ была уже отмѣчена В. И. Семевскимъ; только онъ, по моему мнѣнію, преувеличилъ ее, а потому и недостаточно оцѣнилъ то положительное для крестьянъ, что было сдѣлано Павломъ.

3. Манифестъ 1797 года о трехдневной барщинѣ [1]).

I.

Манифестъ 5 апрѣля 1797 года, относящійся къ крестьянамъ, въ Полномъ Собраніи Законовъ озаглавленъ такъ: „О трехдневной работѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ и о непринужденіи къ работамъ въ дни воскресные“ [2]). Это оглавленіе перешло и въ историческую литературу съ тѣмъ, однако, отличіемъ, что обычно удерживалась первая мысль и отбрасывалась вторая, благодаря чему манифестъ 5 апрѣля прослылъ подъ именемъ закона о трехдневной барщинѣ. Такое пониманіе манифеста стало господствующимъ.

Наиболѣе яркое указаніе на подобный смыслъ манифеста находимъ у проф. С. Ѳ. Платонова. Въ его печатномъ курсѣ читаемъ: „Павелъ установилъ закономъ 1797 г. высшую норму крестьянскаго труда въ пользу помѣщиковъ (три дня барщины въ недѣлю) и такимъ образомъ положилъ первое ограниченіе помѣщичьей власти“ [3]). Съ нѣкоторыми оговорками, но такое же значеніе придаютъ манифесту извѣстные ученые, спеціалисты по крестьянскому вопросу— В. И. Семевскій и А. С. Лаппо-Данилевскій. Первый изъ нихъ называетъ манифестъ „закономъ о трехдневной барщинѣ“ и хотя отмѣчаетъ, что онъ „написанъ былъ весьма неопредѣленно“, но добавляетъ: „тѣмъ не менѣе (онъ) имѣлъ большое значеніе: это была первая попытка ограниченія повинностей крѣпостныхъ крестьянъ, и наше правительство смотрѣло на него, какъ на положительный законъ,

---

[1]) Первоначально напечатано въ Сборникѣ статей, посвященныхъ С. Ѳ. Платонову. П., 1911, стр. 127—175.

[2]) П. С. З., № 17909.

[3]) Платоновъ С. Ѳ., Лекціи по рус. исторіи, изд. 8-ое, П., 1913 г. стр. 650.

несмотря на то, что онъ не исполнялся" [1]). Съ большей осторожностью къ манифесту относится А. С. Лаппо-Данилевскій, но и онъ признаетъ, что указъ 1797 г. „упомянулъ объ ограниченіи барщины тремя днями" [2]).

Болѣе рѣшительны въ своихъ сужденіяхъ о манифестѣ 5 апрѣля историки-юристы. Такъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ о немъ говоритъ: „по указу 1797 г. число рабочихъ дней въ недѣлю на помѣщика ограничено тремя днями", впрочемъ, къ этому добавляетъ, что законъ этотъ въ практику не вошелъ [3]). А. Н. Филипповъ полнѣе и точнѣе передаетъ содержаніе манифеста; въ его курсѣ читаемъ: „Только 5 апрѣля 1797 г. императоръ Павелъ I, подтверждая запрещеніе не принуждать крѣпостныхъ къ работѣ по воскреснымъ днямъ, установилъ, что крестьяне обязаны работать на помѣщика лишь 3 дня въ недѣлю и имѣютъ право остальные 3 дня недѣли употреблять на работу по своему собственному хозяйству" [4]). Въ такомъ же родѣ объясняетъ манифестъ и В. Н. Латкинъ, въ книгѣ котораго сообщается: „Императоръ Павелъ Петровичъ... предписалъ указомъ 1797 г. требовать отъ крестьянъ исполненія барщины только въ теченіе трехъ дней въ недѣлю и освободить ихъ отъ всякихъ работъ по праздникамъ" [5]). Изъ приведенныхъ выдержекъ можно видѣть, что какъ историками, такъ и юристами при передачѣ смысла манифеста 5 апрѣля подчеркивается, что имъ была установлена трехдневная барщина,

---

[1]) Семевскій В. И., Крестьянскій вопросъ, т. I, стр. 232, 493; ср. также, 233 примѣчаніе 1-е, 307, 478 и Крестьянскій строй (сборникъ статей), т. I, 168; ср. рецензію на книгу Е. П. Трифильева—г. Багалѣя (Записки И. Харьков. Унив., 1906, кн. 2, 114—115).

[2]) См. ст. А. С. Лаппо-Данилевскаго въ сборникѣ „Крестьян. строй", т. I, 115, 133.

[3]) Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ исторіи рус. права", 4-е изд., 1905 г., стр. 246.

[4]) Филипповъ А. Н., „Исторія рус. права", ч. I, вып. 3-ій Юрьевъ, 1906 г., стр. 233; ср. Учебникъ исторіи рус. права, изд. 5-ое, 1914 г., стр. 764.

[5]) Латкинъ, „Учебникъ исторіи рус. права", 2-ое изданіе, П., 1909 г., стр. 217. Подобный же взглядъ проводился и В. И. Сергѣевичемъ въ его „Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ", изданныхъ въ 1883 г., гдѣ говорилось: Павелъ I „опредѣлилъ число рабочихъ дней въ пользу помѣщиковъ указомъ 1797 г.", „крестьяне должны были работать три дня на помѣщика, а остальное время на себя, праздники оставались свободными" (стр. 654).

и такое мнѣніе въ настоящее время является господствующимъ въ исторической литературѣ [1]).

Переходя къ самому манифесту и обстоятельствамъ, среди которыхъ онъ возникъ, нужно имѣть въ виду, что Павелъ Петровичъ, какъ указано выше, съ давнихъ поръ весьма благосклонно относился къ крестьянамъ. Съ вступленіемъ Павла I на престолъ помѣщичьи крестьяне, устраняемые отъ вѣрноподданнической присяги съ воцаренія Елисаветы Петровны, снова были допущены къ присягѣ [2]), а затѣмъ послѣдовалъ рядъ благопріятныхъ мѣръ по отношенію къ крестьянамъ.

Хотя тотчасъ же по воцареніи Павла I во многихъ мѣстахъ среди крестьянъ проносились невѣрные слухи то о томъ, что они отпускаются на волю, то, что они становятся государевыми, такъ какъ они Государю присягали, и даже вспыхнули волненія, переходившія въ открытый бунтъ, однако, Императоръ не ожесточился противъ крестьянъ и прибѣгалъ къ мѣрамъ строгости лишь въ крайнихъ случаяхъ. Роль

---

[1]) Вопросомъ о манифестѣ 5 апрѣля 1797 г. занимался въ недавнее время Е. П. Трифильевъ въ своей работѣ „Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи“, Харьковъ, 1904 г., 291—303. Эта книга встрѣтила строгую критику со стороны Н. П. Павлова-Сильванскаго (см. его двѣ статьи въ „Очеркахъ по рус. исторіи XVIII—XIX вв., Спб., 1910 г., 154—205; первоначально въ Ж. М. Н. П., 1905, февр. и декабрь); и хотя Павловъ-Сильванскій какъ будто съ нѣкоторымъ одобреніемъ отнесся къ той части книги, которая говоритъ о манифестѣ 5 апрѣля, но я, послѣ ознакомленія съ документами, не рѣшился пользоваться изложеніемъ книги въ виду пропусковъ и неточностей, допущенныхъ въ ней г. Трифильевымъ при обработкѣ матеріала. А потому, воспользовавшись изъ его книги только нѣсколькими указаніями на архивные документы, я въ послѣдующемъ изложеніи ссылокъ на его книгу дѣлать не стану, а буду пользоваться самими архивными матеріалами и на нихъ дѣлать соотвѣтствующія указанія.

Въ дополненіе къ сказанному о господствующей точкѣ зрѣнія въ исторической литературѣ считаю нужнымъ сообщить, что послѣ появленія моей статьи въ 1911 г. о манифестѣ 5 апр. 1797 г., я встрѣтилъ подобное моему пониманіе манифеста въ „Курсѣ исторіи Р. XIX в.“ А. А. Корнилова (М., 1912 г. ч. I, 61); ср. „Рус. Ист.“ М. Н. Покровскаго (М., 1912, т. IV, 173).

[2]) По манифесту 6 ноября 1796 г. о кончинѣ императрицы Екатерины II, и о вступленіи на престолъ Павла I (П. С. З., XXIV, № 17530), по которому крестьяне не были исключены изъ числа „вѣрноподданныхъ“, приводимыхъ къ присягѣ, тогда какъ раньше, начиная съ воцаренія Елисаветы Петровны, въ манифестахъ оговаривалось, что должно приводить къ присягѣ всѣхъ, „кромѣ пашенныхъ крестьянъ“ (П. С. З., XI, № 8474; XV, № 11403; XVI, № 11591—при воцареніи Екатерины II).

справедливаго судьи, не склоняющагося ни на ту, ни на другую сторону и желающаго примирить крестьянъ съ помѣщиками, какую нерѣдко игралъ Павелъ, въ особенности замѣтна въ первый годъ его царствованія. Онъ разрѣшилъ крестьянамъ подавать ему жалобы на своихъ помѣщиковъ, что было строжайше запрещено въ предшествовавшія царствованія, хотя бы жалобы были и справедливы [1]). Въ С.-Петербургѣ, а можетъ быть, и въ Москвѣ, во время бытности тамъ Государя, былъ поставленъ особый ящикъ, куда бросались челобитныя на Высочайшее имя [2]). Подавались ли они въ первые мѣсяцы царствованія Павла, мнѣ неизвѣстно, но изъ дѣла [3]), хранящагося въ государственномъ архивѣ, подъ заголовкомъ: „По жалобамъ крестьянъ на своихъ помѣщиковъ", видно, что самыя начальныя жалобы относятся къ концу марта мѣсяца 1797 г. Очевидно, онѣ поданы были Государю въ Москвѣ, куда онъ пріѣхалъ для коронованія. Такихъ жалобъ имѣется шесть; въ нихъ крестьяне жалуются на обремененіе работами и оброками, на безчеловѣчныя наказанія, чинимыя имъ помѣщиками. Остановлюсь на нѣкоторыхъ характерныхъ строкахъ этихъ жалобъ.

Такъ крестьяне кап. А. Зыкова черезъ своего повѣреннаго крестьянина Ф. Екимова жаловались, что помѣщикъ отнялъ у нихъ пашенную и сѣнокосную землю со всѣми

---

[1]) Цѣлымъ рядомъ указовъ, начиная съ Петра В., было строго запрещено подавать челобитныя въ руки самого Государя, минуя „надлежащія мѣста и учрежденія". Екатерина II, принимавшая было челобитныя (Сборн. И. О—а, XXVII, 181), указомъ 12 іюля 1762 г. подтвердила прежнее запрещеніе (П. С. З., XVI, № 11.606; ср. сенатскій указъ 2 декабря того же года—№ 11.718 указъ 19 янв. 1765 г.—№ 12.316), а по указу 22 авг. 1767 г. крестьянамъ было запрещено подавать жалобы на своихъ помѣщиковъ куда бы то ни было (П. С. З., XVII, № 12.996). Павелъ I сталъ принимать челобитныя, установивъ лишь указомъ 12 декабря 1796 г., „дабы тѣ, кои имѣютъ нужду подавать какія-либо жалобы или прошенія, не инако то дѣлали, какъ каждый отъ себя, не подписываясь болѣе одного человѣка (Тамъ же, № 17.636).

[2]) По сообщенію Е. Шумигорскаго, Павелъ I, желая „открыть всѣ пути и способы, чтобы гласъ слабаго, угнетеннаго былъ услышанъ, приказалъ поставить въ окнѣ нижняго этажа Зимняго дворца желѣзный желтый ящикъ съ прорѣзаннымъ отверстіемъ, куда просители могли опускать свои прошенія" (Императоръ Павелъ I, стр. 109).

[3]) Это дѣло было хорошо подобрано и зарегистрировано еще въ канцеляріи ген.-прокурора кн. Куракина, который докладывалъ Государю о крестьянскихъ волненіяхъ и жалобахъ; въ *Госуд. Архивѣ* оно значится—VII, № 2985, ч. I и II.

угодьями, „а ихъ не щадя, (всѣхъ) до единаго и малолѣтнихъ употребляетъ денно и ночно на обрабатываніе оной, сверхъ того собираетъ неумѣренные оброки деньгами и разными крестьянскими продуктами" [1]). Крестьяне села Туробьева въ челобитной на имя Государя, указывая на то, что помѣщикъ ихъ П. И. Демидовъ сверхъ оброка заставляетъ исправлять тяжелыя работы, писали: „Августѣйшій монархъ, удостой нашу слезную просьбу своимъ вниманіемъ, благоволи Демидову, дабы онъ въ работы насъ употреблялъ съ произвожденіемъ платы, буде оныя тягостны, потому что не имѣемъ ни въ воскресные, праздничные, высокоторжественные, а также дождливые и ненастные дни спокою и отдыху отъ трудовъ и заботъ" [2]). Крестьяне и дворовые люди сельца Берестинки Александровской округи владѣнія помѣщика поручика Николая Соленикова, отъ имени всѣхъ, съ мірского согласія въ своей жалобѣ сообщаютъ: А мы „всегда находимся денно и ночно на его (помѣщика) работѣ, даже и воскресныхъ и праздничныхъ дней не имѣемъ, и всегда поголовно въ работѣ". Нѣсколько ниже жалобщики снова повторяютъ то же, съ указаніемъ на свое крайнее разореніе: у насъ помѣщикомъ „заведена фабрика бумажная, денно и ночно въ работѣ, и кормимся мірскимъ подаяніемъ, а работу его (помѣщика) не оставляемъ, только намъ, бѣднымъ, никакой выгоды отъ него себѣ не имѣемъ, даже и праздничныхъ дней свободы не бываетъ" [3]).

Отвѣтомъ на жалобы крестьянъ, по докладу кн. Куракина, было слѣдующее Высочайшее повелѣніе (отъ 31 марта): „Призвавъ [4]) сихъ крестьянъ, стараться непримѣтными обра-

---

[1]) Изъ экстракта жалобы, представленнаго Государю кн. Куракинымъ (*Г. А.*, VII, № 2985, ч. II, *л.* 5).

[2]) Челобитная за подписью И. Ф. Асерцова, отъ 2 марта 1797 г., помѣщена рядомъ съ другими при Высочайшемъ повелѣніи отъ 31 марта (*Тамъ же*, *л.* 17—18).

[3]) Челобитная писана янв. 19-го 1797 г. (*Г. А.*, VII, № 2985, ч. II, *л.* 21—22).

[4]) Начало этого Высочайшаго повелѣнія таково: „Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ по влагаемымъ при семъ прошеніямъ отъ крестьянъ въ чинимомъ имъ помѣщиками притѣсненіи, а именно Дмитровской округи отъ крестьянина Трофимова на помѣщика Андреева, крестьянина Екимова на помѣщика

зами узнавать отъ нихъ, гдѣ помѣщики ихъ пребываютъ, и при томъ кроткимъ образомъ внушить имъ дерзость поступка ихъ противу помѣщиковъ своихъ, коимъ они прежде были послушны и таковыми быть должны, представлять имъ жестокость справедливаго наказанія по законамъ, если они въ чемъ либо доносятъ несправедливость или сами противу помѣщиковъ виновны, а между тѣмъ снисходительно наклонять ихъ къ раскаянію и должному повиновенію помѣщикамъ. Въ разсужденіи жъ самихъ помѣщиковъ отписать ко онымъ письмами и между изысканіями истребованіемъ отъ нихъ увѣдомленія о томъ, на нихъ доносимомъ, представлять имъ, что или собственная неумѣренность въ образѣ ихъ домоправленія или слабый присмотръ за приказчиками суть слѣдствія какъ для ихъ, такъ и для правительства къ заботѣ и безпокойствамъ, и что единая умѣренность въ поступкахъ противу ихъ крестьянъ и собственную ихъ пользу и успокоеніе правительству доставить можетъ, о чемъ всемѣрно стараться должны [1]). Исполненіе всего вышеописаннаго препоручается Александру Семеновичу Макарову" [2]).

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ этомъ Высочайшемъ повелѣніи Павелъ I, поставивши помѣщикамъ на видъ жалобы крестьянъ, происшедшія, по его указанію, такъ или иначе по винѣ помѣщиковъ и доставившія правительству „заботы и безпокойства", обращается къ благоразумію самихъ помѣщиковъ и настоятельно реко-

---

Зыкова, крестьянина Монова на помѣщицу Баранову (Воронову—ср. л. 26 об.), крестьянина Тимофеева на помѣщика Серебрянникова, крестьянина Данилова на помѣщика кн. Гундорова, крестьянина Карцева на помѣщика Демидова, призвавъ... (*Г. А.*, VII № 2985, ч. II, л. 1).

[1]) На основаніи этого Высочайшаго повелѣнія помѣщикамъ были посланы отъ 9 апрѣля письма, за подписью кн. Куракина, гдѣ, указавъ на Высочайшее повелѣніе, кн. Куракинъ сообщалъ: „Нужно мнѣ имѣть отъ васъ увѣдомленіе о доносимомъ на васъ, а сверхъ того не могу я оставить безъ замѣчанія и того, что или собственная неумѣренность... (дальше, какъ въ повелѣніи 31 марта—*Тамъ же*, л. 26).

[2]) А. С. Макаровъ, колл. сов., находился при дѣлахъ тайной экспедиціи, въ вѣдѣніи ген.-прокурора кн. Куракина; 5 апр. 1797 г. былъ пожалованъ въ ст. сов., 29 авг. 1798 г. въ дѣйств. ст. сов. за „усердную службу"; 26 окт. 1800 г. награждается чиномъ тайн. сов., съ назначеніемъ его въ сенаторы (Сен. Арх., I. 146, 433, 665).

мендуетъ имъ „единую умѣренность въ поступкахъ противу ихъ крестьянъ". Дальше замѣчанія и настоятельнаго совѣта Высочайшее повелѣніе нейдетъ.

Указанныя выше жалобы крестьянъ были поданы Государю, надо полагать, въ концѣ марта мѣсяца, такъ сказать, наканунѣ коронованія императора Павла I. Возможно, что онѣ были ближайшимъ поводомъ къ обнародованію манифеста 5 апрѣля. Коронованіе происходило въ первый день Пасхи. Оно ознаменовалось цѣлымъ рядомъ Высочайшихъ милостей: въ этотъ день дано было 135 именныхъ указовъ о пожалованіи разнымъ лицамъ чиновнаго и придворнаго міра земель и угодій съ крестьянами, чиновъ и титуловъ княжескаго, графскаго и баронскаго достоинства [1]). Среди такихъ милостей не забыты были и крестьяне, для нихъ предназначался особый манифестъ, текстъ котораго гласитъ слѣдующее:

„Объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ. Законъ Божій, въ десятословіи Намъ преподанный, научаетъ Насъ седьмой день посвящать Ему; почему въ день настоящій, торжествомъ вѣры христіанской прославленный, и въ который Мы удостоилися воспріять священное миропомазаніе и царское на прародительскомъ престолѣ Нашемъ вѣнчаніе, почитаемъ долгомъ Нашимъ предъ Творцомъ и всѣхъ благъ Подателемъ подтвердить во всей Имперіи Нашей о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи, повелѣвая всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣльевъ остающіеся въ недѣлю шесть дней, по равному числу оныхъ вообще раздѣляемые, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженіи, достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ" [2]).

Въ словахъ этого манифеста двѣ главныя мысли, касающіяся крестьянскихъ работъ: первая — о непринужденіи

[1]) Сен. Арх., т. I, стр. 141—169.
[2]) П. С. З., № 17909.

крестьянъ къ работамъ въ воскресные дни, вторая — о раздѣленіи недѣли поровну между помѣщиками и крестьянами, короче—о трехдневной барщинѣ.

Что касается первой, то она не представляетъ изъ себя новости. Еще въ Уложеніи Алексѣя Михайловича (въ X гл., статьѣ 25) было сказано: „А работы никакіе въ воскресной день никому не работати, да и въ господскіе праздники быти по тому жъ, какъ и въ воскресные дни“ [1]. Правило это не оставалось мертвой буквой ни въ XVII вѣкѣ, ни въ XVIII. Объ его выполненіи и наказаніи за нарушенія извѣстно изъ цѣлаго ряда свидѣтельствъ. Такъ въ 1669 г. „Великій Государь указалъ, какъ то узнаемъ изъ именного указа [2], стольника кн. Григорія княжъ Венедиктова сына Оболенскаго послать въ тюрьму за то, что у него іюня въ 6 числѣ, въ воскресенье недѣли всѣхъ святыхъ, на дворѣ его люди и крестьяне работали черную работу, да онъ же, князь Григорій, говорилъ скверныя слова“.

Въ записи (1676 г.) попъ Власъ да дьячекъ Степанъ Ивановъ с. Березниковъ Юрьевскаго уѣзда Польскаго обязываются монастырскимъ властямъ „къ церкви Божіи въ воскресные дни и въ господскіе праздники и великихъ святыхъ къ заутренямъ и къ вечернямъ и къ обѣднямъ крестьянамъ съ дѣтьми велѣть приходить безъ лѣности“ [3]. Въ указѣ 17 февраля 1718 г. читаемъ: „Великому Государю вѣдомо учинилось, что многіе разночинцы и посадскіе и поселяне обыкли жить праздны, и не токмо что по воскреснымъ днямъ, но и въ великіе господскіе праздники николи въ церковь ко службѣ Божіей не ходятъ и не исповѣдываются“, для того Великій Государь указалъ „подтвердить указомъ и прибить въ городахъ и по селамъ и деревнямъ печатные листы, дабы всѣ вышеписанные люди въ господскіе праздники и въ воскресные дни ходили въ церковь Божію“, также въ лавкахъ

---

[1]) О томъ же говорилъ законъ 1647 г. (см. А. И., IV, № 6; А. Э., IV № 19, 324).

[2]) Отъ 7 іюня 1669 г. (П. С. З., т. I, № 453).

[3]) Акты Переяславскаго Данилова монастыря (Архивъ ист. и практ. свѣд. Калачова, 1860—1861 г., кн. IV, стр. 31).

и на площадяхъ никакимъ товаромъ въ помянутые дни не торговать, „и того всего командующимъ смотрѣть накрѣпко подъ опасеніемъ взятья немалаго штрафа“ [1]).

Изъ инструкцій помѣщиковъ знаемъ, что помѣщики предписывали крестьянамъ въ праздничные и воскресные дни не оставаться въ праздности, а посѣщать аккуратно церковь Божію. Такъ А. Волынскій въ инструкціи 1724 г. приказывалъ „накрѣпко смотрѣть, чтобы дворовые люди, крестьяне и жены ихъ и дѣти ихъ всегда въ воскресные и въ праздничные дни ходили въ церковь и по прошествіи того дни, чтобы всякій десятскій объявлялъ о своемъ десяткѣ, кто былъ и кто не былъ — и которые не будутъ, тѣмъ чинить наказанье“ [2]). Также Бестужевъ-Рюминъ (въ инструкціи 1736—1738 г. г.) предписывалъ, „чтобы крестьяне всѣ съ женами и дѣтьми въ господскіе праздники и Богородичны, Императорскаго Величества и въ воскресные дни къ вечерни и утрени и къ обѣдни приходили въ церковь“; „а кто не будетъ въ церковь, брать по одной копѣйкѣ съ человѣка“ [3]). Татищевъ въ своихъ „Экономическихъ Запискахъ“ предлагаетъ: крестьянамъ, „кромѣ тѣхъ праздниковъ, которые точно положены и освобождены отъ работъ, не торжествовать“, а работать [4]).

Хотя законъ, запрещавшій принуждать крестьянъ къ работѣ по воскреснымъ днямъ, имѣлъ обязательную силу, но онъ въ виду давности забывался, и потерялъ почти всякое значеніе благодаря усиленію крѣпостного права. Неудивительно, что Павелъ I, въ день своего коронованія и въ первый день Пасхи, рѣшилъ „подтвердить“ старинное правило, распорядившись „о точномъ и непремѣнномъ исполненіи“ закона, „дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ“.

Этотъ законъ былъ не разъ подтверждаемъ и въ послѣдующее время. Такъ въ 1818 г. былъ изданъ указъ такого

---

[1]) П. С. З., т V, № 3169.

[2]) Москвитянинъ, 1854 г., кн. I, отд. IV, 12. Ср. отдѣльное изданіе Общ. любит. др. письм., подъ названіемъ „Памятники др. пис.“, № XV, П., 1881.

[3]) Рус. Арх., 1904, кн. 1, стр. 28.

[4]) Временникъ М. Общ. Ист., XII, смѣсь, 20.

содержанія: „Дошло до свѣдѣнія Е. И. В-а, что въ воскресные дни употребляются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сельскіе жители на господскія работы, и чрезъ то лишаются возможности бывать въ церквахъ и слушать слово Божіе. Государь Императоръ Высочайше указать соизволилъ: сдѣлать предписанія отъ министра церковныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія по его части, дабы духовныя лица о всѣхъ таковыхъ случаяхъ доносили каждый разъ по своему начальству министру, а онъ доводилъ бы о томъ до свѣдѣнія комитета г.г. министровъ“. На основанія этого Высочайшаго повелѣнія сенатомъ былъ разосланъ указъ (отъ 14 февраля) всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и губернскимъ властямъ съ прописаніемъ въ немъ Высочайшей воли [1]). Значитъ, новымъ указомъ не только подтверждалось прежнее правило, но еще поручалось духовенству внимательно наблюдать за его выполненіемъ и доносить начальству „о всѣхъ случаяхъ“ нарушенія „каждый разъ“, а министръ обязывался доводить о томъ до свѣдѣнія комитета министровъ.

Впрочемъ, этотъ указъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ признанъ неудобнымъ: въ томъ же году, по представленію св. синода, новымъ указомъ [2]) духовенство было освобождено отъ обязанности доносить начальству о нарушеніяхъ закона, а наблюденіе (чрезъ полицію) „за исполненіемъ монаршей воли о неупотребленіи крестьянъ къ работѣ въ воскресные дни“ было поручено „губернскимъ властямъ“, причемъ Высочайшее повелѣніе было распространено „сверхъ воскресныхъ дней и на двунадесятые и храмовые праздники, на день верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, 9 мая и 6 декабря на дни святителя и чудотворца Николая“.

Въ наказѣ 1837 г. (3 іюня) чинамъ и служителямъ земской полиціи было поручено наблюдать, „чтобы помѣщики и волостные начальники несвоевременнымъ требованіемъ работъ не препятствовали поселянамъ ходить въ церковь по воскреснымъ днямъ и въ дни большихъ, церковью и правительствомъ

---

[1]) П. С. З., т. XXXV, № 27270.
[2]) Отъ 30 сент. 1818 г.—П. С. З., № 27549.

особенно установленныхъ, праздниковъ“ [1]. По наказу (того же 3 іюня 1837 г.) гражданскіе губернаторы „имѣютъ надзоръ за точнымъ исполненіемъ постановленій о должномъ уваженіи въ народѣ воскресныхъ дней, а особенно торжествуемыхъ церковью праздниковъ, наблюдая, чтобъ въ сіи дни, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ... нигдѣ не производилось казенныхъ и публичныхъ работъ ни вольными, ни казенными мастеровыми и чтобы помѣщики не принуждали крестьянъ своихъ работать въ своихъ поляхъ, садахъ или на заводахъ“ [2]. Въ послѣднемъ узаконеніи распространенно излагается то же, что въ манифестѣ 5 апрѣля 1797 года выражено кратко: „дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ“. Этотъ законъ, столь часто подтверждаемый, внесенъ и въ „Сводъ Законовъ“; здѣсь, согласно указу 30 сентября 1718 г., сверхъ воскресныхъ дней, перечислены праздники, въ которые не должны производиться работы, съ указаніемъ, что „строжайшее наблюденіе“ за исполненіемъ „возлагается на губернскія начальства чрезъ посредство мѣстной полиціи“ [3].

Изъ предыдущаго, полагаю, ясно, что правило манифеста 1797 г. о воскресныхъ дняхъ, подтверждая старинное узаконеніе, нашло себѣ въ послѣдующемъ законодательствѣ дальнѣйшее развитіе и закрѣпленіе; мало того, правительство предпринимало разныя мѣры къ тому, чтобы это правило не оставалось мертвой буквой, а выполнялось на практикѣ.

Что касается второй мысли манифеста 1797 г., указанія на трехдневную барщину, то здѣсь далеко нѣтъ той ясности и опредѣленности, какая отмѣчена выше относительно воскресныхъ дней. До этого манифеста ни въ XVII в., ни въ XVIII ни разу не было издаваемо закона, который регулировалъ бы барщину: крестьянскія работы въ пользу помѣщика опредѣлялись практикой, а практика была весьма разнообразна. Крестьяне во второй половинѣ XVIII в. работали на бар-

---

[1]) П. С. З., 2-ое собраніе, т. XII, № 10306, § 7, п. 2.

[2]) Тамъ же, № 10303, § 34.

[3]) Сводъ Законовъ, изд. 1832 г., т. IX, ст. 590; изд. 1857 г., IX же т., ст. 1046.

щинѣ и два, и три, и четыре дня въ недѣлю, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и воли помѣщика; бывали случаи, что барщина доходила до пятидневной и шестидневной работы, и наконецъ, рѣдко, но случалось, что крестьяне принуждаемы были къ барщинѣ повседневной, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней. Однако, „наиболѣе обычной была трехдневная барщина“ [1]).

Трехдневную барщину возводятъ къ древнему половничеству. Въ Екатерининской комиссіи депутатъ угличскаго дворянства Опочининъ упоминалъ „о положенной издревле половинной работѣ“ [2]). Ораніенбаумскіе и ямбургскіе дворяне въ своемъ „мнѣніи о единообразномъ употребленіи рабочихъ дней“ (1780 г.) сообщаютъ о существующемъ издавна по всей Россіи такомъ обычаѣ, что „крестьянинъ съ женою работаютъ круглый годъ половину на господина и половину на себя“ [3]). Такой обычай далъ возможность И. Болтину сказать о крестьянахъ слѣдующее: „пахотныхъ крестьянъ повинность состоитъ работать на помѣщика въ каждой недѣлѣ три дня чрезъ весь годъ“; впрочемъ, Болтинъ къ этому добавилъ: „таковая работа признается отъ крестьянъ умѣренной; другіе заставляютъ работать 4 дня въ недѣлю, но таковыхъ меньше“ [4]).

Обычай трехдневной барщины былъ настолько общераспространенный, что помѣщики, которымъ правительство ставило на видъ обремененіе крестьянъ работами, когда хотѣли оправдаться, прямо указывали на существованіе и у нихъ трехдневной барщины. Такъ помѣщикъ Н. Солениковъ въ отвѣтъ на письмо кн. Куракина сообщалъ: „Сельскимъ издѣльемъ они (крестьяне) и по показаніямъ ихъ не отягощаются, а во всѣхъ лѣтнихъ работахъ на меня употребляются

---

[1]) Семевскій, „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“, т. I, 2-ое изд., стр. 63 и сл.

[2]) Сбор. Рус. Ист. О-ва, т. XXXII, стр. 417.

[3]) Семевскій, „Крестьяне“, т. I, стр. 62; „Крестьянскій вопросъ“, т. I, стр. 185—187. Эти дворяне сами, по соглашенію между собой, установили правила, опредѣлявшія работы крестьянъ въ пользу помѣщиковъ, которыя не шли дальше трехъ дней барщины въ недѣлю.

[4]) Болтинъ, Примѣчанія на Леклерка, II, 217.

они въ недѣлѣ три дня, но и то прежде начинаютъ всѣ работы для себя". Другой помѣщикъ Д. Евлашевъ отвѣчалъ въ такомъ же родѣ, а именно: „Крестьяне мои — писалъ онъ кн. Куракину — работу для меня отправляютъ въ недѣлю только три дня, а прочіе дни работаютъ всѣ для своего продовольствія" [1]).

Но обычай, опредѣлявшій работу крестьянъ на помѣщиковъ въ размѣрѣ половины ихъ труда, колеблясь въ ту и другую сторону, не нашелъ для себя закрѣпленія въ законодательствѣ. До конца XVIII вѣка не было издано, выражаясь словами ораніенбаумскихъ и ямбургскихъ дворянъ, „нигдѣ никакого акта или установленія государственнаго, какимъ образомъ дворяне могутъ управлять своими крестьянами, т. е. сколько времени крестьянинъ повиненъ работать на своего господина и сколько на себя; слѣдовательно, былъ и есть на то одинъ токмо общій естественный законъ, называемый человѣчествомъ" [2]). Въ указахъ же наоборотъ довольно часто повторялась мысль о томъ, чтобы крестьяне помѣщикамъ своимъ „были послушны", исполняли всякія работы и платили оброкъ безпрекословно [3]). Эта же мысль была подтверждена и въ началѣ царствованія Павла I (манифестомъ 29 января 1797 г.), когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вспыхнули крестьянскіе бунты, въ другихъ же крестьяне глухо волновались. „Повелѣваемъ, — сообщалось въ манифестѣ, — чтобъ всѣ помѣщикамъ принадлежащіе крестьяне, спокойно пребывая въ прежнемъ ихъ званіи, были послушны помѣщикамъ своимъ въ оброкахъ, работахъ и, словомъ, всякаго рода крестьянскихъ повинностяхъ, подъ опасеніемъ за преслушаніе и своевольство неизбѣжнаго по строгости законной наказанія" [4]). Одно только существовало въ законѣ общее ограниченіе относительно крестьянскихъ работъ и повинностей, а именно такого рода, чтобы работы и поборы не отягощали крестьянъ

[1]) *Гос. Арх.*, VII, № 2985, ч. II, л. 28 и слѣд.; л. 38. Здѣсь приведены отвѣты помѣщиковъ на письма Куракина отъ 9 апрѣля (см. объ этомъ выше).

[2]) Семевскій, Крестьянскій вопросъ, I, 185.

[3]) П. С. З., V, № 2668; XVI, № 11678; о „безпрекословномъ во всемъ послушаніи", говоритъ указъ 1767 г.—XVIII, №12966.

[4]) П. С. З., XXIV, № 17769.

свыше мѣры и не разоряли ихъ [1]); у помѣщиковъ, нарушающихъ это правило, крестьяне отбирались и отдавались въ опеку.

Однако, многими лицами, начиная съ Посошкова, высказывалась мысль о необходимости точнѣе опредѣлить кругъ обязанностей крестьянъ, въ томъ числѣ, конечно, ограничить и барщину опредѣленнымъ количествомъ дней. Не было бы ничего удивительнаго, если бы Павелъ I рѣшилъ узаконить наиболѣе распространенный порядокъ, „издревле“ существующій, который при добромъ хозяйственномъ распорядкѣ, предохранялъ бы крестьянъ отъ крайняго обремененія и разоренія. Манифестъ 5 апрѣля 1797 г. и говоритъ, что, за исключеніемъ воскресныхъ дней, въ которые работать воспрещается, „остающіеся въ недѣлю шесть дней, по равному числу оныхъ вообще раздѣляемые, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ, въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженіи, достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ“.

Въ этихъ словахъ, казалось, опредѣленно узаконяется трехдневная барщина. Но внимательный разборъ текста манифеста вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. „Законъ Божій, читаемъ въ манифестѣ, въ десятословіи Намъ преподанный, научаетъ насъ седьмой день посвящать Ему“; „почему въ день настоящій... почитаемъ долгомъ... подтвердить“ „о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи“, „дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ“. Послѣднія строки— центральное мѣсто манифеста; ими по религіознымъ мотивамъ строжайше запрещается принуждать крестьянъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ. А дальше въ манифестѣ прибавлено: „тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣльевъ остающіеся въ недѣлю шесть дней, по равному числу оныхъ вообще раздѣляемые“ (между помѣщиками и крестьянами)

---

[1]) Наказъ воеводамъ 1719 г. — П. С. З., V, № 3294. п. 31; Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. — П. С. З., XX, № 14392, гл. IV, ст. 84; а также ст. 216, 222; ср. Сб. Рус. Ист. Общ., XXVII, 122 (письмо Екатерины II къ Сиверсу).

„при добромъ распоряженіи, достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ“.

Это мѣсто съ характернымъ выраженіемъ: „тѣмъ болѣе, что“, въ манифестѣ играетъ подчиненную роль; имъ выдвигается второй мотивъ къ запрещенію работъ по днямъ воскреснымъ, мотивъ хозяйственный. На первый взглядъ можетъ показаться, что правило о раздѣленіи шести дней недѣли поровну въ законодательствѣ имѣется и на него законодатель ссылается въ подкрѣпленіе своего новаго разъясненія и подтвержденія о томъ, чтобы седьмой день помѣщикъ не бралъ себѣ, а предоставлялъ посвящать Богу. На самомъ дѣлѣ, какъ то показано выше, этого не было, и тонъ манифеста можно понять, какъ указаніе на обычный порядокъ трехдневной барщины („вообще раздѣляемые“), имѣвшій наибольшее распространеніе.

Затѣмъ нельзя не отмѣтить той мягкой формы [1]), въ которую облечено въ манифестѣ указаніе на трехдневную барщину. Въ то время какъ по поводу воскресныхъ дней раздается внушительная рѣчь: „дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ“, по поводу трехдневной барщины слышатся слабыя, „совѣтомъ сказанныя“ слова: шесть дней, поровну раздѣляемые, „при добромъ распоряженіи“, „достаточны будутъ“ на удовлетвореніе хозяйственнымъ надобностямъ. Здѣсь

---

[1]) Въ связи съ этимъ не могу не привести замѣчанія А. С. Лаппо-Данилевскаго по поводу формы манифеста; по его словамъ, манифестъ „слишкомъ вскользь упомянулъ объ ограниченіи барщины тремя днями и былъ лишенъ какой-либо санкціи“ (Крестьянскій строй, I, 115). Н. К. Шильдеръ о томъ же говоритъ слѣдующее: „Манифестъ, имѣвшій въ виду несомнѣнной цѣлью облегчить крѣпостную зависимость сельскаго населенія, тѣмъ не менѣе представляетъ собой необдуманное и скороспѣлое произведеніе, вполнѣ соотвѣтствовавшее духу тогдашняго времени; манифестъ вызвалъ въ жизни множество недоумѣній и неправильныхъ толкованій. Неудовлетворительность его редакціи позволяла помѣщикамъ толковать его въ свою пользу, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій“, такъ „въ великороссійскихъ губерніяхъ склонны были усмотрѣть въ манифестѣ не повелѣніе, а совѣтъ, ни для кого не обязательный, данный землевладѣльцамъ“ (См. его книгу „Императоръ Павелъ I“, стр. 344—345). Тѣ же мысли проводятся и въ книгѣ о Павлѣ I—Е. Шумигорскаго, отмѣчающаго „дурную редакцію закона“ (стр. 124—125).

Иного мнѣнія о редакціи манифеста единственный историкъ Е. П. Трифильевъ, полагающій, что упрека въ неясности редакціи манифестъ не заслуживаетъ (Очерки, 301).

нѣтъ категорическаго приказанія раздѣлять рабочіе дни поровну, а высказано какъ бы пожеланіе.

Это мѣсто можно сопоставить съ Высочайшимъ повелѣніемъ 31 марта, въ которомъ еще ярче выступаетъ его характерная черта, присущая и манифесту 5 апрѣля; въ томъ повелѣніи не было никакой законодательной нормы, а лишь излагается настойчивый совѣтъ Государя, его пожеланіе, чтобы помѣщики поступали съ крестьянами умѣренно и осмотрительно.

Я полагаю, послѣ анализа текста манифеста 5 апрѣля, слѣдуетъ придти къ выводу, что главное мѣсто манифеста въ категорической формѣ говоритъ о непринужденіи крестьянъ къ работѣ по воскреснымъ днямъ, трехдневная же барщина только указывается въ качествѣ мотива къ этому запрещенію, поставленнаго при томъ на второмъ мѣстѣ. Отсюда возникла возможность и необходимость толкованія манифеста: 1) можно было его понимать широко въ смыслѣ установленія, сверхъ празднованія и отдыха въ воскресные дни, трехдневной барщины, считая упоминаніе манифеста требованіемъ закона; 2) можно было понимать его узко, какъ запрещеніе принуждать крестьянъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ и только, не придавая никакого значенія упоминанію о распредѣленіи рабочаго времени. Эта двойственность, а отсюда и неопредѣленность сыграли любопытную роль въ судьбѣ манифеста 5 апрѣля 1797 г.

Широкаго пониманія манифеста, повидимому, держался самъ Государь. Это прямо и косвенно видно изъ многихъ его указовъ. Такъ 10 января 1798 г. въ именномъ указѣ на имя ген.-прокурора кн. Куракина относительно вологодскаго помѣщика Башмакова говорится, что „онъ (Башмаковъ) разоряетъ крестьянъ работами безъ наблюденія опредѣленныхъ дней“ [1]); разореніе крестьянъ работами сверхъ „опредѣленныхъ дней“ и „неистовые поступки“ были поставлены Башмакову въ вину и надъ его имѣніемъ была учреждена опека. Въ указѣ 16 марта того же 1798 г. относительно покупки крестьянъ къ заводамъ и фабрикамъ чи-

---

[1]) Этотъ указъ аналогиченъ указу сената (Сен. Арх., т. I, стр. 340).

таемъ: „Въ распредѣленіи крестьянамъ при заводахъ и фабрикахъ поступать согласно манифесту Нашему, въ 5 день апрѣля 1797 года о раздѣленіи вообще крестьянскихъ работъ изданному, то есть, чтобы изъ количества годныхъ въ работу половина всегда въ работѣ заводской находилась“ [1]). Резолюціи Павла I и Высочайшія повелѣнія относительно крестьянскихъ жалобъ, проходившія чрезъ кн. Куракина, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Павелъ I былъ увѣренъ, что манифестомъ 5 апрѣля установлены дни для крестьянскихъ работъ, раздѣлена недѣля поровну между помѣщикомъ и крестьяниномъ, короче говоря, манифестомъ введена трехдневная барщина.

Такого же пониманія манифеста держались высшіе сановники, представители правительственной власти, ген.-прокуроръ кн. Куракинъ, кн. Безбородко, позднѣе Сперанскій [2]), Киселевъ. Неудивительно, что правительственная точка зрѣнія получила въ Сводѣ Законовъ категорическое признаніе. Статья 589 IX тома гласитъ: „Владѣлецъ можетъ налагать на крѣпостныхъ своихъ людей всякія работы, взимать съ нихъ оброкъ и требовать исправленія личныхъ повинностей, съ тѣмъ только, чтобы они не претерпѣвали чрезъ сіе разоренія и чтобъ положенное закономъ число дней оставляемо было на исправленіе собственныхъ работъ“. Что это за „положенное закономъ число дней“, разъясняетъ слѣдующая 590 статья, въ которой сказано: „Крестьяне обязаны рабо-

---

[1]) П. С. З., № 18442.

[2]) Сперанскій придавалъ очень большое значеніе манифесту, онъ считалъ манифестъ замѣчательнымъ для того времени и полагалъ, что въ его смыслѣ скрыта цѣлая система постепеннаго улучшенія быта крестьянъ (См. его „Планъ государственнаго преобразованія“, изд. „Рус. Мысли“, 1905, стр. 24, 309 и сл.).

Изъ видныхъ дѣятелей предшествовавшихъ царствованій укажу еще на Я. Сиверса, который въ манифестѣ 5 апрѣля видѣлъ законъ о трехдневной барщинѣ; въ его запискахъ сообщалось: императоръ Павелъ I „bestimmte dem Gerrn drei Arbeitstage und liess dem Bauer die drei andern“ (Blum, Ein russischer Staatsmann, Leipzig, 1857 г., т. II, 97 стр.).

Современникъ Сперанскаго Мирковичъ считалъ, что Павелъ—„первый уничтожилъ безотчетную работу крѣпостныхъ крестьянъ и установилъ трехдневную въ недѣлю“ (Рус. Арх., 1890, № 3, 397 стр.). Подобный же взглядъ проводится и въ запискахъ М. Фонвизина, который, впрочемъ, не достаточно твердо знаетъ дату и содержаніе указа 1797 г. и смѣшиваетъ его съ указомъ 1818 г. (Рус. Стар., 1884, апр., т. XLII, стр. 66).

тать на своего помѣщика три дня въ недѣлю“ [1]), при этомъ сдѣлана одна совершенно опредѣленная ссылка на указъ 5 апрѣля 1797 года.

Отсюда ясно видно, что самъ законодатель, ближайшіе его сотрудники, послѣдующіе государственные дѣятели и составители Свода Законовъ вложили и во вторую часть манифеста, говорящую о распредѣленіи времени, тотъ смыслъ, что ею вводится трехдневная барщина. Такова оффиціальная точка зрѣнія, получившая наибольшую опредѣленность и выразительность впервые въ Сводѣ Законовъ. Казалось, при такомъ положеніи всякія сомнѣнія относительно смысла манифеста должны исчезнуть: разъясненія и категорическія указанія послѣдующаго времени какъ будто устраняютъ возможность иного толкованія. На манифестъ въ такомъ случаѣ слѣдуетъ взглянуть широко и примкнуть къ тому направленію, которое видитъ въ немъ первое серьезное ограниченіе крѣпостного права.

Но совсѣмъ другого пониманія держался сенатъ, которому былъ присланъ манифестъ 5 апрѣля для всенароднаго опубликованія. 6 апрѣля манифестъ былъ заслушанъ въ общемъ собраніи перваго, пятаго и шестого департаментовъ сената и составленъ приговоръ о принятіи мѣръ къ опубликованію его. Какой смыслъ сенатъ вложилъ въ манифестъ, ясно видно изъ этого приговора, текстъ котораго вошелъ въ указъ сената, разосланный по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ. Указъ сената отъ 6 апрѣля гласитъ слѣдующее: „Прав. сенатъ, выслушавъ Высочайшій Е. И. В. манифестъ, состоявшійся апрѣля въ 5 день, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, чтобъ помѣщики не принуждали крестьянъ своихъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ, приказали: сей Высочайшій Е. И. В. манифестъ разослать для объявленія какъ помѣщикамъ, такъ и всенародно во всѣ губерніи и намѣстническія правленія, а для свѣдѣнія и въ потребномъ случаѣ, до кого касаться можетъ, исполненія и во

---

[1]) Сводъ Законовъ Р. И., т. IX, изд. 1832 г.; этимъ статьямъ въ Сводѣ же Зак. изд. 1857 г. соотвѣтствуютъ статьи: 1045 и 1046.

всѣ присутственныя мѣста при указахъ; въ св. прав. синодъ и въ с.-петербургскіе сената департаменты сообщить при вѣдѣніяхъ“ [1]). Въ сенатскомъ указѣ мысль манифеста передана словами: „чтобъ помѣщики не принуждали крестьянъ своихъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ“, и только, объ установленіи трехдневной барщины не говорится ни слова.

Въ такомъ видѣ сенатскій указъ былъ разосланъ вмѣстѣ съ манифестомъ 5 апрѣля по всѣмъ правительственнымъ учрежденіямъ „для свѣдѣнія“ и „исполненія“, разосланъ 100 учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ [2]), отъ которыхъ

---

[1]) Указъ сената—печатный, на имя военной коллегіи. Въ концѣ указа прибавлено: Во исполненіе чего онаго манифеста прилагается при семъ печатныхъ 300 экземпляровъ“ (*Сен. Арх., дѣла общаго собранія*, 1797 г., № 6, л. 252; краткое указаніе на это дѣло см. въ Описи документовъ и дѣлъ, отд. II, т. I, № 6).

[2]) Въ виду того, что способъ опубликованія манифеста 5 апрѣля имѣетъ общее значеніе, такой же порядокъ соблюдался при обнародованіи и другихъ указовъ, имѣвшихъ общее значеніе, привожу выписку изъ подлиннаго дѣла (л. 252 и сл.), относящагося къ разсылкѣ манифеста, съ перечнемъ учрежденій и должностныхъ лицъ, которымъ указы посылались.

„Таковые жъ посланы того жъ числа нижеписаннымъ присутственнымъ мѣстамъ, губернскимъ и намѣстническимъ правленіямъ и при нихъ помянутыхъ манифестовъ по нижеписанному количеству:

Санктъ-Петербургскимъ: адмиралтейской коллегіи — 200, военной — 300, иностранной—200, коммерцъ—75, медицинской—5, юстицъ-коллегіи лифл., эстл. и финл. дѣлъ—5, бергъ-коллегіи — 10, мануфактуръ-коллегіи — 5; кадетскимъ корпусамъ: сухопутному шляхетскому — 5, артиллерійскому инженерному—5; академіямъ: наукъ—5, художествъ—5, монетному департаменту—5, придворной канцеляріи— ; конторамъ: егермейстерской — 5, гофъ-интендантской—5; камеръ лифл., эстл. и финл. дѣлъ—5, шпалерной мануфактуры—5, придворной—5, придворной конюшенной—5, царскосельской—5; комиссіямъ: воинской*—5, объ установленіи народныхъ училищъ—5, правленію заемнаго банка—5, заемному банку—5, правленію ассигнаціоннаго банка—5, ассигнаціонному банку—5; казначействамъ: штатному — 5, остаточному — 5; гатчинскому городовому правленію—5, архиву старыхъ дѣлъ—5, конторѣ о покупкѣ металовъ—.

Московскимъ: вотчинному департаменту—5, камеръ-коллегіи—5, ревизіонъ-коллегіи департаменту—5, университету — 5, межевой канцеляріи—5; конторамъ: мастерской оружейной — 5, медицинской — 5, ассигнаціоннаго банка московскому отдѣленію — 5; экспедиціямъ: главной соляной конторы — 5; монетному (sic) департамента—5, учрежденной въ Москвѣ для строенія новаго Кремлевскаго дворца—5, придворной конторы—5; казначействамъ: штатному—5, остаточному — 5; архиву старыхъ дѣлъ — 5, черноморскому адмиралтейскому правленію—5.

Губернскимъ правленіямъ (перечисляются 40 правленій по названію губерній, каждому—отъ 300 до 800). Намѣстническимъ правленіямъ: Полоцкому—500, Могилевскому — 500, Олонецкому * — , Колыванскому * — , Саратовскому—500, Брацлавскому — 300. Г. дѣйств. тайн. сов. 1-го кл., сен. и кавалеру гр. А. А. Безбородкѣ — 150; Г. государ. казначею и кавалеру А. И. Васильеву * — 150. Г. ген.-фельдм., ген.-губ. и кав. кн. Н. В. Репнину *—1. Г. дѣйств. ст. сов. Колы-

имѣются въ количествѣ 91 отвѣты въ видѣ рапортовъ о полученіи указовъ.

Въ каждомъ отвѣтѣ обычно кратко прописывается содержаніе полученнаго манифеста. Такъ адмиралтейская коллегія отъ 16 апрѣля сообщаетъ, что ею полученъ манифестъ, „чтобъ помѣщики не принуждали крестьянъ своихъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ“ [1]). Изъ Академіи Наукъ: „5 экземпляровъ Высочайшаго манифеста о непринужденіи помѣщиками крестьянъ своихъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ“ получены [2]). Еще яснѣе говорится въ рапортѣ конторы И. шпалерной мануфактуры: указъ сената съ приложеніемъ „манифеста, коимъ повелѣно, чтобъ помѣщики не принуждали крестьянъ своихъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ“, полученъ [3]). Въ рапортѣ вятскаго губернскаго правленія сообщается о полученіи „манифеста, повелѣвающаго, чтобъ помѣщики не принуждали крестьянъ своихъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ“ [4]). Тамбовское губернское правленіе рапортуетъ о полученіи „манифеста о неработаніи крестьянъ въ воскресные дни“ [5]).

Вообще говоря, ни въ одномъ изъ 91 рапорта не встрѣчается даже намека на то, чтобы учрежденія и мѣстныя власти поняли бы манифестъ 5 апрѣля нѣсколько иначе, чѣмъ понялъ его сенатъ. Вездѣ въ разныхъ варьянтахъ повторяется одна и та же мысль, что это законъ о непринужденіи крестьянъ къ работамъ въ воскресные дни; ни о чемъ другомъ нѣтъ ни одного слова, несмотря на пространность нѣкоторыхъ отвѣтовъ, занимающихъ иногда двѣ страницы большого формата, указанія въ манифестѣ на трехдневную барщину какъ бы не существуетъ.

вано-Воскресенскихъ заводовъ начальнику и кавалеру Качкѣ — 300. Вѣдѣнія: св. синоду *—100; въ с.-петерб. сената департаменты—100“.

Гдѣ поставлена звѣздочка, тамъ на поляхъ противъ поставлена буква „н“, означающая, надо полагать, „нѣтъ“, т. е. нѣтъ отвѣта на посланный указъ, такъ какъ въ дѣлѣ отвѣтныхъ рапортовъ и вѣдѣній этихъ именно учрежденій и лицъ не имѣется.

[1]) *Сен. Арх., Дѣла общ. собр.*, 1797, № 6, л. 256.

[2]) *Тамъ же*, л. 265.

[3]) *Тамъ же*, л. 272.

[4]) *Тамъ же*, л. 316.

[5]) *Тамъ же*, л. 324.

Въ такомъ же смыслѣ, вѣроятно, манифестъ объяснялся при его разсылкахъ въ низшія инстанціи и при опубликованіи. А что манифестъ становился извѣстенъ населенію, на это есть опредѣленныя данныя въ тѣхъ же самыхъ рапортахъ изъ губернскихъ учрежденій. Владимірское губернское правленіе въ своемъ отвѣтѣ отъ 9 апрѣля сообщаетъ, что, по полученіи сенатскаго указа, имъ опредѣлено: манифестъ „разослать во всѣ присутственныя мѣста при указахъ... и нижнимъ земскимъ судамъ приказать оный манифестъ тотчасъ публиковать всенародно, а особенно земскіе суды должны объявить его всѣмъ помѣщикамъ, въ деревняхъ своихъ живущимъ, а въ небытность ихъ, управляющимъ вотчинами, и наблюдать, дабы сія высокомонаршая воля исполнялась всегда непремѣнно“ [1]). Въ такомъ же родѣ имѣются сообщенія въ цѣломъ рядѣ другихъ рапортовъ [2]).

---

[1]) *Тамъ же,* л. 313.

[2]) Считаю нужнымъ привести выдержки изъ нѣкоторыхъ рапортовъ. Такъ, новороссійское губернское правленіе отъ 18 апрѣля сообщало, что оно постановило манифестъ 5 апрѣля „объявить во всенародное извѣстіе и особенно помѣщикамъ къ точному и непремѣнному исполненію“ (л. 331).

Тверское губернское правленіе отъ 10 апрѣля увѣдомляло, что манифестъ разосланъ „съ предписаніемъ о объявленіи и съ подтвержденіемъ о непремѣнномъ и точномъ исполненіи и наблюденіи сего Высочайшаго Е. И. В. повелѣнія“ (л. 307).

Брацлавское намѣстническое правленіе (отъ 26 апрѣля): имъ было опредѣлено разослать указы во всѣ присутственныя мѣста, „къ городничимъ и въ нижніе земскіе суды“, съ предписаніемъ послѣднимъ, дабы они сіи манифесты вѣдомства ихъ въ городахъ и уѣздахъ повсемѣстно, а также во всѣхъ церквахъ и на публичныхъ мѣстахъ обнародовали, и за дѣйствительнымъ того выполненіемъ имѣли всегдашнее наблюденіе“ (л. 344).

Рязанское губернское правленіе отъ 13 апрѣля сообщало, что имъ опредѣлено: „съ прописаніемъ онаго указа и съ приложеніемъ надлежащаго числа экземпляровъ для свѣдѣнія, а въ потребномъ случаѣ, до кого касаться можетъ, и исполненія, въ палаты суда и расправы, казенную и въ приказъ общественнаго призрѣнія, сообщить, а ко всѣмъ здѣшней губерніи городничимъ и въ нижніе земскіе суды послать указы съ таковымъ предписаніемъ, чтобы первые въ городахъ, послѣдніе въ округахъ учинили распубликованіе, а помѣщикамъ, имѣющимъ своихъ крестьянъ, оный Высочайшій Е. И. В. манифестъ къ должному выполненію объявили съ подписками, потомъ городничимъ къ таковому-жъ свѣдѣнію, а въ потребномъ случаѣ исполненію въ состоящія въ тѣхъ городахъ всѣ присутственныя мѣста со оныхъ указовъ съ приложеніемъ экземпляровъ препроводить копіи“ (л. 325).

Волынское губернское правленіе (отъ 19 мая): указы опредѣлено разослать, „дабы манифестъ повсемѣстно опубликовали, чтобъ помѣщики и ихъ управители, бывъ о Высочайшемъ Е. И. В. соизволеніи извѣстны, не могли отважиться и

По существу та же точка зрѣнія, на которой стоялъ сенатъ въ пониманіи манифеста 5 апрѣля, скрыто проводилась и въ дальнѣйшемъ законодательствѣ. Въ то время какъ законъ о воскресныхъ дняхъ много разъ подтверждался и правительствомъ принимались мѣры къ его дѣйствительному осуществленію, особаго указа о трехдневной барщинѣ ни разу не было издано до самаго освобожденія крестьянъ, несмотря на неоднократные совѣты, говорившіе о томъ, что необходимо „разъяснить“ и „подтвердить“ правило о трехдневной работѣ крестьянъ; законодатели старательно обходили этотъ вопросъ и даже тогда, когда офиціально признали толкованіе манифеста 5 апрѣля въ смыслѣ установленія трехдневной барщины, не принимали никакихъ опредѣленныхъ мѣръ къ выполненію этой нормы. Такъ, въ обширномъ „наказѣ гражданскимъ губернаторамъ“ 1837 г., состоящемъ изъ 346 параграфовъ, въ которомъ внимательно и подробно оговариваются заботы губернатора о цѣлости зданій, здоровьѣ скота, объ исправности мостиковъ въ селеніяхъ, гдѣ губернаторамъ предписано, какъ на то указано

понуждать крестьянъ своихъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ и за точнымъ и непремѣннымъ того исполненіемъ прилежно нижніе земскіе суды и городничіе наблюдали бы и, въ случаѣ кѣмъ либо сего Высочайшаго указа нарушенія, по изслѣдованіи, отсылать виновныхъ къ сужденію по всей строгости законовъ“ (л. 337).

Московское губернское правленіе рапортомъ отъ 6 апрѣля доносило: указъ, „чтобы помѣщики не принуждали крестьянъ своихъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ, для объявленія какъ помѣщикамъ, такъ и всенародно, въ губернскомъ правленіи полученъ“. „И по оному Е. И. В. указу въ губернскомъ правленіи опредѣлено: изъ сихъ присланныхъ экземпляровъ отослать въ московскую управу благочинія при указѣ и велѣть съ полученія ихъ въ тотъ же часъ оный Высочайшій манифестъ во всѣхъ знатныхъ частяхъ города надлежащимъ порядкомъ обнародовать, а также и всѣмъ живущимъ здѣсь въ Москвѣ помѣщикамъ объявить и сверхъ того по всѣмъ частямъ и кварталамъ въ пристойныхъ мѣстахъ, прибить по одному экземпляру, а къ равномѣрному исполненію здѣшней губерніи въ городахъ и уѣздахъ препроводить по потребному числу экземпляровъ помянутаго манифеста при указахъ къ городничимъ и въ нижніе земскіе суды и подтвердить имъ, чтобъ они съ полученія ихъ тотчасъ каждый по вѣдомству своему оный манифестъ какъ помѣщикамъ объявили, такъ и повсемѣстно обнародовали, для свѣдѣнія же о семъ и должнаго въ потребномъ случаѣ, до кого относиться будетъ, исполненія разослать по одному экземпляру здѣшней губерніи въ палаты и въ приказъ общественнаго призрѣнія при сообщеніяхъ, а въ подчиненныя правленію присутственныя мѣсты при указахъ, и въ правит. сенатъ о полученіи оныхъ, указа и экземпляровъ, отрапортовать“ (л. 302).

выше, имѣть надзоръ за „точнымъ исполненіемъ постановленій“ относительно праздниковъ и воскресныхъ дней, нѣтъ и помину о томъ, чтобы они наблюдали за выполненіемъ правила о трехдневной барщинѣ. Тамъ же, гдѣ по смыслу объ этомъ должна идти рѣчь, „наказъ“ глухо говоритъ: гражданскіе губернаторы наблюдаютъ, „чтобы поселяне не были подвергаемы какимъ либо противозаконнымъ наказаніямъ, поборамъ и неуравнительному или излишнему отягощенію въ отправленіи повинностей“ [1]).

Значитъ, строго говоря, по той формѣ, въ какую вылился манифестъ 5 апрѣля 1797 года, по тому смыслу, какой былъ вложенъ въ него первоначально сенатомъ и правительственными учрежденіями и какой скрыто проводился и послѣдующимъ законодательствомъ, манифестъ слѣдуетъ понимать, какъ законъ о непринужденіи крестьянъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ, толкованіе же его въ смыслѣ установленія имъ трехдневной барщины, на словахъ офиціально признаваемое, внесенное какъ въ Полное Собраніе Законовъ (оглавленіе манифеста), такъ и въ Сводъ Законовъ, слѣдуетъ понять, какъ пожеланіе правительства, которымъ оно хотѣло распространить среди общества идею необходимости ограниченія барщинныхъ работъ.

II.

Хотя и были приняты мѣры къ опубликованію манифеста 5 апрѣля, но онъ не вездѣ сразу сталъ извѣстенъ. Нѣкоторыя указанія на это имѣемъ въ жалобахъ крестьянъ на помѣщиковъ. Такъ, въ февралѣ 1798 г. крестьянинъ Нижегородской губ. Ѳедоровъ подалъ Государю на свою помѣщицу Дружинину жалобу, въ которой сообщалъ, что помѣщица разорила ихъ вовсе какъ вседневными работами, такъ оброкомъ по 20 руб. съ вѣнца и другими поборами. Никакихъ ссылокъ на законъ 5 апрѣля въ прошеніи не было

[1]) П. С. З., 2-ое собр., т. XII, № 10303, § 48.

сдѣлано, а потому Ѳедорову этотъ манифестъ былъ прочитанъ и тотъ „отвѣтствовалъ, будто оной не исполняется“ [1]). Бѣлорусской губерніи крестьяне кол. сов. Рысинскаго Прохоръ Трофимовъ и Степанъ Осиповъ подали жалобу Государю на своего помѣщика „въ отягощеніи ихъ несносными работами и налогами“, а потомъ (въ октябрѣ 1797 г.) явились къ кн. Куракину (ген.-прокурору, докладывавшему Государю о крестьянскихъ жалобахъ) и, „подтверждая неумѣренные свои работы и налоги, объявили, что они отъ домовъ отлучились еще въ генварѣ мѣсяцѣ безъ всякаго вида, и о изданномъ отъ Вашего И. В-ва указѣ о работахъ на помѣщика не знали, теперь же, по объявленіи имъ о томъ, соглашаются идти въ домы, прося помилованія въ ихъ дерзости“ [2]). Арендаторъ Кумоловской мызы (С.-Петербургской губ.) кап. Теренбергъ по дѣлу о притѣсненіи имъ крестьянъ показывалъ, что указъ 5 апрѣля болѣе двухъ мѣсяцевъ спустя послѣ его изданія „ему объявленъ не былъ“ [3]).

Какъ былъ понятъ людьми того времени указъ 5 апрѣля?

1. Этому указу придавали смыслъ запрещенія работать по воскреснымъ днямъ. Такъ изъ рапорта рязанскаго губернатора М. Коваленскаго отъ 4 сентября 1797 г. кн. Куракину узнаемъ, что крестьянинъ прапорщика М. К. Фролова Маркъ Тихоновъ „показалъ на означеннаго помѣщика своего, что онъ посылалъ его, Тихонова, на работу въ воскресный день, и когда онъ, не послушавъ, объявилъ ему, Фролову, что въ воскресные дни работать запрещено, то онъ,

---

[1]) Объ этомъ въ экстрактѣ челобитной, представленномъ Государю, говорится такъ: „При объявленіи же ему (Ѳедорову) всемилостивѣйшаго Е-го И. В-ва отъ 5 апрѣля прошлаго года указа о дняхъ для крестьянскихъ работъ, отвѣтствовалъ онъ, будто оной не исполняется“ *(Гос. Арх.,* VII, № 2985, ч. I, № 31, *л.* 2). Жалоба, по сообщенію (отъ 4 марта 1798 г.) нижегородскаго губернатора Львова, оказалась ложной, и Ѳедоровъ былъ отданъ подъ судъ.

[2]) 11 окт. на это послѣдовала резолюція Государя: отпустить крестьянъ въ домы ихъ съ листомъ и подтвердить имъ о должномъ повиновеніи своему помѣщику *(Гос. Арх.,* VII., № 2985, ч. I, № 19, *л.* 6).

[3]) Впрочемъ, такое показаніе 1-мъ департаментомъ С.-Петербургской палаты суда и расправы было признано простой отговоркой, „п. ч. Высоч. указъ непремѣнно извѣстенъ каждому, ибо оной тогда же распубликованъ всенародно, а потому и невѣдѣніемъ онаго закона никто отговариваться не долженъ“ *(Сен. Арх., 1-ое отд. V деп., дѣло* 1798 г., № 184, *л.* 435).

Фроловъ, порочилъ якобы указъ бранными словами“ [1]). Показапіе Тихонова, по разслѣдованію губернатора, не подтвердилось, но изъ этого рапорта видно, что крестьянинъ хорошо зналъ объ изданіи закона, запрещавшаго работать по воскреснымъ днямъ. Крестьянинъ Смоленской губ. (дер. Тарасовской Аршадской округи), принадлежавшій бригадиру В. В. Артемьеву, Леонъ Фроловъ, въ своей второй челобитной (отъ 6 апрѣля 1799 г.) на имя Государя пишетъ: „А какъ есть отъ Вашего И. В-ва запрещено воскресные дни работать и почитать ихъ праздниками, а мы ни единого дня не проминуемъ безъ господской работы“ [2]).

А. Н. Радищевъ идетъ нѣсколько дальше и утверждаетъ, что запрещеніе работъ по воскреснымъ днямъ есть единственное требованіе манифеста. Въ своей статьѣ „Описаніе моего владѣнія“ онъ говоритъ: „Господинъ можетъ его (земледѣльца-крестьянина) заставить работать, сколько хочетъ. Нынѣ только запрещено работать по воскресеньямъ и совѣтомъ сказано, что довольно трехъ дней на господскую работу; но на нынѣшнее время законоположеніе сіе невеликое будетъ имѣть дѣйствіе, ибо состояніе ни земледѣльца, ни двороваго не опредѣлено“ [3]).

2. Манифестъ понимался и въ смыслѣ установленія трехдневной барщины. Такъ крестьяне Кумоловской мызы С.-Петербургской губ., толкуя по своему манифестъ, на что будетъ указано ниже, считали, что манифестъ установилъ „тридневную работу“ на помѣщика [4]). Крестьянинъ Котельской мызы дер. Большого Конца (С.-Петербургской губ.) Андрей Исаковъ былъ увѣренъ, что „указомъ повелѣно крестьянамъ на господской работѣ быть“ три дня въ недѣлю [5]). Такого же пониманія держался вологодскій губернаторъ Шетневъ, какъ то видно изъ его рапорта къ кн. Куракину, гдѣ сообщалось:

---

[1]) *Гос. Арх.*, VII, № 2953, *л.* 1.
[2]) *Гос. Арх.*, VII, № 2985, ч. I, *л.* 25, *л.* 10.
[3]) Семевскій, Крест. вопр., I, 232, 307; см. „Полное собраніе сочиненій А. Н. Радищева“ подъ ред. Бороздина, Лапшина и Щеголева, изд. Акинфіева. П., 1907 г., т. II, 265.
[4]) *Сен. Арх., 1-ое отд. V деп., дѣло* 1798 г., № 184 л. 438.
[5]) *Гос. Арх.*, VII, № 2918, ч. II, № 24, л. 4.

„во исполненіе Высочайшаго манифеста о раздѣленіи работъ предписано было г. губернскому предводителю приказать уѣзднымъ предводителямъ, дабы они имѣли наблюденіе въ своихъ округахъ, чтобы между помѣщиками и крестьянами, по силѣ того манифеста, въ работахъ шесть дней раздѣлялись“ [1]).

На почвѣ послѣдняго пониманія манифеста со стороны крестьянъ возникли толкованія, далеко нежелательныя ни для помѣщиковъ, ни для властей. Такъ, упомянутый мною выше крестьянинъ Андрей Исаковъ, „первый изъ всѣхъ крестьянъ, по словамъ помѣщика ихъ полк. Альбрехта, возмутитель къ непослушанію и неповиновенію“, въ іюнѣ и началѣ іюля мѣсяца 1797 г., появившись послѣ отлучки въ своей деревнѣ, между крестьянами „разглашалъ, якобы указомъ повелѣно крестьянамъ на господской работѣ быть отъ всего дома, сколько бъ оныхъ во ономъ ни находилось, мужска полу одному только въ недѣлю два, а женска одной же одинъ день“ [2]).

Еще дальше въ своемъ толкованіи манифеста пошли крестьяне Кумоловской мызы, пустившись въ филологическія тонкости: они считали, что „та тридневная работа относится только для мужского пола, а женамъ ихъ производить не должно“ (въ манифестѣ было сказано: „крестьянамъ“, но не было прибавлено: и крестьянкамъ). Когда же земскій исправникъ, Крузъ, узнавъ о „такомъ вредномъ всему обществу дѣлѣ“, пріѣхалъ въ ту мызу и, собравши крестьянъ, сталъ разспрашивать ихъ, то они „отозвались, что тяжела для нихъ господская работа, а что принадлежитъ до женъ, то сего и въ манифестѣ не сказано“. Напрасно исправникъ

---

[1]) *Гос. Арх.*, VII, № 2985, ч. I, № 22—23, л. 20 об.

Не могу не отмѣтить того обстоятельства, что среди рапортовъ въ сенатъ о полученіи манифеста 5 апрѣля какъ разъ нѣтъ отвѣта отъ вологодскаго губернскаго правленія.

[2]) Изъ дальнѣйшаго узнаемъ, что „возмутитель“ Исаковъ былъ пойманъ, но бѣжалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, по сообщенію какъ будто нижняго земскаго суда, „небольшое число людей, виновныхъ въ своевольствѣ, какъ видно отъ страха наказанія за учиненную дерзость, разбѣжались, безъ сомнѣнія, въ лѣса и сосѣднія околичности, всѣ же другіе крестьяне не только при узаконенныхъ на помѣщика работахъ остаются спокойны, но и малѣйшаго неудовольствія предъ нижнимъ земскимъ судомъ не объявили“.—Изъ рапорта Е. И. Высочеству отъ 5 іюля 1797 г. (*Гос. Арх.*, VII, № 2918, ч. II, № 24 л. 3—5).

„хотѣлъ истолковать имъ силу того манифеста", крестьяне оказали ему „пренебреженіе" и, не внимая его словамъ, разошлись по домамъ [1]).

Извѣстенъ также случай, когда дворовые люди считали, что манифестъ 5 апрѣля относится и къ нимъ и „просили" своего помѣщика (Башмакова) „по силѣ Высочайшаго Е. И. В. манифеста раздѣлить между ими время для работъ" [2]). Дворовый человѣкъ прапорщика П. Гулякова Н. Алексѣевъ (изъ Ярославской губ.) въ іюлѣ 1797 г. подавалъ жалобу Государю на своего помѣщика, что тотъ изнуряетъ его „безотлучной работой" [3]); возможно, что Алексѣевъ полагалъ, что послѣ изданія манифеста онъ работать на помѣщика постоянно не долженъ.

3. Наконецъ, манифесту 5 апрѣля придавали общее значеніе, понимая его, какъ запрещеніе обременять крестьянъ работами и поборами сверхъ силъ и возможности. Какъ на примѣръ, можно указать на слѣдующее дѣло. Крестьяне С.-Петербургской губ. въ поданномъ (въ 1797 г.) Государю прошеніи писали, что госпожа ихъ, ген.-майорша Будкевичева, „принявъ ихъ во владѣніе, положила оброку съ каждой ревизской души (у нея было 300 ревизскихъ душъ) по 10 руб., а потомъ наложено сверхъ оброка-лѣсомъ къ построенію амбаровъ и при томъ также собраніемъ хлѣба, кирпича и прочаго, и всего доходу ей приходитъ 5000 руб., и что помѣщицею не соблюдено повелѣніе Е. И. В., чтобъ помѣщичьи крестьяне работали только половину недѣли, а другую бы на себя, почему и просили излишне положенный на нихъ оброкъ отмѣнить, ибо нѣтъ силъ и возможности столь налагаемыхъ оброковъ платить" [4]).

---

[1]) Въ подкрѣпленіе исправнику былъ посланъ эскадронъ лейбъ-кирасирскаго полка, и крестьяне были приведены къ должному послушанію. Приговоромъ суда было постановлено: крестьянамъ „истолковать манифестъ о ихъ работахъ, что онъ имѣетъ равную силу какъ на мужскій, такъ и на женскій полъ", а потомъ истребовать отъ нихъ подписку въ непремѣнномъ исполненіи того манифеста и въ повиновеніи властямъ. — Изъ копіи приговора С.-Петербургской палаты суда и расправы 1-го департамента, отъ 23 дек. 1797 г. (*Сен. Арх., 1-ое отд. V деп. сената*, 1798 г. № 184, л. 446 об.).

[2]) *Гос. Арх.*, VII, № 2985, ч. I, №№ 22—23, л. 20.

[3]) *Тамъ же*, № 10, л. 2.

[4]) *Сен. Арх., 1-ое отд. V департ., дѣло* 1798 г., № 168, л. 149 об.

Дѣло было передано сначала на разсмотрѣніе лужскаго суда, а затѣмъ оно перешло въ с.-петербургскую палату суда и расправы въ 1-й департаментъ, который опредѣленіемъ 24 мая 1798 г. постановилъ: 1) крестьянъ зачинщиковъ наказать въ виду неправильности ихъ жалобы, старосту смѣнить, а всѣмъ остальнымъ подтвердить о томъ, чтобы они, „оставались въ должномъ помѣщицѣ своей послушаніи“, „съ объявленіемъ манифеста 797 г. генв. 29 д. и съ обязаніемъ ихъ подписками, и при томъ растолковать имъ силу законовъ, наказывающихъ непослушливыхъ и противящихся начальству“; 2) г-жѣ Буткевичевой „объявить съ подпискою, дабы она съ крестьянами въ работахъ ихъ не инако поступала, какъ по волѣ монаршей, объявленной въ изданномъ 797 г. апрѣля 5 числа манифестѣ и прочихъ узаконеніяхъ, не причиняя имъ притѣсненія“ [1]).

Крестьяне оброчные жалуются на нарушеніе манифеста, хотя ихъ къ какимъ либо работамъ постояннымъ, превышавшимъ трехдневную барщину, не принуждали; судъ постановляетъ обязать помѣщицу подпиской, чтобы она съ крестьянами поступала по силѣ того манифеста, „не причиняя имъ (крестьянамъ) притѣсненія“; видимо, и крестьяне и судъ придавали манифесту болѣе общее и болѣе широкое значеніе, чѣмъ прямое и точное указаніе на трехдневную барщину [2]).

---

[1]) *Тамъ же*, л. 154—155. Основаніемъ для приговора послужило заявленіе управителя вотчины бриг. Татищева, который показалъ, что „отъ него приказано было старостѣ Галактіонову на покупку для госпожи его провизіи собрать съ крестьянъ въ счетъ годового ихъ оброку по $1^{1}/_{2}$ руб. съ души; строевой лѣсъ такъ они приговорили, что былъ уже ими изготовленъ, то нынѣ велѣно его отвести на назначенное мѣсто“ (л. 148).

[2]) Не могу не указать на дальнѣйшую любопытную исторію этого дѣла. Изъ палаты оно было взнесено „на соглашеніе“ къ с.-петербургскому гражданскому губернатору Ивану Ильичу Гревенцу. Однако, губернаторъ согласія на постановленіе палаты не далъ, а истребовавъ „подлинное дѣло съ рѣшительнымъ опредѣленіемъ“, представилъ его въ сенатъ при особомъ рапортѣ (отъ 12 іюня 1798 г.), въ которомъ писалъ: „Усмотрѣлъ я, что упомянутая ген.-майорша налагаетъ на крестьянъ сверхъ другихъ повинностей еще по 10 руб. съ каждой души; поелику же въ разсужденіи налоговъ отъ помѣщиковъ на крестьянъ своихъ точнаго закона мнѣ неизвѣстно, а чинимое ген.-майоршей Буткевичевой кажется мнѣ весьма неумѣреннымъ, то по симъ причинамъ на сдѣланное департаментомъ положеніе касательно однихъ только крестьянъ самъ собою согласія моего дать я не могу, тѣмъ болѣе, что дѣло сіе извѣстно и Е. И. В—ву“ (л. 145).

Какъ видно, манифестъ 5 апрѣля далеко не отличался такой ясностью и опредѣленностью, чтобы сразу же былъ понятъ всѣми одинаково: онъ возбудилъ рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ, которые такъ или иначе должны быть рѣшены.

Посмотримъ, каково было дѣйствіе манифеста на практикѣ: считались ли съ нимъ судебныя учрежденія, администрація, помѣщики. Имѣется рядъ случаевъ, когда судебныя установленія примѣняли манифестъ 5 апрѣля и присуждали къ наказанію виновныхъ въ нарушеніи его. Такъ, въ концѣ 1797 г. производилась въ с.-петербургской палатѣ суда и расправы (въ первомъ департаментѣ) ревизія дѣла, начавшагося въ нижнемъ земскомъ судѣ о крестьянахъ Кумоловской мызы С.-Петербургскаго уѣзда помѣщика майора Опица, „находившихся въ арендномъ содержаніи“ капитана Теренберга.

Въ отвѣтъ на этотъ рапортъ сенатомъ 7 іюля, того же 1798 г. было постановлено: „Какъ, по разсмотрѣніи сего дѣла, сенатъ находитъ, что ген.-майорши Б—ой крестьяне тягостью себѣ считаютъ не 10-ти рублевый оброкъ, на нихъ положенный и, повидимому, соотвѣтствующій выгодамъ владѣемыхъ ими земель, но сборъ денегъ для покупки хлѣба и нарядъ работниковъ для привозу лѣса, что все помѣщица ихъ располагала поставить имъ въ счетъ оброка, но они сами, по однимъ только словамъ, будто отъ старосты сказаннымъ, заключая, что сей налогъ происходитъ сверхъ оброка, не отнесясь съ просьбой къ помѣщицѣ своей, вдругъ возмутились и дерзновенно утруждали высокомонаршую Е. И. В. Особу въ противность многихъ запретительныхъ публичныхъ указовъ, по силѣ коихъ и подлежали жестокому наказанію, по тѣ изъ нихъ, кои принесли раскаяніе въ своемъ преступленіи, освобождаются отъ онаго, а оставшіеся въ неповиновеніи и писавшій мірской приговоръ подвергаются оному рѣшеніемъ суда и расправы правильно и съ законами согласно, а для того рѣшеніе сіе утвердить въ его силѣ, и о исполненіи по оному палатѣ предписать указомъ, препроводя при немъ и подлинное дѣло.

А таковымъ же и г. губернатору дать знать, замѣтя при томъ, что отзывъ его о неумѣренности г-жи Буткевичевой въ наложеніи на крестьянъ сверхъ другихъ повинностей оброка и о неизвѣстности ему точнаго закона о налогахъ отъ помѣщиковъ на крестьянъ своихъ несовмѣстенъ съ обстоятельствами настоящаго дѣла потому, что изъ представленнаго ему отъ палаты приговора могъ онъ видѣть, съ одной стороны, что Б—а на крестьянъ своихъ положила не работу, а оброкъ, въ коемъ они и претензіи не имѣютъ, жалуются же безъ всякихъ доказательствъ, считая, будто сверхъ онаго требуются съ нихъ и другія повинности, ими однако не исполненныя, съ другой стороны, палата изъясняла приличные на сей случай законы (палата ссылалась: на ст. 13 главы II Уложенья, 129 артикулъ воин. устава и на указы—762 г. окт. 8, 767 г. авг. 22, 797 г. генв. 29, апр. 5 и сент. 13, п. 1 указа того же 797 г.), по которымъ какъ присутственныя мѣста, такъ и начальники губерніи судить должны и которыхъ къ рѣшенію дѣла сего достаточно, слѣдовательно, и заключать о неизвѣстности оныхъ было не должно“ (л. 157—158).

Изъ приговора этой палаты (отъ 23 декабря) узнаемъ, что „означенные Кумоловской мызы крестьяне напредъ сего приносили жалобу на арендатора ихъ кап. Теренберга о чинимыхъ имъ отягощеніяхъ излишними работами и поборами, за что и преданъ былъ онъ, Теренбергъ, палатѣ сужденію, въ чемъ и найденъ виновнымъ“ [1]).

„Сужденіе“ надъ Теренбергомъ началось въ уѣздномъ судѣ, откуда дѣло августа 20 дня „взнесено было на ревизію“ въ палату. Теренбергъ обвинялся „во употребленіи имъ той мызы крестьянъ въ работу въ противность именного Е. И. В. высочайшаго указа, изданнаго 1797 г. апрѣля въ 5-е число“. По рѣшенію палаты (отъ 5 ноября) Теренбергу было поставлено въ вину то обстоятельство, что, по его требованію, крестьяне „работаютъ ему 4 дни въ недѣлю“, „что онъ (Теренбергъ) въ противность публикованнаго сего 797 г. апрѣля въ 5 день указа и по состояніи онаго держалъ крестьянъ на работѣ въ недѣлю болѣе трехъ дней“ [2]). Хотя Теренбергъ и отговаривался тѣмъ, что „указъ апрѣля 5-го дня 797 г.“ ему „объявленъ не былъ“, все же, по мнѣнію палаты, такая отговорка „къ оправданію ему служить не можетъ, ибо оный тогда же распубликованъ всенародно“. „Итакъ, читаемъ въ приговорѣ палаты, изъ всѣхъ дѣяній его видно, что онъ, Теренбергъ, для своей выгоды держался болѣе заключеннаго имъ съ помѣщикомъ той мызы контракта, а не силы Высочайшаго именного указа, ибо онъ, Теренбергъ, къ облегченію тѣхъ крестьянъ работою съ публикованія о томъ указа никакой отмѣны не сдѣлалъ, а продолжалъ отягощеніе тѣмъ крестьянамъ съ состоянія того указа болѣе 2-хъ мѣсяцевъ“ [3]). А потому палата, находя Теренберга „неисполнителемъ“ Высочайшаго указа, „мнѣніемъ своимъ полагала“: 1) кап. Теренберга лишить чиновъ и, какъ виновнаго въ притѣсненіи крестьянъ, ни до какой аренды впредь не допускать, о чемъ публиковать въ вѣдомостяхъ; 2) контрактъ объ арендѣ уничтожить и тѣхъ крестьянъ „оставить во вла-

---

[1]) *Сен. Арх., дѣло 1-го отдѣл. V деп. сената*, 1798 г., № 184, л. 438.
[2]) *Тамъ же*, л. 434.
[3]) *Тамъ же*, л. 435.

дѣніи ихъ настоящихъ владѣльцевъ"; 3) владѣльцевъ „обязать подпиской", чтобы они „не принуждали означенныхъ крестьянъ къ работѣ въ недѣлю болѣе трехъ дней".

Впрочемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что несоблюденіе манифеста 5 апрѣля не было единственнымъ основаніемъ для постановленія такого приговора палаты. Въ немъ, сверхъ сообщенія о разныхъ тягостныхъ работахъ, читаемъ: „Изъ показанія арендатора и приказчика его Зейдлица видно, что съ тѣхъ крестьянъ сверхъ запашки и трудныхъ работъ ежегодно положено было къ платежу денегъ съ каждой четвертушки по 75 коп., а также хлѣбъ, сѣно, солома и мѣшки, да тѣ-жъ крестьяне наряжаются и ѣздятъ въ Петербургъ, Ораніенбаумъ и въ прочія мѣста, куда потребно, отъ 70 до 100 верстъ съ каждаго тягла, т. е. мужъ съ женою въ годъ по 5 подводъ съ зачетомъ за каждую поѣздку изъ господскихъ дней только по два дни, и еще крестьяне съ каждаго тягла ходятъ по $3^1/_2$ недѣли въ годъ, и зачитается имъ за каждую недѣлю по два-жъ дни". „По его же, арендаторскому, показанію, съ обращающихся мужска полу 180 работниковъ платится отъ него, арендатора, помѣщикамъ той мызы Кумоловской въ каждой годъ по 9000 руб., а къ тому принужденною работою и другими способами домогается и себѣ немалой прибыли, почему объявленное число душъ крестьянъ удовлетворить столь великою суммою въ пользу ихъ помѣщиковъ и еще арендатора должно не иначе, какъ съ крайнимъ себѣ разореніемъ и отягощеніемъ" [1]).

---

[1]) Въ дополненіе приведу небезынтересную дальнѣйшую часть приговора палаты: „А къ тому, когда самъ же онъ (Теренбергъ) показываетъ, что тѣ крестьяне полныхъ четырехъ дней не вырабатываютъ, то ихъ сверхъ трехъ дней никакими поборами отягощать, а кольми паче брать съ нихъ деньгами, хлѣбомъ и прочимъ было не должно, что самое и бывшій г. губернаторъ и кавалеръ Алексѣевъ, будучи въ той мызѣ, изъ поданной отъ Теренбергова приказчика записи усмотрѣлъ, что тѣ крестьяне обременены работою несравненно болѣе, чѣмъ закономъ дозволено" (л. 434 и сл.). Наблюденіе губернатора, конечно, правильно: законъ не дозволялъ отягощать и разорять крестьянъ, въ чемъ былъ повиненъ Теренбергъ, но съ подобнымъ мнѣніемъ палаты, что сверхъ трехъ дней „никакими поборами отягощать, а кольми паче брать съ нихъ (крестьянъ) деньгами, хлѣбомъ и прочимъ было не должно", не согласится, какъ увидимъ ниже самъ Государь.

Надо полагать, что это „крайне разореніе и отягощеніе“ крестьянъ, запрещаемое указами со времени Петра В., и было существеннымъ основаніемъ къ постановленію вышеуказаннаго приговора палаты.

Кромѣ этого случая по дѣлу крестьянъ Кумоловской мызы, можно указать не одинъ случай, когда судебныя власти при разборѣ дѣла о притѣсненіи и разореніи крестьянъ ссылаются на манифестъ 5 апрѣля, ставя въ вину помѣщику нарушеніе этого закона. Изъ подобныхъ случаевъ не могу не привести одного дѣла, по которому судебныя инстанціи разошлись по вопросу о примѣненіи манифеста. Въ 1799 г. крестьяне села Ординецъ Махновскаго повѣта подали жалобу въ земскій повѣтовый судъ на своего помѣщика полковника Игнатія Комарницкаго „о чинимымъ имъ притѣсненіяхъ и обидахъ“. При разслѣдованіи этого дѣла, сосѣди шляхтичи жалобу подтвердили, сообщивши, что кромѣ слуховъ они знаютъ, что „Комарницкаго подданные села Ординецъ несносными и безпрестанными работами угнетаются; изъ нихъ (шляхтичей) Витвицкій, будучи 799 г. Комарницкаго экономомъ, и чтобъ тѣ подданные во время жнивъ и сѣнокосу работали денно и ночно, имѣлъ и диспозицію, которую и представилъ, а изъ нихъ Гофманъ, Пироговскій и Витвицкій и происходимыя подданнымъ наказанія видѣли, особо чего Левандовскій видѣлъ 799 г. августа, въ день Преображенія Господня въ с. Сопинѣ, что подданые выгнаты были жать господскаго хлѣба“ [1]).

Въ своемъ постановленіи (отъ 12 мая 1800 г.) Махновскій повѣтовый судъ, основываясь на „реверсѣ“, данномъ Комарницкимъ въ ноябрѣ 1794 г. брацловскому губернатору Берхману, которымъ (реверсомъ) онъ „обязался съ подданными обходиться снисходительно, милосердно и человѣколюбиво, убѣгая всемѣрно жестокихъ имъ и мучительныхъ наказаній, а въ противномъ случаѣ подвергаетъ себя всей строгости законовъ, безъ всякаго помилованія“, „мнѣніемъ своимъ положилъ“: „за угнетенія подданныхъ денными и ночными работами и тѣмъ приведеніе ихъ въ бѣдность безчело-

---

[1]) *Сен. Арх., 1-е отд. V деп., дѣло* 1814 г., № 922, *л.* 256.

вѣчно, въ противность реверса, взыскать (съ Комарницкаго) въ пользу приказа общественнаго призрѣнія 500 гривенъ польскихъ“, а „чтобъ Комарницкій излишними работами и податьми не угнеталъ, означить ему число работы и податей по общему въ порядочныхъ экономіяхъ въ томъ Махновскомъ уѣздѣ обыкновенію“ [1]).

Въ этомъ постановленіи суда нѣтъ и помину о манифестѣ 5 апрѣля 1797 г., приводится въ основаніе приговора „реверсъ“ 1794 г., тогда какъ, казалось, сослаться на манифестъ было бы умѣстнѣе всего. Затѣмъ впредь устанавливается не трехдневная барщина, а „общее въ порядочныхъ экономіяхъ въ томъ Махновскомъ уѣздѣ обыкновеніе“, которымъ слѣдуетъ руководиться при опредѣленіи „числа работы и податей“. Очевидно, Махновскій повѣтовый судъ въ манифестѣ 5 апрѣля не видѣлъ установленія трехдневной барщины.

Когда же дѣло о Комарницкомъ было прислано на ревизію въ департаментъ уголовныхъ дѣлъ кіевскаго главнаго суда, то послѣдній въ приговорѣ отъ 25 января 1801 г., установивши, что Комарницкій „точно бьетъ подданныхъ и угнетаетъ ихъ ежечасными работами въ лѣтнее время“, указалъ, что этимъ Комарницкій „не соблюдаетъ Высочайшаго именного указа, состоявшагося 797 г. апрѣля 5-го, которымъ повелѣно въ недѣли три дня подданнымъ работать на господина“; „особливо же“, отмѣчаетъ кіевскій главный судъ уже въ согласіи съ постановленіемъ Махновскаго повѣтоваго суда, онъ „не исполнилъ обязательства“, даннаго имъ въ реверсѣ 1794 г.

Итакъ, здѣсь кіевскій главный судъ, не по примѣру первой инстанціи, въ основаніе своего приговора ставитъ прежде всего манифестъ 5 апрѣля. Однако, въ дальнѣйшемъ и этотъ судъ, чувствуя недостаточность манифеста, прибѣгаетъ для опредѣленія размѣра работъ и повинностей крестьянъ къ тѣмъ же мѣрамъ, какія были указаны въ постановленіи повѣтоваго суда. „Утвердить, читаемъ въ приговорѣ 25 января 1801 г., повѣтоваго суда мнѣніе и въ томъ, чтобъ обоюдные

---

[1]) *Тамъ же, л.* 259 об.

его, Комарницкаго, съ подданными споры въ сборахъ хлѣба, денегъ и прочаго расчесть и число панщины по общему въ повѣтѣ обыкновенію; такожъ и податей постановить съ тѣмъ, чтобъ сіи расчеты и постановленія учинилъ повѣтовый маршалъ съ двумя, имѣющими въ повѣтѣ осѣдлость, достаточными помѣщиками" [1]).

Приведу въ примѣръ еще слѣдующій любопытный случай. Крестьяне Софійскаго уѣзда С.-Петербургской губ. вотчины подпоручика Д. Некрасова дер. Калли, находившіеся „въ управленіи по довѣренности того Некрасова у здѣшняго (с.-петербургскаго) 2-й гильдіи купца Павла Усольцова", жаловались въ 1804 г. на обремененіе ихъ работами со стороны управителя. Разслѣдовать дѣло было поручено софійскому уѣздному предводителю дворянства, который потомъ доносилъ: „опредѣленныхъ дней на работы, какъ обыкновенно помѣщичьи крестьяне три раза въ недѣлю, они не отправляютъ, а за то должны быть всегда въ непремѣнной готовности, когда потребуется, къ назначеннымъ отъ него (Усольцова) вышеупомянутымъ работамъ (при ломкѣ и возкѣ плитъ), за которую получаютъ отъ него, Усольцова, плату, но только не противъ вольнонаемныхъ, а гораздо съ уменьшеніемъ"; „сверхъ же того исправляютъ они имѣющійся у него сѣнокосъ, до окончанія коего держитъ ихъ непрерывно при ономъ, и по симъ обстоятельствамъ чувствуютъ отягощеніе, что таковыми почти безпрерывными, при томъ въ неизвѣстное для нихъ время, работами отвлекаются тѣмъ во время способствующихъ для полевыхъ работъ погодъ для земледѣлія, которое единымъ основаніемъ состоянію ихъ служитъ, и чрезъ то должны бываютъ приступить къ оной тогда, когда отъ неблагопріят-

---

[1]) Весь приговоръ вкратцѣ таковъ: 1—взыскать съ Комарницкаго за умершихъ послѣ побоевъ; 2—за жестокость его, „а особливо за неисполненіе реверса и за прочіе доказуемые ему противные чести и благонравію поступки" выдержать четверть года въ Кіевѣ при полиціи подъ карауломъ, „а при выпускѣ еще обязать подпискою, чтобъ съ подданными своими обходился такъ, какъ прежде реверсомъ обязался"; 3—размѣръ повинностей и работъ опредѣлить по общему въ повѣтѣ обыкновенію; 4—подданнымъ внушить, чтобы повиновались помѣщику и отбывали должныя повинности; 5—взыскать штрафъ въ 500 гривенъ съ Комарницкаго въ пользу приказа общественнаго призрѣнія (л. 265 и сл.).

ствующей ненастной погоды полевые ихъ труды остаются безплодны, и тѣмъ лишаются къ пропитанію своихъ семействъ“ [1]).

По опредѣленіямъ сената (отъ 29 ноября 1810 г.) и государственнаго совѣта (1814 г.) купецъ Усольцовъ въ притѣсненіи крестьянъ признанъ невиновнымъ на слѣдующемъ основаніи: „Обстоятельства дѣла нисколько вины его въ семъ случаѣ не открываютъ. Крестьяне притѣсненіемъ называли то, что Усольцовъ употреблялъ ихъ въ работу, но онъ дѣлалъ сіе по дозволенію помѣщика, тѣмъ еще съ большей для нихъ выгодою, что платилъ имъ за то деньги, предоставя въ собственную ихъ же пользу и пахотную землю, Усольцову принадлежащую“ [2]).

Высшія государственныя учрежденія не поставили Усольцову въ вину его поступковъ по отношенію къ крестьянамъ, хотя предводитель дворянства и сообщалъ, что крестьяне должны быть, по приказу Усольцова, „всегда въ непремѣнной готовности“, нужныя работы при ломкѣ камня выполняютъ, сѣнокосъ исправляютъ „непрерывно“, до окончанія онаго; иначе говоря, по этимъ указаніямъ видно было, что правило манифеста 5 апрѣля о трехъ дняхъ работы въ недѣлю Усольцовымъ не выполнялось. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что указанный манифестъ фигурируетъ среди узаконеній, выписанныхъ для доклада по дѣлу. Отсюда можно заключить, что правило о трехдневной барщинѣ въ недѣлю не считалось непремѣннымъ требованіемъ закона, и нарушеніе этого правила, не сопровождавшееся „обремененіемъ“ и „разореніемъ“ крестьянъ [3]), разсматривалось, какъ дѣяніе не наказуемое.

Умѣренность въ работахъ и поборахъ, а отсюда вытекавшее запрещеніе разорять и обременять крестьянъ и послѣ манифеста 5 апрѣля, видимо, были, хотя и неопредѣленнымъ, но основнымъ правиломъ, регулировавшимъ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Даже трехдневная барщина не

---

[1]) *Сен. Арх., 1 отд. V деп., дѣло 1814 г.,* № 921, л. 272 и сл.

[2]) *Тамъ же,* л. 328, 395.

[3]) Въ данномъ случаѣ Усольцовъ съ крестьянъ „оброку никакого не собиралъ“; софійскій уѣздный судъ въ 1805 г. изслѣдовалъ дѣло на мѣстѣ—и обремененія крестьянъ работами и поборами не нашелъ.

исключала поборовъ въ пользу помѣщика и считалась самимъ Государемъ допустимой, лишь бы поборы были умѣренны. Это видно изъ нѣсколькихъ случаевъ, подобныхъ слѣдующему. Въ февралѣ 1798 г. крестьянинъ Ѳедоровъ изъ Нижегородской губерніи (Горбатовскаго у. села Кубаева) подалъ отъ лица всѣхъ крестьянъ Государю жалобу на свою помѣщицу секундъ-майоршу Дружинину, будто она „въ десятилѣтнее владѣніе разорила ихъ вовсе какъ вседневными работами, такъ оброкомъ по 20 руб. съ вѣнца и другими поборами". По Высочайшему повелѣнію (отъ 15 февраля) обстоятельства дѣла поручено было „изслѣдовать" нижегородскому губернатору Львову, который вскорѣ (4 марта 1798 г.) сообщилъ кн. Куракину слѣдующее: „Дни работные прежде никакого не имѣли раздѣленія, такъ что для работы собственной крестьянской и господской никакого опредѣленнаго времени не назначалось; нынѣ же работаютъ три дня въ недѣлю на помѣщицу и столько же крестьяне на себя", да сверхъ того, каждое тягло даетъ помѣщицѣ 2 фунта масла, 20 яицъ, за барана деньгами 1 руб. 20 коп., за холстъ—по 2 руб. съ каждой женщины. Оброчные платятъ по 20 руб. съ тягла, да по 3 руб. 20 коп. за барана и за холстъ. Кн. Куракинъ нашелъ, что Дружинина крестьянъ не разоряетъ и въ своемъ всеподданнѣйшемъ представленіи писалъ: Нижегородскій гражданскій губернаторъ Львовъ „увѣдомляетъ меня, что по обыску дворянскаго предводителя разоренья крестьянамъ не оказалось... дни какъ для помѣщицы, такъ и крестьянскіе наблюдаются, да сверхъ работы каждое тягло даетъ небольшое число провизіи".

2 апрѣля того же года объ этомъ доложено было Государю, который „повелѣлъ: дѣло сіе оставить, ложно доносившаго отдать въ судъ" [1]). Значитъ, позволительно было даже съ точки зрѣнія самого императора Павла I облагать крестьянъ поборами и сверхъ трехдневной барщины, лишь бы этими поборами крестьяне не приводились къ „разоренію". Въ этомъ пунктѣ Государь разошелся съ мнѣніемъ спе-

[1]) *Гос. Арх.*, VII, № 2985, ч. I, № 31, л. 2, 7 и 8; ср. *тамъ же*, № 25, л. 5.

тербургской палаты, которая находила, что „сверхъ трехъ дней никакими поборами отягощать (крестьянъ), а кольми паче брать съ нихъ деньгами, хлѣбомъ и прочимъ было не должно“ [1]).

Что касается дворовыхъ, а также крестьянъ, получающихъ мѣсячину, то манифестъ къ нимъ и при самомъ благопріятномъ толкованіи его не примѣнялся. Такъ, напр., дворовый человѣкъ прапорщика Петра Гулякова (изъ Ярославской губ., Мышкинскаго уѣзда) Николай Алексѣевъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1797 г. подалъ Государю жалобу „на господина своего въ изнуреніи крѣпостныхъ людей работами— („безотлучной работой“—какъ сообщается въ другомъ мѣстѣ), побоями, голодомъ и содержаніемъ“. По Высочайшему повелѣнію (отъ 25 іюня) дано было знать губернатору, дабы онъ объ обстоятельствахъ, просителемъ описываемыхъ, развѣдалъ секретнѣйше, а въ случаѣ ложнаго показанія, поступилъ съ нимъ по закону. Какъ видно изъ рапорта ярославскаго губернатора (отъ 18 августа 1797 г.), доносъ не подтвердился, и Алексѣевъ былъ преданъ суду за ложное обвиненіе своего помѣщика. Но вотъ что губернаторъ пишетъ относительно работъ: „Отъ работъ освобождаются они (крѣпостные люди) всегда по воскреснымъ днямъ и большимъ праздникамъ, въ другое же время и самъ помѣщикъ помогаетъ имъ въ оныхъ“ [2]). Приведу еще примѣръ. Пензенской губ. сельца Каменки „крестьянинъ Михайла Ларіоновъ приносилъ (Государю) жалобу на помѣщицу свою госпожу Обалдуеву, которая, державъ его безсмѣнно (въ прошеніи прибавлено: 4 года) на своей работѣ и выдавая ему только на мѣсяцъ по $1^1/_2$ четверика ржи и то пополамъ съ овсомъ, обязала еще платить съ прочими черноборныя деньги; а семейство, лишась его и не имѣя другихъ способовъ, питается мірскимъ подаяніемъ“. Въ отвѣтъ на эту жалобу послѣдовала Высочайшая резолюція: „прошеніе сіе оставить безъ всякаго вниманія и уваженія“ [3]).

---

[1]) См. объ этомъ выше—изложеніе дѣла о кап. Теренбергѣ.

[2]) *Гос. Арх.*, VII, № 2985, ч. I, № 10, л. 5 и 6.

[3]) Резолюція отъ 25 іюня 1797 г.; 27 іюня кн. Куракинъ послалъ саратовскому губернатору Ланскому письмо съ предложеніемъ—дѣло разслѣдовать; если

Здѣсь указано только два случая, но можно было бы привести еще не одинъ подобный примѣръ. Приведенные же примѣры показываютъ, что правило о трехдневной барщинѣ, указанное въ манифестѣ 5 апрѣля, не прилагалось ни къ дворовымъ людямъ, ни къ крестьянамъ-мѣсячникамъ. Въ связи съ этимъ не могу не отмѣтить того обстоятельства, что позднѣе, при Николаѣ I, когда правительство серьезно было озабочено вопросомъ о крѣпостныхъ, комитетъ 1840 г. довольно широко толковалъ 589 и 590 ст. IX тома Свода Законовъ, указывая на то, что дворовые въ ст. 589 не отдѣлены отъ крестьянъ, тамъ обще говорится о „крѣпостныхъ людяхъ", а потому правило о 3-дневной работѣ одинаково относится ко всѣмъ крѣпостнымъ, въ томъ числѣ и дворовымъ, въ особенности же къ тѣмъ, которые взяты во дворъ для личныхъ услугъ владѣльца изъ крестьянъ [1]).

Какъ бы ни понимать манифестъ 5 апрѣля, въ смыслѣ ли закона о трехневной барщинѣ или настоятельнаго пожеланія со стороны Государя, важно выяснить, исполнялось ли на практикѣ правило о трехдневной работѣ крестьянъ на помѣщиковъ. Оказывается, многочисленныя свидѣтельства говорятъ о томъ, что это правило не выполнялось. Въ томъ же 1797 г., послѣ изданія манифеста, крестьяне подавали императору Павлу жалобы, въ которыхъ сообщали, что они (1) работаютъ на помѣщика „ежедневно", (2) доведены „до крайнѣйшаго состоянія тяжкими разнаго рода сборами, ежедневными работами"; что (3) помѣщикъ ихъ „какъ загонитъ на барщину съ понедѣльника, то до воскресенья самого продержитъ"; (4) что хотя и назначено крестьянамъ быть на господской работѣ по три дня, но сверхъ того помѣщикъ выгоняетъ ихъ „на загонъ вново, сколько есть душъ наголо и до тѣхъ поръ не пуститъ, покуда той работы не приработаютъ", хотя бы на это потребовалось „недѣля или двѣ" [2]).

сообщеніе жалобы ложно, то челобитчика предать суду. Посылка такого письма, очевидно, имѣетъ ту цѣль, чтобы дерзнувшій напрасно утруждать Государя не остался безъ наказанія (*Гос. Арх.*, VII, № 2985, ч. I, № 7, л. 11 и сл.).

[1]) Семевскій, Крест. вопросъ, II, 114 стр.

[2]) *Гос. Арх.*, VII, № 2985, ч. I, № 4, л. 1; № 8, л. 2; № 17, л. 6; № 17, л. 2. Я привелъ выдержки изъ четырехъ жалобъ и экстрактовъ изъ челобитенъ только въ качествѣ иллюстраціи; такихъ жалобъ имѣется гораздо больше; ихъ

Подобныя жалобы могли быть преувеличены и при разслѣдованіи не подтвердиться, но кромѣ этого есть другія указанія, которыя говорятъ о томъ же, что манифестъ 5 апрѣля былъ недостаточенъ для установленія трехдневной барщины, что послѣдняя далеко не вездѣ имѣла мѣсто.

Еще кн. Безбородко въ своей „Запискѣ о потребностяхъ имперіи россійской" (отъ 1799 года) находилъ нужнымъ „повторить и нѣсколько объяснить манифестъ Павла I о крестьянской работѣ 5 апрѣля 1797 г." [1]). Радищевъ былъ увѣренъ, что „на нынѣшнее время законоположеніе сіе не великое будетъ имѣть дѣйствіе" [2]). В. Малиновскій въ неизданной запискѣ 1802 г. „О освобожденіи рабовъ" пишетъ: „Въ самое трепетное царствованіе императора Павла I" „въ окружностяхъ столицы крестьяне работали на господина не по три дня, какъ онъ указать соизволилъ, а по цѣлой недѣлѣ; мужику съ бояриномъ далеко тягаться". Пересылая свою записку гр. Кочубею, Малиновскій въ особомъ письмѣ сообщаетъ, что онъ во время службы въ Яссахъ (генеральнымъ консуломъ) „препроводилъ въ отечество болѣе 3000 человѣкъ бѣглыхъ, большею частью помѣщичьихъ крестьянъ", онъ „испытывалъ каждаго о причинахъ бѣгства и нашелъ оныя общими и съ состояніемъ рабства въ Россіи неразлучными, какъ-то: тягостныя работы сверхъ опредѣленнаго числа дней, большіе оброки, недостатки угодьевъ, побои и другіе самовольные поступки помѣщиковъ или приказчиковъ" [3]).

Если въ „самое трепетное царствованіе" правило о трехдневной барщинѣ не соблюдалось, то не было ничего удивительнаго въ томъ, что оно не исполнялось и въ послѣдующее время. На это имѣются слѣдующія указанія. Одинъ изъ авторовъ сочиненія, представленнаго Вольному Экономическому Обществу на тему о причинахъ дороговизны съѣстныхъ припасовъ, объявленную обществомъ въ 1804 г.,

---

навѣрно было бы сотни, если бы суровыя наказанія, которыя стали примѣняться, въ силу прежнихъ узаконеній, къ жалобщикамъ, не остановили крестьянъ отъ подачи челобитенъ Государю.

[1]) Сборн. Рус. Ист. Общ., т. XXIX, стр. 633 и сл.

[2]) Взято у В. И. Семевскаго, Крестьян. вопр., I, 232.

[3]) См. Семевскаго, Крестьян. вопр., I, 233, прим. 1-е и 430.

отмѣчаетъ, что „дороговизна возросла и возростаетъ отъ отягощенія помѣщичьихъ крестьянъ работами"; нѣкоторые крестьяне лѣтомъ, а особенно во время жатвы не работаютъ на себя и одного дня. Джунковскій въ своемъ трудѣ, напечатанномъ въ 1805 г., относительно работъ и повинностей крестьянъ, сообщаетъ, что крестьяне работаютъ на господина обыкновенно отъ двухъ до четырехъ дней въ недѣлю; многіе и ходятъ на барщину и платятъ оброкъ [1]). И. В. Лопухинъ, назначенный въ 1806 г. для наблюденія тишины и спокойствія во время сбора земской милиціи, въ своемъ донесеніи Государю просилъ его не возобновлять „указа, раздѣляющаго время работъ крестьянскихъ", „который, смѣю сказать, писалъ Лопухинъ, хорошо, что оставался какъ бы безъ исполненія" [2]). Въ „Духѣ журналовъ" за 1818 г. въ письмѣ Правдина къ издателю указывалось, что во многихъ губерніяхъ не мало вотчинъ, гдѣ крестьянамъ дозволяютъ работать на себя только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ или еще сверхъ того по одному дню въ недѣлю [3]).

Въ „запискѣ" Н. И. Тургенева, поданной Александру I въ 1819 г., сообщается: „не всѣ помѣщики довольствуются тремя днями работы крестьянъ своихъ"; „многіе сверхъ 3 дней работы, берутъ съ крестьянъ другія подати въ натурѣ и деньгами"; „нѣкоторые заставляютъ работать не три, а четыре, пять и даже шесть дней въ недѣлю, и въ семъ послѣднемъ случаѣ даютъ крестьянамъ такъ называемую мѣсячину" [4]).

Не только при Александрѣ I, но и въ слѣдующее царствованіе, когда правило о трехдневной барщинѣ, очевидно,

---

[1]) Семевскій, Крестьянскій вопросъ, I, 310 и 311 стр.

[2]) Тамъ же, стр. 361; Записки Лопухина—Чтенія Моск. О. И. и Д. Р., 1860, т. III, 137—162.

[3]) Письмо напечатано за 1818 г., ч. XXV, стр. 181—192. Обремененіе крестьянъ работами и повинностями дало поводъ кн. Трубецкому въ своихъ „Запискахъ" сказать: „Никакая мѣра, никакой законъ не опредѣляютъ" повинностей крѣпостныхъ крестьянъ, которые, по его словамъ, предоставлены всецѣло „необузданной волѣ помѣщиковъ" (Семевскій, Крест. вопросъ, I, 503 лис.).

[4]) „Записка" Н. И. Тургенева напечатана въ Сборн. историч. матеріаловъ, извлеч. изъ Арх. собств. Е. И. В. канцеляріи. П., 1901, вып. IV, 445; см. также 450.

подъ вліяніемъ М. М. Сперанскаго, было внесено въ Сводъ Законовъ Р. И. (дѣйствующихъ), оно на практикѣ не исполнялось. Такъ въ „Запискѣ о крѣпостномъ состояніи въ Россіи" (1841 г.) сообщается, что „крестьяне не могутъ имѣть для себя и третьей части времени"; что кромѣ трехдневной барщины „одинъ поголовный день въ недѣлю существуетъ во всѣхъ хорошо управляемыхъ имѣніяхъ"; въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ крестьяне мелкопомѣстныхъ дворянъ „работаютъ почти безпрерывно на барщинѣ", или имъ дается „работать на себя только въ воскресенье" [1]). Любопытно, что въ дальнѣйшемъ авторъ „Записки", указывая на „разныя другія повинности крестьянъ", спрашиваетъ: „На какомъ основаніи, кромѣ трехдневной съ крестьянъ работы, помѣщики взимаютъ сей оброкъ?—На основаніи обычая, отвѣчаетъ, и права, предоставленнаго помѣщику, накладывать на крѣпостныхъ своихъ людей всякія работы, взимать съ нихъ оброкъ и требовать исправленія личныхъ повинностей, съ тѣмъ только, чтобы они не претерпѣвали разоренія" [2]).

Въ 1841 г. кн. Воронцовъ въ перепискѣ съ гр. Киселевымъ отмѣчаетъ: „Законъ императора Павла не довольно ясенъ и рѣдко гдѣ исполняется по намѣренію законодателя"; „теперь почти вездѣ дѣлается въ Россіи, что, вмѣсто трехъ дней каждую недѣлю, помѣщикъ или его управляющій заставляетъ крестьянъ работать на господской землѣ въ хорошую погоду и въ самое нужное для земледѣльческихъ работъ время 6, 9, 10 и болѣе сряду дней, позволяя имъ работать послѣ того для себя равное число дней, или когда лучшее для работъ время прошло, или при неблагопріятной погодѣ; такимъ образомъ благодѣтельный законъ остается безъ всякой пользы". „Одно подтвержденіе, продолжаетъ кн. Воронцовъ, чтобы въ одной недѣлѣ крестьяне не были принуждены работать болѣе трехъ дней, все это дѣло поправитъ" [3]). Нѣсколько позднѣе (отъ 24 апрѣля 1853 г.)

---

[1]) Заблоцкій-Десятовскій, Графъ П. Д. Киселевъ и его время. П., 1882 г., т. IV, стр. 278 и сл., 328, 341.

[2]) Тамъ же, 281.

[3]) Заблоцкій-Десятовскій, Графъ П. Д. Киселевъ, т. IV, 249 и сл. Относительно подтвержденія закона Павла I авторъ тамъ же замѣчаетъ:

кн. Воронцовъ о томъ же вопросѣ писалъ тому же гр. Киселеву: „Обыкновенно люди могутъ, но вы не можете утверждать, что пока у насъ существуетъ крѣпостное право, нельзя ввести въ дѣйствіе и строго исполнять законъ о трехдневной барщинѣ, изданный императоромъ Павломъ“. Не смотря на признаніе въ манифестѣ 5 апрѣля закона о трехдневной барщинѣ, въ томъ же письмѣ ниже Воронцовъ, указавъ на злоупотребленія помѣщиковъ и вспомнивъ одинъ частный случай, добавляетъ: „Эта послѣдняя катастрофа не совершилась бы, если бы помѣщики не имѣли права заставлять крестьянъ работать не только безъ справедливаго распредѣленія барщинныхъ дней, но даже за сто верстъ отъ ихъ жилищъ“ [1]). Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Рязанской губ. у многихъ помѣщиковъ правило о трехдневной въ недѣлю работѣ не выполнялось, крестьяне работали на господской землѣ „лишніе дни“, обременены были барщиной, которая въ отдѣльныхъ случаяхъ превращалась въ повседневную работу на помѣщика [2]).

Послѣ разбора судебной и житейской практики я снова прихожу къ тому же самому выводу, какой высказанъ былъ мной и раньше, а именно, что манифестъ 5 апрѣля 1797 г. строго установилъ только одно требованіе о непринужденіи крестьянъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ, трехдневная же барщина, не всегда защищавшаяся въ судѣ, не поддерживаемая мѣрами администраціи и нарушаемая повседневной практикой, оставалась благимъ пожеланіемъ правительства, исполненіе котораго предоставлено было доброй волѣ помѣщика.

„Не нужно новаго узаконенія, одно подтвержденіе указомъ изъ сената, а когда этого не хотятъ, то и одинъ циркуляръ съ Высочайшаго соизволенія, отъ министра внутреннихъ дѣлъ, былъ бы достаточенъ, чтобы привести это важное дѣло въ порядокъ“.

[1]) Заблоцкій-Десятовскій, т. II, 328 и сл.

[2]) Повалишинъ, Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные. Рязань, 1903 г. стр. 62, 67, 84, 102, 121, 141, 147 и 150.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Заключительныя замѣчанія. Отношеніе общества къ правительственной дѣятельности Павла I.

Обозрѣвая мѣропріятія Павла I въ области управленія, можно видѣть, что имъ создавалась бюрократическая монархія съ сильно развитымъ правительственнымъ механизмомъ. Во главѣ ея стоялъ Государь, который являлся центромъ всего управленія; въ его рукахъ сосредоточена была дѣйствительная и непосредственная власть надъ всѣми главнѣйшими учрежденіями, которыя были поставлены въ строгія рамки и подчинялись постоянному руководству со стороны Монарха. Высшее управленіе организовано было въ видѣ 15 вѣдомствъ, въ которыя стянуты были многочисленныя и разнообразныя дѣла, частично распыленныя въ предыдущее царствованіе. Идея централизаціи управленія нашла себѣ отчетливое выраженіе въ учрежденіяхъ Павловскаго времени, во внутренней организаціи которыхъ сказалось явное предпочтеніе начала министерскаго порядку коллегіальному. И въ томъ и другомъ отношеніи можно отмѣтить по два важныхъ шага, которые знаменовали собой успѣхи Павловскаго времени сравнительно съ Екатерининскимъ. Въ отношеніи централизаціи, во-первыхъ, возстановлены были прежнія коллегіи и созданы новыя учрежденія, во-вторыхъ, многія дѣла, распыленныя по отдѣльнымъ мѣстамъ и вѣдавшіяся въ губернскихъ установленіяхъ и особыхъ мелкихъ учрежденіяхъ, стянуты были къ центру и поставлены въ кругъ вѣдомства возстановленныхъ и вновь созданныхъ центральныхъ учрежденій. Относительно внутренней организаціи первымъ шагомъ было то, что надъ нѣко-

торыми коллегіями выдвинулись въ качествѣ докладчиковъ по дѣламъ и какъ бы начальниковъ президенты или вице-президенты, надъ другими же учрежденіями въ подобной роли были поставлены главные директоры. Вторымъ шагомъ было то, что во главѣ многихъ учрежденій появились начальники съ министерской властью и даже въ отдѣльныхъ случаяхъ съ именемъ министра. Таковы четыре пункта, въ которыхъ сказались успѣхи Павловскаго времени въ области центральныхъ учрежденій. Хотя ими еще не было создано вполнѣ однообразной и стройной системы, вводившей разграниченіе вѣдомствъ и объединеніе всего управленія, тѣмъ не менѣе успѣхи были столь значительны, что въ Александровское время, правительство, вводя министерства, воспользовалось Павловскими учрежденіями и оставило ихъ, нѣсколько видоизмѣнивши, почти въ томъ же самомъ видѣ, въ какой они были приведены въ царствованіе Павла I.

Если имѣть въ виду то обстоятельство, что въ результатѣ мѣропріятій Павла центральныя учрежденія оживились, дѣла изъ областей стали стягиваться въ столицу, то естественно было ожидать перемѣнъ, при томъ значительныхъ, и въ области мѣстнаго управленія. Въ короткій промежутокъ онѣ и происходятъ, сводясь къ тому, что, во-первыхъ, сокращается число губерній (вмѣсто 51 получается 41), во-вторыхъ, упраздняется рядъ учрежденій, среднихъ инстанцій, по преимуществу судебныхъ, и нѣсколько видоизмѣняются другія, въ-третьихъ, что особенно характерно для производимыхъ перемѣнъ, выборные отъ дворянства, заполнявшие собой мѣстныя учрежденія, вытѣсняются назначенными отъ короны чиновниками. Въ результатѣ этихъ перемѣнъ произошло упрощеніе системы мѣстнаго управленія, удешевленіе благодаря значительному сокращенію штата, а значитъ, и положенныхъ на то расходовъ, и, наконецъ, бюрократизація учрежденій, такъ какъ послѣднія стали замѣщаться не представителями, хотя бы дворянскаго, общества, но исполнительными чиновниками, которые обязаны были вполнѣ проникаться видами правительства. Такимъ путемъ создавалась правительственная машина, въ которой отчетливо были за-

мѣтны соподчиненность частей, автоматичность и однообразный порядокъ, вводимый сверху.

Въ основу соціальной политики Павла I положена была идея равновѣсія между сословіями и требованіе обязательной службы всѣхъ на пользу государства. Благодаря этому въ результатѣ законодательства и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, уравнительной правительственной практики подрывались и уменьшались привилегіи дворянъ, повышалось и улучшалось положеніе горожанъ и крестьянъ.

По отношенію къ дворянству мѣропріятіями Павла ограничены были и поколеблены личныя права дворянъ, дарованныя имъ жалованной грамотой: нанесены были удары привилегированному положенію дворянъ, свободныхъ отъ обязательной государственной службы, ограничена была свобода отъ повинностей въ пользу государства и тѣлесныхъ наказаній. Подобныя же ограниченія внесло законодательство Павла и въ корпоративныя права дворянства: оно разбило губернскую организацію дворянскихъ обществъ, оставивъ имъ таковую лишь для уѣздовъ; оно вытѣснило дворянскихъ представителей изъ мѣстныхъ судебно-административныхъ учрежденій, оставивъ дворянамъ выборныхъ лишь для обслуживанія чисто сословныхъ интересовъ по преимуществу; а практика Павловскаго времени почти отняла у дворянъ важное право обращенія въ сенатъ и прямо къ Монарху, съ ходатайствомъ о своихъ нуждахъ. Послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій всякаго рода послабленій, льготъ и милостей, законодательство снова возвратилось къ требованіямъ начала XVIII вѣка—болѣе или менѣе равномѣрнаго распредѣленія государственныхъ тяготъ между всѣми группами населенія. Въ частности въ указѣ 18-го декабря 1797 года Государь объявлялъ, что онъ „нашелъ справедливымъ“, чтобы дворянство, какъ „знатнѣйшій чинъ государственный“, не только пользовался монаршими милостями, но и „способствовалъ отъ собственныхъ своихъ стяжаній“ общимъ государственнымъ надобностямъ. Въ этихъ словахъ сквозитъ основная мысль мѣропріятій Павла по отношенію къ дворянству—призвать его на службу государства въ тѣхъ или иныхъ формахъ,

дабы оно наравнѣ съ другими сословіями несло на плечахъ общегосударственныя тяготы. Такимъ путемъ законодательство и практика Павловскаго времени объявили походъ противъ „тунеядства“ дворянъ, противъ свободы ихъ отъ какихъ-либо государственныхъ обязанностей, чѣмъ въ корнѣ подрывалось то привилегированное положеніе, въ которомъ дворянство находилось послѣ изданія императрицей Екатериной II жалованной грамоты.

Въ то время какъ чашка вѣсовъ соціальной политики, находившаяся на сторонѣ дворянъ, отягчалась и понижалась, противоположная чашка, клонившаяся въ сторону крестьянъ, облегчалась и повышалась. Съ крестьянъ частью сняты, частью облегчены были имъ нѣкоторыя повинности и сборы; по отношенію къ крестьянамъ удѣльнымъ и казеннымъ правительство принимало дѣйствительныя мѣры къ надѣленію ихъ землей, къ устройству и упорядоченію среди нихъ самоуправленія; по отношенію къ фабричнымъ и заводскимъ установленъ былъ способъ освобожденія значительной части ихъ отъ заводскихъ работъ и переводъ ихъ въ общій разрядъ крестьянъ государственныхъ; въ отношеніи помѣщичьихъ крестьянъ былъ изданъ рядъ узаконеній, которыми смягчались ихъ тяжелое положеніе и зависимость отъ помѣщичьей власти, а путемъ судебной и административной практики помѣщикамъ внушалось, чтобы они не отваживались угнетать крестьянъ непосильными работами и тяжкими наказаніями. Общее благожелательное отношеніе правительства къ крестьянамъ, ясно выступавшее почти въ каждомъ мѣропріятіи, внушало нѣкоторой части дворянства тревогу за судьбу его владѣльческихъ правъ надъ крестьянами, такъ какъ дворяне допускали возможность, неоправдываемую, впрочемъ, намѣреніями императора Павла, внезапной и рѣшительной отмѣны крѣпостного права.

Если обратиться къ другимъ группамъ населенія, духовенству и горожанамъ, купцамъ и фабрикантамъ, то можно видѣть, что и въ отношеніи ихъ были сдѣланы за Павловское время нѣкоторыя послабленія и предприняты мѣры къ устройству ихъ благополучія: для духовенства—новые по-

вышенные штаты, такса на требы, обработка земли прихожанами, улучшеніе образованія и прочее; для горожанъ, точнѣе для купцовъ и фабрикантовъ—предоставленіе имъ права покупать земли и крестьянъ, чѣмъ нарушалась душевладѣльческая и земельная монополія дворянства, мѣры къ развитію промышленности, торговли и путей сообщенія, учрежденіе коммерцъ-коллегіи на основаніяхъ, наиболѣе желательныхъ для купечества, и другія постановленія, цѣлью которыхъ было „благоденствіе" купечества.

Такой соціальной политикой Верховная власть нивелировала подданныхъ, понижая горделиво вознесшагося дворянина и повышая смиренно согнувшагося крестьянина. Однако, она была далека до того, чтобы ставить вопросы объ уничтоженіи сословныхъ перегородокъ. Подавляя собою, стремясь къ нѣкоторому уравненію сословій, власть сохраняла тѣ сословныя рамки, въ которыя населеніе было заключено. Въ Павловское время въ законодательствѣ и практикѣ рѣчь шла, конечно, не о демократизаціи соціальнаго строя, а лишь о нѣкоторомъ сглаживаніи, смягченіи тѣхъ рѣзкихъ противорѣчій, которыя такъ отчетливо обозначились въ структурѣ общества за Екатерининское время. Царствованіе Павла въ этомъ отношеніи было характернымъ моментомъ перелома, когда монархія, создавая сильный бюрократическій механизмъ, откачнулась отъ дворянства и пыталась найти опору въ общественныхъ низахъ. Созданіе сильной власти наверху, стремленіе къ централизаціи и бюрократизаціи въ управленіи, попытка уравнительной политики въ соціальной жизни—вотъ, по моему мнѣнію, основные пункты правительственной дѣятельности времени Павла I.

Если же обратиться къ самому Павлу I, какъ правителю, и отбросить всю ту шумиху назначеній, увольненій, быстрыхъ смѣнъ настроеній и прочаго, которая окружала Павла, а присмотрѣться къ его основнымъ линіямъ поведенія и дѣятельности, то будетъ ясно, что императоръ Павелъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, въ своей правительственной дѣятельности отчетливо и ясно проводилъ взгляды, окончательно сложившіеся у него еще до воцаренія и нашедшіе себѣ до-

статочное выраженіе въ его наказѣ 1788 года. Этой выработанностью взглядовъ и постоянствомъ ихъ и можно объяснить то впечатлѣніе, которое остается у читателя при близкомъ знакомствѣ съ указами и резолюціями Павла. Они обычно кратки и опредѣленны, въ нихъ колебанія мысли и условности нѣтъ; такъ можетъ писать лишь лицо, съ установившимися воззрѣніями и желаніями. Дѣловитостью, краткостью и категорическимъ тономъ отличались и словесныя распоряженія Павла, передаваемыя черезъ генералъ-прокурора, статсъ-секретарей и другихъ должностныхъ лицъ. Въ этомъ тонѣ сказалось, разумѣется, и военное воспитаніе Павла, которое пріучило его къ приказаніямъ, а не разсужденіямъ, но тонъ говоритъ и въ пользу того, что для Павла ясны были тѣ цѣли государственнаго управленія и строительства, къ которымъ онъ стремился, совсѣмъ не заботясь о томъ, нравятся ли его поступки придворному и сановному обществу или нѣтъ.

Историки и писатели обыкновенно говорятъ [1]), что въ Павловское время во главѣ государства встали гатчинцы, люди невѣжественные и грубые, не имѣвшіе ни малѣйшаго понятія о нуждахъ и цѣляхъ истинно-государственныхъ. Изъ такихъ лицъ прежде всего называютъ Аракчеева, Каннабиха, Кутайсова, Ростопчина. Для характеристики „гатчинцевъ" съ особеннымъ удовольствіемъ любятъ вспоминать желчныя слова Ростопчина о своихъ сотоварищахъ по Гатчинѣ, что лучшій изъ нихъ заслуживаетъ колесованія. И вотъ, говорятъ, такіе то люди и стали заправлять Россіей съ момента воцаренія Павла. Не слѣдуетъ, однако, забывать того, что среди гатчинцевъ и лицъ, близкихъ къ Павлу, были люди умные и дѣльные и, если не всѣ, то нѣкоторые изъ нихъ были людьми честными и вполнѣ порядочными. Таковы кн. Репнинъ, С. Плещеевъ, А. А. Беклешовъ, Нелединскій-Мелецкій и другіе.

Но еще въ большей мѣрѣ ошибочно думать, что гатчинцы и прежніе любимцы Павла заполнили всѣ командныя мѣста

[1]) Н. К. Шильдеръ, Имп. Павелъ, 465; Довнаръ-Запольскій М. В., Обзоръ, т. I, 19.

и тянули за собой только ничтожествъ. Многія свѣтила первой величины Екатерининскаго царствованія продолжали служить и Павлу; кромѣ того при немъ на придворномъ и административномъ небосклонѣ всходили новыя звѣзды, которыя никакихъ связей съ Гатчиной не имѣли. А. А. Безбородко, блестящій представитель дипломатическаго корпуса послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины II, С. Р. Воронцовъ, одинъ изъ виднѣйшихъ русскихъ министровъ при иностранныхъ дворахъ, два фельдмаршала Салтыковы, Суворовъ, гордость русской арміи, гр. Сиверсъ, А. И. Васильевъ, Г. Р. Державинъ, Соймоновы и множество другихъ лицъ, выдвинувшихся на первыя мѣста въ вѣкъ Екатерины, занимаютъ ихъ въ Павловское время и не только въ первый годъ, но и позднѣе. Достаточно вспомнить гр. фонъ-деръ-Палена, послѣдняго временщика Павла и величайшаго интригана, который, не будучи связанъ съ Гатчиной и вызвавши въ первое время гнѣвъ Павла, затѣмъ сумѣлъ добиться отъ него исключительныхъ милостей и довѣрія, кн. П. В. Лопухина, который прошелъ свою службу въ Москвѣ и неожиданно для себя получилъ и должность генералъ-прокурора и княжескій титулъ, гр. В. П. Кочубея, который служилъ въ Турціи, а затѣмъ вернувшись въ Россію благодаря своимъ способностямъ и поддержкѣ дяди (кн. А. А. Безбородки) занялъ постъ вице-канцлера, и, наконецъ, митрополита Сестренцевича, котораго Павелъ вызвалъ изъ Могилева ради выговора, а кончилъ тѣмъ, что поручилъ ему управленіе всей римско-католической церковью въ Россіи, достаточно, повторяю, вспомнить этихъ лицъ—а къ нимъ можно прибавить не одинъ десятокъ другихъ именъ—чтобы наглядно видѣть то, какъ многія высокія должности поручались лицамъ, не имѣвшимъ никакихъ связей съ Гатчиной.

Не могу не указать еще нѣсколько именъ, которыя выдвинулись при Павлѣ, но главнѣйшая дѣятельность которыхъ принадлежитъ послѣдующему царствованію. Здѣсь на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить дѣятельнаго и умѣлаго чиновника генералъ-прокурорской канцеляріи при Павлѣ, блестящаго государственнаго дѣятеля позднѣе—М. М. Сперанскаго. За нимъ

укажу на рядъ другихъ именъ: назову О. П. Козодавлева, оберъ-прокурора сената и герольдмейстера, позднѣе министра внутреннихъ дѣлъ,—Ѳ. А. Голубцова, И. Дмитріева. Всѣ эти имена говорятъ, что таланту и труду былъ достаточный просторъ и въ Павловское время, и личная служба, помимо родовитости и связей, могла выдвинуть человѣка на первыя мѣста. Казалось, что при Павлѣ снова оживлялся принципъ личной выслуги, положенный въ основу Петровской табели о рангахъ.

Каково было отношеніе современниковъ къ Павлу, его сотрудникамъ и правительственной дѣятельности того времени? Разумѣется, одинаковаго отношенія всего общества, всѣхъ сословій не было и быть не могло. Точныхъ и полныхъ свѣдѣній по этому вопросу нѣтъ, но нѣкоторыя извѣстія изъ переписки, мемуаровъ, изъ дѣлъ тайной экспедиціи и сената до насъ дошли; по нимъ можно составить нѣкоторое представленіе объ отношеніи къ Павлу знати и дворянства, съ одной стороны, простонародья—съ другой.

Что дворянство и знать были не только недовольны, но прямо возмущены дѣйствіями Павла, это достаточно хорошо извѣстно изъ многочисленныхъ писемъ и мемуаровъ современниковъ Павла—Воронцова, Панина, Чичагова, гр. Кочубея, Комаровскаго, Шишкова, Тургенева, де-Санглена, Карамзина и цѣлаго ряда другихъ. Къ тому, что извѣстно изъ мемуаровъ, можно прибавить нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній изъ дѣлъ и разслѣдованій по политическимъ преступленіямъ. Въ началѣ 1797 года секретарь конторы Херсонскаго адмиралтейскаго порта, по показанію хорунжаго Токаревскаго, придя къ нему въ домъ, „говорилъ, что Государь нехорошо учредилъ мундиры, шпаги и темляки, и отобралъ вѣстовыхъ; къ чему произносилъ: Россія имѣетъ умъ; коронацію еще не принялъ, и Богъ вѣдаетъ, можетъ такъ статься, какъ съ батюшкою“ [1]).

---

[1]) Изъ показанія Токаревскаго 13 февраля 1797 г. Въ показаніи 28 февраля то же въ нѣсколько иной формѣ: „1—у насъ Императоръ вѣстовыхъ отобралъ; 2—перемѣнилъ мундиръ, и 3—шпаги приказалъ носить назади. Россія недурна, коронаціи не было, и Богъ вѣдаетъ, будетъ ли она. Отецъ его зачиналъ тоже—и недолго царствовалъ“ (*Гос. Арх.*, VII, № 3044, л. 4 и 7).

Къ тому же 1797 году относится слѣдующій случай. У богатаго коломенскаго „именитаго гражданина“ Ивана Лажечникова жилъ въ домѣ ради обученья дѣтей русскому языку и ариѳметикѣ учитель Коломенской семинаріи Малининъ. Лажечниковъ получалъ русскія книги и нѣмецкія газеты и обыкновенно за обѣденнымъ столомъ дѣлился своими свѣдѣніями съ гостями, а также съ Малининымъ и другимъ домашнимъ учителемъ—французомъ Болье. Однажды (5 окт. 1797 г.) зашелъ разговоръ о военной службѣ. Лажечниковъ говорилъ, надо думать, неодобрительно о строгостяхъ въ военной службѣ, сообщая, что „нынѣ въ газетахъ много отставныхъ по воинской службѣ назначено, а особливо, что многіе офицеры идутъ въ отставку, и что въ нѣкоторомъ полку остался только одинъ майоръ“. Таково показаніе одного изъ собесѣдниковъ-француза Болье. По словамъ же Малинина, Лажечниковъ за столомъ „завелъ разговоръ о войскахъ, что нынѣшняя де военная служба тяжела и что многіе офицеры идутъ въ отставку, а именно въ рижскомъ полку остался только одинъ майоръ, и что ежели вскорѣ откроется война, то солдаты будутъ употреблять старый артикулъ или разбѣгутся за границами“. Послѣ этихъ словъ разыгралась бурная сцена. Малининъ, по показанію Болье, „вставъ“, „съ великимъ азартомъ“, сталъ возражать, говоря Лажечникову: „Ты де знаешься съ дворянами, такъ дворянскимъ тономъ и говоришь“ [1]). А этотъ, съ своей стороны, кричалъ: „Ты врешь, дуракъ! Пошелъ вонъ не только изъ-за стола моего, но изъ дому“. По окончаніи обѣда, Малининъ снова вошелъ въ покой и потребовалъ отъ Лажечникова 340 руб. собственныхъ денегъ, которыя имъ были даны заимообразно. Лажечниковъ бросился къ нему и хотѣлъ его вытолкать, тотъ ушелъ, а вечеромъ явился къ преосвященному Аѳанасію и разсказалъ ему о всемъ происшедшемъ. Пре-

---

[1]) По сообщенію же самого Малинина, онъ Лажечникову говорилъ слѣдующее: „Ты разсуждаешь о томъ весьма несправедливо и можетъ быть говоришь въ тонѣ тѣхъ молодыхъ дворянъ, которые, не успѣвъ вступить въ службу, идутъ въ отставку, забывая свои должности къ отечеству, отъ котораго они пользуются выгодами“. (*Гос. Арх.*, VII, № 2974, л. 1—21).

освященный—губернатору, губернаторъ—генералъ-прокурору, а тотъ Государю, который приказалъ всѣхъ троихъ привести въ столицу и дѣло разслѣдовать.

Аѳанасій Маслинскій, изъ дворянъ, будучи въ Воронежѣ, пришелъ на гауптвахту и въ разговорѣ съ офицерами, сообщивъ о томъ, что двухъ офицеровъ станутъ наказывать кнутомъ, пренебрежительно отозвался объ Императорѣ: „Какой это Государь!“—и произнесъ по его адресу непристойную брань [1]).

Изъ указанныхъ дѣлъ видно, что строгости военной службы, частыя отставки и исключенія изъ службы, тѣлесныя наказанія вызывали недовольство и ропотъ не только въ столицѣ, но и въ дальнихъ провинціальныхъ городахъ, причемъ высказывались какъ самими дворянами, такъ и лицами другихъ сословій, которыя готовы были проникнуться „дворянскимъ духомъ“. Среди такого недовольства строгостями съ перваго же года царствованія Павла I раздалась такая рѣчь: ему не долго царствовать!

Въ 1799 году поручикъ Егоръ Кемпенъ, исключенный изъ службы, направляясь въ Вильну и остановившись въ мѣстечкѣ Румшишки, среди офицеровъ съ жаромъ говорилъ: „Нынче и генераловъ выключаютъ да и рогатки надѣваютъ, но скоро эта выключка лопнетъ“; затѣмъ разсказалъ, какъ къ Государю Павлу приходила цыганка, гадала ему на кофейной гущѣ и объявила прямо самому Императору, что ему только три года быть на царствѣ, такъ какъ по истеченіи 3 лѣтъ онъ окончитъ свою жизнь.

А въ разговорѣ съ корнетомъ Матовымъ, когда они легли спать, поручикъ Кемпенъ сообщилъ: „Находятся таковые люди, что хотятъ Государя Императора извести“ [2]).

---

[1]) Одинъ изъ офицеровъ, которые слышали „дерзкія слова“ объ Императорѣ, показалъ: „Маслинскій, пришедъ изъ острога на гауптвахту, гдѣ содержатся подъ слѣдствіемъ оберъ-офицеры, между прочимъ разговаривалъ, будто станутъ наказывать содержащихся подъ стражею двухъ офицеровъ кнутомъ, и сказалъ, что въ прежнее время и покойный блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государь Петръ I дворянъ не наказывалъ, а потомъ осмѣлился онъ, Маслинскій, сказать про Ваше Имп. В-во: какой это Государь, и выбранилъ непристойнымъ словомъ, какъ и простолюдиновъ ругаютъ“ (*Гос. Арх.*, дѣло 1797 года, VII, № 3006, л. 8).

[2]) Разговоръ происходилъ въ началѣ ноября 1799 года (*Гос. Арх.*, VII, № 3362, л. 2—8). Кемпенъ оправдывался тѣмъ, что все это онъ слышалъ отъ другихъ.

Еще откровеннѣе и шире подобныя рѣчи стали раздаваться въ 1800 году. Объ этомъ узнаемъ изъ дѣла извозчика Козырева, производившагося въ маѣ 1800 года. Обстоятельства этого дѣла таковы. Титулярная совѣтница Флиге взяла карету у извозчика Матвѣя Козырева и, направляясь въ Екатерингофъ, приказывала ему ѣхать поспѣшнѣе, но онъ отвѣчалъ, что скоро ѣздить запрещено [1]). Когда пріѣхали по назначенію, то извозчикъ, оставивши карету и лошадей на дворѣ, вошелъ въ избу, обогрѣлся, сходилъ два раза въ сосѣдній кабакъ, а вернувшись, будучи „довольно пьянъ", разболтался, и говорилъ: „Въ Екатерингофъ доѣхали благополучно, какъ-то назадъ? Сѣдоки приказываютъ ѣхать скоро, а лакея нѣтъ, попадешься батюшкѣ Курносому, такъ и своихъ не узнаешь. Даромъ онъ смотритъ высоко, да далече видитъ. Мы и съ генералами и съ графами ѣзжали, да и тѣ изъ кареты опрометью вылѣзаютъ, а какъ не поспѣютъ, то глядишь—и за городъ". По словамъ дѣвочки 12-лѣтней, продолжая разговоръ съ дворникомъ и артельщикомъ, извозчикъ Козыревъ „жаловался, что Государь Императоръ весьма немилостивъ, не даетъ шибко ѣздить и извозчикамъ быть пьянымъ, за что отдаетъ тотчасъ въ солдаты". „Послѣ сего говорилъ, какъ бы моя воля была, то бы я его, плѣшиваго и курносова, застрѣлилъ (причемъ разорвалъ на себѣ рубашку), а мнѣ уже де быть только одному въ ссылкѣ, за что знатные господа... согласились бы прислать ко мнѣ по 500 руб. жалованья въ ссылку, и я бы жилъ панъ-паномъ" [2]). Въ этихъ рѣчахъ полупьянаго извозчика нельзя не видѣть нѣкотораго бахвальства и болтовни, носящей смѣшанный характеръ, такъ какъ въ ней то слышится похвала

---

[1]) „Скоро ѣздить запрещено, и когда попадутся на встрѣчу Государю, то его лошади не стоятъ, а онѣ (Флиге съ дѣвушками) не успѣютъ выйти изъ кареты, почему въ разсужденіи нынѣшнихъ строгостей всѣмъ будетъ бѣда. Флиге кричала изъ кареты, чтобы ѣхалъ поскорѣе, что по дорогѣ сей и по весьма дурной въ тотъ день погодѣ, съ Государемъ встрѣтиться неможно".

[2]) Въ основномъ это показаніе подтверждено было и другими. Самъ Козыревъ объяснялъ свои слова „безмѣрнымъ пьянствомъ" и „простотой", причемъ заявлялъ на допросѣ, что „совѣщанія не только съ тѣми, съ коими ѣздилъ, но и ни съ кѣмъ не имѣлъ, ни отъ кого не наущенъ и никто его не подговаривалъ" (*Гос. Арх.*, VII, № 3555, л. 1—13).

Павлу, то недовольство и угроза. Но конецъ его словъ — весьма знаменателенъ: простой извозчикъ слышалъ или догадывался, что „знатнымъ господамъ“ Павелъ ненавистенъ, и они дорого заплатили бы за его устраненіе отъ власти.

Итакъ, строгость службы, частая смѣна должностныхъ лицъ, наказанія дворянъ тѣлесно, полицейскія стѣсненія, ломка учрежденій, отмѣна „уставовъ“ и многихъ прежнихъ Екатерининскихъ „порядковъ“ (Тургеневъ, де-Сангленъ, Карамзинъ), по общему мнѣнію какъ многихъ сановниковъ того времени, такъ и дворянской среды, создавали неимовѣрный безпорядокъ, „переворотъ“, просто „хаосъ“, и вся политика Павла представлялась „сумасбродствомъ“ и „безуміемъ“, тѣмъ большимъ, что она посягала на законнѣйшія права и преимущества дворянскія и неминуемо, по ихъ мнѣнію, влекла къ гибели государства. Затаеннымъ желаніемъ такого круга лицъ было то, чтобы подобная „кутерьма“, „зады Іоанна Грознаго“, „затменіе свыше“ какъ можно скорѣе кончились, такъ что смерть Павла представлялась, по мѣткому выраженію Шишкова, „горестнымъ, но вожделѣннымъ“ событіемъ.

Совсѣмъ иныя мысли, чувства и настроенія вызывались правительственной дѣятельностью Павла среди простого народа. И здѣсь были недовольные его строгостью, однако, повидимому, общая молва повторяла: Государь — строгъ, но справедливъ. О такомъ именно общемъ мнѣніи въ концѣ 1797 года писалъ шведскому королю посланникъ Стедингъ. „Хотя Императоръ, читаемъ у него, своею строгостью и внезапностью своихъ наказаній создалъ недовольныхъ, за то онъ привлекъ къ себѣ сердца многихъ подданныхъ, однихъ своею щедростью, большинство же своею любовью къ порядку и справедливости. Внушая всѣмъ страхъ, онъ тѣмъ самымъ защищаетъ народъ отъ несправедливостей, подъ бременемъ которыхъ онъ изнывалъ раньше“ [1]). Многіе мемуаристы говорятъ, что простые солдаты-гвардейцы, несмотря на стро-

---

[1]) Брикнеръ, Смерть Павла I, 63.

гости Павла, любили его и были преданы ему совершенно [1]). Въ челобитной подпоручика Неелова, съ проектомъ о снабженіи поселянъ солью (отъ 5 апрѣля 1797 года), говорилось объ отношеніи къ Павлу его подданныхъ: „А только то нелестно Вашему И. В-ву изреку, что всѣ сыны, любящіе отечество свое, отъ степени крестьянства до священства, твоимъ правленіемъ, имѣющимъ основу любовь, милость и правосудіе, довольны и благодарны" [2]). Слава Государя въ качествѣ справедливаго судьи доходила до простого крестьянина. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1797 года, когда черносошные крестьяне Вятской губерніи заспорили между собой о землѣ и одинъ кричалъ другому: „Я у тя по выросту овса выжну, сколько мнѣ надобно", другой въ отвѣтъ пригрозилъ своему сопернику справедливымъ судомъ, говоря: „На то есть отъ Великаго Государя законный судъ" [3]).

Строгости Павла, по мысли простолюдина, шли прежде всего противъ господъ; онъ даже думалъ, что одному Государю съ господами не сквравиться. Лѣтомъ 1797 года дворцовый крестьянинъ Владимірской губерніи Василій Ивановъ въ разговорѣ по поводу земли, оспариваемой у крестьянъ сосѣдней помѣщицей, говорилъ: „Вотъ сперва Государь нашъ потявкалъ, потявкалъ да и отсталъ, видно, что его господа переодолѣли" [4]). Крестьянинъ ошибся во времени: Государь продолжалъ „тявкать", но результатъ указанъ вѣрно: „Господа переодолѣли".

Народу извѣстно было, что Павелъ былъ противъ злоупотребленій и устанавливалъ, въ интересахъ населенія, правильный порядокъ въ присутственныхъ мѣстахъ. По этому поводу можно привести слѣдующій фактъ. Въ январѣ 1802 года въ гор. Новохоперскѣ находился московскій мѣщанинъ Антонъ Голевъ, торгуя разнымъ товаромъ. У него была вексельная претензія, и онъ много разъ безуспѣшно ходилъ по присутственнымъ мѣстамъ. 10 января онъ пришелъ на

---

[1]) См. напр., сообщенія Ланжерона, Саблукова и др.
[2]) *Сен. Арх.*, *Дѣла канц. ген.-прок.*, № 416, л. 28.
[3]) *Гос. Арх.*, VII, № 2979, л. 5—6.
[4]) *Тамъ же*, № 2981, л. 2—4.

домъ къ городничему „въ пьяномъ образѣ“, „съ азартомъ называлъ присутственныя мѣста ворами, а именно новохоперскій уѣздный судъ, городовой магистратъ и саратовскую палату гражданскихъ дѣлъ“. А потомъ, по свидѣтельству городничаго, Голевъ произнесъ таковыя слова: „Былъ на всѣ присутственныя мѣста строгій Государь Павелъ Петровичъ, да недолго царствовалъ, а удавили“ [1]. Голевъ, видя неправду въ судѣ, вспомнилъ императора Павла, съ похвалой отзывается о его строгости къ присутственнымъ мѣстамъ, и насильственную смерть Павла связываетъ со строгостями, которыя кому-то не нравились.

Отъ самихъ крестьянъ записокъ, дневниковъ и писемъ, по которымъ можно было бы судить объ отношеніи къ Павлу и его дѣятельности, конечно, не дошло, но сохранилась одна легенда, которая распространена среди простого народа и до настоящаго времени. Послѣ трагической кончины Павла распространилась молва, что императора Павла удавили генералы да господа за его справедливость и за сочувствіе простому народу, что онъ—мученикъ, „святой“; молитва на его могилѣ — спасительна: она помогаетъ при неудачахъ по службѣ, когда обходятъ назначеніями, повышеніями и наградами, въ судебныхъ дѣлахъ, помогая каждому добиться правды въ судахъ, — въ неудачной любви и несчастливой семейной жизни. Такая молва черезъ столѣтіе дошла до нашихъ дней, и на могилѣ Павла больше, чѣмъ на чьей-либо другой въ Петропавловскомъ соборѣ, горятъ приносимыя свѣчи и служатся почти ежедневно многочисленныя панихиды.

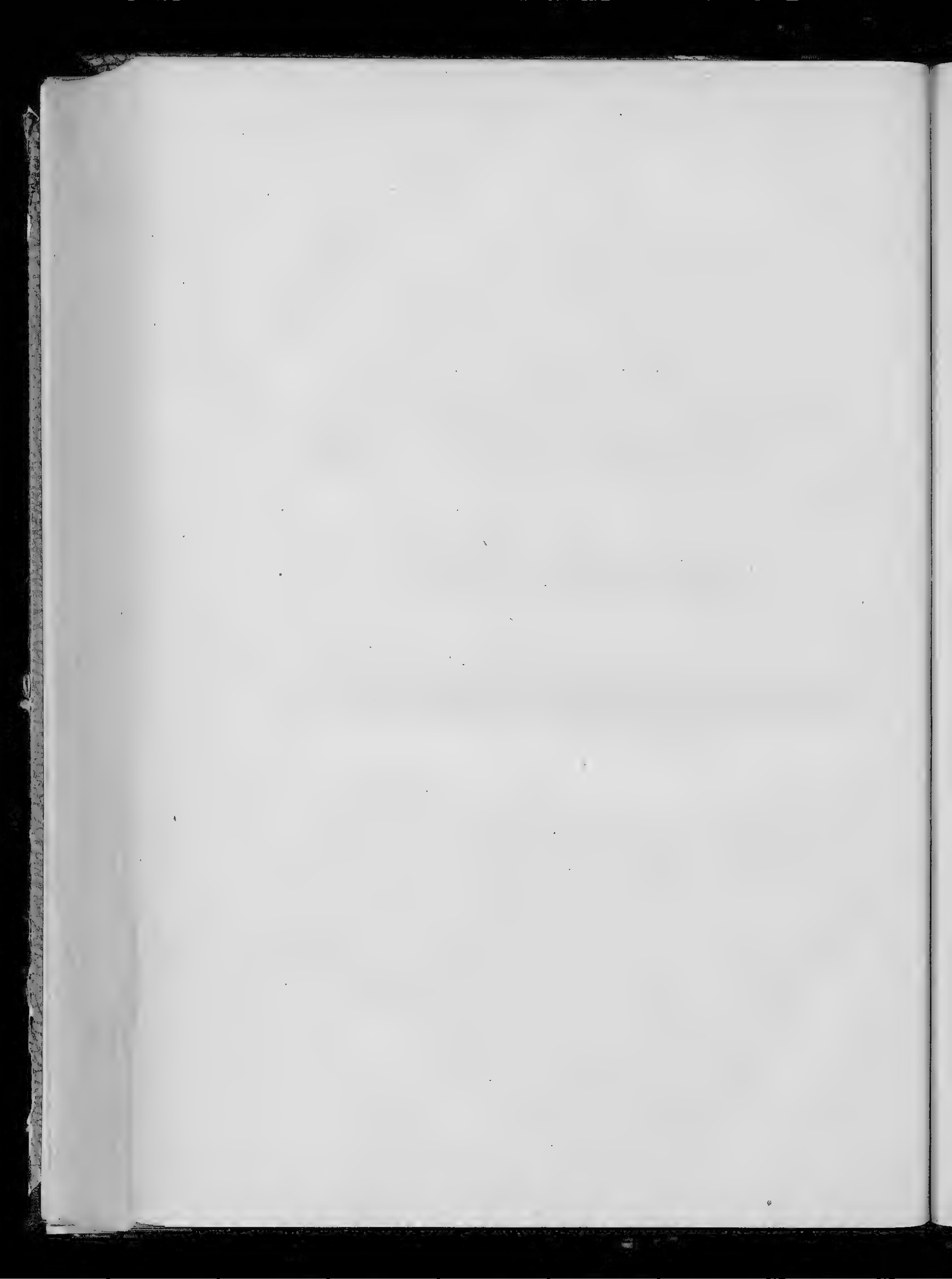
Изъ предыдущаго изложенія, думаю, достаточно ясно видно, что Павелъ въ своей дѣятельности пытался установить нѣсколько иной, сравнительно съ Екатерининскимъ, государственный и общественный строй, а своими мѣропріятіями наносилъ удары отдѣльнымъ лицамъ и дворянскому классу, но не порядку, который онъ улучшалъ и создавалъ. Но такъ какъ въ своей дѣятельности Павелъ, не будучи демократичнымъ, тѣмъ не менѣе посягалъ на привилегирован-

---

[1]) *Гос. Арх.*, VII, № 3702, л. 7.

ное положеніе дворянства, то, естественно, онъ оказался неприемлемымъ для этого избалованнаго исключительными милостями прежнихъ монарховъ класса. Дворянство не взлюбило Павла, встало въ рѣшительную оппозицію къ нему, и память о Павлѣ и его дѣятельности въ сознаніи дворянства была отравлена всѣми тѣми невзгодами, которыя обрушились и на высшихъ представителей дворянства и на все сословіе со времени вступленія Павла на престолъ. Простой же народъ иначе относился къ Павлу: народъ, стоя далеко отъ минутныхъ вспышекъ гнѣва Павла, цѣнилъ его за „справедливость“ и „строгость“, благодаря которымъ установлено было правосудіе и быстрое рѣшеніе дѣлъ, устранялись злоупотребленія и притѣсненія и нѣсколько улучшалось положеніе низшихъ классовъ общества.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1. О библіотекѣ Павла I (къ стр. 110).

Среди старыхъ каталоговъ Библіотеки Эрмитажа (въ Петроградѣ) за №№ 8—12 помѣщенъ прекрасно сохранившійся каталогъ библіотеки покойнаго императора Павла I.

Изъ числа старыхъ бумагъ Эрмитажа, повидимому, къ этой библіотекѣ относятся слѣдующія: 1) отъ 24 апр. 1820 г. — отношеніе ст. сов. Келлера въ придворную контору, въ которомъ читаемъ: — „Вслѣдствіе ордера оной конторы отъ 20 апр. хранящіяся въ боковой комнатѣ Эрмитажа, поступившія изъ комнатъ покойнаго Государя Имп. Павла I разныя книги, карты и планы мною приняты"; а дальше приложена „Опись книгамъ, картамъ и планамъ, поступившимъ изъ комнатъ блаж. памяти Гос. Имп. Павла I въ Эрмитажъ и помѣщеннымъ въ библіотеку Гос. Имп. Павла I".

2) Отношеніе отъ 26 апр. 1829 г. — отъ библіотеки Эрмитажа: „Честь имѣю донести придворной конторѣ, что означенныя въ приложенномъ ордерѣ отъ 20 сего апрѣля реестрѣ книги библіотеки Имп. Павла I отпущены надв. сов. Седжару съ распискою для помѣщенія въ Царскосельской библіотекѣ... изъ каталога исключены" (книги были потребованы въ 1828 г. согласно отмѣткамъ имп. Маріи Ѳеодоровны).

3) Запись въ каталогѣ отъ 23 дек. 1837 г. такого содержанія: „Библіотека покойнаго имп. Павла I во время бывшаго пожара съ 17 на 18 дек. 1837 г. сгорѣла, но каталогъ сей хранить въ архивѣ Эрмитажной библіотеки".

По каталогу въ числѣ книгъ библіотеки Павла I, весьма многочисленныхъ и разнообразныхъ, находятся слѣдующія: 1—Извѣстная Энциклопедія, Дидро—17 том.; 2—Боссюэтъ, Discours sur l'histoire universelle (два изданія); 3—Сочиненія Вольтера, изд. 1757 г., 25 томовъ (не достаетъ 8-го); 4 и 5—Сочиненія Корнеля, Расина; 6—Приключенія Телемаха, Фенелона; 7—Collection des moralistes anciens (среди нихъ, напр., Ксенофонтъ, Воспоминанія о Сократѣ); 8—Histoire de Gil Blas de Santillane, P., 1759 г.; 9—Мабли, Observations sur l'histoire de France, 2 т., Genève, 1765 г.; 10—Droit public—2 т., изд. 1761; 11—Мемуары Сюлли, кардинала Ретца; 12—Бильфельдъ, Institutions politiques, 2 т., изд. 1767 г.; 13—абб. Рейналь, Исторія англійскаго парламента, Лондонъ, 1749 г.; 14—Principes du droit public, Амстердамъ, 1751 г., 3 т.; 15—Исторія римскаго права (на фр. яз.) de Ferriere, P., 1769 г.; 16—Уроки морали, политики и публичнаго права Французской монархіи—для дѣтей короля (на фр. яз.—въ описи № 8, стр. 36); 17—Неккеръ, Compte rendu au Roi (въ 1781 г.); 18—Мирабо, Théorie des impôts; 19—A Sa Majesté Paul I-er hommage par ses enfants (манускриптъ на итальян. и фр. яз.); 20—Исторія Генриха IV, Людовика XIV; 21—Мемуары Монтекукули, съ комментаріями гр. де-Криссэ; 22—Тактика, регламентъ, военныя инструкціи прусскаго короля (на фр. яз.), Berlin, 1757 г.; ср. книгу „Новыя и наилучшія свѣдѣнія

о прусской арміи съ начала 1778 года". 23—Военныя инструкціи Франціи; ср. книгу о французской кавалеріи; 24—L' Esprit de la presente Guerre, изд. 1758 г.; 25—Обширная литература о Фридрихѣ II: мемуары, анекдоты, жизнь, характеръ и царствованіе Фридриха II (въ каталогѣ стр. 68—71 и др.); 26—12 видовъ Берлина и 2 листа прусскихъ военныхъ мундировъ (стр. 118); 27—Architecture françoise, par. F. Blondel prof., P., 1752 г.; 28—Голиковъ, Дѣянія Петра В. (и др. сочиненія о Петрѣ Великомъ); 29—Наказъ имп. Екатерины II, изд. 1770 г.; Учрежденіе о губерніяхъ и многія др. узаконенія; 30—Оды на восшествіе на престолъ Павла, а также гимны по случаю иныхъ торжествъ: Московскаго Университета, Славяно-Греко-Латинской Академіи, Семинаріи Троице-Сергіевой Лавры, Хераскова, Ѳ. Туманскаго, дьякона Ивана Михайлова, Маріи Поспѣловой, кн. Мещерскаго и Львова (отъ 1801 года).

Въ этотъ бѣгло составленный списокъ вошло только то, что бросилось въ глаза при просмотрѣ каталога; ни полноты, ни точности заглавій книгъ здѣсь не дается. Цѣль такого списка та, чтобы показать, что подъ рукою у Павла была обширная и разносторонняя литература, изъ которой онъ могъ щедрою рукою черпать знанія. А что Павелъ книги читалъ и внимательно, на это указываютъ сохранившіяся выписки изъ прочитанныхъ имъ книгъ.

№ 2. О судѣ Государя (къ стр. 204).

Въ докладѣ генералъ-прокурора кн. А. Б. Куракина Государю, отъ 10 окт. 1797 г., читаемъ: Высшія уголовныя преступленія (напр., поддѣлка ассигнацій и проч.) „получали окончательное рѣшеніе двоякимъ образомъ": т. е. 1) преступники отсылались къ формальному уголовному суду и достойное за то наказаніе получали публично, и 2) „представлялись дѣла на Высочайшее В. И. В-ва соизволеніе" (*Гос. Арх.*, VII, № 2978, л. 30).

№ 3. О ревизіи губерній (къ стр. 211).

Къ ревизіи губерній, произведенной сенаторами въ 1800 году, кромѣ матеріаловъ, указанныхъ въ книгѣ В. Дена, Населеніе Россіи по 5-ой ревизіи (т. I, стр. 126—127, примѣч. 1-ое), относятся слѣдующія матеріалы: 1) Книги именныхъ указовъ, **№ 222**, л. 61 (рескриптъ на имя сенатора Леонтьева, отъ 10 янв. 1800 г., съ указаніемъ разсмотрѣть на мѣстѣ въ Тамбовской губ. вексельную претензію, которая разбиралась въ сенатѣ), 164, 199, 216, 378, 384; **№ 224**, л. 28, 133—141, 181, 196, 326; **№ 225**, л. 196, 243—256, 257; **№ 226**, л. 147, 206; **№ 227**, л. 30, 115, 214, 251, 273; **№ 228**, л. 8, 32, 119, 188—189, 206, 210—213, 214 и сл., 298, 366; **№ 229**, л. 261, 298; **№ 230**, л. 151, 277; **№ 231**, л. 30—34; **№ 232**, л. 194 (ср. П. С. З., № 19648); **№ 233**; л. 53, 395; **№ 234**, л. 103, 320—329.

2) Книги копій имен. указовъ, **№ 256**, л. 237 (рескриптъ на имя сенатора Ржевскаго о разслѣдованіи дѣла на мѣстѣ въ Тульской губ.—о порубкѣ казеннаго лѣса); **№ 264**, л. 111, 215 (сенатору Илинскому благоволеніе за труды и указаніе о продолженіи осмотра).

3) Дѣла канцеляріи ген.-прокурора, **№№ 2233** (представленіе сенатора Илинскаго по дѣлу кол. асс. Конинскаго объ имѣніи), **2360** (донесенія сенаторовъ, осматривавшихъ губерніи), **2431** (донесенія сенаторовъ; въ томъ

же дѣлѣ важное значеніе имѣетъ „выписка, какія были отъ кого изъ сенаторовъ особенныя представленія, до устройства губерній относящіяся, и какія по онымъ сдѣланы въ сенатѣ уваженія"—л. 127—134), **2432** (тоже донесенія, доклады ген.-прокурора по нимъ и переписка съ сенаторами), **2446** (тоже) и **2537** (о смерти сенатора Лазарева въ г. Порховѣ).

4) Дѣла 1-го отд. III-го деп-та сената, 1800 г., **№ 317**—о недостаткѣ соли, дороговизнѣ припасовъ и объ эксплоатаціи евреями населенія въ Бѣлорусской губ., замѣченныхъ сенаторомъ Илинскимъ).

5) Наконецъ, обширное собраніе бумагъ Д. П. Трощинскаго (ср. Памятная книжка Сен. Архива, стр. 197—198), изъ которыхъ важное значеніе имѣетъ „книга журналовъ или дневная записка дѣйствій и занятій сенаторовъ Трощинскаго и Щербатова", осматривавшихъ 6 центральныхъ губерній (**№ 46**, л. 1—511); среди бумагъ—вѣдомости, рапорты, представленія, списки чиновниковъ, представлявшіеся сенаторамъ отъ учрежденій, резолюціи и бумаги самихъ сенаторовъ, челобитныя имъ, съ резолюціями и перепиской по дѣламъ.

№ 4. Сравнительная таблица (къ стр. 407).

А—Чины губернскіе.

Учрежденія и должности.	Царствованіе Екатерины II.		Царствованіе Павла I.	
	Число лицъ.	Окладная сумма.	Число лицъ.	Окладная сумма.
1 — Губернаторъ и губернское правленіе	4	4.450	4	4.450
2 — Палаты: а) уголовная и б) гражданская (=палата суда и расправы)	12	5.780	10	4.580
3 — Казенная палата	12	4.520	15	5.270
Канцелярскіе расходы на правленіе и палаты	—	6.980	—	6.980
4 — Совѣстный судъ	7	2.230	—	—
5 — Верхній земскій судъ	17	8.363	—	—
6 — Губернскій магистратъ	14	4.718	—	—
7 — Верхняя расправа	17	4.068	—	—
8 — Приказъ общественнаго призрѣнія	1	350	—	—
а — Прокуратура (губернск. прокуроръ и 2 стряпчихъ)	3	1.320	1	600
б — Землемѣръ, архитекторъ и механикъ	3	900	3	900
Итого	90	43.679	33	22.780

Б—Чины уѣздные.

Учрежденія и должности.	Царствованіе Екатерины II.		Царствованіе Павла I.	
	Число лицъ.	Окладная сумма.	Число лицъ.	Окладная сумма.
1 — Нижній земскій судъ	6	1.208	4	1.088
2 — Уѣздный судъ	4	1.588	4	1.588
3 — Городовой магистратъ . . .	6	640	—	—
4 — Нижняя расправа	6	1.198	—	—
5 — Уѣздное казначейство . . .	5	938	5	938
6 — Дворянская опека	1	150	—	—
7 — Городничій	1	430	1	430
Вообще по уѣзду	8	1.070	7	920
Итого	37	7.222	21	4.964

В—Чины всей губерніи.

Учрежденія и должности.	Царствованіе Екатерины II.		Царствованіе Павла I.	
	Число лицъ.	Окладная сумма.	Число лицъ.	Окладная сумма.
1 — Губернскіе	90	43.679	33	22.780
2 — Уѣздные для 10 уѣздовъ . .	370	72.220	210	49.640
Всего	460	115.899	243	72.420

Въ объясненіе сравнительной таблицы, составленной на основаніи Полнаго Собранія Законовъ (книга штатовъ) приведу нѣсколько болѣе полныя данныя относительно учрежденій, числа лицъ и окладовъ за Екатерининское и Павловское время.

По общему штату намѣстничествъ и губерній послѣ реформы 1775 года генералъ-губернаторское правленіе должно было состоять изъ 7 лицъ: государева намѣстника или генералъ-губернатора, 2-хъ адъютантовъ при немъ, правителя или губернатора и 2 совѣтниковъ, съ окладомъ жалованья всѣмъ—10.850 рублей.

Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что генералъ-губернаторское правленіе не было учреждено въ каждой губерніи, высшая должность государева намѣстника устроена была для двухъ и болѣе губерній, такъ что обычнымъ было такое положеніе, что губерніей управлялъ губернаторъ, вмѣстѣ съ (1) губернскимъ правленіемъ, которое состояло изъ губернатора, 2 совѣтниковъ и секретаря, т. е. изъ 4 лицъ, съ окладомъ жалованья въ 4450 руб.

Затѣмъ въ губерніи находились:

2) палата уголовныхъ дѣлъ, изъ 6 членовъ: предсѣдателя, 2 совѣтниковъ, 2 ассесоровъ и секретаря, съ окладомъ въ 2.890 руб.;

3) палата гражданскихъ дѣлъ изъ такихъ же 6 членовъ, съ окладомъ въ 2.890 руб.;

4) казенная палата, въ составъ которой входило 12 лицъ: вице-губернаторъ, директоръ экономіи, совѣтникъ, губернскій казначей, 2 ассесора, 2 секретаря и 4 присяжныхъ; всѣмъ по штату полагалось 4.520 руб.; на канцелярскіе расходы правленія и палатъ было положено—6.980 руб.;

5) совѣстный судъ, въ составѣ 7 чиновъ: судьи, 2 дворянскихъ засѣдателей, 2 мѣщанскихъ и 2 сельскихъ, съ жалованьемъ и канцелярскими расходами—въ 2.230 руб.;

6) верхній земскій судъ, въ составѣ 17 лицъ: 2 предсѣдателей, 10 засѣдателей, прокурора, 2 стряпчихъ и 2 секретарей, съ окладомъ и канцелярскими расходами, всего въ суммѣ 8.363 руб.;

7) губернскій магистратъ, изъ 14 лицъ: 2 предсѣдателей, 10 засѣдателей, прокурора и 2 стряпчихъ, 2 секретарей и публичнаго нотаріуса, съ окладомъ и канцелярскими суммами—въ 4.718 руб.;

8) верхняя расправа, изъ 17 лицъ: 2 предсѣдателей, 10 засѣдателей, прокурора и 2 стряпчихъ, 2 секретарей—4.068 руб.;

9) приказъ общественнаго призрѣнія, въ которомъ положенъ 1 секретарь—350 руб. Сверхъ того: а) губернская прокуратура изъ 3 лицъ: губернскаго прокурора и 2 стряпчихъ, съ окладомъ въ 1.320 руб.; и б) 3 чина при намѣстническомъ правленіи, обслуживавшіе всю губернію: губернскій землемѣръ, архитекторъ и механикъ, съ окладомъ въ 900 руб.

Итакъ, всего въ Екатерининской губерніи по штату должно находиться (въ губернскомъ управленіи)—90 лицъ, съ окладомъ жалованья, вмѣстѣ съ канцелярскими суммами, въ 43.679 рублей. Всѣ вышеприведенныя свѣдѣнія касаются губерній I-го разряда, въ 6 же губерніяхъ II-го разряда чиновъ было нѣсколько больше (на 2 лица), но окладная сумма была значительно выше (на 22.094 руб.).

Въ уѣздѣ по штатамъ были положены:

1) нижній земскій судъ, изъ 6 лицъ: земскаго капитана или исправника, 2 дворянскихъ засѣдателей, 2 сельскихъ засѣдателей и секретаря, имъ слѣдовало (вмѣстѣ съ канцелярскими суммами)—1.208 руб.;

2) уѣздный судъ, изъ 4 лицъ: уѣзднаго судьи, 2 засѣдателей и секретаря, съ окладной суммой въ 1.588 руб.;

3) городовой магистратъ, изъ 6 лицъ: 2 бургомистровъ и 4 ратмановъ—640 руб.;

4) нижняя расправа, изъ 6 лицъ: расправнаго судьи, 4 засѣдателей и секретаря, съ окладомъ и канцелярскими суммами въ 1.198 руб.;

5) уѣздное казначейство, изъ 5 лицъ: уѣзднаго казначея и 4 присяжныхъ—938 руб.;

6) дворянская опека, при которой полагался протоколистъ; ему съ канцелярской суммой—150 руб. Сверхъ того: а) въ городахъ, гдѣ не было коменданта,—городничій, которому съ канцелярской суммой слѣдовало 430 руб.; б) и „вообще по уѣзду"—8 чиновъ: уѣздный землемѣръ, уѣздный стряпчій, докторъ, лекарь, 2 подлекаря, 2 лекарскихъ ученика, съ жалованьемъ всѣмъ въ 1.070 руб.

Итого, въ каждомъ уѣздѣ по штату было положено 37 лицъ всякаго рода, съ окладомъ жалованья (вмѣстѣ съ канцелярскими) въ 7.222 рубля. Отсюда, если взять губернію въ 10 уѣздовъ, то содержаніе всѣхъ уѣздныхъ учрежденій и 370 лицъ уѣздной администраціи обойдется въ 72.220 руб. Прибавивъ сюда расходы на 90 лицъ чисто губернской администраціи, въ размѣрѣ 43.679 руб., получимъ сумму, близкую къ 116 тысячамъ рублей. Таковъ расходъ на содержаніе всей губернской администраціи, въ числѣ 460 человѣкъ, по штатамъ Екатерининскаго времени для губерніи примѣрно съ 10 уѣздами.

По штатамъ Павловскаго времени, какъ указано выше, сократилось число учрежденій, въ нѣкоторыхъ оставшихся учрежденіяхъ сократилось число лицъ, отсюда и штатныя суммы значительно понизились. По общей табели въ губерніи остались слѣдующія учрежденія:

1) губернское правленіе, изъ 4 лицъ: губернатора, 2 совѣтниковъ и секретаря, съ окладомъ въ 4.450 руб.;

2) палата суда и расправы, а въ ней 10 чиновъ: 2 предсѣдателя, 2 совѣтника, 4 ассесора и 2 секретаря, съ жалованьемъ въ 4.580 руб.;

3) казенная палата, въ составѣ 15 чиновъ: вице-губернатора, 3 совѣтниковъ, губернскаго казначея, 3 ассесоровъ и 4 присяжныхъ, съ окладомъ въ 5.270 руб. Всѣмъ указаннымъ выше учрежденіямъ положена на канцелярскіе расходы сумма въ размѣрѣ 6.980 руб. Кромѣ того остались „по губерніи вообще" 4 чина: губернскій прокуроръ (600 руб.), губернскій землемѣръ (400), губернскій архитекторъ (300) и механикъ (200), съ окладомъ жалованья всѣмъ—9.980 руб. Итого по губерніи было положено 33 лица, съ отпускомъ на жалованье и канцелярскіе расходы—22.780 руб.

Въ уѣздѣ по новымъ штатамъ были положены:

1) нижній земскій судъ, въ составѣ 4 лицъ: земскаго капитана, 2 засѣдателей и секретаря, съ окладомъ (вмѣстѣ съ канцелярскими) въ 1.088 руб.;

2) уѣздный судъ, въ составѣ 4 же чиновъ: уѣзднаго судьи, 2 засѣдателей и секретаря, съ окладомъ (вмѣстѣ съ канцелярскими) въ 1.588 руб.;

3) уѣздное казначейство, изъ 5 лицъ: уѣзднаго казначея и 4 присяжныхъ, съ окладомъ въ 938 руб. Кромѣ того, были положены: а) городничій (гдѣ не было коменданта), съ жалованьемъ и канцелярской суммой—въ 430 руб.; б) 7 слѣдующихъ чиновъ для всего уѣзда: уѣздный землемѣръ, докторъ, лекарь, 2 подлекаря и 2 лекарскихъ ученика, съ жалованьемъ всѣмъ 920 руб. Къ этому нужно добавить, что фактически въ городахъ были оставлены городовые магистраты, но они изъ штата были исключены и содержаніе получали „отъ своихъ доходовъ".

Такимъ образомъ, въ уѣздѣ по штату при учрежденіяхъ оставлено было 21 лицо, съ жалованьемъ и канцелярскими суммами въ 4.964 руб. Отсюда можно видѣть, что въ губерніи изъ 10 уѣздовъ администрація (уѣздная), въ числѣ 210 лицъ, по штатамъ Павловскаго времени, стоила 49.640 руб., а вмѣстѣ съ 33 губернскими чинами, съ окладомъ въ 22.780 руб., составляла 243 лица и требовала по штату (вмѣстѣ съ канцелярскими) расходовъ въ суммѣ 72.220 руб.

Болѣе подробныя указанія см. въ книгѣ штатовъ: за Екатерининское время—П. С. З., т. XLIV, ч. 2-ая, стр. 253—263, за время Павла I—тамъ же, стр. 393—397.

№ 5. Вѣдомость о ежегодной суммѣ сборовъ съ дворянскихъ имѣній по губерніямъ, согласно указамъ 18 дек. 1797 г. и 28 марта 1799 года (къ стр. 425)

ГУБЕРНІИ.	По 1-му указу.	По 2-му указу.		Итого.	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1. Астраханская	1.000	63	41½	1.063	41½
2. Бѣлорусская	92.000	5.834	14¾	97.834	14¾
3. Владимірская	51.000	3.234	14½	54.234	14½
4. Вологодская	15.000	951	21¾	15.951	21¾
5. Волынская	63.000	3.995	12¼	66.995	12¼
6. Воронежская	26.000	1.648	78¾	27.648	78¾
7. Выборгская	5.000	317	7½	5.317	7½
8. Вятская	2.000	126	82¾	2.126	82¾
9. Иркутская	—	—	—	—	—
10. Казанская	14.000	887	80½	14.887	80½
11. Калужская	51.000	3.234	14½	54.234	14½
12. Кіевская	72.000	4.565	85½	76.565	85½
13. Костромская	47.000	2.380	48¾	49.380	48¾
14. Курляндская	20.000	1.268	29¼	21.268	29¼
15. Курская	47.000	2.980	48¾	49.980	48¾
16. Литовская	104.000	6.595	12¾	110.595	12¾
17. Лифляндская	33.000	2.902	68¼	35.902	68¼
18. Малороссійская	80.000	5.073	17¾	85.073	17¾
19. Минская	57.000	3.614	63¾	60.614	63¾
20. Московская	51.000	3.234	14½	54.234	14½

ГУБЕРНІИ.	По 1-му указу.	По 2-му указу.		Итого.	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
21. Нижегородская . . .	57.000	3.614	63½	60.614	63½
22. Новгородская . . .	28.000	1.775	60¾	29.775	60¾
23. Новороссійская . .	30.000	1.902	43¾	31.902	43¾
24. Оренбургская . . .	10.000	634	14¼	10.634	14¼
25. Орловская	55.000	3.487	80½	58.487	80½
26. Пермская	25.000	1.585	36¾	26.585	36¾
27. Подольская	65.000	4.121	95¼	69.121	95¼
28. Псковская	36.000	2.282	92¾	38.282	92¾
29. Рязанская	55.000	3.487	80½	58.487	80½
30. С.-Петербургская . .	11.000	697	56¾	11.697	56¾
31. Саратовская	49.000	3.107	31¾	52.107	31¾
32. Симбирская	40.000	3.107	31¾	43.107	31¾
33. Слободско-Украинская	35.000	2.219	51½	37.219	51½
34. Смоленская	61.000	3.868	29¾	64.868	29¾
35. Тамбовская	56.000	3.551	21¾	59.551	21¾
36. Тобольская	—	—	—	—	—
37. Тверская	51.000	3.234	14½	54.234	14½
38. Тульская	61.000	3.868	29¾	64.868	29¾
39. Эстляндская	16.000	1.014	60¾	17.014	60¾
40. Ярославская	49.000	3.107	31¾	52.107	31¾
41. Область Войска Дон.	10.000	634	14¼	10.634	14¼
Итого	1.640.000	104.000	—	1.748.000	—

№ 6. О судѣ надъ дворянами (къ стр. 490—492).

По вопросу о судѣ надъ дворянами въ книгахъ именныхъ указовъ и книгахъ копій Сенатскаго Архива имѣется обширный матеріалъ, въ видѣ докладовъ сената по дѣламъ, сопряженнымъ съ лишеніемъ званія и чиновъ дворянина, съ Высочайшими резолюціями по этимъ докладамъ, въ видѣ указовъ и Высочайшихъ повелѣній, вызванныхъ этого рода дѣлами, и въ видѣ рапортовъ военной коллегіи, позднѣе генералъ-аудитора съ краткимъ экстрактомъ изъ дѣлъ, производившихся въ военномъ судѣ, на которыхъ тоже имѣлись Высочайшія резолюціи и конфирмаціи. Чтобы дать, хотя бы небольшое, представленіе объ этомъ обширномъ матеріалѣ, мной въ текстѣ книги почти не затронутомъ, я укажу въ дальнѣйшемъ номера книгъ (съ обозначеніемъ и листовъ) и приведу въ скобкахъ краткое и бѣглое обозначеніе тѣхъ проступковъ и преступленій, за которые дворяне привлекались къ суду и обычно лишались своего званія.

Въ книгахъ именныхъ указовъ (подлинныхъ) къ вопросу о судѣ надъ дворянами относятся слѣдующіе номера:

184, л. 250 и сл., 266—349, 350, 358 и сл., 376, 519, 545, 555—565, 568 („жестокіе и безчеловѣчные поступки" надъ крестьянами секундъ-майора Роберта Паткуля).

185, л. 7—27 (наказаніе кнутомъ кол. протоколиста Гр. Чулкова за тяжкія преступленія); 31 и сл., 47—53, 54—61, 62, 72—78 (прапорщицу Марію Дурнову, по лишеніи личнаго дворянскаго достоинства, сослать въ Сибирь на поселеніе, за нанесеніе смертельныхъ побоевъ крѣпостной дѣвкѣ), 79 (кража), 89 (разбой и грабежъ), 116 (святотатство), 457—460 (кража лошадей), 428 (разбой, смертоубійство десяти человѣкъ—„наказать кнутомъ").

187, л. 180—181 (подписка и промѣнъ образцовой 25-рублевой ассигнаціи; кража).

189, л. 231—234 (о кн. Гагаринѣ и др.), 256—286 (нанесеніе жестокихъ побоевъ крестьянамъ и подводчикамъ, послѣ чего одинъ крестьянинъ умеръ, вымогательство, совершенное въ 1783 г.).

190, л. 42—44 (убійство—наказать кнутомъ), 45—49 (убійство же), 50—54 и 55—57 (подложная продажа чужого человѣка), 93—95 („оскорбленіе В-ства"—наказать кнутомъ), 96—100 (держаніе бѣглаго, кража денегъ свыше 15 тыс. руб.).

191, л. 423—424 (исключеніе изъ собранія старооскольскихъ дворянъ братьевъ Алисовыхъ за „противные законамъ поступки" и „нехорошее поведеніе").

192, л. 70—73 (продажа чужихъ крестьянъ, самозванство, подлогъ и обманъ), 104, 283—287 (убійство священника до изданія милостиваго манифеста 1793 г.).

193, л. 27—37 (кража, обманъ и др. преступленія, совершенныя до 1792 г.), 174 („засѣченіе" крестьянина-мельника), 232—274 (убійство мужа, совершенное въ 1783 г.).

194, л. 29—39 (пристанодержательство, пріемъ награбленнаго въ 1791 г.), 58—64 (составленіе подложнаго документа, похищеніе казенныхъ денегъ—наказать кнутомъ), 86, 104—108 (производство фальшивыхъ монетъ), 138—139 (кража), 140—141 (продажа чужого крестьянина), 191 (смертоубійство), 203—204 (продажа чужого крѣпостного), 209—211 (наказать кнутомъ), 217—220 (кража).

195, л. 106—110 (намѣреніе опоить мужа квасомъ съ раздавленными пауками въ 1786 г.), 111—116 (кража, совершенная въ 1771 году, двоеженство), 117—118 (кража), 231—236 (убійство—въ 1786 г.), 237—247 (продажа чужихъ дворовыхъ людей—въ 1786 г.), 273—278 (кража денегъ, составленіе фальшиваго паспорта въ 1783 г.), 279—286 (жестокое наказаніе въ 1788 г. крестьянина-мельника), 287—298 (убійство, совершенное въ 1781 г.), 299—302 (то же), 340—341 (кража пожитковъ, цѣною въ 2 руб. 25 коп., совершенная въ 1791 г.).

196, л. 32—41 (преступленіе по должности, „воровство"—утайка вина), 70—71 („жестокое наказаніе" дворовой дѣвки въ 1794 г., послѣдствіемъ чего была ея смерть), 133—140 (растрата казенной соли), 227—237 (сопротивленіе мѣстнымъ властямъ, битье городничаго и команды въ 1780 г. при выемкѣ вина), 242—272 (соучастіе въ убійствѣ жены), 296—298 (кража лошадей, „непристойныя слова" объ Е. В—вѣ).

197, л. 120—138 (незаконные поборы, „лихоимство"), 139—150 (преступленіе по должности, „обманъ" и лихоимство), 212—215 (растрата казенныхъ денегъ и провіанта), 216—219 (пріемъ завѣдомо краденаго платья и прочихъ вещей), 229—235 (похищеніе казенныхъ денегъ), 254—280 (убійство—наказать кнутомъ), 298—314 (пристонадержательство, преступникъ находился 18 лѣтъ подъ стражей).

199, л. 78—81 (растрата вина и казенныхъ денегъ), 121—124 (то же), 309—330 (утрата казенной соли на сумму въ $3^1/_2$ тыс. руб.), 129—131 (растрата), 156—159 (недостача казеннаго вина), 228—268 (хищеніе въ банковской конторѣ), 281—307 (попытка поляковъ къ возстановленію Польши—заговоръ), 348—353 (преступленіе по должности, вымогательство), 359—361 (мошенничество), 362—364 (растрата казен. денегъ и вина), 403—406.

200, л. 31—34 (грабежъ), 38—39 (продажа чужихъ крестьянъ), 72—81, 265—266 (присвоеніе денегъ, пересылаемыхъ по почтѣ, побѣгъ съ мѣста службы съ поддѣльнымъ паспортомъ, въ 1790 г. былъ осужденъ смоленской палатой „на смертную казнь, съ каковымъ мнѣніемъ и б. смоленскій губернаторъ—Аршеневскій—согласенъ"), 267—275 (убійство въ דракѣ; въ 1788 г. михайловскій уѣздный судъ, Рязан. губ., присудилъ за это дворянъ къ тѣлесному наказанію).

201, л. 33—36 (подговоръ къ убійству мужа, присуждена сенатомъ къ наказанію кнутомъ, но резолюціей Павла отъ тѣлеснаго наказанія освобождена), 51—53 (убійство и грабежъ), 106—109 (растрата казенныхъ денегъ; виновный въ 1791 году б. присужденъ къ смертной казни смоленской палатой), 207—210 (кража 2 лошадей), 211—226 (грабежъ), 227—228 (нанесеніе побоевъ, попытка къ убійству), 252 (кража лошадей и распутная жизнь), 253—254 (нанесеніе смертельныхъ побоевъ), 255—256 (продажа чу-

жого бѣглаго крестьянина), 265—266 (битье и безчестіе), 268—269 (подлогъ и безчестіе), 275—278 (продажа чужихъ людей), 322.

202, л. 57—69 (пристанодержательство), 92—93 („написаніе фальшиваго письма" дворовому человѣку, въ 1791 г. лаишевскій уѣздный судъ приговорилъ дворянина Москатиньева къ наказанію кнутомъ), 202—203 (кража денегъ у своей мачехи), 204—206 (кража), 207—209 (кража лошадей), 223—225 (написаніе ложнаго свидѣтельства), 226—227 (подговоръ къ побѣгу помѣщичьихъ кр-нъ и держаніе бѣглыхъ), 284—288 (такой же подговоръ и продажа бѣглыхъ крестьянъ), 296—301 (преступленіе по должности, присвоеніе казен. денегъ), 302—310 (недостача вина въ 1786 г.).

203, л. 4—5 (самозванство и держаніе бѣглаго), 6—7 (растрата пересылаемыхъ по почтѣ денегъ), 8—11 (кража, нанесеніе смертельныхъ ранъ въ дракѣ), 12—13 (кража); 14—17 (недостача казеннаго имущества—соли). 100—101; ср. 123—124 (дѣло гр. Девіера—Сен. Арх., I, 385), 192 (Высоч. повелѣніе—дворянамъ, подписавшимъ одобреніе преступника, сдѣлать выговоръ и ни къ какимъ должностямъ не опредѣлять, исключая сенатора кн. Ю. Трубецкого; ср. П. С. З., № 18511).

204, л. 6—7 (принятіе краденыхъ вещей), 8—15 (побѣгъ съ мѣста службы, составленіе фальшивой подорожной и аттестата), 69—80 (самоуправство и сопротивленіе властямъ), 274—275 (похищеніе денежнаго пакета почтмейстеромъ), 276—277 (пріемъ завѣдомо краденаго и дача фальшивой отпускной), 311—312 (кража и нанесеніе ранъ сотскому при арестѣ), 331—339 (растрата казен. денегъ, совершенная въ 1782 г.), 340—358 (списокъ докладовъ сената о судѣ надъ дворянами, поданныхъ въ 1792 г. и неконфирмованныхъ императ. Екатериной II), 378—380 (держаніе бѣглаго), 386—388 (кража лошадей, составленіе фальшив. паспорта и нанесеніе побоевъ), 389—391 (растрата казеннаго имущества), 416—417 (кража денегъ и вещей).

205, л. 14—16 (нанесеніе смертельной раны), 17—18 (продажа экономическаго крестьянина въ рекруты подъ видомъ своего человѣка), 19—22 (растрата казенныхъ денегъ), 23—24 (кража изъ костела), 25—26 (продажа чужого крестьянина), 27—30 (продажа однодворца), 31—33 (смертоубійство—наказать кнутомъ), 79—81 (кража лошади), 82—84 (тоже), 110—111 (пріемъ краденаго и пособничество), 132—133 (кража вещей), 139—141 (буйство, драка, попытка къ насилію надъ женщиной и нанесеніе смертельныхъ побоевъ мальчику), 142—143 (кража улья и крестьянскаго имущества) 167—169 (нанесеніе женѣ смертельныхъ побоевъ—преступнику литовскому дворянину „дать 100 ударовъ розгами по тамошнему обыкновенію", а потомъ—на каторгу), 171—172 (убійство), 173—175 (составленіе фальшиваго документа, незаконное занятіе должности—преступникъ раскаивался со слезами и „тягчайшимъ стенаніемъ"—„простить"), 189—197 („напрасное и умышленное ополиченіе" и отнятіе денегъ), 198—200 (продажа чужого крестьянина), 275—278 (кража лошадей), 279—282 (подговоръ къ кражѣ и убійство), 284—285 (нанесеніе смертельныхъ побоевъ женѣ), 286—287 (подговоръ къ побѣгу и продажа чужого двороваго человѣка), 288—289 (составленіе фальшивой рекрутской квитанціи).

206, л. 103—105 (убійство—20 ударовъ кнута), 103—105 (убійство мужа—„въ монастырь"), 195—202 (церковная кража), 203—222 (растлѣніе и убійство племянницы—наказаніе кнутомъ), 125—177 („неистовые поступки", „жестокости и насильства" надъ крестьянами, подозрѣніе въ поджогѣ присутственныхъ мѣстъ въ Симбирскѣ), 267—268 („дерзновенное утружденіе" Государя просьбой, перемѣна имени и прозванія), 291—293 (мошенничество, пятикратный промѣнъ простой бумаги за настоящую ассигнацію; Спб. надв. судъ преступника Тренце, унтеръ-офицера л.-гв. коннаго полка, присудилъ, по лишеніи дворянства, къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ на поселеніе; сенатъ, въ виду 17-лѣтней прежней воинской службы, предлагалъ отъ наказанія кнутомъ освободить, а взамѣнъ—высѣчь плетьми и сослать въ Екатеринбургъ; 29 авг. 1798 г.—„сослать безъ наказанія").

207, л. 24—25 (продажа чужой крѣпостной дѣвки), 41—46 (нанесеніе смертельныхъ побоевъ), 91—96 (дача согласія на убійство отца, совершенное въ 1791 г. крестьянами за строгое къ нимъ отношеніе, какъ помѣщика Литовской губ.), 174—176 (растрата пересылаемыхъ по почтѣ денегъ), 196—197 (покупка завѣдомо краденыхъ лошадей), 198—201 (продажа однодворца въ рекруты), 202—203 (грабежъ), 204—207 (подговоръ къ побѣгу двороваго человѣка, кража лошадей и вещей), 208—209 (изнасилованіе крестьянской дѣвочки 13 лѣтъ), 210—211 (нанесеніе смертельныхъ побоевъ), 212—213 (составленіе фальшивой подорожной и отпускной), 214—215 (пріемъ бѣглыхъ, продажа ихъ), 219—220 (покупка завѣдомо краденой лошади), 325—327 (нанесеніе побоевъ женѣ), 328—341 (кража, разбой, держаніе бѣглаго, бѣгство изъ-подъ стражи).

208, л. 11—13 (пріемъ бѣглаго, продажа его), 14—16 (растрата казеннаго вина, произведенная въ 1785 г.), 20 (продажа бѣглыхъ, растрата денегъ въ 1788 г.), 29—30 (присвоеніе чужихъ лошадей, ложное показаніе), 80—111 (растрата казенныхъ денегъ въ количествѣ 28 тыс. руб., палата владимірская присудила къ сѣченію кнутомъ, сенатъ — безъ кнута), 229—231 (подложная продажа имѣнія и крестьянъ), 271—277 (убійство и грабежъ).

209, л. 80—83 (кражи), 131—134 (растрата казеннаго вина), 238—241 (растрата казенныхъ денегъ), 254—257 (тоже).

210, л. 18—21 (житье безъ паспорта, незаконная продажа себя въ рекруты подъ ложнымъ именемъ), 109—111 (ложное именованіе себя инымъ чиномъ, обманъ), 229—232 (растрата казенныхъ денегъ въ 1786 г.), 233—234 (кража), 235—238 (двукратная кража и проч.).

211, л. 71—80 (участіе въ грабежѣ), 197—201 (дача фальшивыхъ билетовъ чужимъ крестьянамъ), 202—207 (тоже), 208—211, 231—240 (многократная кража, святотатство, побѣгъ, перемѣна своего имени—„наказать въ Вильнѣ публично у столба чрезъ палача въ двѣ пятницы въ каждую 100 ударовъ розгъ", сослать въ работу).

212, л. 49—62 (лихоимство), 153—155 (подговоръ къ грабежу и убійству), 196—199 (дача фальшиваго билета бѣглому дворовому), 214—219 (кража лошади—по постановленію бѣлорусскаго главнаго суда слѣдовало „наказать кнутомъ 15 ударами", въ постановленіи сената тѣлесное наказаніе пропущено).

213, л. 66—73 (противозаконные поступки земскаго смотрителя Минской губ.: брань городового, наказаніе розгами двухъ шляхтянокъ безъ суда, по своему усмотрѣнію, за распутное якобы ихъ поведеніе, пріемъ подарковъ и взятокъ, сопротивленіе властямъ и проч.), 79—83 (пріемъ „воровскихъ" вещей, „обращеніе съ разбойниками").

214, л. 28—34 (растрата казенной соли и вещей), 146—149 (притѣсненіе и разореніе крестьянъ, насиліе надъ малолѣтними въ 1784—1786 г.г.), 167—170 (отцеубійство; развратная жизнь—600 ударовъ розогъ), 171—172 (выдача фальшиваго свидѣтельства бѣглому однодворцу), 173—175 (растрата казеннаго почтоваго сбора), 253—259 (растрата казенныхъ денегъ благодаря картежной игрѣ).

215, л. 128—145 (убійство), 172—174 (пятерыхъ грековъ, бѣжавшихъ изъ Молдавіи, за грабежъ и убійство сослать въ Нерчинскъ, но отъ тѣлеснаго наказанія, по прошенію Молдавскаго Господаря, освободить), 180—181 (составленіе фальшивой подорожной, именованіе себя вел. кн. Александромъ Павловичемъ—кнутомъ).

216, л. 107 (сочиненіе и размѣнъ фальшивыхъ ассигнацій—наказать въ г. Саратовѣ кнутомъ), 123—128 (похищеніе казенныхъ денегъ), 176 (подговоръ къ бѣгству крестьянъ—П. С. З., № 19014), 241 (кража).

217, л. 112—115 (похищеніе пересылаемыхъ черезъ почту денегъ), 120 (смертоубійство), 154—156 (изготовленіе и размѣнъ фальшивыхъ ассигнацій 100-рублеваго достоинства), 157—161 (разграбленіе почты—наказать кнутомъ), 162—165 (похищеніе денегъ въ 1788 г.), 171—174 (пріемъ бѣглыхъ, дача имъ отпускныхъ).

218, л. 10—13 (кража лошади, повозки и вещей), 56 (недосмотръ при пожарѣ цейхгауза и провіантскаго сарая), 84—88 (кража лошади), 90 (кража вещей), 152—161 (составленіе подложныхъ документовъ, продажа чужихъ крѣпостныхъ), 162—164 (соучастіе въ убійствѣ мужа крестьяниномъ), 165—169 (покушеніе на убійство отца, нанесеніе ему кровавыхъ ранъ).

219, л. 8—11 (похищеніе почтовыхъ денегъ—„кромѣ кнута быть по сему"), 157—160 (убійство въ запальчивости и раздраженіи), 166—170 (принятіе краденаго), 178—185 (поддѣлка печатей, писемъ, обманъ—„быть по сѣму кромѣ кнута"), 213—217 (кража шляхтичемъ двухъ воловъ у еврея).

221, л. 86 (похищеніе казенныхъ денегъ въ ассигнаціонномъ банкѣ-„быть по сѣму, а кнутомъ не наказывать"), 94—99 („наѣздъ па домъ", причиненіе побоевъ и насильственный увозъ сосѣда къ себѣ въ домъ), 120—122 (кража вещей и денегъ), 294—298 (обманъ).

222, л. 51—55 (неоднократное воровство—кража и бродяжничество), 116—122 (похищеніе казенныхъ денегъ на сумму 5.200 руб.), 146—150 (фальшивое составленіе явочной просьбы, „лживый поступокъ"—подлогъ), 203—207 (кража вещей и денегъ), 210—215 (кража денегъ, по приговору сената—не наказывать плетьми), 247—251 (убійство и ограбленіе семьи еврея—50 ударовъ кнутомъ), 311—315 (растрата казеннаго вина), 320—326 (соли), 327—330 (продажа чужого крестьянина).

224, л. 12—15 (убійство крестьянина подольскимъ шляхтичемъ—10 ударовъ кнута), 66—69 (убійство „въ пьянствѣ и дракѣ"), 189 (побѣгъ изъ полка), 218—220 (нанесеніе тяжкихъ побоевъ женой мужу), 231—233 (драка,

увѣчье), 292—294 (троекратное воровство), 314—315 (похищеніе казенныхъ денегъ изъ-подъ замка и печати).

225, л. 72—83 (преступленія по должности городничаго—„быть по сѣму, кромѣ кнута"), 205—209 (пьянство, буйство, кража).

226, л. 48 (растрата казенныхъ денегъ ген.-л. Домбровскимъ), 52—55 („дерзновенное и ложное донесеніе Е. В—ву"—кнутомъ не наказывать), 79 (подложное составленіе документовъ), 82—85 (растрата казеннаго вина), 103 (злоупотребленія по должности), 124—130 (растрата чужихъ денегъ, попытка бѣжать въ Пруссію), 139—140 (кража 4 лошадей), 177—179 (самовольный отпускъ собранныхъ рекрутъ въ ихъ селенія), 193 (преступленія по должности рославльскаго городничаго), 266—283 (о кн. Сибирскомъ и Турчаниновѣ), 315—321 (убійство, подговоръ къ бунту—наказать кнутомъ).

227, л. 22—28 (нанесеніе смертельныхъ побоевъ крѣпостной крестьянкѣ, истязаніе—наказать кнутомъ), 145—150 (растрата казенныхъ денегъ, симуляція грабежа, убійство извозчика—приговоромъ сената, уѣздный казначей Чеховичъ присужденъ къ наказанію 20 ударами кнута и ссылкѣ на рудники), 162—163 (кража вещей), 164—167 (нанесеніе смертельныхъ побоевъ крестьянину, съ которымъ шляхтичъ Вардаковичъ пилъ въ корчмѣ), 206—208 (подговоръ къ воровству, пьянство и „обращеніе съ подозрительными людьми"), 209—210 (кража), 220, 230—234 (противозаконная купля крѣпостного и отдача его въ рекруты въ 1794 г.), 255—258 (продажа чужого двороваго человѣка), 269 (проигрышъ казенныхъ денегъ, указъ сенату 30 іюня 1800 г.).

228, л. 35—37 (самозванство, распутное поведеніе и пьянство), 41—50 (попытка къ утайкѣ казенныхъ денегъ), 51—56 (взятки съ крестьянъ во время рекрутскихъ наборовъ—вице-губернатора кн. Ухтомскаго, отданнаго подъ судъ въ 1784 г.), 138—149 (растрата казенныхъ соли и денегъ), 150—154 (убійство жены въ припадкѣ душевной болѣзни), 163—165 (кража), 249 (растрата казенныхъ денегъ), 251—256 (несправедливая жалоба Е. В—ву, битье вотяковъ, непристойная брань и прочее), 264—268 (присвоеніе путемъ обмана чужого имущества), 306 (кража), 312—316 (продажа чужихъ людей и „лживые поступки"), 337—341 (растрата, палатой присужденъ къ наказанію кнутомъ, сенатомъ отъ послѣдняго освобожденъ), 355—363 (растрата, побѣгъ соляного пристава).

229, л. 76—89 (присвоеніе казенныхъ денегъ и проч.), 113—129 (о ген.-л. Зоричѣ), 148—149 (кража), 150—152 (убійство—наказать кнутомъ), 158—159 (воровство), 187—194 (подговоръ, увозъ и продажа чужихъ крестьянъ), 195—198 (кража лошадей въ 1794 г.), 236—237 (нанесеніе смертельныхъ побоевъ), 284—285 (развратное поведеніе, пьянство и происходящая отъ того неспособность къ статской службѣ чиновника военной коллегіи—по лишеніи чиновъ, написать въ солдаты), 295 (о полк. Грузиновѣ I-омъ), 307—314 (мошенничество).

230, л. 24—29 (воровство—кража), 89—94 (побои и нанесеніе тяжкой раны), 108—110 (пьянство, неповиновеніе начальству и „развратное поведеніе"), 116—117 (кража въ 1787 г., пьянство и развратные поступки дворянки Барыбиной), 141—146 (вооруженный наѣздъ, самоуправство, убійство крестьянина литовскимъ шляхтичемъ Гопеномъ—„наказать кнутомъ и сослать вѣчно въ Сибирь на поселеніе", по приговору сената, утв. 14 сент. 1800 г.),

165—168 (кража денегъ), 179—184 (попытка къ насилію надъ крестьянской женкой, ограбленіе ея), 215—228 (неоднократная кража въ 1793 г.), 295 (о надв. сов. Прозоровскомъ), 304—309 (составленіе фальшивыхъ паспортовъ и проч.).

231, л. 8—13 (составленіе фальшивой отпускной, держаніе бѣглаго), 19 (побѣгъ изъ полка), 64—81 (ст. сов. Зарянка и хорунжій Микоша обвинялись въ томъ, что они были противниками самодержавной власти Государя, не повиновались властямъ; въ чемъ оправданы, хотя „за дерзновенный поступокъ" подверглись наказанію), 87—91 (пьянство, буйство, битье крестьянъ, „ругательство" офицера и проч.), 103—104 (самозванство), 158 (пріемъ бѣглаго, продажа его), 273 (бѣгство изъ полка), 300—302 (воровство и „дурные поступки"), 355 (бѣгство изъ полка).

232, л. 10—15 (разбойное нападеніе, убійство—наказать кнутомъ), 23—27 (продажа бѣглаго двороваго), 31—33 (убійство шляхтичемъ крестьянина, съ женою котораго онъ имѣлъ „блудное житіе"—наказать кнутомъ), 48—52 (утрата казенныхъ денегъ въ 1793 г.), 62—69 (подлогъ и др. преступленія), 90—95 (обольщеніе кн. Голицынымъ дѣвицы Павловой), 114—116 (троекратное воровство и другія „шалости"), 146—152 (похищеніе казенной соли и денегъ), 173—180 (подложная продажа въ рекруты, совершенная въ 1794 г.), 181—184 (кража), 199—201 (воровство—кража), 208—211 (воровство и обманъ), 234—244 (произнесеніе дерзкихъ словъ: „Видно, Государь нашъ—дуракъ"... наказать кнутомъ), 252 (бѣгство изъ полка), 259—263 (лишеніе жизни родной сестры—наказать кнутомъ), 321—324 (убійство чужого крестьянина при порубкѣ лѣса), 344—347 (кража лошадей), 397—404 (тоже), 420—433 (убійство во время ссоры и драки), 446—448 (ложный доносъ и клевета).

233, л. 1—4 (кража), 24—29 (поддѣлка документовъ), 39—54 (притѣсненіе однодворцевъ), 55—57 (развратное поведеніе, забвеніе своей должности и обманъ, совершенный дворяниномъ Иконниковымъ въ бытность секретаремъ костромской верхней расправы), 63—65 (растрата казеннаго вина), 101—108 (убійство и грабежъ—наказать кнутомъ), 165—173 (продажа чужого человѣка, кража лошадей съ повозками), 174—175 (кража лошадей), 208—209 (кража вещей), 336—340 (пристанодержательство, пріемъ краденаго), 371—378 (продажа чужихъ крѣпостныхъ), 416—423 (самозванное именованіе себя ревизоромъ и полковникомъ, битье батогами крестьянъ—наказать кнутомъ), 429—437 (незаконныя дѣйствія, растрата казенныхъ денегъ въ 1786 г.), 438—441 (брань, пьянство, непочтеніе къ присутственному мѣсту, возмущеніе подданныхъ малороссіянъ противъ ихъ помѣщицы—въ 1788 г.), 446—450 (ложные извѣты, взятки, упорство и неповиновеніе указу сената въ 1782—1788 гг.).

234, л. 70—75 (кража вещей въ 1791 г.), 78—88 (тоже), 95—96 (лишеніе чиновъ за нетрезвость, лѣность и дурное поведеніе регистратора Черняева), 308 („буйственный поступокъ"), 320 (выговоръ и наказаніе за несоблюденіе канцелярскаго порядка при производствѣ дѣла о чиншевой шляхтѣ).

235, л. 46—62 (нарушеніе своихъ обязанностей почтмейстеромъ), 107 (возвращеніе б. кол. совѣтника изъ каторжныхъ работъ), 136 (преданіе суду), 182 (умерщвленіе незаконно-прижитого ребенка), 215, 223—230, (про-

дажа чужихъ людей), 268—272 (увѣчье), 371—375 (ложный доносъ), 429—431 (кража).

Въ книгахъ копій именныхъ указовъ, гдѣ по преимуществу помѣщены краткіе экстракты изъ постановленій генералъ-аудиторіата, съ Высочайшими конфирмаціями приговоровъ военнаго суда („кригсрехта")—слѣдующіе нумера: **252**, л. 13 (убійство).

253, л. 300—301 („взятіе денегъ съ казацкихъ полковъ" въ подарокъ).

254, л. 194 (отказъ отъ платежа долга), 342—346 (утрата казенныхъ денегъ).

255, л. 165 (кража).

256, л. 117 (дерзость и неповиновеніе начальству), 119 (неумышленное убійство), 328 (злоупотребленія по службѣ).

257, л. 104 (худое поведеніе, пьянство, побѣгъ изъ полка), 173 (недостача вещей во время смотра полка и прочее), 227 (помощь дезертирамъ, бѣгущимъ за границу), 242 (казнокрадство оберъ-провіантмейстера, пьянство и буйство).

258, л. 20—25 (дѣло аудитора Истомина, полк. Гедеонова и прочее), 48—49, 75—77 (копія съ доклада о городничемъ Пирхѣ и полк. Жуковѣ—ср. П. С. З., № 18.606), 83 (отпускъ колодника), 103 (соучастіе въ убійствѣ), 180 (несвоевременное сообщеніе о кражѣ, совершенной драгуномъ въ г. Тобольскѣ), 195 (недостача вина, обнаруженная въ 1792—1793 гг.), 196, 239 (подача ложнаго рапорта офицеромъ).

259, л. 97—98 (уменьшеніе лѣтъ дворовому человѣку, проданному въ рекруты), 233—235 (ложный доносъ на начальниковъ).

260, л. 202 (пьянство, грубость противъ начальства, срываніе на улицахъ у женщинъ съ головы платковъ и буйственные поступки), 248 (пьянство, обманъ и воровство); ср. л. 111, 127, 200, 273.

261, л. 28, 311; ср. 83, 154, 167, 311.

262, л. 108 (недоставка необходимаго провіанта мушкетерскому полку), 183 (кража и ложный доносъ), 185 (самовольная посылка штабсъ-капитаномъ рядового изъ м. Краснаго въ Смоленскъ, съ цѣлью привоза знакомой ему жены смоленскаго купца), 232 (воровство—кража и др. преступленія); ср. л. 100, 118, 156, 179, 199, 273, 279.

263, л. 16 (побѣгъ изъ полка, третичный, сносъ и утрата казенныхъ вещей), 132 (нарушеніе служебнаго долга ген.-м. Ерлыковымъ), 163 (двукратный побѣгъ изъ полка, кража и проч.); ср. 223, 281, 283, 297.

264, л. 95 (пьянство, отлучка, закладъ казеннаго плаща и утрата патроновъ), 114 (увозъ поручикомъ сожительницы своего полкового командира), 145 (преданіе суду шефа полка за то, что рядовыми его полка совершено убійство), 214 (преданіе суду шефа полка), 269 (составленіе фальшиваго векселя), 468—475 (кригсъ-рехтъ надъ кн. Сибирскимъ и ген.-л. Турчаниновымъ); ср. 87, 96, 97, 114, 121, 126, 325, 326, 358, 381—384, 447, 468—475.

265, л. 7 (противозаконные поступки), 88 (по дѣлу кн. Сибирскаго привлечены были ген.-м. Зиндяевъ, ген.-м. кн. Урусовъ и др.), 110 (незаконное пользованіе работой нижнихъ чиновъ для собственныхъ полкового командира надобностей), 260 (кража денегъ—конфирмація 21 іюня 1800 г.); ср. 28, 136, 141, 162, 186.

266, л. 32 (нанесеніе побоевъ по лицу, оскорбленіе аудитора), 33 (грубость офицера противъ начальства), 76 (пьянство, драка), 89 (составленіе „пасквиля", возбуждающаго поляковъ къ военнымъ приготовленіямъ), 121 (подозрѣніе въ похищеніи денегъ артиллерійскаго вѣдомства въ количествѣ 30 тыс. руб.), 137 (неправильныя дѣйствія по службѣ, составленіе фальшиваго ордера—„согласенъ, кромѣ кнута"), 152 (бунтъ казаковъ, 14 чел., Черноморскаго войска—наказать кнутомъ), 175 („дерзость и ослушаніе противъ начальства"), 196 (воровство, пьянство и самовольная отъ команды отлучка за-границу сотника), 206 (побѣгъ изъ полка), 220 (подлогъ, обманъ, покупка краденыхъ вещей и проч.), 225 („противозаконные поступки", произнесеніе оскорбительныхъ словъ по адресу Государя и Государыни подполк. Грузиновымъ 2-мъ), 233, 246, 250 (побѣгъ важнаго арестанта, небрежность караульныхъ—„согласенъ, кромѣ кнута").

267, л. 2 („буйственные поступки, пьянство и дерзкія съ угрозами противъ начальства слова" майора Будберга), 14, 20 (пьянство и упущеніе своей должности), 30 (обиды, побои, грабительства, сожженіе казармъ и проч.), 54 (самовольный отпускъ изъ острога, въ Омскѣ, на форштадтъ для собиранія милостыни колодниковъ, при коихъ онъ, унтеръ-офицеръ Соболевъ, былъ на караулѣ и др. „дурные поступки"), 57 (обвиненіе въ убійствѣ—недоказанное, оправданъ), 104—111 (дѣло ген. Розенберга), 122 (побѣгъ изъ полка), 150 („пьянство и грубость противъ начальства"), 180 (пьянство, брань, битье товарища-офицера), 188, 197, 199, 253 (составленіе фальшивой ассигнаціи), 257 (попытка бѣжать за-границу и проч.), 265 (утрата рекрутскихъ денегъ), 273 (пьянство, подговоръ къ кражѣ), 337 (посылка 2 арестантовъ, которые бѣжали, красть въ еврейской корчмѣ).

268, л. 20, 22, 66, 68, 72, 133, 135, 162, 187, 188.

Къ приведенному списку книгъ и дѣлъ считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующее сообщеніе: по кончинѣ Екатерины II, въ ея кабинетѣ оказалось 27 сенатскихъ докладовъ по криминальнымъ дѣламъ „нерѣшенными" (неконфирмованными): одно дѣло—1780 г., два—1782, три—1783, пять—1784, по одному—1785, 1788, 1789, 1791 годовъ, четыре—1792, три—1793 и пять безъ обозначенія годовъ; дѣла о дворянахъ, чиновникахъ и лицахъ офицерскаго званія по обвиненію въ убійствахъ, кражахъ, пристанодержательствѣ, взяткахъ и прочихъ преступленіяхъ. 8-го янв. 1797 г. Высоч. повелѣно препроводить всѣ 27 дѣлъ въ сенатъ и „за прошествіемъ немалаго времени" собрать справки, умершихъ исключить, а объ остальныхъ по разсмотрѣніи поднести особые доклады.

№ 7. Отзывы объ имп. Павлѣ (къ стр. 577—583).

Кромѣ приведенныхъ въ текстѣ книги отзывовъ о Павлѣ см. также и другіе въ дѣлахъ Государственнаго Архива:

1) отзывы раскольниковъ: „Тотъ, кто царствуетъ, рожденъ не отъ христіанской крови, а отъ антихриста" (VII, № 3130); „Царь Павелъ—настоящій дьяволъ" (VII, № 3508), „антихристъ" (№ 3479); крестьянина изъ раскольниковъ: „Мы ожидали, что послѣ Государыни будутъ отъ Государя Павла Петровича милости, а отъ него (произнесены тутъ бранныя слова)—

вотъ какая милость, дабы пахать намъ для себя и Государя въ полѣ по 3 десятины, а ежели кто онаго не исправитъ, тѣхъ посылать на фабрики“ (№ 2930; ср. № 3114);

2) крестьянъ, казаковъ, гвардейскихъ солдатъ и другихъ лицъ: „Нашъ батюшка царь сталъ до малой малости доходить“; другой въ отвѣтъ: „Да онъ—дуракъ (изругавши матерно), его давно повѣсить за это надобно“; „извести, какъ отца“; причина—слухъ объ отобраніи лѣса и запрещеніе порубки (№ 3508); „тотъ такой же, кто ему (помѣщику) васъ отдалъ“, а помѣщика крестьянинъ называлъ „воромъ, мошенникомъ и разбойникомъ“ (№ 2980); „онъ (Колосовъ, волостной писарь) отдалъ въ рекруты двухъ своихъ братавей, а теперь Государь самъ на очереди да и онъ у меня въ долгу; называлъ его (Павла) гузноблудомъ“ (№ 3130); Государь—строгій, служба стала тяжелой—разглашали гвардейскіе солдаты; „нынѣ служить трудно, ибо очень строго“; „Александръ Павловичъ видно поскромнѣе, а Константинъ Павловичъ—порѣзвѣе“ (№ 3013, дѣло 1797 г. объ арестованіи 3 купцовъ и мѣщанина за толки между собою о строгостяхъ имп. Павла, кротости вел. кн. Александра и суровости Константина); „Худо Государь сдѣлалъ“, „погрѣшилъ“ (слова архимандрита Дамаскина по поводу пожалованія духовныхъ особъ орденами—№ 3304); „Государь сдурѣлъ и не даромъ его мать не воцарила“ (слова жены сержанта по поводу запрещенія рубки лѣса и дровъ—№ 3554); Государь—„дуракъ“ (№ 3508, ср. 3328); „царишко“ крестьянинъ изъ крещеной мордвы, по торопливости и незнанію рус. яз., освобожденъ отъ наказанія—№ 3409); „плѣшивый и курносый велѣлъ на васъ (на духовенство) работать“ (№ 3116);

3) помѣщика, прапорщика Льва Мельницкаго, который, по словамъ дворцоваго крестьянина Валдайской округи, при обращеніи къ нему съ просьбой объ удовлетвореніи за обиды и предупрежденіи, что въ случаѣ отказа, онъ непремѣнно обратится къ Его Имп. В—ву, на это отвѣчалъ: „Самъ онъ, Мельницкій надъ богами богъ, надъ царями царь, прежде сидѣла дура и нынѣ насѣлъ дуракъ; у насъ въ Россіи Павлушечекъ есть много, взять и поднять его на штыки“ (№ 3328, дѣло 1799 г.).

Списокъ изданій, книгъ и статей, указанныхъ въ текстѣ и подстрочныхъ примѣчаніяхъ настоящей работы [1]).

I.

Акты Историческіе, собр. и изд. Археографическою Комиссіею, т. IV. П., 1842.

Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ Р. И. Археографическою Экспедиціею И. Акад. Наукъ, т. IV. П., 1836.

Архивъ государственнаго совѣта, т. II. Совѣтъ въ царствованіе имп. Павла I (1796—1801 гг.). П., 1888.

Архивъ ист. и практ. свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Н. Калачовымъ, 1859 г., кн. III, 15—59 (Записка М. Сперанскаго о государственныхъ установленіяхъ; извлеченіе изъ записки, подъ названіемъ „Проектъ системы гражданскаго управленія"); 1860—1861, кн. IV, отд. XI, 21—37 (Древніе акты архива Переславскаго Данилова монастыря). П., 1859 и 1862.

Архивъ кн. Воронцова, т. XII, XIII и XXIX. М., 1877, 1879, 1883.

Башиловъ А. А., Записки о временахъ Екатерины II и Павла I („Молодость А. А. Башилова")—Заря, 1871, № 12; перепечатано въ изд. „Памятники новой русской исторіи", изд. Кашпирева и Базунова, т. III, П., 1873.

Бестужевъ-Рюминъ П. М., Инструкція или пункты Пошехонской вотчины приказчику (Рус. Арх., 1904, кн. I, стр. 28—38).

Болотовъ А. Т.: а) Записки, III, М., 1871; б) Памятникъ протекшихъ временъ или краткія историческія записки о бывшихъ происшествіяхъ и о носившихся въ народѣ слухахъ, ч. I и II. М., 1875.

Болтинъ И. Н., Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка, т. II. П., 1788.

Брикнеръ А., Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина, т. V. П., 1891.

Винскій Г., Записки (Рус. Арх., 1877 г., № 1; ср. новое изданіе фирмы „Огни" въ „Библіотекѣ мемуаровъ", П., 1914).

Время Павла и его смерть; записки современниковъ, изд. „Русской Были", М., 1908.

---

[1]) Кромѣ приведенныхъ книгъ и статей, на которыя сдѣланы ссылки въ работѣ, мной, за рѣдкимъ исключеніемъ, изучена и просмотрѣна, на сколько это возможно при нашихъ библіотечныхъ собраніяхъ, вся литература, относящаяся ко времени императора Павла I.

Гейкингъ К. бар., Дни императора Павла. Записки курляндскаго дворянина. П., 1907 (Первоначально „Aus den Tagen Kaiser Pauls“, Bienemann. Leipzig, 1886).

Грязевъ, Записки (Русск. Вѣстникъ, 1890, кн. III; ср. II, гдѣ помѣщена первая часть извлеченій изъ записокъ).

Державинъ Г. Р. Записки (Сочиненія, изд. 2-ое Академіи Наукъ, т. VI, П., 1876; Сочиненія въ прозѣ—т. VII, П., 1878).

Дмитріевъ И. И., Взглядъ на мою жизнь, ч. II. М., 1866.

Духъ Журналовъ, за 1818 г.

Журналъ Министерства Юстиціи, за 1902, 1903 и 1912 гг.

Карамзинъ Н. М.: а) Историческое похвальное слово имп. Екатеринѣ II. М., 1802; б) Записка о древней и новой Россіи (Рус. Арх., 1870 г., стр. 2231—2350; новое изданіе подъ ред. В. В. Сиповскаго, П., 1914).

Комаровскій Е. Ѳ. гр., Записки (Рус. Арх., 1867, 219—248; 521—570; новое изданіе въ „Библіотекѣ мемуаровъ“ изд-ва „Огни“, П., 1914).

Коцебу, Достопамятный годъ жизни (Августа Коцебу, перевелъ съ нѣм. В. Кряжевъ), ч. II. М., 1814.

Кряжевъ В., Жизнь Павла I. М., 1805.

Ланжеронъ, Русская армія въ годъ смерти Екатерины II (сообщ. Н. К. Шильдеромъ—Русск. Стар., 1895, III, 147—166; IV, 145—177; V, 185—202).

Лопухинъ И. В., Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы. М., 1860 (см. также въ Чтеніяхъ М. Общ. Ист. и Др. Росс., 1860, кн. II и III).

Лопухинъ П. П. кн., Разсказы о старинѣ, записанные кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ (въ книгѣ Н. К. Шильдера, Императоръ Павелъ I, приложенія, 580—583).

Лубяновскій Ѳ. П., Воспоминанія, М., 1872 (см. также Рус. Арх., 1872, стр. 98 и сл.).

Masson, Mémoires secrets sur la Russie, par Barrière. Paris, 1859.

Мертваго Д. Б., Записки. М., 1867 (см. Рус. Арх., 1867 г., приложеніе, стр. 1—336).

Минцловъ С. Р., Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, вып. I. Новгородъ, 1911.

Наказъ имп. Екатерины II, данный комиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія, изд. Академіей Наукъ, подъ редакціей Н. Д. Чечулина. П., 1907.

Наказъ императора Павла I, 1788 г.—Вѣстникъ Европы, 1867, кн. I, стр. 316—322 (среди „Матеріаловъ къ русск. исторіи“, изданныхъ М. И. Семевскимъ).

Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ, отд. II, т. I. Дѣла общихъ собраній прав. сената за 1797—мартъ 1801 г. П., 1909; т. II (тоже, за апрѣль 1801—1803 гг.), П., 1911.

Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ, отд. III, т. I. Дѣла канцеляріи генералъ-прокурора за 1797 г. П., 1910; т. II (тоже, за 1798—1799 гг.), П., 1911; т. III (тоже, за 1797—1800, приготовленъ, но еще не выпущенъ въ свѣтъ).

Осьмнадцатый вѣкъ, изд. П. Бартенева. М., 1869, кн. III.

Памятная книжка Сенатскаго Архива (перечень документовъ и бумагъ Архива, съ краткимъ указаніемъ ихъ содержанія). П., 1913.

Памятники древней письменности, Инструкція дворецкому И. Нѣмчинову о управленіи дому и деревень—А. Волынскаго (№ XV, П., 1881; первоначально—Москвитянинъ, 1854, кн. I, отд. IV, стр. 11—32).

Пестель П. И.; Русская правда—Наказъ временному верховному правленію. П., 1906.

Politische Correspondenz Friedrich's der Grossen, b. XXXV. Weimar, 1912.

Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, I (царствованіе Павла I—томы XXIV—XXVI) и II-ое.

Радищевъ А. Н.: а) Полное собраніе сочиненій, изд. Акинфіева, т. II, П., 1907; б) Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, изд. Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева, П., 1905.

Русская Историческая Библіотека, изд. Археографической Комиссіи, т. XIV. П., 1896.

Русская Старина, годы 1871, 1873—1877, 1882, т. 33 (февр. и мартъ — переписка Павла — о военныхъ нуждахъ), 1883—1887, 1889, 1892, 1895, 1897, 1898, 1901, 1902.

Русскій Архивъ, годы 1864—1866, 1867—1870, 1872, 1877, 1890, 1904.

Саблуковъ Н. А., Записки о временахъ имп. Павла и кончинѣ этого Государя, пер. К. А. Военскаго, П., 1911 (см. также въ Сборникѣ „Цареубійство 11 марта 1801 г.", изд. А. С. Суворина, П., 1907).

де-Сангленъ Я. И., Записки (Рус. Старина, 1882, т. 36; ср. 1883, т. 37 и 40).

Сборникъ Археологическаго Института (въ Петроградѣ), кн. I, П., 1878.

Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 3, 20, 27, 29, 32, 45, 70, 90.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собственной Е. И. В. Канцеляріи, вып. IV (записка Н. И. Тургенева), П., 1901.

Сводъ Законовъ Россійской Имперіи, изд. 1832 и 1857 гг.

Сенатскій Архивъ, т. I. Именные указы имп. Павла I. П. 1888; т. XIII (Указы и повелѣнія имп. Екатерины II за іюль—декабрь 1763 и янв. 1764 г.), П., 1909; т. XIV (тоже, за февраль—декабрь 1764 г.), П., 1910.

Сперанскій М. М. гр., Планъ государственнаго преобразованія; съ приложеніемъ „Записки объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій въ Россіи" (1803 г.); статей „О государственныхъ установленіяхъ", „О крѣпостныхъ людяхъ" и Пермскаго письма къ имп. Александру). Изданіе „Русской Мысли", М., 1905.

Татищевъ В. Н., Краткія экономическія, до деревни слѣдующія, записки (Временникъ М. Общ. Ист. и Др. Росс., XII, смѣсь, стр. 12—23, М., 1852).

Толстой Юрій, Мелочи изъ прошлаго (Рус. Арх., 1865 г., стр. 1376 и сл.).

Тургеневъ А. М., Записки (Рус. Стар., 1885, т. 47 и 48; 1886, т. 49 и 52; 1887, т. 53; 1889, т. 61 и 62; 1895, т. 83 и 84; 1897, т. 89).

Тыртовъ Е., Анекдоты объ имп. Павлѣ I. М., 1807.

Ханенко А. И.: а) Разсказы генерала Котлубицкаго (Рус. Арх., 1866, стр. 1301 и сл.); б) Разсказы о старинѣ (тамъ же, 1868, стр. 1070—1080).

Храповицкій А. В., Дневникъ, изд. Н. Барсукова, П., 1874.

Хроника недавней старины, изъ архива Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго. П., 1876.

Цареубійство 11 марта 1801 года. Записки участниковъ и современниковъ (Саблукова, Вельяминова-Зернова, гр. Бенигсена, фонъ-Веделя, гр. Ланжерона, Фонвизина, княгини Ливенъ, кн. Чарторыйскаго, бар. Гейкинга, Коцебу). Изд. А. С. Суворина, 2-ое изд., П., 1908 (1-ое—1907).

Чарторыйскій кн. Адамъ, Мемуары, подъ редакціей А. А. Кизеветтера, изд. К. Ф. Некрасова. т. I и II. М., 1912.

Шишковъ (А. С.), адмиралъ, Записки, т. I и II. Берлинъ, 1870.

Щербатовъ М. М., Сочиненія, подъ редакціей И. П. Хрущова и А. Г. Воронова, т. II. П., 1898.

II.

Александренко В. Н., Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII в., т. I и II. Варшава, 1897.

Андреевскій И., О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ. П., 1864.

Анучинъ Е., Историческій обзоръ развитія административно-полицейскихъ учрежденій въ Россіи. П., 1872.

Арсеньевъ К., Статистическіе очерки Россіи. П., 1848.

Багалѣй Д. И., Отзывъ о сочиненіи Е. П. Трифильева „Очерки" (Записки И. Харьковскаго Университета, 1906, кн. 2).

Баіовъ А. К., проф., Военное дѣло въ эпоху имп. Павла I. („Исторія русск. арміи и флота", изд. т-ва „Образованіе", вып. III. М., 1911).

Барсковъ Я. Л., Переписка Московскихъ масоновъ XVIII в., П., 1915.

Барсовъ Т. В.: а) Св. синодъ въ его прошломъ, П., 1896; б) Синодальныя учрежденія прежняго времени, П., 1897 (то и другое первоначально въ Христ. Чтеніи, за 1895—1897 гг.).

Безродный А. В., О подготовленіи опытныхъ и образованныхъ дѣятелей для государственной службы — Ж. М. Ю., 1903, ноябрь.

Берендтсъ Э. Н., проф.: а) Опытъ системы административнаго права, т. I, вып. I, Ярославль, 1899 (ср. Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, 1900, кн. 79); б) Проекты реформы сената въ царствованіе имп. Александра I и Николая I (въ Исторіи прав. сената, т. III, 1—166).

von-Bernhardi, Theodor, Geschichte Russlands und europäischen Politik in den Jahren 1814 bis 1831, b. II. Leipzig, 1875.

Бильбасовъ В. А., Исторія Екатерины Второй, т. II. Лондонъ, 1895.

Благовидовъ Ѳ. В., Оберъ-прокуроры св. синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX ст. Казань, 1899.

Блиновъ И. А.: а) Губернаторы, Историко-юридическій очеркъ, П., 1905; б) Отношенія сената къ мѣстнымъ учрежденіямъ до реформъ 60-хъ годовъ—въ Исторіи прав. сената, т. III, 506—657.

Бліохъ И. С., Финансы Россіи XIX ст., т. I. П., 1882.

Blum, Ein russischer Staatsmann, II. Leipzig, 1857.

Боголюбовъ А., Очерки изъ исторіи управленія военнымъ и морскимъ духовенствомъ въ біографіяхъ главныхъ священниковъ его за время съ 1800 по 1901 гг. П., 1901.

Брикнеръ А. Г.: а) Записки гр. Ланжерона о русскомъ войскѣ (Рус. Мысль, 1896, № 9, 29—41; № 11, стр. 1—16); б) Смерть Павла I, со статьей В. И. Семевскаго, пер. М. Чепинской, П., 1907 (первоначально „R. R., Kaiser Pauls I Ende, 1801“, Stuttgart, 1897).

Б(урна)шевъ В., Очеркъ исторіи мануфактуръ въ Россіи, П., 1833.

Буцинскій П. Н., Отзывы о Павлѣ I его современниковъ. Харьковъ, 1901.

Валишевскій К., Сынъ Великой Екатерины—Имп. Павелъ I, П., 1914 (первоначально — Waliszewski, Le fils de la Grande Catherine—Paul 1-er, Paris, 1912).

Васильчиковъ А. А., Семейство Разумовскихъ, I—IV, П., 1880—1887.

Велицынъ А. А., Нѣмцы въ Россіи, П., 1893.

Вешняковъ В. И., Экспедиція государственнаго хозяйства (1797—1803)—Рус. Стар., 1901, кн. X, XI; 1902, VII и VIII).

Веретенниковъ В. И., Очерки исторіи генералъ-прокуратуры въ Россіи до—Екатерининскаго времени, Харьковъ, 1915.

Верховской П. В., Очерки по исторіи русской церкви въ XVIII и XIX ст., вып. I. Варшава, 1912.

Веселаго Ѳ., Очеркъ русской морской исторіи, ч. I. П., 1875.

Владимірскій-Будановъ М. Ф., Обзоръ исторіи русскаго права, 4-ое изд., Кіевъ, 1905 (ср. 6-ое изд., 1915 г.).

Wolf Gustav, Einführung in das Studium der neueren Geschichte, Berlin, 1910.

Гагенъ В. А., Отношеніе сената къ высшимъ государственнымъ установленіямъ, не подчиненнымъ его надзору—въ Исторіи прав. сената, т. III, 191—242.

Гливенко И. И., Россія временъ Екатерины II въ Il Poema Tartaro G. Casti (Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора-Лѣтописца, 1898 г., кн. XII).

Golovin Ivan, Histoire d' Alexandre I-er, Paris, 1859.

Государственный совѣтъ 1801—1901 гг.; составлено государственной канцеляріей, П., 1902.

Готье Ю. В., Исторія областного управленія въ Россіи отъ Петра I до Екатерины II, т. I, М., 1913.

Градовскій А. Д.: а) Высшая администрація XVIII ст. и генералъ-прокуроры, П., 1866 (см. также Собраніе сочиненій, т. I, П., 1899);

б) Начала русскаго государственнаго права, т. III. Органы мѣстнаго управленія (Собраніе сочиненій, т. IX, П., 1904).

Григоровичъ Н., Канцлеръ кн. А. А. Безбородко, т. II. П., 1881 (см. также Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ., т. 29).

Григорьевъ В., Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II. П., 1910.

Грибовскій В. М., Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія Екатерины II. П., 1901.

Денъ В. Э., Населеніе Россіи по пятой ревизіи, т. I, М., 1912.

Дитятинъ И. И., Устройство и управленіе городовъ Россіи, т. I, П., 1875; т. II, Ярославль, 1877.

Дмитріевъ Ѳ.: а) Исторія судебныхъ инстанцій, М., 1859 (или Сочиненія, т. I, М., 1899); б) Сперанскій и его государственная дѣятельность (Рус. Арх., 1868 г.; перепечатано въ „Сочиненіяхъ", т. II, М., 1900).

Довнаръ-Запольскій М. В.: а) Зарожденіе министерствъ въ Россіи и указъ о правахъ сената 8 сент. 1802 (Всемірный Вѣстникъ, 1904, № 2, 3 по преимуществу и 8); б) Обзоръ новѣйшей русской исторіи, I, изд. 2-ое, Кіевъ, 1915.

Ефименко А. Я., Изслѣдованія народной жизни, вып. I. М., 1884.

Заблоцкій-Десятовскій А. П., Гр. П. Д. Киселевъ и его время, I—IV, П., 1882.

Знаменскій И., Положеніе духовенства въ царствованіе Екатерины II и Павла I. М., 1880.

Ивановскій В. В., Коллегіальное начало въ министерской организаціи (Журн. Юридич. Общества, 1895, VII; ср. Русское государственное право, т. I, вып. I. Казань, 1896 и слѣдующія изданія).

Иконниковъ В. С.: а) Графъ Н. С. Мордвиновъ, П., 1873; б) Опытъ русской исторіографіи, т. I, кн. I. Кіевъ, 1891.

Исторія правительствующаго сената за двѣсти лѣтъ, 1711—1911 гг., т. I—V, П., 1911.

Исторія удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія (1797—1897), т. I—III. П., 1902.

Held und Corvin, Weltgeschichte, IV, Leipzig, 1864.

Кавелинъ К., Основныя начала рус. судоустройства и гражданскаго судопроизводства (Сочиненія, М., изд. 1859 г., ч. I; изд. 2-ое, т. IV, П., 1900).

Кизеветтеръ А. А.: а) Посадская община въ Россіи, М., 1903; б) Городовое положеніе, М. 1909; в) Историческіе очерки, М., 1912.

Ключевскій В. О.: а) Новая русская исторія (литографированный курсъ лекцій, читанныхъ въ 1883—1884 году); б) Императрица Екатерина II (Очерки и рѣчи, второй сборникъ статей, М., 1913, 312—385).

Кобеко Д. Ѳ., Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, 1-ое изд. 1882 г., 2-ое, П., 1883 (ср. 3 изд. 1887 г.).

Ковалевскій П. И., Императоръ Петръ III, Имп. Павелъ I. Психіатрическіе эскизы изъ исторіи, т. I, изд. 6-ое, П., 1909.

Коркуновъ Н. М., Русское государственное право, изд. 5-ое, т. II, П., 1905.

Корниловъ А. А., Курсъ исторіи Россіи XIX в., ч. I, М., 1912.

Корфъ М. А., бар., Жизнь гр. Сперанскаго, т. I—II. П., 1861.

Корфъ С. А., бар.: а) Дворянство и его сословное управленіе, П., 1906; б) Административная юстиція въ Россіи, т. I, П., 1910; в) Павелъ I и дворянство (Голосъ Минувшаго, 1913, VII, 5—18).

Крестьянскій строй, т. I—Сборникъ статей А. А. Корнилова, А. С. Лаппо-Данилевскаго, В. И. Семевскаго и И. М. Страховскаго, П., 1905.

Ланге Н., Древнее русское уголовное судопроизводство. П., 1884.

Лаппо-Данилевскій А. С.: а) Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи (въ сборникѣ „Крестьянскій строй", т. I, 1—156; П., 1905); б) Методологія исторіи, т. II. П., 1913.

Латкинъ В. Н., Учебникъ исторіи русскаго права, 2-ое изд., П., 1909.

Лебедевъ П. С.: а) Опытъ разработки новѣйшей русской исторіи по неизданнымъ источникамъ. Графы Никита и Петръ Панины, П., 1863; б) Преобразователи русской арміи въ царствованіе имп. Павла Петровича, 1796—1801 (Рус. Старина, 1877, февр. 227—260; апр. 577—608).

Лодыженскій К., Исторія русскаго таможеннаго тарифа, П., 1886.

Лохвицкій А. В., Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія, ч. I, П., 1864.

Лукомскій В. К., Кругъ вѣдомства департамента герольдіи—въ Исторіи прав. сената, т. IV.

Милюковъ П. Н.: а) Русская аграрная политика прошлаго столѣтія (Русская Мысль, 1890, № 5); б) Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформа Петра В., изд. 2-ое, П., 1905.

Милютинъ Д., Исторія войны 1799 г. между Россіей и Франціей въ царствованіе имп. Павла I; 1-ое изд. 1852 г.; 2-ое изд., т. I—V, П., 1857.

Министерство внутреннихъ дѣлъ. Историческій очеркъ (составленъ С. А. Адріановымъ), П., 1902.

Министерство финансовъ, 1802—1902, ч. I, П., 1902.

Моранъ П., Павелъ I до восшествія на престолъ (пер. съ франц.), М., 1912.

Морошкинъ М. о., Іезуиты въ Россіи, ч. I и II, П., 1867—1870.

Муравьевъ Н. В., Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности, I, М., 1889.

Николай Михайловичъ, Великій князь: а) Графъ П. А. Строгановъ, т. II, П., 1903; б) Императоръ Александръ I, т. I, П., 1912.

Нисселовичъ Л. Н., Исторія заводско-фабричнаго законодательства Россійской Имперіи, ч. I, П., 1883.

Нольде А. Э., Правительствующій сенатъ въ царствованіе Павла I—въ Исторіи прав. сената, т. II.

Огородниковъ С. Ѳ., Историческій обзоръ развитія и дѣятельности морского министерства, П., 1902.

Павловъ-Сильванскій Н. П.: а) Волненія крестьянъ при Павлѣ I; б) Отвѣтъ г. Трифильеву (двѣ статьи — рецензіи по поводу книги Е. П. Трифильева, первоначально—въ Ж. М. Н. П., 1905, февр. и дек.; перепечатаны: „Сочиненія, т. II—Очерки по русской исторіи XVIII—XIX вв.", П., 1910); в) вступительная статья къ изданію „Путешествія" А. Н. Радищева (П., 1905, VII—LXIX).

Панчулидзевъ С. А., Исторія кавалергардовъ, т. II, П., 1901.

Петрушевскій А., Генералиссимусъ кн. Суворовъ, 2-ое изд., П., 1900 (1-ое—1884).

Платоновъ С. Ѳ.: а) Столѣтіе кончины имп. Екатерины II (Сочиненія, т. I, П., 1912, стр. 234—248); б) Лекціи по русской исторіи, изд. 9-ое, П., 1915 (ср. изд. 5-ое и 8 ое).

Повалишинъ, Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные, Рязань. 1903.

Покровскій М. Н.: а) Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ, изд. т-ва „Міръ“, т. IV, М., 1912; б) статья „Павелъ Петровичъ“ — въ „Исторія Россіи въ XIX в.“, изд. бр. Гранатъ, т. I, М., 1912.

Покровскій С. П., Министерская власть въ Россіи, Ярославль, 1906.

Прѣсняковъ А. Е., Прав. сенатъ въ царствованіе Елисаветы Петровны—въ Исторіи Прав. Сената, т. II.

де-Пуле, Крестьянское движеніе при имп. Павлѣ Петровичѣ (Рус. Арх., 1869, 525—577).

Пыпинъ А. Н., Общественное движеніе при Александрѣ I, 1-ое изд., П., 1871; ср. 4-ое изд., П., 1908.

Rambaud A., Histoire de la Russie. 4-ое изд., Paris, 1893.

Ратчь В., Свѣдѣнія объ артиллеріи гатчинскихъ войскъ, П., 1851,

Романовичъ-Славатинскій А.: а) Историческій очеркъ губернскаго управленія отъ первыхъ преобразованій Петра до учрежденія 1775 г., Кіевъ, 1859; б) Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостного права, 2-ое изд., Кіевъ, 1912.

Рѣпинскій Г. К., Цензура въ Россіи при имп. Павлѣ (Рус. Стар., 1875, XI, 454—469).

Schiemann Theodor.: а) Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nikolaus I—Neue Materialien (Убіеніе Павла I и восшествіе на престолъ Николая I—Новые матеріалы), Berlin, 1902; б) Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I, в. I, Berlin, 1906.

Schnitzler, Kaiser Paul vor und nach Thronbesteigung, Leipzig. 1867.

Семевскій В. И.: а) Пожалованіе населенныхъ имѣній въ царствованіе имп. Павла (Рус. Мысль, 1882, № XII, 153—192); б) Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. I, П., 1888; в) Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II, т. I и II, П., 1901—1903; г) Вступительная статья въ книгѣ А. Брикнера, Смерть Павла I, П., 1907.

Семевскій М. И., Матеріалы къ русской исторіи XVIII в. (предисловіе и послѣсловіе—Вѣстникъ Европы, 1867, кн. I, 297—303; 322—330).

Сергѣевичъ В. И., Лекціи и изслѣдованія, П., 1883.

Середонинъ С. М., Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ, т. I, П., 1912.

Снегиревъ И., Жизнь москов. митрополита Платона, М., 1857.

Соловьевъ С. М., Исторія Россіи, изд. Общ. Пользы, кн. VI. П.

Sorel., L'Europe et la Revolution française, VI, VII. Paris, 1903.

Столѣтіе военнаго министерства. Историческій очеркъ развитія военнаго управленія въ Россіи, т. I (составленъ Н. А. Даниловымъ), П., 1902.

Столѣтіе учрежденія лѣсного департамента, 1798—1898, П., 1898.

Тарановскій Ѳ. В.: а) Политическая доктрина въ Наказѣ имп. Екатерины II (Сборникъ статей, посвящ. М. Ф. Владимірскому-Буданову,

Кіевъ, 1904); б) Догматика положительнаго государственнаго права во Франціи, Юрьевъ, 1911.

Тарле Е. В., Континентальная блокада, М., 1913.

Тельбергъ Г. Г., Правительствующій сенатъ и самодержавная власть въ началѣ XIX в. М., 1914 (ср. Ж. М. Н. П., 1910, янв.).

Темниковскій Е. Н., Положеніе Императора Всероссійскаго въ русской православной церкви (Юридич. Записки Демидовскаго Юридическаго Лицея, 1909, вып. I и отдѣльно).

Thiers, Histoire du Consulat et de l'Empire, t. III, Paris, 1845.

Толстой Д. гр., О первоначальномъ учрежденіи и послѣдовательныхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ адмиралтейской коллегіи (Морской Сборникъ, 1855, іюль).

Трифильевъ Е. П., Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи—Царствованіе имп. Павла Перваго, Харьковъ, 1904 (ср. рецензіи Багалѣя Д. И. и Павлова-Сильванскаго Н. П.).

Туганъ-Барановскій М., Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ, изд. 3-е, т. I, П., 1903.

Филипповъ А. Н.: а) Историческій очеркъ образованія министерствъ въ Россіи (Ж. М. Ю., 1902, № IX—ноябрь); б) Исторія русскаго права, ч. I, вып. III, Юрьевъ, 1906 (ср. Учебникъ исторіи рус. права, изд. 5-ое, Юрьевъ, 1914); в) Прав. сенатъ въ царствованіе Петра В. — въ Исторіи прав. сената, т. I.

Фойницкій, И. Я., Курсъ уголовнаго судопроизводства, т. I, изд. 3-е, П., 1902; т. II, П., 1910.

Чечулинъ Н. Д.: а) Русское провинціальное общество, П., 1889; б) Мемуары, ихъ значеніе и мѣсто въ ряду историческихъ источниковъ, П., 1891; в) Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II, П., 1906; г) Прав. сенатъ въ царствованіе Екатерины II — въ Исторіи прав. сената, т. II; д) Нѣсколько словъ о воинскихъ уставахъ имп. Павла Петровича (въ Сборникѣ статей въ честь Д. Ѳ. Кобеко, П., 1913, 12—25); е) Имп. Павелъ I Петровичъ—въ изданіи т-ва Сытина, „Государи изъ Дома Романовыхъ", т. II, М., 1913.

Чижъ В. Ѳ., Императоръ Павелъ I (Вопросы философіи и психологіи, 1908, кн. № 88, 89 и 90).

Шигуровъ М., Гробница кн. Потемкина (Рус. Арх., 1867).

Шильдеръ Н. К.: а) Императоръ Александръ I, т. I, П., 1900. б) Императоръ Павелъ I,—Историко-біографическій очеркъ, П., 1901.

Шумигорскій Е. С.: а) Императрица Марія Ѳеодоровна, т. I, П., 1892; б) Екатерина Ивановна Нелидова (Очеркъ изъ исторіи имп. Павла) изд. 2-ое, П., 1902; в) Императоръ Павелъ I — Жизнь и царствованіе, П., 1907 (первоначально въ Русск. Біограф. Словарѣ, П., 1902).

Щегловъ В. Г.: а) Государственный совѣтъ въ царствованіе имп. Александра I, Ярославль, 1885; б) тоже, т. II, вып. I, Ярославль, 1895.

Якушкинъ В., Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX вв., вып. I, М., 1890.

Ѳирсовъ Н. Н., Правительство и общество въ ихъ отношеніяхъ къ внѣшней торговлѣ Россіи въ царствованіе имп. Екатерины II, Казань, 1902.

Указатель личныхъ именъ [1]).

А.

---

[1]) Настоящій указатель составленъ моимъ слушателемъ—студентомъ Харьковскаго Университета В. П. Анисимовымъ, которому приношу за его трудъ мою благодарность.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

Р.

Т.

У.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Недосмотры и опечатки.

СТРАНИЦА:	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ:
13	11 сверху	Шачковскій	Шешковскій
19	5 „	деревнѣ—въ с. Богородицкомъ близъ Москвы.	своей деревнѣ и въ имѣніи Богородскомъ Тульской губ.
80	10 снизу	Іезититы	Іезуиты
„	3 „	Старымъ	старымъ
100	11 „	обогощеніемъ	обогащеніемъ
122	19 сверху	1862	1762
161	10 „	В. Е.	В. Г.
163	3 снизу	цесарича	цесаревича
199	7 „	169	159
280	4 „	митрополитъ	архіепископъ
308	14 сверху	нитересовъ	интересовъ
453 478	16 „ 1 „	И. Козловъ	П. Козловъ
486	9 „	гобернаторъ	губернаторъ
493	16 снизу	рутеновъ	рутенъ
495	6 сверху	разные	разныя.

